Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук

Северо-Кавказский федеральный университет

Южный федеральный университет

Гуманитарный фонд «Кавказ – новые горизонты»

Фонд региональных исследований «Страна»

НАРОДЫ КАВКАЗА в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура

Материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2023

УДК 94(47)(063)
Н30

Напечатано при финансовой поддержке
Северо-Кавказского федерального университета

Редакционная коллегия:
академик *Г.Г. Матишов* (отв. редактор)
д.г.н. *С.В. Бердников*, д.и.н. *А.В. Аверьянов*
к.филол.н. *Н.А. Власкина,* к.филол.н. *Т.Е. Гревцова*
д.и.н. *Е.Ф. Кринко*, *Р.Г. Михалюк*

Н30 **Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура:** материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. – 608 с. – ISBN 978-5-4358-0254-2.

В сборнике представлены материалы исследований Северо-Кавказского региона, посвященные изучению его истории, политики и культуры в XVIII–XXI вв. В предлагаемых читателю статьях рассматриваются актуальные проблемы кавказоведения, этнополитические, социально-экономические, демографические, социокультурные и религиозные процессы на Кавказе, а также национально-государственные преобразования, вооруженные конфликты и их последствия, вопросы геополитики и исторической памяти.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)(063)

ISBN 978-5-4358-0254-2

© ЮНЦ РАН, 2023
© Авторы, 2023

Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences

North-Caucasus Federal University

Southern Federal University

The Humanities Foundation "The Caucasus – New Horizons"

Foundation of Regional Research "The Country"

PEOPLES OF THE CAUCASUS in the 18th–21st Centuries: History, Politics, Culture

Proceedings of the 10th International Forum of Historians – Specialists in the Caucasian Studies (Rostov-on-Don, 12–13 October 2023)

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2023

UDC 94(47)(063)
M39

Published with the support from the North-Caucasus Federal University

Editorial Board:
Academician RAS *G.G. Matishov* (Managing Editor)
Dr (Geography) *S.V. Berdnikov*, Dr (History) *A.V. Averyanov*
PhD (Philology) *T.E. Grevtsova*, PhD (Philology) *N.A. Vlaskina*
Dr (History) *E.F. Krinko*, *R.G. Mikhalyuk*

M39 **Matishov, G.G. (Ed.) (2023). Peoples of the Caucasus in the 18th–21st Centuries: History, Politics, Culture:** Proceedings of the 10th International Forum of Historians – Specialists in the Caucasian Studies (Rostov-on-Don, 12–13 October 2023). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 608 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0254-2.

The proceedings present research materials on the Northern Caucasus Region, examining its history, politics, and culture in the 18th–21st centuries. The authors analyze relevant issues of the Caucasian studies, ethno-political, socio-economic, demographic, socio-cultural, and religious processes in the Caucasus, as well as national-state transformations, armed conflicts and their consequences, issues of geopolitics and historical memory.

The publication is intended for researchers, teachers, graduate students, students, and all readers interested in the subject.

UDC 94(47)(063)

ISBN 978-5-4358-0254-2

© SSC RAS (2023)
© Authors (2023)

Г.Г. Матишов, Е.Ф. Кринко

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ФОРУМЫ ИСТОРИКОВ-КАВКАЗОВЕДОВ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ (краткие итоги 2013–2022 гг.)[1]

Десятый форум историков-кавказоведов дает хороший повод для обобщения итогов его проведения за прошедшее десятилетие 2013–2022 гг. И дело не в круглом числе – номере очередного форума, а в том, что оно обозначает определенный период, позволяющий собрать и проанализировать необходимый эмпирический и статистический материал, характеризующий научную состоятельность мероприятия. К настоящему времени опубликованы обзоры первых форумов [2; 7; 17; 18; 20 и др.], но подобное обобщение еще не предпринималось.

Осмыслить феномен форумов историков-кавказоведов в пространстве современной науки вряд ли возможно без обращения к их истокам, связанным с зарождением традиций научного кавказоведения и его институционализацией в Ростове-на-Дону, ставшем в 1924 г. административным центром Юго-Восточной области, а затем – Северо-Кавказского края. Одним из важнейших последствий этого было открытие здесь краевого музея горских народов, а позднее – Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института (далее – НИИ) краеведения. Не все разрабатывавшиеся планы были реализованы уже потому, что в 1934 г. новым административным центром Северо-Кавказского края стал Пятигорск, а в 1937 г. – Ворошиловск (в настоящее время – Ставрополь). Вслед за краевым руководством переехали музей и институт, вскоре прекративший свое существование [19]. Тем не менее первые десятилетия советской власти отмечены появлением в Ростове-на-Дону ряда исследователей, специализировавшихся на изучении истории, языков и культуры Кавказа.

Важным этапом возобновления и институционализации кавказоведческих исследований в Ростове-на-Дону стала деятельность члена-корреспондента Академии наук СССР Ю.А. Жданова, в 1957–1988 гг. – ректора Ростовского государственного университета (в настоящее время – Южный федеральный университет, далее – ЮФУ). В 1969 г. он создал Северо-Кавказский научный центр высшей школы (далее – СКНЦ ВШ), выступавший организационным и методическим центром для многих вузов и научных учреждений региона. Формирование системы научных коммуникаций

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100347-2.

позволило реализовать ряд проектов. Самым крупным из них стал фундаментальный труд по истории народов Северного Кавказа, два тома которого вышли в 1988 г. [4; 5]. Необходимыми площадками для дискуссий стали издаваемые по инициативе Ю.А. Жданова академические журналы: с 1972 г. – «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы» (с 1993 г. – «Известия вузов. Северо-Кавказский регион»), с 1995 г. – «Научная мысль Кавказа», главным редактором которых он являлся. Ю.А. Жданов сыграл немаловажную роль и в личном профессиональном становлении многих историков из автономных республик, областей и краев Северного Кавказа.

Распад научных связей и межрегионального взаимодействия ученых на Северном Кавказе, произошедший в 1990-е гг. под влиянием политических событий и сопровождавшийся «растаскиванием» истории «по национальным квартирам», остро воспринимался Ю.А. Ждановым, всегда стремившимся к интеграции усилий гуманитариев региона. В 1998 г. в СКНЦ ВШ был открыт НИИ Кавказа. На следующий год в Ростове-на-Дону по инициативе Ю.А. Жданова состоялся съезд кавказоведов. Однако следующие съезды прошли уже без него.

В начале XXI в. в Ростове-на-Дону появилась новая академическая научно-исследовательская структура – Южный научный центр Российской академии наук (в настоящее время – Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, далее – ЮНЦ РАН) во главе с академиком Г.Г. Матишовым. Одним из ведущих направлений исследований ЮНЦ РАН стало изучение проблем безопасности в развитии Кавказа. В шести томах «Атласа социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России» (включая один специальный том, посвященный Северному Кавказу [11]) приведены результаты системного научного анализа различных острых проблем, имеющих решающее значение для обеспечения стабильности Северо-Кавказского макрорегиона. ЮНЦ РАН выступал головной организацией в реализации ряда программ фундаментальных исследований Президиума РАН, посвященных Югу России и Северному Кавказу, в которых принимали участие и другие академические научные центры РАН, расположенные во Владикавказе, Нальчике, Махачкале, Грозном, Элисте и Сочи, что позволило возродить между ними исследовательскую кооперацию. Проводимые ЮНЦ РАН конференции дали возможность для представления результатов исследований в области истории и современных процессов развития Северного Кавказа [14 и др.].

О необходимости «вывести историческое кавказоведение из тупика» [10: 9] говорилось на многих конференциях во Владикавказе, Грозном, Магасе, Майкопе, Махачкале, Нальчике, Пятигорске и других научных центрах. В сообществе кавказоведов ощущалась потребность в создании постоянной площадки для дискуссий. Неслучайно в первые десятилетия

XXI в. научные мероприятия кавказоведческой направленности стали активно проводиться во многих местах, в том числе в Азербайджане, Грузии, Польше и в других странах.

В Ростове-на-Дону эта идея была реализована В.В. Черноусом, в начале своей профессиональной деятельности участвовавшим в подготовке «Истории народов Северного Кавказа». Позже, возглавив Центр системных региональных исследований и прогнозирования Института повышения профессиональной квалификации (далее – ИППК) ЮФУ, В.В. Черноус стал одним из известных и авторитетных на Северном Кавказе специалистов-кавказоведов, что и позволило ему успешно реализовать задуманное.

Первый международный форум историков-кавказоведов состоялся 14–15 октября 2013 г. в Ростове-на-Дону в ЮФУ. Его организаторами выступили: ИППК ЮФУ, Академия наук Чеченской Республики, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, Российский институт стратегических исследований, Гуманитарный фонд «Кавказ – новые горизонты». В работе форума приняли участие представители 26 вузов и НИИ из России, Абхазии и Йемена. На форуме была принята Хартия историков-кавказоведов, в которой содержался призыв «к консолидации исторического цеха кавказоведов на основе отказа от политизации исторической науки, соблюдения объективности и всестороннего комплексного использования источников на основе их научной критики, принципа историзма». Для этого предлагалось «восстановить системные научные коммуникации, сделать форумы кавказоведов регулярными и провести конструктивные дискуссии с участием представителей всех школ и направлений по спорным проблемам истории Кавказа и Юга России на базе различных научных центров региона» [10: 235].

Через год, 15–16 октября 2014 г., в Ростове-на-Дону состоялся II Международный форум историков-кавказоведов, в котором приняли участие 53 исследователя из 11 регионов РФ, Абхазии, Азербайджана и Армении. Организаторами выступали те же учреждения, но само мероприятие, как и ряд последующих, проходило в ЮНЦ РАН (см. табл. 1). На форуме был принят Этический кодекс кавказоведа, призванный «способствовать нормализации взаимоотношений между кавказоведами, упрочению научных коммуникаций, конструктивному исследованию фундаментальных и актуальных проблем кавказоведения» [8: 203]. Отказавшись от отраслевого принципа, рабочая группа исходила из понимания кавказоведения как «комплекса социально-гуманитарных наук, предметом исследования которых является этот сложнейший регион» [8: 17]. В то же время с учетом особой роли исторической памяти и исторического профессионального сознания для народов Кавказа был сохранен «определенный акцент в пользу исторического кавказоведения» [8: 17]. Кодекс был структурирован

по сферам применения: 1) научная деятельность; 2) публикация научных работ; 3) взаимоотношения между кавказоведами; 4) образовательная деятельность [8: 203–207]. Признавая наличие этических проблем в вопросах финансирования научно-исследовательских работ в области кавказоведения и проведения научных мероприятий, но учитывая, что они регулируются соответствующими нормативно-правовыми актами и имеют специфику в разных видах научной деятельности, рабочая группа не включила данный раздел в Кодекс [8: 17].

Последующие форумы носили тематический характер. III форум «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» состоялся 17 ноября 2015 г. В нем участвовало 63 исследователя из 12 регионов России, Абхазии и Грузии [9].

19–20 октября 2016 г. прошел IV Международный форум историков-кавказоведов «Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием», в работе которого участвовали 89 человек из 12 регионов РФ, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Луганской Народной Республики (далее – ЛНР), Украины и Южной Осетии. Впервые на форуме работала секция «Кавказоведческие исследования молодых ученых», на которой были заслушаны 16 докладов [6].

Состоявшийся 15–16 ноября 2017 г. в г. Ростове-на-Дону, в ЮФУ и ЮНЦ РАН, V форум «Большой Кавказ: пространство взаимодействия цивилизаций и народов» вышел за рамки исторического кавказоведения [1]. В его программу были включены доклады не только по истории, но и по культурологии, литературоведению, этнополитологии, социологии, экономическому регионоведению ученых из 12 регионов РФ, Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии, Йемена и Польши. Наряду с опытными исследователями, активное участие в мероприятии приняли студенты и другие молодые ученые Кавказа. Отчасти это было связано с тем, что V форум проходил в рамках проводившегося ЮФУ I Международного кавказоведческого конгресса, включавшего экспертные и молодежные культурные мероприятия.

В 2018 г. самостоятельного форума историков-кавказоведов не проводилось. Но в рамках II Международного кавказоведческого конгресса (форума), проходившего в Ростове-на-Дону в ЮФУ и посвященного памяти ушедшего в этом году из жизни В.В. Черноуса, состоялось заседание специальной секции историков-кавказоведов на тему «Актуальные проблемы истории Кавказа и исторической памяти в регионе», в рамках которой были представлены 26 докладов 28 участников из 7 регионов РФ и Абхазии [3].

Следующий VI форум «Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России» проходил 13–15 ноября 2019 г. в Ростове-на-Дону, в ЮНЦ РАН и ЮФУ (соорганизаторами выступали Академия наук Чеченской Республики и Гуманитарный фонд «Кавказ – новые горизонты») при поддержке

Российского фонда фундаментальных исследований и стал наиболее представительным: в нем приняли участие 204 кавказоведа из 16 российских регионов, а также из Абхазии, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), Казахстана, ЛНР, непризнанной Нагорно-Карабахской Республики, Сирии, Украины и Южной Осетии [15]. Как и на предыдущем форуме, проводилась специальная секция «Проблемы исторического и современного кавказоведения в исследованиях молодых ученых», на которой было представлено 28 докладов.

Темой VII форума стали национально-государственные преобразования на Кавказе в прошлом и настоящем [16]. Он был приурочен к 100-летию создания на Северном Кавказе двух национальных автономий – Дагестанской АССР и Горской АССР. В работе форума участвовали 100 исследователей из 13 регионов РФ, Абхазии, Грузии, ДНР, Ирана, ЛНР, Швейцарии и Южной Осетии. В условиях пандемии мероприятие проводилось с определенными ограничениями в соответствии с рекомендациями Роспотребнадзора о соблюдении всех противоэпидемических мер по предупреждению распространения COVID-19, многие доклады были представлены в онлайн-формате. При этом за два дня работы было проведено наибольшее количество заседаний за всё время проведения форумов – 10 пленарных, секционных и круглых столов.

Два последних форума проходили за пределами Ростова-на-Дону на общую тему «Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура». 13–15 октября 2021 г. состоялся VIII форум в Пятигорске, в музейно-выставочном комплексе «Россия – моя история» и Пятигорском институте (филиале) Северо-Кавказского федерального университета (далее – СКФУ). В нем участвовали 139 человек из 15 регионов РФ, Абхазии, Грузии, ДНР, ЛНР и Швейцарии. Соорганизаторами выступили ЮНЦ РАН, СКФУ, ЮФУ, Академия наук Чеченской Республики, Гуманитарный фонд «Кавказ – новые горизонты» и Фонд региональных исследований «Страна» [12].

IX форум состоялся 17–18 октября 2022 г. в Черкесске, в Северо-Кавказской государственной академии (далее – СКГА), ставшей одним из соорганизаторов форума. Форум был посвящен 100-летию образования СССР, поэтому особое внимание в докладах уделялось событиям и процессам первых десятилетий советской власти. В форуме приняли участие 92 ученых из различных институтов и образовательных учреждений 16 регионов РФ, а также из Абхазии, Азербайджана, Грузии и ЛНР [13].

Во всех международных форумах историков-кавказоведов в 2013–2022 г. приняли участие представители 19 стран и 21 региона РФ (см. табл. 1). Среди них немало постоянных участников: это свидетельствует о том, что за всё это время форумы сохранили для них научный интерес. Еще больше тех, кто присоединился в последующие годы. К сожалению, ушли из жизни

многие кавказоведы, принимавшие участие в форумах. Всего в 2013–2023 гг. на девяти международных форумах и одной секции историков-кавказоведов было представлено свыше 900 докладов.

Таблица 1. Форумы историков-кавказоведов в 2013–2022 г.: общее количество участников, стран и регионов

Годы	Форумы	Участники	Страны	Регионы РФ	Дни/ заседания	Принимающая организация
2013	1	57	3	11	2/3	ЮФУ
2014	2	53	4	11	2/3	ЮНЦ РАН
2015	3	63	3	12	1/2	ЮНЦ РАН
2016	4	89	9	12	2/4	ЮНЦ РАН
2017	5	92	6	12	2/3	ЮФУ / ЮНЦ РАН
2018	б/н	28	2	7	1/1	ЮФУ
2019	6	204	14	16	2/9	ЮНЦ РАН / ЮФУ
2020	7	100	8	13	2/10	ЮНЦ РАН / ЮФУ
2021	8	139	6	15	2/8	Парк «Россия – моя история» / СКФУ (Пятигорск)
2022	9	92	5	16	2/8	СКГА

Таблица 2. Форумы историков-кавказоведов в 2013–2022 г.: страны-участники

Страны	Форумы										Всего
	1	2	3	4	5	б/н	6	7	8	9	
Абхазия	1	1	2	0	2	1	4	3	2	5	21
Азербайджан	0	1	0	1	6	0	17	0	0	1	26
Армения	0	1	0	1	3	0	4	0	0	0	9
Белоруссия	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	2
Германия	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Грузия	0	0	1	1	1	0	2	5	1	1	12
ДНР	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	3
Израиль	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
Иран	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1
Йемен	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	4
Казахстан	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
ЛНР	0	0	0	1	0	0	1	1	1	1	4
Нагорный Карабах	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Польша	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1
Россия	53	50	60	81	78	27	168	87	133	84	821
Сирия	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Украина	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	2
Швейцария	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	2
Южная Осетия	1	0	0	1	0	0	1	1	0	0	4
Всего	**57**	**53**	**63**	**89**	**92**	**28**	**204**	**100**	**139**	**92**	**917**

Подавляющее большинство участников представляют государства Кавказа, а из российских регионов – республики и края Северного Кавказа. Однако со временем в форумах стали принимать участие и представители многих других стран (см. табл. 2) и регионов (см. табл. 3). Всего в 2013–2022 гг. российские участники представили на девяти форумах и одной секции около 800 докладов, зарубежные – свыше 90 докладов.

Таблица 3. Форумы историков-кавказоведов в 2013–2022 г.: российские участники по регионам

Регионы	**Форумы**										**Всего**
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**б/н**	**6**	**7**	**8**	**9**	
Астраханская область	0	0	1	1	0	0	1	0	1	0	4
Волгоградская область	0	0	1	2	0	0	2	0	0	3	8
Кабардино-Балкария	3	3	5	3	6	3	7	1	9	1	41
Карачаево-Черкесия	1	1	0	1	2	0	4	0	2	11	22
Краснодарский край	5	4	6	6	3	0	11	5	11	8	59
Москва	1	1	2	3	0	0	7	2	7	5	28
Московская область	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Адыгея	1	4	1	1	4	1	8	3	3	2	28
Башкортостан	0	0	0	0	0	0	0	3	2	1	6
Дагестан	4	5	10	4	2	0	8	3	9	8	53
Ингушетия	2	0	2	0	4	2	9	1	3	2	25
Калмыкия	0	0	1	0	0	1	2	0	0	0	4
Коми	0	0	0	0	0	0	0	0	3	2	5
Крым	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1
Северная Осетия – Алания	3	2	0	1	11	2	10	6	3	1	39
Татарстан	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Ростовская область	25	21	20	43	30	14	49	43	33	13	291
Санкт-Петербург	0	0	0	0	4	0	3	1	4	2	14
Ставропольский край	2	2	3	10	7	1	31	10	36	20	122
Тверская область	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Чечня	6	5	8	6	4	3	15	9	7	4	67
Всего	**53**	**50**	**60**	**81**	**78**	**27**	**168**	**87**	**133**	**84**	**821**

За десятилетие своего существования форумы создали значительные возможности для обсуждения насущных вопросов современного кавказоведения, представления результатов изучения проблем истории и культуры Кавказа и стимулирования к ним интереса, в том числе среди молодых ученых, разработки новых проектов и решения других исследовательских и научно-организационных задач. К сожалению, надежды на то, что принятые на первых форумах историков-кавказоведов документы сразу прекратят «бои за историю», полностью не оправдались. И после них продолжали появляться публикации в духе воинствующего неприятия работ ученых из соседних регионов. Тем не менее форумы позволили существенно снизить

сам накал идеологического противостояния, став хорошей площадкой для научного диалога и поиска основ для взаимопонимания представителей различных историографических школ и направлений.

Мы рассчитываем, что и X Международный форум историков-кавказоведов пройдет на высоком научном уровне, заданном предыдущими мероприятиями. Заявки на участие в нем подали свыше 140 ученых из 18 регионов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Республики Коми, Крыма, Северной Осетии – Алании, Чечни, ЛНР, Астраханской, Волгоградской, Ростовской и Челябинской областей, Краснодарского и Ставропольского края), а также из Грузии, Абхазии, Казахстана и Южной Осетии. В современных условиях проведение форума приобретает дополнительную актуальность, связанную с необходимостью коллективного обсуждения профессиональным сообществом ответов на новые внешние и внутренние вызовы, заданные изменившейся геополитической ситуацией на Кавказе. В данной связи хочется выразить искреннюю признательность нашим надежным стратегическим партнерам по организации и проведению X Международного форума историков-кавказоведов – Южному и Северо-Кавказскому федеральным университетам, Гуманитарному фонду «Кавказ – новые горизонты» и Фонду региональных исследований «Страна».

В представляемый читателям сборник материалов X Международного форума историков-кавказоведов вошли 93 статьи от 113 авторов, среди которых как уже состоявшиеся ученые, так и начинающие исследователи. Надеемся, что публикация данных работ предоставит хорошую возможность не только сформулировать актуальные задачи развития современного кавказоведения в меняющемся мире, но и совместно постараться найти ответы на поставленные перед нами вопросы.

Источники и литература

1. Большой Кавказ: пространство взаимодействия цивилизаций и народов: материалы V Международного форума историков-кавказоведов (15–16 ноября 2017 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2017.

2. *Дьяченко А.Н.* Россия и Кавказ: к новому осмыслению исторического пути (о сборнике «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства: материалы III Международного форума историков-кавказоведов». Ростов н/Д., 2015) // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4. С. 295–299.

3. Идентичности на Кавказе: от конфронтации к консолидации: материалы II Международного форума кавказоведов (19–22 ноября 2018 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. А.В. Сериков. Ростов н/Д., 2018.

4. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. М., 1988.

5. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. М., 1988.

6. Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием: материалы IV Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 19–20 октября 2016 г.) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2016.

7. *Крамарова Е.Н.* Профессиональная и этическая ответственность кавказоведов (к итогам работы II Международного форума историков-кавказоведов) // Гуманитарий Юга России. 2014. № 4. С. 186–192.

8. Материалы II Международного форума историков-кавказоведов (15–16 октября 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2014.

9. Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2015.

10. Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14–15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2013.

11. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. V. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Специальный выпуск / Г.Г. Матишов, Л.В. Батиев, И.В. Пащенко, И.В. Романов. Ростов н/Д., 2011.

12. Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.): в 2 ч. / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2021.

13. Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы IX Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию образования СССР (г. Черкесск, 17–18 октября 2022 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2022.

14. Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: материалы всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 13–15 сентября 2011 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2011.

15. Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России: материалы VI Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13–15 ноября 2019 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2019.

16. Национально-государственные преобразования на Кавказе: опыт прошлого и современные тенденции. Материалы VII Международного

форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 ноября 2020 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2020.

17. *Патракова В.Ф.* Историческое кавказоведение: от бескомпромиссной полемики к конструктивному диалогу (Материалы международного форума историков-кавказоведов. 14–15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д, 2013. 244 с.: прил.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 2. С. 106–109.

18. *Шхачемуков Р.М.* Международные форумы историков-кавказоведов: рождение традиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Вып. 4 (249). С. 139–144.

19. Caucasica: Кавказоведение. Страницы прошлого. По материалам архива и библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С.М. Кирова (1926–1937): антология / сост. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. Ростов н/Д., 2017.

20. *Khlynina T.P.* The Second Forum of Caucasus Studies Historians // Russkaya Starina. 2014. Vol. (12). № 4. P. 239–240.

Раздел 1
Актуальные проблемы кавказоведения: подходы, оценки, источники

М.Е. Колесникова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Среди столичных центров, занимавшихся археологическим изучением Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в., особое место занимала Императорская археологическая комиссия (далее – ИАК) – первое государственное археологическое учреждение страны. Интеграция Кавказского края в Российскую империю в середине – второй половине XIX в. способствовала распространению исследовательских интересов ИАК и интенсификации археологических разысканий в регионе. Время работы комиссии на Кавказе совпало с рядом внешне- и внутриполитических событий, повлиявших на положение дел в регионе и ускоривших процесс его научного изучения. Реформы Александра II, «замирение» Кавказа способствовали процессу сближения края с другими территориями России, введению общероссийской системы государственного управления. Согласно административно-территориальному делению, в 1880-е гг. Северный Кавказ включал Кубанскую, Терскую, Дагестанскую области и Ставропольскую губернию. В рамках этих территорий и проводилась исследовательская деятельность ИАК. Установленные административные границы существенно влияли на характер, интенсивность и содержание исследований, так как не совпадали с ареалами древних археологических культур, историческими границами древних государств, территориями проживания местных народов.

Рост интереса к памятникам древности в регионе был связан с началом прокладки путей сообщения. Строительство дорог было первостепенной задачей после завершения Кавказской войны и старта социально-экономических преобразований в крае. Попутно с транспортными коммуникациями строились новые города и поселения. Строительные и земляные работы привели к обнаружению целого ряда археологических памятников. В 1863 г. ИАК осуществляла наблюдение при прокладке Северо-Кавказской железной дороги (д. 21, л. 167)[1]. В 1882 г. раскопки в двух верстах от аула Чми в Воровской балке по Военно-Грузинской дороге производил член-корреспондент ИАК, профессор Д.Я. Самоквасов (д. 68, л. 46–47, 67–69, 79–81, 89–92).

В 1861 г., в связи с археологическими раскопками золотоордынских городов Поволжья, ИАК поставила вопрос о необходимости изучения и охраны известного памятника Северного Кавказа – Маджар. Была представлена обстоятельная записка востоковеда-арабиста, археолога, нумизмата, сотрудника комиссии В.Г. Тизенгаузена о планируемых им раскопках на развалинах Маджар, обусловленных работами по изучению «татарского владычества в России» (д. 14; 3, л. 39, 47–48). Поездка не состоялась. В 1874 г. В.Г. Тизенгаузен проводил археологические раскопки на Тамани (Северо-Западный Кавказ), в 1875–1878 гг. – раскопки кургана Семь Братьев на левом берегу Кубани, в 1879 г. – раскопки близ ст. Абинской и Сенной Кубанской области. В период 1881–1883 гг. он исследовал памятники вблизи Анапы Кубанской области (д. 3; 4; 8; 11; 18; 22; 24, л. 88).

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. изучением Северного Кавказа начинает активно заниматься Московское археологическое общество (далее – МАО). Организованный МАО V (Тифлисский) Археологический съезд 1885 г. открыл новую страницу в отечественном кавказоведении. К разработанной МАО программе исследования Кавказа впоследствии присоединились и члены ИАК. В течение многих лет памятники Кавказа изучали А.А. Бобринской, Н.И. Веселовский, Н.П. Кондаков, Д.Я. Самоквасов, Н.Е. Макаренко, Н.Я. Марр, Э.А. Реслер и др.

Так, в 1888 г. открытый лист на обследование памятников на Кавказе был выдан А.А. Бобринскому, который представил в комиссию опись находок, найденных и купленных на Кавказе археологических предметов, рисунки находок и описание таблиц к ним (д. 64). В 1891 г. на проведение раскопок в пределах Таврической губернии, Земли войска Донского, Кубанской, Терской областей ему было выделено 1500 руб. (д. 53).

---

[1] Здесь и далее в целях оптимизации объемного справочного аппарата статьи в круглых скобках приводятся номера дел, хранящихся в архиве Института истории материальной культуры Российской академии наук (далее – ИИМК РАН), фонде 1, описи 1. – *Прим. ред.*

За 1880 г. имеется донесение Н.П. Кондакова о раскопках в ст. Курчанской Кубанской области (д. 11). В 1889 г. на него было возложено обозрение монастырей Кавказа и составление описи находящихся в них предметов. Его переписка с ИАК, изображение древних вещей, рукопись «Описи памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии» хранятся в фонде ИАК в Архиве ИИМК РАН (д. 69).

С 1889 по 1917 г. ежегодно по поручению ИАК раскопки на городищах и могильниках Юга России производил действительный член ИАК, профессор Н.И. Веселовский (д. 2; 14; 16; 22; 39; 41; 52; 60; 61; 64; 65; 73; 75; 85; 93; 103; 204; 232). Он раскопал сотни курганов, среди которых известный Майкопский курган (1897 г.) [3; 5]. В 1899 г. он производил раскопки в Ставропольской губернии и Кубанской области. В фонде ИАК хранятся опись и фотографии находок и раскопок курганов х. Штурбина, ст. Ново-Лабинской, Воздвиженской, аула Хатажукаевского, рукописи «Курганы на х. Зубовском Майкопского отдела Кубанской области», «Курганы х. Штурбина», «Ст. Воздвиженская», «Курганы на уч. И.П. Харина близ Хатажукаевского аула (Майкопский отдел)», «Курган в Юрте аула Хатажукаевского» (д. 96). В 1909–1910 гг. у сел Старомарьевского, Ореховки, Высоцкого и Александрии он вел раскопки, в ходе которых было исследовано несколько крупных курганных насыпей [8: 3].

Всего за указанный период Н.И. Веселовским было проведено 29 полевых сезонов, которые «представляли собой настоящий подвиг ученого, обогатившего русскую и мировую науку блистательными открытиями, сформировавшими культурно-исторический облик скифской археологии» [16: 237]. Ряд материалов из его раскопок и их результаты были опубликованы в «Отчетах Археологической комиссии» [19: 33–46, 135; 20: 66–89; 21: 65–91]. В рамках своих исследований он занимался разработкой методики ведения археологических раскопок, подчеркивал необходимость изучения городов и поселений как важнейших исторических источников, поднимал проблему охраны археологических памятников и отсутствия надлежащего законодательства на этот счет [1; 2; 4: 14, 17–21].

В связи с необходимостью привлечения местных исследователей к изучению памятников древности в октябре 1871 г. при участии ИАК в Тифлисе был образован Кавказский археологический комитет, в 1873 г. преобразованный в Тифлисское общество любителей кавказской археологии. С ноября 1872 г. стал издаваться журнал «Кавказская старина» (редактор – археолог А.Д. Ерицов (Ерицян) (1840–1902)). Среди тех, кому выдали открытые листы, были П.И. Хицунов (в 1869 г. на раскопки древнего городища близ ст. Елизаветовской) (д. 10), преподаватель Владикавказского реального училища В.И. Долбежев (в 1886–1888, 1891, 1897 гг. на исследование старинных могильников и городищ в Терской области (д. 12; 13; 18; 20; 67; 137; 16, л. 10–11), в 1898 г. – на раскопки в районе строящейся Дербентской ветки

Владикавказской железной дороги в Сунженском отделе Терской области (д. 45), в 1902 г. – на раскопки в районе Грозненского округа Терской области (д. 36), в 1904 г. – на раскопки в пределах Владикавказского округа Терской области (д. 72)). В архиве ИИМК РАН хранятся рукописи В.И. Долбежева «Археологические изыскания в Кавказских горах в 1886 г. по поручению Императорской Археологической комиссии», «О раскопках во Владикавказском округе Терской области, в Джейраховском ущелье», «Археологические раскопки близ станции ж/д Кая-Кент Дагестанской области по поручению Императорской Археологической комиссии», «Археологические раскопки в Малой Кабарде Терской области по поручению Императорской Археологической комиссии».

В 1886 г. открытый лист на раскопки в а. Верхний Кобан Терской области получил Х. Кануков (д. 20, л. 13–14); в 1888 г. на производство раскопок на казенных и общественных землях Грозненского округа – начальник Грозненского округа Чураковский (д. 22, л. 20); в 1891 г. на раскопки близ ст. Варениковской Кубанской области – учитель Птушенко (д. 181); в 1889 г. на производство раскопок в пределах Кубанской области на берегу р. Большой Зеленчук – Д.М. Струков (д. 1, л. 246); в 1891–1893 гг. на раскопки в пределах Кубанской области, в том числе близ с. Михаэльсфельд, – К.Е. Думберг (д. 37; 39, 39 а; 84; 135; 140; 165); в 1894 г. на раскопки в Нальчикском округе Терской области – начальник округа подполковник Вырубов (д. 37).

В 1896 г. раскопки на частных землях в Нальчикском округе Терской области по поручению ИАК проводил художник И.А. Владимиров. В 1898 г. он вел исследования во Владикавказском и Нальчикском округах Терской области, в 1899 г. – в Баталпашинском отделе Кубанской области (д. 40; 102; 215). В архиве комиссии сохранились его рукописи «Раскопки на Песчанке» с планом местности, рисунками находок и могил; «Раскопки у древнего Сентинского храма» с планом местности, планами и рисунками мавзолея, старинного храма, рисунками типов могильных сооружений, планом развалин старинного храма у р. Амгаты; «Древний христианский храм близ аула Сенты Кубанской области на р. Теберде» с рисунками и описанием древнего Сентинского храма, фотографиями остатков живописи храма и находок. Часть из них была опубликована в «Известиях Императорской археологической комиссии» [6: 1–14; 7: 104–106]. В 1900 г. он получил письмо от ИАК, в котором ему предлагалось доисследовать курган на г. Брык у с. Султановского в Александровском уезде Ставропольской губернии. На проведение работ и приобретение случайных находок у местных жителей ему было отпущено 400 руб. и выдан открытый лист (д. 109, л. 1, 3–4, 7). В ходе работ был исследован курган и обнаруженный внутри разрушений большой прямоугольный склеп. Описание части найденных предметов было опубликовано в «Отчетах Археологической комиссии» [19: 49–51].

И.А. Владимиров доисследовал и располагавшиеся рядом два небольших кургана. Осенью 1901 г. он вновь совершил поездку на г. Брык, получив известие о разграблении кургана и найденных многочисленных предметах древности. Все вещи, приобретенные им у местных жителей, были сданы в ИАК, а затем отправлены в Эрмитаж. Подробные отчеты о раскопках, полевые дневники, акварельные рисунки кургана, планы местности и раскопа, зарисовки каменных конструкций и вещей, а также фотографии хранятся в Архиве ИИМК РАН (д. 109, л. 19–49). Там же хранятся рукописи И.А. Владимирова «Раскопки Султановского кургана», «Дополнительная поездка на гору “Брык”», а также рукопись Н.И. Веселовского «Раскопки Владимирова в Ставропольской губернии», составленная для ИАК.

В 1896–1898, 1900 и 1903 гг. открытые листы на раскопки в пределах Кубанской области получил преподаватель Екатеринодарской гимназии, член Общества любителей изучения Кубанской области (далее – ОЛИКО) В.М. Сысоев (д. 38; 45; 55; 80; 85; 118); в 1898 г. – Я.Г. Семенцов и В.И. Духонь (д. 80); в 1900 г. на раскопки в ст. Михайловской и Ильской Кубанской области – священник М.И. Полянский (д. 173); в 1904–1906, 1908–1909 гг. на раскопки в пределах земель г. Екатеринодара и Екатеринодарского отдела, Темрюкского, Лабинского, Кавказского, Майкопского, Вольного, Армавирского отделов Кубанской области – дворянин М.Г. Коссович (д. 71); в 1909 г. на раскопки в пределах Баталпашинского отдела Кубанской области – подъесаул Его Императорского Величества конвоя Д.К. Абациев (д. 231); в 1909–1910 гг. – член ОЛИКО К.Т. Живило (д. 12, 79); в 1909 г. – хранитель Этнографического отделения Русского музея А.А. Миллер (д. 40), отставной полковник В.Л. Тимофеев [9: 174–175, 201–203]; в 1913 г. – член Русского археологического общества В.Н. Глазов (д. 350); в 1913 и 1916 гг. – И.Е. Гладкий (д. 132; 336); в 1914 г. – А.С. Федоровский (д. 294).

На археологические исследования в пределах Ставропольской губернии открытые листы получили: в 1897 г. на раскопки курганов в окрестностях с. Ново-Павловского – учитель Ново-Павловского училища С.Ф. Бельский [22]; в 1899 г. на раскопки близ с. Летницкого Медвежинского уезда – С.А. Соловьев (д. 65); в 1900 г. на раскопки в Александровском уезде и в 1901 г. – на раскопки в с. Прасковее и Благодарном Новогригорьевского уезда – штабс-капитан Л.Ф. Бржезинский (д. 39; 213). В июле 1902 г. исследование археологических памятников около аула Канглы Александровского уезда Ставропольской губернии проводил слушатель Санкт-Петербургского археологического института поручик В.Р. Апухтин. Материалы этих раскопок были введены в научный оборот на XII (Харьковском) Археологическом съезде [11: 54; 15].

На раскопки в пределах Терской области открытые листы в период 1902–1903, 1906, 1908 гг. получил поручик В.Р. Апухтин. Дневники его раскопок

в Пятигорском отделе и Нальчикском округе Терской области с рисунками погребений и описью предметов хранятся в фонде ИАК (д. 107; 110; 134; 289; 113, л. 5–8; 162, л. 27–28). В 1906 г. памятники Кабардино-Пятигорья изучал В.А. Скиндер (собранные им коллекции позже были переданы в пятигорский музей) (д. 67) [14: 37]. В 1912 г. открытый лист был выдан врачу Воронову (д. 195); в период 1912–1914 гг. – хранителю Терского областного музея П.П. Распопову (д. 91; 326; 386); в 1913 и 1915 гг. – Ф.С. Панкратову (на раскопки у городища Татар-Туп, в окрестностях ст. Фельдмаршальской Сунженского уезда, у ст. Карабулак); в 1913 г. – преподавателю Нальчикского реального училища С.И. Покровскому (д. 215).

Изучением памятников Пятигорья в начале XX в. по поручению ИАК занимался приват-доцент университета св. Владимира А.Н. Грен. В 1902 г. он получил открытый лист на раскопки в пределах шотландской колонии Каррас Пятигорского отдела (ныне часть п. Иноземцево) и Рим-горы близ г. Кисловодска Терской области. В 1903 г. А.Н. Грен проводил раскопки у ст. Кисловодской, близ оз. Николаевского у с. Каррас (д. 85). В 1904–1905 гг. он получил открытые листы на раскопки в пределах Пятигорского отдела, Нахичеванского и Хасав-Юртовского округа Терской области (д. 48, 52). В 1904 г. А.Н. Грен возглавил маршрутную экспедицию от Волги до Осетии с целью обнаружения хазарских древностей [12: 18]. В 1905 г. открытый лист на раскопки в пределах окрестностей г. Пятигорска, Кисловодска, Железноводска Терской области получил К.М. Вишневский (д. 86). В 1907 г. открытый лист на раскопки в окрестностях Пятигорска получил член-сотрудник ИАК Н.Е. Макаренко (д. 43).

В 1889 г. по поручению ИАК изучением курганных древностей Крыма и Кавказа занимался студент Санкт-Петербургского университета Я.И. Смирнов. Ему было дано поручение составить опись древних вещей, хранящихся в Тифлисском музее, и с важнейших из них снять копии надписей, сделать фотографические снимки, описать коллекцию музея (д. 44). В 1907 г. студент Военно-медицинской академии А.А. Драницын получил открытый лист на раскопки в пределах аула Кобан Владикавказского округа Терской области (д. 93). Комиссия старалась максимально использовать местных специалистов, историков-любителей и краеведов в проведении археологических обследований и охране памятников древности, тем самым способствовала подготовке национальных научных кадров.

В деятельности ИАК по изучению различных районов Кавказа и Предкавказья современные исследователи выделяют несколько этапов [13: 780]. Первый этап – 1859–1874 гг. – время, когда археологические исследования проводились только силами самих членов комиссии и преимущественно в двух регионах: на Таманском полуострове и в области Войска Донского, изучались античные и скифские древности. На втором этапе –

в 1875–1885 гг. – активизируется деятельность ИАК в регионе в силу стабилизации политической обстановки, расширяется география археологических исследований, усиливается интерес к местным древностям. На этот период приходится работа в регионе МАО, проведение V Археологического съезда в Тифлисе. Третий этап – 1886–1914 гг. – связан с новыми подходами в деятельности ИАК, систематическим археологическим изучением региона по специально разработанным программам. В поле зрения ученых попадает весь Кавказ, исследуются памятники большого хронологического и культурного диапазона, от каменного века до Средневековья. На этом этапе в изучение археологических памятников Северного Кавказа включаются местные исследователи.

В целом деятельность ИАК была направлена главным образом на накопление материалов по древней истории кавказских народов и охрану памятников древности. Аналитическое осмысление добытого археологического материала происходило позже, в советский период. Полученный материал стал базой для создания первых схем периодизации археологических культур Северного Кавказа [10; 18]. В их основу были положены археологические памятники, открытые членами и сотрудниками ИАК. Среди них Майкопский курган и гробницы у ст. Новосвободной, раскопанные Н.И. Веселовским и давшие возможность рассматривать сегодня на Северо-Западном Кавказе майкопско-новосвободненскую культурно-историческую общность. Полевые исследования Н.И. Веселовского на территории Кубанской области позволили выделить скифскую и белореченскую культуры кочевников. Изучение мегалитических памятников Е.Д. Фелицыным подготовило почву для выделения дольменной культуры Западного Кавказа. Советские археологи Е.И. Крупнов и В.И. Марковин при характеристике северокавказской культуры бронзового века опирались на материалы и музейные коллекции, собранные сотрудниками ИАК [14; 17]. Оценивая роль комиссии в изучении Кавказа, современные исследователи отмечают, что накопленный ею научный потенциал оказался столь значительным, что к нему по-прежнему обращаются археологи.

Источники и литература

1. *Веселовский Н.И.* В защиту русской археологии // Новое время. 1906. 20 сентября.

2. *Веселовский Н.И.* Записки о приемах или производстве раскопок // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 году. Т. III. М., 1911. С. 99–104.

3. *Веселовский Н.И.* Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 году. Т. 1. М., 1905. С. 341–373.

4. *Веселовский Н.И.* Первобытные древности (история Южной России). СПб., 1901.

5. *Веселовский Н.И.* Перечень раскопанных в 1895 г. курганов в Кубанской области и найденных в них древностей. СПб., 1895.

6. *Владимиров И.А.* Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 4. СПб., 1902. С. 1–14.

7. *Владимиров И.А.* Развалины старинного храма близ речки Амгаты // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 1. СПб., 1901. С. 104–106.

8. *Державин В.Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991.

9. Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 23. Вып. 2. М., 1914.

10. *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 3) / под ред. М.И. Артамонова. М.; Л., 1941. С. 7–50.

11. Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 5. СПб., 1903.

12. Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 16. СПб., 1905.

13. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин; под общ. ред. Е.Н. Носова. СПб., 2009.

14. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

15. Кубанские областные ведомости. 1902. № 186.

16. *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.

17. *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) (Материалы и исследования по археологии СССР № 93). М., 1960.

18. *Миллер А.А.* Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 1–2. С. 47–51.

19. Отчеты Императорской Археологической комиссии за 1900 год. СПб., 1902.

20. Отчеты Императорской Археологической комиссии за 1901 год. СПб., 1903.

21. Отчеты Императорской Археологической комиссии за 1902 год. СПб., 1904.

22. *Прокопенко Ю.А.* О раскопках краеведов в юго-восточных районах Ставропольской губернии в 1897–1898 гг. // Прозрителевские чтения: сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 3 / под ред. С.Н. Савенко. Ставрополь, 2007. С. 32–33.

Д.С. Кидирниязов

РУССКИЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ АВТОРЫ XV – НАЧАЛА XX в. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НОГАЙЦЕВ[1]

В отечественной историографии до 1917 г. русских и иностранных авторов, посещавших Крым, Кавказ, Нижнее Поволжье в XV – начале XX в., в широком смысле называют путешественниками, но последними являлись лишь И.А. Гюльденштедт, И.Г. Георги, П.С. Паллас, И.Г. Гмелин. Они посетили указанные регионы для ознакомления с природой, политической и социально-экономической жизнью, традициями и обычаями местных народов [6: 377–386]. Однако среди них были и лица, которые приезжали по коммерческим, официальным вопросам, в роли коммерсантов, посланников, проповедников, а фактически являлись агентами иностранной разведки, записывали сведения о жизни, быте и нравах местного населения, а позже издавали книги и статьи. Некоторые из этих изданий сохранили свою значимость и в XXI в. Например, работы миссионера Э. Дортелли д'Асколи, дипломатического и политического агента Я. Рейнеггса содержат редкий материал, который при критическом отношении можно использовать современным исследователям [6: 206–209; 400–406]. Наиболее полно вопросы расселения, хозяйственной деятельности, общественного быта, религии, обрядов и другие стороны жизни ногайцев освещены в произведениях иностранных авторов XVIII в.: Феррана, Главани, Георги, Гюльденштедта, Ш. де Пейсонеля [6: 293–294; 327–328; 332–341].

И. Гербер в начале XVIII в. сообщает о первых этапах расширения России в Прикаспийские области Кавказа. Его информация ценна тем, что основана на личных наблюдениях автора или же материалах, полученных в результате специальных сборов (агентурных донесений, расспросов сведущих лиц и т.д.). Нужно также отметить, что описание Гербера – это не путевые заметки досужего и любопытствующего путешественника, они отличаются продуманностью, систематичностью и краткостью изложения [6: 329–330].

[1] Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, 2022–2024 гг. № 22-18-00313.

В рассматриваемый период торговая деятельность французов на Ближнем Востоке велась особенно интенсивно. Политика Франции на данном направлении базировалась в эту эпоху на принципе сохранения целостности приходившей в упадок Османской империи и поддержании с ней дружеских отношений, что создавало благоприятную почву для экономического внедрения французского торгового капитала в страны Ближнего Востока, в том числе и на Кавказ. Франция активизировала здесь свою колониальную политику, поэтому, хотя среди иностранных авторов XVIII в., писавших о Крыме и Северном Кавказе, немало англичан, но преобладали французы – в числе иностранных авторов, писавших о народах Северного Кавказа, мы видим Феррана, Пейсонеля, Главани (последний по национальности был итальянцем, но являлся французским консулом в Крыму).

В XVIII в. для полномерной реализации появившихся в восточных странах экономически выгодных перспектив французские власти отправили в эту сторону несколько исследовательских групп, в том числе Карла Пейсонеля, в 1750-х гг. служившего послом Франции в Крымском ханстве. Его присутствие в разных уголках Северного Причерноморья предоставило возможность получить представление о положении коммерции в данном крае, что играло большую роль для французского правительства, включавшегося в торговые отношения с ближневосточными странами. Французский средний класс, сторонник активного агрессивного курса на Ближнем Востоке, находит в Пейсонеле своего яркого представителя.

Россия с XVIII в. встала на путь общенационального прогресса и реформ. На мировую арену выступило фактически новое, ранее неизвестное государство. Уникальные материалы о ногайцах сохранил Д.И. Тихонов, участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и Персидской военной экспедиции 1796 г., находившийся на службе в Грузии. В «Описании Северного Дагестана», составленном им в 1796 г., в параграфе, посвященном ногайцам, жившим в Тарковском шамхальстве [6: 410], имеются некоторые сведения о территории поселения, количестве семей, формах подчинения, податях и повинностях, хозяйственной деятельности ногайцев, отмечено, что у них основное занятие – это скотоводство.

И. Барбаро (XV в.) [6: 83–93], С. Герберштейн (XVI в.) [6: 109–112], А. Олеарий (XVII в.) [6: 231–239], К. Пейсонель (XVIII в.), И. Бентковский [2], Ф.И. Капельгородский [10], А.М. Павлов [7], Н.С. Семёнов [8], С.В. Фарфоровский [9], И. Щеглов [12], А.И. Якобий [13] (XIX – начало XX в.) отмечали, что основным занятием ногайцев являлось коневодство, поскольку эта хозяйственная сфера производства была тесно взаимосвязана со всем образом жизни ногайского народа. Это подтверждает выращенная ногайцами в Средние века местная порода лошадей, получившая наименование «ногайская» [6: 45], которая славилась своими высокими надоями молока – из него

ногайцы изготовляли кумыс, который использовали как напиток и лечебно-профилактическое средство [6: 45].

Сведения о материальной культуре и семейном быте ногайцев имеются у иностранных авторов Ж. де Люка, А. Олеария, Я. Стрейса, И. Георги, К. Пейсонеля, С. Гмелина [6].

К. Пейсонель отмечает наименования продукции, которые шли ногайцам через Крымский полуостров. В наличии находились различные ткани, сафьян, кожа разных расцветок, сапоги мужские; шапочки для женщин, шелковые и парчовые нитки для шитья и вышивания, басонные поделки (галуны, тесьмы и т.п.) и др. [6: 333–344].

В сочинениях иностранных авторов сохранились ценные сведения об одежде ногайцев Нижнего Поволжья. Например, в XVII в. Я. Стрейс и А. Олеарий отмечали, что ногайцы одевались в длиннополые сюртуки (кафтаны) из толстого сукна, а в некоторые – в шубы и шапки из овечьей кожи, вывернутой мехом наружу [6: 236, 283]. В XVIII в. И.Г. Георги писал о костюме ногайцев Северо-Западного Кавказа, что знатные и зажиточные наряжаются наподобие кабардинцев в шелковое и тонкое суконное платье; носят «сафьянные сапоги, долгие и широкие портки», пояс и саблю, нередко с серебряной оправой; платье «окладывают» иногда позументом; стеганые или вышитые шапки [6: 367–370]. Здесь дано описание кавказской одежды, ставшей известной в историографии как «черкеска». Наряду с ремешками, ногайцы использовали и пояса. Это были свалянные или же уложенные двухметровые отрезки мягкой шелковой материи. Старики носили пояс из платка-куска квадратной ткани, сложенного по диагонали. Им пользовались и пастухи. К поясу они прикрепляли нож, кисет, сумки с инструментами и т.д. [6: 367–370].

Ногайцы носили головные уборы: меховые (войлочные, барашковые) со шляпами, башлыками, тюбетейки. Так, А. Олеарий сообщает, что поволжские ногайцы носили круглую шапку-боярку, обшитую мехом по краям [6: 236–237], – сохранилось ее изображение на рисунке ногайского костюма. По сведениям А. Олеария и Я. Стрейса, женщины носили и бахромчатые, заполненные головные уборы, вверху наподобие шлема, увешанные русскими монетами. Об этом же писали австрийские посланники XVII в. С. Какаш и Г. Тектандер [6: 182, 237, 284–285]. У причерноморских ногайских женщин были распространены невысокие матерчатые шапочки с плоским верхом (*къ́рым боьрк*). Как указывает Карл Пейсонель, ногайцы приобретали их в «весьма большом количестве» и отправляли в Тамань и Черкесию, они ежегодно реализовывали от 150 до 200 тыс. таких женские шапочек [6: 333–334].

Как отмечает К. Пейсонель, ногайцы шили рубахи из тканей разных расцветок и разного качества, но особенно часто из ситца, предпочитали рубахи малинового цвета [6: 335–336].

Прически замужних женщин и девушек имели свои особенности: волосы сплетали в две косы и концы их украшали удлиненными и широкими лентами ткани. По сведениям С. Гмелина, ленты у поволжских ногайских женщин и девушек имели отличительные черты: первые носили шелковые или хлопчатобумажные ленты без серебра, а вторые – только с серебряными украшениями [6: 354–355].

О разнообразной обуви ногайцев, ввозимой из Крыма, К. Пейсонель писал, что мужчины в основном носили черные сапоги, а сапожки женщин были разных цветов (желтого, светлого, красного и т.д.). Также были распространены башмаки, красные и черные, мужские и женские. Ввозили кожаные подошвы в готовом виде [6: 338].

Девочки носили на кончиках носа либо на носовой стенке кольца (*алкъа*, *тогъа*). А. Олеарий писал об этом так: появившаяся первой, как и иные из дочерей, при условии, что еще в утробе матери они обещаны Всевышнему или уважаемому священнослужителю и святому, носили в правой перегородке носа кольца с бирюзой, кораллами или рубином; кроме того, кольца носили и мальчики в ушной раковине [6: 236–237].

Ценя по достоинству собственную внешность, ногайские женщины пользовались различными бальзамами, лекарственными снадобьями, краской для ногтей, румянами, белилами и средством для мытья волос – *кенас* [6: 338–340].

Как указывает С. Герберштейн, отдельная группа ногайцев проживала оседло в населенных пунктах горной зоны Северного Кавказа [6: 109–113]. Эта часть ногайцев, вне всякого сомнения, занималась хлебопашеством.

В российской и зарубежной исторической науке запечатлелись многочисленные данные, что ногайцы занимались земледелием и культивировали зерновые и бахчевые культуры. В частности, автор XVI в. М. Броневский отмечал существование полеводства у ногайского населения Северного Причерноморья в середине XVI в. [1: 11]. Кроме того, профессор Б.-А.Б. Кочекаев писал, что еще в XVI в. ногайский правитель Исмаил обращался в российскую столицу, чтобы прислали зерно для посева, так как пашни Ногайской орды залило водой [4: 30]. Этнолог-ногаевед Р.Х. Керейтов, использовав ногайскую научную литературу, отмечал, что в 1492 г. ногайцы пахали пашню на Куме [3: 18]. Исследователь из Черкесска С.А. Кукаева, изучив историческую литературу, собрав полевой материал по истории земледелия ногайцев, пишет, что население Ногайской орды уже в начале XV в. разделялось на оседлое и кочевое, городское и сельское, скотоводческое и земледельческое. Автор считает, что в Ногайской орде уже в конце XV в. в предгорьях Кавказа ногайцы возделывали хлеб [5: 18]. В исторической литературе сохранились данные о ногайских посевах яровой и озимой пшеницы, проса, ячменя, изредка льна и конопли.

Свидетельства К. Пейсонеля, И. Георги, С. Гмелина, относящиеся к XVIII в., несколько расширяют наши представления о пище ногайцев. Характеризуя пищу поволжских ногайцев, С. Гмелин сообщал, что они пекут хлеб и готовят из муки различную пищу, отметил обилие мясных блюд, так как они много жарили конину, баранину и говядину, готовили «азиатскую кашу» известную как плов (*блав*), а также лапшу (*лакса*, *буламык*). Кроме того, ногайцы употребляли кисель, пшеничный хлеб, называемый чурек, особенно много пили чай. Различные роды рыб, вяленные на солнце, составляли для них обыкновенную пищу [6: 354].

В XVIII в. И. Георги указывал, что ногайцы пищу получали от продукции животноводства и ряда полевых и овощных культур – они потребляли мясные, молочные продукты, сыр, масло, плов, кашу, соломату, различные дикие и огородные корешки [6: 368].

По свидетельству авторов XIX – начала XX в., основными возделываемыми культурами были просо, ячмень, овес и пшеница [2; 4; 7–9; 12; 13]. К. Пейсонель отмечал, что для распашки земли ногайцы применяли соху с железным лемехом [6: 335]. Основной возделываемой культурой было просо [6: 294]. Полученное из него при переработке пшено они употребляли в пищу. Из него готовили суп (*уьйре)*, который в русской и иностранной историографии ошибочно называют щербой. Урожай убирали серпами и косами, а обмолачивали обычно копытами волов. Для этого на участке для молотьбы зарывали огромное бревно, к которому привязывали упряжку быков, двигавшихся вкруговую по хорде. А. Олеарий, наблюдавший за обмолачиванием пшеничных снопов, отмечал, что «по дороге, в разных местах, мы видели, как бегали в круге привязанные к столбу волы и лошади, которые должны были выбивать и молотить просо» [6: 234].

Ногайцы, жившие в пригороде Астрахани, торговали зерновыми, бахчевыми и овощными культурами. А. Олеарий указывал, что они регулярно поставляли на рынки города товары по низкой цене – по 10–20 арб арбузов и дынь [6: 234–235]. Ф.А. Котов в XVII в. сообщал, что ногайцы выращивали овощи и фрукты [6: 191–193].

В сообщениях авторов XVII в. сохранились некоторые сведения о пище ногайцев из различных регионов. Особо подчеркивается, что основную роль в рационе ногайского населения составляли блюда из мяса и частично злаковых. Дортелли д'Асколи писал, что ногайцы питались мясом, преимущественно кониной, и пили кобылье молоко, была также популярна *буза* [6: 209]. Последнюю упоминает и Эвлия Челеби, описывая ее как напиток из пшена «вроде пива» [11: 53].

Жан де Люк о ногайцах, живших между Доном и Днепром и на равнинах Северного Причерноморья, указывал, что они довольствуются мясной и молочной пищей, а также кисломолочными продуктами. Особенно у них

был популярен *ирам* (айран) – пахта, жидкость, которая выделяется после сбивания сметаны в масло. Для приготовления напитка *сувсын* кислое молоко (*ювырт*) разбавляли чистой холодной водой. Его подавали к жирным мясным блюдам, таким, как инкал (ногайский вариант бешбармака), *блав* (плов) и пили в жару, так как он хорошо утоляет жажду. В праздники ногайцы употребляли кумыс (*кымыз*), приготовленный из кобыльего молока, которое на десять дней закупоривали в кожаных ведрах и оставляли для брожения на солнце, получался напиток подобный вину. Процеженное кислое молоко ногайцы сушили на солнце и употребляли в пищу, например, с мясом или с другими блюдами. Матвей Меховский и А. Олеарий писали, что ногайцы кумыс употребляли как лекарство против заболеваний легких и желудка.

А. Олеарий отметил, что основу пищи ногайцев составляет продукция, полученная после переработки мяса крупного и мелкого рогатого скота, рыбы, птицы, а также злаковые: рис, просо, из которых они пекли лепешки [6: 237]. Какаш и Тектандер указывали, что ногайцы «едят конину и пьют молоко, лошадиное и овечье, которое они кипятят, квасят и возят за собой в кожаных мешках». На наш взгляд, они ошибаются, когда заявляют, что местному населению «хлеб неизвестен» [6: 182] – многочисленные цитированные выше упоминания об особенностях полеводства у ногайцев говорят об обратном.

Сохранились сведения, что богатые ногайцы употребляли напиток *балбуза*. По описанию процесса изготовления *балбузы* С. Гмелиным, в пяти ведрах воды разводили один пуд меда, в корчагу клали два штофа пивных дрожжей, фунт пшеничной муки и примешивали еще два штофа мяты. Фунт хмеля варили в одном ведре воды до тех пор, пока половина смеси не выварится, из него брали один штоф настоя, вливали в корчагу и ставили в теплое место для брожения на три-четыре часа. Эту смесь и то, что осталось в корчаге, вливали в один сосуд и для брожения ставили в теплое место на целые сутки. С. Гмелин писал, что по прошествии суток сливали чистый мед сверху или употребляли его, но если хотели получить «чрезмерно хмельной мед, наливали его в чистый слитый мед опять в другой сосуд», на одну или две недели для скисания и прибавляли «ежедневно по полфунту меду», чтобы от длительного самоброжения мед «своей сладости не потерял» [6: 362].

Исторические сведения в русской и иностранной литературе сохранили некоторые факты о традиционной культуре и быте ногайцев. Авторы, путешествовавшие в Нижнем Поволжье, на Кавказе и в Крыму, записывали произведения фольклора, собирали материал методом наблюдения, опрашивали местное население. Однако никто из них не проводил специального научного исследования по определенной проблеме истории и этнокультуры ногайцев. В их публикациях сохранились разрозненные сведения, которые не дают целостной картины политической, социально-экономической и культурной жизни ногайцев. Труды русских и иностранных

путешественников в земли ногайцев можно использовать лишь как дополнительный материал для исследования.

Источники и литература

1. *Броневский М.* Описание Крыма Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. Кн. VI. Одесса, 1867. С. 333–367.

2. *Бентковский Г.В.* Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 32. С. 34–35.

3. *Керейтов Р.Х.* Орда пашню пахала на Куме: очерки истории и этнографии кумских ногайцев. [Б. м.], [Б. г.].

4. *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

5. *Кукаева С.А.* Земледельческая лексика ногайского языка. Черкесск, 2001.

6. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII в. / сост. Д.С. Кидирниязов. Махачкала, 1999.

7. *Павлов А.М.* О нагайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842.

8. *Семенов Н.С.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

9. *Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. 26. Вып. 7. Тифлис, 1909. С. 1–34.

10. Филипп Иосифович Капельгородский и его рукопись «Караногай, страна кочевников и патриархального быта». Окончание / публ., предисл. и комм. А.А. Ярлыкапова // Кавказский сборник. Т. 13 (45). М., 2021. С. 139–210.

11. *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. II: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.

12. *Щеглов И.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Т. 1. Ставрополь, 1910.

13. *Якобий А.И.* Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.

В.О. Бобровников

КАВКАЗСКИЙ АДАТ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ XVIII–XXI вв.: ИСТОЧНИКИ, ПРАКТИКИ, ПОДХОДЫ

Памяти Гасана Оразаева

Изучение адата у горцев Северного Кавказа началось во время российского завоевания региона и разработки режимов косвенного управления нерусскими подданными. Оно продолжалось более 200 лет. За это время собрано и создано множество источников по истории и этнографии так

называемого обычного права, некоторые из которых вошли в число классических памятников адата, а другие только вводятся в научный оборот. Не раз менялись оценки обычного права, подходы к его историческому изучению и практическому применению в законодательстве и судопроизводстве России. Целью данной работы является подведение итогов источниковедческой и историографической разработки этой проблематики. Основное внимание обращено на адат в системе шариатского правосудия на Северо-Восточном Кавказе.

Одна из главных задач работы – поставить точку над «i» в дискуссии о значении понятия «адат», относящегося к числу ключевых в кавказоведении. Его привыкли понимать как бесписьменное «обычное право», противостоящее религиозному праву, шариату [19: 202; 5: 22; 2: 165; 23; 24]. Благодаря исследованиям в этой области кавказоведов [1; 8; 9; 14–16], еще с конца XIX в. Северный Кавказ считается одним из классических регионов бытования адата. В авторитетных энциклопедиях словарные статьи о нем написаны кавказоведами, а в библиографии к ним нередко преобладают работы по кавказоведению [19; 23; 24]. Определение адата как обычного права подразумевает понимание его как самостоятельной правовой системы, отличной от позитивного государственного права. Не отвергая полностью такую оценку, я хотел бы оспорить ее, обратившись к эпистемологии современного кавказоведения.

Первые российские нарративные источники о кавказском адате появились в XVIII в. В 1728 г. участник Персидского похода Петра I И.Г. Гербер написал знаменитое «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» [11: 60–120]. В 1750–1760-е гг. в связи с продвижением Российской империи на Кавказе были составлены военно-политические описания с упоминанием «обычаев» горцев-мусульман, преимущественно в области процессуального, отчасти гражданского и уголовного права. Эти записки еще не ставят целью описать правовые обычаи новых подданных; тут есть лишь краткие характеристики организации управления и дипломатических отношений с местными «владельцами». Сам термин «адат» не используется, хотя разделяются власти и «законы духовные (здесь шариат. – *В. Б.*) и обычаи» [11: 80, 84, 90, 92, 95, 112 и далее passim].

В том же XVIII в. на российском Кавказе составляли документы и нормативные акты по адату на тюрки, арабском и в русских переводах, которые, к сожалению, ускользнули от внимания большинства современных историков обычного права. Это судебные иски, переписка о них, соглашения (араб. *иттифакат*) о военно-политических союзах, их границах и общих судебниках, наконец, выросшие из более ранних шертных грамот временные коллективные договоры с российскими военными властями, включавшие присягу на верность Российской империи, в первую очередь, два федеративных трактата, заключенных в крепости Георгиевск в 1783 и 1802 гг. [3; 4; 7;

10–12; 16–18; 20]. В.В. Трепавлов верно заметил, что они играли роль скорее союзных международных договоров, чем приема в подданство [22: 190]. Возможно, по этой причине в первые десятилетия после включения Дагестана в состав российских владений, согласно Гюлистанскому миру 1813 г., имперское право и адат не пересекались. В адатных судебниках (*дафтар*) владений, связанных с Россией договорами, русские и империя не упоминаются [12: 1 об.–6 об.]. В свою очередь, договоры о подданстве молчат про местные правовые обычаи имперского пограничья [10; 11].

В XVIII в. российские власти еще не запрещали законодательно кровную месть, барантование как акт кровной мести и иное превентивное насилие, совершаемое согласно адату, осуждая их, но вместе с тем практикуя. Так, в 1783 г. комендант Кизлярской крепости бригадир И.С. Вешняков поддержал шамхала Тарковского в ишкильном противостоянии его подданных с сельской общиной Аксая [20: 374–375]. Под ишкилем В Дагестане до середины XIX в. понималось право кредитора при помощи кунака-гостеприимца захватить имущество односельчан неисправного должника либо вора или же их самих с тем, чтобы их община в свою очередь заставила ответчика полностью удовлетворить истца. В случае успешного решения конфликта и возмещения убытков захваченное в ишкиль возвращалось. В противном случае оно могло быть удержано кунаком истца, а люди проданы в рабство [18, т. 1: 127–131]. Такая практика была вызвана к жизни политической раздробленностью региона и отсутствием в нем единого правового пространства. Вплоть до 1860-х гг. в состав Дагестана входили отдельные владения; последнее из них упразднили в 1867 г.

Отношение к адату резко изменилось в первой половине XIX в. после создания сначала в Сибири, а затем в Казахской степи и на Северном Кавказе колониального, по сути, инородческого управления. Попытки введения в Дагестане общих законов империи провалились. Более того, под влиянием вооруженного джихада имамов Горного Дагестана и Чечни второй трети XIX в. у российских властей возникла устойчивая фобия «мюридизма». Его источником считали османское влияние и введение имамами среди горцев шариатского правления и правосудия. Чтобы противостоять мюридизму, наместник кавказский князь А.И. Барятинский (1856–1862) советовал поддержать в ущерб шариату горские адаты, а в противовес антироссийски настроенным горской знати и «мусульманскому духовенству» развивать сельскую общину. В этом состояла суть введенного при нем военно-народного управления [7: 3–4], косвенного управления горцами новой туземной элитой под контролем Кавказской армии.

При разработке этого режима, начиная с наместничества князя М.С. Воронцова (1844–1854), офицерам и переводчикам Кавказской армии было поручено записать и систематизировать уголовные, имущественные

и процессуальные правовые обычаи горцев-мусульман, включая описание их социальной иерархии, с целью кодификации адата и включения горской знати в систему российского дворянства через Табель о рангах. Д.С. Бибиков, возглавлявший Канцелярию по управлению мирными горцами при главнокомандующем Кавказской линией, разработал вопросник для этого. К работе были привлечены горцы на русской военной службе [8: 71–74]. В 1864 г. Главный штаб Кавказской армии затребовал от военного начальника Дагестанской области предоставить в Тифлис сборники адатов по каждому из ее девяти округов.

В ответ на эти запросы в округах и наибствах Дагестанской области продолжали записывать адатные судебники на арабском языке и в арабской графике (на азербайджанском языке) вплоть до 1890-х гг. Часть этих записей перевели на русский. Эти тетрадки предполагалось использовать в качестве руководства для горских судов. Однако реализовать проект не получилось. Если начиная со знаменитого «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанского (1822) общая установка была на кодификацию адата и шариата, создание в империи разных неравноправных правовых режимов, то с «Великих реформ» возобладала тенденция к унификации имперской юстиции. Для «туземцев-мусульман», как в Кавказском крае стали называть инородцев, судебные уставы 1864 г. не вводились. Они были исключены из общих законов империи до 1920-х гг. Вместо этого в Дагестане была создана единая иерархия народных (горских) судов, опиравшихся на судебный прецедент, частично кодифицированное исламское право и распоряжения военных властей [17: 240–242, 244–245, 248–249, 251, 259].

Более чем полувековая деятельность этих коллегиальных судебных учреждений подарила историкам тысячи, если не десятки тысяч свидетельств о работе смешанного, точнее гибридного, шариатско-адатного имперского правосудия, сохранившихся в оригиналах и копиях в государственных и частных архивах. Конечно, полностью восстановить ход судебного процесса и его связи с дороссийской шариатско-адатной юстицией практически невозможно. Делопроизводство народных (горских) судов было упрощенным, ни адвокатов, ни присяжных заседателей, ни записи прений в них в отличие от российских пореформенных судов не было. На Северном Кавказе потеряли юридическую силу фетвы. Судьи перестали ссылаться на прецеденты соглашений-*иттифак*, как это было принято прежде. Вместе с тем с 1860-х гг. было введено досудебное следствие; записывались требования и координаты участников иска или сделки; указывались участники судебного разбирательства и постановление суда, а порой и апелляции с решениями по ним, введенные в 1860-е гг. [17: 262–263].

Большинство правовых свидетельств работы шариатско-адатной юстиции до сих пор не введено в научный оборот. Вместо юридических

документов и нормативных актов ученые и эксперты сосредоточились на изучении вторичных историко-этнографических, отчасти правовых, нарративных источников, созданных в период подготовки нереализованных проектов кодификации так называемого обычного права кавказских горцев-мусульман. В этой области было два «прорыва». Сначала в последней четверти XIX – начале XX в., а затем во второй трети XX в. появилось несколько важных обзорных работ. Историк права Ф.И. Леонтович обнаружил в архиве Одесского университета военные описания адата замиренных горцев на участках Кавказской линии и издал их в двух выпусках [16]. Третий – по Горному Дагестану – он не успел издать.

Концептуальное осмысление собранных материалов в конце XIX в. по публикациям Леонтовича и архивным источникам на русском языке начал известный историк и социолог права М.М. Ковалевский. В «Законе и обычае на Кавказе» (1890) он разработал оригинальную, хотя и спорную концепцию адата как родового обычного права, уцелевшего в горах Кавказа как реликт первобытного догосударственного строя. Ученый верно отметил единообразие правовых обычаев несмотря на исключительную этнолингвистическую и политическую пестроту региона. По его мнению, род (*тухум*) и соответствовавшее ему обычное право составляли основу организации горского социума. На первобытный адат наложилось множество наслоений от древности, сквозь византийское и затем исламское средневековье, до российского государственного права XIX в., но его основа осталась неизменной [14]. Идеи Ковалевского развили и переработали его ученик Б.К. Далгат, советские правоведы А.М. Ладыженский и А.С. Омаров, историк Х.-М.О. Хашаев и этнограф М.А. Агларов. По гипотезе последнего, социальное поле обычного права в регионе составлял не тухум, а сельская община, представлявшая собой гражданское общество полисного типа [1: 39].

Леонтович и Ковалевский с их советскими продолжателями внесли огромный вклад в изучение кавказского адата. В научный оборот было внесено множество нарративных и отчасти правовых первоисточников. Вместе с тем многие из этих ученых неправомерно выносили кавказский адат за рамки истории, преувеличивали его преемственность с доисламским средневековьем. Более того, они некритично транслировали сообщения мусульманских критиков адата о его анахроничности и извечном противостоянии шариату. У них можно заметить и следы колониального пренебрежения к обычаям «дикарей» со стороны имперских законодателей, считавших адат, по крылатому выражению Ладыженского, всего лишь «эмбрионом права» [15: 200]. Основой их исследований были вторичные описания кавказского адата российскими наблюдателями и отдельные дороссийские судебники вроде «Гидатлинских адатов». Судебное делопроизводство они дружно игнорировали.

Сопоставление материалов адатного судопроизводства XVIII – первой четверти XX в. с нормативными актами российско-советского и домодерного времени с начала XIV в. позволяет существенно поправить устоявшиеся представления о кавказском адате. Во-первых, первоисточники рисуют его не самостоятельным обычным правом, но скорее правовым обычаем, дополнением к исламскому праву, а после 1860-х гг. – шариатско-имперскому туземному (инородческому) правосудию, без которого он не может существовать. Это значение вкладывается в синонимы *русум*, *ʻадат*, *ʻака'ид* (араб. мн.ч. от *расм*, *ʻада*, *ʻакида*) [18, т. 1: 158–159, 162, 181, 196], встречающиеся в названиях тетрадок (*дафтар*) адата. В принципе, для характеристики кавказского адата наиболее уместен подход правовой гибридности, обоснованный П. Сартори и П.С. Шаблеем для похожих правовых обычаев в Центральной Азии [21: 12–14]. Все судебники и многие соглашения, на основе которых они были созданы, наряду с адатными содержат множество комментируемых ими процессуальных, уголовных и семейно-имущественных норм шариата, которые этнографы по незнанию объявляли обычноправовыми. Отдельные адаты, вроде упоминавшихся выше ишкиля и баранты, противоречат шариату. Но много больше среди них пояснений его норм о размере брачного дара (араб. *махр*), правил раздела наследства (араб. *ал-фара'ид*), урегулировании кровомщения (араб. *ал-кисас*) и др. Характерно, что арабский язык адатов неправовой, но ключевые слова в нем – шариатские (*кисас*, *фидйа* и др.) [3: 3 об.–7].

Адат привычно ассоциируется с неизменными дедовскими обычаями, но в действительности он динамично менялся, фиксируя не столько преемственность, сколько прецедент очередного изменения правового обычая. По верному замечанию германо-голландского востоковеда М. Кемпера [13: 243], дороссийские адатные судебники имеют преамбулой не отсылку к прошлому, но фразу «это разъяснение на будущее» (араб. *хаза байан ли-йаум ал-гад*) [ср.: 12: 1 об.]. Под влиянием шариатского движения XVII–XVIII вв. сельские конфедерации принимают специальные адатные соглашения (*иттифак*) о переходе к строгим нормам шариата в области наследственного права (*ал-фара'ид*) [4: 36–37, 42, 44–47, 51, 55, 58–59, 106]. После «Великих реформ» Александра II происходит рецепция в адат норм имперского права, особенно в области процессуального права. Новое русское юридическое понятие «сельское общество» переводится для мусульман региона привычным термином «мечетная община» (*джамаʻа*). Община заменяет конфедерацию (*нахийа*, *джайш*) и ханство в качестве полуавтономного социального поля адата (по С.Ф. Мур) [25]. Только в постсоветскую эпоху, как свидетельствуют мои полевые материалы, адат, утративший правовое содержание, стал пониматься в коллективной культурной памяти дагестанцев как возврат к справедливому прошлому.

В заключение хочется кратко представить типологию адатных правовых текстов на арабском языке, сохранившихся в архивных собраниях и представленных в публикациях [3; 4; 6; 12; 18; 20], но полностью и в динамике еще не охарактеризованных. Огромное значение в них сыграл культурный перевод. Судебное разбирательство по адату происходило на одном из местных языков, но для придания судебному постановлению юридической силы оно записывалось на арабском литературном языке (на юге Дагестана в имперскую эпоху чаще на азербайджанском в арабской графике) и содержало ключевые слова из словаря исламского права. С введением в военно-народном управлении апелляций на решения судов сельских обществ и округов появилась традиция двойного перевода арабского делопроизводства с сокращениями на русский язык. Можно выделить следующие основные типы адатных нормативных актов и документов:

1. Соглашения (от араб. ед.ч. *иттифак*) с заключением военно-политического союза и оформлением единого свода адатов между сельскими конфедерациями и этими союзами с горской знатью, а равно между конфедерациями и знатью. Наиболее ранние (и поздние) образцы сохранились в эпиграфике XIV – начала XX в. В Дагестанской области они превращаются в приговоры (протоколы) сельских сходов.

2. Судебники (от арабо-осм. *дафтар*), составленные на основе сводов соглашений-*иттифакат*, к которым подшивались и переписывались позднее новые соглашения. Выходят из юридического быта к последней трети XIX в.

3. Судебные иски и переписка, заключающие в себе обстоятельства разбиравшихся дел и решения по ним, согласно нормам шариата и местным правовым обычаям. Наиболее крупную категорию их составляют письма об ишкиле, бытовавшие до 1860-х гг.

4. Книги решений и нотариальных записей сельских и окружных народных (*дафтар*), позднее шариатских судов последней трети XIX – первой четверти XX в. Включают дела, решенные как по адату, так и по шариату.

5. Религиозно-правовые заключения (*фетвы*) о дозволенности конкретных адатов по запросам как отдельных улемов и простых мусульман, так целых сельских общин и их союзов. В Российской империи теряют юридическую обязательность и превращаются в шариатскую категорию такрират. Выносятся до сих пор.

Источники и литература

1. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Махачкала, 2014.

2. Адат или Адет // Энциклопедический словарь под ред. проф. Е.И. Андреевского / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. М., 1890. С. 165.

3. [‘Адат Гид (араб. Адаты гидатлинцев)] // Научный архив Института истории, археологии, этнографии ДФИЦ РАН. Махачкала. Ф. 5. Оп. 1. Д. 62.

4. *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства в Дагестане XVIII–XIX вв. Махачкала, 1999. Ч. I–II.

5. *Бобровников В.О.* Адат // Ислам на территории бывшей Российской империи / сост. С.М. Прозоров. М., 2006. Т. I. С. 22–26.

6. *Бобровников В.О.* Арабоязычное соглашение (иттифак) как вид нормативного акта в Дагестане XVIII–XIX вв. // Восток. 2003. № 4. С. 43–52.

7. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870.

8. *Гаджиев В.Г.* Адаты народов Северного Кавказа: опыт источниковедческого анализа // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия «История, философия, право». Баку, 1987. № 2. С. 69–76.

9. *Гарданов В.К.* Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. 1960. № 5. С. 19–29.

10. Из истории российско-грузинских отношений: К 230-летию заключения Георгиевского трактата. Сборник документов / отв. ред. А.Н. Артизов. М., 2014.

11. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

12. [Карабудахкентские адаты] (на араб. яз.) // Фонд восточных рукописей Института истории, археологии, этнографии ДФИЦ РАН. Махачкала. ФМС. Оп. 5. № 128.

13. *Кемпер М.* Соглашения и сборники ‘адата дагестанских селений и конфедераций XVIII–XIX вв. // Кавказский сборник. М., 2020. Т. 12. С. 238–271.

14. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1–2.

15. *Ладыженский А.М.* Адаты горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д., 2003.

16. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882–1883. Вып. 1–2.

17. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края / собр. Н.М. Рейнке, Н.М. Агишевым и В.Д. Бушеном. СПб., 1912.

18. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. / сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М., 2009. Т. 1–2.

19. *Омаров А.С.* Адат // Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 202.

20. *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда Кизлярский комендант). Махачкала, 2002.

21. *Сартори П.*, *Шаблей П.* Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М., 2019.

22. *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России в XV–XVIII вв. М., 2007.

23. ʻĀdah // Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/adah (дата обращения: 27.07.2023).

24. *Bobrovnikov V.*, *Kemper M.* Customary law 4. The Northeast Caucasus // Encyclopaedia of Islam. Three. Vol. 2022-1. / ed. by K. Fleet et al. Leiden, 2022. P. 52–56.

25. *Moore S.F.* Law and Social Change: The Semi-Autonomous Social Field as an Appropriate Subject of Study // Law & Society Review. 1973. Vol. 7. No. 4. P. 719–746.

Т.А. Колосовская

РОССИЙСКОЕ ИМПЕРСКОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В РАКУРСЕ КОНЦЕПЦИИ ОРИЕНТАЛИЗМА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[1]

К числу активно разрабатываемых направлений в современной историографии относятся исследования, посвященные месту знания и научных институтов в имперской истории [5: 7]. Среди факторов, влиявших на формирование и развитие империй, знание занимало особое место, выступая своеобразным инструментом государственной политики. В современных исследованиях очевиден интерес к роли ученых в процессах строительства империй, влиянию их работ на принятие государственных решений. В этой связи чрезвычайно важно рассмотрение проблемы в региональном измерении и выявление участия ученых в процессах государственного строительства в различных частях Российской империи, в том числе и на ее восточных окраинах.

Кавказ, хотя и располагался не к востоку, а к югу по отношению к политическому центру Российской империи, тем не менее в массовом сознании современников устойчиво ассоциировался с Востоком. Например, когда в 1851 г. выпускник восточного факультета Петербургского университета А.П. Берже изъявил желание для продолжения научной карьеры отправиться в Египет, император Николай I заметил: «Берже не для чего ехать за границу, на восток, так как Россия имеет свой восток, это – Кавказ, пусть он туда и отправляется на службу» [9: 729]. В итоге молодой ученый поехал в Тифлис, где ему было суждено провести оставшиеся 35 лет своей жизни.

О географии недавно присоединенных к России кавказских территорий, их природно-климатических условиях и местном населении в центре

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, https://rscf.ru/project/23-28-00302/.

имелись самые расплывчатые представления. В силу этого их имперское освоение происходило в тесной взаимосвязи с изучением. Новый «экзотический» край требовал особого отношения со стороны властных структур, которым приходилось смотреть на местную природу и население глазами российских востоковедов и этнографов. В какой степени изучение Кавказа влияло на имперскую политику установления российского доминирования в регионе? Насколько ученые были независимы в своих исследовательских практиках, а конструируемое ими знание носило объективный характер? На работу над поставленными вопросами направлен поддержанный в 2023 г. Российским научным фондом (РНФ) в рамках конкурса «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» проект № 23-28-00302 «Российский ориентализм: имперские практики производства знания о Северном Кавказе (XVIII – начало XX в.)».

Проект посвящен проблеме, пока еще слабо изученной в отечественной исторической науке, – роли знания в строительстве Российской империи. Ее рассмотрение предполагается осуществить в региональном измерении и проанализировать на кавказских материалах. Такая постановка проблемы привела нас к необходимости обращения к феномену ориентализма, изучению его формирования, развития и влияния на имперскую политику на кавказской окраине.

Концепция ориентализма была предложена американским исследователем палестинского происхождения Эдвардом Саидом. В 1978 г. вышла в свет его книга, в которой ставилась под сомнение сама возможность получения объективного знания о Востоке западными исследователями. Более того, на примере двух империй, Британской и Французской, автор показал, что колониальные захваты сопровождались бурным интересом к захваченным территориям и их обитателям и приводили к формированию знания, служившего для оправдания экспансионистской политики. В интерпретации Э. Саида ориентализм являлся не чем иным, как «колониальным дискурсом», то есть системой представлений о колонизируемых сквозь призму их восприятия колонизаторами. В своей работе автор анализировал то, как власть пользуется знанием для распространения своего влияния. Тезис о зависимости между знанием о Востоке и политикой его подчинения стал основополагающим в предложенной им концепции [7].

Теоретические положения Э. Саида неоднозначно были приняты научным сообществом и по-разному понимались исследователями. С легкой руки автора, по меткому замечанию Л.Б. Алаева, востоковедение (ориенталистика) из науки, которая «бескорыстно трудится в трудных условиях, изучая неевропейский мир с тем, чтобы открыть культуру и историю этих народов опять же всему миру, – вдруг была обвинена в том, что она – наука

колониальная, обслуживающая интересы западных колонизаторов, работающая вовсе не для изучаемых народов, а для европейцев, пронизанная европоцентризмом и презрительным отношением к туземцам, т. е. и не наука вообще» [1: 16].

Свою концепцию ориентализма Э. Саид построил преимущественно на британских и французских колониальных примерах. В этой связи возникает вопрос о том, насколько его подход применим к другим империям. Еще в первой половине 2000-х гг. на страницах американского исторического журнала «Критика» развернулась дискуссия об универсальности предложенной Э. Саидом модели и ее применимости к Российской империи. Впоследствии эта полемика была напечатана на страницах сборника «Российская империя в зарубежной историографии» [6: 273–388]. Научная дискуссия показала, что история Российской империи и, в частности, имперская политика на восточных окраинах страны представляют широкие возможности как для истолкования, так и для критики положений Э. Саида.

К этому же времени относятся первые опыты применения концепции ориентализма на кавказском материале. В зарубежной историографии такие попытки были предприняты американским историком Остином Джерсилдом [12]. Автор соотносил ориентализм в науке и политике западных держав с аналогичным феноменом на кавказской окраине Российской империи и представил собственную трактовку ориентализма с учетом его проявлений в условиях российско-кавказского взаимодействия во второй половине XIX – начале XX в. При этом слабое знание общего регионального контекста привело автора к допущению досадных фактических ошибок. Интересный подход к анализу влияния ориенталистской концепции на направления этнографического изучения Кавказа содержится в работе немецкого исследователя Доминика Гутмейера [11].

В отечественной историографии проблема ориентализма на кавказском материале поднималась в трудах В.О. Бобровникова [2; 8]. В фокусе рассмотрения исследователя оказалась проблема формирования стереотипных клише о «горском хищничестве» периода Кавказской войны и их места в дискурсе ориентализма, который, как он считает, влиял на содержание и ход реформ по «умиротворению» кавказских горцев в дореволюционный период [2: 105].

Попытки В.О. Бобровникова провести параллели между колониальным дискурсом европейских держав и российскими имперскими практиками производства знания о Северном Кавказе вызвали жесткую критику со стороны отечественных ученых. Так, по мнению В.В. Цибенко, «концепция ориентализма маргинализирует не только востоковедческое знание, переводя его в политическую плоскость, она по-постмодернистски оспаривает саму возможность объективного знания» [10: 76]. Отрицая перспективность

применения западных заимствований в отечественном кавказоведении и настаивая на необходимости выработки собственных подходов и концепций, исследовательница сама при этом ничего не предлагает.

Не претендуя на выработку нового подхода, рискнем и мы обратиться к концепции Э. Саида. Принимая во внимание ее маргинальность для отечественной историографии [3: 327], попробуем задействовать теоретические постулаты Саида (в первую очередь о связи научного знания с политикой) для объяснения специфики конструирования знания о Северном Кавказе в Российской империи и выявления его корреляции с утверждением российского доминирования в регионе.

Целью заявленного проекта РНФ № 23-28-00302 является изучение феномена российского ориентализма на материалах кавказской окраины Российской империи. В центре рассмотрения окажется динамика развития ориенталистского дискурса на протяжении XVIII – начала XX в. и особенности его институционального оформления.

Основными вопросами для изучения станут:

1) Северный Кавказ в ориенталистском дискурсе Российской империи: проявление ориенталистских клише в литературе, живописи и архитектуре;

2) от стереотипов к научным знаниям: влияние ориенталистских положений на направления сбора информации о регионе и эволюцию представлений о Северном Кавказе в глазах образованных европейцев;

3) взаимодействие знания и власти в подчинении Северного Кавказа, воздействие научных исследований в регионе на методы его военного покорения;

4) роль ученых в колониальной трансформации Северного Кавказа, влияние представлений о регионе на эволюцию способов управления им и реформы;

5) знание в конструировании северокавказских этносов и формировании имперской идентичности в регионе.

Особое внимание в проекте будет уделено организации исследовательских практик на Северном Кавказе в условиях его постепенной интеграции в имперское пространство. В этой связи в фокусе исследования окажется регионоведческая деятельность научных центров. В их числе Императорское русское географическое общество, Азиатский музей в Санкт-Петербурге, Восточная комиссия Московского археологического общества, Лазаревский институт восточных языков и др. В рамках проекта будет проанализирована связь между изучением Северного Кавказа и конкретными имперскими целями в регионе, выяснено, насколько послушно ученые выполняли волю государства, показано участие государственных чиновников в работе научных сообществ, а также вовлечение исследователей в систему военно-народного управления Северным Кавказом.

У коллектива имеется опыт исследования феномена военного кавказоведения. Итогом рассмотрения участия представителей Русской императорской армии в изучении Кавказа стал опубликованный в 2021 г. биобиблиографический словарь о военных кавказоведах [4]. Новый проект предполагает расширение объекта и предмета предыдущего исследования, что позволит выйти на уровень теоретического осмысления конкретно-исторического материала и положит начало изучению фундаментальной проблемы в истории российской государственности – роли знания в освоении восточных окраин, интеграционных процессах и конструировании имперского пространства.

Один из дискуссионных вопросов современной исторической науки – влияние ученых-востоковедов на власть и процессы принятия решений. В силу этого особое внимание предполагается уделить анализу становления и функционирования научных сообществ, создаваемых под покровительством имперских властей на Кавказе, в том числе Кавказского отделения Императорского русского географического общества, Кавказской археографической комиссии, Кавказского музея и др. Это новое, пока еще не разработанное научным коллективом направление исследования позволит взглянуть на тему российского ориентализма с точки зрения институционализации научного знания на Кавказе.

Научная проблема, обозначенная в проекте, будет решаться на стыке исследовательских полей империологии и интеллектуальной истории. Подходы этих современных направлений исторических исследований позволят определить объект изучения как проявление российского ориентализма на кавказской окраине Российской империи, а предмет – исследовательские практики научных сообществ и отдельных ученых-кавказоведов в контексте российской политики на Северном Кавказе периода его присоединения и интеграции в имперское пространство.

Исходя из принципов интеллектуальной истории, мы не будем ограничиваться только анализом результатов научно-практической деятельности ученых. Значительное место в проекте отводится рассмотрению региональных особенностей ее организации и характеристике конкретно-исторических условий выполнения. В фокусе рассмотрения окажутся кейсы служебной и научной работы чиновников-кавказоведов: А.П. Берже, Е.Г. Вейденбаума, Д.А. Кобякова, Е.И. Козубского, Н.К. Зейдлица, Л.П. Загурского, Е.Д. Максимова и др.

В качестве эмпирической базы в проекте предполагается использование разнообразных материалов: источники личного происхождения (письма, записки, дневники, мемуары), делопроизводственная документация, газетная печать, освещающая современные научные практики, продукты творческой деятельности исследователей Кавказа. При этом основное внимание

будет уделено анализу именно персональных текстов, отражающих индивидуальный опыт и позволяющих понять внутренние мотивы и побуждения, которыми руководствовались действующие лица сложного процесса интеллектуального освоения новой окраины империи.

Конечно, к настоящему времени многие из обозначенных видов исторических источников опубликованы либо отдельными изданиями, либо на страницах сборников документов. Признавая существенные достижения отечественной археографии, следует отметить, что специализированных трудов по проблеме взаимодействия власти и знаний на Кавказе в имперский период не существует, поэтому главное внимание в ходе реализации проекта придется сосредоточить на архивных источниках.

Говорить об одном «профильном» архиве для раскрытия темы не приходится, поскольку интересующие нас документы разбросаны в фондах различных российских и зарубежных архивохранилищ.

Из российских архивов, имеющих статус федеральных, значительный интерес для изучения проблемы будут представлять документы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (например, дела из фондов Кавказского комитета (ф. 1268), Академии художеств Министерства императорского двора (ф. 789) и др.); Российском государственном военно-историческом архиве (например, дела из коллекции Военно-ученого архива (ф. 846), фонда «Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о Российской империи» (ф. 414) и др.); Государственного архива Российской Федерации (например, документы из личных фондов императоров и членов императорской семьи, причастных к процессам культурного освоения Россией своей новой окраины, среди них: Михаил Николаевич, сын императора Николая I, наместник на Кавказе (ф. 649), Николай Михайлович, сын великого князя Михаила Николаевича, председатель Русского исторического общества (ф. 670) и др.).

Отдельно следует упомянуть о документальном наследии региональных архивов: Государственный архив Ставропольского края, Государственный архив Краснодарского края, Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания, Центральный государственный архив Республики Дагестан и др. Хранящиеся здесь материалы помогут понять специфику организации работы местных правительственных учреждений по изучению природы и населения новых российских территорий (речь идет в первую очередь о фондах губернских и областных статистических комитетов).

Важное место в проекте займут материалы фондов Центрального государственного исторического архива Грузии, отражающие деятельность научных учреждений Кавказа и отдельных ученых-кавказоведов (Е.Г. Вейденбаум, братья Б.С. и С.С. Эсадзе (ф. 1438) и др.). Большой интерес будут представлять документы фондов Военно-исторического отдела при штабе

Кавказского военного округа (ф. 1087) и Кавказской археографической комиссии (ф. 416).

Наконец, неотъемлемой частью источниковой базы проекта должны стать документы, хранящиеся в фондах отраслевых архивных учреждений: Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук (Канцелярия Президиума Академии наук (ф. 2), личные фонды А.Я. Купфера (ф. 39) и Н.Ф. Дубровина (ф. 100); Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (личные фонды А.П. Берже (ф. 6), А.В. Комарова (ф. 71); архивов Русского географического общества и Российского этнографического музея.

Таким образом, изучение материалов обозначенных архивных фондов позволит приблизиться к решению проблемы о применимости концепции ориентализма на русской почве. Введение в научный оборот новых документов позволит аргументированно и с высокой степенью достоверности решить поставленную задачу. Анализ фактического конкретно-исторического материала и его теоретическое осмысление позволит проследить влияние объема накопленных знаний на эволюцию методов закрепления России на Северном Кавказе и ответит на вопрос о влиянии формируемых российскими учеными представлений о регионе на мотивацию действий имперских властей.

Источники и литература

1. *Алаев Л.Б.* Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России? // Ориентализм vs. ориенталистика: сборник статей / отв. ред. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М., 2016. С. 8–13.

2. *Бобровников В.О.* Ориентализм в литературе и политике на российском Кавказе в XIX в. // Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 104–123.

3. *Бобровников В.О.* Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида // Ab imperio. 2008. № 2. С. 325–344.

4. *Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь, 2021.

5. *Мирзеханов В.С.* Наука, знания и имперская власть: парадоксы взаимодействия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Вып. 4 (27). С. 7–10.

6. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

7. *Саид Э.* Ориентализм / науч. ред. А.Р. Ихсанов. М., 2021.

8. Северный Кавказ в составе Российской империи / под ред. В.О. Бобровникова, И.Л. Бабич. М., 2007.

9. *Семевский М.И.* Адольф Петрович Берже // Русская старина. 1886. Т. 49. Вып. 3. С. 727–744.

10. *Цибенко В.В.* Между ориентализмом и ориентологией: научные подходы к изучению Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1 (77). С. 69–77.

11. *Gutmeyr D.* Borderlands Orientalism or How the Savage Lost His Nobility. The Russian Perception of the Caucasus between 1817 and 1878 / Studies on South East Europe / ed. by Karl Kaser. Vol. 19. Berlin –Münster –Wien, 2017.

12. *Jersild A.L.* Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal, 2002.

Д.С. Ткаченко

ОРИЕНТАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС РОССИЙСКИХ ОБОЗРЕВАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (по материалам записок М.А. Коцебу)[1]

Развитие современного кавказоведения не только ставит вопрос о введении в оборот неизученных до настоящего момента исторических источников, но и их интерпретации с позиций методологии набирающих популярность постколониальных критик. Одним из ярких исторических источников, позволяющих это сделать, является научное наследие обер-квартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса Морица Августовича Коцебу – участника посольства А.П. Ермолова в Персию в 1817 г.

История российского посольства в Персию изучена кавказоведением достаточно основательно, однако как дореволюционные [1], так и современные [2] историки при обращении к теме используют официально опубликованные документы А.П. Ермолова [3] и русскоязычные мемуары отдельных участников посольства [6]. Составленные на немецком языке записки М.А. Коцебу до настоящего времени не привлекали внимания отечественных исследователей. Вместе с тем записки Коцебу уже в 1819 г. были не только переведены на английский язык, но и проанализированы в примечаниях переводчика, проводившего в отдельных местах любопытные сравнения между описанными Коцебу реалиями жизни восточного региона и опытом, вынесенным британскими ориенталистами по широкому кругу вопросов [9].

Записки М.А. Коцебу объемны и многоплановы. Они выполнены в стиле сентиментальных путевых заметок – жанре, возникшем в европейской литературе во второй половине XVIII в. В произведениях этого жанра автор на основе красочного рассказа о пережитых им трудностях делится с читателем полученными в ходе своего путешествия впечатлениями, сообщая при этом полезные сведения о чужих землях, народах и культурах [12: 76–77].

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, https://rscf.ru/project/23-28-00302/.

Большую часть записок занимает травелог – рассказ о пройденном Коцебу пути от Санкт-Петербурга через Кавказ в Тифлис и из него по российско-персидскому приграничью (Армении и Азербайджану) в персидский Тавриз, из которого посольство переместилось в Султанию – летнюю резиденцию Фетх Али-Шаха. Здесь А.П. Ермолов передал шаху послание от российского императора, члены посольства провели переговоры с официальными лицами и вернулись обратно через Северную Персию в Тифлис.

Помимо официальной дипломатической миссии, посольство должно было собирать сведения о закавказских владениях России и о Персии, чем все члены посольства, включая А.П. Ермолова, активно занимались. Они беседовали с персидскими чиновниками, министрами, представителями шахского двора и иностранцами. Кроме того, велись личные наблюдения и предпринимались попытки разговаривать с местными жителями. Свои впечатления члены посольства заносили как в общий «Журнал посольства» [4], так и в частные дневники [3; 6]. Особое внимание уделялось сбору информации о вооруженных силах Персии, причем служба А.П. Ермолова в артиллерии предопределила повышенное внимание членов посольства именно к этому роду войск персидской армии.

М.А. Коцебу обладал большой наблюдательностью и как человек, имевший широкий кругозор и опыт литературно-мемуарного творчества [5], не смог ограничить путевые записи исключительно официальной информацией. Во многих местах он приводит рассуждения и обобщения относительно состояния как Кавказа, российско-персидского приграничья, Персидского государства, так и нравов их жителей. В идеях и образах его повествования можно увидеть повторение и развитие тех мыслей, которые в начале XIX в. формировали дискурс европейского ориентализма.

Коцебу не являлся беспристрастным наблюдателем. Он ехал в Персию, имея явные европоцентристские предубеждения, а кроме того, был далек от так называемого «эстетического ориентализма» – изучения Востока ради его экзотики. Офицер отзывался о подобных увлечениях в Персии как о занятии мальчишки, рассматривающего «в книгах рисунки ее смуглых обитателей» [9: 8]. Наблюдатель, считал он, неизбежно отрезвеет, узнав об опасностях Востока в виде эпидемий чумы, антисанитарии, «скорпионах, тарантулах и фалангах. <…> Надо признать, я очень неохотно покидал дорогую Европу, ведь в конце концов, что может выиграть человек, сказав, что он тоже побывал в Персии?» – задавал он риторический вопрос [9: 8].

Приниженное положение Востока по отношению к Западу не вызывало у Коцебу сомнений, и он был одним из тех исследователей, которые, по словам Э. Саида, приняли «основное различие между Востоком и Западом как отправную точку для создания теорий, эпических поэм, романов, описаний

социумов и политических сочинений о Востоке, его народе, обычаях, мышлении, судьбе и т.д.» [7: 20]. Своему убеждению Коцебу не изменил, даже увидев реальный Восток, став типичным представителем тех европейских авторов, которые ни при каких условиях не меняли ориенталистских клише [11: 2].

Чувство отчужденности от незнакомого азиатского мира, в который он попал, Коцебу постарался передать и в той части своих записок, которые были посвящены путешествию по персидской территории. Он использует любопытный литературный прием, переводя внимание читателя на природу региона: цветущему под российским управлением Закавказью, которое автор описал в ярких красках [9: 74], он противопоставляет зону персидского контроля в приграничье, которая ассоциируется с безжизненной пустыней и «разоренной страной» [9: 91]. Только так, по мнению Коцебу, могла выглядеть земля, управляемая восточной деспотией. «В Европе люди жаждут видеть Персию раем, и сами персы убеждают себя в том, что это так и есть, но несмотря на то, что сейчас была весна, мы не нашли здесь ни цветов, ни прекрасных возделанных полей, ни вообще одного райского аспекта природы. Вокруг нас простирались голые горы, желтые поля и редкие деревья», – пишет путешественник [9: 143]. В черных красках он изображает подконтрольную персам часть Армении: Эривань, Нахичевань и Эчмиадзин. Последний, по словам Коцебу, в землях мусульман выглядит «беззащитным ягненком среди волков» [9: 96].

Описания безжизненной природы сменяются критикой деспотичных персидских сардаров, управлявших этими землями. Коцебу осуждает не только злоупотребления по отношению к христианскому населению Армении и монахам в Эчмиадзине, но и не приемлет сам тип политических отношений, установленных в Персии. «Лица высокого ранга, – пишет он, – в основном примечательны своим бешеным стремлением к грабежу, а также любовью возводить напраслину друг на друга, что является их любимейшим способом времяпровождения. Они часто собираются в домах своих вельмож или великих людей, где стоят как прислуга, пялясь на сильных мира сего, а затем, счастливые, возвращаются домой, часто даже не отмеченные вниманием вельможи» [9: 109–110]. В целом подобные ремарки Коцебу хорошо иллюстрируют тезис Э. Саида о том, что в глазах европейца житель Востока был носителем тех культурных черт, которыми не должен обладать цивилизованный человек [7: 24].

Автор описывает торжественный обед, который персидский сардар Эривани дал членам посольства. Его организация и поведение на нем персов могли вызвать у европейцев только чувство омерзения: персы не пользовались столовыми приборами и ели руками; стол вместо скатерти был накрыт огромной хлебной лепешкой; блюда не были расставлены по столу, а свалены

в кучу, из которой гостям предложили вытаскивать приглянувшуюся еду. Сам же сардар «величественно запускал свою правую руку в блюдо с рисом, плавающим в жиру, и тремя пальцами отщипывал небольшую порцию, которую отправлял точно в рот, правда, иногда при этом вымазывая жиром свою бороду и усы. После того как он проделал эту операцию несколько раз, он оторвал кусок громадной лепешки и, вытерев об нее свои пальцы, с удовольствием проглотил. Таким же точно образом он ткнул свои пальцы в другие блюда, которые захотел попробовать, а под конец схватил кубок с шербетом и, глотнув из него, улыбнулся гостям» [9: 115–116].

Критика официальных мероприятий в записках Коцебу переходила на язвительные замечания относительно организации быта персидской знати: «Расхаживать взад-вперед по комнате или просто так гулять по улице у персов считается неприличным, а если человек это делает, то на него смотрят с удивлением и считают, что он сошел с ума. По их представлениям, мужчина должен сесть на лошадь, как только он вышел из дома. Дома он должен гордо сидеть возле окна, положив левую руку на кинжал, а правой помпезно махать в воздухе, требуя себе каждые четверть часа кальян у слуг-ротозеев, которые стоят снаружи весь день. <…> Затем он возвращается к своей прежней позе, зевает и ждет заката солнца, чтобы отправится спать с чистой совестью человека, который прокурил еще один день напролет» [9: 107–109].

Как и многие европейские путешественники, ездившие по Персии до и после него, Коцебу говорил о контрасте между величием следов исторического прошлого и нищетой настоящего в стране. Путешественник часто использует типичный прием европейских ориенталистов – отсылает читателя к сюжетам Библии или античных авторов. Так, описывая находящиеся под персидским контролем земли Армении, Коцебу часто вспоминает историю Ноева ковчега на Арарате [9: 127], в руинах Нахичевани пытается найти памятники времен Тамерлана [9: 142], а в развалинах одного из безымянных мостов через Аракс – следы римского фортификационного искусства [9: 139]. Во многих местах своего повествования он описывает остатки некогда величественных дворцов, крепостных сооружений и мостов и, подобно лорду Дж. Керзону, посетившему Персию через 70 лет [8: 144], делает типичный для ориентализма вывод о «меланхолической грусти персидских городов» [9: 144], которая охватывает путешественника, смотрящего на сцены упадка.

Со следами древнего величия контрастировало нищее население современной Персии, с представителями которой члены посольства периодически сталкивались. Коцебу описывает оборванных дервишей, которых иногда видели путешественники [9: 133], сочувствует любопытным горожанам, которых почетная охрана посольства прогоняла с пути, кидая в них

камнями и избивая палками [9: 111], симпатизирует крестьянам, которых в окрестностях Султании грабит шахская стража [9: 279]. Коцебу отмечает трудолюбие простого народа. «Персы с ранних времен знакомы с принципами гидравлики. Каждый крестьянин, где бы он ни был поселен, обладает навыком найти ручей за несколько миль и самым простым способом отвести его воду на свою землю, причем сделать ее постоянно доступной, используя лишь такое количество воды, какое ему требуется», – пишет он [9: 144–145].

Персонификацией политических, экономических и социальных недостатков страны для Коцебу выступал персидский шах. С правителем Персии – Фетх Али-шахом – посольство встретилось в летней резиденции, где стало свидетелем прибытия персидского монарха. Древняя церемония встречи шаха, в ходе которой следовало убить верблюда, чтобы использовать его голову как ступеньку для ног правителя [9: 245], показалась европейцам диким и нелепым проявлением восточной деспотии. Шах принял послов, получил подарки от российского императора и в знак благодарности показал членам посольства содержимое собственной сокровищницы. Коцебу описывает богатства персидского шаха [9: 299], но делает неожиданный вывод, что шах их скопил не усилиями по укреплению державы, а требуя от подчиненных подарков, и теперь они превратились в «мертвые сокровища», которые не приносят пользы ни лично шаху, ни его стране [9: 284].

В деспотичных восточных привычках Коцебу видит причину всех бед Персии. Он пишет, что знатный перс может носить шелковую одежду, иметь великолепную шаль и золотые поводья для лошади, но при этом он не заботится о своих слугах, которые «носят тряпки. Даже помощники министров выглядят как нищие-попрошайки», – восклицает автор [9: 283]. «А по-другому здесь и не может быть, – делает вывод Коцебу, – ведь в этой стране нет понимания того, что деньги могут приносить доход без уменьшения капитала. Здесь нет оборота денежной массы, как нет и конституции или представлений, что может существовать иной миропорядок. Следствием этого является то, что богач сгребает свои деньги в кучу и постепенно проедает их, хоть и имеет все возможности для того, чтобы благодаря деньгам получить еще» [9: 284].

Помимо критики политической системы, Коцебу комментирует и другие особенности восточной жизни. Восточные города, через которые следовало посольство и даже столица Северной Персии Тавриз не вызвали у Коцебу симпатии: «Тавриз обычно сравнивают с Исфаханом и Ширазом, и мне очень жаль те места, так как мне очень хотелось бы, чтобы в Персии был город, о котором я мог бы сказать хоть что-то хорошее. Описывая город, нельзя использовать слово “улицы”: они фактически узкие пешеходные проходы между низкими, хаотично разбросанными стенами, и в Тавризе они так же грязны, как и в любом другом городе» [9: 177].

В Тавризе автор посетил восточный базар, о котором остался невысокого мнения: «Этот знаменитый базар, огибающий город в разных кривых направлениях, постоянно заполнен праздным людом и спекулянтами всех мастей, все теснятся, расталкивают локтями друг друга и часто прижимаются к стене, уступая дорогу лошадям и ослам. Кабачки, чеснок, шелк, всякая всячина, жареная баранина и шали перемешаны друг с другом. Купцы здесь невероятно грубы и нахальны: они просят за свои товары вдвое больше, чем они стоят, и выглядят жалкими бедняками» [9: 178].

Подобно многим ориенталистам своего времени Коцебу считал, что Персия, как и все восточные страны, пребывает в состоянии стагнации, причинами которой западные авторы традиционно считали ислам [10: 3]. Коцебу попал на месяц поста Рамазана, поведение персов во время которого он описывает с явной иронией: «…едва ли можно было заметить хоть одного перса. Все сидели в своих палатках и постились целый день в знак религиозного покаяния... Но как только последние лучи солнца скрылись за горизонтом, мулла издал громкий крик, который считался сигналом к окончанию покаяния на этот день, и тотчас рты всех находящихся в лагере с жадностью принялись за работу, наверстывая упущенное в дневное время. Такие посты оказывают сильное влияние на фигуры людей, особенно если они длятся месяцами, они также производят сильный эффект на нравы персов, которые в течение всего поста пребывают в состоянии абсолютной лености и почти остановки умственной активности» [9: 232–233].

Как отмечают современные исследователи, любой европейский путешественник на Востоке, глядя на руины древних зданий и укреплений, «доведенные до состояния невосстановимого упадка или бесформенных груд земли», въезжая в города с зияющими дырами в стенах, грязными улочками и заброшенными кладбищами, неизбежно делал вывод о «прирожденной неспособности Персии самой себе помочь». Это готовило почву для провозглашения политических идей установления над местными внешнего европейского правления [11: 115].

С европейскими реформами Коцебу также связывал единственно возможное будущее Персии. Он тепло отзывался о наследнике персидского престола Аббас-Мирзе, который начал европейские преобразования: попытался внести в персидскую армию военную дисциплину и регулярный характер, активно использовал помощь иностранных инструкторов и даже хотел искоренить вредный обычай непомерного курения. «Только тот, кто близко знаком с устремленным упрямством персов и их неприятием любых инноваций, может понять, с какими препятствиями столкнулся наследник, реализуя свои взгляды», – пишет Коцебу [9: 159], высказывая надежду на то, что «может быть, Аббас-Мирза когда-нибудь станет для Персии тем же, кем Петр I стал для России» [9: 161].

Подводя итог своих впечатлений о Персии, Коцебу пишет: «Это на самом деле ужасная страна! Если бы записи путешественников о ней были правдой, то мы должны были бы наслаждаться обилием фруктов, куда бы ни кинули взгляд, люди должны были бы ходить в великолепных шалях, возлежать на розах, восхищаясь видами прекрасного неба. Вместо этого мы… испытываем сильное желание скорее покинуть этот земной рай» [9: 199].

Таким образом, анализируя записки М. Коцебу, можно утверждать, что совокупность ориенталистских клише не только диктовали направления развития европейских наук, изучавших Восток, но и ложились в основу политики, проводимой европейскими странами. Показательно их наличие в нарративе человека, задействованного в реализации российских политико-дипломатических мероприятий в Персидско-Кавказском приграничье. Однако вместе с идеологическими штампами своего времени иностранные наблюдатели зафиксировали множество ярких деталей жизни восточных регионов. Эта сторона их творчества хорошо иллюстрирует тезис Э. Саида о том, что ориентализм – это не нагромождение беспочвенной лжи и клеветы, «которая бы развеялась, если бы была рассказана правда» [7: 25], а из консервативного тезиса о превосходстве Запада над Востоком в XIX в. выросло целое поле для конкретных этнографических, культурологических и исторических исследований о неевропейских землях и народах.

Источники и литература

1. *Берже А.П.* Посольство А.П. Ермолова в Персию // Берже А.П. Кавказская старина / сост. Н.В. Маркелов. Пятигорск, 2011. С. 97–160.

2. *Гезалова Н.* Дипломатические шаги генерала Ермолова с целью налаживания русско-иранских отношений. URL: https://www.turkishnews.com/ru/content/2017/01/23 (дата обращения: 28.05.2023).

3. *Ермолов А.П.* Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 году // Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1868. Ч. II. 1816–1827 г. С. 1–74.

4. Журнал посольства в Персию генерала А.П. Ермолова // Чтения в Императорском обществе истории древностей Российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1863. С. 16–184.

5. *Коцебу М.А.* Русский военнопленный, или приключения Морица Коцебу в плену французов. М., 1816.

6. *Муравьев-Карсский Н.Н.* Собственные записки: 1816–1820. М., 2016.

7. *Саид Э.* Ориентализм. М., 2021.

8. *Curzon G.* Persia and Persian Question. London, 1892.

9. *Kotzebue M.* Narrative of a Journey into Persia in the Imperial Russian Embassy in the Year of 1817. London, 1819.

10. *Laisram P.P.* Viewing the Islamic Orient: British Travel Writers of the Nineteenth Century. London; New York; New Delhi, 2006.

11. *Nash G.* From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830–1926. London; New York, 2016.

12. *Pratt M.L.* Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London; New York, 1992.

А.Ю. Моисеенко

ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX в.[1]

Начиная с XIX в., когда Грузия вошла в состав Российской империи, Кавказ стал территорией, на которой развернулась бурная деятельность по изучению природы и населения. Для облегчения экономического освоения новых земель и управления ими кавказская администрация уделяла особое внимание изучению местных народов и их языков. В первую очередь ощущался недостаток в этнографических сведениях. Большую роль в их накоплении сыграли не только специально организованные Российской академией наук экспедиции, но и путешествия по Кавказу, выполнявшиеся военными или гражданскими чиновниками.

Целью статьи является рассмотрение примеров таких путешествий и выяснение их влияния на формирование представлений об этнической картине Кавказа XIX в. Для раскрытия поставленной цели мы обратились к кавказским нарративам А.П. Берже [3; 4], И.А. Бартоломея [2], П.К. Услара [9–11], Е.Л. Маркова [8] и Я.В. Абрамова [1] как представителей интеллектуальной элиты Российской империи XIX в., оставивших след в отечественном кавказоведении. Анализ их записок, очерков и статей, составленных во время и по итогам поездок по Кавказу, позволит увидеть, какая информация интересовала путешественников в первую очередь и как эволюционировали эти интересы со временем.

Научное «открытие» Кавказа началось еще в XVIII в., но сбор информации о регионе давался очень тяжело. Осуществление поездок было сопряжено с опасностями, вызванными неспокойной военно-политической обстановкой. Ощущался также явный недостаток эмпирических данных. У горских народов отсутствовали собственные письменные источники, да и многие местные жители не доверяли путешественникам-исследователям и ученым.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, https://rscf.ru/project/23-28-00302/.

Существовали и проблемы, связанные с состоянием этнографического знания о Кавказе. В начале XIX в. четкая система классификации местных этнических групп еще не была выработана. С точки зрения военной администрации, горцы делились на «мирных» и «немирных». Предлагалось обозначить их группы по территории проживания. Но такая система не устраивала не только ученые круги, но и самих российских администраторов, которые понимали, что горцы делятся еще и по языку, традициям, обычаям, организации социального устройства и управления [6: 169–170].

Путешественники-исследователи сыграли важную роль в уточнении этнической картины Кавказа. Некоторые из них занимались изучением народов Кавказа в рамках своей профессиональной работы.

Одним из таких примеров служит исследовательская деятельность А.П. Берже. Он был гражданским чиновником в аппарате Кавказского наместника 1850–1880-х гг., увлекался изучением региона и его народов. А.П. Берже пришел к мысли о необходимости уточнить этническую классификацию местного населения. По справедливой оценке американского историка О. Джерсилда, именно с работ Берже начинается постепенный отказ от романтизации Кавказа и переход к «этническому реализму» – объективному описанию народов с их положительными сторонами и недостатками [12: 78].

Берже считал, что Кавказ изначально был известен как территория, имеющая пестрый состав населения, разговаривавшего на разных языках. Среди разнообразных кавказских народов он обращает особое внимание на «чеченское племя», которое составляло ядро горского населения [4: 80]. Чеченцы подразделялись на «племена» с разными названиями с учетом места расселения. При этом сами они не знали о таком разделении и сами себя называли *нахче* (народ) [4: 83].

Как отмечал А.П. Берже, не имея записанной истории, ученые и путешественники обращались к преданиям и другим фольклорным памятникам, которые составляли важную группу источников для исследования быта, нравов и обычаев местного населения [4: 123]. Именно приведенные в научную систему предания стали основой в формировании представлений об этническом составе, образе жизни и традициях проживающих на Кавказе народов [4: 123].

В работе «Краткий обзор горских племен на Кавказе» А.П. Берже разделил население по несходным между собой языкам: картвельский, абхазский, черкесский, осетинский, убыхский, лезгинский, чеченский [3: 4–5]. Исходя из этого, язык становился основанием для классификации и изучения коренных жителей. Таким образом, исследовательские практики А.П. Берже повлияли на формирование той классификации кавказских народов, которая представлена в современной этнографической науке.

Наряду с Берже, проблему изучения этнического состава кавказского населения затрагивал И.А. Бартоломей. Он был военным деятелем, генерал-майором, в середине 1850-х гг. командовал авангардом левого крыла Кавказской линии [7: 20]. В 1853 г. его отправили с дипломатическим поручением в Вольную Сванетию. Увлекаясь археологией и нумизматикой, Бартоломей помимо официального задания в ходе поездки надеялся отыскать новые артефакты – особенно найти следы консервации античной цивилизации в одном из самых недоступных районов Юго-Западного Кавказа. Он не нашел того, что искал, но зато основательно описал этнографию сванов (в дореволюционных источниках именовались также сванетами) и развил мысль об их принадлежности к какой-то более обширной этнической группе.

В описании своего путешествия И.А. Бартоломей не соглашался с распространенным суждением о том, что сванеты – «одичалые грузины» [2: 91]. По его мнению, сванеты говорили на неизвестном языке, состоявшем из небольшого числа слов. По надписям, которые были собраны в Сванетии, он пришел к выводу о том, что только третья часть сванетских слов имеет грузинский корень, а остальные не имеют ничего общего с другими кавказскими языками [2: 77–78]. В ходе путешествия И.А. Бартоломей обратил внимание на общие черты Вольной и Мингрельской Сванетии: в обеих существовали небольшие храмы, в изобилии встречались грузинские надписи с вкраплением латинских слов [2: 88]. Наличие грузинских надписей свидетельствовало о том, что христианство перешло в Сванетию из Грузии [2: 88]. Помимо научных изысканий, итогом дипломатической поездки Бартоломея в Сванетию стало ее добровольное подчинение российскому правительству.

В формирование представлений об этнической картине Кавказа огромный вклад внес также П.К. Услар. Он был военным, которому поручили написать историю утверждения российского доминирования на Кавказе. Однако он увлекся древней историей региона и пришел к выводу о том, что ее нельзя написать без понимания языка, географии и местной этнографии. Услар стал составлять алфавиты для чеченского, аварского, лакского и других кавказских языков и, по сути дела, стал основоположником современной этнолингвистической классификации народов региона [5: 280–281].

П.К. Услар много ездил по заданию военной администрации: был на Северо-Западном Кавказе, затем на Центральном, в Чечне и Дагестане. Он не оставил травелогов, поскольку был сосредоточен на изучении языков. Но подготовленные им отдельные очерки и описания народов региона развивали идеи «этнического реализма» А.П. Берже и позволяли современникам увидеть этническое многообразие края [9–11].

Именно лингвистическим исследованиям П.К. Услар придавал большое значение в анализе исторического прошлого народов, подчеркивая,

что «настоящее средство для изучения древнейшего времени представляет язык» [5: 22]. Он справедливо сетовал на то, что языковеды не привлекались к решению данного вопроса [5: 22].

При анализе записок путешественников стоит учитывать, что на исследователей особое влияние оказывала идеология эпохи. Ярким примером тому служит творчество Е.Л. Маркова – известного общественного деятеля Российской империи последней четверти XIX в.

Являясь представителем консервативного направления общественной мысли, он акцентировал внимание в основном на негативных проявлениях традиционного уклада жизни кавказских народов. Так, путешествуя по Дагестану и описывая лезгин, он подчеркивал приниженное состояние женщины в традиционном обществе, где, по словам автора, ее использовали «как вьючный скот» [8: 14].

Несмотря на то что при описании народов Дагестана Марков выступал сторонником этнолингвистического подхода, в его нарративе можно встретить много негативных авторских оценок. «Дидойцы называют себя “цези”, т. е. орлы, хотя остальные дагестанцы столь же метко называют их не орлами, а “оборвышами” (цунта)» [8: 522], – комментировал он самоназвание одного из племен. Путешественник часто использовал образы времен Кавказской войны, считая горцев склонными к грабежам и набегам. «Они живут как орлы, как коршуны, как все хищные птицы гор, высоко свивая свои гнезда на обглоданных утесах, откуда им видно всё далекое поле их добычи, где их нельзя никому достать» [8: 522], – писал автор о вольных обществах Дагестана.

Отголоски противостояния времен Кавказской войны Марков видел и в тех областях, где шло активное смешение населения. Так, посетив ст. Николаевскую, путешественник отмечал, что на Центральном Кавказе проживали представители разных племен: осетины, кабардинцы, грузины, казаки, русские, которые жили селами, вперемежку друг с другом. Взаимоотношения между народами были сложными, сопровождались ежедневным воровством и грабежом [8: 78]. Путешественник обращал внимание на то, что осетин не пойдет вечером в аул кабардинцев, а кабардинец не опоздает в дороге через казачью станицу [8: 78].

Марков описывал и представителей лезгинской языковой группы. По его словам, «удинцы» (удины) проживали в Елизаветпольской губернии среди татарского населения, подверглись сильному влиянию татар, которое привело к тому, что у этой этнической группы появился свой язык, на котором говорили старики, и даже имелись рукописи, куда записывали слова и обороты. Этот язык, по мнению Маркова, был похож на немецкий, но со временем исчез. Данное обстоятельство порождало предания, говорящие об удинах как о немцах, которые зашли в Грузию во время

крестовых походов, однако сам автор сомневался в правдоподобности таких суждений [8: 157–158].

Марков также оставил описание осетин. Он считал их самым любопытным народом на Кавказе, который формировался длительное время в условиях этнографических изменений, «вавилонского смешения языков» [8: 171]. Осетины характеризовались Марковым как один из древнейших народов Кавказа, принадлежавших к индоевропейской семье. Он отмечал сходство осетинского языка, обычаев и традиций с немецкими и другими индоевропейскими [8: 172].

В целом Е.Л. Марков был ярым сторонником русификации, но, несмотря на свои политические взгляды, представил в путевых записках очерки отдельных традиций и уклада жизни народов Центрального Кавказа и Дагестана. Он сделал это в такой яркой форме, которая остается привлекательной до настоящего времени, хотя с консервативными оценками Маркова мы и не можем согласиться.

Помимо консерваторов, были и авторы, критиковавшие силовую политику империи, в основном социал-демократы по своим политическим убеждениям. Таковым был Я.В. Абрамов, который в своем травелоге описывал тяготы мухаджирства и явно сочувствовал адыгам. В работе «Кавказские горцы» он рассказывал о кабардинцах так: «Это были живые памятники того времени, когда кабардинец не подчинялся ни русскому чиновнику, ни своему “князю” и когда для него единственным законом являлись его собственные понятия о правде и неправде» [1: 5]. Одновременно он был тронут переживаниями кабардинцев, поскольку «переселенцы прощались со своей родиной и отправлялись в Турцию» [1: 5].

В отличие от авторов, охарактеризованных выше, Абрамова уже не интересовали вопросы этнического многообразия народов Кавказа и их систематизации. В центре его внимания оказались те социально-политические проблемы, которые проявились в регионе в период его модернизации. Прежде всего, это был вопрос переселенческой политики: перемещения на Кавказ людей из центральной части Российской империи и горцев – в Турцию.

Абрамов пытался показать возникающие противоречия и объяснить их природу. По его мнению, такое переселение являлось нормой, потому что у горцев была связь с Турцией в политическом, религиозном, языковом плане [1: 6]. У них было представление о могуществе султана и богатстве самой Турции. По мнению Абрамова, коренные жители не хотели признавать власти Российской империи. Переселялись: джигиты, убыхи, шапсуги, натухайцы, абадзехи, абазинцы, башильбаевцы, тамовцы, кизыльбековцы, шахгиреевцы, баговцы, егерукаевцы и темиргоевцы, бесленеевцы, махошевцы, бжедухи и закубанские ногайцы [1: 6]. Всего выселилось с 1858 г.

по 1865 г., только по официальным данным, 493 194 человека, причем много горцев покинуло родину без ведома русского правительства [1: 6].

Абрамов искренне сочувствовал горцам-переселенцам, указывал на трудности, с которыми они сталкивались. При этом ответа на вопрос, как же в итоге изменилась этническая картина Кавказа в ходе переселенческих процессов, мы в его работе не находим.

Таким образом, путешествия представляли собой одну из распространенных форм изучения Кавказа в XIX в. Их результатом стало появление разноплановых работ: написанных на разном научном уровне и с разными целями. Авторами таких сочинений были военные и гражданские чиновники, люди различных убеждений и политических пристрастий. Но, несмотря на это, все они делали полезное дело – популяризировали в России знания по этнографии Кавказа. Благодаря их трудам, складывалась этническая картина региона, на которой местные жители теряли черты «чужого». От их романтизации или, наоборот, демонизации осуществлялся переход к «этническому реализму» и представлению о местном населении как о подданных империи.

Материалы путешественников, владевших историческими и этнографическими знаниями, а также военным опытом, становились одним из источников для получения информации о регионе представителями имперской власти, что было необходимо для организации государственного управления.

Источники и литература

1. *Абрамов Я.В.* Кавказские горцы. Краснодар, 1927.

2. *Бартоломей И.А.* Поездка в Вольную Сванетию // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества / под ред. Е.А. Вердеревского. Кн. III. Тифлис, 1855. С. 150–237.

3. *Берже А.П.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992.

4. *Берже А.П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

5. *Гаджиев А.Г.* Пётр Карлович Услар – выдающийся кавказовед. Махачкала, 1966.

6. *Колосовская Т.А.* О составлении описания горских народов в начале 1830-х годов: к проблеме истории этнографического изучения Кавказа // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 164–173.

7. *Колосовская Т.А.*, *Ткаченко Д.С.* Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь, 2021.

8. *Марков Е.Л.* Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.; М., 1887.

9. *Услар П.К.* Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 3–42.

10. *Услар П.К.* Об исследовании кавказских языков // Кавказ. 1862. № 49. С. 268–270.

11. *Услар П.К.* Об исследовании кавказских языков // Кавказ. 1862. № 50. С. 275–276.

12. *Jersild A.* Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal, 2002.

Ю.С. Сулаберидзе

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ГРУЗИНСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ. М.А. ПОЛИЕВКТОВ И Я.З. ЦИНЦАДЗЕ: УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

С именем М.А. Полиевктова связано развитие грузинского кавказоведения 1930–1950-х гг. Профессор Санкт-Петербургского университета привез с собой в Грузию не только глубокие познания в русской истории, современные методы исследования источников Петербургской исторической школы, но и идеи, связанные с особой ролью Востока в развитии Российского государства. Позднее они нашли отражение в концепции «восточно-кавказского вопроса» [12].

М.А. Полиевктов оказал влияние на формирование научной школы грузинского кавказоведения. В статье будет проанализировано воздействие научных методов и идей М.А. Полиевктова на первую плеяду грузинских ученых-кавказоведов, специалистов в области грузино-русских взаимотношений, прошедших школу М.А. Полиевктова. Одним из них был Яссе Захарьевич Цинцадзе (1903–1975). По окончании Тбилисского государственного университета (далее – ТГУ) в 1926 г. Я.З. Цинцадзе по представлению профессора М.А. Полиевктова и рекомендации И.А. Джавахишвили был оставлен в университете на кафедре истории России для подготовки к педагогической работе. С 1929 г. началась его научно-преподавательская деятельность в ТГУ и других вузах Грузии, которая продолжалась до 1975 г. Они вместе работали в Центральном архиве ССР Грузии, а также в ТГУ на кафедре истории народов СССР [11].

Научное творчество Я.З. Цинцадзе не удостоилось большого внимания в исторической науке. Существует лишь небольшая работа В.Г. Мачарадзе и Э.М. Копалиани, которая схематично рисует образ одаренного ученого, одного из первых проложивших борозду исследования грузино-русских взаимоотношений, начиная с периода Киевской Руси [4]. Также отмечается значение деятельности Я.З. Цинцадзе по публикации источников, по выяснению происхождения дипломатических документов (крестоцеловальные

записи, жалованные грамоты), определяется их значение в истории русской дипломатии [1; 2: 69–70].

В своем исследовании «Разыскания по истории русско-грузинских отношений (X–XVI вв.)», опубликованном в 1956 г., Я.З. Цинцадзе высказывает ряд интересных положений, связанных с интерпретацией понятия «здравия отведати». По его мнению, «здравия наши видеть», «вашего здравия отведати» означали формулу установления дипломатических отношений, связанную с визитом посольств [14: 249–250]. Я.З. Цинцадзе соглашается с утверждением М.А. Полиевктова о времени первого посольства царя Кахетии в Москву. Во введении к работе 1928 г. «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640–1643» М.А. Полиевктов пишет: «Начало сношений Грузии с Россией с конца XV века. Царь Кахетии Александр I посылает посольство в 1492 году» [9: 14–15].

Это было время, когда произошло окончательное освобождение Московии от золотордынского ига (1480 г.), подчинение Новгорода (1478 г.), Твери (1485 г.), установление тесных связей с Крымским ханством. Московия активно ищет пути на Восток. К первому посольству (1492 г.) у русских уже имеются сведения о Грузии. Через армянских и иранских купцов в Астрахани добывались сведения о Кахетии. Со своей стороны цари Кахетии через эмиссара Английской торговой компании Дженкинсона в 1563–1564 гг. пытались узнать, какого он мнения о посылке послов царя Кахетии в Москву [14: 259].

Я.З. Цинцадзе большое внимание уделил анализу дипломатических документов XVI в., усваивая достижения русской науки. На научные взгляды, методику исследования грузинского ученого большое влияние оказала работа М.А. Полиевктова «Делопроизводственный генезис и состав документов дипломатических сношений России с Грузией Московского периода (XVI–XVII вв.)». Она была опубликована в 1940 г. [7]. М.А. Полиевктов одним из первых в русской историографии занялся изучением истории формирования государственного архива России, исследованием архива Посольского приказа. Этой теме были посвящены прочитанные в 1918 г. лекции ученого на тему «Делопроизводство Посольского приказа и коллегии иностранных дел». М.А. Полиевктов раскрыл динамику превращения Посольского приказа в самостоятельный государственный орган, который стал заниматься иностранными делами, процесс становления дипломатической службы Московского государства [13].

Первые шаги по изысканию дел о сношениях России с Кавказом были предприняты С.А. Белокуровым. Они были рассмотрены им до 1613 г. Однако, только в 1960 г. С.О. Шмидт составил описи архивов, касающихся внешней политики России XVI–XVII вв. [6]. Всё это не только затрудняло поиск документов по истории русско-грузинских взаимоотношений, но и требовало выработки методики анализа дипломатической практики.

Работа М.А. Полиевктова была столь значительна, что даже сам архивариус признавался: «История московской дипломатии, делопроизводства до нашего времени, насколько мне известно, систематически не изучалась» [7: 93]. Предпринятая М.А. Полиевктовым попытка анализа генезиса делопроизводства и состава дипломатических документов XVI–XVII вв. была, по сути дела, новаторством в источниковедении, раскрывающим процесс зарождения дипломатических отношений между Россией и Грузией. М.А. Полиевктов раскрывает содержание системных понятий «приезд» и «отправление». «Приезд» связывается с просьбами, обращениями правителей Кавказа, Грузии к государям России о покровительстве. С 1580-х гг. Османская Турция усилила давление на Кавказ. Московия же стремилась установить торговые отношения с Ширваном, Кахетией, выйти к Шелковому пути. С этой целью царь Фёдор Иванович отправил посольство Данилова, чтобы изучить торговые пути, а заодно и Грузию (Кахетию). Русский царь обещал Кахетии покровительство. Царь Кахетии Александр II радушно принял посла, надеясь на единоверную Московию, находившуюся в окружении агрессивных мусульманских государств. Посольство из Кахетии было отправлено в 1586 г. в составе священника Иоакима, старца Кирилла и черкеса Хуршита. Ученый анализирует просительные грамоты. За этим следует отправление посольств Посольским приказом. В 1587 г. в Кахетию отрядили посольство Биркина, Пивова и подъячего Полуханова, миссия которых увенчалась успехом: 28 сентября 1587 г. царь Кахетии Александр II подписал клятвенную запись, а в 1589 г. получил от государя России жалованную грамоту.

С XVII в. русско-грузинские взаимоотношения приняли более активный характер. М.А. Полиевктов интенсивно изучал архивные материалы, так как его предшественники (С. Белокуров, А. Цагарели, М. Броссе) материалы за XVII в. не опубликовали. Публикуя данные архива о посольстве князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию за 1640–1643 гг., М.А. Полиевктов отмечает особенности этого периода взаимоотношений, когда повысилась активность всех правителей отдельных частей Грузии. Особую функцию на себя взял царь Кахетии Теймураз I, у него «возникла мысль об общегрузинском соглашении владетелей Кахетии, Картли, Мингрелии и Гурии против внешних врагов» [9: 14]. Московия-Россия в этом плане должна была сыграть роль покровителя. В 1636 г. в Москву было отправлено посольство с этой миссией. М.А. Полиевктов особо выделяет митрополита Никифора, отличавшегося недюжинным умом и твердой волей. В указанной работе М.А. Полиевктова приводится формула клятвенной записи, по которой присягнул царю Алексею Михайловичу царь Кахетии Теймураз I в 1639 г.: «Теймуразу... грамоту держати у себя... для детей своих и внучат и во всем нашему царскому в[еличест]ву

и нашим царским детям и внучатам служите и радете… и добра хотете безо всяких хитрости и чести и повышения искати и быти под нашею ц[арск]ого в[еличест]ва высокою рукой… неотступным до... живота своему крестному целованью» [9: 24].

Данная формула клятвенной записи стала стандартной. 9 октября 1651 г. царь Имеретии Александр III «крест целовал и сыну и ближним людем целовати велел на той записи... быть в его государев жалование под их государей высокою рукой навеки неотступно и некоторым иным государям не приставати» [8: 12]. Это стало итогом активной деятельности в Имеретии послов стольника Н. Толочанова и дьяка А. Иевлева в 1650–1651 гг.

М.А. Полиевктов проанализировал содержание крестоцеловальных записей, наказов, статейных списков. С неуверенностью, но все-таки назвал источник происхождения грузинских крестоцеловальных записей. Они «ведут свое начало, очевидно, от договорных грамот местных княжат удельного периода. Посредническую роль сыграли шертные грамоты различных мусульманских владетелей» [7: 94].

М.А. Полиевктов подробно раскрывает формулу клятвенных записей: цементирующими обязательствами вассалов перед сюзереном были категории: «неотступны» перед великим государем, «ни к кому не приставати», войска «ни к кому не посылати», друг за другом «стояти». Ученый утверждает, что отдельные грузинские правители, как царь Кахетии Теймураз I, пытались противостоять «односторонним обязательствам», выдвигая свои требования [7: 95].

В этом отношении обращает на себя внимание анализ крестоцеловальных записей и жалованных грамот, данных грузинским ученым Я.З. Цинцадзе. Он сделал ударение на дипломатических категориях – «не приставати и людей своих ни к кому, быти неотступну», «право отъезжать». Каково их различие? Грузинский ученый придерживается мнения своего учителя М.А. Полиевктова, цитированного выше [7: 94]. Подчеркивая значимость высказываний русского ученого об источниках происхождения документов, касающихся установления дипломатических отношений между Россией и грузинскими царствами, Я.З. Цинцадзе все-таки отмечает, что данное суждение не было до конца обосновано. В этом признавался и сам М.А. Полиевктов [14: 295]. Поэтому Я.З. Цинцадзе поставил перед собой задачу подробно проанализировать процесс становления правовой основы дипломатических отношений. Для этого он использовал труды русских правоведов М.А. Дьяконова [3] и Б.Н. Чичерина [16].

Работа М.А. Полиевктова «Делопроизводственный генезис и состав документов дипломатических сношений с Грузией Московского периода (XVI–XVII вв.)» и мысли, высказанные ее автором, становятся ориентиром для последующего анализа. Я.З. Цинцадзе среди семи основных частей

крестоцеловальных записей, отмеченных М.А. Полиевктовым, особо выделяет следующие положения: «И мне... быти... под в[еликого] г[осударя]... высокою рукою... неотступну», «Ни к кому не приставати и людей своих ни к кому на помощь для войны... и ни на которые месте не посылати» [14: 300]. Анализируя условия возникновения клятвенных записей, грузинский ученый связывает их с процессом собирания русских земель вокруг Московского княжества времени великого князя Ивана III. Феодальное «право отъезжать» Я.З. Цинцадзе относит к внутренним договорным отношениям между патронами (царем) и их вассалами (Шуйские, Бельские, Мстиславские, Глинские и др.), которые «должны были служить до своего живота, а не отъехати ли от своего господаря» [14: 301].

Продолжая мысль Я.З. Цинцадзе, можно утверждать, что эта формула договорных и докончательных грамот повлияла на складывание формул крестоцеловальных записей. Основание такому тезису дают заключения, к которым пришел известный специалист в области дипломатики русских договорных грамот Л.В. Черепнин. В его фундаментальной работе «Русские феодальные архивы XIV–XV веков» [15] прослеживается процесс формирования государственного архива в рамках создания единого Русского государства. С этим исследованием грузинский ученый, вероятно, не был знаком. Рассматривая описи Посольского приказа за 1614 и 1626 гг. для раскрытия процесса междукняжеских отношений, Л.В. Черепнин пришел к выводу, что «договорный формуляр был подвергнут в 80-годах XV века решительной переделке». В частности, анализируя соглашение Ивана III с тверским князем 1484–1485 гг. о недопустимости одностороннего союза (вопреки интересам Москвы) между Тверским княжеством и Литовским государством и требование отказа от этого союза, Л.В. Черепнин приводит формулу: «...крестное целованье с собя сложите перед нашим послом; а вперед вам с Казимиром с королем и великим князем литовским... любви и докончаньи не имати, ни послов своих к нему не посылати без нашего ведома и без нашие думы» [15: 203].

Л.В. Черепнин особо выделяет 1470–1480-е гг., когда канцелярией Ивана III были массово и окончательно пересмотрены формулы договорного права. Они касались междукняжеских отношений и внешней политики Московского государства, в них нашел отражение процесс подчинения удельных князей, централизации аппарата власти на основе формулы «А тобе, брату моему молодшему, мне служите без ослушания» [15: 458]. Бывшие правители княжеств ходатайствуют перед московскими правителями о помиловании. Они могли изменять своему патрону и вторично давать клятву «служите государю своему… везде во всем вправду безо всякие хитрости и до своего живота, а лиха мне... никакова не хотети, ни к иным государям ни к кому никак не отъехати» [14: 307–308]. Они били челом («челобитье»), а государь давал («жалование») – жалованную грамоту. Данная формула

повлияла и на процесс складывания формулы клятвенной записи во внешних сношениях. Это был сложный процесс формирования русской дипломатической службы.

Чем отличается формула «ни к кому не отъехати» от формулы, которая появилась в 1587 г. в крестоцеловальной книге, данной царю Кахетии Александру II царем России Фёдором Ивановичем? Вот как она звучит: «И мне Александру князю, и моим детям и всей моей Иверской земле быти под государя царя и вел[икого] князя Федора Ивановича… и от его детей неотступну быти... к иным ни к которым государевым недругом не приставати» [14: 308].

По мнению грузинского ученого, эта формула клятвенной записи касалась нерусских правителей, с кем царь России заключал договор. В отношении христианских правителей заключались клятвенные записи, в отношении же мусульманских правителей – шертные грамоты. Таким образом, формула «никому не приставати людей своих, ни к кому на помощь для войны на великого князя... земли и ни на которые места не посылати» относилась к отношениям с иностранными правителями [14: 309].

Посольский приказ в течение XVI–XVII вв. выработал инструкции (наказы) для посольств, отправляемых в Грузию. Формула и ритуалы дипломатического приема, «основы памяти» для послов совершенствовались, расширялись требования по изучению страны, ими посещаемой. Это накладывало отпечаток на составление отчетов – статейных списков, требуемых результатов дипломатических переговоров. Могло быть несколько списков одного посольства от двух послов (обычно столько было в каждом посольстве). М.А. Полиевктов, анализируя списки А и В, которые были черновыми записями-дневниками Н. Толочанова и А. Иевлева, считает, что они могли «восходить к какой-то общей, не дошедшей до нас редакции… Эти записи могли, по-видимому, лечь в основу списка С» [8: 038]. Ученый пришел к выводу, что они «резко разнятся редакционно» и по содержанию не равносильны. Он считал, что дьяк Иевлев был настоящим специалистом по Кавказу XVII в.: «Во всяком случае в лице Иевлева перед нами фигура, гораздо более подготовленная к восприятию тех владений, которые посольство должно было познать на Кавказе» [8: 038]. Грузинский ученый не со всеми положениями М.А. Полиевктова соглашался. Так, Я.З. Цинцадзе утверждал, что список С посольства Толочанова и Иевлева принадлежит переводчику Ивану Боярчикову [10: 9]. Об этом говорит и анализ дипломатических документов, представленных Я.З. Цинцадзе в данной работе. В русской редакции взгляды Я.З. Цинцадзе на развитие дипломатических отношений и формирование пророссийской ориентации правителей Грузии изложены в совместной работе с Ш.А. Месхия [5]. Но это тема дальнейшего исследования.

Подводя итог, отметим, что М.А. Полиевктов, как признанный в науке русского кавказоведения «архивариус», оказал активное воздействие

на творческое освоение методов исследования дипломатических документов XV–XVII вв. своим учеником Я.З. Цинцадзе, который продолжил традиции учителя и стал одним из основателей грузинского кавказоведения.

Источники и литература

1. *Бердзенишвили Н.А.* Из истории русско-грузинских отношений на рубеже XVI–XVII веков. Из истории Грузии XVIII века // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 1. Тбилиси, 1944 (на груз. яз.).

2. Грузинская советская историография (на правах рукописи). Тбилиси, 1964.

3. *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912.

4. *Мачарадзе В.Г.*, *Копалиани Э.М.* Я.З. Цинцадзе (жизнь и творчество). Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).

5. *Месхия Ш.А.*, *Цинцадзе Я.З.* Из истории русско-грузинских взаимоотношений (X–XVIII вв.). Тбилиси, 1958.

6. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. М., 1960.

7. *Полиевктов М.А.* Делопроизводственный генезис и состав документов дипломатических сношений России с Грузией Московского периода (XVI–XVII вв.) // Труды Тбилисского государственного университета. Т. XI. Тбилиси, 1940. С. 83–103.

8. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650–1652 / под ред. М.А. Полиевктова. Тифлис, 1926.

9. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640–1643 / под ред. М.А. Полиевктова. Тифлис, 1928.

10. Статейный список посольства в Имеретию 1650–1652 гг., составленный Алексеем Иевлевым / рус. текст Я.З. Цинцадзе. Тбилиси, 1969.

11. *Сулаберидзе Ю.С.* Научно-преподавательская деятельность М.А. Полиевктова в Грузии в 1920–1930 годах // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 163–182.

12. *Сулаберидзе Ю.С.* «Тифлисский период» научного творчества М.А. Полиевктова. История создания научной концепции «восточно-кавказского вопроса». Саарбрюкен, 2020.

13. Центральный исторический архив Грузии. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 86.

14. *Цинцадзе Я.З.* Разыскания из истории русско-грузинских отношений (X–XVI вв.). Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).

15. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков: в 2 ч. Ч. 1. М., 1948.

16. *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права: сборник статей. М., 1858.

Т.Ю. Красовицкая

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НА КАВКАЗЕ В КОЛОНИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ: 1920–1930-е гг.[1]

Концепция евразийства как специфическое направление общественно-политической мысли возникло в 1920-е гг. Она хоть и считается в научной литературе прежде всего ответом на попытки западных держав навязать этническим культурам либеральные ценности и стереотипы, на самом деле является неоколониальным дискурсом эмигрантских элит, притязаний на их удел – этнокультурное российское множество, которым после 1917 г. распоряжалось новое советское общество. С укреплением советского режима и разработкой советского метаязыка евразийство предприняло попытку занять на пространстве этой культурной сложности идеологическую нишу [4]. Сторонники данной концепции, настаивая на равенстве народов Евразии, провозглашали участие неславянских народов в общей государственной и политической жизни Евразии, чтобы повернуть Россию на путь современного мультикультурализма в целях сохранения единого государственного пространства. Вместе с северокавказскими участниками пореволюционных течений евразийцы приняли революцию как неизбежное событие русской истории.

Базовое понятие евразийства ввел П.Н. Савицкий, а соратники, в первую очередь К.А. Чхеидзе [10: 542], развили в нем концепт месторазвития. Контуры концепта можно обнаружить в статьях Савицкого «Поворот к Востоку» (1921 г.), «Миграция культуры» (1921 г.), «Степь и оседлость» (1923 г.) [10: 178] и др. Чхеидзе с особым вниманием относился к Северному Кавказу как к одному из месторазвитий идей евразийства в сфере культуры, политики, искусства, с одной стороны, и был сторонником расширения трактовки данного концепта до уровня политической актуальности, с другой.

Местные северокавказские элиты ревниво оценивали большевистскую идеологию и культурную политику в сложнейшем с разных точек зрения (исторической, этнокультурной, языковой, конфессиональной и пр.) пространстве. П. Коцев усматривал в ней попытки заместить православную идею соборности большевистским интернационализмом [15]. Это неверное понимание мотивации большевиков. Конечно, историки описывают

[1] Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2023–2025 гг. (руководитель – академик РАН В.А. Тишков).

турбулентный режим мессианской эскалации, особой ценностью наделяя моменты, таящие возможность мирной эволюции. Но Россия «в число “двоечников” в классе строителей имперских наций… точно не входила» [19: 5].

Национализм и интернационализм – две версии западнической прогрессистской парадигмы модерна – противостояли миру традиции, активно обсуждали представления народов о себе и о других. Этническое многообразие Советской России было наследством империи. Значительная часть нерусского населения сохраняла в границах России этническую родину, институты и ресурсы своей культуры. Отречение Николая II стало признанием исторической неудачи по включению этнических обществ в модернизацию имперской политической и культурной системы. Требовался концептуальный аппарат для перевода конструкций пространства, времени, вещного фона, точек зрения, ролевой структуры героев, норм репрезентации реальности – в исторические факты, на которые можно опереться. Национальные и партийные лозунги и темы: «человек с творческим потенциалом», новое общество, нации, национальная идентичность – преобладали. Это политическое поле после 1917 г. занял Народный комиссариат по делам национальностей И.В. Сталина, за организационные его плоды в культуре отвечал Народный комиссариат просвещения (далее – Наркомпрос) А.В. Луначарского.

Авангардизм представлял собой совокупность движений в культуре, для которой характерны разрыв с предшествующей традицией, экспериментальный поиск новых форм и путей. Для него была характерна подвижность границ и множественность подходов к осмыслению сути бытия, разнообразных картин мира. Смысл произведенного культурного продукта или факта вне традиции авангардисты разъясняли в манифестах и комментариях – важнейших формах творческой деятельности. С позиций авангардизма интернационализм был понятнее.

Большевиков с деятелями русского авангарда сближало то, что они разными путями шли к одной цели: к кардинальному разрушению старого (общества, старой культуры и искусства), чтобы на его руинах строить новый мир. В проектах, доносимых до наркома по национальным делам И.В. Сталина, осмыслялись представления о формах федеративной связи с центром, с тем или иным соседом, с собственной и соседней идентичностью. Суждения наполнялись фактами «воображенной истории», правами и функциями государственных и политических институтов власти, структур общества, будущего родного языка и пр. В авангардистские тонкости Сталин не вникал, авангардистов не любил, в первые годы в проблему не вмешивался.

Для наркома просвещения А.В. Луначарского управленческий аспект федеративных связей вплоть до того, как в проблему вмешался В.И. Ленин,

отходил на второй план [17]. Луначарскому было важнее определить политическую перспективу культур многосложного пространства. Он видел: движение авангарда захватило ресурсы искусства, философии, даже богословия. Ему предстояло перекроить традиционные ресурсы в вариант европоцентристской культурно-образовательной модели.

Этнокультурный мир Кавказа в ходе исторического развития выработал черты внутренней (сугубо кавказской) общности, которые позволяли говорить о существовании кавказской локальной цивилизации. Имелась особая форма социально-культурной коммуникации, синкретичная, носящая открыто-дружественный, ритуализированный характер в отношениях, направленных «вовне» и «вовнутрь», считают Х.Г. Тхагапсоев и М.З. Идрисова [14]. Подобные реалии видели и современники тех суровых обстоятельств. Этноязыковое многообразие в революционных трансформациях вставало проблемой жизни и смерти в отношении каждого этноса. В сложных процессах было задействовано коммуникативное пространство сопричастности и общности кавказских этносов, реальное взаимопонимание ради консенсуса, прояснение позиций ради компромисса, совместное формирование ответов на вызовы жизни.

Российская модернизация была центральной политической проблемой Наркомпроса. Луначарскому было ясно, что лингвисты относились к языку как идеологическому аппарату идеологии. На заседании Литературного отдела 13 декабря 1918 г. Луначарский не скрывал: «Слово – большое оружие. Но это дело политического контроля» [11: 5]. Решение искалось не только в рамках академического языкознания, где Кавказ занимал особенное место. Кавказские мотивы как историко-литературный феномен уточняли генеалогию и контекст политических задач.

Для реализации языковых проблем создавался комплекс научных комитетов, комиссий, институтов, объединения лингвистов, литературоведов, фонологов. Он сосредоточивался на функциях языка в контексте концепции Г. Шпета о слове как орудии культурной жизни и творчества. В Наркомпросе ориентировались на работу этих механизмов. В 1918–1919 гг. лингвист Н.Ф. Яковлев, примыкавший к авангардному обществу изучения поэтического языка (ОПОЯЗу), заведовал в Наркомпросе секцией гуманитарных наук отдела реформы школы, там работал и Г.О. Винокур, близкий футуристам [8]. Подотделом эстетического воспитания (подчиненным Яковлеву) заведовал О. Мандельштам. Авангардист Н.Я. Марр и его авангардный марризм, как и его один из верных поклонников Н.Ф. Яковлев, испытали определенное влияние евразийства [9]. Симпатия к евразийцам была характерна для Р.О. Якобсона – за нею стоял его революционный, авангардистский и еврейский космополитизм. Якобсон пришел в лингвистику из авангардной поэтики: от футуризма, от желания творить культуру. Ему было интересно

знать, как сделан язык, это было важно и Луначарскому. Выступая в Праге в 1930 г., Якобсон объявил о существовании евразийского языкового союза: Россия-Евразия является особым лингвистическим миром [13]. Тем Якобсон невольно обнажил то, что Н. Трубецкой и другие евразийцы старались от себя скрыть, – что евразийские идеи есть порождение российской колониальной экспансии [1]. Научные интересы связывали Якобсона с евразийцами и в 1960-е гг., например, с П.П. Сувчинским [10: 15]. Сходились и расходились тенденции идеологические, научные и политические.

В 1920 г. Н. Яковлев «решил переменить специальность и заняться языками и этнографией народов Северного Кавказа... Для этого… начал изучать с зимы 1919 г. кабардинский и чеченский язык, а летом 1920 г. по предложению акад. Шахматова и акад. Марра был командирован… на Северный Кавказ» [3]. Языковая картина Северного Кавказа представляла собой сложный конгломерат больших, средних, миноритарных и даже одноаульных языков, неупорядоченных, несистематизированных, неизученных. Большинство их не имело алфавита.

Важным результатом экспедиций 1921–1922 гг. под руководством Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова и Е.М. Шиллинга было изучение северокавказского языкового и этнического ареала с учетом новых методологических приемов анализа. Научные комиссии и комитеты Наркомпроса обсуждали идеи Яковлева о северокавказском консонантизме. Е. Поливанов устанавливал генетическое родство языков, развивая фонологическую проблематику [18: 55]. Яковлев не побоялся предъявить в Наркомпросе данные настоящего самородка имперской культурно-политической практики генерала П.К. Услара, в 1860–1870-е гг. написавшего семь блестящих грамматик кавказских языков, предвосхитив авангардистские подходы структурной лингвистики XX в., особенно фонологии. Ученые поставили в Наркомпросе «целую гору задач, начиная от подбора кадров и заканчивая разработкой актуальных вопросов национального языкознания», для создания «культурного медиатора между Центральной Россией и Северным Кавказом» [23: 17]. В 1923 и 1925 гг. были осуществлены экспедиции в Чечню. Первая крупная публикация Яковлева появилась в 1923 г. под скромным названием «Таблицы фонетики кабардинского языка». Ее значение выходило за пределы кавказоведения, на нее откликнулись и живший в Вене евразиец Н.С. Трубецкой, и лидер французской лингвистики А. Мейе.

Молодой Яковлев выступил как теоретик новой научной дисциплины – фонологии, бывшей передним краем теоретической лингвистики [12: 84]. А Трубецкой начинал как фонолог. Революция 1917 г. застала его во время научной поездки на Кавказ. Он остался в Кисловодске; в 1918 г. преподавал в качестве доцента в Ростовском университете. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, преподавал в Софийском университете, был одним

из участников и идейных лидеров Пражского лингвистического кружка. Тогда же совместно с Р.О. Якобсоном разработал теорию евразийского языкового союза и вообще евразийского учения о языке в связи с географическим фактором, на основе онтологического структурализма. Он подчеркивал непродуктивность национального «местопоклонства» и доказывал: русский народ задавал и задает образцы взаимообогащающего общежительства народов [10: 23–30]. Это позволяло укреплять межкультурные связи, приводя к появлению, по мнению евразийцев, многонародной нации, как она образовывалась в СССР. К. Чхеидзе и Э. Хара-Даван в большинстве пунктов соглашались с Трубецким и Якобсоном.

Лингвисты, этнографы, антропологи, историки, краеведы развивали диалог культур евразийского языкового союза в научной сфере. На заседании Московской диалектологической комиссии 6 февраля 1929 г. А.М. Селищев назвал важнейшим в современной лингвистике этнокультурный аспект [22]. Комиссия включила его в программу деятельности.

На II Северокавказской краевой конференции в июне 1925 г. в Ростове Н.Ф. Яковлев, работавший в то время председателем Комитета по изучению этнических культур и языков народностей Северного Кавказа, выступил с докладом «Современное положение и перспективы проблемы языковых культур кавказских народов». Он развернул картину культурно-религиозной чересполосицы, «диалектической раздробленности, существования резко обособленных наречий одного и того же языка». Проблема, считал он, «для каждого отдельного народа Кавказа должна ставиться и решаться совершенно однородно не зависимо от территориальной и административной, а также и культурно-религиозной его раздробленности» [21].

Яковлев опасался вавилонского столпотворения в создании графики. 20–24 июля 1925 г. в Кисловодске заседала адыгейско-кабардинская комиссия по принятию единого для всех черкесов алфавита на латинской основе. Конференция, заслушав доклад С. Сиюхова о едином для черкесов алфавите, признала: он «является результатом коллективного труда адыгейско-кабардинской комиссии, почему и должен называться “адыгейско-кабардинский алфавит, составленный адыгейско-кабардинской комиссией”». Но в протоколе отражено заявление представителей Кабардинской автономной области: «они имеют наказ от существующего в Кабарде алфавита не отступать, изменений в нем не допускать». Комиссия потребовала от Кабардинского ЦИК снабдить их полномочиями для решения вопроса «по существу и во всей полноте» [20: 7–8].

Позиция Сталина, поддержавшего Б. Калмыкова в выделении Кабарды из Горской АССР, открывала путь к «северокавказскому салату» в государственном устройстве региона, влияя на «вавилонское столпотворение» (по оценке отечественных лингвистов) и на «парцелляцию языков»

(по оценке северокавказских эмигрантов). Еще в июне 1923 г. конференция в Пятигорске утвердила кабардинский алфавит на латинице заведующего облоно Кабардино-Балкарской автономной области Б. Хуранова. Латинским шрифтом местная типография спешно набрала единственную листовку. Ее сочли доказательной: противники «стали пасовать, считая себя бессильными бороться против здорового течения за латинизацию» [4: 172]. В документах приводились данные об «успехах» кабардинцев в 1925–1926 гг. и утверждалось: «балкарцы, чеченцы, карачаевцы, адыгейцы, которые еще сомневались в возможности осуществления латинского шрифта, перешли» на него [4: 173–174; 2].

Важным для Яковлева было влияние перевода графики на развитие школьного образования. Он писал: «Следует, по возможности, согласовать решение проблемы языковой культуры этих (бесписьменных кавказских. – *Т. К.*) народов с формами языковой культуры (напр., в отношении алфавита) соответствующих господствующих национальностей. Такое положение занимает… русская школа… Полное согласование с ней хотя бы в вопросах алфавита затруднено тенденциями отчужденности большинства северокавказских национальностей от русских» [20: 50–51].

Обсуждение вызвало острый интерес эмигрантов. Осетин Бало Билатти писал: «Научные исследования кавказских языков, имеющиеся… традиции почти двух столетий давно уже выявили близкие связи и родство, существующие между этими языками вообще, а между языками Северного Кавказа, в особенности… На Северном Кавказе чувство языковой и генетической общности усиливается еще и чувством общности национальной, которая объединяет населяющие племена в один народ» [6]. Бывший министр иностранных дел горского правительства Г. Баммат считал: «Кавказ образует отдельную целостность, полностью отличную от России» [5: 15]. Билатти писал о том, что «проблема общего языка» давно уже поставлена «в порядок дня» как проблема «языка взаимных сношений и связи. Перед завоеванием Северного Кавказа Россией проблема эта была разрешена таким образом, что роль общего языка исполнял, с одной стороны, арабский язык, а с другой – местные тюркские языки-наречия: карачаево-балкарский и кумыкский». Несмотря на племенные различия, северокавказцы, писал Билатти, «обладают общим прошлым, одинаково свято чтут это прошлое; культурные ценности накоплялись ими сообща в течение многих веков сожительства на одной и той же территории. Наконец, они обуреваемы единством стремлений, выразили твердое желание жить совместно в пределах собственного национального государства. Единственным неблагоприятным обстоятельством в процессе национальной консолидации Северного Кавказа является отсутствие общего языка, но языковая общность как мы убедились выше, не является непременным фактором национального сожительства». Билатти говорил также

о предпосылках создания общего языка на Кавказе, отмечая, однако, что «советская власть, стремящаяся всеми силами к раздроблению национального Северного Кавказа, прервала все разговоры на эту тему, и проекты остались не осуществленными… хотя с 1926 г. в Ростове на/Д заседает постоянная “Комиссия по унификации северокавказских алфавитов”» [7]. Характеризуя советскую политику на Северном Кавказе, этот автор говорил о «парцелляции языков», увязывая ее с «парцелляцией административной» [6].

В критике эмигрантов очевидна поддержка идей евразийцев. Отличие состояло в том, что на роль общетюркского языка северокавказские эмигранты выдвигали не «оттоманский» (как азербайджанские джадиды), и не язык казанских татар (как джадиды Казани), а язык кумыкский. Он действительно использовался царской администрацией. В 1829 г. «Положением о кавказских училищах» Николай I повелел обучать кумыкскому языку в новочеркасской, ставропольской гимназиях, моздокском, георгиевском, кизлярском уездных учебных заведениях: «Государь Император предписывает обучение кумыкскому языку всех учеников, даже взамен латыни» [16: 21].

Более серьезного внимания заслуживало указание на «парцелляцию языков». Яковлев пришел к следующим выводам: «Задача… решается в большинстве случаев каждою народностью отдельно… Даже родственные по языку народы идут разными путями» [20: 50–54]. У. Алиев подытоживал: «Пусть решают сами работники своего же народа» [20: 11]. Руководитель Северокавказского крайкома А.И. Микоян считал: новая графика должна обеспечить политическую стратегию: разбить «стену между европейской и мусульманской культурой» [24: 13].

К 1929 г. Сталин занялся авангардистами, он с безукоризненной точностью реализовал евразийскую программу Трубецкого в виде СССР, а к 1949 г. реализовал поправки к ней Якобсона в виде системы стран народной демократии. Обе реализации сильно компрометировали исходные идеи современной лингвистики [1].

Евразийская идеология, казалось, навсегда исчезла с политической и интеллектуальной сцены в середине XX в., но сегодня вновь возвращается. Жившее полуподпольной жизнью в работах Л.Н. Гумилёва и Г.В. Вернадского евразийство роднит с теперешним его пониманием историческое неприятие современной культуры и враждебность к модернизму. Переоценка национальной идентичности, даже если в ней и был изначально заложен потенциал, является скорее оправданием целостности имперского пространства и апологией территориальной экспансии. Критический анализ связи евразийства и современных концепций неоколониализма актуален для всего постсоветского пространства: евразийские настроения, по сути, являются эмоциональной памятью о тяжелой тоталитарной юности, заставляют пренебрегать колоссальными достижениями этнокультурных сил

и их практик в XX в., выстоявших в испытаниях, открывших дорогу культурам народов не только Северного Кавказа в будущее.

Источники и литература

1. *Автономова Н.С.*, *Гаспаров М.Л.* Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929–1953 // НЛО. 1997. № 4. С. 87–91.

2. Адыге. Опыт проведения латинского алфавита в кабардинских школах // Вопросы просвещения. 1926. № 3–4. С. 172–174.

3. *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012.

4. *Аманжолова Д.А.*, *Красовицкая Т.Ю.* Культурная сложность Советской России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. М., 2020.

5. *Баммат Г.* Кавказ и русская революция: политический аспект. Махачкала, 2000.

6. *Билатти Б.* Борьба за язык на Северном Кавказе // Северный Кавказ. 1936. № 27. С. 8–10.

7. *Билатти Б.* Идеологические основы национальных движений // Горцы Кавказа. 1934. № 47. С. 15–21.

8. *Винокур Г.* Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М., 1925.

9. *Герасимов И.*, *Глебов С.* Гибридность: Марризм и вопросы языка имперской ситуации // НЛО. 2017. № 144. С. 174–206.

10. *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: история в документах. М., 2010.

11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 22. Д. 7.

12. ГАРФ. Ф. Р-4655. Оп. 1. Д. 288.

13. Евразия в свете языкознания. Издание евразийцев. Б.м., 1931.

14. *Идрисова М.З.*, *Тхагапсоев Х.Г.* Концепция локальной цивилизации в методологии этнической историографии // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 3–14.

15. *Коцев П.* Свобода не дается без жертв. Из истории Горской республики // Наш Дагестан. 1994. № 172–173.

16. *Краснов М.В.* Просветители Кавказа. Ставрополь. 1913.

17. *Красовицкая Т.Ю.* Идеи и практики в советской национально-культурной политике (1917–1929). М., 2023.

18. *Красовицкая Т.Ю.* Организация научной базы национально-культурной политики в РСФСР (1917–1927 гг.) // Великий Октябрь и опыт культурного строительства в СССР. М., 1987. С. 55–60.

19. *Миллер А.И.*, *Соловьев К.А.* Российская империя между реформами и революциями – историографическая инерция и необходимость ревизионистского подхода // Российская империя между реформами и революциями: сборник статей / под ред. А.И. Миллера, К.А. Соловьева. М., 2021. С. 5–20.

20. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 75.

21. «Они не понимают и не могут воспринять формулы диктатуры пролетариата»: документы российских архивов о национально-культурном строительстве на Северном Кавказе в 1920-е гг. URL: https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/70592 (дата обращения: 18.09.2023).

22. *Селищев* [А.М.] Язык революционной эпохи. М., 1928.

23. *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе. Ставрополь, 2012.

24. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 201.

С.Ш. Салакая

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ АБХАЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗСКОЙ НАУКЕ

Проблема периодизации истории Абхазии нуждается в серьезном переосмыслении, в том числе это относится и к периодизации новой истории. В советской исторической науке, а абхазская историческая наука формировалась и развивалась в ее рамках, новая история увязывалась с капиталистической общественно-экономической формацией. Исходя из этого, капитализм, а следовательно, новая история в России начиналась со второй половины XIX в., а точнее, с крестьянской реформы 1861 г.

По аналогии с российской историей, эпоха капитализма в Абхазии традиционно начинается с проведения в Сухумском отделе крестьянской реформы в 1870 г. Эта периодизация во многом сохранилась и до сегодняшнего дня. В частности, в современном школьном учебнике «История Абхазии» новая история начинается с 1870 г., хотя там же говорится, что «крестьянская реформа лишь пошатнула традиционный ритм абхазской жизни… патриархальный облик абхазской общины почти не изменился и в пореформенный период» [7: 264]. Вопрос периодизации новой истории Абхазии до сих пор относится к дискуссионным. Есть исследователи, которые начинают ее с окончания Кавказской войны и упразднения Абхазского княжества (1864 г.), другие к считают, что средневековый период истории Абхазии не следует доводить до XIX в. и, следовательно, новую историю начинать еще раньше.

Наиболее логичным представляется начать отсчет новой истории от присоединения Абхазского княжества к Российской империи, а именно с 1810 г. Поэтому под новой историей Абхазии в данной статье понимается история XIX – начала XX в., поскольку присоединение к Российской империи имело

определяющее значение для всей последующей истории Абхазии и абхазского народа.

Также, наверное, стоит рассмотреть и окончание этого этапа (новой истории Абхазии) и начало следующего (новейшей истории). По традиции, заложенной советской марксистской историографией, новейшая история начинается с Великой Октябрьской социалистической революции. Такая периодизация истории утвердилась и в Абхазии, что было неизбежно в рамках тоталитарно-бюрократического государства. В том или ином виде она сохраняется до сих пор. В частности, в готовящейся академической «Истории Абхазии» 4 том, посвященный новейшей истории, начинается с 1917 г. Действительно, период 1917–1921 гг. является одним из самых насыщенных событиями, когда шла борьба за выбор политического пути Абхазии, восстановления абхазской государственности и др. Еще одним весомым аргументом в пользу начала новейшей истории Абхазии с 1917 г. является то, что с этого года политически Абхазия вышла из рамок общероссийской государственности, войдя в состав Горской республики или будучи оккупирована меньшевистской Грузией (даже не рассматриваем мнения о добровольности вхождения в ее состав) [23: 147–149].

В постсоветское время в независимой Республике Абхазии произошел пересмотр целого ряда, казалось бы, незыблемых положений, касающихся ее истории XIX–XX вв. Наиболее радикальные изменения произошли в оценках присоединения Абхазии к Российской империи и связанных с этим событий (политики и убийства абхазского владетеля Келешбея, законности прихода к власти его второго сына Сафарбея (Георгия) и, следовательно, присоединения Абхазского княжества и др.).

Большинство этих положений выдвинул известный абхазский историк, профессор С.З. Лакоба. К числу наиболее значимых его работ последнего времени относятся: «Асланбей» [16], «Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты)» [18], «Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991–2000 гг.)» [14], «Абхазия после двух империй» [15], «Из века в век» [17], учебник для 10–11 классов среднеобразовательных школ «История Абхазии» [7] и др.

Вопросами этнической истории абхазов, демографической ситуацией в Абхазии в XIX–XX вв. занимался доктор исторических наук, профессор Т.А. Ачугба. Его основные труды – «Этническая “революция” в Абхазии» [6], «Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты» [5], «Абхазия: депортация абхазов (XIX век)» [4].

Весьма активно и продуктивно работал один из патриархов абхазской исторической науки А.Э. Куправа. Им изданы труды по традиционной культуре абхазов, биографические очерки и историографические статьи и т.д. Особо значима его деятельность по публикации документов и материалов

по новой и новейшей истории Абхазии: «Вопросы традиционной культуры абхазов» [10], «О событиях, эпизодах и фактах» [12], «Люди: время и жизнь» [11], «Война сегодня – не слухи» [9]. Он также подготовил несколько сборников о жизни и творчестве некоторых ведущих абхазских историков.

Вопросы военной истории занимали важное место в научной деятельности В.М. Пачулии. Им подготовлены и опубликованы монографии «Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)» [20], «Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. (боевые действия)» [21]. Интересны работы по Великой Отечественной войне и Н.И. Медвенского [19].

Военно-политическая история занимает главное место в научном творчестве доктора исторических наук, профессора А.Ф. Авидзбы: «Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии» [2], «Абхазия и Грузия: завтра была война» [1], «Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.)» [3].

Историография, источниковедение и развитие исторической науки являются главными направлениями в сфере научных интересов автора этих строк. Данные темы нашли отражение в книгах «Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в абхазской советской историографии» [22], «История и историография Абхазии XIX – начала XX века» [23].

Значимым представляется выход первого курса лекций по истории Абхазии, подготовленного коллективом сотрудников Абхазского государственного университета [13].

Важнейшее значение для развития исторической науки Абхазии имеют сборники документов и материалов, библиографические указатели, которые хотя бы частично позволяют компенсировать сожженные в годы Отечественной войны Абхазии 1992–1993 гг. Центральный архив Абхазии и архив Абхазского института гуманитарных исследований Академии наук Абхазии. Среди них можно отметить подготовленный учеными из Ставрополя и Сухума библиографический указатель [8] по историографии и источниковедению истории Абхазии XIX – начала XX в.

Источники и литература

1. *Авидзба А.Ф.* Абхазия и Грузия: завтра была война. Сухум, 2012.

2. *Авидзба А.Ф.* Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. Сухум, 2008.

3. *Авидзба А.Ф.* Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993). Кн. 1, 2. Сухум, 2013.

4. *Ачугба Т.А.* Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум, 2018.

5. *Ачугба Т.А.* Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010.

6. *Ачугба Т.А.* Этническая «революция» в Абхазии: по следам грузинской периодики XIX в. Сухум, 1995.

7. *Бгажба О.Х.*, *Лакоба С.З.* История Абхазии. Учебник для 10–11 классов. Сухум, 2015.

8. Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX века: библиографический указатель / авт.-сост.: А.Ф. Авидзба, М.Р. Аргун, А.Е. Ашуба, Л.П. Ермоленко, И.В. Зозуля, Н.В. Касландзия, М.Е. Колесникова, С.Ш. Салакая, О.И. Шафранова. Ставрополь, 2021.

9. *Куправа А.Э.* Война сегодня – не слухи. Сухум, 2011.

10. *Куправа А.Э.* Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2008.

11. *Куправа А.Э.* Люди: время и жизнь. Сухум, 2010

12. *Куправа А.Э.* О событиях, эпизодах и фактах. Сухум, 2010.

13. История Абхазии. Курс лекций / гл. ред. А.М. Хашба. Сухум, 2021.

14. *Лакоба С.З.* Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991–2000 гг.). Саппоро, 2001.

15. *Лакоба С.З.* Абхазия после двух империй. Саппоро, 2004.

16. *Лакоба С.З.* Асланбей. Сухум, 1999.

17. *Лакоба С.З.* Из века в век: историко-культурные очерки. Сухум, 2022.

18. *Лакоба С.З.* Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум, 2001.

19. *Медвенский Н.И.* Боевые операции на перевалах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Сухум, 2012.

20. *Пачулия В.М.* Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум, 2015.

21. *Пачулия В.М.* Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. (боевые действия). Сухум, 2010.

22. *Салакая С.Ш.* Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в абхазской советской историографии. Сухум, 2009.

23. *Салакая С.Ш.* История и историография Абхазии XIX – нач. XX века. Сборник статей. [Б. м.], 2018.

Р.М. Султанбеков

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-ГОРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ КАВКАЗОВЕДОВ

В отечественном кавказоведении назрела острая необходимость в выработке взаимоприемлемых подходов к оценке характера российско-северокавказских отношений с учетом как внутренних, так и внешних факторов.

Взаимоотношения народов Северного Кавказа и России восходят к глубокой древности и прошли ряд этапов, разных по своему наполнению, целям, задачам, методам и средствам их реализации. В отечественной исторической науке нет единого мнения по вопросу о периодизации и содержании российско-северокавказских отношений.

В конце XX в. историки выдвинули два противоположных тезиса о характере и содержании российско-северокавказских отношений: первый – о частых вооруженных конфликтах между народами Северного Кавказа и Россией; второй – о том, что эти взаимосвязи носили эпизодический характер и выражались во взаимовыгодных для обеих сторон торгово-экономических отношениях.

Одним из спорных и дискуссионных остается вопрос о времени и характере интеграции народов Северного Кавказа в состав Российского государства – нет единого мнения о дате начала присоединения народов Северного Кавказа к Российской империи. В советское время, когда отмечали юбилеи добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России, за основу брали дату подписания первого документа о принятии российского подданства кабардинскими феодалами. Но этот подход не выдерживает критики, так как акт заключения договора, соглашения, не означал включения данного этноса или занимаемой им территории в состав Российского государства. На наш взгляд, вхождение любого из кавказских народов в состав России не является единовременным актом, а представляет собой длительный процесс постепенной социально-экономической и культурной интеграции.

На сегодняшний день в отечественной историографии сформировались две концепции вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Первая – концепция завоевания и покорения Кавказа, выдвинутая еще дореволюционной историографией (имперский подход). Основными тезисами данного подхода являются указания на «горское хищничество» и «религиозный фанатизм» горцев, а также «набеговую систему» как образ жизни горцев Дагестана и Чечни. Вторая концепция «добровольного» вхождения народов Северного Кавказа в состав Российского государства возникла в недрах советской историографии в 1980-е гг. По мнению профессора В.П. Крикунова, «от термина “добровольное вхождение”... вообще следует отказаться, поскольку это понятие пронизано духом антиисторизма» [15: 41].

Если в советской историографии 1920–1930-х гг. выдвигался тезис о колониальной политике царской России в отношении народов Северного Кавказа, что объяснялось утвердившимся в коммунистической идеологии постулатом «Царская Россия – тюрьма народов», то в 1980-е гг. М.М. Блиев и В.В. Дегоев поставили под сомнение сущность колониальной политики царизма на Кавказе [2: 6]. По их мнению, горцы своей агрессивной

политикой и постоянными набегами на соседние христианские народы не оставляли иного выбора царским властям, кроме как предпринимать ответные карательные действия. В то же время «не завоевывала Россия Кавказ, а отвоевывала его совместно с кавказскими народами у Персии и Турции, господствовавших в тот период в регионе» [1: 43; 13: 91]. Б.В. Виноградов пишет, что «колониальная сущность российской политики на Северном Кавказе и на прочих “национальных окраинах” не была обоснована и доказана, она по тем временам не нуждалась в доказательствах. Сущностные отличия деятельности российской власти от европейской колониальной практики не замечались и не анализировались» [4: 71]. Мы не можем согласиться с подобной трактовкой, так как только за последние десятилетия, по указанию самого же автора, изданы десятки монографий и сборников статей, где в большей или меньшей мере «демонизировалась политика России на Северном Кавказе при идеализации жизненных привычек и действий горцев и их стадиального уровня развития» [4: 72].

Другая часть исследователей полагает, что процесс интеграции Северо-Кавказского региона в состав Российской империи носил завоевательный характер и политика России на Кавказе являлась колониальной. Свое видение периодизации российско-северокавказских отношений предложили Р.М. Магомедов, Х.Х. Рамазанов, В.Г. Гаджиев, В.Т. Тотоев, Ш.А. Гапуров [18]. Ш.А. Гапуров предлагал хронологически делить политику России на четыре периода [7: 89]. Автор настоящей статьи предлагает рассматривать три этапа: довольно нерегулярный обмен послами, строительство военно-оборонительных, казачьих поселений по Тереку, военно-наступательные действия русских войск [21].

Во второй половине XVI в., с образованием централизованного Российского государства и его стремительным продвижением в юго-восточном направлении, отдельные владетели Северного Кавказа обращались к русским царям с просьбой принять их в российское подданство или заключить договор о военно-политическом союзе. Так, в 1557 г. к Ивану Грозному обращались владетели Дагестана: шамхал, аварский хан, тюменский правитель [9: 146]. В том же 1557 г. между Россией и Кабардой был заключен военно-политический союз, направленный прежде всего против вассала Османского государства – Крымского ханства. В советской исторической науке на протяжении длительного периода данный договор преподносили как акт добровольного вхождения Кабарды в состав Российского государства. Дореволюционные историки считали его лишь заключением военно-политического союза. «Сей поступок, – отмечал С. Броневский, – был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел по тогдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче кабардинцев» [3: 73].

Профессор М.Р. Гасанов считает данный союз военно-политическим по своему содержанию и отмечает, что «такая оценка представляется реалистичной», так как «в течение длительного времени Кабарда была вполне самостоятельна не только во внутренних делах, но и в отношениях с другими странами» [9: 133].

Заключение соглашения или иного рода союзов между горцами и царскими властями не означало установления здесь российской власти и даннических обязательств. Обложение горских обществ в различной форме данью и податями началось в более позднее время и связано с деятельностью наместника Кавказа А.П. Ермолова.

Военно-политические отношения российских властей и горцев на начальном этапе интеграционного процесса отличались взаимовыгодным характером. В результате заинтересованности в военно-союзнических отношениях в Москву отправлялись посольства от дагестанских владетелей, в частности, Шамхал в 1568 г. послал «своего внука в Москву служить государю, а сам бьет челом, хочет быть в его воле» [16: 61]. С такими же просьбами к русским царям обращались и остальные правители Северного Кавказа [20].

Обращения горцев выражены в основном в принесении присяги на верность и подданство российскому государю, в которых, как правило, оговаривались права и обязанности каждой из сторон. В обязанность горских владетелей входило предоставление войск в борьбе против врагов Российского государства, полное и безусловное подчинение.

Дискуссионным остается вопрос о содержании шертных договоров, подданства, вассально-союзнических отношений. Ш.А. Гапуров и А.М. Бугаев считают, «что российско-северокавказские соглашения о подданстве горцев России часто носили формальный характер» [6: 127]. По мнению же А.П. Новосельцева, «каждый горский правитель, обращавшийся к России в XVI–XVIII вв., был заинтересован в сохранении своей власти, часть которой он готов был в силу тех или иных причин уступить российскому монарху. Но только часть» [19: 55]. Большинство историков республик Северного Кавказа признают данную форму взаимоотношений военно-политическими союзами двух субъектов – Российского государства и феодальных владений.

Категорически не согласен с подобной трактовкой Б.В. Виноградов, который отмечает, что «представителями “национального историописания”... активно используются наработки советской историографии, согласно которым у России и горских народов складывались равноправные военно-политические союзы» [4: 72]. Далее он отмечает, что «для обоснования исторического бытия равноправных военно-политических союзов между Россией и горскими *антисоциальными сообществами*… (выделено мною. – *Р. С.*) целенаправленно завышается уровень стадиального развития своих

народов, делаются выводы о сложившихся феодальных отношениях ко времени интегрирования в российскую государственную систему» [4: 73].

На наш взгляд, феодальные владетели Кавказа воспринимали свои отношения с российскими властями как союзнические, а сам факт заключения соглашения, принесения присяги (шертование) рассматривали как политический союз, направленный против общих врагов, а не как факт превращения горских владельцев в подданных России.

Вторая половина XVI–XVII вв. – это время сложных, далеко не прямолинейных отношений между Россией и горскими народами, когда «помимо войн, грабительских набегов, оборонительно-наступательных союзов, существовали отлаженные торговые, политико-дипломатические, культурные связи на всех уровнях, династические браки, личная дружба… Шел процесс взаимопознания и взаимовлияния народов, ослаблявший вражду и недоверие» [10: 129].

В XVII в. Россия на Северном Кавказе отказалась от метода ведения военных действий, так как царская администрация поняла, что для усиления ее влияния на Кавказе необходимо гораздо больше времени и, самое главное, отказ от военных методов и средств [5: 187]. В 40-е гг. XVII в. расширились торговые связи России с северокавказскими владетелями. В этом огромную роль играл Терский городок. Через него отправлялись русские посольства в Персию и в Закавказье, осуществлялись сношения с владетелями Дагестана, Кабарды. На верность московскому царю с 1614 по 1642 г. присягнули тарковский, казикумухский, аварский, карабудахкентский владетели, благодаря тому, что российские власти преимущественно использовали в политике дипломатические, политические и экономические средства.

Расширение южных границ Российской империи в XVIII в. и постепенное включение в ее состав вновь присоединяемых территорий поставили перед правительством сложную проблему выработки взаимоприемлемых форм и методов интеграции в административно-правовое, экономическое и культурное пространство страны. «Поскольку формирование общегосударственного единства происходило в сложной военно-политической обстановке, – пишет Т.А. Колосовская, – одну из главных ролей в этом процессе сыграли российские военные. Сосредоточив в своих руках одновременно и военную, и гражданскую власть, представители высших военных кругов высказывали идеи и предлагали конкретные проекты включения Кавказа в общую структуру России: от жестких силовых методов до компромиссных решений, основанных на изучении психологии и традиций горских народов» [14: 37].

Другими мерами царского правительства по укреплению российского влияния на Кавказе стало установление прочных отношений с представителями разных слоев кавказского общества в целях расширения

имперского политического, социального и культурного влияния в регионе [12: 43]. Оценивая характер и особенности российско-горского взаимодействия, Б.В. Виноградов пишет, что «в его рамках горские сообщества, в силу своего традиционного уклада, вытекающего из их *стадиального состояния* (выделено мною. – *Р. С.*), не могли демонстрировать иной "стандарт поведения", чем то, что было в реальности. Вместе с тем, признавая это, необходимо помнить и другое – что российская политика в регионе не могла иметь иной характер, бесконечно подстраиваясь, вопреки интересам, а нередко – и безопасности России под особенности жизненных привычек неспокойных горских "подданных"» [4: 79]. Судя по содержанию текста, автор отрицает наличие равноправных военно-политических союзов между Россией и горскими политическими образованиями, оправдывает колониальную политику царской администрации, считая, что у России не было иного выбора в силу «традиционного уклада» и «жизненных привычек неспокойных горских "подданных"».

Аналогичную оценку отношениям горских народов Северного Кавказа и российских властей дает Д.К. Маркова. Она пишет: «Горцы не признавали над собой никакой власти, кроме силы оружия. Всякая вялость и неопределенность со стороны российских имперских властей ободряюще действовали на них, и они всегда были в пользу горцев. Разного рода присяги российскому императору или обязательства, если они не подкреплялись военно-силовыми аргументами, ничего не стоили в глазах горцев» [17: 24]. В то же время другие историки отмечают, «что ни тогда, ни позже царизм не относился к горским феодалам как к равным политическим союзникам. С точки зрения Петербурга, с горцами можно было вести какие-либо переговоры и заключать политические соглашения на таких условиях и на такое время, на каких это нужно было России» [8: 16].

Другая сторона российско-горского взаимодействия – нарастание конфликтности и вовлечение в противостояние всё большей массы взрослого горского населения. Ряд исследователей в качестве причины конфликтности указывал на социокультурные особенности горцев. В частности, В.В. Дегоев писал, что «в отношениях с Российской империей горцы никак не хотели и не могли уразуметь, что это уже не только "их аулы", но и часть огромного государства, где существуют определенные порядки и законы, совершенно отличные от того, к чему они привыкли» [11: 26]. Оправдывая неизбежность вооруженного конфликта между горцами и царской военной администрацией, он пишет, что «и русские не могли оставить в покое Кавказ, который стал частью империи, не могли допустить сохранения в местных жителях "порочных наклонностей", что вырастало в межцивилизационный конфликт, при котором трудно было бы найти приемлемые для сторон решения» [11: 22].

Д.К. Маркова пошла еще дальше в выяснении причин конфликтных настроений среди основной массы горцев. Она пишет: «В силу обстоятельств природного и социально-культурного характера, повлиявших на становление особого кавказского способа повседневного существования, а также в условиях многовекового давления извне со стороны экспансионистских держав горские общества выработали *особый способ существования* (выделено мною. – *Р. С.*), который содействовал наличию в их среде перманентной конфликтности. Эта конфликтность сделалась не только инструментом получения жизненных благ, но и способом их выживания» [17: 27]. Безусловно, горские социальные общества впитали в себе за тысячелетия своего существования дух воинственности, готовность встать на защиту своей территории, дорожить честью и свободой. Всё это диктовалось необходимостью самообороны, сохранения самостоятельности, традиционного быта и уклада жизни горцев, потому, на наш взгляд, было бы неверным утверждать, что «в этом была фундаментальная причина почти имманентной конфликтности как внутри горских обществ, так и в конфликте горцев с внешним миром. По этой причине они были более склонны к воинственности, вражде, чем миролюбию или компромиссу» [17: 26].

Таким образом, вопросы оценки российско-горского взаимодействия нашли достаточно полное освещение в современных кавказоведческих трудах, изданных в виде отдельных монографий, статей в научных журналах, сборников материалов научных конференций различного уровня и т.д. Дискуссионными остаются вопросы о времени и характере интеграции горских народов Северного Кавказа в состав Российского государства и содержании шертных договоров, подданства, вассально-союзнических отношений. В то же время нужно упомянуть о наметившемся за последние годы сближении позиций и подходов в оценке российско-северокавказских отношений в трудах представителей различных научных школ Северного Кавказа.

Источники и литература

1. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

2. *Блиев М.М.*, *Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994.

3. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.) / авт. кол. К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, Н.В. Варивода и др. Нальчик, 2017.

4. *Виноградов Б.В.* Еще раз к проблеме оценивания характера и особенностей российско-горского взаимодействия в XVI – начале XIX века // Интеграция народов Кавказа и России (к 200-летию Гюлистанского договора 1813 г.): материалы международной научно-практической конференции. Махачкала, 2013. С. 70–80.

5. *Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня в первой четверти XIX в. Нальчик, 2003.

6. *Гапуров Ш.А.*, *Бугаев А.М.* Особенности складывания российско-северокавказского государственного единства (XVI–XIX вв.) // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.): в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2021. С. 122–129.

7. *Гапуров Ш.А.*, *Магамадов С.С.*, *Мусаев И.Л.* Некоторые аспекты российско-горских отношений в XVI–XVIII вв. // Интеграция народов Кавказа и России (к 200-летию Гюлистанского договора 1813 г.): материалы международной научно-практической конференции. Махачкала, 2013. С. 86–93.

8. *Гапуров Ш.А.*, *Магомаев В.Х.*, *Магомаева Ф.В.* Страницы истории российско-кавказских отношений (XVI–XVIII вв.) // Археология и история Юга России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора исторических наук, профессора Мусы Хароновича Багаева / отв. ред. С.С. Цуцулаева. Грозный, 2017. С. 14–19.

9. *Гасанов М.Р.* Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды). Махачкала, 2004.

10. *Дегоев В.В.* Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности // Вестник Института цивилизации. Вып. 2. Владикавказ, 1999. С. 128–132.

11. *Дегоев В.В.* Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013.

12. *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы). Нальчик, 2007.

13. *Клычников Ю.Ю.* Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.): исторические очерки. М., 2015.

14. *Колосовская Т.А.* Идеи и проекты военной администрации в контексте интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства (конец XVIII – начало XIX в.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 37–41.

15. *Крикунов В.П.* Историки должны быть выше национальных обид // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 41–42.

16. *Кушева Е.Н.* Северный Кавказ и международные отношения XVI–XVII вв. (обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. 1943. № 1. С. 60–68.

17. *Маркова Д.К.* Условия и причины существования конфликтных сообществ на Северном Кавказе в XIX в. // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.): в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2021. С. 22–27.

18. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: Всесоюзная научная конференция, 20–22 июня 1989 г.: тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989.

19. *Новосельцев А.П.* Правдиво отображать историю взаимоотношений народов нашей страны // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 54–56.

20. Русско-дагестанские отношения в XVII – нач. XIX в.: сборник документов / отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988.

21. *Султанбеков Р.М.* К вопросу о русско-дагестанских отношениях на рубеже XVI–XVII вв. // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2015. С. 230–234.

С.Л. Дударев

О НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОЦЕССА ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Никогда неразлучно со мною
чувство, что я россиянин.
А.П. Ермолов

В последнее время на поле исторического регионоведения появились новые молодые исследователи, защитившие кандидатские диссертации, посвященные изучению процессов интеграции народов Северного Кавказа в состав России. Подобные работы имеют несомненную актуальность как вследствие традиционного неослабевающего внимания историков-кавказоведов к данной тематике, связанного с ростом национального самосознания северокавказских народов, так и в связи с тем, что собирание земель, издавна тяготевших к нашему государству, ныне продолжается.

Немалый интерес вызывает работа Н.С. Степаненко (научный руководитель – д.и.н., проф. Ю.Ю. Клычников) «Локальные переселения на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи (1830–1860-е гг.)», защищенная в Кубанском государственном университете в 2022 г. [21]. Как известно, процесс интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства был длительным и сложным. Нередко исследователи акцентируют внимание только на его отрицательных характеристиках, связанных с трудностями совмещения традиционного уклада народов, находившихся на догосударственной стадии развития,

с имперскими порядками. Между тем взаимодействие между двумя сторонами отличалось разнообразием своих проявлений и было противоречивым. Эта мысль служит отправной точкой Н.С. Степаненко в его научном поиске. Можно согласиться с ним в том, что явление, именуемое обычно Кавказской войной, не сводимо только к описанию вооруженных столкновений. Важной составляющей тех событий на Северо-Западном Кавказе были миграции населения между подконтрольными и неподконтрольными Российской империи территориями. Исследование их причин и специфики и является главной целью автора. По существу же, Н.С. Степаненко прежде всего исследует феномен перебежчиков между двумя лагерями как своеобразных коммуникаторов, опыт которых помогал сторонам лучше узнать друг друга, хотя и экстремальным образом. Эта тема приобретает всё большую актуальность в связи с современными попытками ретроспективной оценки действий тех или иных личностей и групп в условиях данного противоборства. Перебежчики порой характеризуются сегодня как предатели, что является переносом современных воззрений на реалии того времени и попыткой ревизии исторической действительности. А подобная ревизия на текущем этапе может негативно сказываться на историческом партнерстве народов Северного Кавказа. Поэтому стремление автора дать взвешенную оценку указанных демографических процессов, несомненно, заслуживает внимания.

Н.С. Степаненко опирается на теоретико-методологические основания, к которым относится концепция российскости [3][1] кавказоведческой школы В.Б. Виноградова, теория фронтира, а также различные теории миграций. Это содействует наиболее адекватному описанию явления перебежчиков, то есть, по сути, специфики демографического обмена между территориями, находившимися в интеграционном поле Российского государства. Здесь очень важен понятийно-терминологический аппарат, применяемый автором (локальные переселения, беглецы, дезертиры и т.п.), стремление конкретизировать значение категорий, которые уже рассматривались исследователями ранее. Вполне репрезентативна историографическая и источниковая база исследования Н.С. Степаненко. В то же время можно указать и на отдельные упущения, например, отсутствуют некоторые важные статьи и монографии современных историков-кавказоведов [2; 10].

Научная новизна исследования Н.С. Степаненко вполне очевидна. Так, автор стремится наполнить конкретным содержанием дефиницию «локальные переселения» в применении к миграциям, происходившим на фронтире. Исследователь более глубоко, нежели делалось историками ранее,

[1] В.А. Матвеев пишет о «русскости», которая постулируется им внутри восточнославянского сообщества [16]. «Российскость» рассматривается им как концепт полиэтнического измерения (личная информация).

анализирует причины бегства к горцам представителей различных категорий населения российской стороны, важные нюансы отношения к ним жителей гор, а также то, как российская сторона оценивала действия беглецов в правовом аспекте. Соискатель подверг рассмотрению причины и обстоятельства локальных переселений, в том числе и те, которые вытекали из социально-политической и социально-экономической ситуации в горских обществах. Однако автор не упоминает такой известный тип локальных переселений, как бегство тех или иных этноплеменных групп населения из Кабарды и других районов Центрального Предкавказья в Закубанье. Данные факты выходят за территориальные рамки работы, посвященной Северо-Западному Кавказу, тем не менее приток населения в не контролируемое российскими властями Закубанье, которое является для автора основной изучаемой пространственной и этнополитической площадкой, в исследуемое время существовал. В контексте этих миграций можно было затронуть и такую грань вопроса, как феномен хаджиретов (хаджретов) [23: 528–529].

Среди выводов Н.С. Степаненко выделим тот, что российская администрация во многих случаях с пониманием и терпением смотрела на метания горских представителей между двумя лагерями. Подобные действия горцев порой имели трагический финал (выразительный пример этого – история Хаджи-Мурата, психологически очень точно и ярко описанная гением русской литературы Л.Н. Толстым). В работе Н.С. Степаненко, как и в предшествовавших ей публикациях автора [20: 64–65], есть и еще один очень интересный штрих. В отличие от многих историков-кавказоведов, исследователь не прошел мимо того места в мемуарах Г.И. Филипсона, где этот известный российский военный деятель ставил закономерный вопрос, считались ли военные действия против кавказских горцев войной [6: 376–377]. Поскольку в крае никогда не объявлялось военное положение, а правительство всячески стремилось выставить происходящее как домашнее дело, в которое никто вмешиваться не может. Выходило так, что с точки зрения военно-уголовного права регион продолжал оставаться мирным. А это означает, что позиция тех авторов (в том числе и наша [9; 19]), которые придерживаются многократно критиковавшегося понятия «так называемая Кавказская война», получает дополнительное обоснование.

Другой недавней работой, заслуживающей внимания, является диссертация Е.А. Гуровой «Имперская социокультурная практика в процессе присоединения и освоения иноэтничных окраин (на примере Северного Кавказа XIX века)» (научный руководитель – д.и.н., проф. Ю.В. Приймак) [7], защищенная в Северо-Кавказском федеральном университете в 2023 г. В ней прозвучало немало свежих суждений о роли российской имперской системы во встраивании северокавказских горцев в формирующуюся новую действительность в регионе в XIX в. Автор права, говоря о том,

что в общностях универсалистского типа происходило формирование доминирующей имперской нации, однако она не было этнически однородной, а являла собой полиэтничное сообщество, скрепленное едиными для всех аффилированных социальных агентов культурными образцами, ценностями и смыслами. Автор статьи согласен с Е.А. Гуровой в том, что Российская империя никогда не была государством только русского этноса, она создавалась с участием многих этнических групп. В этом смысле нельзя не вспомнить одну из работ В.А. Матвеева, которая начинается со слов: «Отечество не только русских…» [16].

Е.А. Гурова пришла к выводу, что в социокультурном и политическом поле российского Кавказа благодаря разнообразным подходам сформировались «надэтничность, отсутствие ксенофобии, соучастие в общем проекте, доверие к местным элитам», которые были ответственны за успех имперского проекта. И это заключение Е.А. Гуровой находит подтверждение в работах ведущих историков-кавказоведов. В.В. Дегоев и Р.Ю. Ибрагимов отмечают, что взращенные Россией представители национальной интеллигенции «с гордостью ощущали себя носителями великого культурного синтеза двух начал – имперского и традиционно-этнического» [8: 33].

Е.А. Гурова, как и Н.С. Степаненко, касается вопроса о трудности совмещения горских традиционных социумов с российской имперской системой. Автор статьи согласен с исследователем в том, что горцы были сложным историческим партнером с невысоким уровнем договороспособности: как известно, принесенные присяги часто нарушались и их приходилось неоднократно возобновлять (в данной связи стоило бы привести ссылки на известные труды Б.В. Виноградова и Ю.В. Приймака [4; 5]). В то же время российская сторона не могла мириться с воинственным укладом горских народов, о культуре которых С.С. Лазарян пишет как о культуре борьбы (например, набег был главным тестом личных качеств горца, а часть населения с сочувствием относилась к удальству разбойников) [15: 95, 102]. Впрочем, одних только военных мер было явно недостаточно (хотя обойтись без них также было нереально). Автор указывает на то, что нужна была альтернатива прежнему миропорядку (и, соответственно, понятиям о свободе, связанным с набеговой практикой, кровной местью, пленовладельчеством). Но нужно помнить, что стремление создать новую имперскую реальность было причиной исторических драм и трагедий (в том числе мухаджирства), которые не пережиты и не забыты на Северном Кавказе и сегодня.

Немало внимания Е.А. Гурова уделила тем социокультурным элементам имперской политики на Северном Кавказе, которые применялись в условиях капиталистической модернизации во второй половине XIX в. Автор верно указывает на осторожность администрации при ликвидации традиционных способов регулирования, существовавших в горских социумах,

что позволило сформировать значительную прослойку пророссийски ориентированного населения (хотя нельзя при этом забывать, что сам процесс формирования такового был, если можно так сказать, возвратно-поступательным, о чем мы выше говорили применительно к работе Н.С. Степаненко). При всём том, по справедливому утверждению Е.А. Гуровой, социально-политические новации нередко вызывали отторжение, способствовавшее росту конфликтного потенциала, питавшего прежнюю поляризацию горских обществ (волнения, восстания). Применительно к таким фактам автор правомерно говорит об иммунности горских обществ (не преодоленной, заметим, в известной степени до самого позднего времени).

Убедительны выводы работы, где автор ставит Россию в ряд империй, предлагавших симбиоз центра и периферии, становившейся местом внедрения новых социокультурных ценностей и смыслов в условиях отсутствия дискриминационных мотивов и создания социальных лифтов (служба в армии, в госаппарате, возможность получения образования и т.п.), что скрепляло народы гораздо прочнее, чем сила оружия. Отмечается и такой трагически парадоксальный факт, что мухаджирство позволило в некоторой степени снизить остроту земельного вопроса. Е.А. Гурова не забывает указать и на то, что, несмотря на все положительные явления в имперском строительстве в крае, избежать проявлений вооруженного противостояния на Северном Кавказе не удалось (почему-то автор ничего не говорит об абречестве), хотя конфликты были более характерны для горных районов с меньшей степенью русского влияния, нежели для предгорно-равнинных (плоскостных).

Одновременно, к сожалению, автору не удалось избежать и ряда шероховатостей. В работе мы почти не видим указаний на упоминавшуюся выше теорию фронтира, которая помогает понять сущность сложных процессов, происходивших в исследуемое автором время (особенно фактора неопределенности по Т.М. Барретту [1]). Е.А. Гурова не использовала упомянутую выше концепцию российскости [22], без которой невозможно, на наш взгляд, более точно оценить те процессы и глубокие изменения, которые были характерны для горской среды. Хотя автор ориентируется в потоке специальной литературы, тем не менее не приводит ряд важных кавказоведческих работ, связанных с проблемой интеграции региона в состав России, в том числе некоторых трудов Ю.Ю. Карпова [11], В.А. Матвеева [16; 17], О.В. Матвеева [18], а также Т.А. Колосовской [13], З.Б. Кипкеевой [12], О.В. Ктиторовой [14] и др. Приведенное замечание указывает на то обстоятельство, что молодым исследователям нужно быть внимательнее к работам предшественников.

В целом исследования представителей новой плеяды историков-кавказоведов демонстрируют неослабевающее внимание к особенностям

строительства российского Северного Кавказа и его взаимодействию с Большой Россией, что должно способствовать дальнейшему изучению глубоких и сложных процессов формирования исторически обусловленной общности народов России и Северного Кавказа, без развития и укрепления которой трудно представить себе будущее нашей Родины.

Источники и литература

1. *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. Самара, 2000. С. 163–194.

2. *Великая Н.Н.* Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX века // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7 / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2013. С. 84–91.

3. *Великая Н.Н.* Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Южнороссийское обозрение. Вып. 45: Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2007. С. 88–101.

4. *Виноградов Б.В.* Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в.: монография. Славянск-на-Кубани, 2009.

5. *Виноградов Б.В.*, *Приймак Ю.В.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.): монография. Армавир, 2016.

6. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1884. Год 22. № 2. С. 331–391.

7. *Гурова Е.А.* Имперская социокультурная практика в процессе присоединения и освоения иноэтничных окраин (на примере Северного Кавказа XIX века): автореф. дис. … канд ист. наук. Армавир, 2023.

8. *Дегоев В.В.*, *Ибрагимов Р.Ю.* Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. М., 2006.

9. *Дударев Д.С.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX века: дис. … канд. ист. наук. Армавир, 2016.

10. *Дударев Д.С.*, *Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь, 2017.

11. *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.

12. *Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.

13. *Колосовская Т.А.* Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М., 2015.

14. *Ктиторова О.В.* Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества Адиль-Гирея Кешева. Армавир; Ставрополь, 2015.

15. *Лазарян С.С.* Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. Пятигорск, 2009.

16. *Матвеев В.А.* Отечество не только русских… (размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1997. № 1(9). С. 31–39.

17. *Матвеев В.А.* Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX вв.: монография. Ростов н/Д., 2019.

18. *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру: историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015.

19. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): монография / С.Л. Дударев, Д.С. Дударев, О.В. Ктиторова, А.А. Цыбульникова. Армавир, 2014.

20. *Степаненко Н.С.* Казнь как высшая мера наказания беглых казаков в середине XIX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2020. № 2. С. 58–67.

21. *Степаненко Н.С.* Локальные переселения на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи (1830–1860-е гг.): дис. … канд ист. наук. Пятигорск, 2022.

22. *Ткаченко Д.С.* Российские историко-культурные памятники на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Ставрополь, 2017.

23. *Dudarev S.L.* On the Question of the Terms “Muhajirun” and “Muhajirism” // Bylye Gody. 2017. Vol. 44. Is. 2. P. 525–532.

Ш.А. Магарамов

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ФРОНТИРА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ[1]

Продвижение Московского государства, затем Российской империи на Кавказ, процесс включения отдельных кавказских регионов в состав империи в историографии традиционно рассматривались с позиции присоединения, завоевания территории или же сводились к сопротивлению горцев

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01106, https://rscf.ru/project/23-28-01106/.

российской экспансии. В современных условиях развития гуманитарных знаний большое значение имеет изучение данного исторического явления с двух точек зрения: горской (во всей сложности этнической и конфессиональной составляющей Кавказа) и имперской. Такой подход к рассмотрению взаимоотношений Российского государства и иноэтнических сообществ интенсивно утверждается в российской исторической науке.

Наиболее перспективным, хотя не единственным возможным способом анализа российско-кавказских отношений представляется фронтирная проблематика. Применение данной теории как инструмента к уже изучаемым сюжетам ставит новые вопросы, открывая прежде неизведанные области. На современном этапе фронтирную концепцию всё активнее используют при изучении истории взаимодействия России с народами присоединенных территорий в разных географических регионах. На материале Северного Кавказа концепт фронтира может быть эффективным исследовательским инструментом для описания пространства, в котором взаимодействовали представители горской и европейской культур, для комплексного исследования пограничных сообществ, демонстрации многоаспектных контактов, взаимовлияний, конфликтов и практик их решения участниками пограничья, при этом нет необходимости ограничиваться только политической историей.

Возможность применения концепта фронтира к реалиям российско-кавказских отношений достаточно убедительно доказана в зарубежной и отечественной историографии. В частности, американский исследователь Т. Барретт пишет: «Российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования “фронтира” – приграничной, порубежной зоны, – включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых» [2: 165]. Правда, характеризуя северокавказский фронтир, историк активно использует концепт «ничейная земля», заимствованный из американской историографии. В его представлении это пространство, в котором отсутствует доминирующий элемент, способный диктовать «нормы поведения». Вкратце упоминается процесс вытеснения из пределов региона адыгов и ногайцев, более подробно освещается заселение данной территории казаками и крестьянами. Трансферы населения, несмотря на целенаправленный официальный характер, даже после 1864 г. не привели к доминированию русских в северокавказском регионе [13: 17].

На современном этапе развития гуманитарных знаний классическая теория фронтира Ф.Дж. Тернера практически не используется, ученые уходят от представления о фронтире как двигателе прогресса и, с другой стороны, как о перманентном пространстве конфликтов [4: 96]. Тем более, сам Тернер

отмечал эластичность предложенной дефиниции [17: 33]. Концепция фронтира всё больше начала использоваться для обозначения «зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой» [5: 49].

А.Т. Урушадзе активно применяет концепт фронтира в отношении Кавказского региона. По его мнению, использование данного понятия «расширяет тематическое поле работы историка, что в свою очередь ведет к привлечению новых источников и (или) к новой интерпретации уже введенных в оборот свидетельств. Фронтирное измерение особенностей присоединения Кавказа к империи "растворяет" стереотипные бинарные оппозиции "цивилизация – варварство", "порядок – хаос", а с другой стороны: "свобода – рабство", "коренные жители – пришельцы"» [14].

Опасения, вызванные применением тернеровского определения фронтира к реалиям Северного Кавказа, небезосновательны. Нельзя согласиться с мнением американского профессора российской истории М. Ходарковского, который предлагает рассматривать Кавказский регион как место встречи двух различных миров: мозаичного мира существовавших на Кавказе языческих и мусульманских обществ с примитивной политической организацией и экономикой, основывавшейся на низко развитом пастушестве и натуральном хозяйстве, и мира людей, пришедших сюда из России, с ее бюрократическим аппаратом и военной машиной, геополитическими интересами и миссионерской амбицией эпохи Просвещения [15]. Видимо, автор плохо представляет, что Кавказ испокон веков являлся регионом высокоразвитой горской (локальной) цивилизации как сочетания «самобытных обществ с уникальными чертами социально-экономической и политической организации, развивающихся в особых географических и природно-климатических условиях и отличающихся высоким уровнем культурной и духовной межэтнической интеграции» [16: 81].

Против применения теории фронтира к Северному Кавказу в его классическом понимании выступала Э.А. Шеуджен, отмечавшая, что «утверждение о северокавказском фронтире как "рубеже", "границе", где встречаются "цивилизация" и "дикость", не имеет научных оснований» [16: 83]. Здесь мы абсолютно согласны с мнением автора, выше нами было отмечено, что тернеровское определение фронтира не может быть применено к реалиям Северного Кавказа. В то же время понимание фронтира как контактной зоны, процесса межкультурного диалога вполне возможно.

Поскольку целью статьи является определение основных этапов становления и развития северокавказского фронтира, то более подробно остановимся на данном сюжете. Проблема периодизации северокавказского фронтира уже становилась предметом исследований ряда кавказоведов.

Одним из первых попытку определить этапы этого явления предпринял А.Т. Урушадзе, выделивший три периода. Первым этапом автор считает время от возникновения Азово-Моздокской укрепленной линии (1777 г.) до начала Кавказской войны, когда в условиях формирования российского фронтира на Кавказе в регионе параллельно существовали и другие пограничные зоны: персидская, турецкая, крымская. Вторым этапом стал период Кавказской войны, а третьим – период наместничества М.С. Воронцова (1844–1854 гг.) [11: 11, 17]. Исследователи А.П. Романова и М.С. Топчиев в истории кавказского фронтира выделяют четыре этапа: ранний фронтир, фронтир, постфронтир и рефронтир [8: 503–511]. Данная периодизация относит Северный Кавказ к пространству вечного фронтира, с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться.

Мы предлагаем собственную периодизацию истории российского фронтира на Северном Кавказе. За основу ее взяты особенности и специфика процесса этнокультурного взаимодействия представителей Кавказа и Московского государства / Российской империи. Первый этап северокавказского фронтира, который именуется нами терским периодом, начинается со второй половины XVI в., когда с завоеванием нижнего Поволжья южные рубежи Московского государства вплотную приблизились к северным берегам Каспийского моря. На территории Северного Кавказа в это время в военных целях появляется ряд русских укреплений, городищ и крепостей: в 1567 г. при впадении Сунжи в Терек было основано Сунженское городище (в 1571 г. было снесено по требованию турецкой стороны); в 1588 г. в устье Терека была заложена крепость Терки (Терский городок); в 1590 г. на месте прежнего Сунженского городища возник Сунженский острог (просуществовал до 1605 г.); в 1594 г. в устье р. Сулак (Койсу) был основан Койсинский острог. Наиболее крупным укреплением и военно-административным центром Московского государства на Северном Кавказе во второй половине XVI – первой четверти XVIII в. был Терки, упраздненный по личному распоряжению Петра I в 1722 г. в связи со строительством новой крепости Святой Крест в устье Сулака, в 20 верстах от берега.

Ввиду пожаров, наводнений, эпидемии, нападения горцев и крымских татар Терский город несколько раз отстраивался на новом месте. Тем не менее он продолжал выступать пограничным пунктом социокультурного, экономического и политико-дипломатического взаимодействия горских народов и русских. В Терках находилось «не только военно-служилое население, там жили временно или постоянно русские торговые люди, работные люди, обслуживавшие приходившие с моря бусы и стружки и рыбные промыслы». Под стенами Терков, в его заречной части, сложились различные «слободы великие», где жило северокавказское население: Черкасская, Окоцкая, Новокрещенская и Татарская [6: 192–193]. Нерусское население

Терского города было значительным. Московский купец Ф.А. Котов в 1623 г. писал, что напротив крепости раскинулись большие слободы – Черкесская, Окоцкая и слобода новокрещеных черкесов [3: 64].

Терский город был окраиной Московского государства на Северном Кавказе. Здесь выстраивались дипломатические отношения между северокавказскими правящими элитами и московской властью. В Терках заключались договоры о вступлении в подданство русскому царю, содержались аманаты (заложники) от северокавказских правителей в качестве гаранта верноподданнических отношений, выплачивалось вознаграждение и одаривались подарками за лояльность, верную службу и готовность служить властям.

В Терках с самого его основания начало складываться служилое население, в том числе из представителей северокавказских горцев, которых терские воеводы активно использовали при взаимодействии с горскими владельцами и при склонении их «под государеву» протекцию. Услуги служилых людей из числа горцев в приграничной зоне были востребованы. Наиболее известными фамилиями были Сунчалеевичи и Черкасские, последние являлись крупными землевладельцами в Московском государстве [6: 294–295].

Со второй половины XVI в. на Северном Кавказе возникают казачьи общины, ставшие впоследствии неотъемлемой частью этнокультурного пространства региона. В Терках служилые казаки составляли регулярный военный гарнизон наряду со стрельцами. В это же время здесь появляется и другая группа казаков – вольных, считавшихся более независимыми. Они подчинялись выборным атаманам и отказались от службы в случае прекращения жалованья. Служилые казаки были вовлечены в процесс взаимодействия русских властей с северокавказцами: сопровождали послов, доставляли письма местным владетелям, участвовали в вооруженных конфликтах с местными народами, охраняли Терский городок [10: 108–110]. Северный Кавказ становится южной окраиной огромного пространства казаков, где они начали оседать, осваивать новую территорию, смешивались с местными этническими общностями. Неоднородность этнического состава казачьих групп значительно возрастала, их ряды пополнялись в том числе за счет крещеных горцев. Как видно, район Терека становится той контактной зоной, в которой осуществлялось взаимодействие между представителями Северного Кавказа и Московского государства.

Второй этап северокавказского фронтира (условно назовем его персидским) приходится на время правления Петра I и начинается с его Персидского похода 1722–1723 гг., в результате которого юго-западные области Каспийского моря были присоединены к империи и официально признаны за ней на международном уровне. Пограничная зона теперь проходила

по Прикаспийской низменности, где располагались города-крепости с гарнизоном российских войск: Терский редут, крепость Святого Креста (заложенная по личному распоряжению императора в 1722 г.), Дербент, Баку, Решт и др.

В целях упрочения своих позиций российская власть призывала христианское население Южного Кавказа – армян и грузин, подпавших под власть Османской империи, – перебираться в прикаспийские области. На них возлагались большие надежды в плане хозяйственного освоения новообретенных провинций. В нашем распоряжении имеются документальные данные о планах заселить армянами не только прикаспийские города, но и населенные пункты, в которых испокон веков проживали дагестанцы. Одним из таких пунктов был Тарки [1: 1–11] – резиденция тарковских шамхалов.

Второй этап северокавказского фронтира заканчивается в 1735 г., в связи с оставлением Россией юго-западных берегов Каспия по условиям договоренностей с Ираном. Расширение территорий Российской империи в каспийском направлении в Петровскую эпоху привело к столкновению с интересами Ирана и Османской империи. С последней у России появилась общая граница в Восточном Закавказье. Послепетровская Россия решила оставить юго-западное побережье Каспия, чтобы не превратить Иран из противника в союзника. Новые южные рубежи Российской империи передвигались на правый берег р. Сулак на севере Дагестана, где была основана новая русская крепость Кизляр. Как видно, территориальные трансформации Российской империи имели не только поступательный характер, но порой и возвратный.

С 1735 г., со времени основания крепости Кизляр, начинается третий этап северокавказского фронтира. Кизляр, куда были передислоцированы российские войска после ухода из юго-западных прикаспийских областей и упразднения крепости Святого Креста, стал пограничным рубежом и военно-административным центром империи на Северном Кавказе. Позже, в 1762 г., началось строительство другой стратегически важной русской крепости – Моздока. Русско-турецкая война 1768–1774 гг., закончившаяся полным поражением Турции, кардинально изменила соотношение политических сил на Северном Кавказе в пользу Российской империи. После началось поэтапное присоединение Ингушетии, Восточной Осетии, Кабарды, Чечни и наконец в 1813 г. Дагестана и Азербайджана. В последней четверти XVIII в. в целях укрепления южных рубежей страны началось строительство Азово-Моздокской укрепленной линии, единой системы укреплений от Чёрного моря до Каспия [9: 50].

С сооружением новых крепостей в регион переселялось огромное количество донских, волжских и яицких казаков. Имперская власть назначала

казачеству роль авангарда в процессе завоевания и колонизации Кавказа, высоко ценила его универсальность: казаки и воевали на Кавказе, и заселяли его [12: 65]. Одновременно происходил приток на Северный Кавказ беглых крестьян, которые заселялись в казачьи станицы из центральных губерний России.

Для третьего этапа северокавказского фронтира, именуемого как кизляро-моздокский, также характерно расширение российских владений на Южном Кавказе: в 1783 г. был установлен российский протекторат над Восточной Грузией, а в 1801 г. она была присоединена к империи. Вне российской зоны влияния оставались еще высокогорные районы Дагестана, Чечни и Черкесии, образовав промежуточное пространство. Однако рубежная линия на Северном Кавказе поэтапно продвигалась вглубь региона, пока не произошло соединение с российскими владениями на Южном Кавказе, в частности с Грузией.

И, наконец, последним этапом северокавказского фронтира выступает период Кавказской войны, в результате которой весь Кавказ был покорен и включен в состав Российской империи. После 1817 г. Россия начала последовательное военное наступление на Северном Кавказе, пограничная линия продвигалась вглубь гор. Параллельно с военными действиями происходил процесс этнокультурного взаимодействия в северокавказских городах и казачьих станицах. В то время как часть горской элиты противилась российской экспансии, другая часть знати служила на военно-гражданской службе, пользовалась покровительством имперской власти и постепенно входила в состав имперской государственности. С окончанием Кавказской войны в 1864 г. северокавказский фронтир исчерпал себя, после началась инкорпорация региона в политико-правовое пространство Российской империи.

Утверждения отдельных авторов о Северном Кавказе как «вечном фронтире» [7], «закрытие» которого никогда не происходило, не соответствуют исторической объективности. Со времени окончательного вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи в регионе не наблюдаются черты фронтира с присущими ему элементами. Подобного рода выводы основаны на анализе кризисных политических ситуаций на Северном Кавказе в постсоветский период. Как справедливо заметила Э.А. Шеуджен, «в подобных утверждениях больше политики, чем стремления проникнуть в суть происходящих на Северном Кавказе процессов» [16: 83].

Итак, процесс продвижения границ Российского государства на Северный Кавказ, поэтапное присоединение империей кавказских территорий перспективнее рассматривать с точки зрения концепта фронтира, поскольку использование данной теории как инструмента в отношении изучаемых проблем ставит новые вопросы. В истории российского фронтира на Северном

Кавказе нами выделены четыре основных этапа, каждый из которых имеет четкие хронологические рамки и особенности развития: терский (вторая половина XVI в. – 1721 г.), персидский (1722–1735 гг.), кизляро-моздокский (1735–1817 гг.) и период Кавказской войны (1817–1864 гг.). Окончание войны привело к закрытию фронтира и инкорпорации региона в российское имперское пространство.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 77. Оп. 77/1. Д. 5.

2. *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. Самара, 2000. С. 163–193.

3. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв.: сборник / сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992.

4. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (27). С. 81–105.

5. *Каппелер А.* Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47–64.

6. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963.

7. *Романова А.П.*, *Топчиев М.С.* Кавказ как вечный фронтир // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3 (40). С. 284–291.

8. *Романова А.П.*, *Топчиев М.С.* Проблемы периодизации кавказского фронтира // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д., 2014. С. 503–511.

9. Северный Кавказ в составе Российской империи / авт. кол.: Д.Ю. Арапов и др. М., 2007.

10. *Тхамокова И.Х.* Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI – начало XX в.). Нальчик, 2017.

11. *Урушадзе А.Т.* Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011.

12. *Урушадзе А.Т.* Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.): монография. Ростов н/Д., 2016.

13. *Урушадзе А.Т.* Трудная экспансия: территориальная динамика Российского государства в конце XVII – первой половине XVIII в. в контексте историографии. К 300-летию Российской империи // Историческая экспертиза. 2021. № 4 (29). С. 7–27.

14. *Урушадзе А.Т.* Фронтир на Кавказе (XVIII–XIX вв.): возможности и перспективы применения концепта // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 7 (15). URL: https://history.jes.su/s207987840000211-1-2/ (дата обращения: 30.08.2023).

15. *Ходарковский М.* В королевстве кривых зеркал (Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. URL: https://web.archive.org/web/20120430193754/http://www.sakharov-center.ru/chr/chrus02_1.htm (дата обращения: 30.08.2023).

16. *Шеуджен Э.А.* К вопросу о северокавказском фронтире // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 76–83.

17. *Turner F.J.* Rereading Frederick Jackson Turner: The Significance of the Frontier in American History, and Other Essays. Yale, 1998.

Ю.М. Идрисов, И.И. Ханмурзаев

ХАМЗАЕВ ИЛИ ХАСАЕВ? К ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ г. ХАСАВЮРТА

Проблема возникновения и ранней истории г. Хасавюрта на протяжении ряда лет является предметом оживленных обсуждений в прессе и социальных сетях. В ходе этих виртуальных баталий сформировалось несколько версий о личности основателя города. Мы разберем из них две наиболее популярные. Согласно одной, подкрепленной документальными источниками, им был малоизвестный костекский князь Хасав Хамзаев, а согласно второй, основанной исключительно на поздних краеведческих публикациях (второй половины XX в. – начала XXI в.), но более популярной в социальных сетях, Хасавюрт основал генерал-майор князь Муса Хасаев (Уцмиев).

Еще в 1960–1970-е гг. Б. Мирзоев пытался обосновать точку зрения о том, что укрепление Ярыксу в 1846 г. было переименовано в Хасавюрт в честь умершего в том году бывшего пристава Кумыкского владения, генерал-майора Мусы Хасаева [7: 116]. Стремясь возвести название будущего города именно к нему, Б. Мирзоев отрицал факт именования слободы в честь костекского князя Хасава Хамзаева на том основании, что тот якобы жил только во второй половине XIX в., когда населенный пункт был уже основан. Данное утверждение, как мы покажем далее, не соответствует действительности. В целом рассуждения автора ничем не аргументируются. Не приводится никаких ссылок, не были названы им по имени и авторы устных свидетельств, лишь один из которых был обозначен инициалами З.К. [7: 118, 119]. Спустя несколько десятилетий гипотеза Б. Мирзоева была с некоторыми оговорками поддержана хасавюртовским краеведом Б. Дорогобедом, который, обосновывая ее, ссылался на распоряжение А.П. Ермолова от 4 июня 1826 г. главному кумыкскому приставу воздвигнуть селение

на р. Ярыксу: «Селение сие закроет идущие к городу Андрею дороги, по коим после оставления старого Аксая легко могли прокрадываться хищники» [5: 427]. Согласно Б. Дорогобеду, А.П. Ермолов также настоял, чтобы селению этому даровали и имя главного кумыкского пристава, которым якобы и был Муса Хасаев [4]. Однако в действительности на протяжении 1826 г. главным кумыкским приставом, как и прежде, оставался капитан Терского казачьего войска Филатов [2: 507]. В апреле того же 1826 г. в документах А.П. Ермолова Муса Хасаев фигурирует исключительно как старший князь с. Аксай [2: 563, 564].

В 1847 г. в ряде номеров газеты «Кавказ» вышла пространная статья Девлет-Мурзы Шихалиева, озаглавленная как «Рассказ кумыка о кумыках», где в списке разрушенных в ходе Кавказской войны в 1831 г. сёл упоминался и Хасав-Юрт [13: 38].

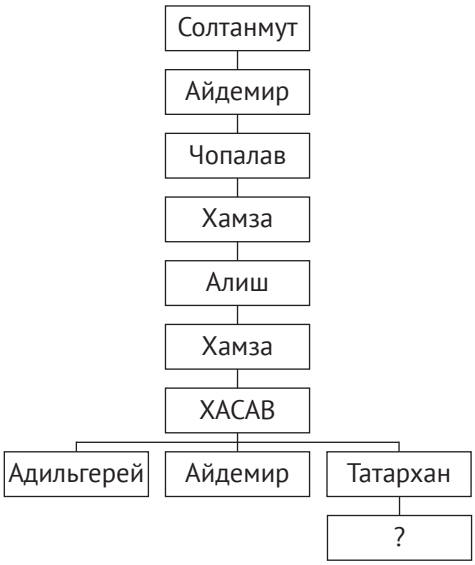
Согласно С.Ш. Гаджиевой, до своего разрушения селение Хасав-Юрт просуществовало только пять лет, а до этого на его месте находился «сторожевой пост» Сувук-Пуршумук («Зимняя стоянка») [3: 105]. Однако непосредственное обращение к документу, на который ссылался данный автор, дало следующий результат: «До прихода русских войск на Кумыкскую плоскость местные жители кумыки в предупреждение набегов враждебных соседей ставили на стратегических пунктах караулы, один из таких караулов был при реке Ярыксу, в местности называемой Суук Пуршулук и что по переводу с кумыкского значит “холодная стоянка”» [12: 15, 15 об.]. Как видим, название караула в обработке С.Ш. Гаджиевой прошло, по сравнению с источником, определенную метаморфозу. Из контекста ее толкования («Зимняя стоянка») выходило, что речь идет о некоем коше, зимнем пастбище, но в источнике далее идет объяснение: «Название это дано было вследствие прохладности ея климата, пастухами, гонявшими свои стада на лето в горы из плоскости и имевшими обыкновение отдыхать по несколько дней на этом месте, отличавшемся, по уверениям старожилов полным отсутствием комаров и мошек» [12: 15 об.].

Здесь поясним, что слова «пуршулук» в кумыкском языке нет, но есть *буршумукъ*, означающее открытую поляну, где на ночь располагается стадо овец, табун лошадей [6: 85]. Возможно, изначально предназначением упомянутого караула была именно охрана этих стад от угона.

По данным С.Ш. Гаджиевой, в 1826 г. близ Сувук-Пуршумука возник аул Хасав-Юрт. Согласно памятной записи, выявленной арабистом Али Каяевым, произошло это через десять месяцев после разрушения Аксая в июле 1825 г. В основании участвовало пятьдесят костековцев [1: 193].

Основателем нового селения был Хасав Хамзаев, человек со сложным характером и драматичной судьбой. В его биографии были среди прочего большие долги и убийство предавшего его личное доверие лица

[10: 119, 119 об.]. Родословная князя Хасава Хамзаева до основателя этой династии Солтанмута Эндиреевского имеет следующий вид:



В 1831 г. аул Хасав-Юрт прекратил существование. Вскоре скончался и Хасав Хамзаев. Но в отличие от названий некоторых других сёл, разрушенных в Кавказскую войну (например, Кочкар-Юрт и Казак-Мурза-Юрт), топоним Хасав-Юрт не канул в Лету и возродился в имени укрепления, со временем выросшего в слободу и город. Сохранился документ о приобретении в казну «от кумыкских владельцев» – костековских князей, сыновей вышеупомянутого Хасава Адильгерея и Татархана Хамзаевых, участка, обозначенного как «Хасавюртовская земля», площадью 1530 десятин и 641 сажень. Кроме того, были приобретены также близлежащие существенно меньшие угодья эндиреевцев князей Герея Муртузали-Аджиева и Алисултана Казаналипова, а также узденя Ибау Ачакова. Сама сделка состоялась еще в 1843 г. по инициативе командира Кавказского корпуса генерал-адъютанта А.И. Нейдгардта, но купчий акт был закреплен только 13 января 1847 г. [11: 27]. Целью приобретения изначально было лишь обеспечение покосами Кабардинского полка Кавказского корпуса императорской армии. Однако уже совсем скоро здесь было воздвигнуто укрепление, в которое перевели из крепости Внезапной (находилась близ кумыкского с. Эндирей Хасавюртовского района), являвшейся единственным на Кумыкской плоскости «пунктом с горстью русского населения», штаб-квартиру Кабардинского полка, которая и «составила первый контингент населения Хасав-Юртовской слободы» [12: 2, 2 об.]. Поначалу вновь построенное укрепление

называли Ярыксу, но довольно скоро предпочтение стали отдавать названию Хасав-Юрт [8: 8, 9].

Примечателен тот факт, что все вышеуказанные землевладельцы являлись уроженцами упраздненных в 1826 г. Эндиреевского и Костековского княжеств, на стыке земель которых и возник будущий город. Владения же упоминавшегося выше аксаевского князя Мусы Хасаева располагались в заметном отдалении от местонахождения «Хасавюртовской земли». Да и будь аул назван в честь Мусы Хасаева, то, согласно правилам кумыкской ойконимии, топоним звучал бы не иначе как Муса-Юрт. К тому же Б. Мирзоев, утверждая, что в память о Мусе Хасаеве было переименовано в 1846 г. укрепление Ярыксу, явно игнорировал факт упоминания в источниках топонима Хасав-Юрт на протяжении предыдущих двух десятилетий.

Таким образом, с. Хасав-Юрт было основано в 1826 г. князем Хасавом Хамзаевым по указанию А.П. Ермолова для прикрытия с. Эндирей от набегов. В 1840-е гг. на месте разрушенного в 1831 г. селения возникло русское укрепление Ярыксу, которое под влиянием местной традиции вскоре также стало называться Хасав-Юртом.

В конце обратим внимание на корреляцию русских и местных кумыкоязычных источников. Так, в хронологических записях любителя старины и Хасавюрта Атава Атаева (1903–1986) среди прочего указано: «Хасавюрт построен в 1843 году» [9: 284]. Таким образом, в этом году исполняется 180 лет беспрерывному существованию города Хасавюрта, а в 2026 г. исполнится 200 лет с основания кумыкского аула Хасав-Юрта, территорию и имя которого он унаследовал.

Источники и литература

1. *Айтберов Т.М.* Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 году. Махачкала, 2011.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Т. 6. Ч. 2. Тифлис, 1875.

3. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М., 1961.

4. *Дорогобед Б.* Когда и как возник Хасавюрт // Кумук Тюз. 2008. 4 ноября.

5. Записки А.П. Ермолова (1798–1826). М., 1991.

6. Къумукъча-орусча сёзлюк (Кумыкско-русский словарь) / под ред. Б.Г. Бамматова, Г.М.-Р. Оразаева. Махачкала, 2013.

7. *Мирзоев Б.* Из истории Хасавюрта // Дослукъ (Дружба): альманах на кумыкском языке. 1975. № 3. С. 116.

8. *Моллаев Б.А.* Интернационализм в действии. Махачкала, 1984.

9. *Оразаев Г.М.-Р.* Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках XVII – нач. XX вв. (тексты, комментарии). Кн. 1. Махачкала, 2003.

10. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 105. Оп. 1. Д. 14.

11. ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 88.

12. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 11. Оп. 5. Д. 45.

13. *Шихалиев Д.-М.М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.

П.А. Кузьминов, Р.С. Гуртуев, И.С. Тахушева, К.А. Сундукова

ИЗЫСКАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВО «БЕЛОГО УГЛЯ» НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ИСТОРИИ НАУКИ[1]

Электроэнергетика во второй половине XIX – начале XX в. была одной из наиболее быстро развивающихся отраслей знаний, в которой наука теснейшим образом взаимодействовала с производством. Научные открытия практически без пауз воплощались «в металле», в конкретных технических решениях, благодаря чему произошел скачок в темпах роста производительности труда, а повседневная жизнь обывателя быстро менялась.

В условиях Российской империи процесс развития этой наиболее передовой отрасли экономики имел свои особенности. При общей слабости развития собственной электротехнической промышленности в дореволюционное время, научная и инженерная мысль России шла вровень с мировой, а по некоторым позициям вырвалась в лидеры научно-технического прогресса. Особую роль в этом процессе сыграло Русское техническое общество (1866 г.), которое в 1874 г. было переименовано в Императорское русское техническое общество (далее – ИРТО). Обширная и разнообразная программа деятельности общества концентрировалась на проблемах прикладного характера и включала в себя вопросы технического образования, стандартизации, поддержки научных исследований, популяризации технических знаний посредством периодических изданий, организации выставок и конкурсов, учреждения премий за научные достижения, открытия технических библиотек, музеев, экспериментальных мастерских, ремесленных училищ, финансировало полевые экспедиции для разведки полезных ископаемых и источников энергетических ресурсов и т.д. [22].

В начале 1880 г. в составе ИРТО был создан VI (электротехнический) отдел, в задачи которого входила организация исследований в области электричества, выработка правил пользования электрическим током,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00787.

стандартов его производства и потребления, организация научных лабораторий и специализированных учебных заведений.

Развитие электроэнергетики на Северном Кавказе мы рассматриваем в свете изучения вопросов использования энергии воды, которые были тесно связаны с железнодорожным транспортом. Это было обусловлено тем, что на рубеже XIX–XX вв. резко усилился спрос на электрификацию транспорта, и для развития промышленности понадобились мощные источники энергии в виде крупных энергетических установок. До начала широкого применения паровой турбины как подходящий источник электроэнергии рассматривалась «сила водопадов», или «белый уголь». Первоначально развитие гидроэнергетики было в первую очередь связано с электрификацией горнорудных работ, но работы инженера Ф.А. Пироцкого, который в 1874 г. устроил на Волковом поле близ Петербурга передачу электроэнергии мощностью около 6 л.с. сначала на расстояние нескольких десятков метров, а затем до 1 км, и русского ученого М.О. Доливо-Добровольского, продемонстрировавшего в 1891 г. на выставке во Франкфурте-на-Майне передачу трехфазного переменного тока на 175 км [39: 29–31], дали мощный импульс развитию гидроэнергетики. Пионерами массового строительства гидроэлектрических установок стали богатые водными ресурсами Норвегия и Швейцария [23].

Несмотря на нерешенность целого комплекса правовых вопросов, ученые и инженеры России начали проработку проектов крупных гидроэлектростанций в частном порядке, в расчете на поддержку государства. Кавказ в этом отношении был в числе регионов-пионеров использования энергии горных рек: обилие водных потоков, гористая местность этому способствовали. Г.О. Графтио на III Электротехническом съезде представил проект высоконапорной Терской, или Дарьяльской ГЭС, которая должна была обеспечивать развитие транспорта, горнорудной и нефтяной промышленности на Северном Кавказе. Реализация этой идеи стала бы частью самого амбициозного гидроэнергетического проекта дореволюционной России, в котором были заложены теоретические и практические основы строительства крупных энергосистем.

Один из проектов гидростроительства на Северном Кавказе, который был реализован в начале XX в. и сыграл большую роль в накоплении практических знаний об электричестве, – строительство в 1903 г. на Кавказских Минеральных Водах на реке Подкумок под руководством профессора М.А. Шателена и Г.О. Графтио Центральной гидроэлектростанции, которая в 1911 г. получила собственное имя «Белый уголь». Она обеспечивала освещение в помещениях курорта, работу пятигорского трамвая и насосов, качавших целебные минеральные воды. В 1913 г. она впервые в мире начала работу в единой сети с Пятигорской тепловой станцией, дав бесценный опыт для создания будущих крупных энергосистем.

Накопленный дореволюционными учеными и инженерами теоретический и практический опыт в этой сфере был реализован в плане Государственной комиссии по электрификации России (далее – ГОЭЛРО), который стал основой экономической системы СССР. Объективные результаты предшествующего этапа развития мировой экономики давали серьезные основания для формирования и реализации подобных плану ГОЭЛРО проектов на территории не только России, но и большинства промышленно развитых стран мира. Причем, по мнению А.И. Грищенко и П.С. Зиноватного, экономическая база, а в некоторых случаях и политическая обстановка для реализации такого плана в развитых странах Европы или в США была более подходящей, чем в России [9].

Теория и практика первых десятилетий советской власти, главным образом в энергетическом строительстве, стали для большинства развитых стран того периода примером рациональной, экономной, плановой организации хозяйства, который многие государства пытались повторить в другое время и на иной социально-политической основе [6: 79].

Опыт форсированного гидростроительства в национальных районах Северо-Кавказского региона заслуживает самого внимательного изучения.

Особое значение плана ГОЭЛРО как первого удачного опыта планового хозяйствования в масштабах экономики всего государства нашло отражение в массиве публикаций, который хронологически и методологически можно разделить на три группы: дореволюционные, советские и постсоветские. Такое деление обусловлено методологией данных исследований, качеством внимания общества к проблемам электрификации и социально-политическими акцентами авторов. Нами обоснован тезис о последовательности и преемственности концепта именно российского пути развития энергетики: от отдельных проектов строительства электроустановок в дооктябрьский период к единой энергетической системе страны при государственной монополии на производство и распределение электроэнергии.

В дореволюционный период была проведена колоссальная работа по изучению гидроресурсов в регионе. Значительная часть собранных сведений была опубликована, таким образом был подготовлен эмпирический фундамент будущего плана ГОЭЛРО [16; 23; 24; 35].

Основными историографическими источниками по теме исследования стали публикации в периодической печати. Подавляющее число статей по истории индустриализации региона составляют газетные и журнальные публикации, в которых освещались не только отдельные проекты строительства электроустановок, решения и переписка земских, губернских, партийных, советских и профсоюзных органов, хозяйствующих субъектов и т.д., но и повседневная производственная деятельность строителей электростанций.

Значительный объем информации дают статьи в отраслевых специализированных журналах. В процессе сбора материала нами изучен комплекс статей в отраслевом журнале Госплана СССР «Плановое хозяйство» за 1925–1930-е гг., среди которых есть работы по северокавказской тематике индустриализации и планирования П.Г. Журиды – председателя Севкавплана [17], а также автора, писавшего под псевдонимом «М.С.» и опубликовавшего серию материалов об электрификации Северного Кавказа, ходе составления пятилетнего плана электроэнергетического строительства в регионе и т.д. [25].

К важнейшему пласту историографических источников этого периода по электрификации следует отнести материалы газетной печати того времени. Как живой голос эпохи, газетные очерки, репортажи, хроники, зарисовки, фото имеют значение не только в восстановлении хронологии событий, но и в отражении дискуссий сторонников разных политических и экономических течений, борьбы различных группировок в партии, тенденций в оценках текущего момента и обсуждении перспектив строительства. В этом отношении СМИ представляют собой срез достаточно широкой палитры мнений, причем вызывает интерес значительный разброс суждений, обилие критических материалов, глубина дискуссий.

В изучении истории индустриализации Северо-Кавказского края большое значение имеют публикации в краевой газете «Молот», которая в постоянном режиме освещала деятельность партийных и советских органов в области электрификации [2; 28; 31; 34; 40; 41].

В Кабардино-Балкарской автономной области (далее – КБАО) эту роль играла газета «Социалистическая Кабардино-Балкария», которая в 1920-е гг. носила также названия «Красная Кабарда» и «Карахалк» [36; 37]. В 1926 г. на страницах газеты размещен отчет Кабардино-Балкарского ЦИКа V Съезду Советов области с информацией о строительстве Нальчикской ГЭС и расширении программы электрификации области [30: 64]. В марте 1927 г. газета публиковала материалы очередного съезда Советов КБАО, в том числе и по проекту строительства Баксанской ГЭС, представленному В.А. Покшишевским [1]. В феврале газета рассказала о подготовительных работах строительства ГЭС [21]. В ходе работ по индустриализации региона газета держала руку на пульсе строительства Баксанской ГЭС, крупных предприятий, сельских электростанций [3; 7; 8; 18; 29; 32]. В 1935 г. Хачим Теунов опубликовал материал об экономических злоупотреблениях на Баксанстрое [33].

Второй период советского этапа – 1950–1980-е гг. – характеризуется публикацией обобщающих работ по региональной проблематике индустриализации, посвященных различным аспектам развития экономики национальных автономий края. Это, в первую очередь, двухтомный

труд «История индустриализации Северного Кавказа», вышедший в 1971 и 1973 гг. в Грозном [19; 20], а также работы исследователей истории индустриализации и формирования рабочего класса национальных республик РСФСР Н.Я. Дестебекова [15], Л.М. Бочковой [5] и др., в которых отведено место и гидростроительству. К этой же группе отнесем работы Х.Т. Медалиева [26; 27] и Р.И. Цориева [38]. Они достаточно полно раскрывают проблему, однако ряд принципиальных вопросов электрификации Кабарды и Балкарии остались за пределами внимания исследователей.

Р.И. Цориев отмечает отсутствие серьезных научных трудов по проблеме электрификации республик и краев Северного Кавказа: «Ни в одной из республик, краев или областей Северного Кавказа еще не издана даже брошюра, в которой бы освещалась большая и сложная работа, проведенная партийными организациями по осуществлению ленинских идей электрификации в специфических условиях края» [38: 8–9]. Причиной отсутствия работ, отдельно рассматривающих проблему электрификации в национальных республиках Северного Кавказа, на наш взгляд, является то, что исторические исследования 1920–1970-х гг. рассматривают проблему индустриализации вместе с коллективизацией сельского хозяйства, достижениями в национально-государственном и культурном строительстве. Отсюда недостаточное внимание к обеспечению общества электроэнергией.

Современные исследователи, не опровергая в общем позитивный характер изменений, которые принесла с собой индустриализация Кабардино-Балкарии, более подробно рассматривают истоки социального сопротивления населения безусловно прогрессивным начинаниям, которые проводились во многих случаях без учета особенностей региона, зачастую в угоду завышенным формальным показателям, в условиях ломки традиционного уклада жизни коренных народов, радикальных изменений в хозяйственной и культурной сферах. «Переход от нэпа к форсированным социалистическим преобразованиями в 1928–1930 гг. стал главной причиной массового недовольства, протеста и волнений крестьянского населения Кабардино-Балкарии», – пишет А.Х. Боров [4: 122].

Определенное значение имеют публикации авторов статьи, в которых исследованы вопросы гидростроительства на Северном Кавказе [10–14].

Источники и литература

1. VI Съезд Советов КБАО // Карахалк. 1927. 10 марта.

2. 2 миллиарда киловатт-часов // Молот. 1939. 16 апреля.

3. Баксанстрой. Здание электростанции (фото) // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1935. 28 апреля.

4. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007.

5. *Бочкова Л.М.* Особенности индустриализации автономных республик и областей Российской Федерации (1926–1932 гг.) // История СССР. 1989. № 6. С. 124–132.

6. *Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О.* Кристалл роста: к русскому экономическому чуду. М., 2021.

7. Гидротурбина «Банки» // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1935. 22 февраля.

8. Гидроэлектростанция Хабаз // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1935. 3 ноября.

9. *Грищенко А.И., Зиноватный П.С.* Энергетическое право России (правовое регулирование электроэнергетики в 1885–1918 гг.). М., 2008.

10. *Гуртуев Р.С.*, *Кузьминов П.А.* Накопление научных знаний о гидроэнергетических ресурсах Северного Кавказа и первые шаги по их реализации // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 95–106.

11. *Гуртуев Р.С.*, *Кузьминов П.А.*, *Сундукова К.А.*, *Тахушева И.С.* Проекты и проблемы строительства Терской гидроэлектростанции в 1909–1912 гг. // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 66–82.

12. *Гуртуев Р.С.*, *Кузьминов П.А.* Проблемы становления рабочего класса в Кабардино-Балкарии в конце 20 – начале 30-х гг. XX века // Научная мысль Кавказа. 2019. № 2. С. 57–63.

13. *Гуртуев Р.С.*, *Кузьминов П.А.* Проект электрификации Кабардино-Балкарской автономной области В.А. Покшишевского (1927 г.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2019. № 4 (47). С. 76–82.

14. *Гуртуев Р.С.*, *Кузьминов П.А.*, *Сундукова К.А.*, *Тахушева И.С.* Исторический опыт использования малых ГЭС в системах электроснабжения России: Акбашская ГЭС в 1920–1930-е гг. // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 4. С. 138–150.

15. *Дестебеков Н.Я.* Партийное руководство развитием промышленности в автономных республиках и областях Северного Кавказа (1926–1937 гг.). Махачкала, 1969.

16. Доклад Р.К. фон-Гартмана Его Превосходительству г-ну министру финансов по делу о сооружении железной дороги по восточному берегу Черного моря. СПб., 1898.

17. *Журид П.Г.* Опыт оценки итогов районирования Северного Кавказа // Плановое хозяйство. 1927. № 2. С. 231–239.

18. Испанская делегация на Баксанстрое // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1937. 24 мая.

19. История индустриализации Северного Кавказа. Т. 1 (1926–1932 гг.) / под ред. В.И. Филькина. Грозный, 1971.

20. История индустриализации Северного Кавказа. Т. 2 (1933–1941 гг.) / под ред. В.И. Филькина. Грозный, 1973.

21. Как решаются хозяйственные вопросы нашей области в Москве // Карахалк. 1929. 10 февраля.

22. *Кричко В.А.* Продолжая традиции...: К 125-летию Русского технического общества. М., 1991.

23. *Литовченко К.П.* Организация исследований водных богатств Швейцарии и применение выработанной там схемы к изысканиям на реках Черноморского побережья Кавказа: Докл. чл. Комис. инж. К.П. Литовченко общ. собр. Комис. по рассмотрению вопр. о применении электр. тяги на пут. сообщ. 23 мая 1903 г. СПб., 1904.

24. *Литовченко К.П.* О праве государства на текучую воду: доклад инженера К.П. Литовченко, от имени Комиссии по рассмотрению вопросов о применении электрической тяги на путях сообщения, Третьему Всероссийскому электротехническому съезду, 28 декабря 1903 г. СПб., 1904.

25. *М.С.* Пятилетний план электрификации Северного Кавказа // Плановое хозяйство. 1925. № 2. С. 257–259.

26. *Медалиев Х.Т.* Деятельность КПСС по индустриализации национальных республик и областей Северного Кавказа (1926–1937 гг.). Нальчик, 1972.

27. *Медалиев Х.Т.* Социалистическая индустриализация Кабардино-Балкарии (1928–1937 гг.). Нальчик, 1959.

28. Наши предприятия и их работа. ГЭС крепнет // Молот. 1925. 1 ноября.

29. Новая электростанция в колхозе им. К. Маркса Курпского района // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1935. 18 апреля.

30. *Пеннер В.Я.* Пеннер Н.В. Нальчик глазами современников. Нальчик, 1993.

31. Первая колхозная гидроэлектростанция // Молот. 1939. 11 ноября.

32. Перед пуском электростанции (Псыгансу) // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1935. 11 октября.

33. Преступления на Баксанстрое // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1935. 20 сентября.

34. Семь новых гидроэлектростанций // Молот. 1939. 1 августа.

35. Снабжение г. С.-Петербурга электрической энергией, переданной от водопадов «Нарвского» и «Иматры» // Электричество. 1896. № 4. С. 54–57.

36. *Соблирова З.Х.* Становление журналистики в Кабардино-Балкарии: газета «Красная Кабарда» // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3. С. 90–98.

37. *Соблирова З.Х.* Формирование системы национальной печати в Кабардино-Балкарии: «Красная Кабарда» // Проблемы истории, методологии, историографии и источниковедения народов Северного Кавказа: опыт и уроки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Нальчик, 2022. С. 185–190.

38. *Цориев Р.И.* Электрификация горного края. Орджоникидзе, 1988.

39. *Шателен М.А.* Русские электротехники второй половины XIX века. М.; Л., 1949.

40. Электрифицируем деревню // Молот. 1925. 31 июля.
41. Электрификация железных дорог // Молот. 1925. 19 августа.

С.А. Шпагин

ЦЕНТРЫ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

В России традиционно уделяли большое внимание Кавказу. В российском кавказоведении важное место занимали сюжеты, связанные с Османской империей, позже – с Турецкой Республикой. Отметим, что не все аспекты присутствия Турции на Кавказе одинаково освещались в отечественной историографии. Соответственно, турецкая историография Кавказа, кавказоведение в Турции не так часто являлись предметом анализа. Качественное развитие отечественного кавказоведения требует расширения тематики, в том числе с учетом опыта зарубежных исследователей.

Помимо кавказоведения в академической системе, историей и смежными гуманитарными проблемами Кавказа, особенно Северного, активно занимаются в рамках общих и специальных курсов вузовской подготовки, научных конференций, общественных и культурных мероприятий. В Ростове-на-Дону выходили обобщающие работы по истории Кавказа [1; 2]. Об уровне регионального кавказоведения свидетельствует публикация справочника кавказоведов [4], работа Северо-Кавказского научного центра высшей школы и издание им научного журнала «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы». Тема Кавказа разрабатывалась и московскими исследователями в 1980-е гг. [3]. Предполагается, что аналогичную ситуацию мы можем наблюдать применительно к кавказоведению и в Турции.

Отправная точка кавказоведения (Kafkasya Çalışmaları) в Турции – это признание важной международной роли Кавказа как сферы интересов Турции и, соответственно, значимость темы экспансии европейских держав, прежде всего России [6; 16]. Хотя северокавказские народы и описываются отдельно [16], сам регион в некоторых работах рассматривается как единый, без выделения Северного Кавказа, как это принято в России [8]. По-видимому, для современных турецких исследователей традиционно важнее проблемы кавказской политики России, нежели «возвратная история» Кавказа как часть собственной истории, истории Османской империи.

Отличие значения Кавказа для России показано в работе Мехмета Арсалана: «Кавказ лишил Россию статуса северной страны и в то же время сделал ее страной южной» [8]. Подводя итог продолжительному противостоянию на Кавказе России и Турции в конце XIX – начале XX в., Ильбер Ортайлы

справедливо заметил, что в результате «обе империи погибнут в войне, которая им не принадлежала» [9]. В некотором смысле это основные векторы академического кавказоведения в Турции. При этом признается чрезмерная жестокость как русских в отношении народов Северного Кавказа, так и турецких властей при подавлении выступлений христианских подданных Османской империи. Исследования Кавказа в современной Турции не являются основным предметом статьи, но для оценки подходов турецких ученых важно понять доминирующую тенденцию в определении роли России на Кавказе. В целом, можно говорить о взвешенном подходе к отношениям Османской империи и России. Более критичны взгляды на политику СССР, но это отдельная тема. Можно выделить следующие институции, занимающиеся кавказоведением в Турции: государственные и частные некоммерческие университеты, этнокультурные организации народов Кавказа, собственно кавказоведческие центры и периодические научные журналы. В поле зрения автора не попадает история кавказоведения, историография, публицистика и место кавказской тематики в учебных курсах вузов. Цель статьи – выявить институциональное состояние кавказоведения в Турции, определить характер публикаций, основные направления исследований, присутствие кавказской тематики в проводимых научных мероприятиях. Для анализа использованы годовые отчеты указанных центров и вузов с 2000 по 2023 г.

В шести ведущих университетах Турции (государственных и частных) – Билькентский, Ближневосточный технический, Босфорский, Университет Сабанджи, Университет Коч, Стамбульский технический университет – преобладают общегуманитарные направления, специальность «История» встречается нечасто. О присутствии тем, связанных с Кавказом, можно судить лишь по доступным в сети публикациям преподавателей этих и других университетов Турции. Существенный момент – наличие в стране значительного количества этнокультурных организаций выходцев из Северного Кавказа. В апреле 1993 г. была создана Федерация кавказских ассоциаций Турции (Каффед). Некоторые из них проводят научные конференции с участием университетских преподавателей. Однако выявленная в сети информация о таких мероприятиях – Симпозиум «Кавказские общины Турции и трансформирующийся Кавказ» Черкесской ассоциации – относится к уже далекому марту 2012 г.

Кавказский университет, расположенный в г. Карс (Kafkas Üniversitesi), ориентирован на медицину, экономику и управление, а не на гуманитарные дисциплины и конкретно историю Кавказа. Действующий при Кавказском университете Институт социальных наук (Sosyal Bilimler Enstitüsü), как и большинство аналогичных вузов и научных организаций, специализируется на изучении общих социальных проблем [17]. Но именно

при Университете Кавказа в начале 2003 г. был создан Центр исследований Кавказа и Центральной Азии (Kafkasya ve Orta Asya Araştırma Merkezi) [13]. По факту, это основной центр кавказоведения в Турции, которому, по мнению его руководства, еще предстоит «стать ведущим образовательным и исследовательским учреждением в области социальных наук, особенно в области тюркологии» [13]. Миссия центра – «играть роль моста между Кавказом и тюркскими республиками Средней Азии для Кавказского университета, в состав которого он входит, и города Карс, где он расположен» [13]. Получается, что формально центр ограничивает свои задачи интересами города и университета. Детализация миссии демонстрирует широкий спектр деятельности, правда, для определенной целевой аудитории: «Наша миссия для университетского сообщества, студентов и горожан заключается в том, чтобы налаживать хорошие отношения с соседями и нашими соотечественниками в Туркестане, а также способствовать укреплению существующих социальных, экономических и культурных отношений между нашими народами, воспитанию светских, демократических личностей, верных Ататюрку и современной Турецкой Республике, прививать сознание родины и нации» [13]. Несмотря на декларативное ограничение целевой аудитории, центр, а по факту Кавказский университет, должны служить кузницей кадров из числа «соседей и соотечественников» не просто близкого Кавказа, а именно Туркестана. Помимо образовательной функции, речь идет о воспитании «сознания родины и нации» не только у граждан Турецкой Республики. Важный аспект – верность заветам Ататюрка, то есть приверженность модернизации и светскому характеру общества, вне зависимости от политической конъюнктуры [13].

Деятельность центра ориентирована и на «близких соседей и родственников в Центральной Азии». Цель – «воспитывать молодые поколения, которые придерживаются принципов Ататюрка, внести свой вклад в их достижения, которые могут преобразовать общество и страну». Предполагаемый результат – укрепление отношений «Турецкой Республики с братскими республиками и турецкими общинами» [13]. Центр декларирует серьезную внешнеполитическую цель – «быть проводником по кемализму и его целям для Кавказских Турецких Республик, которые являются нашими соседями и берут с нас пример в силу географического положения нашего университета» [13]. Таким образом, центр совместно с университетом выполняет функцию с помощью образования, науки и прикладных исследований обучать и воспитывать в духе кемализма и пантюркизма молодое поколение своих граждан и этнически близкую молодежь из «Кавказских Турецких Республик».

Наряду с подготовкой научно-исследовательских проектов, формированием научно-исследовательских групп и их финансированием, центр

«предоставляет научные консультации частным и государственным учреждениям, проводит исследования по вопросам науки, культуры, технической и экономической политики, которые Турция будет разрабатывать для стран Кавказа и Центральной Азии» [13]. Центр содействует как осведомленности граждан Турции о жизни общин за рубежом, так и распространению информации о деятельности этих общин. Помимо научной и образовательной работы, он видит свою миссию и в деятельности, связанной с культурами Кавказа и Средней Азии [13]. Для достижения поставленной цели планируется организация научных и образовательных мероприятий, издание книг и статей в своем журнале и в сотрудничестве с коллегами в стране и за рубежом.

Проблемами кавказоведения активно занимается Университет Кахраманмараш Сютчу Имам (Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi), созданный в 1992 г. [14]. При университете действует Кавказский центр стратегических исследований (Kafkasya stratejik araştirmalar merkezi, Stratejik Araştırmalar Merkezi) [14]. Его цели несколько отличаются от целей и, главное, миссии Центра исследований Кавказа и Центральной Азии. Они носят более конкретный и практический характер – изучение глобальных проблем, которые затрагивают весь комплекс международных вопросов, касающихся Турции. В сферу практической деятельности входит и аналитика в области безопасности. Иными словами, при декларированной учебной, образовательной работе со студентами фактически центр, занимающийся стратегическими проблемами мировой политики, ориентирован на государственные структуры и ведомства. Он в меньшей степени заявляет о культурной и общественной работе с гражданами и диаспорами. Центр главным образом занимается текущими экономическими и политическими вопросами, нежели историей Кавказа [14]. Он также готов оказывать консультационные услуги потенциальным заказчикам, как в государственном, так и в частном секторе. Оба центра готовы к научным и исследовательским контактам не только с турецкими партнерами, но и с зарубежными коллегами [14].

Центр достаточно известен в России. Можно сослаться на обсуждение ситуации на Кавказе с аналитиком Центра стратегических исследований Кавказа, специалистом по международному праву Зейнеп Алтынсой «Схватка за Кавказ ужесточается: кто победит?» на информационно-аналитическом портале «Новая эпоха» [5].

Факультет экономики и административных наук Университета Кахраманмараш Сютчу Имам издает научный журнал (Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi). Доступные в сети номера посвящены вопросам социологии, экономики и практически не касаются современной ситуации, а тем более истории Кавказа [15].

Научные издания по кавказоведению (Kafkasya Çalışmaları) доступны в сети не только для чтения, но и для опубликования в них статей. Хотя часть изданий («бумажных» и электронных) существуют при названных университетах, их деятельность требует отдельного анализа. Помимо оперативности обновления публикуемых материалов, представляющих больший интерес, нежели учебные программы вузов, сотрудничество с научными журналами выглядит более реальным с практической точки зрения. В этом плане можно выделить сетевой ресурс «Кавказский редактор» (Kafkassam), посвященный комментариям текущей ситуации на Кавказе. Как уже отмечалось, в понятие «Кавказ» входят: Турция, Россия, Азербайджан, Армения, Грузия и Иран. Но при этом имеется и рубрика «Северный Кавказ» [7].

Сложная ситуация в мире и в регионе оказывает влияние на характер публикаций и оценку событий. Это касается обстановки вокруг Украины, армяно-азербайджанских отношений, ситуации на Ближнем Востоке с учетом политики Ирана. Внутренние и внешнеполитические проблемы Израиля также могут быть темой публикаций в «Кавказском редакторе».

Если «Кавказский редактор» посвящен текущим событиям, то строго научным изданием является “Journal of Caucasian Studies” (JOCAS). Это международный рецензируемый журнал, издаваемый один раз в год в мае. Его тематика широкая – это история, география, этнология, антропология, лингвистика, политика. Журнал принимает статьи не только на турецком и английском, но и на русском языке.

Цифровая эпоха диктует свои форматы ресурсов, связанных с проблематикой Кавказа. Отметим самые распространенные и доступные из них – Kafkassam Telegram [11] и Kafkassam YouTube [12]. Выбрать наиболее востребованные материалы ресурса поможет сайт «Поиск по лучшим сайтам» (Kafkassam.com Site Top Sites Search) [10]. Он же позволяет определить степень посещаемости ресурса. Так, ежемесячные просмотры его страниц на конец июля 2023 г. составили 6556. Оценка ресурса «Кавказский редактор» (Kafkassam) – 3,5 – представляется заниженной.

Показательно, что на сайте Турецкого исторического общества (Türk Tarih Kurumu) нет никаких материалов или упоминаний о размещенных на других площадках публикациях, посвященных Кавказу. Если судить по содержанию ресурса «Самые популярные статьи» (En Çok Erişilen Makaleler), то проблематика Кавказа в любых жанрах не входит в число популярных среди читателей Турции.

Подводя итоги анализа доступного в сети материала по состоянию кавказоведения и деятельности центров кавказоведения в Турции, можно сделать некоторые предварительные выводы. Кавказская тематика рассматривается в контексте светского тюркизма. Возможно, этим объясняется слабый интерес к кавказоведению в историческом плане. Большее

внимание уделено языковым проблемам народов Кавказа и той части региона, которая ближе к их совместной истории в рамках Османской империи и Турецкой Республики. Советский период рассматривается сквозь призму русификации и советизации. В определенном ключе подаются и события на Южном Кавказе, конфликт Грузии с Россией, с оценками, далекими от объективности.

Различия в тематике исследований в России и Турции как раз и создает потребность в обмене публикациями, мнениями и оценками. Если судить формально – по спискам использованных источников и литературы – турецкие коллеги неплохо знакомы с публикациями на русском языке.

Сравнительный анализ общих страниц истории в турецкой и российской историографии – отдельная, сложная, но востребованная проблема. Новый поворот на юг России носит не временный и не конъюнктурный характер, поэтому научное, образовательное, культурное сотрудничество должно дополнить наши экономические, политические и военные связи. Турецкие центры, занимающиеся актуальными проблемами региона, его историей, традициями и культурой, активно работают с диаспорами и формируют свои целевые аудитории. Включение турецкими центрами в тематику Кавказа Украины, ее отношений с Евросоюзом и НАТО весьма показательно. Можно отметить и интерес к Македонии в электронных изданиях названных центров.

Источники и литература

1. Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе: сборник статей. Ростов н/Д., 1972.

2. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен и до 1917 года. Учебное пособие для вузов. Ростов н/Д., 2001.

3. История народов Северного Кавказа: в 2 т. М., 1988.

4. Современное кавказоведение. Справочник персоналий / сост. В.В. Черноус, И.Е. Романова. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д., 1999.

5. Схватка за Кавказ ужесточается: кто победит? // Новая эпоха. 25.09.2020. URL: https://novayaepoxa.com/skhvatka-za-kavkaz-uzhestochaetsya-kto-po/354612/ (дата обращения: 18.07.2023).

6. 93 Harbi (93-я война). URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/93_Harbi (дата обращения: 18.07.2023).

7. Anasayfa Kuzey Kafkasya (Северный Кавказ). URL: https://kafkassam.com/kategori/kuzey-kafkasya (дата обращения: 18.07.2023).

8. Arsalan Mehmet. Kuzey Kafkasya coğrafyasinda yaşanan etno-politik sorunlarin çözümünde kumuk türkçesinin önemi // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi / Journal of Turkish World Studies, XIII / 2 (Kış 2013). S. 167–184 (Значение кумыкско-турецкого языка в решении этнополитических проблем

в географии Северного Кавказа // Журнал обзоров тюркского мира XIII / 2 (зима 2013 г.). С. 167–184). URL: https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/406945 (дата обращения: 31.07.2023).

9. *İlber Ortaylıl*. 1877–1878 Türk-Rus savaşı... 93 Harbi (1877–1878 Турецко-русская война... 93-я война). URL: https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/ilber-ortayli/1877-1878-turk-rus-savasi-93-harbi-41796357 (дата обращения: 20.08.2022).

10. Kafkassam.com Site Top Sites Search. URL: https://www.topsitessearch.com/kafkassam.com/ (дата обращения: 18.07.2023).

11. Kafkassam Telegram. URL: https://t.me/s/kafkassam (дата обращения: 18.07.2023).

12. Kafkassam YouTube. URL: https://www.youtube.com/channel/UCYxA7gGFzvSSKPeMjqmS86Q (дата обращения: 18.07.2023).

13. Kafkasya ve Orta Asya Araştırma Merkezi (Центр исследований Кавказа и Центральной Азии). URL: https://www-kafkas-edu-tr.translate.goog/koaam/tr/sayfa2175?_x_tr_sl=tr&_x_tr_tl=en&_x_tr_hl=en&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 15.07.2023).

14. Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi (Университет Кахраманмараш Имама Сютчу). URL: https://www.ksu.edu.tr/ (дата обращения: 31.07.2023).

15. Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi (Журнал факультета экономики и административных наук Университета Кахраманмараш Имама Сютчу). URL: http://iibfdergisi.ksu.edu.tr/tr/ (дата обращения: 18.07.2023).

16. Kuzey Kafkasya halkları (Народы Северного Кавказа). URL: https://tr.wikipedia.org/wiki/Kuzey_Kafkasya_halklar%C4%B1 (дата обращения: 18.07.2023).

17. Sosyal Bilimler Enstitüsü (Kafkas Universit) (Институт социальных наук (Кавказский университет)). URL: https://www.kafkas.edu.tr/sobe/en (дата обращения: 18.07.2023).

Раздел 2
Этнополитические процессы и национально-государственные преобразования на Кавказе

Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев

КАВКАЗ: СИЛА ЯЗЫКА ДИПЛОМАТИИ И МИРА (из опыта российско-горских взаимоотношений в XVI–XIX вв.)

В своем знаменитом произведении «Кавказский пленник» А.С. Пушкин отмечал: «Смирись, Кавказ, идет Ермолов!» [8]. В ответ на это великий дагестанский поэт Расул Гамзатов написал: «Нет, не смирялись и не гнули спины / <…> Не Русь Ермолова нас покорила, / Кавказ пленила пушкинская Русь» [1]. Мудрый Расул был прав: Кавказ подчинился не Ермолову: генерал так и не смог его покорить, хотя отдал этому целых десять лет. Кавказ «смирился» перед просвещенной Россией – Россией А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого. Эти гении русской культуры были буквально влюблены в Кавказ и создавали о нем литературные шедевры.

Российско-горские отношения, российско-горский союз в XVI–XVIII вв. были результатом взаимного притяжения. Россия в силу геополитических и стратегических интересов на пути к превращению в великую державу многое делала для утверждения своего влияния на Северном Кавказе. Генерал-историк Р.А. Фадеев писал: «С XVI века мысль о владычестве на Кавказе стала наследственною в русской истории; в периоды слабого управления она как будто гасла; но всякое сильное царствование вновь выводило ее наружу. Виды русского правительства на Кавказ, питаемые в продолжение веков, не всегда были вполне сознательны; но не в том дело: они существовали

и переходили из поколения в поколение; это видно из того, что каждая благоприятная минута, каждое энергическое царствование вновь вызывало их к жизни» [11: 8].

Для выполнения этой задачи в условиях острой борьбы с Турцией и Ираном за регион Северного Кавказа Россия нуждалась в союзе с горцами. («Именно между Чёрным и Каспийским морями в течение трех с половиной столетий проходил один из фронтов исторического противоборства царской России с султанской Турцией и шахским Ираном» [7: 5].) Сами же горцы также были заинтересованы в торгово-экономических отношениях с Россией и нуждались в ее помощи для отражения постоянных нападений крымских татар, Османской империи и Ирана. Вследствие этой взаимной высокой оценки военно-союзнических отношений горские делегации в XVI–XVIII вв. постоянно посещали Москву и Санкт-Петербург (где их принимали на самом высоком уровне) и российские административные центры на Северном Кавказе. Точно так же официальные российские представители были частыми гостями у горских владетелей и обществ. В результате и заключались различные соглашения о покровительстве России над горскими народами и подданстве последних, приносились соответствующие присяги верности со стороны горцев.

Анализ российско-горских взаимоотношений в XVI–XIX вв. показывает, что на долгом пути сближения русского и горских народов, образования российско-северокавказского государственного единства Россия наибольших успехов добивалась тогда, когда использовала мирные методы, язык дипломатии и культуры. Язык только оружия, язык ультиматумов горцы не понимали, и яркий тому пример – начало Кавказской войны при кавказском наместнике генерале А.П. Ермолове в 1818 г. Рассмотрим обозначенную тему на примере российско-чеченских взаимоотношений.

Пятигорский историк Ю.Ю. Клычников пишет: «Крайности легки, но истина всегда лежит посередине, и задача исследователя – приблизиться к ней. Отношения России и Кавказа никогда не были простыми и однозначными. У обеих сторон накопились вполне заслуженные претензии друг к другу. Но следует помнить, что нам жить по соседству, а российская политика, при всей ее противоречивости, являлась стабилизирующим фактором в этом регионе. Сейчас как никогда полезно переосмыслить опыт предков и не повторить их ошибок» [6: 7].

Российско-чеченские отношения зародились много веков назад, в раннем Средневековье, и прошли долгий, сложный и многоплановый путь развития. Этот путь далеко не всегда был прямолинейным; тут были и серьезные конфликты (Кавказская война, депортация 1944 г., кризис 1990-х гг.), но была и огромная помощь России в становлении образования, науки, культуры и экономики Чечни. И главное – была четкая тенденция, которой

чеченцы следовали на протяжении веков, – стремление к союзу, миру и добрососедским отношениям с Россией и русским народом.

Профессор В.В. Дегоев отмечает: «История российско-кавказских отношений не лишена трагизма, как не лишена его вся история человечества. Однако в ней явно присутствует созидательное и охранительное начало. Взаимное тяготение преобладало над взаимными обидами, благодаря чему Кавказ надолго стал неотъемлемой, пусть и особенной, частью российского государства и многоликой российской цивилизации. А затем – вполне органичным звеном новой сверхсистемы, известной как СССР. Никакой централизованной власти – будь то дворянское самодержавие или партийно-советский тоталитаризм – не удалось бы добиться такой слитности, если бы Россию и Кавказ не сплачивали иные исторические силы – силы внутреннего сцепления, действовавшие по всему спектру общественного бытия. Они выдержали трудные испытания войнами, революциями, бунтами, смутами» [2: 412].

С середины XVI в., когда Россия вышла к границам Северного Кавказа, со стороны горцев наметилась тенденция к сближению, установлению дружеских, добрых отношений с соседом. Первыми свои посольства с этой целью в Москву отправили представители адыгских народов. Однако наиболее тесные военно-политические связи у Москвы в конце XVI в. установились с чеченцами.

В 1567 г. Россия построила свою первую в регионе крепость на Тереке – Терки. Вскоре возле крепости свое поселение построили чеченцы-ококи. Их владетель Ших-мурза стал основоположником российско-чеченских отношений, в 1588 г. в Москву отправилось первое чеченское посольство во главе с племянником этого военно-политического деятеля Батаем. В 1589 г. московский царь Фёдор Иванович прислал Ших-мурзе грамоту о принятии чеченцев в российское подданство [9: 6].

В течение XVII в. Москву посетило около 10 делегаций от различных чеченских обществ. В 1781 г. большинство чеченских обществ подписали обширный договор с Россией, согласно которому вся равнинная Чечня вошла в ее состав. В 1807 г. этот договор был подтвержден еще раз. Началось создание российской административной власти в равнинной Чечне. Всё это благодаря дипломатическим (политическим) переговорам, экономическим и культурным отношениям. Под последними имеются в виду прежде всего связи между чеченцами и терско-сунженскими казаками.

Однако с последней трети XVIII в., по мере усиления здесь России и ослабления ее соперников на Кавказе – Ирана и Турции, – царизм всё более активно начинает переходить от союзнических отношений с чеченцами (и в целом – с горцами) к их прямому подчинению. При этом захватываются горские земли, на которых строятся военные укрепления и казачьи

станицы. С назначением на Кавказ в качестве наместника генерала А.П. Ермолова российская власть начинает говорить с горцами языком ультиматумов и оружия. Естественно, всё это встречает вооруженное сопротивление со стороны горцев. С 1818 г., со строительства крепости Грозной, начинается Кавказская война – открывается самая трагическая страница в российско-кавказских отношениях.

Но даже во время Кавказской войны чеченцы не раз (в 1818, 1822 и 1856 гг.) пытались путем переговоров решить проблемы российско-чеченских взаимоотношений. В постепенном прекращении чеченцами вооруженного сопротивления царским войскам с середины XIX в. огромную роль сыграла деятельность А.И. Барятинского – с 1851 г. начальника Левого фланга Кавказской линии, а с 1856 г. – кавказского наместника. Он был не только талантливым военачальником, но и талантливым администратором и дипломатом, пользовавшимся большим авторитетом в горской среде. Убежденный в том, что мир в Чечне возможен только при условии помощи самих чеченцев, он стал привлекать к сотрудничеству с российской администрацией представителей различных слоев чеченского общества: духовенства, старейшин, наибов Шамиля, переходивших на российскую сторону. Именно А.И. Барятинский «изобрел» и создал чеченское управление – систему, построенную на местных обычаях и традициях, в которой видную роль играли представители чеченского народа. Административно-дипломатическая деятельность А.И. Барятинского сыграла огромную роль в прекращении вооруженного противостояния в Чечне и переходу к концу 1850-х гг. большей части чеченцев на российскую сторону.

Точно так же в начале XXI в. международный терроризм в Чечне удалось уничтожить только тогда, когда к этому делу были привлечены сами чеченцы во главе с Ахматом-Хаджи Кадыровым.

Начиная с XVIII в. великая русская культура, которой восторгался и восторгается весь мир, складывалась как синтез культур всех объединенных Россией народов. Многие века происходил сложнейший процесс взаимопроникновения и синтеза культур российских народов. Разумеется, ведущую, интегрирующую роль в этом процессе играла русская культура. При этом огромную роль в развитии русской культуры сыграл Кавказ. В предисловии к книге «Кавказ в сердце России» отмечается: «Мы должны знать, что в далекой Тмутаракани существовало одно из первых древнерусских княжеств. Что вместе с горцами мы три с половиной века вели изнурительную борьбу с иноземными захватчиками, спасая тем самым кавказские народы от истребления. Что родственные связи правящих династий России и Кавказа известны с древних времен. Что более пятисот лет назад начался активный процесс добровольного вхождения местных народов и племен в состав Российского государства. Что веками русские

люди оказывали кавказцам бескорыстную помощь в развитии экономики и культуры. Сегодня мы гордимся мужественным и гостеприимным Кавказом. Мы любим лучшие традиции и обычаи горцев. Мы глубоко чтим культуру этой прекрасной земли. Буквально во всем Кавказ тесно и органически связан с прошлым и настоящим России. Он – часть российской истории» [4: 6].

Президент России В.В. Путин, выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям в Пятигорске 19 мая 2023 г., отметил: «Доброе, искреннее отношение народов России друг к другу формировалось на протяжении многих веков. Конечно, в истории нашего многонационального народа за тысячу лет… всё было, как в любой семье бывает, – и ссоры, и размолвки, и противоречия. Иначе и быть не может. Но вот так – постепенно, в течение тысячи лет складывалась российская семья народов. Наши предки из поколения в поколение вместе трудились на благо… общей большой Родины, разнообразием своих языков, традиций преумножали духовное наследие единого государства, формировали его уникальную многонациональную многоконфессиональную культуру» [3].

Именно великая русская культура, проникшая во все поры российского общества, уважение к культуре всех народов России позволили сохранить единство России в тяжелые годы рубежа XX–XXI вв. В.В. Путин отмечает: «Стержень, скрепляющая ткань уникальной российской цивилизации – русский народ, русская культура. Российская цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [10: 217].

Первый президент Чеченской Республики Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров в своем обращении к чеченскому народу в 2002 г. говорил: «Конечно, российско-чеченские отношения знали подъемы и спады, периоды дружбы и антагонизма. Порой наши народы оказывались вовлеченными в кровавые войны. Так произошло и во второй половине девяностых. Мы должны со всей откровенностью и объективно назвать причины, породившие эту беду. Заключаются они в том, что внешние силы, преследуя свои корыстные цели, превратили Чечню в плацдарм борьбы с Российской Федерацией. Поджигателями войны выступили лидеры международного терроризма, избравшие в качестве ударной силы ваххабитов. Жертвами этой преступной политики стали не только чеченцы, но и все народы России, которых эта трагедия не обошла стороной. Война принесла нам всем неисчислимые бедствия. Но как бы велико ни было горе, обрушившееся на нас,

мы не должны озлобливаться друг против друга, втянуться во вражду, которая омрачит на долгие годы не только нашу жизнь, но и жизнь грядущих поколений. Поэтому мы обязаны проявить выдержку и мудрость, железную волю и стойкость. Другого пути у нас нет» [5: 33].

К.И. Косачев, заместитель председателя Совета Федерации, выступая 19 мая 2003 г. в Пятигорске на заседании Совета по межнациональным отношениям, говорил, что важнейшее направление научных исследований в гуманитарной области – это «сохранение и защита исторической правды. Речь об истории России, о вхождении народов в состав нашей страны. <…> Очень важно противостоять искажению правды об истории народов России, в том числе православия и ислама, сосуществовании в едином геополитическом пространстве этих цивилизаций» [3].

Десять лет прошло с нашего первого форума, с 2013 г. На тот момент так называемая историографическая война была самом разгаре. По инициативе Виктора Владимировича Черноуса (светлая ему память) мы приняли хартию кавказоведов – прекрасный документ, разработанный под авторством и руководством этого выдающегося ученого. Там красной нитью проходит главная мысль – к истории, национальной памяти каждого российского народа надо подходить с уважением. И тогда, только тогда мы сохраним главное, в чем заключается наша сила, – единство российских народов. Каждый историк, этнограф, занимающийся кавказоведением, должен помнить, что неуважительное, оскорбительное высказывание о любом российском народе разрушает это единство. Следовательно, такой ученый однозначно работает на нашего идейного – и не только – врага. Слово ранит, особенно слово опубликованное. Но оно может и воодушевить, поднять на подвиг.

Сегодня наша общая Родина Российская Федерация переживает нелегкие времена. Нужно быть бдительными, нужно взвешивать каждое слово, которое мы пишем и публикуем. На рубеже XX–XXI вв. горские народы Северного Кавказа, и особенно чеченцы, негласно были объявлены врагами народов России. Широкое хождение получило выражение «лица кавказской национальности», к тем, кого так называли, относились весьма плохо. К великому сожалению, поддались этой кавказофобии и некоторые наши ученые.

В какой-то степени (разумеется, со своими особенностями) повторилась ситуация, характерная для Кавказской войны, когда пишущие о Кавказе и горцах разделились на два лагеря: одни писали о них как о «хищниках и разбойниках», другие (декабристы, Л.Н. Толстой и т.д.) – как о борцах за свою свободу, достойных уважения. А это давало козыри в руки тех, кто вербовал молодежь в ряды религиозных экстремистов. Эту антикавказскую вакханалию прекратил В.В. Путин, когда он стал во главе

Российской Федерации. Верность провозглашенной им политики равного уважения всех народов России, их культуры, обычаев и традиций особенно ярко проявилась в последнее время. Сегодня представители горских народов плечом к плечу с русскими и представителями других народов отстаивают нашу страну, ее интересы, наши духовные ценности, проявляя самые высокие боевые качества, отстаивают героически. Есть в этом заслуга и нашего исторического сообщества: после первого кавказоведческого форума, следуя главным принципам хартии кавказоведов, уважая светлую память основоположника форума В.В. Черноуса, наши кавказоведы оставили взаимные нападки и наконец-то занялись чистой наукой, стали работать на укрепление единства российских народов, прекратив деление этих народов на хороших (героических) и плохих, ориентируясь на главный критерий и главную научную методологию – объективность и следование научной этике.

Источники и литература

1. *Гамзатов Р.* Восьмистишия. URL: https://www.rasulgamzatov.ru/stikhi/content/12-vosmistishiya.html?start=19 (дата обращения: 08.08.2023).

2. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.

3. Заседание Совета по межнациональным отношениям. 19 мая 2023 года. Пятигорск // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/71165 (дата обращения: 08.08.2023).

4. Кавказ в сердце России: на вопросы современности ответы ищем в истории / сост. В.И. Десятерик, В.В. Дементьев. М., 2000.

5. *Кадыров А.А.* Слово правдивое: интервью, статьи, речи. Грозный, 2006.

6. *Клычников Ю.Ю.* Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827): дис. … канд. ист. наук. Армавир, 1998.

7. *Лазарев М.С.* «Да, азиаты мы…» (вместо предисловия) // Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990. С. 3–18.

8. *Пушкин А.С.* Кавказский пленник: повесть, 1820–1821 // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 4. Поэмы, 1817–1824. М., 1937. С. 89–118. URL: http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol04/y042089-.htm (дата обращения: 08.08.2023).

9. Русско-чеченские отношения (вторая половина XVI–XVII в.): сборник документов / сост. Е.Н. Кушева. М., 1997.

10. Слова, меняющие мир. Ключевые цитаты Владимира Путина. М., 2015.

11. *Фадеев Р.А.* Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865.

А.Х. Курмансеитова

А.П. ЕРМОЛОВ И РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НОГАЙЦАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1820-х гг. (по материалам «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией»)

В русской и новейшей историографии получил освещение вопрос о введении российского административно-государственного управления народами Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в., зафиксирован соответствующий материал и о ногайцах. Историк Б.-А.Б. Кочекаев дал обзор приставств, введенных для административного управления ногайцами Северного Кавказа, а также сообщил о временном наказе (1822 г.) и «Уставе для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (6 февраля 1827 г.), разработанных А.П. Ермоловым [9: 122]. Д.С. Кидирниязов изучил первые административные мероприятия российских властей по управлению северокавказскими ногайцами в конце XVIII – первой половине XIX в. [7: 40–41]. Г.Н. Малахова исследовала реформы А.П. Ермолова на Северном Кавказе и считала, что он предполагал объединить Караногайское и Бештаво-Кумское приставства [10: 141–142]. А.Т. Джумагулова сообщила краткие сведения о ногайских приставствах в первой половине XIX в. [5: 36–37]. З.Б. Кипкеева также затронула вопрос объединения ногайских приставств, предположив, что А.П. Ермолов хотел сделать это, дабы устранить от должности пристава султана Менгли-Гирея [8: 164].

В вышеуказанных научных исследованиях использованы некоторые факты из документов, опубликованных в сборниках «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» (далее – АКАК). Для написания данной статьи из сборников АКАК документы извлечены с исчерпывающей полнотой, а также изучена историография для анализа ермоловских реформ в государственно-административном управлении северокавказскими ногайцами в 1820-х гг.

В исторических документах, опубликованных в АКАК, ногайцев, живших в районе горы Бештау (Бештав) и по берегам реки Кумы, называют «бештово-кумские» и «бештаво-кумские» ногайцы. Несмотря на указанные разночтения, в данной статье используется этноним «бештаво-кумские» ногайцы, так как топоним Бештав обозначает ‘пять гор’, а Кума (ног. *Куьми*) – название реки – гидроним. В ногайском языке слово *беш*/*бес* означает ‘пять’, *тав* – ‘гора’, а *Бештав* – ‘Пять гор’. Данный топоним кумские, терские,

астраханские (юртовские и карагаши) ногайцы произносят как «Бештав», а кубанские и ставропольские ногайцы, етишкулы (джетишкулы), етисаны (джетисаны), йомбойлуки (джембойлуки), а также караногайцы говорят «Бестав».

По указу Александра I в 1816 г. главнокомандующим Кавказом был назначен А.П. Ермолов, с 1820 г. он стал и главнокомандующим Кавказским корпусом, и управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях [6: 33]. Император предоставил генералу А.П. Ермолову неограниченные полномочия и предписал самостоятельно разработать план по овладению Кавказом и его присоединению к Российской империи.

Ногайцы, обитавшие на Северном Кавказе, в том числе бештаво-кумские и калаусо-саблинские, сначала находились под управлением генерал-губернаторов, позже были переведены в ведение Иностранной коллегии. В 1802 г. была проведена реорганизация системы государственного управления Российской империи, и тогда коллегии, учрежденные Петром I, были преобразованы в министерства, их было всего восемь в подчинении Комитета министров. Ногайцы, ранее находившиеся в ведении Иностранной коллегии, в связи с ее ликвидацией с 1802 г. оказались в подчинении Министерства иностранных дел. Но военные чиновники даже в 1820–1830 гг. в документах продолжали писать «Коллегия иностранных дел» вместо «Министерство иностранных дел». Так, тайный советник Д.Н. Блудов в 1836 г. писал барону Г.В. Розену, что мусульманские народы, трухменцы (туркмены) и ногайцы, управлялись военными чиновниками, а потом в 1802 г. поступили в ведение Коллегии иностранных дел, под управление одного главного пристава и трех частных приставов [4: 771].

Генерал А.П. Ермолов тщательно изучил положение дел на Кавказе, написал полный проект преобразования Кавказского края и представил его министру полиции вместе «со штатами» для дальнейшего рассмотрения в Комитете министров [3: 610]. Большое внимание в своем проекте А.П. Ермолов уделил государственно-административному управлению северокавказскими ногайцами. Изучив результаты исследования (1818 г.) сенаторов Б.А. Гермеса и Д.Б. Мертваго об управлении Кавказским краем, в котором предполагалось присоединить г. Кизляр к ведомству Астраханского губернского начальства, А.П. Ермолов категорически отверг данную точку зрения [3: 611]. Он полагал, что ногайцы, кочующие в Кизлярском округе, как и обитающие по правой стороне Терека, должны войти в Кизлярский округ и находиться в Кавказском крае в подчинении командующего Кавказской линией и непосредственном «заведывании» Кавказского областного руководства [3: 610].

26 марта 1821 г. А.П. Ермолов сообщил графу В.П. Кочубею, что караногайцы и другие мусульмане в пределах Кавказской губернии, ведущие

кочевой образ жизни, не должны оставаться в нынешнем положении, так как народ разделен на две части. Кроме того, выполняя предписание императора Александра I о возложении контроля над отправлением повинностей ногайцами на областного начальника [3: 524], он отметил, что Караногайское приставство чрезмерно отягощено повинностями и в отношении их управления происходят большие беспорядки и злоупотребления, но ногайцы, состоящие в ведомстве султана Менгли-Гирея, повинностями не обременены [3: 611]. Генерал полагал, что главный пристав Менгли-Гирей защищал ногайцев своего ведомства от отправления повинностей. Кроме того, А.П. Ермолов отметил, что ногайцы не были обложены денежной податью, а ежегодно по распоряжению главнокомандующего Кавказской линией натурой представляли «воловьи подводы» для перевозки провианта до 40 т четвертей, а также они по Астраханскому тракту содержали на своем коште пять с половиной почтовых станций, что превышало всевозможные денежные подати [3: 612].

Однако сведения, представленные генералом от инфантерии С.А. Булгаковым генералу А.П. Тормасову, опровергают мнение А.П. Ермолова. В рапорте Булгакова от 15 декабря 1809 г. сказано, что «бештавские» ногайцы, находившиеся в ведомстве султана Менгли-Гирея, всегда отправляли повинность в развозке хлеба по пограничным магазинам «с самою малою платою и прошедшую зиму развезли около 10 т. четвертей хлеба» [1: 910]. Бештаво-кумские ногайцы доставляли лес и прочие материалы на казенные строения, возводимые по границе, также с оплатой гораздо ниже рыночных цен. Кроме того, их привлекали на подкрепление кордонов, и по первому приказу бештаво-кумские ногайцы собирали до 500 вооруженных человек, а в последнюю экспедицию за Кубанью в 1805 г. дрались «отлично с Закубанцами» [1: 910]. Если учесть, что объем повинности на ногайцев в Бештаво-Кумском приставстве ежегодно возрастал, то на момент прихода А.П. Ермолова они были чрезмерно обременены непосильными повинностями, как отмечается в многочисленных документах АКАК.

А.П. Ермолов предполагал объединить караногайцев и бештаво-кумских ногайцев в одно приставство, так как они были рассредоточены в двух разных: Караногайском под управлением главного пристава коллежского асессора П.В. Балуева и Бештаво-Кумском – в ведомстве главного пристава генерал-майора султана Менгли-Гирея. Главнокомандующий разработал специальный проект управления кизлярскими ногайцами, а также ногайцами, обитавшими по правой стороне р. Терек, входившими в один Кизлярский округ в Кумыкии [3: 611]. Кроме того, он считал, что ногайцы должны иметь для общего руководства единые правила и предполагал объединить Караногайское и Бештаво-Кумское приставства

под управлением одного главного пристава, но допускал, что в подчинении главного могут быть еще и частные приставы. Генерал рекомендовал использовать для управления ногайцами на Кавказе те же правила, которые были введены для аналогичных целей в Мелитопольском уезде Таврической губернии [3: 611].

При проведении реформы государственно-административного управления северокавказскими ногайцами А.П. Ермолов предполагал главных приставов бештаво-кумских ногайцев и абазин султана Менгли-Гирея и пристава Караногая П.В. Балуева, в связи с введением новых правил управления ногайским народом, оставить «за штатом, как не имеющих никакого влияния на ногайцев» [3: 611]. По мысли А.П. Ермолова, при объединении ногайцев в одно приставство на должность главного пристава должны были обязательно назначать русского военного чиновника, так как царское правительство не доверяло ногайским феодалам [6: 35].

24 июля 1822 г. Александр I одобрил проект А.П. Ермолова об объединении Караногайского и Бештаво-Кумского приставств и предписал для управления ногайцами назначить одного главного пристава и генералу самому выбрать кандидатуру на эту должность [3: 524]. А.П. Ермолов должен был определить к ногайцам и трухменцам необходимое количество частных приставов и снабдить их временным наказом для отправления должностей.

Император дал указание сложить обязанности главного пристава с султана Менгли-Гирея и дать ему возможность выбрать местожительство, а также в вознаграждение за заслуги перед российским правительством, сверх получаемого им «пенсиона» в 4800 руб., «отвести в вечное и потомственное владение 5 тыс. десятин земли» [3: 524]. А.П. Ермолов на свое усмотрение мог предоставить султану Менгли-Гирею другую должность.

Генерал-майор И.П. Дельпоццо писал, что устранение от должности главного пристава султана Менгли-Гирея было несправедливым, так как ногайцы ему доверяли, также это наносило вред и службе императора, ибо этот чиновник оказывал важное влияние не только на управляемый им народ, но и на многих закубанских владельцев из «первых фамилий» [2: 857].

Негативное отношение А.П. Ермолова к главному приставу бештаво-кумских ногайцев султану Менгли-Гирею возникло из-за того, что генерал-майор С.А. Портнягин свою вину за беспорядки, происходившие между закубанскими, кабардинскими и в особенности ногайскими народами, возложил на главного пристава [2: 855]. Конфликтную ситуацию разбирал комендант Владикавказа Дельпоццо, считавший, что генерал-майор Портнягин, чтобы снять с себя обвинения из-за своей слабой

работы и плохого содержания военных кордонов, искусно переложил ответственность на султана Менгли-Гирея [2: 858].

По предписанию императора Александра I А.П. Ермолов составил два проекта учреждения для управления Кавказской области и 7 октября 1822 г. представил их графу В.П. Кочубею. Генерал писал, что, приспосабливаясь к народным правам кочующих мусульман, преступления по уголовным делам на сумму до 100 руб. (по § 63 устава) могут быть рассмотрены мирским судом [3: 622]. Он предполагал эту меру наказания использовать и в других случаях, если не сократятся преступления. Кроме того, А.П. Ермолов считал, что маловажные преступления можно допускать к рассмотрению «судов мирских и решать дела до 20-ти р., а судов окружных до 100 р., как это явствует в §§ 191 и 132» [3: 622]. Указанные пункты были включены во временный наказ 1822 г. и напечатаны в уставе 1827 г. по управлению ногайцами Северного Кавказа. Генерал сообщил графу Кочубею, что текст устава об управлении кочующими мусульманами (ногайцами) написан на базе обоих проектов для использования в применении к местному положению этих народов [3: 622].

В 1822 г. А.П. Ермолов подписал «Наказ для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», и с этого года государственно-административное управление ногайцами Северного Кавказа происходило на базе данного документа. В соответствии с наказом ногайцы, чьи кочевья находились по рекам Калаусу, Большому и Малому Янкулям и Сабле, ранее принадлежавшие ведомству генерал-майора Менгли-Гирея, были переданы главному приставу караногайцев и трухмен [9: 122]. Султан Менгли-Гирей был назначен частным приставом к ногайцам, проживавшим около горы Бештау и по реке Куме, но Б.-А.Б. Кочекаев отметил, что и эти ногайцы в 1827 г. были переданы в ведомство главного пристава [9: 122]. Сохранились сведения, что когда султана Менгли-Гирея назначили частным приставом к бештаво-кумским ногайцам, то он в этой должности служил до самой смерти (22 августа 1830 г.). И тогда приставство бештаво-кумских ногайцев передали в кордонное ведомство, а после причислили к ведомству «мухаммеданского» управления [4: 776].

На базе наказа А.П. Ермолов составил «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», который император Николай I утвердил 6 февраля 1827 г. [11: 145–155]. Истинные цели документа отметил Б.-А.Б. Кочекаев: устав 1827 г. не был дарован российским правительством ногайцам как «попечение об улучшении благосостояния их, он по своей цели и содержанию был связан с политикой, направленной на окончательное подчинение ногайского народа и превращение его территории в колонию» [9: 123]. Историк утверждает, что устав

1827 г. с небольшими изменениями действовал до Октябрьской революции 1917 г. [9: 122].

План по овладению Кавказом и его присоединению к Российской империи А.П. Ермолов разработал самостоятельно, постепенно провел централизацию власти и сосредоточил в своих руках военное и гражданское управление. С 1822 г. вплоть до Октябрьской революции государственно-административное управление ногайцами Северного Кавказа осуществлялось на базе временного наказа (1822–1827 гг.) и «Устава для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (6 февраля 1827–1917 гг.), составленных А.П. Ермоловым.

В данной статье рассмотрена лишь одна из реформ, проведенная А.П. Ермоловым для государственно-административного управления ногайцами Северного Кавказа, но предстоит еще изучить его деятельность в области политической, социально-экономической и духовной жизни северокавказских ногайцев.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже: в 12 т. (далее – АКАК). Т. IV. Тифлис, 1870.

2. АКАК. Т. V. Тифлис, 1873.

3. АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875.

4. АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881.

5. *Джумагулова А.Т.* Тенденции в административно-правовом развитии ногайцев Северного Кавказа в составе Российской империи в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. // Современная наука и инновации. 2014. Вып. 3. С. 35–40.

6. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988.

7. *Кидирниязов Д.С.* Первые административные мероприятия российских властей на Северном Кавказе в конце XVIII в. – первой половине XIX в. и ногайцы // Ногайцы: XXI в. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: материалы Первой международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 14–16 мая 2014 г.). Черкесск, 2014. С. 39–44.

8. *Кипкеева З.Б.* Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). М., 2006.

9. *Кочекаев Б.-А.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма-Ата, 1973.

10. *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 2. 1827. СПб., 1830.

В.Н. Петров

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ФОРМ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

На протяжении всей истории Российского государства в его пределах происходили социальные процессы интеграции и дезинтеграции отдельных территорий с этнически автохтонным населением. В XX – начале XXI в. эти процессы приобрели ярко выраженный социально-политический характер. Особенно проблемным и острым стало объединение и разъединение территорий по этническому признаку в современной Российской Федерации на Северном Кавказе. Здесь причудливо переплелись исторические, социокультурные, традиционные и модернизационные факторы, создающие, с одной стороны, определенные предпосылки для развития, а с другой – порождающие противоречия в этническом и межэтническом конструировании социального пространства. В данной статье внимание концентрируется на том, как исторически развертывалось объединение и разъединение народов Северного Кавказа в административно-территориальном плане, каковы современные возможности и препятствия на пути интеграции.

В дореволюционный период в составе Российской империи был создан и административно функционировал как единое образование Кавказский край, в который входили шесть губерний (Ставропольская, Кутаисская, Тифлисская, Эриванская, Бакинская и Елисаветпольская), четыре области (Кубанская, Терская, Дагестанская и Карская) и два округа (Черноморский и Закатальский). Кавказский край делился на Закавказье и Северный Кавказ. К последнему относились Ставропольская губерния, Терская и Кубанская области, а также Черноморский округ. Сейчас на этих землях расположены Ставропольский и Краснодарский края, Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня и равнинные районы Дагестана. Горный Дагестан, или Дагестанская область, во времена империи административно относился к Закавказью.

В советский период в этом регионе происходили этнообъединительные и разъединительные процессы, инициированные иногда местными, а чаще всего центральными властями. Так, в ноябре 1920 г. во Владикавказе состоялся съезд народов Терской области, на котором собравшиеся постановили создать объединенную Горскую Автономную Социалистическую Советскую Республику (далее – АССР) в составе РСФСР. 20 января 1921 г. это объединение народов Северного Кавказа (не вошел в него только Дагестан: он стал отдельной автономией в составе Советской России) одобрило

правительство. Однако просуществовало оно совсем недолго, уже в сентябре 1921 г. Горская АССР начала распадаться. Первыми ее покинули кабардинцы, за ними с небольшими интервалами последовали балкарцы, карачаевцы, черкесы и чеченцы. Последними в июле 1924 г. вышли из ее состава Ингушетия и Осетия, образовавшие автономные области. Их общая столица Владикавказ осталась в союзном подчинении, а Горская АССР была упразднена. Кабардинцы впоследствии были объединены с балкарцами, а Карачаево-Черкесия, вышедшая из Горской АССР как единое образование, в 1926 г. разделилась на Карачаевскую область и Черкесский автономный округ. Чеченская и Ингушская автономные области до 1934 г. существовали по отдельности, затем образовали Чечено-Ингушскую автономную область, а 5 декабря 1936 г. – Чечено-Ингушскую АССР. Статус автономных республик также приобрели Осетия и Кабардино-Балкария.

В 1944 г. чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы были депортированы с Кавказа в Среднюю Азию и Сибирь, а соответствующие автономные образования упразднены. Реабилитация, в том числе и территориальная, состоялась только в 1957 г. Кабардино-Балкария и Чечено-Ингушетия были восстановлены в качестве республиканских автономий внутри РСФСР. Адыгея до 1991 г. на правах автономии входила в Краснодарский край, а Карачаево-Черкесия оставалась до 1992 г. частью Ставропольского края.

Распад СССР и парад суверенитетов в России нашли свое отражение в этнополитических и этносоциальных процессах на Северном Кавказе. Чечено-Ингушетия в 1991 г. попыталась добиться статуса союзной республики и даже участвовала в процессе подготовки нового союзного договора. После окончательного распада СССР чеченцы объявили о своей независимости, Ингушетия же вместе с другими республиками вошла в состав Российской Федерации. Правда, ее не устраивала граница с Осетией, проведенная в 1957 г.: Ингушетия требовала вернуть ей Пригородный район Владикавказа. Названный территориальный спор осенью 1992 г. привел к кровавому осетино-ингушскому конфликту – это была первая горячей точкой на карте постсоветской России. Спустя еще два года вспыхнула война в Чечне, и лишь в 2003 г. проведением конституционного референдума и выборов президента легитимно было подтверждено ее единство с Россией.

В последние два десятилетия идеи укрупнения субъектов Федерации на Северном Кавказе и интеграции населяющих их народов периодически активируются [4]. Вариантов объединения, сторонников и противников такого рода процессов много. Среди них идеи возвращения к уже апробированным в советское время формам, в частности, восстановления на новой основе административного единства в управлении Чечней и Ингушетией, включение Адыгеи и Карачаево-Черкесии в состав Краснодарского

и Ставропольского краев или даже объединение Карачаево-Черкесской Республики и Адыгеи с Краснодарским краем с целью образования Северо-Западного региона Северного Кавказа.

При этом сторонники объединения апеллируют к чувствам ностальгии и неудовлетворенности нынешним состоянием в экономической, политической и социокультурной сферах, существующим в сознании населения разъединенных этнотерриториальных образований, получивших республиканский статус. Так, материалы проведенного Ш.С. Аслановым в 2006–2008 гг. исследования (в Республике Адыгее было опрошено 532 человека, в Карачаево-Черкесской Республике – 521 человек) показывают, что политические преобразования, связанные с обретением Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономными областями республиканского статуса в составе субъектов Российской Федерации и выходом из Краснодарского и Ставропольского краев воспринимаются населением неоднозначно. Проведенный опрос фиксирует «скорее отрицательное» отношение к этому у 45,0 % респондентов в Адыгее, и у 51 % – в Карачаево-Черкесской Республике. Считают, что в результате уровень жизни в республиках ухудшился 61 % и 65 % опрошенных соответственно [1: 24].

Русские повышение уровня политической самостоятельности Адыгеи и Карачаево-Черкесии, их выход из состава Краснодарского и Ставропольского краев воспринимают как событие с еще более выраженным негативным смыслом [1: 24]. 75 % в Адыгее и 65 % в Карачаево-Черкесии из числа опрошенных в этой этногруппе относятся к выходу «скорее отрицательно». Так же негативно оценивают выход Карачаево-Черкесии из состава Ставропольского края черкесы – 72 % опрошенных. По мнению 74 % опрошенных черкесов, после отсоединения жизнь населения значительно ухудшилась, 69 % считают, что в республике происходит ущемление прав и дискриминация черкесов по этническому признаку [1: 25].

Приведенные данные свидетельствуют, что чувство ностальгии в сильной степени обогащено рациональными надеждами на политическую силу, более устойчивое и высокое экономическое развитие регионов-реципиентов, нахождение в составе которых поможет решить многие проблемы.

Противники объединения ссылаются на фактическую невозможность возвращения к прошлым схемам совместного существования после того, как титульный этнос и особенно его элита почувствовали вкус зачастую мало контролируемой свободы и выгоды от почти монопольного распоряжения разнообразными ресурсами. Перспектива сокращения этих возможностей совершенно не привлекательна. Черкесский эксперт Мурат Гукемухов высказывался о том, что объединение – слишком сложный вопрос, который может привести к межэтническим конфликтам, связанным с требованиями и амбициями каждой из сторон [3].

Другой фактор, осложняющий объединительные устремления, – территориальные претензии и споры. По мнению представителя Дагестана З. Арухова, «на Кавказе слишком много проблем этнотерриториального характера. При укрупнении они в лучшем случае будут загнаны вглубь, но рано или поздно вспыхнут новыми конфликтами» [2: 181]. На те же проблемы обращал внимание и известный махачкалинский политолог З. Варисов: «Как можно объединить всё обратно, если людям уже дали пожить отдельно? Мы слишком разные. Объединение превратит Кавказ в пороховую бочку этнотерриториальных конфликтов, которые в итоге смогут привести к развалу России» [3].

Завершая обзор исторических особенностей этнотерриториальных административных образований на Северном Кавказе и современной ситуации, обратим внимание на необходимость учета изложенных факторов при осуществлении политической и административной деятельности. В этом полиэтничном, сложном регионе нужно рассматривать всё, даже мельчайшие детали, при принятии тех или иных решений, не поддаваться на провокации, определяя формы и способы конструирования этносоциального и этнополитического пространства.

Источники и литература

1. *Асланов Ш.С.* Трансформация этносоциальной структуры Северного Кавказа: автореф. дис. … канд. соц. наук. Краснодар, 2009.

2. *Железняков А.С.*, *Литвинова Т.Н.* Этнические аспекты укрупнения субъектов Российской Федерации на примере Восточно-Сибирского и Северо-Кавказского регионов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 173–186.

3. *Сухов И.* Укрупнение кавказской национальности: появится ли новый мегарегион в самой горячей российской провинции // Время новостей. 2004. № 73. 27 апреля. URL: http://www.vremya.ru/print/97268.html (дата обращения: 14.09.2023).

4. *Ярлыкапов А.А.*, *Блашкевич А.А.* Проблема укрупнения регионов на Северном Кавказе // Вестник Евразии. 2007. № 3. С. 181–201.

Д.И. Состин

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА КАВКАЗЕ В ФЕВРАЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 г.: ОРГАНИЗАЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Одним из этапов развития общественного и государственного управления в нашей стране, особенно на местах, является драматический 1917 г. –

период революций и социальных изменений, во многом повлиявших на дальнейшую судьбу России и ее народов. Структура органов государственной власти и самоуправления в России в тот переломный период интересна не только с позиции анализа их институционального содержания, но и с точки зрения реализации этой системы как инструмента эффективности управления обществом. Данные вопросы нашего прошлого представляются актуальными на современном – сложном и противоречивом – этапе развития российской государственности. Он характеризуется комплексом социально-экономических и политических проблем, выход из которых непрост и возможен не только благодаря использованию апробированных и уже доказавших свою результативность моделей общественного устройства стран, располагающих современной рыночной экономикой, эффективным государственным управлением и развитой правовой системой, но и, прежде всего, благодаря сохранению традиций управления, исторической преемственности нашей страны.

1917 г. был рубежным в российской истории. Несмотря на модернизацию, начавшуюся в период великих реформ второй половины XIX в., государство практически непрерывно находилось под давлением оппозиционных общественных движений, вызванным незавершенностью преобразований в аграрном секторе и отсталостью политической надстройки в виде неограниченной монархии. Учитывая повестку, власть на одном из наиболее сложных этапов своей истории обновляла некоторые институты, помогавшие сохранять государство и управлять обществом. Этот тренд был заметен в 1905–1907 гг., после подписания императором манифеста от 17 октября 1905 г. С принятием нового избирательного закона начался думский период в общественно-политической жизни России, формировались партии, количественный состав которых, правда, был сравнительно невелик – примерно 0,5 % населения страны [12: 104]. Правительство занялось ускоренным развитием экономики на рельсах столыпинской аграрной политики. При этом актуальной оставалась идея совершенствования самоуправления как средства профилактики социальных движений и в перспективе новой революции.

В 1914 г. Россия вступила в войну с Тройственным союзом, и это усилило – хотя и не молниеносно – социальные противоречия, несмотря на значительный экономический рост накануне войны [2: 24–25]. По мере втягивания в боевые действия и возникновения экономических проблем, связанных со снабжением армии, правительство шло по пути расширения функций министерств и ведомств, создания новых управленческих структур. С лета 1914 г. начали работу всероссийские земский и городской союзы. Они располагали исполнительными органами (комитетами) в губерниях, городах и уездах. Трансформировались органы местного самоуправления – земские учреждения, расширялись их полномочия. Был создан

Главный комитет Всероссийского земского и городского союзов (Земгор) во главе с известным думским деятелем, кадетом, князем Г.Е. Львовым. Земгоровцы занимались организацией госпиталей и санитарных поездов, помощью раненым и беженцам, снабжением их продовольствием, одеждой, медикаментами.

Активизировалась деятельность организаций Земгора на Северном Кавказе. Так, в губернском Ставрополе в годы войны усилиями центральных и городских земгоров производилась оборонная продукция. Мастерские Михайловского ремесленного училища в Ставрополе и чугунно-литейный завод А. Шмидта выпускали мины. Братья Лавр и Фёдор Демины с помощью кредитов в 1916 г. открыли кожевенный завод, занимавшийся выпуском обуви для армии [4: 29].

Выполнение хозяйственных функций брали на себя самодеятельные кооперативные товарищества. Возникнув в результате развития рыночных отношений, они играли заметную роль во взаимопомощи, касавшейся аренды земли и сбыта продукции. На Дону и на Кавказе, на Ставрополье, Кубани, в Черноморской губернии кооперативы в виде небольших и средних товариществ были широко представлены в аграрном секторе, что являлось довольно специфичным для региона, обладавшего развитой по сравнению с центральной Россией инфраструктурой сельскохозяйственного назначения. В период войны, особенно в кризисные 1915–1917 гг., кооперативное движение объединяло, прежде всего, производителей зерна, необходимого как действующей армии, так и городам. Занимались кооперативы и благотворительностью. Они обеспечивали продовольствием госпитали, содержали различные лечебные учреждения, привлекали к этой деятельности сельское и городское население. Так, Союз доно-кубано-терских кооперативных товариществ, включавший более 14 обществ, занимался скупкой хлеба и поставкой его в войска. В регионе также действовала сеть госпиталей и больниц. В 1915 г. в Ставропольской губернии на средства Всероссийского земского союза существовало 36 госпиталей, к 1917 г. – 40 [5: 207]. Напомним, что в регионе, в районе Кавказских Минеральных Вод, располагалась одна из самых крупных лечебных баз в России.

Весной 1917 г. социальная ситуация в стране и на Кавказе вышла на новый уровень развития. Близость Кавказского фронта, перебои на рынке промышленных товаров, мобилизация оказывали негативное воздействие на общественно-политическую обстановку в регионе. По мере усиления экономического кризиса и падения уровня жизни менялись общественные настроения и социальная структура населения. Заметным трендом в регионе была внутренняя и внешняя миграция. Численность населения на Северном Кавказе увеличивалась за счет беженцев из Закавказья и Европейской России. На Дону, Кубани и Тереке значительно выросла численность

невойскового сословия – иногородних. В Ставропольской губернии из-за притока новых поселенцев и нехватки рабочих рук уже к 1916 г. более 20 % крестьянских хозяйств сокращали посевные площади или совсем их не имели [6: 117]. Менялись общественные настроения в городах, селах, станицах, аулах региона. В 1916 г. только Ставропольской губернии возникли два стихийных выступления из-за роста цен на промышленные товары. В отдельных уездах крестьяне выступали против сборов в пользу земств, которые на Ставрополье в связи с местной спецификой были учреждены в 1913 г. С разрешения правительства руководство губернии приняло решение снизить земские сборы, а семьи фронтовиков освободило от их уплаты, но устранить негативные настроения полностью не удавалось. В Кубанской и Терской областях и на Дону усиливались противоречия между казаками и иногородними. В горных районах Кавказа, в частности в Карачае, обострялся давно назревший аграрный вопрос [8: 15, 81].

В результате событий февраля 1917 г. завершилась история Российской империи, пала монархия, сложилось двоевластие. На Кавказе в это время наблюдалось относительное спокойствие. Основная масса городского и аграрного населения региона приветствовала революцию, которая легализовала политические партии, вызвала к жизни различные общественные организации: советы народных депутатов, гражданские исполнительные комитеты, комитеты общественной безопасности. Они действовали, прежде всего, в городах.

4 марта 1917 г. газета «Северокавказский край», издававшаяся в Ставрополе, опубликовала манифест Николая II об отречении от престола. 6 марта представители городской думы, земства, Союз земств и городов совместно с другими общественными организациями создали губернский комитет общественной безопасности (далее – КОБ). В него вошли 10 представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов и по одному – от уездных КОБов. В своей практической деятельности КОБ сотрудничал с губернским комиссаром Временного правительства Д.Д. Старлычановым. Выступая 12 марта 1917 г. в губернской земской управе, он заявил: «[В] нашу задачу входит возможное сохранение того, что существовало до этого с незначительным дополнением. Комитет общественной безопасности в своих начинаниях должен руководствоваться политическим тактом» [10].

Помимо КОБов, в Ставропольской губернии с весны 1917 г. действовали профессиональные объединения, например, Губернский союз землемеров, Ставропольский учительский союз, в который входило более 2 тыс. человек, Ставропольский крестьянский союз, сформировавшийся в апреле 1917 г. Последний примыкал к Всероссийскому крестьянскому союзу [1: 335].

Гражданские исполнительные комитеты, нередко возникавшие на стихийных народных митингах в первый месяц Февральской революции,

действовали в центре Черноморской губернии Новороссийске, Темир-Хан-Шуре, куда вошли представители девяти округов Дагестана. 4 марта по инициативе меньшевиков и эсеров при участии терских нефтепромышленников гражданский комитет был создан в Грозном [7: 24–25].

Советы крестьянских депутатов, союзы, гражданские исполнительные комитеты играли важную роль в местном самоуправлении и не являлись, вопреки распространенному мнению, придатком Временного правительства. В сложный и противоречивый межреволюционный период они были опорой не вполне легитимным органам Временного правительства, выступали инструментом политической социализации населения, внося в сознание людей элементы демократии.

Например, крестьянские союзы Ставропольской губернии совместно с местными комитетами общественной безопасности обеспечивали порядок, вели учет продовольствия и борьбу со спекуляцией, вмешивались в решение практически всех проблем на местах. Советы крестьянских депутатов – и их преимущественно эсеровский партийный актив – вели пропагандистскую работу с населением, особенно в период подготовки к выборам в Учредительное собрание, принимали участие в губернских крестьянских съездах, разработке резолюций, отражавших насущные потребности земледельцев.

Иной была обстановка в казачьих областях. Весной 1917 г. казачество в целом не проявляло активности – здесь действовало сословное самоуправление. Так, Круг спасения Дона провозгласил образование областного исполнительного комитета для «устроения краевой жизни» [9]. Самоуправление на Дону, опиравшееся на войсковое правительство, противостояло анархии, было фактором стабильности и относительного спокойствия в регионе.

Когда политический кризис в России достиг пика, в казачьих и горских автономиях на волне «самостийности» начали формироваться самостоятельные государственные образования регионального масштаба. Осенью 1917 г. на Юге России возникла Конфедерация представителей казачьих войск и горских народов Кавказа. На съезде конфедерации, проходившем в сентябре 1917 г. в г. Екатеринодаре, как писала в те дни газета «Вольная Кубань», издававшаяся местной социал-демократической организацией, было заявлено о создании «сильной власти, самостоятельного казачьего государственного образования – Союза Юго-восточных автономных и федеральных областей» [3]. Представители казачества и горской элиты, обсуждая необходимость федеративного устройства, выдвигали концепцию оздоровления России с окраин.

В условиях кризиса центральной власти и ее упадка общественное управление в регионе, равно как и идея всесословного областного управления на Дону, Кубани, Тереке, не выполняло своих задач. Обострялась борьба

двух властных структур – войсковых правительств и советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

Ставка Временного правительства на земства как форму местной власти оказалась несостоятельной [11: 242]. На государственные органы и местное самоуправление отрицательно влияли радикально настроенные маргинальные слои городов и сел. Временное правительство в условиях экономического кризиса и продолжающейся войны не могло добиться общенационального единства.

Судьба советов, крестьянских союзов и других общественных организаций в перспективе не столь отдаленной складывалась не так оптимистично, как мечтали те, кто стоял возле их истоков.

В начале 1918 г., после провозглашения советской власти на Дону, Кубани, Тереке, прекратил существование Юго-Восточный союз. Роль советов в общественной жизни России, как и на Кавказе, еще сохранялась, но политическая самостоятельность их утрачивалась. Позднее, в условиях созданной большевиками политической системы, они стали придатком ВКП(б).

Источники и литература

1. *Асеева В.С.*, *Коровин А.А.* Казачье самоуправление на Юге России в период Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Менеджмент в социальных и экономических системах: сборник статей XII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.Д. Резника. Пенза, 2020. С. 334–336.

2. *Боффа Дж.* История Советского Союза: в 2 т. Т. 1: от Революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941. М., 1994.

3. Вольная Кубань. 1917. 6 сентября.

4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 96. Оп. 2. Д. 2759.

5. ГАСК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 208.

6. ГАСК. Ф. 590. Оп. 1. Д. 2.

7. *Игонин А.В.*, *Оборский Е.Ю.*, *Суханова Н.И.* Северокавказское общество на историческом переломе (1917 – конец 1920-х гг.). Ставрополь, 2009.

8. *Невская В.П.* Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972.

9. Ростовская речь. 1917. 11 апреля.

10. Северокавказское слово. 1917. 15 апреля.

11. *Судавцов Н.Д.* Земство на Ставрополье // Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции (к 65-летию со дня рождения профессора Т.А. Булыгиной). Ставрополь, 2012. С. 230–243.

12. *Шелохаев В.В.* Политические партии в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2005. С. 195–210.

С.А. Бегуев, М.Н. Гелиева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЧЕЧНЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1917–1918 гг.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война оказали огромное влияние на становление Российского государства, став точкой отсчета серьезных изменений в национально-государственном строительстве. Актуальность этой проблемы для Северного Кавказа в целом была обусловлена многонациональным и поликонфессиональным составом населения региона. Однако особой остроты она достигла в период конструктивных изменений в социально-экономической и общественно-политической системе в годы революций и Гражданской войны, поскольку в этот период встал вопрос выбора модели государственного управления.

В результате Февральской революции 1917 г. император Николай II был вынужден отречься от престола. Государственная власть в стране перешла к Временному правительству. 3 марта оно опубликовало Декларацию о своем составе и основных задачах. При Временном правительстве впервые в истории страны появилось специальное подразделение, которое занималось вопросами национальностей в общегосударственном масштабе.

При Министерстве внутренних дел был открыт национальный отдел, в задачи которого входила поддержка государства во всех законодательных и административных вопросах, связанных с национальностями России. Данный орган должен был информировать население о социально-политических изменениях, культурных событиях, происходящих в стране. Кроме того, в ведении национального отдела находилась подготовка необходимых материалов по национальному вопросу для Учредительного собрания. Для этого отдел поддерживал контакты со всеми общественными, национальными организациями как в столице, так и в регионах [8: 76–77].

Состоявшийся во Владикавказе 14 марта 1917 г. Войсковой круг выразил поддержку Временному правительству, уведомив его о своей полной преданности и признав полномочия областного исполкома. При этом участники Войскового круга заявили, что казаки будут пользоваться правами самоуправления во всех касающихся их процессах. На землях казачества верховная власть перешла в руки Войскового круга [11: 1–3].

Горский союз еще не был представлен горцам как отдельное независимое политическое объединение, целью которого была интеграция народов Северного Кавказа. Горцы, входившие в состав Российской империи

и носившие унизительное название «инородцы», ослепленные словами «равенство», «свобода», «братство» и «самоопределение народов», верили в то, что революция воплотит эти мечты в жизнь [6: 46].

Временное правительство пыталось взять ситуацию под контроль и назначало на местах своих представителей (комиссаров), наделенных полицейскими и исполнительными полномочиями. Однако нежелание местной общественности уступать власть правительственным чиновникам приводило к упорному сопротивлению. Например, 7 марта 1917 г. малоизвестный народу владикавказский уездный воинский начальник И. Михайлов был назначен комиссаром Терской области. Новый комиссар не имел большой поддержки среди населения, и ему приходилось принимать все решения совместно с исполнительным комитетом. А в конце марта 1917 г. Терский областной исполнительный комитет объявил себя «носителем высшей власти в Терской области» [10]. К середине 1917 г. Временное правительство уже утратило свою реальную силу на Северном Кавказе и оказалось в такой ситуации, когда ни одно из его постановлений, противоречащее интересам местной верхушки, не могло быть реализовано.

1–7 мая 1917 г. во Владикавказе состоялся Первый горский съезд народов Северного Кавказа, в котором приняли участие представители практически всех северокавказских этносов. Съезд объявил о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и избрал Центральный комитет союза. Его возглавил чеченский нефтепромышленник и землевладелец А.-М.О. Чермоев [9: 16–17]. Большинство в составе комитета имели представители горской элиты: П.Т. Коцев (кабардинец), Р. Капланов (кумык), Б. Далгат (даргинец), В.-Г. Джабагиев (ингуш) и др. Они относились к либерально-демократическому крылу горского национального движения. Нажмуддин Гоцинский стал муфтием Северного Кавказа [5: 77]. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана сосредоточил силы горской демократической интеллигенции [7: 45].

В конце мая 1917 г. обстановка на Северном Кавказе резко обострилась из-за межнациональных и межсословных противоречий. Предметом разногласия также являлся земельный вопрос. Летом споры о земле переросли в этнические конфликты, сопровождавшиеся вооруженными противостояниями.

Раскол горской элиты по вопросу выбора модели государственности стал еще одной причиной обострения ситуации. Умеренные горские национал-демократы выступали за создание Советской демократической федеративной республики и вхождение Северного Кавказа в ее состав в качестве автономной единицы. Сторонники строительства теократического государства на Кавказе сплачивались вокруг шейха Узун-Хаджи Салтинского и муфтия Наджмуддина Гоцинского. Вторую группу поддерживало большинство населения и горская элита [8: 104–105].

Разногласия между национал-демократами и сторонниками строительства шариатского государства ярко проявились на II съезде горцев, прошедшем в 20-х числах августа 1917 г. в высокогорном селе Анди. Андийский съезд не состоялся в том виде, как планировалось, из-за отсутствия значительного числа делегатов, которые не смогли прибыть по причине плохих погодных условий в горах Чечни и Дагестана.

Однако, несмотря на это, при большом стечении народа на первый план был поставлен вопрос об избрании Наджмуддина Гоцинского имамом. Самое ярое сопротивление этому оказали чеченские шейхи Сугаип-мулла Гойсумов и Дени Арсанов. Но соотношение сил было неравным, поскольку сторонников шейха Узун-Хаджи Салтинского было довольно много в горных районах Чечни и Дагестана, откуда не смогли добраться многие мюриды Дени Арсанова и Сугаип-муллы Гойсумова. По некоторым данным, едва ли удалось избежать рукоприкладства между Узун-Хаджи и Сугаип-муллой [3: 206–208]. В качестве компромисса А.-М.О. Чермоев призвал обе стороны признать избрание Н. Гоцинского духовным лидером мусульман, заменив титул имама на муфтия [1: 47–48].

В конце 1917 – начале 1918 г. ситуация на Тереке и Сунже еще больше обострилась из-за земельного спора между казаками, с одной стороны, и чеченцами и ингушами, с другой. Два войсковых атамана Терского казачества М.А. Караулов и Л.Е. Медяник стали жертвами противостояния. Также 27 декабря 1917 г. был предательски убит популярный среди чеченцев и ингушей шейх, комиссар Грозненского округа Дени Арсанов [8: 111]. После этих трагических событий вспыхнули вооруженные столкновения между чеченскими селениями и казачьими станицами.

1 января 1918 г. отряды казаков и красногвардейцев напали на Старый Юрт. Село было разграблено и сожжено. Затем были атакованы сёла Новый Юрт и Старая Сунжа. По всей Чечне духовенство призывало к ответным действиям. Мюриды шейхов завязывали тульи своих шляп тюрбанами. В селах Алды, Чечен-Ауле и Бердыкель конные отряды чеченцев собрались в ожидании нападения на Грозный. Через три дня после сожжения Старой Сунжи большой отряд под командованием шалинца Эрбулата напал на ст. Кохановскую и сжег ее дотла. Затем была сожжена ст. Ильинская и совершено нападение на ст. Закан-Юртовская. Аналогичная ситуация была и в соседней Ингушетии [4: 151–152].

В начале 1918 г. Терская область находилась в состоянии войны между казаками и горцами. Ни Центральный комитет Союза объединенных горцев, ни Войсковое правительство Терского казачьего войска, ни Терско-Дагестанское правительство не смогли переломить ситуацию. Роль Временного Терско-Дагестанского правительства была практически сведена на нет. Поскольку к началу 1918 г. оно было не в состоянии контролировать

ситуацию даже во Владикавказе, в конце февраля Терско-Дагестанское правительство «во избежание кровопролития» добровольно сложило свои полномочия, а в марте 1918 г. с провозглашением Терской советской республики прекратило существование [2: 206].

Для полноты картины политической борьбы и национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1918 г. необходимо выяснить отношение руководства большевистского правительства к национальному вопросу. На начальном этапе большевики поддерживали лозунг о праве народов на самоопределение. Им было необходимо привлечь на свою сторону большие народные массы. Будучи сторонниками мировой пролетарской революции, они верили, что после смены режима национальные конфликты будут устранены, и перед человечеством откроется путь к светлому будущему [8: 123].

26 марта 1918 г. в Грозном состоялось совместное заседание исполкома Грозненского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета и представителей близлежащих станиц, на котором обсуждался вопрос о власти в Грозненском районе. В целях укрепления и консолидации советской власти в районе было принято решение о создании Центрального совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов путем слияния Грозненского совета и Военно-революционного комитета с последующей передачей Центральному совету всей полноты власти в Грозненском нефтепромышленном районе [2: 212].

29 марта 1918 г. в с. Гойты для обсуждения вопроса о власти был проведен Съезд чеченского народа. На съезде также присутствовала делегация грозненских большевиков во главе с Н.Ф. Гикало. Съезд возглавляли Т. Эльдарханов, А. Шерипов и другие представители чеченской революционной демократии. Съезд признал единоличную власть Советов на всей территории Чечни и избрал высший орган власти в Чечне – Гойтинский народный совет под председательством Т. Эльдарханова.

В целях улучшения взаимоотношений между казаками и чеченцами 15 мая 1918 г. в с. Алды был созван русско-чеченский съезд, на котором собрались представители чеченских аулов Грозненского и частично Хасав-Юртовского и Веденского округов, а также казаков Грозненского станичного совета, Кизлярского отдела, Центрального Совета, самообороны Грозного и земельного комитета. На съезде была принята резолюция, в которой еще раз говорилось о признании и полной поддержке чеченцами советской власти. Стараниями грозненских большевиков и представителей чеченской бедноты удалось прекратить войну между казаками и чеченцами [2: 215–216]. Известный большевик и революционер Григорий Константинович Орджоникидзе был назначен временным чрезвычайным комиссаром Юга России летом 1918 г. Всем местным властям было необходимо следовать его указаниям.

В целом система управления в Терской области несколько отличалась от других регионов. Здесь, как и в соседних областях, существовали советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Но реальная власть принадлежала народным советам (сельским, участковым, районным и областным), избираемым всеобщим тайным голосованием.

В середине 1918 г. юг России начало наводнять белое движение. Л.Ф. Бичерахов занял антибольшевистскую позицию, объявив себя собирателем южных земель России. В сентябре 1918 г. Бичерахов во главе трехтысячной армии предпринял попытку прорваться к Грозному через Гудермес. Но ему был дан отпор вооруженными чеченскими отрядами из сел Гудермес, Курчалой, Цацан-Юрт, Шали, Гельдыген, Герзель-Аул, Ойсунгур, Кошкельды, Исти-Су и Нойберды, которые предварительно заняли Качкалыкские высота, расположенные в 4 км от Гудермеса. Общее руководство чеченцами осуществлял известный шейх Али Митаев [2: 217].

Потеряв всякую надежду сломить сопротивление чеченцев, Л.Ф. Бичерахов решил подойти к Грозному с северной стороны. Его войска были разбиты под Кизляром дагестанскими и ставропольскими отрядами под командованием А. Хорошева.

Многие лидеры национал-демократов после установления советской власти на Северном Кавказе были вынуждены эмигрировать в другие страны. В Батуми А.-М. Чермоев и Г. Бамматов от имени Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана опубликовали декларацию об образовании отдельного независимого государства – Горской Республики [9: 76].

События в Чечне и на Северном Кавказе после Февральской и Октябрьской революций и последовавшей за ними Гражданской войны сопровождались ожесточенной политической борьбой и возникновением национальных правительств и республик, которые просуществовали короткий период времени. Эти процессы сопровождались многочисленными национальными, региональными и областными съездами и совещаниями. Межэтнические и земельные споры приводили к вооруженным столкновениям, которые повлекли за собой поджоги сел и станиц, убийства мирных граждан и другие жертвы.

Источники и литература

1. *Вачагаев М.М.* Союз горцев Северного Кавказа и Горской республики. История несостоявшегося государства. 1917–1920. М., 2018.

2. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков / отв. ред. М.М. Ибрагимов. Грозный, 2008.

3. *Киндаров А.Г.* Шейх Сугаип-мулла Гойсумов. Биографический очерк. 2-е изд., испр. и доп. Грозный, 2017.

4. *Лобанов В.Б.* Терек и Дагестан в огне Гражданской войны. Религиозное, военно-политическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб., 2017.

5. *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. 2-е изд., испр. и доп. Нальчик, 2012.

6. Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 151.

7. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального научного центра Владикавказского научного центра РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 290а.

8. *Орешин С.А.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе. 1917–1921 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2015.

9. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы / отв. ред. А.И. Османов. 2-е изд., испр. и доп. Махачкала, 2013.

10. Терские ведомости. 1917. 29 марта.

11. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3.

Е.В. Туфанов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В 1920-е гг. (на материалах партийных съездов, конференций, пленумов)

Формирование советской политической системы и функционирование аппарата государственного управления было невозможно без урегулирования национального вопроса. Анализ национальной политики является одной из актуальных задач современной исторической науки, так как решения советской системы управления в рамках национальной политики были далеко не однозначны и многие сегодняшние проблемы в области межэтнического общения имеют свои корни в советском прошлом. Рассмотрение постановлений по вопросам национальной политики, принятых на партийных форумах, позволит выявить определенные тенденции, а довольно длительный хронологический отрезок исследования – проследить динамику функционирования советского аппарата управления через призму решения национального вопроса.

Актуальность заявленной темы подтверждается большим количеством научных публикаций, посвященных различным сторонам национальной политики Советского государства в исследуемый период. Необходимо отметить, что национальный вопрос тесно переплетается с кадровой политикой СССР, в особенности на местах, при формировании аппарата управления,

так как именно региональные управленцы – представители местного социума – реализовывали постановления центра. Решение кадровых проблем в национальных регионах вносило свою лепту в указания центральной власти по вопросам национальной политики, поскольку ответственный работник системы управления был представителем местного этноса, который понимал специфику своего региона.

Многонациональность, поликонфессиональность и, как правило, преобладание аграрного сектора экономики накладывали отпечаток на реализацию директив центральной власти. Следует отметить работу Ю.Ю. Карпова «Национальная политика Советского государства на Северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений» [2], в которой на базе обширного архивного материала рассматриваются вопросы становления советской системы управления через призму национальной политики на Северном Кавказе. Реализацию национальной политики на регионе анализирует В.Г. Шнайдер [15]. Отметим диссертационное исследование А.В. Аверьянова «Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.», в котором на основе архивного материала изучаются механизмы решения национального вопроса в южных регионах [1].

Переплетение национальной политики и решение кадрового вопроса в 1920–1930-е гг. находит отражение в работах автора настоящей статьи [8–12]. Однако в указанных исследованиях рассматривается в первую очередь функционирование системы партийно-государственного управления. Коренизации государственного аппарата в первые годы советской власти в таком многонациональном регионе, как Поволжье, посвящена работа О.И. Чистякова [14]. Необходимо отметить сборник документов, составленный З.Г. Гариповой [6], в котором показывается, как реализовывалась национальная политика через призму решения кадрового вопроса (политика коренизации). Таким образом, исследование национальной политики в СССР имеет множество граней, многие из которых получили серьезное освещение в современной историографии.

Целью данной статьи является изучение национальной политики в СССР в 1920-е гг. на материалах партийных съездов, конференций и пленумов РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. Исследование строится на принципах историзма и объективности, основывается на сравнительном рассмотрении источников. Проблемно-хронологический подход с опорой на обширный круг архивных документов, а также статей и монографий является основой для освещения данной темы.

Первым документом советской власти в области национальной политики стала «Декларация прав народов России», принятая в ноябре 1917 г. В этом документе утверждались основные принципы политики молодого Советского государства в отношении проживающих в нем народов.

В марте 1921 г. работал X съезд РКП(б), который можно назвать системообразующим. Именно принятые на нем решения легли в основу советской политической системы. Не обошел съезд вниманием и национальный вопрос: была вынесена резолюция «Об очередных задачах партии и национальном вопросе» [5: 553–563]. Документ четко показал классовое решение национального вопроса: «…национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, то есть если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа Советов и установление диктатуры пролетариата является основным условием уничтожения национального гнета, установления национального неравенства, обеспечения прав национальных меньшинств» [5: 556]. Таким образом, именно классовый подход к решению национального вопроса лег в основу функционирования всей системы управления Советского государства.

Необходимо отметить, что в резолюции задачами развития национальных окраин были названы: 1) формирование государственной системы в соответствии с национально-бытовыми условиями народов; 2) создание функционирующих на родном языке партийных и советских органов управления; 3) развитие культурно-просветительских учреждений, прессы, школ, театра на родном языке; 4) организация сети курсов и школ на родном языке для подготовки местных кадров [5: 559].

Приняв данную резолюцию, съезд определил основные направления политики коренизации, которая реализовывалась в многонациональных и национальных регионах, в том числе и на Северном Кавказе. Необходимо отметить важность принятых на съезде решений, которые затронули все стороны жизни государства, как политические, так и экономические. Были заложены основные направления национальной политики, поставлены задачи формирования кадрового резерва из представителей местного социума, который в ближайшей перспективе должен был стать опорой и проводником идей партийно-государственной системы управления.

Национальному вопросу уделили внимание делегаты XII съезда РКП(б). В резолюции «По национальному вопросу» декларировались основные принципы национальной политики Советского государства, но в то же время были поставлены задачи борьбы с пережитками великорусского шовинизма, с националистическими предрассудками, повышения культурного и хозяйственного уровня «отсталых народов» [7: 715]. Были выдвинуты требования: обеспечения равных прав и обязанностей отдельных республик при формировании центральных органов управления, учреждения органа представительства всех республик и национальных областей на началах равенства, формирования органов власти на основе местного кадрового потенциала, создания законодательной базы, обеспечивающей употребление родного языка в государственных структурах, усиления воспитательной

работы в Красной армии с целью преодоления любых национальных разногласий [7: 716–717].

Резолюция не только ставила задачи и констатировала общие вопросы национальной политики, но и выявляла серьезные проблемы, а именно уклон к национализму, вызванный отсутствием партийных кадров из местного населения. Отмечалось, что это явление особенно ярко проявлялось и даже принимало форму шовинизма коммунистов более «сильной нации», направленного против коммунистов «слабых национальностей» [7: 717]. Кроме того, в резолюции указывалось, что наличие кадров партийного и советского аппарата управления русского происхождения породило недооценку национальных особенностей в административной работе, что привело к появлению к великорусскому шовинизму [7: 717].

Согласно резолюции, намечался план преодоления указанных проблем, предполагавший развитие системы партийного образования, издание партийной литературы на родном языке и тщательный отбор претендентов на руководящие должности. Таким образом, в данном документе были обозначены определенные сложности в национальной политике и намечены основные пути их решения: подготовка управленцев из местного социума и кадровый отбор кандидатов на такие должности. Можно констатировать, что национальный вопрос с позиции РКП(б) должен был решаться именно путем изменений в кадровой сфере, национальный и кадровый вопросы тесно переплетались в системе государственного управления.

В июне 1923 г. состоялось Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей [13: 759–766], решения которого дополняли постановления XII съезда по национальному вопросу. Согласно резолюции «Практические мероприятия по проведению в жизнь революции XII съезда партии по национальному вопросу» [13: 761–766], была выработана линия партийной работы в рамках решения национальной политики. Основной задачей ставилось создание из местного населения молодых коммунистических организаций национальных регионов. На совещании констатировалось, что «механическое перенесение классового революционного критерия, который сложился на основе опыта пролетарских центров, было бы в корне неверно» [13: 762]. Это связывалось с отсутствием крупных промышленных центров. На первый план выходила «терпеливая идейно-воспитательная работа среди крестьянской массы» [13: 762].

Необходимо было усилить взаимодействие с местной интеллигенцией, чья роль в национальном социуме была очень высока, привлекать ее на сторону советской власти. Согласно резолюции совещания, должна была быть сформирована вторая палата ЦИК Союза: утверждались ее состав и название – Совет национальностей, определялись права второй палаты

в отношении Союзного Совета (первая палата). В компетенции второй палаты были вопросы, предусмотренные пунктом 1 Конституции СССР. В связи с появлением новых элементов государственного аппарата произошел ряд административных изменений [13: 763–764]. Также на совещании были определены меры вовлечения местного национального населения в партийно-государственное строительство: чистка государственного и партийного аппарата от националистических элементов, национализация государственного и партийного аппарата управления, подбор качественных кадров [13: 764]. Кроме того, требовались расширение системы партийного образования на местном языке, организация процесса ликвидации неграмотности среди «слабых национальностей» за счет включения в общегосударственный бюджет школ первой ступени. Оказание хозяйственной и материальной государственной поддержки должно было происходить с учетом этнографических особенностей региона. Необходимо было приступить к созданию военных школ из состава местного социума для организации национальных воинских подразделений, что повлекло бы рост численности Красной армии на 20–25 тыс. человек [13: 765–766]. Было принято решение привлечь определенное количество «националов» (по два или по три) в ряд отделов аппарата ЦК.

Таким образом, на данном совещании была намечена реальная программа реализации решений XII съезда РКП(б), определено создание нового государственного органа управления, изменение тактики работы с местным населением. В то же время соблюдается тенденция реализации национальной политики в рамках решения кадрового вопроса системы управления.

Следующий крупный партийный форум работал в мае 1924 г. На партийном съезде национальный вопрос не выносился в отдельную резолюцию, но тема национальной политики не была обделена вниманием. В резолюции о печати отмечалось, что необходимо завершить переход прессы национальных республик на местные языки, что она требовало усиления партийного руководства и укрепления его хорошо подготовленными кадрами [3: 60–61].

Вопросы национальной политики нашли отражение в резолюции «Об агитпропработе», в разделе «Работа в национальных республиках и областях и среди нацменьшинств» [4: 73–74]. В документе постулировалась необходимость перевода административного аппарата на местные языки, делался акцент на агитации и ликвидации политнеграмотности в партийных организациях национальных республик и областей, расширении сети школ и курсов политической грамотности на национальных языках, активизации работы по подготовке «нацработников» как в партийных, так и советских структурах управления. В резолюции указывалось, что работе среди национальных меньшинств партийные организации не уделяют

должного внимания. Им предписывалось усилить подготовку кадров, ведущих работу среди местного населения [4: 74]. Таким образом, при наличии вопросов национальной политики в повестке партийного форума принципы ее реализации оставались на прежнем уровне. Это внедрение местного языка в делопроизводство и документооборот, повышение качества подготовки кадрового состава в системе управления на местах.

Проведенный анализ национальной политики Советского государства в заявленный период позволяет сделать некоторые выводы. Одним из первых принятых документов стала «Декларация прав народов России». Этот факт показывает, что национальный вопрос являлся приоритетным даже несмотря на постулирование властью интернационализма. Именно проблемы национальной политики обсуждались на крупных партийных форумах в период формирования и начальном этапе функционирования советской политической системы. При этом национальный вопрос после XIII съезда на больших партийных совещаниях больше не поднимался, что не означало исчерпанность темы национальной политики в многонациональном государстве. Отсутствие в повестке таких тем было обусловлено экономическими проблемами, стоящими перед страной (индустриализация, коллективизация). Экономические реформы вышли на первое место в государственных преобразованиях, однако, как мы видим по опыту прошлых партийных форумов, реализация национальной политики шла в основном через решение кадрового вопроса и повышения уровня подготовки управленца (партийно-идеологическое образование). Таким образом, проблемы национальной политики находили свое решение через призму кадровых преобразований. Вопросы кадровой политики обсуждались на всех партийных съездах и конференциях. Следовательно, именно подготовка кадров из представителей национальных меньшинств стала решением для государственной власти всех межэтнических разногласий. Уже после развала Советского Союза национальный вопрос в ряде регионов бывшего СССР стал одним из ключевых и явился причиной многих конфликтов. Анализ национальной политики Советского государства и системы принятия решений по этим вопросам имеют практическое значение и для современного управленца.

Источники и литература

1. *Аверьянов А.В.* Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: дис. … д-ра ист. наук. Ставрополь, 2021.

2. *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.

3. О печати. Тринадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М., 1954. С. 60–61.

4. Об агитпропработе. Тринадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М., 1954. С. 73–74.

5. Об очередных задачах партии и национальном вопросе. Десятый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М., 1954. С. 553–563.

6. Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920–1930-е гг. / сост. З.Г. Гарипова. Казань, 2009.

7. По национальному вопросу. Двенадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М., 1954. С. 709–718.

8. *Туфанов Е.В.* К вопросу коренизации государственного и партийного аппарата в 1920-1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Современная научная мысль. 2017. № 5. С. 43–50.

9. *Туфанов Е.В.* К вопросу о роли системы учета кадров в процессе формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. на материалах Юга России // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 3 (39). С. 48–56.

10. *Туфанов Е.В.* К вопросу о формировании региональной элиты 1917–1920 гг. (на материалах Рязанской губернии) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 6-2. С. 101–106.

11. *Туфанов Е.В.* Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа): дис. … д-ра ист. наук. Ставрополь, 2019.

12. *Туфанов Е.В.* Становление системы распределения кадров в период формирования партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг.: на материалах Северного Кавказа // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 186–191.

13. Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1898–1924. М., 1954. С. 759–766.

14. *Чистяков О.И.* Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы советской власти (по материалам национальных районов Среднего Поволжья) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1965. № 1. С. 164–168.

15. *Шнайдер В.Г.* Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг. М.; Берлин, 2015.

Д.А. Аманжолова

РСФСР В 1920-е гг.: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗНООБРАЗИЕМ[1]

Как писал к 20-летию образования СССР М.И. Калинин, перечисляя факты федеративного строительства, в эти годы «шли параллельно как бы два противоположных процесса – централизация и развитие автономий», но время показало: именно централизованное государство может успешно помогать отсталым. «25 лет тому назад советский народ захватил власть. На первых порах он дрался за ее существование и укрепление. А потом началось строительство, создание такого государства, где бы каждому дышалось легко, где бы каждая национальность чувствовала себя хозяином своей родной земли. Эта задача нелегкая, уже… документация образования Союза Советских Социалистических Республик показывает, сколько народной энергии потрачено на создание такого государства» [12: 24, 29]. Четких представлений о том, как конкретно должно выглядеть федеративное здание СССР и какими средствами его созидать, ни партия, ни национальные лидеры не имели. Первичные проекты, обусловив складывание оригинального федеративного формата, потребовали перманентных корректировок, взаимных уступок и динамичной адаптации к реалиям сложносоставного поликультурного общества. В центре и на местах велись дискуссии о статусе и границах национальных субъектов РСФСР, распределении полномочий и оптимизации хозяйственных связей, сложившихся в большинстве случаев задолго до этнического картографирования страны.

Проявившиеся при этом проблемы и противоречия не могут служить основанием для обвинений СССР в «колонизаторстве» [4; 15; 16]. Факты федерализации и нациестроительства подтверждают решающую роль государства в обеспечении модерного перехода народов России. Ярким примером того, как управленческая механика нацеливалась на совмещение самоопределения с консолидацией наличных сил и улучшением межрегионального взаимодействия, служит Горская Автономная Социалистическая Советская Республика (далее – АССР). Ее создание в январе 1920 г. объяснялось необходимостью объединить усилия горских народов для совместного преодоления отсталости. Декрет о ее образовании ВЦИК принял 20 января 1921 г. Подобные декреты предусматривали финансовое

[1] Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

и техническое обеспечение мероприятий, обозначенных в документах, за счет общих средств, что имело решающее значение для фактического нациестроительства [13: 3–25]. Но практически сразу обнаружились земельные конфликты, несовпадение хозяйственных интересов, борьба за власть между этноэлитами.

Руководители автономий нередко рассматривали инициативы центра как посягательство на их статус и самостоятельность. Так, в августе 1920 г. ответственные работники Дагестана выступили против создания Горской АССР, а в сентябре и 9 ноября после нескольких обсуждений приняли постановление о несвоевременности декларирования автономии из-за отсутствия подготовленных партийных и советских работников [5: 33–34]. Однако уже 13 ноября в присутствии И.В. Сталина вопрос об автономии был практически решен, при этом в Народном комиссариате по делам национальностей подчеркнули, что «автономия – не есть независимость. Россия и Дагестан должны сохранить между собою связь, ибо только в этом случае Дагестан сможет сохранить свою свободу». Цель создания автономии состояла в решении прагматической, объективно крайне важной и сложной задачи – «выделить из среды местных работников честных и преданных, любящих свой народ и вверить им все органы управления Дагестана», поднять народ «на высшую культурную ступень» [3: 53]. Д.Ш. Рамазанова видит в этом ущемление претензий на самофинансирование и хозяйственную самостоятельность автономии, как предусматривала Конституция Дагестанской АССР 1921 г. [6: 210–211], хотя объективные возможности субъектов федерации были весьма скромными. Тем не менее роспуск ГАССР был признан всеми участниками дебатов, как и населением. Сложносочиненная автономия в 1924 г. была упразднена.

Впрочем, споры вокруг земельных ресурсов и внутриэлитные раздоры, в том числе между русской и кавказской частями упраздненной автономии, продолжались, а этноэлиты предпочитали заниматься национальной политикой, не подразумевая практических мер хозяйственного и культурного свойства в интересах населения как ее неотъемлемых компонентов. К тому же, как устанавливали проверки, дотационные автономии при этом тратили большую часть получаемых из центра финансов на содержание аппарата. Это признавали и на местах, призывая создать отдельные автономии и поднять их на должный уровень, поскольку «есть предел этому сосанию, этому выматыванию средств из центра». С. Орджоникидзе меж тем не представлял «себе возможности управлять горцами Северного Кавказа без какого-либо объединяющего их органа» [3: 71–84]. Федерализация РСФСР в 1920–1930-е гг. во многом заключалась в поиске оптимального варианта совмещения объективно востребованного централизованного управления с обеспечением принципа самоопределения народов.

4 февраля 1923 г. в записке Сталина к членам Политбюро претензии автономий на повышение статуса и вхождение в состав СССР напрямую были отвергнуты как опасные прежде всего для судьбы РСФСР. Интересы целого представлялись для него крайне важными в сравнении с частными проблемами автономий. Их лидеры использовали сходные аргументы в свою пользу: ссылки на слабость, прежде всего экономическую, для обоснования необходимости дополнительных средств из центра; просьбы расширить территорию за счет соседних русских областей для укрепления экономики и пролетариата как классовой основы советских автономий; жалобы на «произвол», давление и «шовинизм» бюрократов из центра и др. Самыми убедительными аргументами считались напоминания о базовых решениях власти по национальному вопросу, равенстве и справедливости в отношении ранее угнетавшихся народов, а также о необходимости примером позитивных успехов в советском нациестроительстве приближать мировую революцию и подвигать нередко родственные народы пограничных стран на освободительную борьбу [2].

Баталии вокруг требований лидеров автономий учитывать и оберегать символическую самостоятельность продолжались на фоне оптимизации административно-территориального формата регионов в ходе районирования. Партийные организации Северного Кавказа реагировали на попытки встроить их в общерегиональную систему краев и округов, трактуя эти попытки как насилие и стремясь остаться в прямом подчинении ЦК партии. Дагестанский обком партии к октябрю 1924 г. добился выделения из состава Юго-Восточного края и подчинения центральным органам РСФСР, требуя одинаковых прав с другими автономиями, отделявшимися от областей, и «наибольшей осторожности» по отношению к себе из-за некого особого влияния Дагестана «на всём ближнем Востоке» [6: 219–221]. Однако через пять лет стало очевидно, что такой подход к нациестроительству и социально-экономическому развитию Дагестана не оправдался, и после основательных проверок и обсуждений ЦК ВКП(б) 5 июля 1931 г. принял постановление «О вхождении Дагестана в Северо-Кавказский край», ВЦИК в ноябре оформил решение (автономия входила в состав края до 1937 г.) [6: 222–228; 3: 100–106]. РСФСР продолжала обеспечивать все льготы и преимущества автономиям в хозяйственно-культурном строительстве. В соответствии с решением XII съезда РКП(б) Северо-Кавказский крайком выделил дополнительные средства на развитие местной промышленности автономий. Краевой бюджет в 1926 г. вырос на 26 %, национальных областей – от 40 до 83%. В 1927 г. краевой бюджет увеличился на 15 %, национальных областей – от 17 до 39 %. Аналогичная ситуация складывалась и в других регионах РСФСР [11: 55].

29 октября 1924 г. совещание членов ВЦИК и ЦИК СССР от автономных республик и областей РСФСР утвердило тезисы отдела национальностей

ВЦИК об упрощении госаппарата в автономиях, дабы «стремиться к максимальной экономии государственных средств и изыскивать пути к возможному сокращению средств на содержание госаппарата». Отмечалось: «различие между автономной республикой и губернией… главным образом, в объеме прав, а не в количественном составе госаппарата (штате)... в построение аппарата… должны вноситься коррективы, вытекающие из индивидуальных черт каждой автономной единицы, ее экономики и административного деления» [8: 1]. Классификация автономий была количественной: а) масштабом в несколько губерний (Киргизия); б) масштабом в одну губернию (Татарская, Башкирская, Крымская, Дагестан и Якутия); в) масштабом в несколько уездов (Немцев Поволжья, Бурято-Монгольская и Карельская). Автономные области: в несколько уездов – Марийская, Чувашская, Вотская, Коми, Чеченская и вновь образуемая Кара-Киргизская, масштабом в один уезд и менее – Адыгейско-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северной Осетии, Ингушетии, Калмыцкая и Ойратская [8: 5].

Центр решал проблемы взаимоотношений автономий с ведомствами, выделял и распределял средства в поддержку нациестроительства, дабы сохранить баланс разноречивых интересов и требований. При внутреннем распределении сумм между областями (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) в специальной подкомиссии ВЦИК «всегда раздаются жалобы на то, что более слабые не получают своей доли при общем ассигновании». Для «автономных единиц Северного Кавказа», которым средства уменьшались на 90 тыс. руб., председатель, заведующий отделом национальностей ВЦИК Г.Г. Клингер предлагал оставить общую сумму в 400 тыс. руб., согласованную с партийно-советскими органами края. Он считал «политически неудобным» уменьшать и так небольшие траты. Увеличение на 10 тыс. руб. допускалось для Карачаево-Черкесии с уменьшением на столько же для Северной Осетии «как более культурной на Северном Кавказе». В итоге в январе 1925 г. подкомиссия с участием представителей автономий решила выделить для РСФСР 3230 тыс. руб., из них Дагестану – 275 тыс. руб., Ингушетии – 50 тыс. руб., Кабардино-Балкарии – 80 тыс. руб., Карачаево-Черкесии – 55 тыс. руб., Северной Осетии – 60 тыс. руб., Чечне – 125 тыс. руб., Чувашии – 230 тыс. руб. За счет культурно-просветительных целей (снижение с 45 до 40 %) увеличивалось отчисление автономиям на здравоохранение на 5 % (с 15 до 20 %) [9: 5–8, 2–3]. В целом в 1925 г. по сравнению с 1923/24 г. ассигнования автономий по госбюджету выросли на 81 %, тогда как по РСФСР в целом – на 30 %, местный бюджет автономий вырос на 21 % [1: 69].

Принцип национального самоопределения заставлял власть идти на территориальные трансформации. К примеру, высказываясь 23 мая 1925 г.

за объединение Северной и Южной Осетии в автономную республику в составе Грузинской ССР, И.В. Сталин предлагал секретарю Северо-Кавказского крайкома партии А.И. Микояну в том числе «излишек осетинского населения», остававшегося за пределами новой автономии, переселить и «составить из осетинских сел национальный район с исполкомом, подчиненным Ростову». Территориальная консолидация основной части осетин и искусственное отчуждение меньшинства не выглядели противоречиво, поскольку «малые формы» национальной автономии в виде районов и сельсоветов стали важным средством «самоопределения» в мультикультурных регионах, заведомо не подлежавших бесконечному дроблению. Уже 25 мая Президиум ВЦИК поддержал идею Сталина. Микоян 8 июня доложил Сталину, что, несмотря на географические неудобства, объединение целесообразно, но с включением в состав РСФСР, а не Грузии. Однако возможные риски требовали большего внимания. Только что образованный Северо-Кавказский край получал «брешь», а это грозило ухудшением межнациональных отношений между горцами, иногородними и казаками (летом 1925 г. власть зафиксировала стремление кабардинцев одного из сёл Ингушетии, включенных в состав Осетии, перейти в состав Кабарды) [10: 106]. Более того, объединение создало бы прецедент к повышению до республики статуса «Чечни, Кабарды и прочих», способных нарушить с трудом установленное равновесие. Микоян видел два варианта решения: продолжать обособление горских народов от казачества и русского населения с передачей их в состав Закавказья или путем создания федерации для них либо отступить от принципа самоопределения, взяв за основу классовый, – примирение при этом было возможно лишь при условии прочной советской власти. Сталин учел доводы, а также возражения уже перестроенного к тому времени Юго-Восточного бюро ЦК партии [13: 283, 287].

Наглядные сложности с форматированием наций в регионе заставили Микояна специально обратиться в Политбюро (июль – август 1925 г.). Он писал о том, что прежняя линия ЦК – не препятствовать повышению статуса автономных областей в республики – рассчитана на позитивный политический эффект для СССР. Это и послужило основанием для поддержки объединения двух Осетий. Но «живя на Северном Кавказе», Сталин увидел опасность доведения такой политики до крайности. Он повторил доводы Микояна о риске межнациональных конфликтов и новой перекройки границ в угоду амбициям этнополитических элит. Опасность грозила бы и всей РСФСР, поскольку республики Севера и Востока могли настроиться на выход из нее и вхождение в качестве союзных в СССР. За созданием федерации горских народов могла возникнуть такая же из Татарской, Башкирской и Казахской АССР, что заставило бы примириться «с распадом РСФСР» и поддержать «национальные» стремления казачества. Выход

Сталин видел в сохранении сложившегося этнического состава и федеративного облика РСФСР. Он предложил не удовлетворять требования руководства автономных областей о повышении статуса, продиктованные лишь желанием «щеголять» более высокими постами, не санкционировать выход Северной Осетии из РСФСР и ее объединение с Южной. Интересы РСФСР как экономически и политически значимого субъекта СССР, приоритет общенациональных интересов над этнополитическими продиктовали коррективы: «держать курс на укрепление РСФСР и сплочение вокруг нее ее национальных областей и республик», укрепить бюджет РСФСР с учетом этих автономий [13: 297–298].

Организация политического пространства изначально подразумевала социально-классовое уравнительство, одновременно развиваясь в сторону иерархизации на основе самоопределения как главного условия национального равенства. Обеспечить его можно было лишь при реорганизации административных границ с учетом компактного проживания тех или иных народов, а их численность становилась одним из факторов для определения места автономии в многоступенчатой структуре и поведения этноэлит. Так, в Вотской (с 1932 г. – Удмуртской) автономной области удмуртские деятели выступали за перенос центра в Глазов, поскольку в обкоме партии, располагавшемся в Ижевске, преобладали русские [7: 48].

В свою очередь, обнаружились различия в трактовке и соотношении понятий «автономия» и «республика» (в связи с подготовкой конституций республик и СССР). В тяжбе между центром и автономиями, между автономиями и соседними «русскими» регионами в ходе реорганизации пространства страны все ее участники активно использовали символические и прагматические соображения и доводы при разрешении разных коллизий («борьба против шовинизма и национализма», призывы к учету «индивидуальных черт каждой автономной единицы» и апелляции к обязанности «проявить чувство» советского гражданства и др. [14]). К концу 1920-х гг. при решающей роли центра удалось установить определенный баланс в его отношениях с автономиями, что обеспечивало объективно необходимое спонсирование последних в реализации модернизационных программ. При этом организационно-правовые механизмы и неформальные сетевые взаимосвязи позволяли обновлявшимся этнополитическим элитам укреплять власть на местах и влиять на принятие решений центром. Дискурс развития и административная система, созданные в 1920–1930-е гг., стали «даром модерности», от которого нельзя было отказаться, и не только в силу монополистической апроприации [17: 95–120], но и вследствие объективной значимости этого дара.

Создание СССР не означало «простого» перехода от империи к конструируемых нациям и общесоветской надэтнической общности/нации,

Союз наследовал и в еще большей мере создавал новые инструменты поддержания разнообразия в переходе к модерности и управления этим разнообразием, совмещая его с новой консолидацией общества на социальной и интернационалистской основе. Стремление рационально устроить государство с прозрачной и всесторонне контролируемой системой управления, работающего как слаженный механизм, соединенный с осознанным творчеством масс, натолкнулось на необходимость вариативных подходов к организации и консолидации поликультурного пространства, изобретение которых составило существо политических процессов.

Формирование федеративного облика СССР и межкультурная реинтеграция народов бывшей Российской империи отражали социально-экономические возможности обретения внутрисоюзной субъектности, коллизии национального состава населения, межнациональные отношения, разнообразие и особенности взаимоотношений внутри местной политической элиты, статус и внешнеполитические проблемы региона и всей страны. Наиболее сложный формат РСФСР неоднократно перестраивался, но его устойчивость, несмотря на все испытания и встряски, оказалась важнейшей основой долговременного развития и жизнедеятельности народов России и самой государственности.

Источники и литература

1. XII Всероссийский съезд Советов: 7–16 мая 1925 г.: стенографический отчет: бюллетени 1–7. М., 1925.

2. *Аманжолова Д.А.* «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не все еще ясно». Записка И.В. Сталина членам Политбюро ЦК РКП(б). 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 6. С. 136–142.

3. *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.

4. *Кульчицкий Ст.* Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 6–16.

5. *Летифов А.Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972.

6. *Рамазанова Д.Ш.* Дагестан в составе России: административно-политический статус территории и актуальные проблемы национальной политики (1921–2017 годы): дис. … д-ра ист. наук. Махачкала, 2021.

7. Российский государственный архив социально-политический истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 34. Д. 110.

8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 997.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 196.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 339.
12. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 8. Д. 117.
13. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005.
14. *Чеботарева В.Г.* И.В. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3–25.
15. *Florin M.* What is Russia to Us? Making Sense of Stalinism, Colonialism and Soviet Modernity in Kyrgyzstan, 1956–1965 // Ab Imperio. 2016. No. 3. P. 165–189.
16. *Morrison A.* Central Asia and the Bolshevik Revolution: A Look at the Balance Sheet at the Centennial // Eurasianet. 2017. 26 October. URL: http://www.eurasianet.org/node/85741 (дата обращения: 16.08.2023).
17. *Ssorin-Chaikov N.* Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago, 2017.

М.А. Гассиева

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ИНТЕГРАЦИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Становление России как многонациональной страны имеет долгую историю. С XVI по XIX вв. в состав Российской империи интегрируются Кабарда, Осетия, Ингушетия, Дагестан, Балкария, Чечня, Черкесия. В XIX в. происходит присоединение территории Закавказья: в 1828 г. – Восточной Армении; в 1801–1864 гг. – грузинских царств и княжеств, в результате военных конфликтов (1804–1813, 1826–1828 гг.) – Азербайджана, который представлял собой конгломерат нескольких ханств. На присоединенных территориях существовало множество локальных культур, этносов, независимых государств, ханств, княжеств, находящихся на разных ступенях социокультурного развития. Как пишут В.М. Мгдесян и М.Ю. Беликов: «Закавказье является одним из древнейших заселенных регионов на Земле, оно с глубокой древности представляло собой связующее звено между странами Востока и Запада… Этот регион характеризуется этнической и религиозной мозаичностью» [7: 86].

Первостепенной задачей России стало выстраивание взаимоотношений центра и новых окраин, которое предполагало интеграцию присоединенных

территорий в систему империи, централизацию власти и русификацию, а значит, приобщение к русским культурным ценностям. В.В. Дегоев описывает этот процесс так: «По мере всестороннего укрепления своих позиций на Кавказе русская военная администрация переходит к замене единой имперской властью местных, традиционных форм управления. Делать это старались постепенно и осторожно, учитывая обычаи и особенности того или иного народа, давая свыкнуться с постоянным присутствием в его среде русских приставов, воздерживаясь от введения налогообложения там, где его никогда не было, и пресекая произвол с налогами и повинностями» [4: 72].

Для Закавказья российское подданство стало гарантом безопасности от экспансии Османской и Персидской империй, которые на протяжении веков угрожали физическим уничтожением народам этого региона. По словам Б.П. Балаяна, вхождение Восточной Армении в состав России способствовало тому, что «часть армянского народа спаслась от угрозы физического истребления» [1: 195]. Феодально-раздробленная Грузия, подвластная персидскому шаху, также испытывала на себе постоянную угрозу уничтожения.

Советский период стал следующим шагом в решении национального вопроса и интеграции многополярного пространства. Острые проблемы национально-государственного строительства в полиэтническом и многоконфессиональном горном крае нашли принципиальное решение в работах В.И. Ленина, И.В. Сталина и других авторов, выступавших с идеями наднационального общества, так как в социалистическом мире, согласно марксизму, со временем должно было произойти слияние наций, нивелирование этнических различий. Однако в условиях подъема национально-освободительного движения народов бывшей Российской империи В.И. Ленин осознал, что идея создания единой социалистической нации несвоевременна. Он выдвинул лозунг о свободе наций и их праве на самоопределение, который привлек на сторону советской власти большинство народов. Е.К. Минеева указывает: «Стремясь отмежеваться от лозунга культурно-национальной автономии, который активно выдвигается и отстаивается меньшевистско-эсеровскими кругами, лидер партии большевиков разрабатывает в 1917 г. положение о федерации двух типов – национально-территориальной автономии внутри государства и союзных договорных отношениях республик» [8: 161].

Одним из первых документов пришедших к власти большевиков стала «Декларация прав народов России», утверждавшая равенство народов, их право на свободное развитие. Эти положения были закреплены в принятой в июле 1918 г. Конституции Российской Социалистической Советской Федеративной Республики (далее – РСФСР). Советская власть признала

независимость бывших окраин Российской империи – Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Азербайджана. Оформление многонационального, поликонфессионального Советского государства в федеративное, став новым концептуальным подходом к решению сложного и противоречивого национального вопроса, способствовало сохранению территориальной целостности России, так как в период Гражданской войны обострился этнический сепаратизм и национализм. В основе федеративного (союзного) государства лежит объединение самостоятельных государственно-территориальных образований (субъектов федерации), которые не обладают государственным суверенитетом, но имеют равные права и статус, а также политическую самостоятельность в рамках союзного образования. Данное государственное устройство характеризуется территориальным единством, общей системой власти и конституцией, единым гражданством и др.

При создании СССР шли активные политические споры о характере его государственного устройства. Одни участники дискуссий отстаивали федеративное устройство страны, другие ратовали за его унитарный характер. В Закавказье в 1920–1921 гг. были созданы Социалистическая Советская Республика (далее – ССР) Азербайджан, ССР Армении и ССР Грузии. В 1922 г. они «образовали единую Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику со столицей в Тифлисе. Это решение было принято для простоты управления и с учетом многочисленных национально-территориальных конфликтов» [9].

Судьба малых народов в Закавказье решилась двояко: с одной стороны, происходило повышение их государственного статуса, с другой – устанавливалась зависимость от более титулованного соседа. Обратившись к истории, заметим, что за господство в Закавказье в прошлом боролись Византия, Персидская и Османская империя. Абхазия долгое время находилась под протекторатом Османской империи, но в 1810 г. произошло присоединение Абхазского княжества к Российской империи, а в 1921 г. была провозглашена ССР Абхазия. Около десяти лет ССР Грузия и ССР Абхазия находились в отношениях равноправных субъектов, благодаря заключению 16 декабря 1921 г. союзного договора, целью которого было «многоступенчатое вхождение Абхазии в состав Советской России посредством Закавказской Федерации и Грузии ввиду того, что прямое объединение из-за разности потенциалов могло отразиться на республике менее позитивно, чем выбранный вариант» [6: 146]. Однако в 1931 г. самостоятельный статус Абхазии был упразднен на основании единого плана народного хозяйства и того, что упомянутый договор утратил силу. ССР Абхазия включается в состав ССР Грузия как автономная республика. Понижение статуса республики игнорировало национальные интересы абхазов и в 1990-е гг. привело к межэтническим столкновениям.

Еще ранее, в 1921 г., в состав ССР Грузии была включена Аджарская Автономная ССР. По словам М.М. Блиева, «российские войска дважды (в 1878 и 1921 гг.) отбирали у Турции Аджарию и отдавали ее Грузии» [2: 323].

Южная Осетия была независима от Грузии вплоть до 1864 г., однако после укрепления русско-грузинских отношений ее передали на вассальных правах грузинским феодалам. В период установления советской власти Южная Осетия обратилась с просьбой о принятии ее в состав Советской России, однако в 1922 г. она была определена в состав ССР Грузии как автономная область.

В 1920-е гг. на всей территории многонациональной страны проводится национально-государственное строительство, которое не имело аналогов в истории. За короткое время произошла интеграция сложного социокультурного пространства с высоким уровнем конфликтности, осуществлялась модернизация страны. Советская власть проводила культурную модернизацию, включая ликвидацию неграмотности, открытие образовательных учреждений, развитие просвещения, формирование национальных кадров и другие преобразования: «В советский период были созданы условия для социального, экономического, политического и культурного развития народов, многие впервые обрели свою государственность в составе СССР» [3: 326].

Установление советской власти в Закавказье расширило территориальные границы одних народов, определило государственный статус других. Советская национальная политика оправдала себя в условиях Великой Отечественной войны, во взаимопомощи после землетрясений в Ашхабаде и Ташкенте и в других кризисных ситуациях. Приведем мнение Ю.А. Чугаенко: «С сожалением приходится констатировать, что для большинства нынешних интеллектуалов в постсоветских республиках, это касается и Украины, характерно замалчивание или даже забвение важнейших периодов совместной истории. Считаем, что к истории, какой бы она ни была, нужно относиться не конъюнктурно (это, хочется верить, со временем пройдет), а с уважением» [10: 38].

В то же время необходимо признать определенные недостатки в национально-государственной политике СССР, в частности, волюнтаризм в определении государственного статуса малых этносов, проведении новых границ без учета историко-культурных особенностей каждого региона, латентную русификацию и др.

После распада СССР идеи советского мультикультурализма и толерантности обернулись обострением межнациональных вопросов, которые были заложены неудачными решениями в политике национального строительства. Так, стремившаяся к независимости Грузия в начале 1990-х гг. активно ссылалась на право наций на самоопределение. Однако отказывала

в этом праве народам, которые не по своей воле были включены в ее состав. Грузинская политическая элита считает Абхазию и Южную Осетию территорией Грузии и настаивает на неделимости своей страны. В результате территория Закавказья стала очагом национализма и межэтнических вооруженных конфликтов: «Если обобщить процессы, происходившие в регионе после распада СССР, то можно констатировать, что власти Грузии и Азербайджана под влиянием националистических и радикальных экстремистских элементов попытались военной силой удержать контроль за входившими в состав советских закавказских республик автономиями. Вместо уважительного диалога и предложений к равноправному сотрудничеству в рамках создающихся новых государств, грузинские и азербайджанские лидеры направили для умиротворения своих национальных меньшинств (абхазов, осетин и армян) бронетанковую технику, артиллерию и авиацию» [5: 115].

Таким образом, советская интеграция народов Закавказья стала новым шагом в решении национального вопроса на основе принципов национального равенства и дружбы народов. Ослабление союзной власти в начале 1990-х гг. привело к обострению межнациональных конфликтов и распаду СССР. Пример Закавказья демонстрирует, что на рубеже XX–XXI вв. принципы сохранения территориальной целостности государств и законные права и свободы малых народов вступили в противоречие между собой. Отметим также, что серьезную опасность возникновения новых конфликтов и войн несет изобретение новой истории в духе борьбы за независимость, искусственное раздувание национально-освободительных идей. В современных условиях Закавказье представляет собой регионально не интегрированное пространство, поделенное на сферы влияния. На происходящие события пытаются влиять страны Запада и Турция при том, что Россия является главным посредником и в ряде случаев также гарантом стабилизации и урегулирования конфликтных ситуаций.

Источники и литература

1. *Балаян Б.П.* Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ереван, 1988.

2. *Блиев М.М.* Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. Владикавказ, 2006.

3. *Гассиева М.А.* Национально-государственное строительство Советского государства (на примере Юго-Осетии, Абхазии, Грузии) // Поколение будущего: взгляд молодых ученых – 2021: сборник научных статей 10-й Международной молодежной научной конференции. Т. 1. Курск, 2021. С. 325–329.

4. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

5. *Иванов С.М.* Ситуация в Закавказье и ее влияние на международную и региональную безопасность // Международная жизнь. 2019. № 3. С. 114–119.

6. *Лилияк В.Б.*, *Скуратов Ю.И.* К вопросу о статусе абхазской государственности // Современное право. 2010. № 2. С. 143–148.

7. *Мгдесян В.М.*, *Беликов М.Ю.* Население Закавказья в современное время: геополитические проблемы и перспективы // Известия ДГПУ. 2022. Т. 16. № 1. С. 85–93.

8. *Минеева Е.К.* Национальный вопрос в первые годы советской власти: теория и практика // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 16 (2). С. 161–165.

9. *Савельев А.* Этнический национализм и русофобия в Закавказье. URL: https://regnum.ru/article/3731966/ (дата обращения: 20.09.2023).

10. *Чугаенко Ю.А.* Грузия – Южная Осетия: исторические первопричины противостояния. Киев, 2013.

А.В. Аверьянов

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ В 1920-е гг.: ПЛАНЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Юго-Восток европейской части России был одним из самых полиэтничных макрорегионов Советского государства. Он включал в себя территории Дона, Кубани, Черноморья, Ставрополья, части Терека, а также созданных северокавказских автономий. До революции весь макрорегион входил в состав таких административных образований, как Область войска Донского, Кубано-Черноморская область, Терская область, Ставропольская губерния, Дагестанская область. После революции и в период Гражданской войны административная структура всего региона претерпела значительные изменения. На Юго-Востоке (в современной историографии – Юг России) в этот период складывались государственные образования как с большевистской (Донская советская республика, Кубано-Черноморская советская республика, Ставропольская советская республика и т.д.), так и с антибольшевистской ориентацией (Всевеликое войско Донское, Юг России или Российское государство, Кубанская народная республика и т.д.). Со стороны горских политических активистов предпринимались попытки создания Горской республики, Северо-Кавказского эмирата. Однако все эти образования имели переходный характер или просуществовали недолго.

После окончательного установления советской власти на Юго-Востоке перед руководством РСФСР возникла дилемма, обусловленная

необходимостью реализации провозглашенного большевиками лозунга о праве наций на самоопределение, с одной стороны, и созданием оптимальных механизмов социально-экономической интеграции, прежде всего горских территорий, в единое хозяйственное и политико-правовое пространство Советского государства, с другой. Поиск оптимального баланса между двумя максимами обусловил характер и динамику административно-территориальных преобразований на Юге России в 1920-е гг.

Победа советской власти на Северном Кавказе и лояльность горских элит Москве в значительной степени стали возможными не только вследствие курса на преодоление застарелых этносоциальных противоречий, но и решения национального вопроса путем самоопределения наций. Его наиболее оптимальной формой стала областная автономия, которая должна была обеспечить быстрое и всестороннее развитие региона. На Юго-Востоке курс на автономизацию был провозглашен с момента окончательного утверждения советской власти. В ноябре 1920 г. было объявлено о создании Горской Автономной Социалистической Советской Республики (далее – АССР) в составе РСФСР. Однако в силу внутренних противоречий она просуществовала недолго. В 1921–1922 гг. из нее были выделены Кабардинский, Карачаевский, Чеченский и Балкарский автономные округа, преобразованные в автономные области. В 1922 г. была провозглашена Адыгейская автономная область. После упразднения Горской АССР в 1924 г. на ее территории были созданы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, Сунженский казачий округ [17: 65–66].

Ситуация с национальным самоопределением этносов, проживавших на Северном Кавказе, зависела от административного оформления всего Юго-Востока России. В этот период шли бурные дискуссии о его будущей административной конфигурации, поскольку горские автономии в границах начала 1920-х гг. не обладали достаточным экономическим потенциалом для динамичного развития. Несмотря на существование ряда конкурировавших проектов административного устройства Юго-Востока, их объединяла идея формирования крупных территориальных образований, в основе которых лежала экономическая целесообразность, а также учет национального фактора.

На заседании Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в сентябре 1922 г. отмечалось, что «восстановление сельского хозяйства, как основы всей хозяйственной жизни Юго-Востока, должно быть… первой задачей» [11: 9]. Госпланом был выдвинут проект «о новом административном делении всей территории Советской республики на известное число областей, каждая из которых должна представлять собой целостный хозяйственный организм, экономически законченную, но не замкнутую величину, в основу которого положено, как общая норма и абсолютная предпосылка, динамическое

развитие всех районов – развитие с большим уклоном в сторону фабрично-заводской промышленности» [4: 84].

Экономическим задачам должно было соответствовать административное деление региона. К 1923 г. было разработано несколько проектов административного устройства Юго-Востока. Согласно проекту Госплана, предполагалось разделить всю территорию Советской России на 21 область. Проект ликвидировал «Юго-Восток в его теперешних границах, выделяя из него Донскую область и присоединяя часть ее с городом Ростовом к Южному горнопромышленному району, северо-восточную же часть – к новому Юго-Востоку – к Саратовской области, а Северный Кавказ объединяется как нефтяной, горный и район "белого угля" с Закавказьем и образует одну хозяйственно-административную "Кавкасскую область" с центром во Владикавказе» [4: 84]. С теми или иными поправками данный проект – создание единой Кавказской области – поддерживался со стороны Горской республики (Горплан) и Дагестана (Дагплан). Плановая комиссия Горской республики, «признавая проект Госплана заслуживающим исключительного предпочтения», отмечала, что его реализация невозможна, учитывая «экономическую оторванность Закавказья при отсутствии перевальной железной дороги и политические условия», и «выдвигала свой проект, совпадающий с предыдущими в границах на Севере, Западе и Востоке» [4: 69].

Дагплан, поддержав «проект Госплана о создании общекавказской области», отмечал необходимость присоединения Дагестана к союзу Закавказских республик [4: 90]. Горские автономии Северного Кавказа предполагалось вслед за Дагестаном включить в состав Закавказской Федерации, передав им часть территорий Ставропольской и Терской губерний, а также Кубано-Черноморской области [4: 89]. Примечательно, что, помимо хозяйственной целесообразности, которая, впрочем, была неочевидна в условиях естественного географического разрыва Северного и Южного Кавказа, Дагплан указывал на этнический фактор в создании единой кавказской области, поскольку «часть осетин живут в Грузии», а «абхазцы родственны черкесам» [4: 89].

Кубано-Черноморский исполком, учитывая наличие Федерации Закавказских республик с центром в Тифлисе и Федерации горских республик, предлагал создать новый район без Ростова – «Северо-Кавказскую область в составе: Кубано-Черноморской и Терской области и Ставропольской губернии, центр которой должен быть установлен с участием представителей с мест» [4: 69–70]. Отсутствие крупных промышленных центров и принципиальный отказ включать в состав новой административной единицы Ростов-на-Дону обусловливало исключительно аграрный характер Северо-Кавказской области.

Все вышеперечисленные проекты не рассматривали Ростов-на-Дону в качестве административного и культурного центра объединенного Юго-Востока, поскольку «Ростов не удовлетворяет требованиям Центра… расположен на отлете района, тем меньше будет влиять на составные части, то есть на Дагестан, Чечню, Горскую республику, Кабарду, Пятигорск, Карачай, чем больше они удалены» [4: 89]. На I Краевой конференции по изучению естественно-производительных сил Юго-Востока высказывались опасения, что Ростов будет рассматривать Северный Кавказ как свою сырьевую базу [4: 89].

Однако все указанные проекты были признаны несостоятельными, поскольку не удовлетворяли решению ключевой задачи – преодолению экономической отсталости Северного Кавказа с опорой на мощную промышленную базу. Альтернативы Ростову – шире Донскому региону с такими промышленными центрами, как Таганрог, Шахты, в рамках данной модели развития попросту не было. На Северном Кавказе в тот период не было крупных промышленных центров, численность пролетариата была крайне невелика, а Закавказье было отделено естественной преградой – Большим Кавказским хребтом.

Несмотря на то что Дон в годы Гражданской войны стал крупнейшим центром антибольшевистского сопротивления, ослабление и маргинализация казачества, ставка большевиков на быстро растущее иногороднее население, прежде всего в городах, мощная производственная база делали его основой для модернизации всего Юго-Востока. Территория бывшей Области войска Донского к началу и середине 1920-х гг. продолжала оставаться наиболее урбанизированным регионом на юге РСФСР. Согласно всесоюзной переписи 1926 г., в донских округах проживало 41,2 % всего городского населения Северо-Кавказского края [2]. По численности и доле городского населения в социальной структуре края донские округа значительно превосходили аналогичные показатели на Кубани, а также на Ставрополье и в северокавказских автономиях. Во втором по численности в Северо-Кавказском крае Донском округе городское население насчитывало 451 тыс. человек, или 40 % от всех жителей. В то время как в крупнейшем в крае Кубанском округе – 211 тыс. человек, или 14,1 %. В Ставропольском округе – 60,4 тыс. и 9 %, соответственно (подсчитано по: [2]).

Высокий уровень урбанизации обусловливал наличие многочисленного рабочего класса, который большевики рассматривали в качестве социальной опоры своей политики. В 1924 г. 51 % краевой партийной организации из 43 тыс. человек составляли рабочие [16: 33]. Ростов-на-Дону как центр будущего Юго-Востока и Северного Кавказа в полной мере удовлетворял текущие запросы региона не только в экономическом плане, но и в политико-идеологическом контексте. Ростов был городом

с довольно насыщенным революционным прошлым: всероссийскую известность получила ростовская стачка 1902 г., значение которой было высоко оценено В.И. Лениным; в 1905 г. В ходе Первой русской революции в Ростове-на-Дону произошла всеобщая политическая стачка, переросшая в вооруженное восстание.

В середине 1920-х гг. краевое руководство констатировало, что «город Ростов растет в промышленном и торговом отношении. Тот факт, что Ростов стал центром Северо-Кавказского края, явился и впредь будет являться источником сильного и непрерывного роста влияния Ростова как культурного и хозяйственного центра на весь Край и более усиленного темпа развития промышленности и торговли Ростова» [14: 15]. На крупнейшую в регионе Ростово-Нахичеванскую партийную организацию возлагалась важнейшая задача по «усилению влияния ростовских рабочих на все краевые парторганизации» и «развитие всего края» [15: 20], в том числе путем вовлечения в партийные ряды представителей национальных меньшинств, а также формирования рабочего класса в национальных автономиях, который должен составить социально-политическую опору большевиков на Северном Кавказе. С этой целью на предприятия Ростова-на-Дону, который стал своеобразной кузницей кадров для северокавказского пролетариата, в массовом порядке зачислялись рабочие из национальных автономий.

В итоге районирование региона стало осуществляться согласно предложениям Юго-Восточной комиссии при Ростовском Юго-Восточном краевом экономическом совете (далее – КЭС), который выдвинул «свой проект образования Юго-Восточной области с областным центром в Ростове на противоположной Госплановскому проекту сельскохозяйственной основе, куда входил весь Северный Кавказ: Кубанская, Ставропольская, Терская губернии и автономные Республики и области горских народов, Дагестанская Автономная советская Республика и Донская область с присоединением к нему с севера топливных районов (Александровск-Грушевск, Таганрог)» [16: 84]. Последние были возвращены из УССР в состав Юго-Восточной области и Северо-Кавказского края в 1924 г.

Рост значения Таганрога также был связан со строительством Волго-Донского канала и глубоководного морского порта [16: 61–62]. О важной роли Таганрога, ставшего вторым по значимости городом в Донском регионе, свидетельствовал присвоенный ему в 1929 г. статус административного центра Донского округа после выделения из его состава Ростова-на-Дону. На состоявшемся в апреле 1929 г. X Объединенном Донском и Таганрогском окружном съезде Советов отмечалось, что «в лице Таганрога мы имеем промышленный центр с компактной массой рабочего класса, крепкую пролетарскую базу. Донской округ, из состава которого были выделен

гор. Ростов, представлял из себя в подавляющей массе сельскохозяйственный округ. Таким образом, мы имеем возможность, опираясь на Таганрогский пролетариат, усилить пролетарское влияние на сёла и станицы Донского округа» [3: 102].

Тем самым ключевым фактором административного устройства Юго-Востока выступала экономическая целесообразность. Вместе с тем в числе важнейших приоритетов развития региона отмечался национальный фактор. Первопричиной межэтнических противоречий, по мнению большевиков, являлась неразрешенность унаследованных экономических проблем, национальное угнетение и социально-экономическое неравенство, прежде всего, в области земельного вопроса [7: 580]. Удовлетворение земельного голода среди горских народов считалось задачей первостепенной важности.

Помимо этого, стратегической задачей провозглашался курс на создание промышленности в национальных автономиях и воспитание национального пролетариата. На предприятиях в Ростове, Новороссийское, Краснодаре, Таганроге и в других промышленных центрах по специальным квотам стали проходить обучение рабочие из горских автономий, которые по возвращении домой должны были стать основной зарождавшегося национального пролетариата. В ноябре 1924 г. А.И. Микоян отмечал, что если два года назад в Ростове не обучалось ни одного студента из национальных автономий, то на текущий момент в учебных заведениях города проходили обучение 300 студентов-горцев, в том числе 150 человек на рабфаках и военных курсах [16: 21]. Впоследствии практика обучения представителей горских народов в учебных заведениях и промышленных центрах Северо-Кавказского края получила широкое распространение и реализовывалась на протяжении 1920–1930-х гг.

Объединение горских автономий с «русскими» районами Дона, Кубани, Ставрополья и Терека[1] в рамках единой административной структуры должно было способствовать расширению ресурсной базы для развития горских автономий, в том числе в области бюджетно-финансовой политики, земельного вопроса, административных границ, политического представительства в Москве и т.д. Создание Северо-Кавказского края содействовало микшированию территориальных претензий горских автономий друг к другу, а также к ряду «русских» округов, прежде всего Терскому округу. В связи с этим Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) в мае – июне 1924 г. поручило комиссии КЭС рассмотреть вариант разделения Терека

[1] Имеется в виду Терский округ, созданный в 1924 г., чья территория, входившая до 1920 г. в Терскую область, в большинстве была заселена терскими казаками, а также русскими и украинскими крестьянами (около 87 % по итогам переписи 1926 г.).

на два округа – Пятигорский (курортный) и Георгиевский (крестьянский), а также «разрешить в срочном порядке… споры КавМинВод с соседними авт. областями» [13: 2].

Созданный осенью 1924 г. Северо-Кавказский край представлял собой пестрый не только в этническом, но и социально-экономическом плане многоукладный макрорегион, который можно разделить на две части: русские округа и северокавказские (горские) автономии. Обозначения «русские округа», «русские области», «русские районы» используются в современной научной литературе, чтобы подчеркнуть ненациональный статус того или иного административного образования. Например, А.А. Цуциев употребляет понятия «русские округа», «русский субрегион Северного Кавказа» [17: 74]. А.В. Баранов применительно к этим территориям использует обозначение «русские области Северного Кавказа» [1: 612]. Данный подход представляется вполне обоснованным, тем более что во многих документах государственных и партийных органов эти территории в рабочем порядке, то есть неофициально, именовались «русскими» в противовес «национальным областям». Например, в письме Народного комиссариата просвещения РСФСР от 9 октября 1928 г. во ВЦИК отмечалось, что «задача дальнейшего просвещения в национальных областях не под силу местному бюджету даже при условии замедления роста просветительской работы в русских округах» [5: 2]. Секретари Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян и А.А. Андреев в своих выступлениях часто употребляли словосочетание «русские округа» [8: 9; 9: 16об.; 10: 23; 15: 15].

Опираясь на экономический потенциал русских округов Северо-Кавказского края, национальные автономии должны были совершить рывок в области хозяйственного и культурного развития. Русские округа выступали своеобразным «локомотивом» модернизации северокавказских автономий. Одной из задач ставилось устранение внутреннего многовекового фронтира между горскими народами и русским населением края (казаками и крестьянами), интеграция национальных окраин в единое культурно-правовое и экономическое пространство. По словам А.И. Микояна, краевое руководство должно было «содействовать органичному врастанию национальных областей в край» [12: 22].

Впоследствии расширение ресурсной базы и рост экономической самодостаточности северокавказских автономий в ходе индустриализации и коллективизации, в том числе за счет территориальных приращений, во многом обеспечило поступательное развитие последних. В 1929–1930 гг. в состав Чеченской АО был включен город Грозный и Сунженский округ; в 1931 г. в состав Черкесской АО вошла часть Баталпашинского района; в 1932 г. в состав Кабардино-Балкарской АО была включена часть Прохладненского района; в 1936 г. в состав Адыгейской АО – часть

Гиагинского и Майкопского районов с городом Майкопом, который стал ее административным центром [17: 73]. С ростом экономической самодостаточности горских автономий, а также с целью повышения эффективности территориального и отраслевого управления возникла необходимость разукрупнения Северо-Кавказского края, из состава которого в 1934 г. был выделен Азово-Черноморский край, а административный статус автономных областей был повышен до уровня автономных республик (КБАССР, СОАССР, ЧИАССР, ДАССР), что было закреплено в Конституции СССР 1936 г. [6].

Источники и литература

1. *Баранов А.В.* Многоукладное общество в русских областях Северного Кавказа в 1920-х гг.: тенденции развития: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 1999.

2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 01.08.2023).

3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 691.

4. ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 471.

5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 119.

6. Конституция СССР 1936 года. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 01.08.2023).

7. Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 1. Д. 66.

9. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 86.

10. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 99.

11. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 3. Д. 7.

12. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 14.

13. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15.

14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 100.

15. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 746.

16. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 856.

17. *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2007.

Т.У. Эльбуздукаева, М.Х. Мадаев

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА ЧЕЧЕНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1920–1930-е гг.

В условиях развития российского федерализма закономерно растет интерес к изучению исторического опыта формирования регионального состава управленцев. Кадровая политика в Чеченской автономной области (далее – ЧАО) была направлена на формирование «нового класса», способного решать социально-экономические и культурные задачи.

Проблема большевистской кадровой политики затрагивалась в ряде работ в комплексе с изучением других важных вопросов, связанных с экономическим и социокультурным строительством. Уже в 1920-е гг., когда зарождалась советская номенклатура, происходило становление ее историографии. Это прослеживается в трудах В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, И.В. Сталина и других партийно-государственных лидеров. В.И. Ленин в работе «Лучше меньше, да лучше» выдвинул требование к должностным лицам, служащим, которые должны иметь рекомендации от коммунистов, «выдержать испытание на знание нашего госаппарата… основ теории по вопросу о нашем госаппарате, на знание основ науки управления, делопроизводства… должны сработаться с членами ЦК и со своим секретариатом так, чтобы могли ручаться за работу всего этого аппарата в целом» [18: 393–393].

В советской историографии 1930–1950-х гг. господствовали установки «Краткого курса» истории ВКП(б). После XX съезда КПСС главной тенденцией советской историографии было «возвращение к Ленину». В 1960–1970-е гг. кадровые вопросы освещались в рамках официальной идеологической парадигмы [19], однако Н.Ф. Бугаю удалось показать особенности создания ревкомов на Северном Кавказе. Изучив большой корпус источников, он передал сложности в подборе местных кадров управления, выявил взаимосвязь между национальным составом ревкомов Северного Кавказа и эффективностью их функционирования [6; 7].

С начала перестройки изучать проблемы кадровой политики 1920–1930-х гг. стали с использованием комплексного методологического инструментария смежных гуманитарных наук, прежде всего социологии и правоведения [20; 22].

В конце XX – начале XXI в. был открыт широкий доступ к архивам, стали печатать труды эмигрантов второй советской волны. Авторы называли управленцев (партийно-государственную номенклатуру) самостоятельным правящим, эксплуататорским и паразитическим классом советского

общества [9]. В этот период публикуют работу Л.Д. Троцкого «Сталинская школа фальсификации» [21].

В исследовании Е.Г. Гимпельсона рассматривается структура государственного аппарата, вопросы подбора, выдвижения кадров на руководящие должности, их социальное происхождение, партийность, уровень образования [12].

Особый интерес для нашего исследования представляют работы А. Авторханова, бывшего партийного работника ЧАО, бежавшего из Чечни под страхом ареста [1].

В последнее время истории становления местной номенклатуры уделяется всё большее внимание. А.М. Бугаев считает, что некоторые уступки национальным элитам в начале 1920-х гг. были вынужденной мерой, но с укреплением государства большевики перешли к волевым решениям [4; 5]. В работе Е.В. Туфанова и И.Н. Кравченко коренизация рассматривается в аспекте формирования региональной номенклатуры, показывается, как последняя составлялась из представителей национальных этносов [22]. С.Т. Кульчицкий пришел к выводу, что требование коренизации являлось проявлением «концепта титульной нации» для укоренения советской власти в границах национальной автономии. Эта кампания содействовала становлению национальной культуры [17: 14].

Выполнив краткий обзор историографии вопроса, перейдем к изложению выбранных для анализа процессов. После прихода к власти большевики столкнулись с кадровой проблемой. На местах принцип подбора кадров мало чем отличался от того, что использовался в центре. При выборе руководителей применялся принцип партийности, учитывался партстаж, участие в революционных событиях. Игнорировался принцип выборности – назначенцев на должности было больше. Средством расстановки кадров была их ротация: работников перемещали по звеньям внутри госаппарата по географическому принципу, желая исключить кумовство, рутину. На многих руководящих должностях оказывались случайные люди.

Ведущим направлением советской национальной политики в 1920–1930-е гг. являлась коренизация, то есть вовлечение коренного населения автономных областей в процесс управления, прежде всего в партийную и государственную сферы.

В сложных условиях военного времени необходима была такая форма правления, которая отличалась наибольшей централизацией власти, была способна оперативно подавлять сопротивление эксплуататоров и руководить громадной массой населения в налаживании социалистического хозяйства. Такими органами на местах выступали революционные комитеты, успех деятельности которых во многом зависел от региональных условий.

В районах Северного Кавказа в годы Гражданской войны сложились чрезвычайные обстоятельства. Ситуацию характеризовали слабость партийных организаций, малочисленный пролетариат, национальная рознь, наличие контрреволюционного элемента, влияние духовенства, отсутствие условий для работы выборных органов власти.

В процессе советского строительства в Чечне, как и в других округах Терека, создавались участковые революционные комитеты. Отсутствие опытных работников в отделах ревкомов не позволяло наладить нормальную работу всех отделов и своевременно проводить в жизнь все постановления центра. Поэтому работа ряда отделов была пока еще малопродуктивной.

Кавказское бюро ЦК РКП(б), созданное в результате апрельского пленума ЦК РКП(б) 1920 г., осуществляло руководство исполнением решений советского правительства. В состав Терского областного ревкома от Чечни вошел Таштемир Эльдарханов. Возможность революционного обновления Чечни он видел не в прямой атаке на традиционную культуру чеченцев (адат и шариат), а в постепенной их эволюции в сторону демократии и социализма на базе национальных духовных ценностей, консолидации всех демократических и прогрессивных сил общества, в том числе и части духовенства [10: 69].

Чеченский окружной ревком сообщал 30 мая 1920 г. в Терский областной ревком, что «нуждается в ответственных работниках», и просил «принять все меры по присылке опытных работников». Областной ревком, исходя из этих просьб, обращался в Реввоенсовет Кавказского фронта и другие окружные ревкомы с просьбой оказать помощь Чеченскому окружному ревкому. Решением Грозненского окружного оргбюро РКП(б) и ревкома в распоряжение Чеченского ревкома были направлены девять партийных работников [2: 21].

Окружные партийные органы всячески старались выправить положение в работе советских органов и в какой-то мере ликвидировать острый недостаток в кадрах. Этим стремлением проникнуты и решения Терской областной конференции РКП(б) (26–29 июля 1920 г.), в которых указывалось на необходимость создания партийных школ для пополнения кадров партийных работников, в том числе в национальных секциях; усиления партийной работы в деревне (имелось в виду усиление партийного руководства советским строительством) [16].

На Кавказском краевом совещании коммунистов (октябрь 1920 г.) в резолюции по докладу Кавбюро РКП(б) отмечались трудности, связанные с отсутствием у горцев собственной письменности. Предлагалось «считать неотложной задачей выработку для горских народов родных азбук» [8: 100].

В области сельского хозяйства важным моментом в деятельности ревкомов было выполнение продразверстки. С этой целью ревкомы направляли

на места своих работников. Так, 10 января 1921 г. решением Чеченского исполкома для проведения агитации среди населения по выполнению продразверстки были направлены члены исполкома А. Омакаев и Хасаханов [13: 225].

После решений X съезда партии (март 1921 г.) требования к кадровому составу прояснились. Учитывался стаж, научная подготовка, социальное положение в прошлом, отношение к советской власти.

30 ноября 1922 г. на заседании большого Президиума ВЦИК был решен вопрос об образовании Чеченской автономной области. Председателем исполкома ЧАО утвердили Таштемира Эльдарханова. В выступлении на IV совещании ЦК РКП(б) (июнь 1923 г.), он охарактеризовал ситуацию в Чечне так: «Для того чтобы показать те достижения, которые имеются налицо после трехмесячного управления автономной Чечней новой революционной властью, я должен сказать, что… слащавые речи по адресу трудящихся, хватание за бороды мулл, выколачивание продналога штыком, излишний военный нажим, от которого страдало мирное население, бандиты же убегали в горы, — в конечном итоге создали фронт против советской власти...» [3: 134].

Став автономной областью, Чечня по-прежнему нуждалась в экономической и политической помощи государства. После XII съезда партии, состоявшегося в апреле 1923 г., ЦК РКП(б) для оказания практической помощи национальным районам Северного Кавказа организовал специальную комиссию. В ее составе были М.И. Калинин и К.Е. Ворошилов. 17 мая в Урус-Мартане на встрече с представителями местной власти М.И. Калинин заявил: «Мы сделали Чечню свободной, затем мы открыли Чечне учебные заведения, и теперь каждый чеченец может учиться, где хочет, может занимать любой советский пост» [11].

В соответствии с пятилетним планом коренизации национальных областей, принятым Президиумом Северо-Кавказского крайисполкома в 1929 г. за три года планировалось укоренение советского аппарата, а в пятилетний – культурно-просветительных учреждений [20: 104].

Коренизация предполагала увеличение представительства титульных наций в партийной номенклатуре; укрепление на местах советской власти представителями социально-близких слоев населения [15: 128].

Чечня имела свои особенности коренизации, обусловленные сложными историческими процессами интеграции в единое российское пространство. Серьезной проблемой на пути коренизации, как было упомянуто выше, стояла неграмотность и малограмотность населения. Еще одной особенностью было вооруженное сопротивление советской власти в регионе, которое «придавало проблеме коренизации управленческих кадров особый военно-политический подтекст» [14: 4].

В июле 1931 г. ВЦИК РСФСР определил сроки по переходу делопроизводства на национальные языки: для Северной Осетии и Адыгеи – январь 1932 г.; для Ингушетии, Черкесии, Карачая – июнь 1932 г.; для Кабардино-Балкария и Чечни – январь 1933 г. [17: 16]. Эти сроки ни одна из автономий не выдержала, а к середине 1930 гг. политика коренизации свернулась. Тем не менее коренизация автономий имела определенные результаты: сформировался корпус национальных управленцев; была ликвидирована неграмотность населения; создана чеченская письменность, пресса, литература, театр.

Источники и литература

1. *Авторханов А.* Технология власти. М., 2007.

2. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР). Ф. 73. Оп. 1. Д. 27.

3. АУП ЧР Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 17.

4. *Бугаев А.М.* Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. (исторический обзор) // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР: сборник статей. Вып. II. М., 1978. С. 127–150.

5. *Бугаев А.М.* Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный, 2012.

6. *Бугай Н.Ф.* Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. 1919–1920. Нальчик, 1977.

7. *Бугай Н.Ф.* Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919–1921 гг. М., 1979.

8. *Бугай Н.Ф.* Советское строительство в Чечено-Ингушетии в 1920–1921 гг. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный, 1976. С. 86–103.

9. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

10. *Гакаев Дж.Ж.* Очерки политической истории Чечни (XX век): в 2 ч. Ч. 1. М., 1997.

11. *Гвоздиков Т.* Посланцы Ленина // Грозненский рабочий. 1973. 31 июля.

12. *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917–1920 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 44–54.

13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 28. Д. 357.

14. *Гутиева М.А.* Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 2–7.

15. *Дендиев К.Г.*, *Осмаев А.Д.* Кадровая политика советского государства в Чечено-Ингушетии 1920–1930 гг. (политико-правовой аспект) // Вестник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. 2021. № 1 (5). С. 124–132.

16. Коммунист. 1920. 26 июля – 4 августа.

17. *Кульчицкий С.* Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Мат-лы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 6–16.

18. *Ленин В.И.* Лучше меньше, да лучше // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 389–406.

19. *Лобжанидзе К.Г.* Борьба партийных организаций автономных республик и областей Северного Кавказа за социалистическую индустриализацию (1928–1937 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1964.

20. *Мамсиров Х.Б.*, *Лоов А.А.* Особенности «коренизации» государственных и культурных учреждений Кабардино-Балкарии в свете новых архивных документов // Кавказология. 2021. № 1. С. 96–129.

21. *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификации. М., 1990.

22. *Туфанов Е.В.*, *Кравченко И.Н.* Партийно-государственная номенклатура и процесс индустриализации в Северокавказском регионе // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 49 (1). С. 31–38.

А.В. Баранов

СОПРОТИВЛЕНИЕ УКРАИНИЗАЦИИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ КРАЕ (1924–1932 гг.)

Научная проблема, изучаемая в статье, обладает не только академической, но и политической актуальностью. В 1923–1932 гг. партийно-государственная система власти СССР проводила политику украинизации в тех местностях за пределами Украинской ССР, где проживала часть восточных славян, официально объявленных украинцами. Данная политика была частью стратегии федеративной и национальной политики, предусматривавшей разделение «триединого» (в дореволюционном дискурсе) русского народа, позитивную дискриминацию этнического большинства под антиимперскими лозунгами; стратегии коренизации. Вокруг этой темы возникло много мифов, она используется нынешним режимом Украины для обоснования претензий на часть территории России.

Поэтому особенно важно раскрыть на основе вводимых в оборот исторических документов искусственность украинизации 1923–1932 гг., сопротивление этому курсу и населения Северо-Кавказского края РСФСР, и части партийных, советских, хозяйственных работников, интеллигенции.

Мы не будем давать полный обзор историографии темы, уделив внимание только новейшим исследованиям. Признанными специалистами

по истории украинизации являются Е.Ю. Борисёнок [5], Ю.А. Борисёнок и К.С. Дроздов [6]. Значительное внимание теме в рамках концепции «империи положительного действия» уделил американский историк Т. Мартин, но он не исследовал опыт украинизации в Северо-Кавказском крае [24]. В числе работ историков Юга России упомянем новейшие публикации В.З. Акопяна [2], А.В. Аверьянова [1], А.В. Баранова [3], Е.В. Туфанова [9], И.А. Бондарь, М.В. Дарендорф и И.Г. Ованесян [4]. Но рост интереса к теме еще не привел к качественному совершенствованию источниковой базы исследований. Мы плохо знаем, почему была начата украинизация в СССР, как она аргументировалась в директивных документах различных уровней, какая борьба велась внутри партийно-государственного руководства, как отозвались различные слои общества на эту политику, как менялись приоритеты и формы украинизации.

Методологической основой статьи мы выбрали конструктивистскую парадигму этничности, которая объясняет искусственность проекта украинизации и его политико-идеологическую заданность. Комплекс источников, изученных и вводимых в оборот в статье, включает в себя документы Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б), Кубанского, Черноморского и Майкопского окружных комитетов партии, Северо-Кавказского краевого исполкома Советов. Среди них выделяется по ценности «Информационная сводка по вопросу об украинизации в крае по состоянию на 27 марта 1931 г.», составленная руководителем украинской секции при агитационно-пропагандистском отделе крайкома А. Чапало [23: 42–46]. Достаточно полезные, хотя и фрагментарные сведения об общественных настроениях и «буржуазном национализме» содержат информационные обзоры органов ОГПУ.

Политика коренизации национальной политики была намечена еще в резолюции X съезда РКП(б) в 1921 г. и детально обоснована на XII съезде РКП(б) в 1923 г.; украинизация была одним из местных ответвлений этого курса наряду с белорусизацией, татаризацией и т.д. Следует учесть, что повседневные задачи укрепления власти иногда противоречили украинизации в казачьих регионах Юга РСФСР. Так, 14 июня 1920 г. заведующий подотделом западных народов Кубано-Черноморского обкома РКП(б) направил руководству обкома доклад о деятельности организации «Кубанське Робітниче Культурно-Просвітнє Товариство “Робітнича Просвіта”». Отмечая сочувствие к советской власти этой группировки (около 80 участников, которые вели культурно-просветительную и пропагандистскую работу в рабочих клубах г. Екатеринодара), автор доклада был встревожен присутствием в ней бывших депутатов Кубанской Рады. Видимо, доклад был вызван наступлением польских войск и петлюровцев на Украине [10: 1–9]. До осени 1924 г. на Юге РСФСР проводился жесткий курс расказачивания,

и разрешение украинских организаций могло дать опасные аргументы сторонникам казачьей автономии, тем более что продолжались широкомасштабные военные действия по подавлению казачьего движения «бело-зеленых».

К.С. Дроздов выявил документ, подготовивший введение украинизации на общесоюзном уровне, – докладную записку Украинского центрального бюро (далее – УЦБ) Совета по просвещению нацменьшинств Наркомпроса РСФСР «О необходимости организации и усиления партработы среди украинского населения России» в агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) от 5 февраля 1923 г. [7]. Автор записки – заведующий УЦБ В.А. Гадзинский предлагал создать при обкомах партии украинские секции, руководящие партийной и просветительной работой; резко увеличить число партийных газет и брошюр для украинского населения РСФСР; направлять на работу в местности проживания украинцев партийных, советских и хозяйственных работников со знанием украинского языка. Его инициативы нашли поддержку ЦК в резолюциях XII съезда РКП(б) [7]. Но реальная работа на Юге РСФСР началась после постановления расширенной коллегии агитационно-пропагандистского отдела (далее – АПО) ЦК от 27 ноября 1923 г. Было решено создать украинские секции при Кубано-Черноморском обкоме РКП(б) и других обкомах, усилить украинизацию средней школы. Соответствующее решение об исполнении принято в Кубано-Черноморской области 7 января 1924 г. [11: 77]. К лету 1924 г. в г. Краснодаре создан интернациональный клуб национальных меньшинств; в нем отмечалась общественная активность украинцев, но отсутствовал национальный актив из коммунистов [12: 19–20]. Украинские секции при подотделах национальных меньшинств АПО окружных и районных комитетов РКП(б) начали создаваться в январе 1925 г., а секция при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) организована 6 апреля 1925 г. [19: 1].

Многие местные органы власти не понимали смысл украинизации и не проявляли усилий по ее развитию. Так, АПО Майкопского окружного комитета РКП(б) в справке для Майкопского окружного отдела ОГПУ (1925 г.) не указывал украинцев в числе национальных меньшинств [20: 1–2], а Черноморское окружное земельное управление рассчитало в 1928 г. сведения о землепользовании русских и украинцев в качестве единой учетной категории [18: 1–2]. Посещаемость заседаний украинских партийных секций была низкой. Секретарь Армавирской окружной секции А.А. Лысогор докладывал на краевом совещании 3 апреля 1925 г., что иногда партработники смотрят на украинскую культуру как «отмирающее явление», заявляют, что «наши украинцы уже обрусели... Еще есть украинское население, которое в своей массе считает свой язык некультурным, свидетельствующим о невежестве» [19: 77]. Заведующий Украинским педагогическим техникумом

Миненко жаловался на недружелюбие, препятствия работе на украинском языке со стороны властей Кубанского округа [19: 89 об.]. На заседании бюро Армавирской окружной секции 9 октября 1925 г. Пинчук заявил: «Некоторые члены партии смотрят на национальную работу с шовинистической точки зрения и иногда враждебно относятся к украинизации, говоря, что она не нужна, несмотря на то, что некоторые (так считающие. – *А. Б.*) по национальности украинцы» [19: 29–29 об.].

Показателен обмен репликами между председателем Северо-Кавказского крайисполкома Советов Н.Б. Эйсмонтом и делегатами Второй Кубанской окружной конференции РКП(б) 18–23 ноября 1925 г. Эйсмонт получил записку о том, что население не хочет обучаться украинскому языку, но это запрещено обсуждать на беспартийных собраниях. Есть коммунисты и комсомольцы, которые знают украинский язык, но преднамеренно не говорят на нем. Спор также зашел о том, какой язык изучать – литературный или народный. Н.Б. Эйсмонт заявил: «Никакой обязательной украинизации на Кубани нет» [13: 46, 244]. Ситуация усложнялась тем, что РКП(б) опиралась в кубанских станицах прежде всего на «иногородних» крестьян, а они говорили чаще всего по-русски, в отличие от черноморских казаков, говоривших на суржике (но не на литературном, «галичанском» украинском языке).

Жители края восприняли украинизацию противоречиво. В мае 1925 г. председатель украинской секции Армавирского окружкома РКП(б) выявил «антагонизм между украинским и русским учительством» на основании мнений, высказанных на родительских собраниях в с. Отрадо-Ольгинском [19: 15]. Казаки и крестьяне рассуждали так: если учить ребенка на украинском языке, он не поступит в среднюю школу, «не сможет быть в русском обществе, он смешон»; были и сомнения учителей: «надо ли украинский язык применять для нашего полуобрусевшего украинца?» [19: 77]. В 1927 г. Кубанский окружной отдел народного образования провел анкетный опрос украинцев в пяти станицах и одном хуторе (786 человек). Мнения разделились поровну: 351 человек высказался за образование на украинском языке, 350 – на русском, 44 – за изучение обоих языков, 41 человек не определился. В наибольшей мере поддержали украинское образование казаки, зажиточные слои, жители отдаленных от г. Краснодара станиц [16: 34–34 об.].

С лета 1926 г. округа Северо-Кавказского края принимали планы украинизации. В Кубанском округе такой план выполняла постоянная межведомственная комиссия при окружном исполкоме, а также комиссии при райисполкомах и сельсоветах. Проводить референдумы и опросы населения, обсуждения на сходах граждан было запрещено [14: 125–130]. Но уже 17 сентября 1926 г. комиссии были упразднены, а вся работа возложена на отделы

народного образования [14: 181]. Их работа по украинизации велась на общественной основе, без оплаты. В отчете подотдела национальных меньшинств Кубанского окружкома ВКП(б) за 1926/27 г. признавалось, что сеть украинских школ сократилась из-за нежелания родителей обучать детей в них [15: 4]. Подобные явления отмечались и на Дону. Сальский окружком ВКП(б) отложил украинизацию на год, ссылаясь на отсутствие общественного запроса и отсутствие денег, что вызвало в октябре 1929 г. принуждающие санкции крайкома ВКП(б) [22: 53].

В условиях коллективизации и роста военной угрозы украинизация оценивалась центральными органами власти всё более сдержанно. Доклад Секретного отдела (далее – СО) ОГПУ «Антисоветское движение в деревне» за подписью начальника отдела Т.Д. Дерибаса и начальника 3-го отдела СО ОГПУ Р.И. Аустрина (октябрь 1928 г.) содержал сведения о том, что на Кубани есть «тяготение антисоветских элементов на установление связи с антисоветскими элементами Украины, и шовинистические лозунги последней прививаются также и кубанскому антисоветскому движению» [8: 817].

В качестве реакции на проблемы фракция крайисполкома разработала проект предложений «Об украинизации советского аппарата в Северо-Кавказском крае» от 21 июня 1929 г. В нем отмечалось слабое ведение советской и культурно-просветительной работы, отсутствие в округах планов украинизации, отсутствие финансирования из краевого бюджета, плохая работа «Червоной газеты». В сельских и районных Советах произошло значительное снижение удельного веса украинцев [21: 48–48 об.]. Был разработан детальный календарный план реформ, начиная от избчитален и средних школ и заканчивая переводом на украинский язык всего делопроизводства партийных, советских и хозяйственных органов, газет и журналов. Аналогичную резолюцию приняли 7 июня 1929 г. члены бюро Кубанского окружкома ВКП(б), создав комиссию при окружном исполкоме и аналогичные комиссии при кооперативных и профсоюзных организациях. Был намечен трехлетний срок полной украинизации 12 из 15 районов Кубанского округа, в первую очередь Славянского района. Давались директивы партийным и советским работникам противостоять как «русскому великодержавному шовинизму», так и «украинскому национализму кулачества и интеллигенции», что было не очень понятно для местных активистов [17: 6–7, 91].

Развернутое изложение и классификацию форм сопротивления украинизации со стороны населения, партийных и государственных служащих содержит информационная сводка, составленная руководителем украинской секции при АПО крайкома ВКП(б) А. Чапало 8 апреля 1931 г. Документ включает в себя изложение писем селькоров, репортажей, материалов обследований на местах. Так, секретарь Кореновского райкома ВКП(б)

убрал изложение задач украинизации в наказе сельсоветам. Заместитель председателя Краснодарской районной плановой комиссии настоял на том, чтобы перепечатать статистический отчет районо на русском языке. Два коммуниста в ст. Новомышастовской выступили против продажи в книжном киоске партийных резолюций на украинском языке. Там же отказывались оформлять справки для крестьян на украинском языке. Большинство партийцев считало украинизацию шовинизмом. Часто высказывалось сомнение в самом существовании украинцев на Кубани (от себя добавим, что это весьма прозорливое сомнение): «Какие же это украинцы, если они по-украински ни говорить, ни читать не умеют?» Иногда применялось пассивное сопротивление. Служащий в Азовском районе заявил: «если будут сильнее нажимать, то скорее уеду в русский район, но украинизироваться не буду» [23: 42–46].

Важно, что черновик проекта резолюции секретариата крайкома ВКП(б), предложенный Чепало, содержит большой вычеркнутый фрагмент. В нем упоминаются распространяемые кулаками и казачьими интеллигентами идеи кубанизации, то есть утверждения о наличии кубанского языка, «якобы отличающегося от украинского», о самостийности и поддержке интервенции [23: 60]. То есть редактор проекта резолюции посчитал украинизацию менее опасной для политики большевиков, чем идеи казачьих самостийников. Это отчасти объясняет навязывание украинизации в казачьих областях. Хотя с позиций сегодняшнего дня одно зло не лучше другого.

Ни один из доступных директивных партийных и государственных документов краевого и окружного уровня за 1923–1932 гг. не содержит критики украинизации, что подтверждает версию о том, что известное решение Политбюро ЦК ВКП(б) о прекращении пагубного курса в декабре 1932 г. стало полностью неожиданным для партийных и государственных служащих в Северо-Кавказском крае.

Итак, анализ введенных в научный оборот источников подтверждает, что жители «украинизируемых» местностей Северо-Кавказского края, не возражая против культурно-просветительных мер воздействия (изб-читален, красных уголков и газет, школ, библиотек, театральных постановок), выступали против навязывания украинского языка как официального, обязательного для делопроизводства и права занимать партийные и государственные должности. Особое недовольство вызывало насаждение украинского литературного языка («галичанского наречия»), поскольку жители станиц говорили на местных диалектах («кубанском языке», «балачке»). Реформы встретили сопротивление как партийно-государственных служащих, так и крестьян, они были оправданно прекращены в декабре 1932 г. в условиях коллективизации и военной угрозы.

Источники и литература

1. *Аверьянов А.В.* Политика украинизации на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов: некоторые сравнительные аспекты // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 2 (206). С. 13–21.

2. *Акопян В.З.* Государственные органы по делам национальных меньшинств Юга России в 1917–1930-е гг. М., 2022.

3. *Баранов А.В.* Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923–1932): замыслы, реакция сообщества, результаты // Наследие веков. 2021. № 3. С. 31–42.

4. *Бондарь И.А.*, *Дарендорф М.В.*, *Ованесян И.Г.* Политика украинизации казачьих территорий Кубани в 1920 – начале 1930-х гг. и ее связь с национальной политикой самодержавия // Вопросы истории. 2021. № 8–2. С. 172–178.

5. *Борисёнок Е.Ю.* О понятии «украинизация» // Славяноведение. 2020. № 1. С. 3–15.

6. *Борисёнок Ю.А.*, *Дроздов К.С.* Комедия с украинизацией: десятилетний эксперимент на территории РСФСР оглушительно провалился // Родина. 2022. № 10. С. 118–121.

7. *Дроздов К.С.* Украинизация в РСФСР и концепция империи «положительной деятельности» Терри Мартина (к вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923–1933 гг.) // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Т. 3. Вып. 7 (15). URL: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000188-5-2/ (дата обращения: 03.08.2023).

8. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923–1929. М., 2000.

9. *Туфанов Е.В.* К проблеме коренизации и украинизации органов государственной власти в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 455–461.

10. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 69.

11. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.

12. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 68.

13. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 85.

14. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212.

15. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 408.

16. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410.

17. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 560.

18. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 878.

19. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56.

20. ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 130.

21. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 925.
22. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 938.
23. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1162.
24. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Ithaca, 2001.

З.В. Акопян, В.З. Акопян

К ВОПРОСУ О ГЕНЕРАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ РАЗВИТИЯ ПЯТИГОРСКА КАК ЦЕНТРА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В данной статье рассматривается вопрос о разработке генерального плана развития Пятигорска, в частности о строительстве в городе-курорте административного центра Северо-Кавказского края. Пятигорску, являвшемуся в 1934 – начале 1937 гг. краевым центром, посвящена серия наших публикаций, в том числе в материалах IX Международного форума историков-кавказоведов [1].

Не останавливаясь на обстоятельствах решения правительства о размещении краевого центра в Пятигорске, как и на дискуссии по вопросу о последующем переносе столицы края в Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ), а затем и в Ворошиловск (в настоящее время – Ставрополь), подробно охарактеризованные в ранее опубликованных статьях, рассмотрим только один фрагмент в истории краевого центра.

В мае 1934 г. дискуссия о том, в каком городе должен находиться центр Северо-Кавказского края, была завершена в пользу Пятигорска. Проект реконструкции Пятигорска и всей курортной группы Кавказских Минеральных Вод (далее – КМВ), разрабатывавшийся ранее Архитектурно-планировочной мастерской Народного комиссариата коммунального хозяйства (далее – НККХ) РСФСР под руководством профессора В.Н. Семёнова[1],

[1] Семёнов Владимир Николаевич (1874–1960) родился в Кисловодске. В 1892 г. окончил Владикавказское первое реальное училище, в 1898 г. – Петербургский институт гражданских инженеров. В 1902–1908 гг. работал архитектором в Пятигорском управлении КМВ. По его проектам построены гостиница «Бристоль» в Пятигорске, дворец эмира Бухарского в Железноводске, санаторий «Азау» в Ессентуках и др. В 1910-х гг. в качестве главного архитектора Москвы руководил реконструкцией столицы. В начале 1920-х гг. – руководитель научно-технического совета в НККХ РСФСР, преподаватель Московского архитектурного института. В 1932 г. назначен главным архитектором Москвы. Создавал планировку КМВ как целостной курортно-рекреационной зоны. Накануне Великой Отечественной войны подготовил проект реконструкции Ростова-на-Дону, реализованный после освобождения города. В 1956 г. избран почетным членом Академии строительства и архитектуры СССР [20].

теперь следовало существенно скорректировать в связи с изменением статуса Пятигорска как центра Северо-Кавказского края. То есть необходимо было внести в подготовленный проект месторасположение в городе зданий органов власти и управления регионом.

Первые результаты работы столичных проектировщиков совместно с архитекторами и другими специалистами края и Пятигорска были рассмотрены на совещании представителей руководящих краевых организаций и специалистов «О планировке и строительстве краевого центра в Пятигорске», состоявшемся 23 июня 1934 г. в здании пятигорского горсовета.

В своем докладе начальник Крайкомхоза И.Г. Кабанов [5: 326] представил несколько вариантов расположения в городе административного центра. Согласно первому, его планировалось разместить на горе Пост (район в западной части Пятигорска, за железнодорожным полотном) и частично на Сенной площади (в настоящее время ул. Леваневского и Верхний рынок). Кабанов отмечал, что жилищное строительство должно развиваться в сторону горы Бештау и одновременно нужно максимально использовать все свободные места по пр. Калинина, ул. Университетской, Ярмарочной (с 1959 г. – ул. Пастухова), Мясницкой (ныне ул. Разина и частично ул. Фрунзе) и другим.

Согласно второму варианту, предложенному специалистом Пржибовским, представителем группы инженеров, производивших планировку Грозного, административный центр должен был находиться возле Лермонтовского разъезда в северо-западной части города (ныне микрорайон Белая Ромашка), а жилищное строительство – максимально развиваться за счет пустующих мест в районе Сенной площади и надстроек на существующие дома.

Для охраны интересов курорта Кабанов предлагал устройство специальной курортной железнодорожной станции на Лермонтовском разъезде (ныне станция Лермонтовская).

Обстоятельную речь произнес на совещании председатель Крайплана Д.А. Готлобер [6]. В прениях по его докладу выступили инженеры Банатов, Барановский и другие. Обсуждая вопросы строительства краевого центра, выступавшие обращали внимание на необходимость широко использовать местный строительный материал, кирпич и джуцкие мергеля (осадочную камнеподобную породу с горы Джуца), на которых мог бы работать цементный завод местного значения [14].

В течение лета 1934 г. в Пятигорск из столицы и других городов прибывали специалисты для обсуждения на месте конкретных планов размещения и строительства краевого центра.

В одном из июльских номеров краевая газета сообщала, что в Пятигорск прибыл заведующий проектным отделом Коммунстроя СССР профессор

Фальсовский для организации работ по проектировке водопровода и канализации в Пятигорске, Кисловодске и других городах курортной группы [17]. На следующий день газета «Северо-Кавказский большевик» поместила информацию о том, что для просмотра схемы реконструкции Пятигорска, в связи со строительством краевого центра, НККХ командировал в Пятигорск комиссию научно-технического общества в составе архитекторов Фёдорова, Кони, Парамонова, инженеров Неврева, Миташевского и санитарного врача Некрасова [18].

По инициативе руководства Северо-Кавказского края в 1934–1935 гг. проходили краевые собрания, конференции и съезды архитекторов и специалистов в области градостроительства. На этих мероприятиях обсуждались проблемы строительства краевого центра. В начале июля 1934 г. в Пятигорске работал Краевой съезд городских инженеров и заведующих отделами коммунального хозяйства. Съезд принял несколько резолюций: о ходе строительства за первое полугодие 1934 г., о планировании центра края и о перестройке органов коммунального хозяйства. Касаясь вопроса о реконструкции Пятигорска в связи со строительством нового центра, съезд указал, что в этих работах должна принять участие инженерно-техническая общественность всего Северного Кавказа [16].

Параллельно с этими обсуждениями продолжала работать группа Архитектурно-планировочной мастерской НККХ РСФСР под руководством В.Н. Семёнова. Пятигорскую часть проекта разрабатывали архитекторы В.В. Семёнов-Прозоровский и К.В. Чернокозов.

Сын профессора В.Н. Семёнова Владимир Владимирович Семёнов-Прозоровский (1904–1959) пошел по стопам отца и стал известным в узких профессиональных кругах архитектором. В отличие от своего отца, очень быстро отказавшегося от лондонского проекта города-сада, Владимир Владимирович сохранил приверженность этой идее, запечатленной В.Н. Семёновым в проекте первого российского города-сада в поселке железнодорожной станции Прозоровская (ныне г. Кратово). Вероятно, от названия станции Владимир Владимирович и взял свой псевдоним [9].

Что же касается генплана Пятигорска, то В.В. Семёнов-Прозоровский так же, как и другие разработчики, проектировал город как многопрофильный круглогодичный курорт, центр научно-исследовательской деятельности и, наконец, как крупный административный центр значительного по территории края [2].

В разработке генплана принимали участие многие специалисты. О них сообщалось в текстовой части проекта планировки г. Пятигорска [13: 3–6]. Технико-экономическая часть проекта была проработана экономистом Х.И. Маляр. Ею написана текстовая часть проекта, в частности характеристики современного Пятигорска, перспективы развития курорта,

промышленности, жилого района и сетей обслуживания. Общее руководство экономической частью проекта было проведено главным экономистом мастерской Д.И. Шейнисом. Он также составил демографический раздел проекта.

В своей деятельности мастерская опиралась на ряд работ, выполненных по ее поручению отдельными организациями и специалистами. Так, вопросы бальнеологии и курортологии были проработаны Государственным центральным бальнеологическим институтом под общим руководством профессора А.Н. Огильви [7] при участии ученых В.Д. Зипалова [4], М.И. Маневича и др.

Постоянную консультацию по вопросам устройства и реконструкции пятигорского курорта оказывали доктор И.Д. Яхниц из Наркомздрава и горный инженер И.М. Пугинов из Всероссийского объединения курортов.

Предварительное выяснение инженерно-геологических условий для развития курорта и города осуществила Всесоюзная государственная геологическая контора на Северном Кавказе.

Разделы, посвященные всем видам транспорта, были разработаны сотрудниками мастерской – инженером И.В. Бордукавым при участии профессора В.В. Образцова, инженеров С.Г. Писарева и Е.И. Васильева из Народного комиссариата путей сообщения, инженера Г.В. Комарова по воздушному транспорту и при консультации по городскому транспорту инженера Академии коммунального хозяйства А.М. Якшина.

Инженерные вопросы (вертикальная планировка, регулирование рек, ливневая канализация и оборудование улиц) были разработаны соответствующим сектором Госстройпроекта Народного комиссариата тяжелой промышленности.

По вопросам организации строительства работа была проведена профессором Н.Л. Стамс и инженером И.М. Марковым. Вопросы озеленения проработаны бригадой, возглавляемой доцентом А.А. Лохвициным в составе В.М. Бертковича, Е.А. Данилова, М.Т. Карагозянца с привлечением консультанта В.М. Васильева. Вопросы водоснабжения и канализации проработаны проф. М.М. Порфирьевым, санитарной характеристики – доктором Кононовым, противопожарной охраны – инженером Н.Н. Кузнецовым из Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства, вопросы благоустройства – инженером А.Е. Ширяевым, вопросы очистки – инженером Ф.Я. Бурче из Санитарно-технического управления Наркомхоза РСФСР. По его проекту в 1920-х гг. в Москве были построены мусоросжигательный завод и крематорий. Он также разработал типовые советские бани, сеть пунктов приема белья в стирку [8].

Первый транш, выделенный на строительство краевого центра в 1934 г., составил 5 млн руб. [15].

Проблемы с финансированием обсуждаемого строительства вынуждали власти использовать средства населения, в частности организуя жилищно-строительные кооперативы. Другим источником финансирования должны были стать добровольные вычеты из скромных зарплат трудящихся. «С целью широкого вовлечения трудящихся Пятигорска в строительство краевого центра, – сообщалось в краевой газете, – Оргбюро ВЦСПС Северо-Кавказского края приняло решение, в котором считает целесообразным выпуск, по примеру других городов (Орджоникидзе, Нальчик), трудового займа на благоустройство краевого центра» [19].

И всё же это был период «великого перелома», который вернул страну ко многим традициям военного коммунизма, и расчет был на изъятие собственности, в первую очередь, у владельцев респектабельных домов и квартир, у «нетрудового элемента» и врагов народа, число которых росло в геометрической прогрессии. Только в апреле 1933 г. в распоряжение Горкомхоза поступило 74 конфискованных домовладения с жилплощадью 5,5 тыс. кв. м [12: 5–6].

Перемещение центра края в Пятигорск, несомненно, потребовало и дальше продолжить поиск жилья за счет «нетрудовых элементов» и конфискации собственности у семей врагов народа. В документе под названием «Наказ избирателей Пятигорскому совету X созыва 1934 г.» перед городскими властями ставятся следующие задачи на 1935 г.: «Провести сплошную проверку всех домовладений гор. Пятигорска, в целях выявления и очищения их от спекулятивных элементов» [11: 14].

Итак, по генеральному плану Пятигорска, оптимальным местом для административного центра должен был стать район горы Пост (555 м), вокруг которой тогда преобладала одноэтажная застройка. Это нынешние ул. Комарова (до 1967 г. – ул. Курганная) и ул. Мира (состояла из прежних ул. Сенной и 4-й линии). На вершине горы Пост, там, где расположена средняя школа № 18 (построена в 1957 г.) и возвышается армянская церковь Сурб Саркис, предполагалось построить Дворец культуры, музей, кинотеатр и другие общественные сооружения.

Городской общественно-политический центр проектировался на южной стороне горы Пост, там, где продолжается нынешняя улица Коста Хетагурова (до 1957 г. состояла из ул. Ессентукской и 3-й линии), начинающаяся в самом центре города. В этой части района Гора-Пост планировалась большая площадь для проведения массовых общественных мероприятий [10].

Другая часть административного центра планировалась в районе Верхнего рынка (бывшая Сенная площадь). Доминирующим сооружением в том месте должно было стать внушительное здание Дома Советов, а точнее – архитектурный комплекс.

Административный центр как на горе Пост, так и на Сенной площади предполагалось связать со всеми районами города, в том числе с курортной зоной, расположенной на юго-западных и юго-восточных склонах горы Машук.

В центре района Гора-Пост планировалось создание главного парка культуры и отдыха Пятигорска. От него расходились лучи-радиусы проспектов и улиц с бульварами, которые должны были соединить гору Пост с кольцевым магистральным проспектом. Новый жилой массив также намечался в районе за железнодорожным полотном, в северо-западной части современного Пятигорска, в направлении горы Бештау. Там имелась совершенно свободная для застройки обширная территория (современный микрорайон Бештау). В соответствии с планом в Новопятигорске (западная часть города) должны были строиться жилые дома для рабочих и служащих. Большой зеленый массив планировался рядом с нынешним Центральным парком культуры и отдыха им. С.М. Кирова (на месте прежнего Казенного сада). К этой территории примыкали небольшие парки у площадей, связанные между собой бульварами и скверами в одну непрерывную зеленую зону. Два парка также планировалось создать в Новопятигорске.

Представленный проект напоминал город-сад, о котором мечтал вначале В.Н. Семёнов, а затем и его сын Владимир Владимирович.

По ул. Крайнего (бывшая Базарная улица) в непосредственной близости от Нижнего рынка проектировалось строительство гаражей и коммунальных предприятий. Для последних намечалась еще одна зона в Новопятигорске. Район за железной дорогой от Новопятигорска до Скачек отводился для строительства промышленных предприятий, товарной станции и складов. Между станцией Пятигорск и Лермонтовским разъездом предполагалось создать еще одну станцию для обслуживания курортного района. Планировалось кардинально реконструировать шоссейные дороги, которые узлом сходились в Пятигорске из Минеральных Вод, Кисловодска, Нальчика и других столиц северокавказских автономий. В обход Пятигорска планировалась объездная дорога. Была разработана новая схема внутригородского транспорта. В центральной части города трамваи предполагалось заменить автобусами. Этот экологически чистый транспорт оставляли только в Новопятигорске и Горячеводске.

По генплану естественным источником водоснабжения Пятигорска становилась река Подкумок [10].

Таким образом, подготовленный Архитектурно-планировочной мастерской № 2 под руководством проф. В.Н. Семёнова и В.В. Семёнова-Прозоровского генеральный проект планировки г. Пятигорска, охватывавший широкий комплекс городской и пригородной инфраструктуры, состоял из нескольких компонентов. Первый, которому посвящено это

исследование, предполагал создание общественно-политического центра столицы Северо-Кавказского края; второй – реконструкцию курортной зоны, а третий касался развития общей городской инфраструктуры Пятигорска с учетом его нового административного статуса.

В 1936 г. было принято неожиданное решение о переносе центра края в г. Орджоникидзе (оставшееся на бумаге и отмененное в начале 1937 г., так как фактически центр Северо-Кавказского края продолжал оставаться в Пятигорске до 25 мая 1937 г.). В связи с этим из подготовленного генерального проекта развития Пятигорска был изъят отмеченный выше первый компонент. В варианте проекта 1936 г., подготовленном по поручению уполномоченного ЦИК СССР по группе КМВ, остались второй и третий компоненты. В то же время существенно урезанным оказался и городской компонент, так как новый вариант генерального плана предполагал развитие Пятигорска исключительно как курортного города с населением[1] достаточным «для обслуживания курорта, рассчитанного на пропускную способность до 10 000 больных в месяц единовременного проживания» [13].

Источники и литература

1. *Акопян В.З.*, *Акопян З.В.* Почему Георгиевск и Минеральные Воды в 1934 г. не стали центрами Северо-Кавказского края // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы IX Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию образования СССР (г. Черкесск, 17–18 октября 2022 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2022. С. 219–226.

2. *Бесолов В.Б.* Научное и творческое наследие династии Семёновых и Северный Кавказ // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. Т. 6. № 1. С. 61–67.

3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=226 (дата обращения: 01.09.2023).

4. *Глухов А.Н.* Владимир Дмитриевич Зипалов. URL: https://pkm1903.ru/museum/news/514-vladimirdmitrievichzipalov (дата обращения: 01.09.2023).

5. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник / сост. В.И. Ивкин. М., 1999.

6. Готлобер Давид Абрамович (1897–1964) // Новодевичье кладбище и некрополь Новодевичьего монастыря. URL: http://novodevichiynecropol.narod.ru/06/gotlober_da.htm (дата обращения: 01.09.2023).

[1] На декабрь 1935 г. в городе проживало 74,3 тыс. человек. К концу 1930-х гг. население города-курорта составляло – 86 тыс., в том числе: русских – 70 805, армян – 4823, украинцев – 4127, немцев – 944, осетин – 287 и др. [3; 12: 6].

7. *Зайцева Е.И.* Александр Николаевич Огильви (к 130-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2007 год: краеведческий сборник. Ставрополь, 2007. С. 320–324.

8. Караимы и Москва: сборник / гл. ред. М.С. Сарач. М., 1997.

9. *Климкова М.* Неизвестная история: по генеральному плану 1939 года Тамбов должен был стать «городом-садом». URL: https://marina-klimkova.livejournal.com/1217626.html (дата обращения: 01.09.2023).

10. *Коваленко А.*, *Кихель А.* Генплан 1930-х // Пятигорская правда. 2009. 5 февраля.

11. Наказ избирателей Пятигорскому совету X созыва 1934 г. Пятигорск, 1935.

12. Отчет о работе Пятигорского городского совета IX созыва, 1931–1934. Пятигорск, 1935.

13. Пятигорск. Текстовая часть проекта планировки / под рук. проф. В. Семёнова. М., 1936.

14. Северо-Кавказский большевик. 1934. 24 июня.

15. Северо-Кавказский большевик. 1934. 8 июля.

16. Северо-Кавказский большевик. 1934. 11 июля.

17. Северо-Кавказский большевик. 1934. 17 июля.

18. Северо-Кавказский большевик. 1934. 18 июля.

19. Северо-Кавказский большевик. 1934. 28 августа.

20. *Смирнова О.В.* Владимир Семёнов (1874–1960) // Зодчие Москвы: сборник статей: в 2 кн. Кн. 2 / сост. М.И. Астафьева-Длугач и др. М., 1988. С. 95–103.

И.Р. Марыхуба

«АБХАЗСКИЕ ПИСЬМА» КАК ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БОРЬБЫ АБХАЗСКОГО НАРОДА ЗА СВОИ ПРАВА

9 июля 2019 г. президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин сказал российским журналистам: «…по указанию Сталина НКВД во главе с Берией предпринял очень жесткие меры в отношении абхазов, даже не хочу сейчас воспроизводить, с целью поглощения Грузией этой территории и абхазского народа. Это тяжелое наследие, которое не то что не стал учитывать, а просто проигнорировал один из первых президентов современной Грузии (Звиад Гамсахурдиа. – *И. М.*), когда отменил вообще всякую автономию и Аджарии, и Абхазии, и так далее. Всё это привело к взрыву и братоубийственной войне» [9].

Истоки современных грузино-абхазских противоречий уходят в события XIX в. Кавказская война завершилась выселением значительной части абхазов, о чем можно подробно узнать из фундаментальных монографий абхазских историков [5; 10 и др.]. В результате в конце XIX в. началась грузинская колонизация опустевшей территории Абхазии. Наряду с грузинами здесь основали свои села греки, армяне, русские, болгары, эстонцы, немцы и представители других национальностей, что быстро превратило Абхазию в пеструю в этническом отношении страну [11: 14].

После прихода к власти в Петрограде в 1917 г. партии большевиков меньшевистская Грузия совершила прямую военную агрессию: Вооруженные силы Грузии разогнали Абхазский народный совет. Из Тифлиса (в настоящее время – Тбилиси) был назначен генерал-губернатор Абхазии Г.И. Мазниашвили (Мазниев). «Ни один из царских генералов не свирепствовал столь беспощадным образом, сколько Мазниашвили. Кровь стынет в жилах, кулаки сжимаются, когда читаешь и слышишь о том, как грузинская “демократия” огненными буквами запечатлевала в памяти крестьян, о ее нежных попечениях», – писала К. Цеткин [18: 170–171].

В феврале 1921 г. в Абхазию вступили части Красной армии. 28 марта того же года была провозглашена Социалистическая Советская Республика (далее – ССР) Абхазия. Между ССР Абхазией и ССР Грузией как между двумя равноправными субъектами был подписан союзный договор. Однако с 1931 г. Абхазия стала автономной республикой (Абхазской АССР) в составе Грузинской ССР. Фактически И.В. Сталин подарил Абхазию Грузии, волюнтаристски понизив ее статус с союзной до автономной республики. В последующие годы осуществлялись широкомасштабные репрессии против абхазской политической элиты, научно-творческой интеллигенции [6; 7; 8 и др.]. Среди руководителей автономии преобладали грузины. Двуязычные жители Гальского района, владевшие абхазским и грузинским языками, при получении паспортов записывались грузинами [1: 19–20]. Обучение в школах велось на грузинском языке, абхазский язык был исключен из школьной программы, абхазская письменность переведена на грузинскую графическую основу. Всё это вызывало обоснованный протест абхазов [13: 211–227].

Советские законодательные акты 1921–1990 гг., связывавшие Грузию с СССР, а стало быть, и Абхазию с Грузией, были аннулированы самим грузинским государством в 1989–1990 гг. Но, выходя из состава СССР, Грузия захотела забрать с собой и Абхазию. Однако абхазский народ воспротивился этому и в ходе Отечественной войны в 1992–1993 гг. отстоял свою независимость. Сегодня мы воздаем должное принципиальности, стойкости и мужеству участников абхазских народных собраний, массовых акций протеста абхазского народа, заложивших фундамент национально-

освободительной борьбы абхазского народа за независимость от Грузии. в Законе Республики Абхазия «О национально-освободительном движении абхазского народа» от 17 июля 2023 г. (№ 5702-с-VII) подчеркивается: «Национально-освободительное движение абхазского народа – движение абхазского народа, обусловленное стремлением к самоопределению, выходу Абхазии из состава Грузии, включение в состав которой было осуществлено без волеизъявления абхазского народа тоталитарным режимом, необходимой и вынужденной борьбой с многочисленными нарушениями национальных, культурных, социальных, политических, экономических и иных прав и свобод абхазов, с дискриминацией абхазов по признаку национального и этнического происхождения, языковой принадлежности, с запрещением или ограничением использования абхазского языка» [17: 3–4].

Страницам новейшей истории Абхазии, в частности, советской эпохе и борьбе абхазского народа за свою независимость автор данной статьи посвятил ряд монографии и статей. Увидели свет и три объемных тома сборника документов и материалов «Абхазия в советскую эпоху», изданные в Сухуме в 1994, 2009, 2013 гг. Первый том получил название «Абхазские письма. 1947–1989 годов» [1]. Два последующих имеют общее название «Из истории национально-освободительной борьбы абхазского народа», при этом второй том посвящен событиям 1970-х гг., а третий том – 1980-х гг. [2; 3]. Рискуя жизнью, автор сохранил опубликованные в сборнике документы и материалы в Сухуме во время грузино-абхазской Отечественной войны 1992–1993 гг. Позже, в 2008 г., автором была издана книга «Московские архивные документы об Абхазии XX века» [12]. Ее составили выявленные в сентябре 2007 г. документы и материалы из фондов двух ведущих государственных архивов Российской Федерации – Российского государственного архива социально-политической истории (бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) и Российского государственного архива новейшей истории (бывших архивных подразделений аппарата ЦК КПСС). Указанные документы выступают важнейшими свидетельствами национально-освободительной борьбы абхазского народа за свою независимость.

Особый интерес среди указанных исторических источников вызывают «Абхазские письма». Первые из них относятся к послевоенным годам. 5 февраля 1947 г. кандидат исторических наук Г.А. Дзидзария, кандидат филологических наук, поэт Б.В. Шинкуба и кандидат филологических наук К.С. Шакрыл написали письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову [4: 531–536]. В нем говорилось о нарушениях в языковой политике, переводе абхазских наименований в грузинскую форму, массовом заселении абхазских сел грузинами, кадровой политике, не допускавшей абхазов к руководству, и прочих проблемах развития Абхазии [1: 81–87]. Никаких

мер в отношении поставленных в обращении вопросов не было предпринято, а само письмо было переслано в ЦК Коммунистической партии (далее – КП) Грузии. В результате авторы письма подверглись гонениям – им инкриминировали попытку дезинформации ЦК ВКП(б) и клевету на абхазскую партийную организацию, а выступление трактовали как проявления «буржуазного национализма» [1: 94].

Но это не остановило передовых представителей абхазской интеллигенции в борьбе за права своего народа. В духе принятой в то время практики они по-прежнему апеллировали к руководителям Советского государства, обращая их внимание на сложившиеся положение. 11 октября 1952 г. аспирантки Института языкознания Академии наук СССР сестры Е.П. и Т.П. Шакрыл обратились к И.В. Сталину и Г.М. Маленкову с письмами, в которых говорилось о беззакониях, происходивших в Абхазии. Авторы просили восстановить права абхазского народа на получение образования на родном языке, подготовку специалистов по родному языку, развитие своей национальной культуры [1: 90–92].

В период хрущевской «оттепели» в СССР были приняты меры, направленные на преодоление культа личности и его негативных проявлений, в том числе, в сфере национального вопроса и межнациональных отношений. В Абхазии открыли школы с обучением на абхазском языке, который в 1954 г. был переведен на кириллицу. Однако далеко не все недостатки в национальной политике были преодолены и ликвидированы в это время. В том же 1954 г. народный поэт Абхазской АССР Д.И. Гулиа обратился в ЦК КПСС с письмом «О помехах в дальнейшем развитии культуры, просвещения абхазов» [4: 554–556], а затем и лично к председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову. Перечисляя стоявшие перед Абхазией проблемы, он писал о необходимости приезда «из Москвы авторитетной комиссии». Кроме того, Гулиа ставил под сомнение необходимость и целесообразность дальнейшего пребывания Абхазии в составе Грузинской ССР, где ее проблемы не решались: «Многие видят выход во включении Абхазии в состав РСФСР» [1: 110–113].

10 июня 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии», в котором, в частности, отмечалось, что в Абхазии и в Южной Осетии «искусственно разжигалась рознь между грузинами, абхазами, армянами, осетинами, умышленно проводилась линия на ликвидацию национальной культуры местного абхазского, армянского и осетинского населения, осуществлялась его насильственная ассимиляция» [1: 114–115]. В августе того же 1956 г. постановление было обсуждено на Пленуме ЦК КП Грузии, итоги которого, в свою очередь, рассматривались на собрании актива Абхазской областной партийной организации [1: 114].

Однако многие нерешенные вопросы вызывали недовольство не только абхазской общественности, но и отдельных руководителей автономии – абхазов. Незадолго до принятия указанного постановления, 19 апреля 1957 г., в Президиум ЦК КПСС было направлено письмо председателя Совета Министров Абхазской АССР А.М. Лабахуа и секретаря Абхазского обкома КП Грузии И.К. Тарба [4: 556–562]. Позже, 11 октября 1957 г., Д.И. Гулиа написал непосредственно первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву [4: 562–565]. В этих письмах обращалось внимание на попытки возродить в Грузии «элементы осужденной буржуазно-националистической политики, особенно в области идеологии» [1: 129], нехватку «абхазских национальных кадров для народного хозяйства и культуры» [1: 132] и другие проблемы. Однако результаты писем оказались не очень значительны, а один из авторов – А.М. Лабахуа – был впоследствии переведен на должность заместителя председателя Совета Министров Грузинской ССР.

Последующие «Абхазские письма» (1965, 1967, 1977, 1978, 1983–1985 гг.) были тесно связаны с протестными выступлениями абхазов, вызванными возмущением осуществлявшейся по отношению к ним политикой национальной дискриминации, в том числе, с решениями народных собраний абхазского народа. Они отражали грузино-абхазские государственно-политические противоречия и являлись неопровержимыми свидетельствами того, что в советскую эпоху абхазы вели перманентную борьбу за свои права [14: 15–16].

В указанных материалах и документах представлены напряженные общественно-политические события в Абхазии второй половины 1940-х – 1980-х гг. Среди них к наиболее важным следует отнести Всеабхазские народные собрания 1967, 1978, 1989 гг.; обсуждение и принятие новой Конституции (Основного Закона) Абхазской АССР 1978 г.; формулирование и обсуждение требования о «выводе» или «выходе» Абхазии из состава Грузии как острейшего вопроса советской эпохи для абхазского народа; проведение письменного референдума по вопросу включения в Конституцию республики дополнительной статьи, дающей право «выхода из состава одной союзной республики и перехода в другую» и многое другое.

Претензии Абхазии на суверенитет и независимость логично обозначились при распаде Советского Союза, в ситуации, когда этот вопрос должен был решиться, казалось бы, без затруднений. Но руководители СССР, преследуя различные цели, осуществили так называемый «управляемый распад» или «роспуск» Советского государства, предоставив право выхода из него союзным республикам и запретив это автономным. Закон СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», определил положение Абхазии в составе Грузии в пункте 1. Прямое решение проблемы обретения Абхазией суверенитета после развала СССР оказалось невозможным [15: 231–232].

Даже после грузино-абхазской войны пересмотр этого решения оказался не осуществимым вплоть до 26 августа 2008 г. – официального признания Российской Федерацией Республики Абхазии. Здесь нужно подчеркнуть, что такое признание было неожиданностью и для самой России, которая после вторжения грузинских войск в Южную Осетию 8 августа 2008 г., по словам Е.М. Примакова, была поставлена перед выбором: «…либо прекращать свое военное присутствие в этих регионах, либо заключать договоры с провозгласившими свою независимость Абхазией и Южной Осетией о нахождении на этих территориях российских военных баз. Выбор в этой дилемме был очевиден» [16: 345].

После военной агрессии Грузии в Южной Осетии вынужденный характер признания суверенитета республик Абхазии и Южной Осетии Российской Федерацией подтвердил президент В.В. Путин: «Россия просто вынуждена была признать независимость этих республик и защитить народы Абхазии и Южной Осетии», – сказал он в Екатеринбурге 9 июля 2019 г. российским журналистам [9].

В 2023 г. Абхазия торжественно отмечает 30-летие победы и независимости абхазского народа в Отечественной войне 1992–1993 гг. и 15летие официального признания суверенитета республики Российской Федерацией. Эти юбилеи обуславливают необходимость вспомнить о важнейших вехах в истории национальной борьбы абхазского народа за свою независимость.

Источники и литература

1. Абхазия в советскую эпоху: абхазские письма (1947–1989). Сборник документов и материалов. Т. I / сост. И.Р. Марыхуба. Акуа (Сухум), 1994.

2. Абхазия в советскую эпоху: из истории национально-освободительной борьбы абхазского народа (70-е годы XX века): сборник документов и материалов. Т. II / сост. И.Р. Марыхуба. Акуа (Сухум), 2009.

3. Абхазия в советскую эпоху: из истории национально-освободительной борьбы абхазского народа (80-е годы XX века). Т. III / сост. И.Р. Марыхуба. Акуа (Сухум), 2017.

4. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сухум, 1992.

5. *Ачыгуба Т.А.* Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум, 2018.

6. *Бебия Е.Г.* Без вины виноватые: посвящается лыхненцам, подвергшимся политическим репрессиям в 30–40-е годы XX века. Сухум; Краснодар, 2021.

7. *Бебия Е.Г.* Из забвения – в бессмертие: посвящается жителям и выходцам из сел Дурипш, Куланырхуа, Ачандара, Тамыш, Кутол, Джгярда, Гуада, подвергшимся политическим репрессиям в 30–40-е годы XX века. Сухум; Краснодар, 2022.

8. Большой террор в Абхазии (Абхазская АССР): 1937-1938 гг. в 3 т. [Б. м.], 2017.

9. Встреча с российскими журналистами. 9 июля 2019 года // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/60962 (дата обращения: 25.08.2023).

10. *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Второе дополненное издание. Сухум, 1982.

11. *Лакоба С.* Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра, 1993.

12. *Марыхуба И.Р.* Московские архивные документы об Абхазии XX века. Акуа (Сухум), 2008.

13. *Марыхуба И.Р.* Против фальсификации вопросов истории Абхазии. Акуа (Сухум), 2017.

14. *Марыхуба И.Р.* Абхазия: 1967, 1978 годы. Акуа (Сухум), 2019.

15. Независимая Абхазия: проблемы и решения. Сборник статей / под ред. Т.М. Шамба. М., 2007.

16. *Примаков Е.М.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: Мысли вслух. Россия: надежды и тревоги. М., 2016.

17. Республика Абхазия. 2023. 15 августа. № 59.

18. *Цеткин К.* На освобожденном Кавказе. 2-е изд., испр. М., 1935.

А.Х. Татаршаов

УСТАНОВЛЕНИЕ МЕЖПАРЛАМЕНТСКИХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: НЕУДАВШИЙСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ

Установление и развитие устойчивых межпарламентских связей между субъектами Российской Федерации – одно из приоритетных направлений деятельности, норма организационно-политической жизни территориальных законодательных органов РФ. В данной статье ставится цель осветить историю первой попытки формирования устойчивых межпарламентских связей между северокавказскими республиками Адыгеей, Кабардино-Балкарией и Карачаево-Черкесией, причины ее неудачи, которые могут быть учтены в деятельности парламентских объединений субъектов Юга России в современных условиях.

Первые попытки установления долгосрочных связей между законодательными органами субъектов Юга России были предприняты еще в период проведения в стране радикальных ельцинских преобразований, гайдаровской шоковой терапии. Инициаторами установления постоянных межпарламентских связей между республиками Северного Кавказа в начале 1997 г. выступили президенты Республики Адыгеи А.А. Джаримов, Кабардино-Балкарской Республики В.М. Коков и глава Карачаево-Черкесской

Республики В.И. Хубиев. По их предложению была сформирована объединенная рабочая группа по выработке проектов документов, касающихся создания парламентского объединения трех республик.

В конце мая того же года состоялась консультативная встреча председателей парламентов республик, в ходе которой были предварительно обсуждены проекты документов, подготовленные рабочей группой. 25 июля 1997 г. в Нальчике прошла официальная церемония подписания председателями парламентов трех северокавказских республик Договора об образовании Межпарламентского совета Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии [3; 6]. Документ подписали: от Государственного совета – Хасэ Республики Адыгея – Е.И. Салов, от Парламента Кабардино-Балкарской Республики – М.Н. Жабоев и З.А. Нахушев, от Карачаево-Черкесской Республики – И.В. Иванов.

В договоре, составленном в трех экземплярах на русском языке, имеющих одинаковую юридическую силу, были четко определены цели и задачи Межпарламентского совета: укрепление контактов и диалога между парламентами; согласование законодательных инициатив, совместных общественно-политических акций, затрагивающих региональные и российские интересы; обеспечение правовых условий реализации договоров о дружбе и сотрудничестве между республиками [7].

При этом в документе особо подчеркивалось стремление создаваемого Межпарламентского совета к укреплению единства Российской Федерации, признание своей ответственности в становлении и развитии правового государства, демократии и российского федерализма, осознание исторической ответственности за судьбы своих народов, важность развития и укрепления дружественных отношений трех республик. «Образовать, – говорилось в документе, – Межпарламентский совет высших представительных (законодательных) органов государственной власти Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики, – консультативно-совещательный орган в целях выработки согласованных подходов по осуществлению конституционной и экономической реформ, обеспечению прав и законных интересов граждан и решения иных важнейших вопросов, представляющих общий интерес Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики» [7].

Договор вступал в силу со дня его подписания – 25 июля 1997 г. В ноябре того же года он был утвержден президентами Республики Адыгеи, Кабардино-Балкарии и главой Карачаево-Черкесии. В частности, глава Карачаево-Черкесской Республики В.И. Хубиев утвердил договор в установленном порядке 17 ноября 1997 г. [7].

Деятельность Межпарламентского совета осуществлялась в соответствии с уставом, утвержденным парламентами республик – учредителями договора.

На первой сессии Межпарламентского совета, которая состоялась в ноябре того же 1997 г., были сформированы его рабочие органы: президиум и секретариат. Был принят временный регламент и утвержден план работы на 1998 г.

13 февраля 1998 г. в Черкесске прошло и первое заседание президиума Межпарламентского совета, который вел И.В. Иванов – председатель Народного собрания Карачаево-Черкесской Республики. На нем президиум утвердил печать, а также одобрил положение о конкурсе на создание эмблемы Межпарламентского совета. С этой целью было решено объявить конкурс в каждой республике. Участники заседания определили источники финансирования штата Межпарламентского совета, смету расходов, сумму долевого участия каждой стороны. Было решено, что штаб-квартира Межпарламентского совета будет находиться в Черкесске.

Президиум Межпарламентского совета рассмотрел и другие вопросы. В частности, вопрос о проведении по инициативе массовой общественной организации Республики Адыгеи «Лига мира» совместного турпохода в июле – августе 1998 г. Члены президиума поддержали девиз похода «Мир, дружба и братство народов». Было определено число его участников – по 10 человек от каждой республики. Поход должен был начаться в Кабардино-Балкарии, продолжиться в Карачаево-Черкесии и завершиться в Адыгее.

В ходе заседания президиума Совета руководители парламентов трех республик обменялись информацией об экономическом положении и общественно-политической ситуации в регионах.

Вторая сессия Межпарламентского совета трех республик состоялась в Майкопе 21 мая 1998 г. В ее работе, кроме парламентариев, приняли участие также президенты Адыгеи А.А. Джаримов, Кабардино-Балкарии В.М. Коков, глава Карачаево-Черкесии В.И. Хубиев [1].

Участники сессии проанализировали общественно-политическую ситуацию на Северном Кавказе. Они, отметили, что обстановка в регионе остается сложной и указали на то, что Межпарламентский совет должен противодействовать тем силам, которые противостоят миру в регионе, и помогать сохранить целостность России. «Сегодня эта проблема по плечу новому органу, – отмечалось на заседании, – поскольку три республики объединяют одни цели, одни проблемы» [1].

Интеграция экономики, по единодушному мнению парламентариев, должна была стать одним из главных путей решения этой проблемы. Содержательные доклады, с которыми выступили на сессии представители республик, давали представление об истинном положении дел как в социально-экономической, так и в общественно-политической и правоохранительной сферах. В частности, в ходе проведения радикальных реформ в стране в республиках возникла проблема безработицы. Ее уровень

в ноябре 1997 г. составлял: в Кабардино-Балкарской Республике – 3,2 %, Карачаево-Черкесской Республике – 1,2 %, Республике Адыгее – 2,5 %. Одновременно заметно снизилась реальная зарплата работников всех отраслей. Самая высокая средняя зарплата в Кабардино-Балкарии и Адыгее составляла 723 руб. в месяц, в Карачаево-Черкесии она не превышала 550 руб. [1]. В то же время выросла задолженность по выплате зарплаты. На 1 апреля 1998 г. в Адыгее она составляла 66,1 млрд руб., в Карачаево-Черкесии – 94,7 млрд, в Кабардино-Балкарии – 142,9 млрд руб. Продолжалась тенденция сокращения доходов республик.

Сессия констатировала, что всё это негативно отражалось на качестве жизни населения, прежде всего на состоянии здравоохранения, на прирост населения: сокращалась рождаемость, росла смертность во всех трех республиках. Ее коэффициент к тому времени в Адыгее, например, составлял 12,8, а в Карачаево-Черкесии – 10,6 [1].

На сессии серьезный разговор шел о том, как скоординировать деятельность парламентов трех республик по социально-экономическим вопросам. В первую очередь речь шла о создании таких условий, при которых восстановилась бы стимулирующая функция зарплаты, о реформировании социальной сферы в субъектах Российской Федерации, формировании единой концепции законодательного обеспечения социальной политики в России. Сессией было принято решение о включении в перспективный план законотворческой деятельности до 2000 г. разработки законопроектов по проблемам социальной политики и, прежде всего, по охране здоровья, труда и занятости.

Совместно разработанная программа экономической интеграции до 2000 г. предусматривала создание финансово-экономических и социально-политических условий для благоприятного развития хозяйствующих субъектов, формирование экономико-правовых механизмов конкуренции, осуществление комплекса мероприятий, направленных на развитие производственных, кооперативных и технологических связей на взаимовыгодной и равноправной основе.

Предполагалось, что программа будет способствовать достижению прогресса в производственном сотрудничестве республик. По сути, она была направлена на создание основ единой экономической системы с самодостаточным бюджетом. В ней предусматривалось сотрудничество республик в инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе. Это строительство и реконструкция предприятий перерабатывающей промышленности, хранилищ для сельскохозяйственной продукции. В промышленности главными задачами являлись замещение устаревшего производства, оказавшегося невостребованным рынком, повышение конкурентоспособности, эффективности инвестиционной деятельности в отрасли хозяйства, расширение производства.

В топливно-энергетическом комплексе предусматривались меры эффективного использования энергетического потенциала горных рек, нефтепродуктов на территории республик. Планировалось поэтапное формирование и развитие транспортной системы. Первый этап предусматривал расширение объема и повышение качества оказываемых услуг. На втором этапе предстояло перейти к организации коммерческих межведомственных структур, способных обеспечивать посредническую деятельность.

В сфере торговли предусматривалось создание сети оптовых предприятий межреспубликанского уровня, а также межреспубликанского центра изучения рынка с филиалами в других субъектах Российской Федерации. Важное место в программе заняли вопросы развития курортов, рыночной инфраструктуры и предпринимательства, кадровой базы.

На сессии, наряду с важными социально-экономическими проблемами, значительное внимание уделялось вопросу координации действий по борьбе с преступностью и укреплению правопорядка между министерствами внутренних дел трех республик. Сессия утвердила соглашение о согласовании таких действий. Было решено, что в декабре 1998 г. ход его выполнения будет заслушан на президиуме Межреспубликанского совета.

Сессия избрала председателем Межпарламентского совета И. Бечелова, председателя Совета Парламента Кабардино-Балкарской Республики. Президенты Кабардино-Балкарии В. Коков, Адыгеи А. Джаримов и глава Карачаево-Черкесии В. Хубиев подписали совместный документ по сотрудничеству в природоохранительной деятельности [1].

20 ноября 1998 г. в Нальчике состоялась третья сессия Межпарламентского совета Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. В ее работе приняли участие руководители парламентов и исполнительных органов, депутаты трех республик.

На рассмотрение сессии было вынесено 10 вопросов, которые в основном, как и на первой сессии, касались координационной деятельности Межреспубликанского совета при осуществлении в республиках законодательной, экономической и молодежной политики [8]. Первыми на сессии обсудили вопросы об изменениях и дополнениях в устав и временный регламент Межпарламентского совета. Их необходимость выявились уже на первоначальном этапе работы Межпарламентского совета [5].

Особых разногласий не вызвало обсуждение проекта закона об основах правого положения (статуса) члена Межпарламентского совета. Было решено, что при определении правового положения члена Совета за базовый будет принят статус депутата парламента Адыгеи, который участники сессии сочли наиболее удачным для применения в данном случае.

Самое живое обсуждение вызвал доклад министра по делам молодежи, физкультуре и туризму Кабардино-Балкарской Республики Р. Фирова

«О координации деятельности законодательных и исполнительных органов власти Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики по совершенствованию молодежной политики». Повышенный интерес к теме был обусловлен тем, что в докладе речь шла о будущем республик, подрастающем поколении региона. Парламентарии, прежде чем выдвигать конкретные предложения по выработке единого подхода к решению проблемы, с озабоченностью говорили о последствиях радикальных реформ в России, которые наиболее пагубно сказались на молодежи. На сессии прозвучали самые разные предложения по данной проблеме. Одни доказывали необходимость воссоздания комсомола, другие высказывались против этого. Участники сессии в итоге пришли к пониманию необходимости выработки единых принципов, пригодных для формирования региональной молодежной политики.

На этой сессии продолжилось обсуждение проекта программы экономического (интеграционного) взаимодействия трех республик. Была достигнута договоренность о создании в каждой республиканской столице двух торговых домов, где будут представлены товары, производимые в двух соседних республиках. Рабочей группе во главе с министром экономики и торговли Кабардино-Балкарской Республики Б. Рахаевым было поручено доработать проект программы с учетом высказанных замечаний и предложений, как на сессиях совета, так и парламентами и правительствами республик. Немало споров вызвало предложение о создании единой газеты под эгидой Межпарламентского совета. В итоге решение этого вопроса было отложено.

На заседании президиума Межпарламентского совета Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, состоявшемся в г. Нальчике 22 октября, наряду с другими вопросами, была рассмотрена предполагаемая повестка дня очередной четвертой сессии Межпарламентского совета. Президиум Совета в целом одобрил предложения министра образования и науки Кабардино-Балкарской Республики М.К. Балкизова по написанию истории адыгов, карачаевцев и балкарцев, унификации алфавитов адыгейского и кабардино-черкесского языков, орфографии карачаево-балкарского языка.

Однако к концу 1998 – началу 1999 гг. подготовка к очередной сессии Межпарламентского совета фактически была приостановлена. Основными причинами тому послужили, во-первых, проводившиеся в стране радикальные реформы и последовавшие за ними кризисные явления, охватившие к тому времени практически все сферы общественной жизни в России. Они привели к резкому падению производства, разрыву традиционных экономических связей между предприятиями и регионами, дефолту, резкому обнищанию населения. Всё это явилось неблагополучным фоном

для реализации программы экономического (интеграционного) взаимодействия Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Усилия руководства трех республик оказались недостаточными для преодоления кризисов в экономике, обеспечения социальной защиты их населения, что было на руку противникам установления устойчивых межпарламентских связей.

Во-вторых, экономический кризис в стране разворачивался на фоне осложнявшейся этнополитической ситуации в ряде регионов России. Северный Кавказ к тому времени стал узлом острых противоречий. Военные действия в Чечне, Абхазии, конфликт между Ингушетией и Северной Осетией из-за спорных территорий серьезно осложнили политическую жизнь в регионе и в России в целом.

В-третьих, неспокойно складывалась внутренняя этнополитическая ситуация в самих республиках, входящих в Межпарламентский совет. Не до конца решенным оставался вопрос о полной реабилитации депортированных карачаевского и балкарского народов в период Великой Отечественной войны, а также казачества, подвергшегося репрессиям после революционных событий 1917 г.

Наконец, следует отметить активизацию к концу 1999 г. деятельности противников создания Совета. К тому времени выступления ряда депутатов и депутатских групп Народного собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики, отдельных активистов, руководителей национальных общественных объединений, высказывавших негативное отношение к идее установления межпарламентских связей трех республик, приобрели более организованный и целенаправленный характер. Их главным аргументом стало утверждение о том, что создание Межпарламентского совета – это начало воплощения в жизнь идеи о воссоздании Великой Черкесии от моря и до моря [2; 4; 9].

Источники и литература

1. *Аристова А.* Интеграция: первые шаги. Со второй сессии Межпарламентского Совета // День республики. 1998. № 60 (15183). 28 мая.

2. *Байрамуков У.З.* Что посеешь, то и пожнешь, или глазами очевидца // Новая жизнь. 1999. № 2. 3 августа.

3. *Баскаев А.* Межпарламентское сотрудничество // День республики. 1998. № 57 (15480). 21 мая.

4. *Даутоков И.* От Бековича до Дерева // Визит. 1999. 24 марта.

5. *Джанкёзов М.* Крепить федерализм изнутри // День республики. 1998. № 139 (15562). 28 ноября.

6. *Крылов Д.* Стратегическая цель – повышение благосостояние народов // День республики. 1998. № 57 (15480). 21 мая.

7. Об утверждении Договора об образовании Межпарламентского совета Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики. URL: https://docs.cntd.ru/document/802053334 (дата обращения: 20.09.2023).

8. Сессия Межпарламентского Совета // День республики. 1998. № 138 (15561). 26 ноября.

9. *Чомаев К.* Зачем нас тянут в Бермудский треугольник? // Карачаево-Балкарский мир. 1998. Сентябрь.

А.З. Адиев

БУДУТ ЛИ КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ДАГЕСТАНА ВКЛЮЧЕНЫ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СПИСОК?

В 2000 г. вслед за принятием федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [5] был утвержден единый перечень коренных малочисленных народов России [3] (далее – КМН), куда так и не вошли КМН Республики Дагестан (далее – РД). При этом в самой РД в том же году официально в перечень КМН Дагестана были включены 14 народов (в данной работе в связи с опорой на официальную терминологию понятия «народ» и «национальность» используются как синонимы понятий «этнос», «этническая группа»): аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-аккинцы [2]. Этот список народов руководством республики и был представлен в Правительство РФ для включения в единый перечень КМН России. Но ни по списку, ни по отдельности ни один из представленных народов Дагестана не был включен в федеральный список КМН России. Не попали в соответствующий перечень и другие (в том числе бесписьменные) дагестанские этнические общности. Периодически эту проблему (не включенность своего народа в федеральный список КМН России) поднимают активисты, выступающие от имени тех или иных дагестанских этнических общностей, которые уверены в том, что их народ (этническая общность) подпадает под определение КМН России. Однако руководство республики предпочитает обходить этот вопрос стороной, не забывая при этом подчеркивать, когда это выгодно, уникальную этнокультурную пестроту Дагестана. В чем сложность проблемы включения дагестанских этносов в федеральный список КМН России и каковы перспективы решения этого вопроса?

Для того чтобы разобраться в этом, в первую очередь необходимо обратиться к федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных

народов Российской Федерации», в котором определены основные понятия [5]. Под КМН России в данном документе понимаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в РФ менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Также в законе указано, что, учитывая уникальность этнического состава населения РД по числу проживающих на ее территории народов, высшее должностное лицо РД определяет количественные и иные особенности ее КМН, а также устанавливает список этих народов с последующим включением его в единый перечень КМН РФ.

Собственно, ссылаясь на данный пункт в федеральном законе, руководство РД сформировало список КМН республики, куда вошли 14 народов, большинство из которых не соответствуют критериям, изложенным в определении КМН России. В дагестанский список КМН вошли русские, аварцы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, табасаранцы, ногайцы и чеченцы-аккинцы, численность которых явно превышает установленный для КМН России лимит в 50 тыс. человек. Некоторые из этих народов Дагестана явно не проживают на территориях традиционного расселения своих предков, не сохранили традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы. Из представленного в федеральный центр руководством республики списка КМН Дагестана под формальное определение КМН России потенциально подпадают лишь четыре общности – это агулы, рутульцы, таты и цахуры. Если в отношении этнического самосознания и численности (менее 50 тыс. человек) этих народов никаких вопросов не возникает, то живут ли их представители на землях традиционного расселения своих предков, сохраняя традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, – вопрос сложный. Этот комплекс содержательных критериев отнесения народов к КМН России ярко проявляется и обосновывается по отношению к этническим общностям Севера, ввиду их особого образа жизни, обусловленного традиционными занятиями и промыслами (оленеводство, охота, рыболовство и собирательство), которые неотделимы от территорий их расселения и экосистемы [1: 21].

Руководствуясь формальным определением КМН России, можно было бы составить более корректный список КМН Дагестана для последующего их включения в федеральный перечень. В него вошли бы 20 этнических общностей, четыре из которых (агулы, рутульцы, таты и цахуры) представлены в официальном списке КМН Дагестана, но так и не были включены в федеральный список. Остальные 16 – это бесписьменные этнические общности Дагестана, которым в советские годы было отказано в самостоятельном статусе этносов (национальностей), и они рассматривались

властями как субэтнические группы в составе аварского и даргинского этносов.

Почему же республиканские власти направили в федеральный центр для включения в единый перечень КМН России столь некорректный список КМН Дагестана? Если обратиться к истории вопроса, важно отметить, что в досоветском Дагестане выделялись не столько этнические группы (этносы), сколько джамааты – отдельные атомарные политические образования полисного типа (общины и союзы общин). Как пишут В.А. Тишков и Э.Ф. Кисриев, «современные дагестанские этнические группы складывались сверху как результат принимаемых органами власти решений по установлению научно обоснованной номенклатуры национальностей и их регистрации в актах гражданского состояния и в ходе переписей. Конечно, при этом принимались во внимание этнографические характеристики и существующие среди населения идентификации» [4: 98].

К концу советского периода в Дагестане установилась номенклатура из 14 национальностей, чьи языки приобрели статус письменных, а сами эти этносы и их численность учитывались при формировании представительства народов в органах власти и управления. Если в советские годы такое положение вещей не вызывало особых противоречий, то в 1990-е гг., когда этничность превратилась в серьезный ресурс в конкуренции за власть и стала одним из главных факторов легитимации власти в глазах полиэтничного дагестанского общества, начался всплеск активности представителей малых по численности этнических групп, отстаивающих права и интересы своих общностей, которые не признавались дагестанскими властями как самостоятельные этносы и не входили в номенклатуру национальностей Республики Дагестан.

Таким образом, в начале 1990-х гг. в РД были установлены правила игры в политике, учитывающие этнический фактор. Конституция РД 1994 г. закрепила учет этничности в политике. Был образован уникальный высший коллегиальный орган исполнительной власти – Государственный совет РД, куда на паритетных началах выбирались 14 человек с обязательным условием: не более одного представителя от одной национальности. О каких именно национальностях идет речь – нетрудно догадаться. Параллельно с этим паритетным принципом учета этничности (национальности) использовался и принцип формирования парламента РД – Народного собрания РД, пропорциональный численности этих этнических групп.

Учет этничности в постсоветские годы стал краеугольным камнем региональной политической системы, направленной на сохранение этнополитической стабильности и территориальной целостности РД. Некоторые из региональных этнополитических движений в первые постсоветские годы добивались пересмотра традиций этнического представительства

во власти, которые сформировались в послевоенные годы и означали доминирование аварцев и даргинцев. Наиболее радикально настроенные «этнопартии» стремились к федерализации самой РД, а то и вовсе к выходу из его состава с образованием отдельного субъекта РФ. В условиях учета этничности в политике одним из главных формальных аргументов в пользу сохранения единой этнополитической конструкции под названием РД стала численность дагестанских этнических групп. В.А. Тишков и Э.Ф. Кисриев указывают, что консерватизм и озабоченность стабильностью касались сложившейся системы распределения власти между 14 этническими группами при доминировании двух самых крупных по численности групп – аварцев и даргинцев. Никаких новых претендентов на место в дагестанской этнополитической системе не должно было появляться. Также нежелательно было и перераспределение внутренней иерархии между 14 этническими группами, которое зависело, прежде всего, от численности каждой из них [4: 101].

Поскольку в Государственном совете РД и при формировании депутатского корпуса Народного собрания в расчет принимались именно 14 этнических групп, то с середины 1990-х гг. в среде этнических активистов нестатусных групп (андийцев, дидойцев и др.) стали возникать требования выделиться в отдельную национальность. И проблема определения этнического статуса начала приобретать политическую значимость. В результате в республике среди представителей малочисленных этнических групп, относящихся к наиболее крупным дагестанским этносам, появились и начали укрепляться движения за приобретение самостоятельного этнического статуса.

Учет и распределение властных и управленческих ресурсов между представителями 14 этносов – это сложная задача. Но ситуация могла усложниться еще больше, если бы в распределении властных позиций в Дагестане участвовали и те общности, которые в рамках советской национальной политики оказались включены в состав аварского и даргинского народов. Пришлось бы соблюдать представительство и баланс интересов гораздо большего числа этнических групп. В частности, и поэтому руководство республики стремилось сохранить негласную этническую номенклатуру Дагестана в неизменном виде.

Важным инструментом сохранения статус-кво в Дагестане стала всероссийская перепись населения. Результаты переписей 2002 и 2010 гг. фиксировали динамичную стабильность в пропорциях численностей основных этнических групп РД. В последние годы высшие должности в РД неизменно доставались представителям трех самых крупных по численности народов – аварцам, даргинцам, кумыкам. Политическое руководство РД, состоявшее в основном из представителей перечисленных этнических групп, стремилось сохранить статус-кво, аргументируя свой консерватизм в вопросе о непризнанном статусе малочисленных этнических общностей риском

дестабилизации политической обстановки в регионе. И это работало, потому что приоритетом федерального центра, безусловно, являются вопросы национальной безопасности и незыблемости конституционного строя.

Именно на таком восприятии вопроса в Москве и настаивали дагестанские власти. Но вся эта сложная конструкция стала демонтироваться в 2000-е гг., когда региональное законодательство начали постепенно приводить в соответствие с федеральным. Был упразднен Государственный совет РД, переписана Конституция РД, откуда убрали этнополитическую специфику, и учет этнического фактора в местной политике стал неформальным институтом, а традиция нахождения на трех высших постах управления республикой (главы РД, председателя правительства РД и председателя Народного собрания РД) представителей трех самых крупных по численности этносов Дагестана (аварцев, даргинцев и кумыков) была нарушена в 2017 г. с назначением Владимира Васильева исполняющим обязанности главы РД. С этих пор аргументы, которые дагестанские власти доносили до федерального центра, постепенно уходят в прошлое и вопрос о статусе КМН Дагестана (почему их до сих пор нет в федеральном списке), вероятно, снова будет актуализирован. Важно дать назревающей дискуссии о КМН Дагестана конструктивное направление. Будущее Дагестана – в снижении значимости этнического фактора в политике и в признании этнокультурного разнообразия при одновременном поощрении общероссийской идентичности.

Источники и литература

1. Государственная национальная политика Российской Федерации: учебное пособие для специалистов в сфере национальных и религиозных отношений / В.А. Тишков, В.В. Степанов, Е.А. Пивнева и др. М., 2020.

2. Постановление Государственного Совета Республики Дагестан от 18.10.2000 № 191 «О коренных малочисленных народах Республики Дагестан». URL: https://docs.cntd.ru/document/473101930?section=text (дата обращения: 01.09.2023).

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: https://docs.cntd.ru/document/901757631?section=text (дата обращения: 01.09.2023).

4. *Тишков В.А.*, *Кисриев Э.Ф.* Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96–115.

5. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 01.09.2023).

С.Ю. Иванова

ПОЗИТИВНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ[1]

В условиях существования угроз стабильности и безопасности российского общества приоритетным направлением гуманитарных исследований становится изучение способов противодействия разжиганию межэтнической напряженности в том числе с использованием культуротворческих практик. Высокий конфликтный потенциал общества, напряженность в межэтнических, межнациональных, межкультурных взаимоотношениях провоцируют вспышки нетерпимости, экстремизма и другие негативные явления. На повестку дня выходит вопрос о накоплении, обобщении и распространении опыта позитивных практик в управлении этнонациональными процессами и урегулировании конфликтов в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа. Использование социокультурной методологии при исследовании проблем региональной безопасности и стабильности на Северном Кавказе в третьем десятилетии XXI в. дает возможность проследить общее и особенное в практике повседневного взаимодействия людей, которая исследуется с точки зрения социального и / или культурного дискурсов.

Усиление интегративной функции культуры в целях противодействия экстремизму и разжиганию межнациональных конфликтов должно разрабатываться с учетом следующих задач:

– информационно-просветительская деятельность среди граждан, разоблачающая деструктивные установки экстремистской идеологии;

– поддержка и контроль мероприятий по информационно-идеологическому противодействию экстремизму;

– эффективная работа по профилактике экстремизма в молодежной среде, в религиозных объединениях;

– поддержка и продвижение идеи общероссийской идентичности и других консолидирующих общество постулатов.

В Северо-Кавказском федеральном округе (далее – СКФО) накоплен значительный опыт по организации и проведению мероприятий, направленных на консолидацию полиэтничного и поликонфессионального сообщества граждан, проживающих в регионе. Помимо всероссийских акций и событий в республиках РФ, в СКФО проводятся традиционные и разовые

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100306-9.

мероприятия, направленные на сохранение культурных и исторических традиций, а также на взаимный обмен и ознакомление друг с другом представителей северокавказских культур. Вместе с тем развитие ситуации свидетельствует, что многие ранее апробированные методы работы демонстрируют исчерпанность конструктивного потенциала. Требуется систематизация позитивного опыта, оценка эффективности проводимой работы, отбор инновационных практик.

Далее рассмотрим ряд социальных практик и культурных мероприятий, проведенных в 2022–2023 гг., которые могут быть реализованы во многих полиэтничных субъектах страны. Например, традиционным направлением деятельности по укреплению межнационального согласия в Республике Северная Осетия – Алания (далее – РСО–А) остается сотрудничество с диаспорами и землячествами. Важное место отводится мероприятиям по реализации государственной функции сохранения, укрепления и развития этнокультурных связей с осетинскими землячествами, зарубежной диаспорой. Совместно с международным общественным движением «Высший совет осетин» осуществляет разносторонние контакты с представителями землячеств на территории Российской Федерации и осетинской зарубежной диаспоры. 18 мая 2022 г. в Республиканском Дворце молодежи завершился VI Международный конкурс «Мир танца». Организаторами стали Комитет РСО–А по делам молодежи совместно с Дворцом молодежи республики. В конкурсе приняли участие 26 коллективов, два из которых представляли Южную Осетию. Это мероприятие способствовало укреплению этнической идентичности и объединению молодых людей с помощью искусства [3].

В Республике Северная Осетия – Алания действует Аланское республиканское окружное казачье общество, входящее в состав Терского войскового казачьего общества. Издательский дом «Терские ведомости» выпускает газету «Терский казак», на страницах которой размещается информация о жизни североосетинского казачества, его роли в общественно-политической жизни республики и региона. Введен в действие новый интернет-ресурс «Казаки Осетии», традиционно проводятся Дни казачьей культуры. В 2022 г. Дни были приурочены к 445-й годовщине основания Терского казачьего войска. На торжественном открытии присутствовали представители казачьих организаций, национально-культурных центров, горожане и гости Северной Осетии [5]. Множество мероприятий и культурных событий свидетельствует о поддержке казачества в республике и его активной роли в реализации национальной политики на региональном уровне.

Республиканские органы власти совместно с общественными организациями и НКО активно принимают участие в реализации межрегиональных и кросс-культурных проектов, направленных на сплочение российской нации. В Моздоке 11 июня 2022 г. проведен межрегиональный

краеведческий фестиваль «Страницы истории Кабардино-Балкарии», приуроченный ко Дню России. Цель мероприятия – сохранение исторической памяти, развитие межрегионального сотрудничества, укрепление единства многонационального народа Российской Федерации [6].

В республике большое внимание уделяется сохранению русского языка. С 3 по 12 июня 2022 г. в Национальной научной библиотеке Северной Осетии традиционно прошла Декада Пушкинской литературы «Пока в России Пушкин длится…», посвященная Дню русского языка. Интересным и познавательным стало мероприятие с учителями русского языка и литературы, особенно лекция «Интегрирование уроков русской и осетинской литератур», беседа на тему «Пушкин и Осетия»; прошло чтение посвященных Пушкину стихов осетинских поэтов, переводивших произведения великого классика. Мероприятие было направлено на сохранение русского языка в республике и интереса к классической отечественной литературе, которые всегда определяли общие духовные и нравственные ориентиры народов Российской Федерации, помогали сохранять российский культурный код и передавать его новым поколениям [4].

Подобные мероприятия создают условия для дальнейшего развития международного и межрегионального культурного сотрудничества, сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Северного Кавказа. Поддержка талантливой молодежи, а также презентация самобытной народной культуры укрепляет межкультурную коммуникацию. В основе творческих проектов – преемственность традиций, которая обеспечивается профессионализмом, художественной интерпретацией и пропагандой классического музыкального и театрального искусства, а также самобытного фольклора народов Северного Кавказа.

Подобные практики широко распространены и в других субъектах РФ в составе СКФО. Так, в рамках празднования 100-летия г. Черкесска с 29 по 31 июля 2022 г. в столице Карачаево-Черкесии проходил Всероссийский фестиваль «Навеки с Россией» с участием творческих коллективов из регионов Российской Федерации, а также из ближнего зарубежья. На одной сцене выступали коллективы из Ингушетии, Чечни, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Северной Осетии – Алании, Казахстана, Волгоградской и Ростовской областей. Лучшие фольклорные, хореографические и вокальные группы демонстрировали культуру, обычаи и традиции своих народов [2]. Развитие межрегионального сотрудничества в подобных формах в СКФО укрепляет межэтническое согласие и единство российского народа.

В Кабардино-Балкарской Республике функционируют 68 национальных общественных объединений, в том числе 14 национально-культурных центров, а также 13 казачьих обществ (реестровое казачество), входящих в состав Терско-Малкинского окружного казачьего общества, и семь казачьих

общественных организаций, главная цель которых – сохранение этнической культуры, родного языка, традиций и самобытности, вовлечение этнических групп в социокультурное пространство региона. В республике зарегистрировано 191 религиозная организация, в том числе 136 мусульманских, 23 православных, одна иудейская, одна армянская, три римско-католических, 27 протестантских, функционируют 150 мечетей, 20 православных церквей, один монастырь, четыре храма-часовни, одна синагога, 25 протестантских и три римско-католических молельных дома [8].

В целях вовлечения общественности, представителей НКО, национальных и духовных лидеров в реализацию государственной национальной политики в республике сформированы консультативные органы: Общественная палата, Правительственная комиссия по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений, рабочая группа по делам казачества при Правительственной комиссии по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений в Кабардино-Балкарии.

Органами исполнительной власти, местного самоуправления совместно с институтами гражданского общества республики проводится значительная работа по реализации мероприятий, предусмотренных «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и государственной программой республики «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества».

В Кабардино-Балкарии выявлены позитивные практики во взаимодействии органов власти с национальными общественными организациями, национальными культурными центрами, казачьими обществами и общинами, религиозными организациями. В 2022 г. проводились мероприятия федерального уровня. С 21 по 27 февраля 2022 г. проходила Всероссийская акция Tolles Diktat, организованная в форме диктанта по немецкому языку для всех желающих. Подобные мероприятия расширяют возможности для молодежи, интересующейся изучением иностранных языков и культур. Акция приурочена к Международному дню родного языка, который учрежден ЮНЕСКО.

18 марта 2022 г. состоялись праздничные мероприятия, посвященные годовщине присоединения Крымского полуострова к Российской Федерации и собравшие более 2,5 тыс. человек. В мероприятии приняли участие представители общественных организаций, национально-культурных центров, студенческой молодежи. 24 мая 2022 г. Министерством по делам национальностей и общественным проектам Кабардино-Балкарии при содействии Государственной национальной библиотеки Кабардино-Балкарской Республики имени Т.К. Мальбахова проведено просветительское мероприятие, посвященное Дню славянской письменности и культуры. Цель его – укрепление межэтнических связей, а также сохранение

и поддержка русского языка как языка межнационального общения. День славянской письменности и культуры напоминает о важности развития межкультурного, межнационального диалога для построения дальнейших гармоничных взаимообогащающих отношений между представителями многонационального сообщества Кабардино-Балкарии [1]. В рамках празднования Дня России 12 июня 2022 г. на площади Согласия состоялся праздничный концерт, в ходе которого прошла акция по распространению российской государственной символики. Подобные интегративные проекты укрепляют гражданскую идентичность в республике.

Деятельность органов власти в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений носит преимущественно проектный характер и характеризуется использованием не только стандартных форматов, но и широким использованием современных информационных технологий, (например, проект «Интерактивная панорама православных храмов Кабардино-Балкарской Республики»). Важно, что ведется поиск новых, привлекательных для молодежи, форм соблюдения многовековых традиций. Так, в мае 2022 г. состоялся проект «Куначество – 2022». В течение недели, находясь в принимающих семьях другой национальности, ребята знакомились с их укладом жизни и традициями. За это время участники не только обрели новых друзей в других муниципальных районах, но и изучали культуру и язык другого народа, особенности быта, готовили национальные блюда. Семьи принимающих сторон, администрации районов и руководство школ организовали максимально комфортное проживание кунаков с посещением культурно-исторических мест и достопримечательностей [7].

К мероприятиям, направленным на социокультурную консолидацию в Республике Дагестан, относятся проекты, акции, мероприятия, а также празднование памятных для Дагестана дат. Республиканские проекты очень разноплановые: возрождение промысла каспийской кильки, семинар для учителей истории Дагестана и гидов-экскурсоводов об истории Кавказской войны, выставки, посвященные Кавказу, республиканское родительское собрание, молодежный культурный квест, гастрономический фестиваль Food-StreetDag-2022, Международный фестиваль фольклора и традиционной культуры «Горцы», Международный межрелигиозный молодежный форум, выставочный проект «Дагестанская мадонна», молодежный форум общественных сил «Za Дагестан», фестиваль-форум «Живые традиции», конкурс видеороликов «Мой Дагестан», республиканский конкурс «Народов много – страна одна», фестиваль «Дети Кавказа за мир на Кавказе», республиканский форум «Я люблю Россию!» и др. В республике проводится много спортивных мероприятий.

Мероприятий, направленных непосредственно на поддержание и развитие самобытной культуры народов Дагестана, относительно немного.

Например, это конкурс чтецов на лезгинском языке «Люблю я Родину свою», специальный проект по сохранению и развитию этнокультурного многообразия Дагестана, выставка кайтагской вышивки, Республиканский форум национальной культуры «Шавла», День дагестанской культуры и языков, акция «Диктант на языках народов Дагестана» и др.

В области культурной политики необходимо сохранение и пропаганда историко-культурной традиции сосуществования северокавказских сообществ как полиэтничного и поликонфессионального целого, имеющего собственные общественно-политические и социокультурные практики. Важно закрепление и продвижение позиций русского языка и русской культуры в образовательном пространстве поликультурного макрорегиона для успешной социализации и самореализации молодежи, что особенно актуально с учетом трудоизбыточности Северного Кавказа, высокого естественного прироста населения в восточных республиках региона и неизбежного оттока населения, прежде всего молодежи, в трудонедостаточные регионы России. В области политики памяти остаются актуальными поиски компромиссного видения общего исторического прошлого России и Северного Кавказа. В этом контексте целесообразно расширить устоявшиеся рамки восприятия истории Северного Кавказа в перспективе всей российской истории и расширить эту историческую панораму за счет позитивно ориентированных конструкций исторического прошлого, способных оптимизировать политику памяти и культурную политику в регионе.

Источники и литература

1. 24 мая 2022 года в Государственной национальной библиотеке КБР имени Т.К. Мальбахова проведено просветительское мероприятие, посвященное Дню славянской письменности и культуры. URL: https://minnac.kbr.ru/news/24-maya-2022-goda-v-gosudarstvennoy-natsionalnoy-biblioteke-kbr-imeni-t-k-malbakhova-provedeno-prosvetitelskoe-meropriyatie-posvyashchennoe-dnyu-slavyanskoy-pismennosti-i-kultury.html (дата обращения: 05.07.2023).

2. В Карачаево-Черкесии прошел Всероссийский фестиваль фольклора «Навеки с Россией». URL: https://www.riakchr.ru/v-karachaevo-cherkesii-proshel-vserossiyskiy-festival-folklora-naveki-s-rossiey-/ (дата обращения: 05.07.2023).

3. *Дарчиева Ю.* Праздник молодости и танца // Северная Осетия. 2022. 18 мая. URL: http://sevosetia.ru/Article/Index/532495 (дата обращения: 05.07.2023).

4. Декада Пушкинской литературы в Национальной библиотеке. URL: https://nnbrso.ru/templates/archive/2022/6/events/3_06.php (дата обращения: 05.07.2023).

5. *Камбегова А.* В лучших традициях // Северная Осетия. 2022. 22 июля. URL: http://sevosetia.ru/Article/Index/543872 (дата обращения: 05.07.2023).

6. Межрегиональный краеведческий фестиваль «Страницы истории Кабардино-Балкарии». URL: https://museum-kbrglav.ru/publications/mezhregionalnyj-kraevedcheskij-festival (дата обращения: 05.07.2023).

7. Республиканский молодежный проект «Куначество – 2022». URL: https://nalchik.bezformata.com/listnews/molodezhniy-proekt-kunachestvo/105001862/ (дата обращения: 05.07.2023).

8. Согласие в многонациональной республике требует постоянной работы государства и общества. URL: https://www.oprf.ru/news/soglasie-v-mnogonatsionalnoy-respublike-trebuet-postoyannoy-raboty-gosudarstva-i-obshchestva (дата обращения: 12.11.2022).

Раздел 3
Социально-экономические и демографические процессы на Кавказе в XIX–XX вв.

И.В. Торопицын

СОЛТАНАУЛЬЦЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ 1740-х гг.

В ходе Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. в российское подданство были приведены крупные племенные группы малых ногайцев. О дальнейшей их судьбе известно немного. В историографии упоминается, что они были расселены на Северном Кавказе, постоянно стремились бежать из России, из-за чего их перевели сначала к Астрахани, а потом выселили в Казанскую губернию [7: 173–176; 6: 14; 12: 31–33; 1: 89–95]. Каких-либо подробностей, связанных с пребыванием ногайцев Малой орды в российском подданстве, встречается мало. Отсутствуют сведения об их социальной структуре и повседневных занятиях, односторонне представлена их политическая ориентация на союз с Крымским ханством. Не освещена политика России в их отношении. Нет даже единой оценки численности ногайцев, оказавшихся по ходу Русско-турецкой войны в российском подданстве.

Так, П.Г. Бутков пишет, что в 1736 г. в российское подданство были приняты две крупные ногайские группы Солтан-Улу и Каспулат-Улу. Их численность он указывает неопределенно в «10 т.», не уточняя человек или кибиток. При этом пишет, что в 1738 г. из российских владений на Северном Кавказе обратно на Кубань бежало 700 кибиток солтанаульцев и каспулатовцев [7: 173]. С.И. Алиева в своем исследовании также оперирует понятием «кибитка», а не «человек». Она пишет, что калмыки, совершив бросок за Кубань, настигли в верховьях р. Уруп «ногайцев Новруз-улу

(5 тыс. кибиток)». Описывая события, произошедшие в верховьях р. Зеленчук, автор указывает, что в тесном ущелье от калмыков укрылись «10 тысяч кибиток Солтан-улу» [1: 89]. З.Б. Кипкеева дает более подробные сведения, указывая, что в ходе военной кампании 1736 г. в плен к калмыкам в верховьях р. Уруп попало 20 тыс. ногайцев-наврузовцев (в основном женщин и детей). После разорения калмыками резиденции кубанского сераскира в низовьях Кубани и окружения крепостей Темрюк и Ачуев кубанские татары и ногайцы-джетишкульцы обратилось в бегство, при этом 10 тыс. из них впоследствии было захвачено в плен. В верховьях р. Зеленчук, по ее сведениям, калмыки и кабардинцы осадили в горном ущелье 10 тыс. ногайцев-солтанаульцев, которые после 37 дней осады сдались им в плен [12: 31]. Однако из ее труда не ясно, где оказались все взятые в плен ногайцы. Сообщая о захвате в плен после разгрома низовьев Кубани 10 тыс. «татар», она пишет: «добыча только калмыков, не считая русских, составила 20 тысяч лошадей» [12: 31], из чего можно сделать вывод, что пленные «татары» (ногайцы-джетишкульцы) могли достаться не только калмыкам.

Таким образом, сколько всего ногайцев вошло в ходе Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. в российское подданство, до сих пор точно неизвестно. В определенной степени это обусловлено тем, что российские власти не контролировали их, перепоручив этот вопрос калмыцкому хану.

Нам уже доводилось обращаться к теме взаимоотношений России и Малой Ногайской Орды [16; 17], но лишь новые источники позволяют внести некоторую ясность в вопросы, связанные с пребыванием солтанаульцев в российских владениях. Они свидетельствуют, что, оказавшись в ходе Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. в составе России, представители Малой Ногайской Орды старались сохранить свою социально-политическую систему, в основе которой была принадлежность к определенным племенным группам. Это видно из персонального состава их посланцев в 1741 г. к императорскому двору, в числе которых были указаны: «казбулатовой фамилии Мусы мурзы троюродный брат Туган Ураков, салтанаульской фамилии Муратчи мурзы двоюродный брат Казбулат, абдулловой фамилии Юштерека мурзы родной брат Калмамбет» [9: 111 об.].

Впрочем, российские власти предпочитали всех ногайцев, находящихся на Северном Кавказе в российской «протекции», называть солтанаульцами, не выделяя особо другие группы. По всей видимости, это было связано с тем, что мурзы солтанаульцев контролировали более многочисленные аулы и пользовались наибольшим влиянием среди ногайцев. Со временем тенденция обозначать всех ногайцев, оказавшихся в российском подданстве, в качестве солтанаульцев стала общераспространенной. Так, кубанский султан Саадет-Гирей в ходе переговоров с российскими властями в 1743 г. отмечал: «числятся у салтанаульцев четыре фамилии. 1-я казбулатовы,

от которых главный Муса мурза, 2-я наурусовы, у которых старший Мансур мурза, 3-я манготовы, у которых де старший мурза Муратча, 4-я салтансовы» [4: 171].

Во главе ногайского общества находились мурзы, которые управляли своими улусами, состоящими из рядовых общинников, проживавших в аулах. Достаточно высокое положение в кочевом обществе занимали представители мусульманского духовенства. Один из них, например, в составе посольства солтанаульских мурз участвовал в Санкт-Петербурге в переговорах с российским двором [16: 107]. Помимо них следует упомянуть достаточно многочисленную прослойку бесправного населения, которую составляли пленные или купленные «ясыри». Например, у вдовы солтанаульского мурзы Муратчи было в услужении три «ясырки» [3: 1 об.]. Отдельную категорию населения составляли тумы, которых мурзы определяли как своих домашних уроженцев, права на которых передавались им по наследству от предков [5: 2].

Ногайцам было позволено сохранить свое имущество. Причем это касалось не только скота, с которого они должны были ежегодно уплачивать калмыцкому хану по одной голове с семьи [7: 173]. Перейдя в российское подданство, но находясь вдали от российских властей, ногайцы продолжали удерживать у себя пленных, в том числе и захваченных ранее в России. Их судьба рассматривалась на переговорах солтанаульских мурз с российскими властями [17: 107]. В июле 1742 г. Астраханская губернская канцелярия вынуждена была написать на Дон войсковому атаману Д. Ефремову, комендантам Царицына и Кизляра, чтобы там не удерживали некрещеных пленников, выходящих от солтанаульцев. При этом убегавших от них невольников-христиан передавать обратно запрещалось. Был установлен также запрет на прием в российских городах выходцев из ногайского плена, придерживавшихся «других законов, ежели креститься не хотят» [8: 82].

В основе экономики солтанаульцев лежало скотоводство и производство товаров сельского хозяйства. Они, в частности, выращивали зерновые культуры, заготавливали на зиму сено, занимались рыболовством. О том, насколько большое значение имело для них потребление хлеба, свидетельствует факт обращения летом 1743 г. солтанаульских мурз к кизлярскому коменданту с просьбой разрешить им отправить людей на подводах «в те места, где они при Кабарде жили, для забрания оставшаго спрятанного ими в ямах хлеба, представляя, что в том имеют великую нужду» [3: 1 об.].

Находясь на Северном Кавказе, солтанаульцы поддерживали торговые связи с соседними народами. Сами пригоняли на продажу скот и привозили свои товары в Кизляр и в городки гребенских казаков. Российские власти предоставили им возможность осуществлять такую торговлю без уплаты пошлин, по аналогии с калмыцким торгом, особенность которого

состояла в том, что торговые пошлины уплачивали не калмыки-продавцы, а купцы – покупатели их товара [8: 82].

Оказавшись в России, солтанаульцы были вынуждены подчиняться новым законам. Мурзы выдали аманатов – политических заложников из числа близких родственников. Впрочем, как показали дальнейшие события, это не остановило их от побега из России. В 1740 г. мурзы Мансур и Арасланбек, оставив в Кизляре своих детей-аманатов, вместе со 100 кибитками бежали на Кубань [7: 174; 15: 71–72; 16: 335].

Демонстративный побег вынудил российские власти обратить более пристальное внимание на ситуацию в ногайских аулах и перейти к налаживанию политического диалога с оставшимися мурзами. После смерти марте в 1741 г. калмыцкого хана Дондука Омбо вопрос контроля над ними приобрел еще большую актуальность. Коллегия иностранных дел неоднократно напоминала астраханским властям о необходимости «удобовозможным способом салтанаульских татар в подданстве удержать, толь наипаче в нынешнее время пока с турки разграничения земель еще не окончено» [9: 290 об.].

В апреле 1741 г. на Северный Кавказ прибыл майор К. фон Цейдер, которому Коллегия иностранных дел поручила склонять солтанаульских мурз к верности российскому престолу. Проводя эту работу, К. фон Цейдер щедро угощал солтанаульскую знать водкой, вином, чихирем, чаем, кофе, сахаром и прочими съестными припасами. Для тех же целей одаривал мурз восточными тканями (холстом, бязью и бурметью), которые покупал в Кизляре [9: 343 об.]. В итоге ему удалось не только добиться от них отправления посланцев к российскому двору, но и отговорить отдельных мурз от ухода из России. Из Астрахани сообщали в Санкт-Петербург, что «некоторые мурзы пошли было на Кубань, но по его увещеваниям и склонениям как чрез горских владельцев, так и чрез них салтанаульских мурз приведены в состоянии и в воспокойность и те мурзы со аулами паки возвращены в протекцию» [9: 344 об.].

Летом 1741 г. в столицу России было направлено солтанаульское посольство [17: 107]. Пока оно добиралось до российской столицы, на Северном Кавказе активизировались их соплеменники, бежавшие на Кубань. После отправки солтанаульских посланцев в Астрахань кизлярский комендант писал о появившихся слухах о движении крымского и кубанского войска на солтанаульцев. Известившие коменданта об этом черкасские владельцы сообщали, что они «салтанаульцов к безопасности ввели внутрь Малка». «А ныне последним рапортом объявлено, – констатировал князь М.М. Голицын, – будто в приходе была к ним салтанаульцам с прежде ушедшими на Кубань двумя мурзами крымцов 500 человек и взяли у них салтанаульцев тех ушедших мурз родственников якобы девяти дворов, а более вреда им салтанаульцам не учинилось» [9: 291].

С начала 1742 г. до российских властей вновь стали доходить слухи о готовящемся уходе солтанаульцов на Кубань. Информация об этом исходила как от мурз, так и от простого народа, и даже от пленников. «Для взятья оных намерены быть с войском кубанский сераскир, також и уходцы от салтанаульцов мурзы», – сообщал кизлярский комендант [10: 37]. 20 января из Астрахани дали указание в Кизляр отправить для удержания солтанаульцев от побега воинскую команду. В случае сопротивления с их стороны она должна была поступать с ними как с изменниками [10: 50–50 об.]. 22 марта кизлярскому коменданту предписали «секретно их салтанаульцов обнадежить, что они высочайшей Ея императорского величества милостью оставлены не будут, и как они прежде калмыцкому хану подати платили тем Ея императорского величество за верность их пожалует и оных податей брать не допустит» [10: 46].

Тем временем на Северном Кавказе концентрировались кубанские войска с целью оказать содействие солтанаульцам в переходе на свою сторону. Из рапорта капитана Мясоедова в Астрахани 2 апреля узнали, что «по известиям» кубанский сераскир стоит в вершинах р. Кумы и намерен идти с войском в Кабарду для подзыва солтанаульцов на Кубань. К находившимся в его распоряжении 300 воинам пришло еще 2000 человек «кубанского войска» во главе с султаном Казылбеком. Понимая, что имеющихся в солтанаульских аулах российских сил недостаточно, чтобы предотвратить их уход, губернатор В.Н. Татищев приказал кизлярскому коменданту при появлении кубанского войска вступить с его командующим в переговоры с целью убедить отказаться от замысла увести солтанаульцев. Их самих обнадежить «высочайшею Ея императорского величества милостию», а в случае побега препятствовать соединению солтанаульцев с кубанцами, но в бой с кубанским войском не вступать [10: 50 об.–51].

В результате предпринятых с российской стороны мер к лету 1742 г. обстановка вокруг солтанаульских аулов разрядилась. Собранное «для взятья салтанаульцов» кубанское войско «по воспрещению крымского хана» вернулось домой [13: 114–114 об.]. Но уже в сентябре 1742 г. часть солтанаульских аулов во главе с Муса-мурзой смогла убежать на Кубань. Астраханский губернатор В.Н. Татищев докладывал в Санкт-Петербург, что после этого побега зимовать на р. Малке и в некоторых других местах остались солтанаульские Бий-мурза, Муратча-мурза и Азамат-мурза с некоторыми другими владельцами. При них по одним данным осталось 13, по другим от 30 до 50 аулов [2: 3 об.–4].

Оставшиеся в Кабарде солтанаульцы тоже были не прочь последовать их примеру. Об этом 31 декабря 1742 г. докладывал в Астрахань подполковник К. фон Цейдер, предложивший, не дожидаясь этого, силою перегнать их «куда надлежит» [14: 13]. С названного времени российские власти стали

планомерно готовить операцию по переводу солтанаульцев с Северного Кавказа. В инструкции полковнику Ф. Кнутову, данной астраханским губернатором В.Н. Татищевым, предписывалось «захватя все пути от Кубани, чтоб никто из них не мог прокрасться, крайним старанием прилежать оных салтанаульцов силою перевесть за Кизляр к Терскому устью или к Астрахани на Волгу». В случае сопротивления с их стороны разрешалось, «не допуская до принадлежащих к Кубани земель, разорять и яко неприятелей военною рукою к показанным местам гнать, а в крайнем случае всех разобрать и по калмыцким улусам разделить, обнадежа казаков и калмык отдачею им всей при том полученной ими добычи своим словом, чтоб их салтанаульцев на Кубане не было» [14: 43–44 об.].

К началу весны 1743 г. солтанаульцы оказались разбросаны на обширной территории Северного Кавказа. Терский дворянин А. Брагунский сообщил 10 марта, что солтанаульцы «обретаются в тех же зимовных местах за Малком с кабардинской стороны в урочище Караагаче». «А как де снег сойдет, – писал он, – намерены оне для корма своего скота переходить кочевать в степь по Малку на другую сторону [реки]» [4: 170]. По сведениям кубанского султана Саадет-Гирея, ушедшие из «российской протекции» ногайские улусы обосновались в разных местах бассейна р. Кубань: наврузовцы кочевали в степи при урочище Темиргой, манготовцы располагались ближе к р. Кубань, а Муса-мурза со своими улусами находился в «вершинах кубанских по обе стороны Кубани, где было его прежнее жилище» [4: 171].

Российские власти планировали захватить в ходе операции не только всех остававшихся в Кабарде солтанаульцев, но и те их аулы, которые кочевали вместе с Муса-мурзой в бассейне р. Кубань. По полученным сведениям, он находился в урочище Мурза-бека Ташею (Мурзабекова палатка). Военный потенциал солтанаульцев, по оценкам российских властей, был незначительным. «По известию, у них войска наберется доброго и худого токмо с тысячу человек», – отмечал губернатор В.Н. Татищев в письме к наместнику Калмыцкого ханства Дондуку Даше [14: 163]. Для участия в операции в дополнение к уже имеющимся силам планировалось привлечь 4000 калмыков и 2000 казаков.

На фоне усиления в солтанауьких аулах российских воинских команд остающиеся в Кабарде мурзы попытались убедить имперские власти в необходимости оставить их кочевать в предгорьях Северного Кавказа. В апреле 1743 г. они направили прошение на имя императрицы Елизаветы Петровны, в котором просили разрешить им зимовать вместе с кабардинцами, а летом кочевать «по нашей воле». Мурзы убеждали, что это будет способствовать возвращению обратно других ногайцев. «Ушедшие в кубанскую сторону из нашей стороны мурзы, – писали они, – видя такую высочайшую милость, смотря на нас, к нам прибудут, а ежели утеснение

будет, то они, ушедшие мурзы, устрашась, возвратитца не могут» [11: 153–153 об.].

Однако судьба солтанаульцев уже была предрешена. В Кабарду прибыл отряд под началом кизлярского коменданта князя В. Оболенского, которым были захвачены все аулы солтанаульцев, «обретающиеся в Карагашех». Избежать облавы удалось 11 солтанаульским аулам, которые перед этим укрылись в бассейне р. Нальчик под защитой кабардинского владельца А. Кайтукина. Полковник Ф. Кнутов обратился к нему с просьбой сопроводить их «к Бештамаку» (местность слияния пяти рек в Кабарде: Терека, Черека, Чегема, Баксана и Малки), но не получил положительного ответа [4: 203]. Добраться до аулов Мусы-мурзы в бассейне р. Кубань у российского войска тоже не получилось.

Всех захваченных в ходе операции солтанаульцев доставили из Кабарды к Кизлярской крепости. В июне в Астрахани был получен указ, разрешавший отправить ко двору солтанаульских посланцев с их прошением. С этой миссией в столицу выехали Эрс Магомет мулла и Хан-мурза с двумя служителями [4: 157]. Но, несмотря на предпринятые солтанаульскими мурзами шаги, осенью 1743 г. всех их перевели с Северного Кавказа в Нижнее Поволжье.

Таким образом, можно видеть, что, оказавшись в ходе Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. в составе России, ногайцы сохранили свою улусную систему. Наиболее влиятельными среди них были солтанаульцы, по имени которых в России стали звать всех остальных ногайцев. Основным ареалом их проживания на Северном Кавказе стало междуречье Терека и Кумы, а последним пристанищем в Кабарде для солтанаульцев служило урочище Караагач (черный лес) в бассейне р. Малки. От названия этого урочища за всеми солтанаульцами, переданными российскими властями калмыкам, впоследствии закрепилось название карагаши [17: 112].

Источники и литература

1. *Алиева С.И.* Ногайские тюрки (XV–XX вв.). Баку, 2009.

2. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 2.

3. АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 10.

4. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5.

5. АВПРИ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 11.

6. *Бентковский И.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1. Ставрополь, 1888.

7. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869.

8. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 788.

9. ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 789.

10. ГААО. Ф. 394. Оп. 1 доп. Д. 16.

11. ГААО. Ф. 394. Оп. 1 доп. Д. 26.

12. *Кипкеева З.Б.* Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв. Ставрополь, 2017.

13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 113. Ед. хр. 203.

14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184.

15. *Торопицын И.В.* Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII–XVIII вв. // Кавказский сборник. Т. 4. М., 2007. С. 59–80.

16. *Торопицын И.В.* Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник. Т. 2009–2010. 2011. С. 330–359.

17. *Торопицын И.В.* Эрс Магомет мулла – агент российского влияния в среде ногайцев (к вопросу о поселении салтанаульцев в Астраханской губернии в 1740-х гг.) // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 1. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. Астрахань, 2012. С. 106–112.

И.И. Ханмурзаев

САЛА-УЗДЕНИ: К ВОПРОСУ О ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ДРЕВЕ

Кумыкское общество традиционно делилось на несколько социальных групп: бии (князья), уздени, чагары, теркеме, кулы. Знаток кумыкской истории, находящийся на русской военной службе подполковник Д.М. Шихалиев, разделяя «все народонаселения Кумыкского владения» на восемь разрядов, называл сала-узденей, уллу-уздени, догерек-уздени, чагары, теркеме, кулы (рабы). Отдельный класс, по его мнению, составляли гуены и тюмены [9: 48, 49].

Во главе общества стояли бийи (князья). После княжеского сословия шел класс узденей. Они делились на три категории: уллу уздени, кабак-уздени, а затем шли все остальные уздени. Русские источники делили их на первостепенных, второстепенных и третьестепенных узденей. В Засулакской Кумыкии уллу-уздени именовались также сала-узденями. Название «сала-уздени», по предположению М.Б. Лобанова-Ростовского, они получили

«по месту их первоначального поселения на речке Сала-су»[1] [4: 25]. В русских источниках они известны также как первостепенные узденi. По сообщению М.Б. Лобанова-Ростовского, первоначально сала-узденi проживали в Эндирейском бийлике (княжестве) [4: 38], откуда некоторые из них позднее переселились в другие кумыкские владения.

Сала-узденi были двух видов: настоящие сала-узденi и приравненные к ним уллу-узденi. В данной статье будут рассматриваться настоящие сала-узденi. Своим привилегированным статусом в кумыкском обществе они обязаны своему предку Беге и его сыновьям. В середине XVII в. они оказали серьезную помощь в междоусобной борьбе Солтанмута, основателя владения Засулакская Кумыкия, со своими сводными братьями, пытавшимися обделить его в наследстве под предлогом того, что он является чанкой.

По всей видимости, отцом Солтанмуту был определен удел в Эндирее, где он и проживал. В поддержку этого предположения, в какой-то степени свидетельствует его предложение кумыкскому владетелю Герею Тарковскому в обмен на поддержку в претензиях последнего на титул крым-шамхала, а впоследствии и шамхала дать ему (Солтанмуту) «старое место Ондрееву деревню» [7: 55].

Тут необходимо отметить, что Беге не был посторонним человеком для Солтанмута. Согласно народным преданиям, записанным знатоком кумыкского фольклора и писателем Б. Атаевым, отец Солтанмута отдал его на воспитание к знаменитому охотнику Беге в качестве аталыка. При нем Солтанмут находился, пока не достиг возраста 15 лет [1: 6]. Кумыкские князья (как, впрочем, и другие представители правящих кругов Дагестана) обычно с самого раннего детства передавали своих сыновей на воспитание в семьи первостепенных узденей: «взросши в семье своего наставника, окруженный неусыпным попечением всех домашних, молодой князь на всю жизнь сохранял непоколебимую привязанность к семье своего воспитателя» [4: 40].

Имеется ряд работ как дореволюционного, так и советского и постсоветского периодов, в которых рассматривались сала-узденi. Среди дореволюционных авторов нужно отметить Д.-М. Шихалиева, а также М.Б. Лобанова-Ростовского. Позже этим вопросом занималась С.Ш. Гаджиева [3: 184–192], Б.Г. Алиев [1]. Однако в основном в данных исследованиях затрагивается более ранний период, а работ по генеалогии сала-узденей нет. Настоящая статья посвящена родословной потомков Беге.

Род сала-узденей «составляли сильный класс в своем племени» [9: 39]. Д.-М. Шихалиев, описывая их статус и авторитет, отмечал: «Потомки Султанмута осыпали их разными благодеяниями, дарили им земли, невольников, оружие и проч. Зато сала обязаны были верою и правдою служить князьям в качестве узденей» [9: 39].

[1] Сала-су (кум. Сала-сув) – река в Казбековском районе Дагестана, впадает в р. Акташ.

Сала-узденн владели землями, и им принадлежали отдельные аулы (кварталы) в главных населенных пунктах Кумыкии. Так, в Эндирее им принадлежало три аула, в Аксае – два и в Костеке[1] – один [9: 41].

Если первоначально к сала-узденям относились прежде всего потомки Беге, то позднее этим статусом были наделены и другие уздени, оказавшие значительные услуги либо самому Солтанмуту, либо его сыновьям и внукам. Информация об этом дается в «Записках о привилегированных и свободном сословиях в Кумыкском округе» [8: 46]. В документе говорится, что «род Беге в народе кумыкском называется сала-узденями и считаются узденями первостепенным; из потомков его известны: сыновья Беге Абдурахман и Канболат – были бездетны, а от среднего Султана произошли *все сала-уздени* (выделено нами. – *И. Х.*)» [8: 46 об.]. Впоследствии к этому сословию, как было уже сказано выше, были также причислены и другие первостепенные узденские роды (Азнауровы, Боташевы, Казбековы, Качалаевы, Клычевы).

Со временем к середине XVIII в. род сала-узденей разветвился, и они разделились на несколько фамилий. Именно этот период в их истории наименее изучен. И если информация о детях Беге у нас есть, то уже имена его внуков и правнуков неизвестны. Для более детального исследования этого вопроса информативным является материал, содержащийся в деле, имеющем следующее название: «Родословной список князьям, узденям и старшинам, имеющим чины и не имеющим, пользующимся особенным уважением и отличающимся добрым поведением и нравственностью в кумыкском и чеченском владениях…», которое хранится в фондах Российского государственного военно-исторического архива [6]. В данном деле, помимо прочего, содержится ценная информация о генеалогии сала-узденей первой половины XIX в., проживающих в Эндирее, Аксае и Костеке.

Согласно этому документу, в 1840-х гг. в Эндирее проживали следующие фамилии, происходившие от Беге: Бамматаджиевы, Исаевы, Раджаб-аджиевы (они же Кандауровы), а также Ачакановы. В основном представители этих родов проживали в кварталах Сала-аул и Мух-аул.

Со слов одного из представителей каждого рода (видимо, самого авторитетного) были составлены генеалогии этих фамилий, которые нашли отражение в данном документе. Так, Юсуф-аджи из рода Бамматаджиевых привел следующую цепочку своих предков: Юсуф аджи ← Умар-аджи ← Элевка ← Умар ← Солтан ← Беге.

Сала-узденями в Эндирее числился род Ачакановых. Представитель этой фамилии Аджибатыр Ачаканов привел такую родословную семьи: Аджибатыр ← Ачакан ← Худайнат ← Алчак ← Абдулла ← Болат ← Беге ← Солтан ← Азнаур.

---

[1] Эндирей, Аксай (кум. Яхсай), Костек – в настоящее время одноименные сёла в Хасавюртовском районе Республики Дагестан.

Сотав Исаев, старший в своей семье, указал как своих предков следующих лиц: Сатав ← Иса ← Бамат ← Кандаур ← Янсух ← Солтан ← Темирбек ← Беге ← Султан ← Азнаур. Близкими родственниками упомянутых Исаевых, имеющих общего предка Кандаура, были также Раджаб-аджиевы и Кандауровы, относящиеся к этой ветви сала-узденей.

К сала-узденям принадлежит семья Паштакаевых. Родоначальник этой фамилии Пашта был пасынком Азнаура: Болатука ← Паштакай ← Давут ← Кукей ← Пашта ← Солтан ← Канбулат ← Теих бек ← Беге ← Азнаур.

Выше уже говорилось, что часть сала-узденей переселилась в Аксай. Это произошло во времена внуков Солтанмута, в частности при жизни Алибека – сына Айдемира, когда тот «взяв несколько семейств из числа вышедших с дедом и отцом его сала, гуенов, тюменов и других подвластных, отправился на запад и на р. Аксае, близ нынешнего Герзель-аульского укрепления, основал селение Аксай» [9: 32, 33].

В первой половине XIX в. к числу сала-узденей Аксая принадлежали Альбориевы, Тавлуевы и Атаевы. К роду Тавлуевых относился квартал Каджар-аул. Сала-уздени проживали также в квартале Зах-аул [9: 52].

Состоящий на службе сала-уздень юнкер Ибраин Алборие показал свое родовое древо так: Ибраин ← Албори ← Сатыбал ← Албори ← Ибраин ← Беге ← Янсух ← Султан ← Теирбек ← Беге ← Султан ← Азнаур.

Другой представитель сословия, прапорщик Минатулла Тавлуев, дал следующие сведения о своих предках: Минатулла ← Тавлу ← Ирбаил ← Беге ← Янсух. Интересно, что, согласно русским агентурным данным, к роду первостепенных узденей Тавлуевых относился и широко известный в 1830-х гг. на Северо-Восточном Кавказе Очар-хаджи из Аксая [5: 454]. Сведениями о том, к какой именно ветке рода Тавлуевых он принадлежал, мы пока не располагаем.

Представитель сала-узденей Юнус Атаев указал своими предками следующих людей: Юнус ← Атай ← Ачакан ← Абдулла. Наличие среди них человека по имени Ачакан позволяет, предположительно, соотнести этот род с родом Ачакановых из Эндирея.

Таким образом, несмотря на то что все приведенные выше родословные, очевидно, относятся к одному роду и восходят к Беге, они не одинаковы. Различаются как количество звеньев в истории семей, так и порядок следования имен предков. Это может быть объяснено тем, что с течением времени информация о некоторых представителях рода стала забываться. В связи с этим на основании всестороннего изучения различных источников еще предстоит определить точный ряд потомков Беге. В этом, как мы полагаем, помогут эпиграфические данные с кладбищ Эндирея, Аксая и Костека. Кроме того, полезным будет обратиться к эпистолографическим материалам на арабском и старокумыкском языках на арабице.

Источники и литература

1. *Алиев Б.Г.* Сала-уздени (происхождение, экономическое и социально-правовое положение) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2010. № 1. С. 3–15.

2. *Атаев Б.* Солтанмут Эндиреевский // Къумукъ тюз (Кумыкская равнина). 1999. № 17 (817). 24 марта.

3. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 1. Махачкала, 2000.

4. *Лобанов-Ростовский М.Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года. Махачкала, 2002.

5. *Макаров Т.* Кумыкский округ // Кавказ. 1860. № 77. С. 453–454.

6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 450.

7. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958.

8. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 105. Оп. 5. Д. 18.

9. *Шихалиев Д.-М.М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.

Ф.А. Озова

ИНСТИТУТ БЕЙГОЛЕЙ В ЧЕРКЕСИИ: СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Для осуществления своих прав, «предоставленных им адатами» [12: 106], и для управления в княжествах, уделах, вотчинах-общинах / *къуажэ* феодальными сеньорами были созданы аппараты исполнительной власти. Ключевую роль в них играли такие должностные лица, как бейголи / *бегуэл*, которых С. Хан-Гирей называл должностным классом [17: 104]. Институт бейголей придавал всей системе власти в Черкесии «необходимую гибкость, порождая более динамичные и в то же время эффективные формы социального управления, социальной жизни в целом» [3: 109].

Институт бейголей в Черкесии был схож с институтом боголов в империи Чингизидов. Возможно, он изначально был известен под исконным черкесским наименованием, но в процессе активного взаимодействия военно-политической и социальной организации черкесов и монголов приобрел, как это бывало и позднее с другими фонетически сложными черкесскими историческими терминами, и тюркское название (в источниках сохранились наименования различных страт бейголей). В Новое время институт бейголей на черкесской почве получил дальнейшее самобытное развитие,

заключавшееся в его иерархизации – выделении больших бейголей / *бейголишхо* / *бегуэлышхуэ* [3: 107]. Главные черты, отличавшие их от других бейголей, состояли в их сословном происхождении и роде деятельности.

Рассматривая сословную иерархию Черкесии, С. Хан-Гирей называл второстепенных дворян или беслен-уорков – пшичеу / *пшьчеу*. Так как это обстоятельство вносит определенное недопонимание в вопросы, связанные с пшичеу и бейголями, следует вернуться к проблеме соотношения этих исторических терминов. В историографии нет единого мнения по данному поводу. Так, Т.Д. Боцвадзе полагал, что пшичеу произошли от бейголей [4: 108]. Х.М. Думанов, опровергая эту точку зрения, рассматривал бейголей и пшичеу как две разные социальные категории [9: 142–152]. Б.Х. Бгажноков пришел к выводу, что пшичеу / пшикеу представляли собой верхний слой класса бейголей, и ассоциировал их с большими бейголями / бейголишхо [3: 107]. В.К. Гарданов отождествлял пшикеу и бейголей [7: 236]. Сопоставив имеющиеся сведения, сложно принять одну из перечисленных точек зрения безоговорочно. Поэтому еще раз вернемся к рассмотрению семантики терминов пшичеу и бейголь.

Рассмотрим сначала термин пшичеу и те категории населения, которые он именовал. С. Хан-Гирей отмечал: «Самое учреждение названия этого разряда дворян “княжеская ограда” дает нам понять его начало: князья, видя силу первостепенных дворян, покорствовавших им тогда только, когда собственные их выгоды того требовали, водворили у себя дворян второго разряда, дабы тем, заменяя услуги первых, оградить себя силою нового класса» [17: 103].

С другой стороны, «Полное собрание кабардинских древних обрядов» (1844 г.) выделяет в сословной иерархии Кабарды четверостепенных уорков – «узденья, называемые пшехао» (пшичеу) [10: 224]. В данном контексте термин уздень использован как синоним термина уорк. Действительно, статус узденей пшичеу был наследственным, он, как и другие категории уорков, получал бенефиций / дворянское пожалование / *уорктын*, не платил податей, но главное, что отличало его от других уорков, состояло, очевидно, в том, что пшичеу не мог расторгнуть связь, скрепляющую его со своим сюзереном. С 1807 г. в Кабарде это условие стало обязательным и для других групп уорков и вольноотпущенников из крестьян [10: 229]. Тем не менее статья 22 «Полного собрания кабардинских древних обрядов» поясняет: «Уздени пшехау, т. е. княжеские, исполняют все то, что князь прикажет. Они не суть холопья, но и не равняются с настоящими узденями» (уорками) [10: 231].

Таким образом, статус четверостепенных уорков пшичеу не был в полной мере уоркским. Это различие вполне осознавал К.Ф. де Сталь, когда для описания сословной иерархии Черкесии использовал термин уздень наряду

с термином уорк / дворянин. Наряду с первостепенными (тлекотлеши, дыжинуго), второстепенными (беслен-уорки) и третьестепенными (уорк-шаотлугусо) уорками, К. Ф. де Сталь выделяет «узденей пшехао» [16: 254]. Очевидно, что для человека, посвященного в черкесские реалии XIX в., существовала разница между терминами уорк и уздень. Последний использовался, судя по источникам, в старочеркесском значении 'дружинник'.

Таким образом, название княжеская ограда / пшичеу относилось не только к беслен-уоркам или уоркам второй степени, но еще и к узденям пшичеу, занимавшим в сословной иерархии Черкесии четвертую позицию после третьестепенных уорков-шаотлугусо. Следовательно, можно говорить о том, что эти две категории уорков были объединены одной функцией – обеспечением безопасности князя и его подданных и, соответственно, одним названием – пшичеу, служившим для обозначения укрепленного княжеского двора или поселения [3: 106].

Пшичеу, как уорки, так и уздени, являлись прямыми княжескими вассалами и считались одной из главных опор княжеской власти как в военных условиях, так и в мирное время. Беслен-уорки-пшичеу, уздени-пшичеу, а также княжеские крепостные первого разряда / беслен-пшитли / пши-уна-огги составляли собственный конвой князя [16: 255]. Конвой имелся при всех князьях, его численность зависела от силы князя, наиболее многочисленным он был у старших князей уделов и великого князя.

Следует отметить, что все эти социальные страты – беслен-уорки-пшичеу, уздени-пшичеу, княжеские крепостные первого разряда / беслен-пшитли / пши-уна-огги – не были замкнуты, существовали механизмы повышения социального статуса. Х.М. Думанов отмечал, что перевод пши-уна-огга в уздени-пшичеу «осуществлялся князем в строгом соответствии со своими потребностями в количестве лиц данной категории» [9: 144], это был одномоментный акт: пши-уна-огг становился азатом / вольноотпущенником и сразу же – узденем-пшичеу. Отличившиеся беслен-пшитли могли быть возведены в уздени-пшичеу и даже сразу в беслен-уорки [13: 157], уздени-пшичеу за особые заслуги могли быть также возведены в достоинство беслен-уорков [3: 110]. Сложно сказать, когда возникла социальная группа четверостепенных уорков или узденей-пшичеу. В обычно-правовых нормах, записанных в 1834 г., о функциях узденей-пшичеу говорится следующее: «Пшикеу по обычаю постоянно находятся при князе и поступают по законам по совести и по милости князей, они наблюдают за соблюдением обычаев всеми классами и слушают приказания только князей» [9: 143]. В «Полном собрании кабардинских древних обрядов» отмечается, что уздени-пшичеу служили при князе «ежедневно и безотлучно, наблюдая домашний порядок, унимая, по приказанию князя, всякие невежества и дерзости, наблюдая, чтобы все были послушны» [10: 231]. Очевидно,

уздени-пшичеу находились в определенной субординации с беслен-уорками, так как их появление связывают с желанием последних иметь своих вассалов [15: 34, 234 об.].

Теперь обратимся к семантике термина бейголь. Согласно С.М. Броневскому, как князьям, так и уоркам принадлежали усадьбы, «населенные отпущенниками, пришельцами, ближними и дворовыми людьми под названием Бегаулов» [5: 113]. В письме генерал-фельдмаршала И.В. Гудовича министру внутренних дел Российской империи графу В.П. Кочубею (21 марта 1807 г.) бейголи выделены особо наряду с такими разрядами правящего сословия, как князья и уорки, а также подвластный им «черный народ»: «Не работающие в поле <…> составляющие самую большую и важную часть вооруженных людей» [2: 650]. П.Г. Бутков подтверждает эти сведения, отмечая, что бейголи, «будучи домовые служители владельцов, вместе с узденями [уорками. – *Ф. О.*] составляют лучшее их войско» [6: 224]. Бейголи имели тысячи дворов, Б.Х. Бгажноков полагал, что их численность была сопоставима с численностью дворян второй и третьей степени [3: 112]. Следует отметить, что в этих высказываниях речь идет и о княжеских, и о уоркских бейголях.

Уоркские бейголи не имели дворянского статуса, их статус в обществе был связан исключительно с отправлением ими должностных обязанностей. Таким образом, внутри корпорации бейголей существовала своя иерархия, которая коррелировала с социальным статусом лица, которому они служили. Бейголи, служившие князьям, рекрутировались из второстепенных и четверостепенных дворян, которые изначально были выходцами из категории первостепенных княжеских крепостных, и ассоциировались с этими сословиями. Если рассуждать по аналогии, дворянские бейголи были также вольноотпущенниками из уоркских крепостных первого разряда / оггов, но они не имели дворянского статуса.

Прав был В.Х. Кажаров, когда акцентировал внимание на разделении бейголей на княжеских и уоркских, но вряд ли правомерно отождествлять всех служивших у князей бейголей с большими бейголями / *бейголишхо* / *бегуэлышхуэ*, а служивших у дворян – с маленькими / *бейгольцыку* / *бегуэлцIыкIу* [11: 85]. Группа бейголишхо вряд ли была многочисленной. По этому вопросу С. Хан-Гирей писал: «В иных владениях есть биеколы из дворян второстепенных и их называют биеколишхо (великие биеколы)» [17: 191].

Бейголишхо, происходившие из беслен-уорков, выполняли, судя по данным С. Хан-Гирея, престижные функции на княжеском дворе, связанные, очевидно, с наиболее древними народными традициями. Эти особенные обязанности были двух видов. Первые из них касались масштабных событий в княжестве, связанных или со смертью князя, или с другими

крупными событиями, по случаю которых устраивались тризны или угощения для всего народа. Судя по сведениям С. Хан-Гирея, в каждом случае такие люди назначались особо: «Для соблюдения порядка назначают людей, которые смотрят, чтобы все делалось надлежащим образом» [17: 445]. Вторые были связаны с родовыми обязанностями беслен-уорков, переходившими из поколения в поколение: охранение знамени и глашатая / *гъуоу*. Б.Х. Бгажноков отмечал, что у бжедугов были известны дворянские фамилии знаменосцев: в Черчанее – Хъэкуий, в Хамыши – ЛъапцIэрышэ [3: 106]. В отличие от сельских и квартальных глашатаев княжеский или удельский глашатай обнародовал волю соответствующего съезда Хасэшхо [17: 192].

Следовательно, численность бейголишхо была очень небольшой, а основную массу составляли просто бейголи. В источниках ничего не сказано о бейгольцыку, при этом данный термин получил широкое распространение в историографии, очевидно, по принципу: раз есть большие бейголи, значит, есть и маленькие бейголи. Следовательно, можно утверждать, что должностной класс княжеских бейголей формировался на базе двух сословных групп: второстепенных уорков / беслен-уорков-пшичеу и четверостепенных уорков / узденей-пшичеу.

Об уоркских бейголях ни в записях обычного права, ни в документах особо не говорится. Очевидно, следует к ним относить всю ту информацию, которая посвящена просто бейголям, когда не уточняется, что эти бейголи – княжеские.

Княжеские бейголи пользовались значительно большими правами, чем дворянские [3: 107], и выполняли «распоряжения своих господ, направленные как против дворян, так и против сервов» [1: 261]. Княжеские бейголи были защищены обычаем достаточно высоко: за их убийство при необходимости мстил сам князь [10: 231; 17: 105]. Княжеские бейголи имели бóльший вес в обществе, к примеру, в источниках есть такое упоминание о «самом знатном Кайтукиных Бегоуль Батъ Шакыбовъ» [8: 214].

Теперь обратимся к должностным обязанностям бейголей. Б.Х. Бгажноков отмечал: «Феодальная система, сконструированная адыгами, держалась на бейголях в такой же степени, как и на дворянах-уорках. Объем возложенных на бейголей обязанностей был даже более внушительным, так как они несли постоянную службу не только в мирное, но и военное время – как профессиональные воины» [3: 109]. В военное время бейголи составляли конницу, в числе прочего выполняли функции оруженосцев и телохранителей для панцирников, из которых состояла отборная княжеско-дворянская конница [3: 112]. На рубеже XVIII–XIX вв. в Кабарде такое войско насчитывало 15 тыс. человек, соответственно, их должны были сопровождать значительное число бейголей.

В мирное время бейголи выполняли на территории юрисдикции своих сеньоров и в силу своей компетенции: 1) функции сборщиков податей, собирая натуральные и денежные повинности; 2) судебных исполнителей, отвечавших за сбор многообразных штрафов; 3) полицейских; 4) посыльных [14: 273]. С. Хан-Гирей отмечал, что бейголи «необходимы для власти князей: они, объезжая аулы, от имени своих князей собирают для этих последних все потребное от поселян из сельского их произведения; они же взыскивают пеню с вольных земледельцев, буде кто подвергнется штрафованию, и исполняют и другие поручения, которых князья не могут возлагать на дворян, ибо эти последние гнушаются должностью биеколов, взводимых в сие звание из низшего класса народа» [17: 105].

Управление имениями князей и уорков, хозяйственно-распорядительные функции также лежали на плечах бейголей. В услугах бейголей нуждалась вся феодальная знать Черкесии, владения которых не могли управляться «не опираясь на ловкость, сноровку и ловкость бейголей» [3: 109].

Русско-кабардинские документы свидетельствуют, что численность бейголей в Кабарде с XVII в. постоянно увеличивалась, расширялся и круг их постоянных обязанностей. Бейголи фигурировали в составе дипломатических миссий, в качестве торговых агентов, в судебных разбирательствах. В 1793 г. в Моздокский пограничный суд было избрано судьями 8 князей и 12 уорков, 20 бейголей должны были исполнять судебные решения [9: 147]. Всё это предполагает, что хотя бы часть бейголей имела навыки письма на турецком, русском, арабском и других языках. Таким образом, корпорация бейголей могла стать основой будущей бюрократии Черкесии [3: 109] и составить также «костяк “внутренних войск”» [3: 112].

Следовательно, при исследовании института бейголей в Черкесии внимание следует акцентировать на разделении бейголей на княжеских и уоркских. Как первые, так и вторые рекрутировались преимущественно из вольноотпущенников-азатов и крепостных первого разряда/оггов. Однако в отличие от уоркских бейголей княжеские получали сразу же дворянское достоинство четверостепенных уорков или узденей-пшикеу, и в этом было их основное отличие от уоркских бейголей. Помимо узденей-пшикеу незначительная часть княжеских бейголей была из второстепенных уорков или беслен-уорков-пшичеу и называлась бейголишхо. Дворянский статус княжеских бейголей обеспечивал им возможность при необходимости действовать не только против представителей податных сословий, но и против уорков.

Источники и литература

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / пер. и сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.

2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. Берже: в 12 т. Т. 3. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича, 1806–1809. Тифлис, 1869.

3. *Бгажноков Б.Х.* Бейголи в социальной структуре феодального адыгского общества // Генеалогия Юга России: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции (25–27 июня 2004 г.). Нальчик, 2004. С. 105–114.

4. *Боцвадзе Т.Д.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX века. Тбилиси, 1965.

5. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2 ч. Ч. 2. М., 1823.

6. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3 ч. Ч. 2. СПб., 1869.

7. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967.

8. Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 году // Указатель географического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850–1859 гг.) / под ред. Д.А. Кобякова. Тифлис, 1879. С. 168–219.

9. *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. Нальчик, 1990.

10. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882.

11. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.

12. *Куаджэ Р.З.* Правовое положение классов и социальных групп адыгского общества XVIII – первой половины XIX в. // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. 3. Майкоп, 1980. С. 92-112.

13. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию дома Романовых. Репринтное воспроизведение издания 1913 г. Нальчик, 1990.

14. *Налоева Е.Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик, 2015.

15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 49.

16. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. / сост. Р.У. Туганов. Т. 1. Нальчик, 2001. С. 185–278.

17. *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы / сост. М. Н. Губжоков. Майкоп, 2009.

А.К. Амирханова

РОЛЬ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

С конца 1880-х гг. начинается новый этап формирования русского населения Дагестана, связанный с осуществлением переселенческой политики в империи и массовым переселением русских крестьян из внутренних губерний царской России [21: 25]. По подсчетам исследователей, в 1913 г. русское население Дагестана уже достигло 99 тыс. человек, или 11,4 % всего населения края [2: 93]. Основными районами их размещения были Хасавюртовский, Кизлярский, Темир-Хан-Шуринский округа и города Петровск (в настоящее время – Махачкала), Темир-Хан-Шура (в настоящее время – Буйнакск), Дербент, Кизляр и Хасавюрт. Незначительная часть русских переселенцев жила в горных округах Дагестана – Аварском, Андийском, Ботлихском, Гунибском и др. [5: 50]. Русские не только обосновывались в одних аулах и городах с местными, но и создавали отдельные поселения. В конце XIX в., в связи с продолжением переселенческой политики, на территории Дагестана появились десятки хуторов и селений с русскими жителями. В социально-экономическом и политическом развитии Дагестана в этот период происходили существенные изменения, инициированные в том числе вовлечением Дагестана в экономическую систему России.

Авторы, освещающие данную проблему, по-разному ее интерпретировали. Одни полностью оправдывали политику царизма [6], другие пытались осветить негативные стороны такого шага [7]. Например, Г.И. Милованов [11] считал, что переселенческая политика ухудшала положение дагестанского крестьянства, так как при ее проведении совершенно не считались с фактом малоземелья местного народа. А в монографии И.Р. Нахшунова, напротив, отмечается, что русские крестьяне-переселенцы сыграли прогрессивную роль в экономике Дагестана [13].

Несмотря на разные точки зрения на исследуемую тему, нельзя отрицать важную роль русских переселенцев в экономическом развитии края, в частности в формировании местной промышленности. Почти все сравнительно крупные торгово-промышленные предприятия Дагестана работали под руководством русских предпринимателей, что усиливало торгово-экономические связи Дагестана с Россией. Наличие дешевого сырья для обрабатывающих отраслей промышленности в Дагестане стало привлекать сюда русскую буржуазию. Это способствовало довольно широкому развитию в пореформенный период таких отраслей промышленности,

как винодельческая, рыбная, консервная, табачная, мукомольная, текстильная и др.

Значительное развитие в конце XIX – начале XX в. получила рыбная промышленность, чему способствовало и строительство Петровской ветки Владикавказской железной дороги. Если в 1898 г. в Дагестане было 38 рыбных промыслов, то в 1901 г. – уже 68, причем вновь возникшие промыслы технически лучше оснащались и имели хорошие рассольные помещения. Соответственно с этим происходил непрерывный рост лова рыбы: с 1893 по 1902 г. добыча сельди увеличилась в 42 раза [10: 51]. В 1901 г. губернатор Дагестанской области в отчете отмечал: «В прибрежной части области с каждым годом всё более развивается рыболовство, в особенности сельдяной промысел… Промыслы, прежде отдававшиеся в аренду на сумму около 6 тыс. рублей, нашли арендаторов, давших за них почти 90 тыс. рублей на 10-летний срок» [15: 10].

Все крупные рыбные промыслы Дагестана находились в руках промышленников из разных губерний России – в собственности или арендном содержании. Так, рыбные промыслы на р. Сулак были арендованы в 1897 г. переселенцами Дмитриевым и Башакиным, а рыбные промыслы на Новом Тереке находились в арендном содержании Старогладковского общества [18: 109]. Одним из крупных рыбопромышленников в Дагестане был К. Воробьёв, который, «вследствие упадка сельдяного промысла на Волге, в короткий срок полностью переместил свое предприятие на западное побережье Каспия, взяв в аренду на 12 лет рыболовные воды, принадлежащие шамхалу Тарковскому» [12: 140]. Он создал в Дагестане новую отрасль рыбной сельдяной промышленности, в 1985 г. построил в Порт-Петровске холодильник стоимостью 185 тыс. руб., который был рассчитан на 187 тыс. пудов рыбы, а в 1901 г. – бондарный завод с 70 рабочими и 40 станками разного назначения. Станки приводились в движение 80-сильной машиной. В заведениях Воробьёва для искусственного охлаждения рыбы (замораживания) было занято 250 рабочих [20: 185].

Развитие рыбной промышленности привело к открытию бондарных заводов. Особенно много их строилось в Петровске и Темир-Хан-Шуре. В 1913 г. в Петровске было 10 бондарных заводов с 184 рабочими, а в Темир-Хан-Шуре – 3 завода, где трудились 156 рабочих [17: 14].

Вся продукция рыбной промышленности реализовывалась в городах России. «В сельдяном деле края (Дагестана) замечается настоящая горячка, выразившаяся в небывалом развитии этого дела по всему западному берегу Каспия... Весь юг России питается уже петровской и дербентской сельдью морского лова» [19: 186].

В конце XIX – начале XX в. в экономике Дагестана большое развитие получает виноделие. Слабость технических знаний, устаревшие методы

обработки винограда, отсутствие инвентаря являлись препятствием на пути совершенствования этой отрасли хозяйства. В отчетах начальника Дагестанской области сообщалось: «При разнообразии и достоинстве виноградников они могут дать весьма хорошие вина, но бедность преимущественно мелких садовладельцев и недостаточность познаний в виноделии причина тому, что виноградарство и виноделие не ведутся правильно, и вина без должной выдержки не приобретают такие качества, которые обеспечили бы сбыт их в Россию» [10: 56]. Одним из первых стал применять усовершенствованные методы обработки винограда и изготовления вина отставной лекарь Любачевский, который в 1862 г. построил вместительный погреб для хранения вина. По словам Е.И. Козубского, «этот подвал по рациональности и капитальности считался единственным в крае. Вино он выделывал выдержанное и очищенное, без всяких примесей» [6: 88].

Самым крупным винодельческим районом в Дагестане считался Кизляр и его окрестности. Для примера, «в станице Каргалинской Кизлярского округа, состоящей из русских переселенцев, имелось 437 виноградника площадью 187 десятин и 933 квадратных аршин… в станице Шелковской имелось 254 виноградника, площадью в 83 десятин 782 саженей» [21: 46] и т.д. В одном из официальных банковских отчетов говорилось: «Почти вся наша иногородняя клиентура сосредоточена в г. Кизляре – городе и округе почти исключительно винодельческом, обороты кизлярской виноторговли достигают полумиллиона рублей» [10: 127].

Еще одним крупным районом виноградарства и садоводства являлся Дербент и его окрестности. В конце 1880-х гг. здесь были созданы виноградники графа И.И. Воронцова-Дашкова, который в местности Геджух купил земли у бека Амир-Чопана Уцмиева и, расчистив кустарники и лес, проведя оросительные канавы, посадил виноградный сад площадью до 80 десятин. Вино, получаемое из виноградников, пользовалось широкой славой и сбывалось во все города России [3: 175]. В садах Воронцова-Дашкова культивировались лучшие сорта винограда: «рислинг», «самильон», «троллингер», «саперави», «каберне» и др., а также отчасти местные сорта: «аг изюм», «гимринский» и др. [1: 268]. Такой же заслуженной славой пользовались вина статского советника К.А. Кочергина, который имел виноградные плантации в Дербенте и «производил выделку вина на правильных европейских началах» [19: 165].

К началу XX в. виноградарство и виноделие в Дагестане имело уже промышленное значение, и виноградники стали сосредотачиваться в руках крупных землевладельцев, которые покупали садовые участки местных жителей и присоединяли их к своим новым участкам. Ключевыми для виноделия стали Дербентский, Кизлярский, Хасавюртовский и Темирхан-

шуринский округа, где находились основные районы заселения русских. Промышленные масштабы эти отрасли хозяйства приобрели в том числе благодаря введению в эксплуатацию Владикавказской железной дороги, которая значительно расширила связи Дагестана с другими городами России, а также вовлечению региона во всероссийскую экономическую систему и значительному развитию товарно-денежных отношений.

Определенное развитие в регионе получили и такие виды отрасли промышленности, как винокурение и пивоварение. В сл. Хасавюрт еще в 1870-х гг. был построен первый винокуренный завод, работающий на паровом котле. В 1894 г. он был арендован купцом Г. Бондаренко, а затем хозяином завода стал князь Хамзаев, который вскоре продал его австрийскому подданному [10: 59]. В середине 1880-х гг. в Дербенте было два винокуренных предприятия, а к концу XIX в. здесь возник ряд новых винокуренных и коньячных заводов. В Порт-Петровске в конце XIX в. насчитывалось шесть винокуренных заводов [4: 194]. Пивоваренные предприятия были в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Хасавюрте и Кизляре. Предприятия принадлежали русским и иностранным владельцам.

Важное место в экономике русских переселенцев занимала мукомольная промышленность. В Дагестане, наряду с водяными, почти в каждой семье имелись ручные мельницы. Все существующие мельницы были небольших размеров, простого типа. С приходом русских переселенцев здесь появляются большие мельницы усовершенствованного типа. В 1870-х гг. в с. Аксай Хасавюртовского округа была построена первая крупная мельница, принадлежавшая Нарышкину. В 1880-х гг. здесь было уже девять паровых мельниц, две газомоторные и одна смешанная, которая работала летом на воде, а зимой с помощью мотора [9: 55].

Одним из крупнейших мукомольных предприятий на Северном Кавказе была огромных размеров мельница, принадлежавшая А. Иванову, находившаяся вблизи с. Аксай. Здесь же он построил и вторую мельницу, в которой перемалывалось зерно из района до 100 верст в окружности, главным образом из казачьих станиц за Тереком, а также из русских хуторов и поселений переселенцев. Продукция с этих мельниц частично сбывалась в сл. Хасавюрт, с. Аксай и других селах и городах Дагестанской и Терской областей. Основная же часть вывозилась в Закаспийскую область, в Красноводск и Ашхабад [10: 5].

В 1870-х гг. в Дагестане возникли первые табачные фабрики в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте и Хасавюрте. Одной из крупных была табачная фабрика «Фортуна» в Петровске, принадлежавшая А.М. Михайлову. В 1902 г. здесь было изготовлено табака и папирос на сумму 61 895 руб., а продукция фабрики реализовывалась не только в Дагестане, Закавказье и России, но частично вывозилась и за границу [20: 156].

На этих фабриках трудилось значительное число рабочих, как русских, так и дагестанцев.

В 1890-х гг. в Дагестане были построены первые предприятия консервной промышленности. Одним из центров производства стал Темир-Хан-Шура, где в 1896 г. был основан ряд консервоварочных предприятий. Фруктовые пюре этих предприятий отличались высокими вкусовыми качествами и имели широкий спрос в кондитерской промышленности. Всё это дало толчок к дальнейшему развитию консервирования в Дагестане [4: 195].

В числе самых крупных фабрик в Дагестане была хлопчатобумажная фабрика «Каспийская мануфактура», построенная в 1899 г. Это было крупное предприятие с большим числом наемных рабочих, число которых к 1913 г. достигло 860 человек. Учредителями фабрики были статский советник О.И. Петрококин и потомственный почетный гражданин С.И. Решетников. Продукция фабрики вывозилась в основном в Иран и Среднюю Азию [21: 45].

Результатом деятельности крестьян-переселенцев и русской буржуазии было привлечение в процесс промышленного развития Дагестана и представителей коренного населения, в том числе и нарождающейся местной буржуазии, а также формирование рабочего класса из представителей русского народа и местного населения.

Благодаря деятельности русских переселенцев в Дагестане рос спрос на продукцию кустарных промыслов. В пореформенный период кустарей в регионе было от 10 до 16 тыс. человек. Дальнейшее развитие получили сукноткачество, ковроделие, кожевенное производство, обработка дерева, производство ювелирных изделий, гончарное производство и т.д. В результате активизировалась деятельность скупщиков, и ремесленник постепенно превращался в товаропроизводителя. В 1901 г. военный губернатор Дагестанской области писал: «Необходимо помочь дальнейшему развитию и совершенствованию и облегчить сбыт кустарных произведений» [10: 125]. Благодаря этому в 1905 г. было открыто ремесленное училище в Темир-Хан-Шуре, а в 1908 г. в с. Касумкент Кюринского округа была открыта школа ковроткачества. В 1912 г. в Темир-Хан-Шуре был создан музей, а затем открылась выставка, где демонстрировалась выделка местных ковров на усовершенствованных станках передвижной ткацкой мастерской Кавказского кустарного комитета, а также бурок и сукон местным способом [16: 22].

В конце XIX – начале XX в. в Дагестане стала развиваться промышленность по добыче нефти, серы, ртути, угля, руд. Русский капитал сыграл важную роль в развитии добычи полезных ископаемых и вообще горнодобывающей промышленности [4: 211].

Переселенческая политика и проведение Владикавказской железной дороги оказали влияние на расширение торговли в Дагестане. Основными центрами торговли были Хасавюрт, Аксай, Костек, Эндирей, Кизляр. В одном из номеров газеты «Кавказ» за 1893 г. сообщалось: «С ноября, с открытием Владикавказско-Петровской железной дороги, Петровск вступил в новый фазис своего существования. Это уже не захолустный городок Дагестанской области, а пункт, в котором оканчивается железный путь из Европы в Азию... Прежде не только зимой, но и летом пароходные пристани были пусты, а теперь там толпы рабочих, горы разного груза…» [9: 59]. Благодаря тому что русские переселенцы имели связь с российским рынком, Дагестан был вовлечен в торговлю с большим числом городов и стран. Например, вывоз продуктов земледелия из Хасавюртовского округа в Порт-Петровск свидетельствует о торговых связях округа через петровский порт по морю с центральными районами России [9: 141]. С развитием виноградарства и виноделия по железной дороге из Дагестана ежегодно вывозили десятки и сотни тысяч ведер вина и тысячи пудов винограда в Казань, Ростов, Москву и т.д. [18: 379]. Большую роль в виноторговле играли скупщики и промышленники, которые приобретали вино и сусло и перепродавали их. Вино из Кизляра вывозилось в Астрахань, Нижний Новгород и другие города. Только через брянскую пристань ежегодно в эти города отправлялось до 400 тыс. ведер кизлярского вина [14: 24]. Рыба и морепродукты вывозились на продажу в города России и даже в страны Европы. Так, дагестанская икра осетровых рыб и балык находили сбыт в Вене, Берлине и других городах Европы. Рыбные консервы из Кизляра получили бронзовую медаль с почетным дипломом на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. [19: 27].

Таким образом, приток русских переселенцев из внутренних губерний России способствовал не только развитию промышленности и торговли в Дагестане, но и росту производительных сил и развитию экономики в регионе. Этому способствовало проведение Владикавказской железной дороги и особенно ее Петровской ветки, усилившей значение Порт-Петровска как одного из важнейших портов на Каспийском море. В результате Дагестан был вовлечен в торговлю не только с городами центральной России, но и с другими странами. Хозяйственная деятельность переселенцев способствовала подъему местной промышленности путем внедрения нового усовершенствованного инвентаря, орудий труда, новых методов обработки, технических знаний, которые в скором времени получили распространение среди местных народов и подняли местные промыслы на новый уровень.

Источники и литература

1. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

2. *Ибрагимов М.-Р.А.* К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI – начало XX в.) // Советская этнография. 1978. № 2. С. 83–94.

3. История Дагестана: в 4 т. / гл. ред. Г.Д. Даниялов. Т. 2. М., 1968.

4. История Дагестана с древнейших времен до наших дней / отв. ред. А.И. Османов. Т. 1. М., 2004.

5. *Ковалевская Е.А.* Хозяйственная деятельность русского населения в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 2004.

6. *Козубский Е.И.* Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.

7. *Комаров А.И.* Правда о переселенческом деле. СПб., 1913.

8. *Кузнецов И.Д.* Терские речные и притерские морские рыбные промыслы: отчет Министерству земледелия и государственных имуществ по командировке в 1895 г. И.Д. Кузнецова (с 2 картами и 18 таблицами чертежей и рисунков). СПб., 1898.

9. *Мансуров М.Х.* Роль русских переселенцев в развитии экономики Северо-Восточного Дагестана (конец XIX – начало XX в.) // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 129–143.

10. *Мансуров М.Х.* Русские переселенцы в Дагестане (2-я пол. XIX – нач. XX в.). Махачкала, 1994.

11. *Милованов Г.И.* Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане (90-е гг. XIX в. – июнь 1941 г.). Махачкала, 1963.

12. *Надирадзе А.А.* Развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в дореволюционный период. Махачкала, 1969.

13. *Нахшунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

14. Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893.

15. Обзор Дагестанской области за 1901 г. Темир-Хан-Шура, 1902.

16. Обзор Дагестанской области за 1912 г. Темир-Хан-Шура, 1913.

17. Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915.

18. Очерки истории Дагестана / отв. ред. М.О. Косвен. Т. 1. Махачкала, 1957.

19. Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа / отв. ред. Р.М. Магомедов. Махачкала, 1978.

20. *Рамазанов Х.Х.* Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861–1900 гг.). Махачкала, 1972.

21. *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские XIX – нач. XX в. Махачкала, 2001.

А.А. Боголюбов

ВКЛАД ЭТНИЧЕСКИХ ПОЛЯКОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАВКАЗА В XVIII–XIX вв.

Период, о котором пойдет речь в данной статье, выбран для освещения деятельности этнических поляков на Кавказе отнюдь не случайно: именно в конце XVIII в. Польша в результате внутренних раздоров и внешнего негативного влияния трех соседних держав – России, Австро-Венгрии и Пруссии – прекратила существование как независимое государство, причем большая часть ее земель оказалась в составе Российской империи [9: 162].

В этих условиях многие представители польского народа приняли участие в освоении Россией Кавказа, которое ко времени, описываемом в статье, приняло широкие масштабы и требовало не только опытных и мужественных кадровых военных, но и сведущих в делах управления кадровых чиновников. Примеров описания подобного рода деятельности можно найти немало в польской научной и даже классической литературе. Рассмотрим некоторые из них.

Польский исследователь истории пребывания поляков на Кавказе Богдан Барановский утверждает, что уже в первых российских воинских частях, направленных в Грузию на рубеже XVIII–XIX вв., были этнические поляки, причем все они, по мнению Барановского, вступили в ряды Российской армии добровольно [8: 23–24].

Польский граф Ян Непомуцен Потоцкий во время своего путешествия по Северному Кавказу, предпринятого в самом конце XVIII в. и позднее описанного им в книге, встретил в Моздоке в 1797 г. капитана Российской армии, поляка по отцу и черкеса по матери Вильковского (к сожалению, Потоцкий не приводит в своей книге ни имени, ни даже инициалов этого человека). К тому времени Вильковский, по словам Потоцкого, прослужил в Моздоке уже 15 лет в качестве переводчика. Внимания заслуживает и упомянутый графом Потоцким факт, что российское поселение в местности Маджар (ныне город Будённовск и его окрестности) было основано по приказу генерал-майора Российской армии П.М. Скаржинского, поляка по происхождению [12: 382].

В самом начале 1820-х гг. городским головой г. Кизляра являлся поляк Михал Вржоско, взятый в плен во время войны с Наполеоном и позднее записанный в сословие мещан этого города. Он показал себя как весьма умелый и грамотный администратор [3: 1].

В 1804 г. эпидемию чумы в Грузии предотвратил выпускник Киево-Могилянской академии 1790 г. Пётр Томашевич. Позднее он служил врачом карантина в г. Моздоке, а затем, до самой своей смерти в 1826 г., городским врачом Моздока. Рассуждая о национальности П. Томашевича, будет уместно привести следующий факт из его жизни: Томашевич был женат на вдове, чья фамилия до вступления в брак была Токаржевская. Такого рода фамилии уже не должны вызывать сомнений в принадлежности их обладателей к польскому народу. В то же время весьма маловероятным представляется, что в то время Томашевич, если бы он был православным, получил бы разрешение на брак с полькой и католичкой [2: 15, 35, 79].

Адам Тржасковский, студент Виленского университета, сосланный на Кавказ в 1828 г. за принадлежность к тайной организации «Племя сарматов», будучи произведен в прапорщики, служил в Абхазии и много путешествовал. Известно, что в 1838 г. Тржасковский уже заведовал канцелярией управляющего Абхазией, Мингрелией и Гурией. В 1846–1847 гг. работы Тржасковского «Краткий исторический очерк Гурии» и «О сословиях в Гурии» были опубликованы в газете «Кавказ». В 1841 г. Тржасковский стал адъютантом генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского [6: 17]. Работы Тржасковского, безусловно, способствовали лучшему пониманию властями структуры общества в Гурии и тем самым более успешному управлению этой провинцией.

В 1829 г. строительная комиссия, ведавшая благоустройством казенных садов Горячеводска, как тогда назывался Пятигорск, утвердила Велизария Барта на должность садовника казенных садов Кавказских Минеральных Вод. В том же году он заложил сады [1: 13–14], существующие до сих пор.

Уже в конце 1830-х гг. инспектором общественных парков (садовым мастером) на Кавказских Минеральных Водах служил Пётр Ковальский, одновременно являвшийся рядовым Отдельного Кавказского корпуса. Уроженец Сувалкской губернии, Ковальский оставил дома жену с тремя детьми, а в Российской армии начал службу в 1830 г. [1: 34, 39]. По мнению автора статьи, вышеприведенные факты из жизни Петра Ковальского однозначно свидетельствуют о том, что он был взят в плен русскими войсками в самом начале польского восстания, чаще называемого в Польше «ноябрьским» по месяцу его начала в 1830 г. В дальнейшем Ковальский, как и многие его соотечественники, участвовавшие в этом восстании, был принудительно включен в состав Отдельного Кавказского корпуса.

Член конспиративной организации Шимона Конарского Владислав Бахриновский, студент Виленской медико-хирургической академии, будучи сосланным на Кавказ, чудом уцелел при взятии горцами русского укрепления Вельяминовского (ныне Туапсе) в 1840 г. Девять лет спустя, став унтер-офицером, Владислав Бахриновский основал в Сухум-Кале (ныне – Сухум) ботанический сад и стал его первым руководителем [14: 44].

Следует сказать и о таком выдающимся поляке, как Войцех Потоцкий. Будучи офицером Российской армии, в 1830 г., когда в Польше вспыхнуло восстание против российского владычества, он отказался воевать против соотечественников, за что был сослан на Кавказ, но с сохранением чина и на тех же правах, какими пользовались российские офицеры, поступившие на службу в этот регион добровольно. Очень скоро этот всесторонне одаренный человек, талантливый литератор сделался офицером по особым поручениям при наместнике Кавказа М.С. Воронцове [13: 24]. Эта должность позволяла оказывать существенное влияние на принятие решений по социально-экономическому развитию региона.

Оставляя за рамками исследования литературные достоинства произведений Войцеха Потоцкого и уже упоминавшегося здесь его знаменитого однофамильца графа Яна Непомуцена Потоцкого, автор хотел бы подчеркнуть, что их высокохудожественные произведения о Кавказе, написанные на польском языке, несомненно, косвенно оказывали благотворное влияние на социально-экономическое развитие региона, привлекая на кавказскую службу талантливых и образованных поляков в качестве сотрудников административного аппарата.

На Кавказе жили и другие польские литераторы, также составившие его описание. Служивший в Тифлисе офицером Российской армии польский граф Юлиуш Струтыньский в своих работах касался истории Грузии [13: 47–48]. Весьма подробно природу и социально-экономическое положение на Северном Кавказе в начале 1840-х гг. описывал в своих мемуарах офицер Российской армии Генрик Дзержек [10: 77–215].

Этнические поляки отличались на Кавказе и служа чиновниками, управленцами в этом регионе. Сделавший блистательную карьеру в Российской армии на Кавказе генерал-майор Марцелин Матвеевич Ольшевский в течение более чем двух лет, с января 1844 г. по апрель 1846 г., занимал пост гражданского губернатора Кавказской области [7: 14–15]. Среди многочисленных дел, которыми М.М. Ольшевскому приходилось заниматься, заслуживают внимания дела двух польских акушерок, приступивших к работе как раз в бытность М.М. Ольшевского гражданским губернатором Кавказской области.

В феврале 1846 г. в Кавказскую область по решению врачебного департамента Министерства внутренних дел прибыла Варвара Яцковская, сразу же по прибытии выплатившая из своего первого жалования 10 руб. серебром в качестве материальной помощи местным инвалидам [6: 1, 9, 13].

Марианна Гавроньская (урожденная Рудницкая) окончила Императорский акушерский институт в Белостоке. С 1834 г. на основании приказа министра внутренних дел приступила к работе в Ставрополе, где за десять лет самоотверженной деятельности снискала у жителей этой местности почет

и всеобщее уважение, оказывая помощь всем женщинам вне зависимости от их социального положения. В 1844 г. чиновники Ставрополя во главе с М.М. Ольшевским ходатайствовали о денежной премии в размере 250 руб. серебром выделения М.М. Гавроньской. Удалось добиться выделения лишь 30 руб. [5: 1–3, 6].

Среди поляков, проявивших себя на различных административных должностях на Кавказе и тем самым способствовавших политическому и социально-экономическому развитию этого региона империи, следует назвать Матвея Яновича Юношу-Залусского. К наиболее ранним (среди обнаруженных автором) следам деятельности чиновника относится действительное членство Юноши-Залусского в комиссии, занимавшейся наделением мусульманских народов землей на Северном Кавказе. Речь, скорее всего, шла о ногайцах и туркменах. Разрешением этого вопроса комиссия немало способствовала снятию социальной напряженности в регионе и укреплению международного авторитета России как страны, проявляющей заботу обо всех своих подданных, вне зависимости от их вероисповедания.

До назначения в комиссию Юноша-Залусский, уже имея опыт службы в Гродненской губернии, в 1815–1826 гг. служил лесным инспектором Кавказской губернии, а в 1826–1829 гг. – следователем Ставропольского уезда. На этой должности получил чин надворного советника. После этого, в 1829–1931 гг., Юноша-Залусский являлся членом комиссии, занимавшейся подготовкой нового административного деления Кавказа. В 1831–1835 гг. ему пришлось заниматься переселением польских семей, в том числе шляхты, из Подольской губернии на Северный Кавказ. Эта акция увенчала 25 лет его беспорочной службы в качестве чиновника [6: 232–239].

Во второй половине 1830-х гг. приставом по делам мусульманских народов Кавказской области был Игнатий Павлович Миронович, выходец из дворянской семьи, в 1828–1836 гг. (до переезда в Кавказскую область) служивший в Грузии [4: 280–285].

В качестве примера успешной работы врачей-поляков на Кавказе приведем деятельность Наполеона Галицкого, выпускника Виленской медико-хирургической академии и медицинского факультета Харьковского университета. В 1848 г. Галицкому удалось справиться с эпидемией холеры в Ставропольской губернии [11: 107].

Подводя итог этому весьма краткому описанию вклада этнических поляков в политическое и социально-экономическое развитие Кавказа в XVIII–XIX вв., можно прийти к выводу, что тема эта поистине неисчерпаема для тех исследователей, которые изъявили бы желание заняться ею глубоко и серьезно. Автор данной статьи лишь наметил некоторые направления такого рода исследований в будущем.

Источники и литература

1. *Верховец Я.Д.* Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных Вод, 1825–1850 гг. Пятигорск, 1911.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 63. Оп. 5. Д. 77.
3. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1608 (связка 149).
4. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1025.
5. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2723.
6. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 3085.
7. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1, Д. 3586.
8. *Baranowski B.* Polskie zainteresowania z XVIII i XIX wieku kulturą Gruzji. Wrocław, 1982.
9. *Dybkowska A.*, *Żaryn J.*, *Żaryn M.* Polskie dzieje od czasów najdawniejszych do współczesności. Warszawa, 1994.
10. *Dzierżek H.* Wspomnienia Kaukazu // Athenaeum. 1848. Oddział drugi. T. III. Nr. 4. S. 77–215.
11. *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku: Słownik biograficzny. Warszawa – Poznań, 2000.
12. *Potocki J.* Podróże / zebr. i opr. L. Kukulski. Warszawa, 1959.
13. *Reychman J.* Polacy w górach Kaukazu do końca XIX wieku // Wierchy. 1954. T. 23. S. 19–58.
14. *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny. Warszawa, 1998.

Р.Г. Сайгафаров

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В ОТНОШЕНИИ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НА ПРИМЕРЕ ЗАПИСКИ М.Б. БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ

Процесс вхождения народов Кавказа в политическое пространство Российской империи занял немало времени. На наш взгляд, он и не мог пройти быстро, в силу особенности данного региона, его ландшафта, климата и того, что здесь столетиями проживало местное свободолюбивое население.

Взгляд на трехсотлетнее российское правление на Северном Кавказе дает возможность на конкретных примерах убедиться в позитивности проведения имперской администрацией многих экономических мер. Этот богатый исторический опыт позволяет не повторять ошибок прошлого и проводить грамотную и выверенную политику в отношении республик Северного Кавказа и других субъектов Российской Федерации в настоящем.

Важнейшим историческим событием, предопределившим новое вступление России на Кавказ, стало присоединение Грузии к России в 1801 г. [1: 413–414]. К началу XIX в. между российской военной администрацией и местными народами уже сложилась определенная модель взаимоотношений. К сожалению, она не была продуктивной. Известный исследователь Я.А. Гордин сформулировал эту модель следующим образом: вторжение – ответный набег – карательная акция – озлобление и месть, провоцирующие новую карательную акцию, вынужденное смирение – новый набег и т.д. [2: 60].

При анализе феномена российско-кавказских отношений возникает вопрос: всегда ли модель взаимодействия была именно такой, существовала ли альтернатива? Этим вопросом до сих пор задаются отечественные и зарубежные исследователи.

Важно отметить, что в первое десятилетие XIX в. Кавказ еще не был ареной напряженного военного противостояния. С того времени, как князь П.Д. Цицианов был назначен на должность инспектора Кавказской укрепленной линии (1802 г.), Россия начала действовать в Грузии и на Кавказе в целом жесткими методами, которые она не использовала до этого. В отечественной историографии утвердилось мнение, что начало Кавказской войны связано с прибытием сюда генерала Ермолова (1817 г.). Отчасти это так, именно тогда началось открытое военное противостояние с горцами Северного Кавказа, однако основы такой политики, жесткой и бескомпромиссной, были заложены князем Цициановым. Сам Алексей Петрович Ермолов не раз в письмах восхвалял Павла Дмитриевича Цицианова, считал его своим учителем в кавказских делах [2: 78].

Рассматривая события на Кавказе с 1808 по 1817 г., то есть с момента ухода И.В. Гудовича (наместник Кавказа после Цицианова) и до прихода сюда генерала А.П. Ермолова, нужно отметить, что силовой вариант решения вопросов не всегда был доминирующим, были и попытки их урегулирования мирным путем, в частности, с привлечением взаимовыгодных экономических мер.

В Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА) сохранились документы, доказывающие попытки проведения российским правительством менового торга с горскими народами для восстановления спокойствия на Кавказской линии. Одним из таких документов является «Выписка из высочайшего апробованного журнала Комитета Министров» от 6 июля 1810 г. [3: 6–7].

В указанном документе была представлена точка зрения нового (назначенного в 1810 г.) военного министра Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, который, воспользовавшись последствиями очередного карательного похода, решил установить спокойствие на Кавказской линии исключительно экономическими мерами. Он полагал, что было бы полезно извлечь выгоду

из сложившегося положения и объявить от имени императора, что они (горцы) понесли наказание за набеги, однако раскаяние их «приемлется с милосердием». Более того, в честь данного раскаяния и примирения по Кавказской линии был бы установлен меновой торг. Соль и хлеб предоставлялись бы горцам с выгодами. Также на линии планировалось установить карантины для защиты границы от болезней и распространения инфекций. Из текста документа мы узнаем, что генерал С.А. Булгаков, командующий войсками на Кавказской линии, спрашивал позволения на прибытие к высочайшему двору депутатам от кабардинцев для просьбы о всемилостивейшем их прощении.

Комитет министров, поддержав инициативу военного министра, считал необходимым товарищу (заместителю) министра внутренних дел определить пункты на линии, где должны были быть установлены соляные заставы и «откуда и куда допускать их брать соль, которую дозволить им вывозить без платежа пошлины». Также ему поручалось сделать положение о карантинах, которые при этом были бы наименее отяготительными для горцев [3: 6–7].

На наш взгляд, приведенные экономические меры доказывают тот факт, что Военное министерство делало шаги для сближения с местными народами. По своему содержанию и историческому значению данные меры, по нашему мнению, можно назвать беспрецедентными. В частности, Комитет министров при установлении менового торга с горцами желал определить таможенного чиновника для записывания их товаров, «дабы узнать, в чем состоять будет сей торг, для открытия же оного и для учреждения карантинов отправить сюда чиновника, а между тем возвестить им всеобщую амнистию и вызвать их депутатов, чтобы через них лучше с ними ознакомиться и узнать, какие нужно принять меры для утверждения связи с ними» [3: 6–7].

Желание установить соляные заставы по всей Кавказской линии, карантины, которые были бы наименее отяготительными для горцев, получение ими соли и хлеба без пошлины в обмен на свои товары, объявление всеобщей амнистии и призыв депутатов от горцев для установления с ними связи – все эти шаги свидетельствуют, на наш взгляд, о стремлении Комитета министров и военного министра М.Б. Барклая-де-Толли установить взаимовыгодные экономические отношения с народами Северного Кавказа. А в перспективе сделать торговлю одним из главных инструментов ведения политики на Кавказе.

Феномен российско-кавказских отношений в контексте установления гражданского управления над покорными племенами Кавказа по-прежнему остается малоизученным в отечественной и зарубежной историографии.

Известный российский военный историк, публицист, генерал-майор, человек, который стоял у истоков отечественного кавказоведения, – Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883) в своей записке «Местное военное управление покорными племенами Кавказа» [4] размышлял на эту тему.

Он писал: «Мы должны действовать с особенной осторожностью, чтобы мерами преждевременными, чуждыми еще понятиям и нравам кавказских горцев, не внушить в них неудовольствия ко всем нашим нововведениям и не вызвать сопротивления с их стороны. Лучшим для того средством будет – применяться при всех наших преобразованиях в управлении мирными горцами к общественному их устройству и народным обычаям; каждое из этих преобразований должно быть только переходной ступенью, которой туземные племена нечувствительно могут достигнуть со временем до желаемого нравственного и гражданского развития» [4: 375–376].

Р.А. Фадеев в своей записке также отмечал важность гражданского благоустройства и образования кавказских горцев, говорил об улучшении их нравственного и материального быта. Генерал в отставке и основательный ученый продолжал и развивал идеи, которые за несколько десятилетий до него уже излагал военный министр М.Б. Барклай-де-Толли.

Возвращаясь к анализу архивных источников, нужно сказать, что в указанном деле РГВИА были и другие документы, связанные с этими экономическими мерами, в частности, письмо военного министра, адресованное генералу А.П. Тормасову [3: 2], главнокомандующему на Кавказской линии и в Грузии. В указанном письме мы видим реализацию названного выше мероприятия, попытку немедленного приведения в действие всех мер, способных «утвердить прочное спокойствие на Кавказской линии». Причем эти меры нужно было четко объяснить горцам в прокламациях, донести до них, что гнев императора связан с хищничеством и нападением на крепости, но при этом государь также заботится и об их благосостоянии, если они будут покорными и миролюбивыми. А если останутся навсегда такими, то богатства их только приумножатся. Данный факт доказывает желание императора Александра I, военного министра М.Б. Барклая-де-Толли и Комитета министров установить мир и справедливость на Кавказе. Мир и торговые отношения с горцами были выгодны и российской военной администрации, и самим жителям Кавказа.

Однако реализация названных мер на практике оказалась сложной задачей, о чем свидетельствует содержание адресованного генерал-лейтенанту Н.Ф. Ртищеву письма от неизвестного лица [3: 9]. Из документа мы узнаем, что экономические меры уже имели успех у кабардинского и «закубанского» народов. Однако автор задается вопросом, возможно ли ожидать аналогичного результата со стороны чеченского народа. И, отвечая на него, свидетельствует лишь о «начале данного успеха», заключавшегося в склонении на свою сторону духовенства и крупных владельцев, имеющих влияние на народ, которые просили позволения отправить к русскому генералу депутатов от народа. Автор описал конкретные действия, с помощью которых можно было установить меновой торг с чеченцами. Впоследствии тактика

переманивания чеченцев для жизни вдоль правого берега Терека будет последовательно применяться на протяжении нескольких десятилетий. Однако сначала эффект от этого был небольшим.

Указанный метод – строительство линии крепостей, получившей название Кавказской, – начал применяться еще в XVIII в. и имел успех на Северо-Западном Кавказе. Однако в Чечне и Дагестане, где местное население проживало высоко в горах и осуществляло набеги как на соседние селения, так и на те, что находились вдоль линии, данный метод был малоэффективным. Тем не менее попытки «научить» горцев жить мирно и вести торговлю с населением, перешедшим на сторону России, и казаками через установленные на линии соляные заставы методично продолжались. Те чеченцы и «покорные» племена, которые приняли условия российской военной администрации и стали жить вдоль Кавказской линии, образовав цепь своих поселений, вполне ощутили все выгоды от экономических мер, которые предприняло российское правительство в их интересах.

Таким образом, приведенные выше документы доказывают тот факт, что российское правительство и Военное министерство проводили политику утверждения «прочного спокойствия» на Кавказской линии не только военными методами, но и экономическими. Указанный в источниках опыт проведения экономических мер в отношении горцев Северного Кавказа является одним из первых в истории.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1. Тифлис, 1866.

2. *Гордин Я.А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М., 2011.

3. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 77.

4. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.

В.В. Фаузер, И.Л. Жеребцов, И.О. Васкул, Г.Н. Фаузер

РОЛЬ НАРОДОВ КАВКАЗА В КОЛОНИЗАЦИИ И ОСВОЕНИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ[1]

Республика Коми входит в Северо-Западный федеральный округ, расположена на Европейском Севере; активное экономическое освоение

[1] Публикация подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

началось в 1930–1940 гг. Экономический интерес государства к Коми автономии (автономной области с 1921 г., автономной республике с 1936 г.) был обусловлен рядом причин. Во-первых, регион имел выгодное транспортное расположение к экономически развитым районам страны. Во-вторых, он был богат лесными ресурсами, представляющими большую ценность для того исторического периода, поскольку проводимая в стране индустриализация требовала большого количества лесоматериалов. Это способствовало росту лесозаготовок, но тормозило развитие лесоперерабатывающей промышленности [11; 20].

Под колонизацией в настоящей работе понимается заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель страны («внутренняя колонизация»), а также основание поселений за ее пределами («внешняя колонизация»). С конца XVI в. началось освоение Сибири и Дальнего Востока. В XVI–XVII вв. заселялись южные районы Европейской России, в XVIII в. – Северное Причерноморье. Переселенчество из центральных районов Европейской России в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток, Северный Кавказ усилилось в начале XX в. [15: 604].

Объектом исследования выступает колонизация Республики Коми, предметом – выявление роли кавказских народов в колонизации Коми края в разные исторические периоды. Колонизация Европейского Северо-Востока не получила столь широкого освещения в российской научной литературе, как колонизация Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем имеется ряд обстоятельных публикаций, в которых подробно рассмотрена история колонизации этого обширного региона (см., например, разделы «Начальный этап древнерусской колонизации» и «Стихийная крестьянская колонизация» 4-й главы первого тома «Истории Коми» и другие работы) [1; 5–9; 13; 16; 17; 23; 25–30; 32].

Сделаем некоторые пояснения. Начнем с терминологии. Применительно к территории Севера, Сибири и Дальнего Востока использовались разные подходы к оценке их заселения и вовлечения в хозяйственные связи с «метрополией». Например, «заселение северных и арктических территорий с позиции описательно-исторического подхода происходило в форме колонизации. Помимо экономического значения, переселения и колонизация оказали влияние на культуру народов. <…> Колонизация Европейского Севера начинается с X–XII вв. с проникновением славян на слабозаселенные земли с финноугорским населением (карелы, коми, ненцы, вепсы, саамы) и по ряду исторических источников заканчивается в XVII в. с вхождением Севера в Московское государство» [31: 166–167]. Однако если использовать демографический подход Л.Л. Рыбаковского, то получится, что это произошло намного позже – в XX в. [21: 41].

Второй подход к терминологии применил академик А.П. Окладников, он использовал термин «открытие Сибири». То есть Сибирь не колонизировали,

а открывали. История Сибири, следовательно, есть история не только колоссальных ее пространств и их освоения, но и всего этого разноязычного и разнокультурного множества племен и народов. А вместе с тем история их сложных связей и отношений с народами не только соседних, но нередко и весьма отдаленных стран Востока и Запада [18: 6, 16].

В третьем случае, когда говорят о походе Ермака, эти события описывают, как «покорение (присоединение) Сибири». Несмотря на относительную мирность российского процесса заселения окраинных территорий, следует отметить, что присоединение Сибири и Дальнего Востока к России встречало сопротивление местных жителей и происходило на фоне ожесточенных боев коренных народов с русскими казаками. Военные столкновения происходили и в Коми крае, но связаны они были с несколько иными процессами. В XV в. население Коми края оказалось вовлечено в кровопролитные междоусобные столкновения, разгоревшиеся между Новгородом и Москвой за гегемонию на Севере Руси; во вражду между различными кланами рода Рюриковичей, претендовавших на великокняжеский престол; в борьбу между центральной московской властью и стремившимися к самостоятельности регионами. Кроме того, в силу сохранявшегося пограничного положения Коми края его жители не могли избежать участия в военных столкновениях между Московским княжеством и его зауральскими соседями [13: 62, 67].

Общие черты и особенности русской колонизации. Объединяет русскую и западноевропейскую колонизацию то, что первыми на колонизируемые территории приходили вооруженные люди. Однако на захваченных западноевропейскими колониальными державами территориях проживали сотни тысяч и даже миллионы коренных обитателей; были уничтожены цивилизации инков, ацтеков, майя. В отличие от этого на землях, присоединяемых к России, численность населения относительно масштабности этих территорий была невелика, и, как отмечает Л.Л. Рыбаковский, интересы переселяющегося в Сибирь и на Дальний Восток населения из центральных и западных районов России не вступали в противоречие с хозяйственными интересами коренных жителей, как правило, проживавших в северных местностях и занимавшихся не земледелием, а рыбным промыслом, оленеводством, охотой и т.д. [21: 40].

Другая черта колонизации территорий западноевропейскими колониальными державами состояла в том, что они изначально становились местами ссылки. Такая форма колонизации была присуща и России, но в меньших масштабах. Известно, что в заселении Сибири (позже Дальнего Востока) присутствовала криминальная форма. С конца XVI в. Сибирь становится местом ссылки. В XVII в. ссыльные появились уже на берегах Лены. В том же веке в составе ссыльных были уже не только политические,

но и уголовные преступники. Доля ссыльных в составе русского населения Сибири в середине XVII в. составляла 11,5 %, в начале XVIII в. – 8,6 %. С началом заселения Приамурского края ссылка из Забайкалья перемещается в этот район. Однако ссыльных поселенцев там было немного. В целом, доля ссыльных в населении азиатской России к наступлению нового столетия была в 1,7 раза больше, чем доля казаков. Тем не менее относительно основной массы переселенцев, преимущественно крестьянства, их доля была в 15–16 раз меньше [21: 44–45].

Отличие русского переселения от наблюдаемых в других странах заключается в том, что «избытки русского населения переселялись не в чужестранные государства, а в местности, входящие в состав русской государственной территории. Русский переселенец не чувствовал себя покидающим отечество» [14: 6]. Различие «между колонизацией и переселением состоит в том, что переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной» [4: 24].

Наиболее существенной предпосылкой успешной колонизации является право государства на естественные богатства страны, то есть прежде всего на землю. Но «при заселении территорий, где проживает коренное население, проистекает необходимость примирить противоположные интересы и вести земельную политику так, чтобы не обидеть ни тех, кто хочет сохранить свою землю, ни тех, кто хочет ее приобрести» [3: 5, 6, 10].

Коми народ сформировался в начале XI в., тысячу лет назад. В 1481 г. было проведено описание земель и населения великого княжества Московского, завершившее длительный процесс вхождения Коми края в единое Московское государство [13: 68]. Однако вхождение в состав Московского государства не свидетельствует о начале или завершенности процесса колонизации Коми края. Этот процесс имеет строгие исторические – временные границы. Началом колонизации является время присоединения новой территории, после чего наступает ее заселение колонистами – выходцами из страны, которая захватила или присоединила населенные или прежде пустующие земли к своему государству. Совсем иное дело – установление временных границ окончания процесса колонизации той или иной местности. По мнению Л.Л. Рыбаковского, границей окончания данного процесса является то время, когда на смену основному компоненту увеличения численности жителей осваиваемой территории – переселению – приходит другой компонент – естественный прирост населения. С этого времени начинается нормальное демографическое развитие и дальнейшее освоение данной территории [21: 40–42].

Кавказская компонента в динамике численности населения российского Севера. Количественно оценить роль кавказских народов в колонизации Коми края или ее отсутствие в досоветский, советский и постсоветский

периоды можно по переписям населения. Сделаем два отступления. Во-первых, Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. учитывала вероисповедание и владение языками, вопрос о национальности отсутствовал. Во-вторых, трудность анализа состоит в том, что современная территория Республики Коми в XIX в. входила в состав Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний [13]. Поэтому данные можно приводить исключительно по этим губерниям в целом, распространяя их на Коми край.

Досоветский период. Если обратиться к трудам известного этнографа Л.Н. Жеребцова и его последователей, то в опубликованных работах нет упоминания о присутствии представителей Кавказа на территории современной Коми [10]. Скудные упоминания об «инородцах» связаны с Первой Всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. Она показала, что представителей Кавказа на Европейском Севере практически не было. Так, в Вологодской губернии, куда входила значительная часть Коми края, проживало 176 магометан (163 мужчины и 13 женщин). Родным языком 7 человек указали армянский (4 мужчины и 3 женщины), 10 человек (4 мужчины и 6 женщин) – наречия кавказских горцев (черкесское). В Архангельской губернии насчитывалось 55 магометан (48 мужчин и 7 женщин); грузинский язык указали родным 4 человека (3 мужчины и 1 женщина), наречия кавказских горцев (черкесское) – 10 человек (7 мужчины и 3 женщины).

Советский период. По Всероссийской переписи населения 1926 г., в Коми автономной области проживали: осетины – 1 человек (мужчина, сельское население, Мохченская волость Ижмо-Печорского уезда), армяне – 2 человека (мужчина и женщина, городское население, г. Усть-Сысольск) [24: 60]. Как видим, до начала 1930-х гг. Закавказье практически не было представлено на российском Севере. Но это и закономерно – колонизируются в первую очередь территории, обладающие избытком плодородных земель. Коми край к их числу не относился, а природные ресурсы (уголь, нефть, газ) лишь предстояло открыть и сделать пригодными для промышленной эксплуатации.

Однако стоит отметить, что росту этнического многообразия способствовало то, что в конце 1920-х гг. политическая ситуация в СССР изменилась. Победила линия И.В. Сталина, согласно которой «дело построения социализма» в стране пролетарской диктатуры можно осуществить «в исторически минимальные сроки». Выполнение главной хозяйственной задачи Северного края – всемерного развития лесозаготовок и лесопиления – предопределило специализацию Коми автономной области в основном на заготовку древесины. Решение этой задачи требовало привлечения значительного числа трудовых мигрантов, в том числе и за счет принудительной миграции, с чем государство успешно справилось [12].

Таблица 1. Представительство народов Кавказа в Республике Коми, переписи населения 1926–2021 гг., человек (сост. по: [2; 19])

Национальность	**Год**								
	1926	**1939**	**1959**	**1970**	**1979**	**1989**	**2002**	**2010**	**2021**
Все	207 314	318 996	806 199	964 802	1 110 361	1 250 847	1 018 674	901 189	737 853
Русские	13 731	70 226	389 995	512 203	629 523	721 780	607 021	555 963	398 547
Коми (зыряне)	191 245	231 301	245 074	276 178	280 798	291 542	256 464	202 348	127 089
Народы Кавказа	3	515	5310	4748	8502	13 616	13 017	10 927	6056
в том числе:									
Азербайджанцы	–	112	1374	950	2158	4728	6066	4858	2710
Армяне	2	164	1894	1276	2104	2171	2102	1717	907
Лезгины	–	12	–	179	331	930	1198	1406	812
Грузины	–	62	1328	851	1526	1683	896	614	295
Ногайцы (ногаи)	–	–	–	10	26	75	53	201	222
Чеченцы	–	58	282	125	309	537	410	311	205
Аварцы (авары)	–	6	–	125	243	529	374	292	164
Даргинцы	–	6	–	77	121	263	268	251	140
Осетины	1	40	432	503	670	758	418	323	116
Табасараны	–	–	–	13	42	95	105	116	75
Кумыки	–	11	–	43	111	246	198	142	70
Кабардинцы	–	8	–	156	267	348	191	128	52
Ингуши	–	11	–	78	129	249	156	123	46
Лакцы (лаки)	–	1	–	41	44	112	94	61	43
Талыши	–	–	–	–	–	–	49	29	42
Черкесы	–	–	–	31	61	108	29	39	35
Рутульцы	–	–	–	2	–	37	52	25	30
Адыгейцы	–	9	–	115	95	181	64	40	17
Карачаевцы	–	2	–	32	75	97	84	76	16
Абхазы	–	2	–	32	48	115	45	40	12
Абазины	–	–	–	12	15	58	33	14	10
Балкарцы	–	4	–	12	42	149	33	21	10
Агулы	–	–	–	–	5	25	19	28	7
Курды	–	–	–	34	26	37	7	11	5
Цахуры	–	–	–	3	1	6	16	15	5
Ассирийцы	–	5	–	25	34	33	16	9	3
Езиды	–	–	–	–	–	–	11	27	3
Таты	–	–	–	9	13	17	5	6	3
Евреи горские	–	–	–	14	6	24	24	4	1
Евреи грузинские	–	–	–	–	–	2	1	0	–
Удины	–	–	–	–	–	3	–	–	–

Поскольку одной из форм колонизации является принудительное переселение населения, в том числе ссылка заключенных, то можно предположить, что появление кавказских народов в республике в 1930–1950-е гг. связано именно с принудительной миграцией. Начало миграциям этого типа положил «политический террор –период репрессий правящего режима против собственного народа» [22: 5]. За 1932–1938, 1940 гг. численность заключенных, содержавшихся в ИТЛ НКВД СССР составила 5 842 278 человек, из них на представителей народов Кавказа пришлось 122 854 человек, или 2,1 % [22: 238]. Можно допустить, что определенная их часть была сослана в Коми край.

Выше мы уже отмечали, что только переписи населения дают информацию о национальном составе населения. С 1926 по 1939 г. численность народов Кавказа в Коми увеличилась с 3 до 515 человек. Десятикратное их увеличение произошло с 1939 по 1959 г. и достигло 5310 человек. Пик численности кавказских народов пришелся на 1989 г. – 13 616 человек, или 1,1 % от численности населения республики; в последующие годы шло постоянное их уменьшение. К 2021 г. численность кавказских народов составила 44,5 % к уровню 1989 г. (табл. 1).

В целом можно заключить, что в освоении и заселении Республики Коми народы Кавказа приняли опосредованное участие. Другое дело – влияние на культурное развитие республики. Среди представителей Кавказа много ученых, общественных деятелей, квалифицированных специалистов и рабочих, занятых во всех отраслях народного хозяйства республики.

Благодарности: авторы признательны Андрею Смирнову и Назару Журавлеву за помощь в подготовке рукописи к печати.

Источники и литература

1. *Васкул И.О.*, *Волокитин А.В.*, *Жеребцов И.Л.*, *Карманов В.Н.*, *Кленов М.В.*, *Мурыгин А.М.*, *Павлов П.Ю.* Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть II) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 2. С. 71–79.

2. Всероссийская перепись населения 2020. URL: https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020 (дата обращения: 27.07.2023).

3. *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. Вып. 2. СПб., 1913.

4. *Давидов Д.А.* Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии / Известия Восточного института. Т. 37. Вып. 1. Владивосток, 1911.

5. *Жеребцов И.Л.* Влияние изменений климата на процессы заселения Европейского Севера России. Сыктывкар, 2007.

6. *Жеребцов И.Л.*, *Безносова Н.П.*, *Вишнякова Д.В.*, *Игнатова Н.М.*, *Рожкин Е.Н.*, *Фаузер В.В.*, *Шабаев Ю.П.* От первобытных стоянок – к городам.

Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2014.

7. *Жеребцов И.Л.*, *Крашенинникова Ю.А.*, *Бандура С.В.* Формирование и некоторые этнокультурные традиции русских старожильческих групп Выми, Сысолы, верхней Лузы и верхней Печоры // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2021. № 2. С. 6–39.

8. *Жеребцов И.Л.*, *Рожкин Е.Н.* Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001.

9. *Жеребцов И.Л.*, *Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005.

10. *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

11. *Задорожный В.Н.*, *Залевский В.А.*, *Фаузер В.В.* Республика Коми: социально-экономическое развитие. М., 2011.

12. *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа: 1918–1958. М., 2015.

13. История Коми с древнейших времен до современности. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. И.Л. Жеребцова, А.А. Попова, А.Ф. Сметанина. Сыктывкар, 2011.

14. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.

15. Колонизация // Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.; СПб., 1993.

16. Миграционный фактор в формировании этносословных групп Северного Приуралья (XVI – начало XX века). Материалы к XIII Конгрессу антропологов и этнологов России (г. Казань, 2–6 июля 2019 г.). Сыктывкар, 2019.

17. *Обедков А.П.* Образование городов как фактор русской колонизации Евразийского Севера в дореволюционный период. Сыктывкар, 2005.

18. *Окладников А.П.* Открытие Сибири. М., 1981.

19. Переписи населения. Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1 (дата обращения: 27.07.2023).

20. *Подоплелов В.П.*, *Фаузер В.В.*, *Загайнова Г.В.* Население Коми АССР. Доклад на заседании президиума Коми научного центра УрО АН СССР, 17 мая 1990 г. Сыктывкар, 1990.

21. *Рыбаковский Л.Л.* Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 38–46.

22. *Рыбаковский Л.Л.* Политический террор. 1937–1938 гг. М., 2013.

23. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005.

24. *Сквозников В.Я.*, *Жеребцов И.Л.*, *Фаузер В.В.*, *Безносова Н.П.* Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001.

25. *Фаузер В.В.*, *Жеребцов И.Л.* Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар, 2000.

26. *Фаузер В.В.*, *Жеребцов И.Л.* Демографическое развитие Республики Коми // Человек на Севере в XXI веке: горное дело, ТЭК, экология, народонаселение. Ч. 1. Сыктывкар, 2001. С. 390–397.

27. *Фаузер В.В.*, *Жеребцов И.Л.* Демография сельского населения Коми края // Столетний вклад Российской академии наук в становление и развитие сельского хозяйства на Европейском Севере: перспективы использования фундаментальной науки. Сыктывкар, 1999. С. 11–12.

28. *Фаузер В.В.*, *Жеребцов И.Л.* Русские в Коми крае: тысяча лет миграций // Финно-угорские народы: проблемы этнической и языковой идентификации. Сыктывкар, 1999. С. 36–38.

29. *Фаузер В.В.*, *Жеребцов И.Л.* Управление социально-демографическими и этническими процессами в национальном регионе (на примере Республики Коми XV–XX вв.) // Российский фонд фундаментальных исследований. Региональный конкурс «Урал-2001» в Республике Коми (отчеты 2001–2003 гг.). Сыктывкар, 2004. С. 361–383.

30. *Фаузер В.В.*, *Жеребцов И.Л.* Этнодемографические процессы в Коми в XX – начале XXI века // Историческая демография. 2008. № 1. С. 77–85.

31. *Фаузер В.В.*, *Лыткина Т.С.*, *Смирнов А.В.* Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 158–174.

32. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006.

В.А. Матвеев

«КАРСПЕРЕСЕЛЕНЦЫ»: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИСХОДА С КАВКАЗА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Изменившаяся в соответствии с классовым критерием после Октябрьского переворота 1917 г. в России политика, как известно, была нацелена на мировую революцию, ради которой В.И. Ленин и его окружение готовы были пойти на какие угодно уступки. За иллюзии же красного вождя и его сподвижников расплачиваться приходилось всему российскому обществу. Трагическая участь постигла и восточнославянское население Кавказа, причем не только из-за возникавших межэтнических конфликтов. Помимо огромных материальных затрат на поддержку ожидавшихся потрясений

в других странах, советское руководство принимало решения, подрывавшие на ряде направлений геополитические и цивилизационные позиции России. Предопределялось тем самым и сокращение государственного пространства. Наряду с этим провоцировалась также зачистка территорий от проживавшего издавна на них населения.

Из всех массовых перемещений с Кавказа исследователями затрагивалась лишь тема армянского беженства [1]. В вынужденный исход вовлекались между тем и сельские общества русских [5: 1]. Пространство южных ареалов подвергалось переорганизации не только по национальному, но и по конфессиональному признаку. Необходимость оставлять обжитые места затронула и сектантов Карской области, водворявшихся в ней ранее на постоянное место жительства как по принуждению вследствие религиозных преследований, так и по собственной инициативе. Преобладающая их часть относилась к рационалистическим толкам. Данная статья содержит анализ обстоятельств выселения принадлежавших к ним сектантов из Карской области. Исход из нее духовных христиан (духоборов и молокан) в начале 1920-х гг. оказался полным. В служебной переписке появилось относившееся к ним определение «карспереселенцы» [5: 19, 21, 24]. Достигавшаяся в течение длительного времени устойчивость российского присутствия в регионе с их исходом оказалась подорванной. Произошло вследствие этого сокращение и удерживавшегося ранее Россией пространства. При принятии решений судьбы людей во внимание не принимались. Последствия политики, основывавшейся на радикальных подходах и игнорировании достигнутых результатов в предшествующие периоды, в ряде случаев стали необратимыми.

По исповедным практикам духовные христиане с мистическими направлениями сектантства ничего общего не имеют. Учения их являются разновидностью протестантизма. В соответствии со справочниками советского периода отход духовных христиан от канонической общности с Русской православной церковью выражался в отвержении священства, монашества, необходимости посещения храмов, почитания икон, соблюдения установившихся таинств и т.д. И это для ответвлений служило показателем отчасти совпадавшего вероисповедного уклона. Информация о духоборах и молоканах сопровождалась также пояснением, что представители данной разновидности конфессиональной оппозиции являлись носителями надежд крестьян на установление справедливого строя «на началах коллективизма» [2: 143]. Религиозное приобщение духоборы рассматривали как «внутреннее откровение» и с использованием преимущественно евангелических сюжетов составили собственное собрание псалмов, передавая их «изустно из поколения в поколение» [2: 143]. Отвергая воцерковление, духоборы причащение производят «через слово, мысли», приверженность

новозаветным предначертаниям и «сердечное желание» их неукоснительного соблюдения [10: 413]. Единственным источником истины молокане, напротив, почитали библейские повествования. Помимо этого, не признавались ими и мощи святых. Ветхозаветные истории молокане истолковывают в этическом, духовном смысле, только их считая «главным руководством в повседневной и личной жизни» [2: 278].

Смысл существования управлявшие общинами «старцы» в наставлениях сводили к раскрытию «заложенного богом в человека доброго начала, в нравственном совершенствовании». В молоканских общинах поддерживалась идея спасения верой без каких-либо посредников при налаживании контакта с высшей инстанцией. Культовая обрядность сведена «к молитвенным собраниям, проповедям и пению» [2: 278]. Молокане поддерживали стремление к организации «праведной общины», функционирующей на особой религиозно-трудовой этике [10: 825]. Если отдельные расселявшиеся на Кавказе ответвления духоборов придерживались неприятия государственной власти, отказывались под воздействием такой мотивации «платить подати», избегали несения военной и полицейской службы [10: 413], то молокане «присягу властям» принимали и призыв в армию не отвергали [10: 826]. Иное отношение устанавливалось лишь в отдельных обособлениях. Так или иначе, духоборы и молокане находились в оппозиции к Русской православной церкви, отрицая ее обрядность и необходимость исполнения канонических установок. Сами себя они сектантами не считали. Предпринимавшаяся правительством по настояниям синода ссылка духовных христиан, как и последователей иных конфессиональных оппозиций, на окраины преследовала цель предотвратить совращение православных верующих в отход от канонического стандарта веры. В переселение адепты нередко вовлекались также под мистическим воздействием. Такое перемещение на периферию государства оформлялось произвольно. Но и в этом случае оно сопрягалось с немалыми трудностями.

Образное описание В.О. Ключевским русской колонизации «из края в край» как «птичьих перелетов», имело расхождение с действительностью [7: 31]. Духовные христиане, как и остальные восточнославянские переселенцы, обосновывались на пустошах, которые чаще всего необходимо было осваивать и вводить в хозяйственный оборот. Перемещения на новые места были не такими легкими. Неслучайно в губерниях с преобладавшим великорусским населением «вся деревня провожала переселенцев плачем, как рекрутов» [8: 15].

Духоборам и молоканам помогало то, что они поддерживали особый культ трудолюбия. При ссылках и самостоятельном водворении на российском Кавказе они вводили в сельскохозяйственный оборот не возделывавшиеся ранее целинные земли, для их орошения прорывали каналы.

Религиозная убежденность способствовала, как и в других частях российского Кавказа, приспособлению духовных христиан к непростым климатическим условиям Карской области, где их села вынужденно или по собственной инициативе стали появляться лишь во второй половине XIX в. Здесь было налажено высокоэффективное сельскохозяйственное производство. Практиковался извоз и иные виды дополнительных заработков.

Высокая эффективность хозяйственной деятельности молоканских общин, поселившихся в «низменности между Зеей и Буреей» на Дальнем Востоке, ставилась в пример даже на правительственном уровне. И в этой с непростыми климатическими условиями местности так же, как и на Кавказе, по получаемым результатам они доказывали возможность обеспечения на основе упорного труда устойчивого достатка. Для обработки земли некоторые общины молокан на Дальнем Востоке пользовались покупавшимися американскими машинами. Степень культуры организации сельскохозяйственного производства у них не уступала самым передовым для того времени мировым стандартам. Достигалось за счет этого и благополучие [9: 136–137].

Под влиянием исповедальных практик и условий местности группы духоборов и молокан приобретали черты самобытной общности «с оригинальным фольклором, обрядностью, бытом» [10: 826]. Они привыкали к специфике локаций обитания [4: 29]. Несмотря на оппозиционность официальному православию, духовные христиане оставались частью восточнославянской общности. Небезразлична была им и судьба отечества. Последователи русского протестантизма после произошедших перемен в России под влиянием Революции 1917 г. и Гражданской войны вынуждены были покинуть и обжитую при весьма суровом климате высокогорья местность в Карской области.

Переселялись они также из других частей Кавказа. Наиболее массовым был исход терских казаков и иных групп русского населения из северо-восточных пределов края, где происходили вспышки межэтнических конфликтов. Напряженность не устранялась и с их прекращением. Это и обусловливало массовое перемещение русского населения в соседние субъекты, в том числе и из Закавказья. С началом советской эпохи политика по отношению к сектантам изменилась. Впервые они стали рассматриваться на равных с остальными согражданами. Важным условием для этого являлось признание социалистического выбора. Попытки же установления контроля за стихийными перемещениями земельными органами стали предприниматься только с 1920 г. [6: 38]. Но и после этого на некоторых направлениях «вольность переселенческого движения» сохранялась [6: 114]. Включавшиеся в него надеялись воспользоваться создавшимся к концу Гражданской войны «широким земельным простором» [6: 114–114 об.].

Беженцы устремлялись прежде всего туда, где надеялись получить участки. Тезисы о необходимости подготовки к их приему были представлены краевому земледельческому съезду Юго-Востока РСФСР еще 10 января 1921 г. [3: 1]. В связи с подписанием 16 марта большевистским руководством Московского договора с Турцией массовый исход христианского населения с передаваемой по его условиям части территории российского Кавказа был ожидаем. На основании выданных Народным комиссариатом земледелия при Реввоенсовете Кавказской трудовой армии мандатов для «карсперeселенцев» отводились земли «в Сальском округе Области Войска Донского» [5: 44]. Прежнее название ее, как видно, при принятии решения еще сохранялось. Через непродолжительное время она была переименована в Донскую область.

Приток беженцев намечался не только из южных, но и центральных ареалов. Определялось это наличием в пределах Донской области свободных земель, «заведомо годных» для их «немедленного принятия» из различных частей страны [3: 1]. В связи с конфискационными мероприятиями у собственников и убылью населения фонд земель, пригодных для введения в сельскохозяйственный оборот, достиг значительных размеров. Отводились на нужды обустройства земли упраздненного Западного коннозаводства Сальского округа. Из их состава создается колонизационный фонд специального назначения. Обследование возлагалось на ответственное за колонизацию подразделение Донского землеустроительного отдела, которому вменялось в обязанность завершить работу к 1 марта 1921 г. [3: 2].

Площадь пригодных земель для колонизационного фонда была, таким образом, установлена предварительно [3: 13]. Уполномоченными Донского землеустроительного отдела он признавался «как достаточно обследованный и обеспеченный водою» [3: 14]. Подготовка дел по завершении изысканий переселенческих участков данным ведомством была включена в план работ на полевой сезон 1921 г. Учитывались высказывавшиеся ходоками пожелания [3: 20]. По данному поводу, судя по всему, велась предварительная переписка. В центральные органы власти и ведомства Донской области подавались прошения по поводу предстоявшего переселения. Первыми для изучения перспективы переселения своих представителей направили духоборы.

Намерение же в него включиться существовало у всего русского населения Карской области, в том числе и у молокан. В их среде бытовала легенда о предварительном обращении ходоков от сектантов Карской области к самому главе советского правительства – председателю Совета народных комиссаров РСФСР. Выслушав их просьбу, В.И. Ленин якобы разрешил переселение, дав поручение о содействии соответствующим ведомствам.

Подтверждений же этому в служебной переписке не обнаружено. Однако поддержка органов власти обеспечивалась, на основании чего можно сделать вывод о наличии каких-то указаний. Сектанты впервые получили полное гражданское признание. Введение данного принципа при П.А. Столыпине сопровождалось нежеланием сотрудников аппарата управления отказываться от прежних подходов и наталкивалось вследствие этого на препятствия.

Революционный метод в разрешении данного вопроса оказался оправданным, хотя в других случаях, в том числе в исходе «карсепереселенцев» с обжитых мест, обусловил трагические последствия. Они пополнили колонизационные потоки армян, ассирийцев, греков и некоторых других категорий христиан. При исходе из Карской области, по воспоминаниям представителей старших поколений духовных христиан, их преследовали отряды турецких разбойников (башибузуков), состоявшие преимущественно из курдов. Откупаться беженцам удавалось золотом. Обстоятельства вынужденного перемещения и обустройства «карсепереселенцев» в местах разрешенного советским правительством водворения в Донской области остаются не изученными.

Духоборам и молоканам была предоставлена возможность компактного поселения на целинных землях в Сальских степях. По существовавшему в служебных инструкциях определению к ним относили «твердую залежь», в качестве которой признавали и «брошенную пашню… не подвергавшуюся обработке не менее чем 10 лет» [4: 115]. Постановлением 26 мая 1921 г. ВЦИК разрешил духоборам и молоканам из Грузии, Армении и Азербайджана переселение в пределы России. Подпись под резолюцией «Утверждаю» поставил 21 июня 1921 г. член коллегии Народного комиссариата земледелия П.А. Месяцев. Предусматривалось зачисление за духоборами и молоканами земли «из расчета по 5 десятин на душу», с сохранением на нее права в течение одного года [5: 44]. Это регламентировало на начальной стадии переселенческий процесс и обретение оседлости.

Покидавшим Карскую область последователям русского протестантизма так же, как армянам и другим христианским беженцам, защита и поддержка государственной властью в начале 20-х гг. XX в. оказывалась минимальная. Полагаться они могли преимущественно только на собственные силы. Содействие их обустройству сопровождалось проволочками [5: 1]. Следовали лишь неоднократные предписания «ускорить» реализацию принимавшихся решений [5: 32, 75, 75 об., 89, 101]. В этом прослеживается отличие от практик имперского периода, когда в тех или иных формах обеспечивалось попечительное сопровождение пострадавших. Для придания организованности передвижению из Закавказья и водворению в Сальском округе Донской области «карсепереселенцы» создавали группы, на которые

возлагались полномочия поддержания контактов с ведомственными учреждениями разных уровней [5: 1].

Ситуация с приемом беженцев осложнялась, кроме того, из-за «недорода в 1921 г. вследствие засухи» [4: 1]. После поступивших распоряжений вышестоящих органов власти отводом участков в Сальских степях занимался переселенческий отдел центрального управления землеустройства и мелиорации. Практическое осуществление директив возлагалось на Народный комиссариат земледелия Юго-Востока России. Со своей стороны «карспереселенцы» для контактов с различными ведомствами создавали инициативные группы. Образованы были, например, исполнительные комитеты «общины духоборцев Кавказа» [5: 19] и «объединенных молоканских общин» [5: 1]. Возглавили их уполномоченные верующими председатели [5: 1].

В связи с подписанием 13 октября 1921 г. на конференции в г. Карсе договора «о дружбе между Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР» с Турцией при участии делегации РСФСР к переселению склонились даже те, кто испытывал колебания. Содержание же документа лишь воспроизводило московский вариант. Привлечение представителей Закавказских республик было сугубо формальным. К приему беженцев тем не менее ответственные работники советских органов подготовились. Распределены были и ведомственные полномочия. Перемещались «карспереселенцы» к месту назначения с пожитками, запасами продовольствия, фуражом для перевозимого скота от Поти до Новороссийска на пароходах, а затем до станции Целина по железной дороге и какая-то часть сухопутным маршрутом через Армавир с остановками. Повсеместно на органы власти возлагалась обязанность «переселенцам из Турции» оказывать содействие [5: 29]. Обеспечивалась им и защита в случае возникновения недоразумений [5: 32].

Уполномоченный по крайпереселению обязан был составлять подробные сводки с указанием численности прибывающих людей, количества перевезенных лошадей, скота, зерна и другого продовольствия. В них значились сведения за март, апрель, май и июнь 1922 г. Примечательно сопроводительное указание, что все это «перевозки из Турции на Юго-Восток России» [5: 24]. Восприятие отошедшего к ней пространства исторической Армении, в том числе бывшей Карской области, уже закрепилось. Отмеченные в сводке месяцы позволяют констатировать, что прибытие «карспереселенцев» в Сальский округ Донской области происходило в 1922 г., преимущественно в марте, апреле, мае и июне. Приехав в Сальский округ в 1922 г., «карспереселенцы» во избежание недоразумений и последующих споров с помощью жребия установили, «какое пространство занимать» [5: 2].

Донским областным земельным управлением с учетом сплоченности сектантов предусматривалось проведение границы «массива молокан» в сопредельности «с южной границей массива духоборов» [5: 2]. Беженцев из Карской области при принятии решений в 1922 г. определяли и в качестве «переселенцев из Закавказья» [5: 5]. Вместе с тем входило в оборот обозначение «Карспереселенцы духоборцы и молокане Сальского округа» [5: 21]. По советскому образцу с опорой на традиционный общинный опыт они организовывали коллективные хозяйства. Одна из артелей у молокан получила наименование, к слову, «Новая жизнь» [5: 12], которое совмещало сектантский и советский оттенки.

Подведем итог. Отселение на окраины сектантов в России на правительственном уровне рассматривалось как возможность исключить распространение их учений и отвод верующих от официальной православной церкви. За счет применения данной меры таких, как в Европе, религиозных конфликтов не наблюдалось. При проживании на Кавказе духоборы и молокане восприняли особую субэтничность. Их самосознание отражало принадлежность и к русскому народу, и к особой религиозной и кавказской региональной общности. После переселения в Донскую область это самоопределение подверглось изменению. Карская идентификация постепенно ослабевала. Информация о карских истоках тем не менее продолжала передаваться между поколениями.

Несмотря на это, идентичность сектантов постепенно утрачивалась. Сказывалась, по-видимому, атеистическая пропаганда, воздействие на подрастающие поколения советских идеологических и образовательных стандартов. Прояснялось, что исповедная практика духоборов и молокан для сложившейся самобытности их общин служила условием возникновения и защиты. Приобретенный в тот период опыт позволил освоиться на отведенных по распоряжению советского руководства землях, для возделывания которых требовались немалые усилия. Через непродолжительное время занятые общинами сектантов так же, как и на Кавказе, территории благодаря их трудолюбию были введены в сельскохозяйственный оборот.

Как и остальное население страны, духоборы и молокане признавали советскую власть, вступали в партию, воспринимали все ее призывы и являлись советскими гражданами, отходя под воздействием атеистической пропаганды от прежних религиозных убеждений и становясь прежде всего русскими. Закрепившаяся за ними репутация добросовестных работников подтверждалась. Продолжая трудиться на благо родины, духоборы и молокане вносили свой посильный вклад в ее экономическое развитие. Откликнулись они и на призыв встать на защиту родины с началом Великой Отечественной войны. В образованных духоборами и молоканами селах к концу

советской эпохи учения и связанной с ним обрядности придерживались лишь представители старших поколений.

Источники и литература

1. *Акопян В.З.* Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е гг. XX века. Пятигорск, 2015.

2. Атеистический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984.

3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 129.

4. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 332.

5. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 333.

6. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 407.

7. *Ключевский В.О.* Сочинения. В 8 т. Т. 1. Ч. 1. Курс русской истории. М., 1956.

8. *Миронов Б.* Когда в России жилось хорошо? // Родина. Российский исторический журнал. 2008. № 4. С. 15–21.

9. *Столыпин П.А.* Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1908 года // Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия!: Полное собрание речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / сост., примеч., вступ. ст. Ю.Г. Фельштинского. М., 2011. С. 129–141.

10. Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2008.

А.Х. Карданова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В БАТАЛПАШИНСКОМ ОТДЕЛЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

К началу апреля 1920 г. на всей территории Северного Кавказа была установлена советская власть. В марте 1920 г. был образован Северо-Кавказский ревком. В его состав вошли видные большевики: Г.К. Орджоникидзе (председатель), С.М. Киров, Я.В. Полуян (заместители), А.М. Стопани, Б. Мдивани, Н.Н. Нариманов, С.И. Габиев (члены). В апреле 1920 г. было создано Кавказское бюро ЦК РКП(б), в деятельности которого основное внимание было обращено вопросам партийного и советского строительства в крае. Был упразднен Кавказский крайком партии [8: 18–19].

По окончании Гражданской войны решением Кавказского бюро ЦК РКП(б) на местах были организованы ревкомы, явившиеся революционными органами диктатуры пролетариата. Созданные чрезвычайные органы

государственной власти руководили как политической, так и экономической борьбой против капитала и остатков буржуазно-помещичьего строя. При этом учитывались местные особенности: социально-экономическая отсталость, неразвитость производительных сил, отсутствие квалифицированных рабочих кадров и материально-технических ресурсов. Поэтому проводником линии партии и советского правительства сразу после окончания Гражданской войны до создания условий для выборных органов оставались ревкомы. Работа революционных комитетов повсеместно строилась с таким расчетом, чтобы закрепить достигнутые успехи в сплочении не только бедноты, но и среднего крестьянства и на основе этого создать подлинные советские органы власти, которые будут выражать интересы трудящихся.

Воплощение замыслов партии по восстановлению народного хозяйства следовало начать в первую очередь с решения земельного вопроса. «Декрет о земле», принятый на второй день после победы революции, положил начало аграрным преобразованиям в стране. Декрет устанавливал уравнительное землепользование по трудовым или потребительским нормам с запрещением наемного труда. Нормы землепользования определялись в зависимости от местных условий. Уравнительное землепользование было чуждо принципам социализма, но в обстоятельствах того времени, когда крестьянство не имело еще представления о преимуществах коллективного труда, оно было признано единственно верным. На первом этапе «Декрет о земле» наносил удар главным образом интересам помещиков и обеспечивал ликвидацию помещичьего землевладения.

В силу ряда объективных причин не во всех районах страны удалось осуществить принятый декрет. К числу таких регионов относился Баталпашинский отдел Кубанской области Российской империи, а затем – Кубано-Черноморской области РСФСР. Здесь силы контрреволюции разгромили только что созданные органы советской власти, и вплоть до марта 1920 г. территория отдела являлась ареной военных действий.

К решению земельного вопроса удалось вернуться только после восстановления советской власти. Кубано-Черноморский областной земельный съезд (16 июня 1920 г.) в резолюции о землеустройстве горцев Баталпашинского отдела подчеркивал: «Областной земотдел совместно с отдельским земотделом должен организовать обследование района, прилегающего к землям карачаевского народа, и выработать особый план землеустройства вышеуказанной группы жителей, принимая во внимание особенности их хозяйства и быта» [9: 46–47].

На местах создавались земельные комитеты для урегулирования всех вопросов, связанных с землеустройством. Они следили за правильным распределением земель, лучшие участки в первую очередь предоставлялись

батракам, беднякам и середнякам. Под руководством ревкомов, коммунистов и земельных органов силами самих крестьян осуществлялись мероприятия по распределению земель.

В течение лета 1920 г. крестьяне черкесских аулов получили 118,1 тыс. десятин земли, из которых 27,7 тыс. были частновладельческими [5: 22–26]. В Карачаевском округе была проведена подготовительная работа по распределению земель. В апреле 1921 г. состоялся I съезд трудящихся округа, на котором было подчеркнуто: «Все частновладельческие земли (кышлыки), имеющиеся в Карачае, отныне объявляются общественной собственностью. Все имеющиеся земли, как пашни, так и выгоны, входящие в Карачаевский округ, распределяются среди всех трудящихся Карачая на уравнительных началах» (цит. по: [11: 72]). Было решено распределить покосные земли по потребительско-трудовой норме (подушно и по количеству скота). Земля, как пахотная, так и покосная, предоставлялась только тем, кто обрабатывал ее своим трудом.

При решении земельного вопроса многими крестьянами высказывалась идея создания коллективных хозяйств. Чаще всего этот вопрос ставился в тех населенных пунктах, куда возвращались солдаты-фронтовики или где находились рабочие из промышленных центров. Большую агитационную работу по этому вопросу проводили коммунисты и советские работники. Партии небезразлично было, по какому пути пойдут крестьяне после раздела земли: коллективному или единоличному. С первых дней советской власти она призывала крестьян к общественной обработке земли, разъясняя выгоду коллективного труда.

Большую роль в пропаганде идей кооперации в Баталпашинском отделе сыграли решения I Кубано-Черноморского областного съезда трудящихся о землеустройстве и землепользовании в области (май 1920 г.). В резолюциях съезда подчеркивалось: «I областной съезд трудового казачества, крестьян, горцев и рабочих, заслушав доклад… о земельной политике Советской власти, всецело разделяет эту политику и находит, что переход к общественному производству в сельском хозяйстве сможет поднять его производительность на должную высоту, уничтожить эксплуатацию человека человеком и содействовать объединению всех трудящихся в их борьбе с капиталом» [7: 40].

На территории Баталпашинского отдела в течение 1920 г. были организованы восемь колхозов и три совхоза [2: 13–13 об.]. К началу 1921 г. число коллективных хозяйств увеличилось до 52, большинство которых (36) составляли земледельческие артели и которые объединяли 12 144 человек [4: 11].

В течение 1921 г. в ст. Баталпашинской (в настоящее время – г. Черкесск) создаются артели под названием «На благо народа», «Дружба народов», «Дружба трудового крестьянства», в ст. Сторожевой – артель «Орел»,

в ст. Исправной – артель «Сознательность». В организационную структуру артелей лег «Примерный Устав трудовой земледельческой артели», утвержденный Народным Комиссариатом земледелия.

Созданные в Баталпашинском отделе первые артели объединяли наименее обеспеченную группу крестьян, имели слабую материальную базу и нуждались в государственной помощи. И государство, несмотря на огромные экономические трудности, оказывало поддержку коллективным хозяйствам. Им выделялись в первую очередь лучшие участки, тягловая сила и сельскохозяйственный инвентарь, предоставлялись денежные ссуды.

Для выявления необходимой помощи коллективным объединениям на местах создавались комиссии из советских и партийных работников. Подобные комиссии были созданы в Баталпашинском отделе. Они занимались учетом продовольствия, фуража, семян в сельскохозяйственных коллективах и вопросами оказания им материальной помощи. В первые месяцы своего существования коллективные хозяйства освобождались от обложений, им оказывалась повседневная помощь. Так, артели «Родина» было выделено 10 лошадей, 16 волов, 2 коровы, 131 овца, 13 свиней, 5 борон, 500 пудов пшеницы, 122 пуда муки и т.д. Такая поддержка содействовала укреплению артелей, повышению материальных и моральных стимулов к труду [4: 23].

Наряду с артелями в отделе были организованы и коммуны, но они широкого распространения не получили. Несмотря на это коммуны сыграли положительную роль в приобщении крестьян к коллективному труду.

Кроме артелей и коммун, в Баталпашинском отделе распространение получили товарищества по совместной обработке земли, просуществовавшие вплоть до сплошной коллективизации. Принцип объединения крестьян в товарищества был иным, чем в артелях: землепользование обобществлялось, во время сельскохозяйственных работ объединялись труд и средства производства. Одна часть дохода товарищества шла на приобретение сельскохозяйственных орудий, другая распределялась между членами товарищества.

В отделе были образованы не только товарищества по совместной обработке земли (далее – ТОЗ), но по совместному содержанию скота. Объяснялось это тем, что в основу товарищества были заложены заимствованные из системы супряжничества и хорошо знакомые горцам принципы организации. Но возникшие в советский период товарищества существенно отличались от супряг. Если при супряге совместно пользовались только инвентарем во время сельскохозяйственных работ, то в ТОЗах обобществлялась и земля. Последнее обстоятельство способствовало приобщению крестьян к коллективному ведению хозяйства, что сыграло положительную роль при переходе к сплошной коллективизации.

Наряду с коллективными большое внимание уделялось строительству государственных хозяйств – совхозов. Партия видела в них свой основной опорный пункт в деле социалистического преобразования сельского хозяйства и перевоспитания психологии крестьянина-единоличника. Совхозы призваны были увеличить производство продуктов путем повышения производительности труда и освоения новых земель, содействовать созданию культурно-агрономических стимулов на селе и образцовому ведению сельского хозяйства. Совхозы чаще всего возникали на базе бывших крупных частновладельческих имений. В руки совхозов переходил имеющийся в усадьбах сельскохозяйственный инвентарь. В Баталпашинском отделе в апреле 1920 г. было создано Казьминское советское хозяйство на бывших частновладельческих землях Макеевых, Мазаевых из аула Эрсаконского [3: 38]. В течение следующих месяцев Кубано-Черноморским областным экономическим совещанием были утверждены два совхоза на Урупе и в бывших владениях Цветкова и Синеокова [6: 32–33].

Со стороны классовых врагов такие преобразования вызывали яростное сопротивление. Кулачество изобретало самые изощренные методы, чтобы сорвать строительство новой жизни. Оно меняло тактику своих действий, приспосабливаясь к изменившимся условиям. Наряду с коллективными хозяйствами, создаваемыми трудовыми массами, было немало случаев, когда кулацкие элементы, стремясь укрыться от налогов и сберечь свое хозяйство, создавали лжеартели и лжекоммуны. Бывшие владельцы имений чаще всего становились во главе этих коммун, артелей и диктовали свои условия членам объединений. Под видом коллективных хозяйств нередко сохранялись частновладельческие имения, и их владельцы продолжали эксплуатировать наемных работников. Чтобы скрыть классовую сущность производственных отношений в этих хозяйствах, в них вовлекались родственники и однофамильцы кулаков [3: 93].

Партийные организации возглавили борьбу против лжеартелей и лжекоммун. Тщательно проверялся их состав, конфисковывалось имущество и их распускали. На освободившиеся территории переселялись труженики из густонаселенных районов Карачая и Черкесии, которые создавали артели и коммуны на этих землях [3: 94].

Наряду с коллективными хозяйствами партия отводила значительное место организации беднейшего крестьянства в комитеты общественной взаимопомощи (далее – КОВ). Функции комитетов в отличие от других объединений, существовавших в те годы в деревне, в основном ограничивались поддержкой малоимущих хозяйств. Оценивая высоко практическую помощь комитетов беднейшему крестьянству, партия широко пропагандировала идею создания КОВов во всех населенных пунктах страны. Их сущность разъяснялась на сходах, митингах, съездах, и их резолюции

единодушно отмечали необходимость их создания. На проходившем в 1920 г. съезде председателей ревкомов Баталпашинского отдела подчеркивалась необходимость организации таких комитетов во всех населенных пунктах отдела. В них видели орган, сплачивающий крестьян, организующий их взаимопомощь, наносящий удар кулаку [1: 14 об.].

В процессе преобразования аграрных отношений возникают новые виды взаимопомощи и поддержки крестьян. Удачной формой объединения бедных слоев крестьянства стали посевкомы. Их деятельность так же, как и КОВ, была направлена против деревенской буржуазии. Посевкомы регулировали количество посевов, распределяли семена между беднейшими хозяйствами. Как правило все вопросы посевкомы решали оперативно. Так, посевком аула Жако в 1920 г. обратился в органы отдела с просьбой об отведении земли бывших частновладельческих участков Павлова, Моисеенко, Борисенко и Малюта юрта ст. Кардоникской. Просьба была удовлетворена [10: 172].

Совершенствование деятельности посевкомов постоянно находилось в центре внимания партийных и хозяйственных органов. Посевкомы укреплялись кадрами. Так, в 1920 г. в земельное управление Баталпашинского отдела пришло решение о выделении посевкомам инструкторов. Они должны были посещать населенные пункты, созывать заседания посевкомов, исполкомов и советов, выяснять состояние дел и путем инструктирования добиваться максимального улучшения их деятельности в посевной кампании [10: 193]. Председатели посевкомов систематически отчитывались о проделанной работе на заседаниях ревкомов. Такая практика способствовала улучшению деятельности посевкомов, организованному проведению сельскохозяйственных работ. Посевкомы явились надежным проводником политики партии в сельской местности и сыграли значительную роль в возрождении крестьянских хозяйств.

Успех на каждом участке советского строительства наносил удар тем силам, которым было не по нутру само это строительство. Социально-экономические и политические мероприятия, проведенные в Баталпашинском отделе, подорвали экономические позиции кулачества и укрепили бедняцко-середняцкие хозяйства. Трудящиеся отдела, получившие свободу и землю из рук советской власти, в 1920 г. добились известных успехов в упрочении этой власти, в восстановлении народного хозяйства.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 112. Оп. 1. Д. 204.

2. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 213а.

3. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 439.

4. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 555.

5. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. 18. Оп. 1. Д. 3.

6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 5. Д. 533.

7. Коллективизация сельского хозяйства на Кубани: Сб. документов и материалов: В 2 т. / сост. Н.С. Вертышева и др. Т. 1. Краснодар, 1959.

8. *Летифов А.Л.* Исторический опыт национального государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972.

9. *Овчинникова М.И.* Советское крестьянство Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1972.

10. Центр документации новейшей истории Карачаево-Черкесской Республики. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 13.

11. *Шаманов Н.М.* Становление социалистического образа жизни у карачаевцев (1920–1941 гг.) // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Вып. 1 / отв. ред. Д.А. Напсо. Черкесск, 1983. С. 71–139.

К.К. Афанесян

СОЗДАНИЕ КОМИТЕТА ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ КРАСНОАРМЕЙЦАМ, ИНВАЛИДАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И СЕМЬЯМ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1922 г.

В разгар Гражданской войны по инициативе В.И. Ленина был создан Комитет помощи раненым и больным красноармейцам. Соответствующее постановление 29 октября 1919 г. принял Всероссийский центральный исполнительный комитет (далее – ВЦИК). Комитет представлял собой общественную организацию, которая, «избегая параллелизма с деятельностью советских органов», должна была содействовать: а) «органам власти в деле постановки лечения и эвакуации красноармейцев»; б) «организации снабжения выходящих из госпиталей красноармейцев необходимой одеждой, обувью, продовольствием, табаком и проч.»; в) «в получении ранеными и больными красноармейцами всех видов довольствия, в том числе и усиленного питания»; г) «широкой организации культурно-просветительной деятельности среди больных и раненых красноармейцев»; д) «удовлетворению бытовых нужд красноармейцев, как-то: наведением для них различных справок, ведением их переписки, составлением жалоб, прошений и т.д.» [4]. В состав комитета вошли представители народных комиссариатов здравоохранения, по военным и морским делам, продовольствия, финансов,

государственного контроля, ЦК РКП(б) и Всероссийского совета профсоюзов (далее – Совпрофа). Председателя комитета и его заместителя назначал Совет народных комиссаров РСФСР. Средства комитета составляли суммы, выделявшиеся правительством, а также полученные от лекций, концертов и из других источников. На местах были организованы губернские комитеты помощи раненым и больным красноармейцам.

В последующие годы комитет не раз подвергался реорганизациям. В 1922 г. он был переименован во Всероссийский комитет помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны (далее – Всероскомпом). В 1924 г. – во Всероссийский комитет помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне. В 1926 г. – во Всероссийский комитет помощи инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне. В 1930 г. был ликвидирован, а его функции перешли новой организации, подчиненной Народному комиссариату социального обеспечения и, в свою очередь, ликвидированной в 1935 г., – Всероссийскому обществу помощи инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне.

Первые немногочисленные публикации о деятельности Комитета помощи раненым и больным красноармейцам и его преемников вышли еще в советское время [5 и др.]. Однако деятельность его местных отделений долгое время оставалась практически не изученной. Между тем она представляет несомненный интерес в качестве практики реализации в первые пореволюционные годы одного из важнейших направлений советской социальной политики. Только в современной историографии появились первые исследования, основанные на материалах различных регионов страны [2; 3 и др.].

Данная публикация посвящена созданию и деятельности в 1922 г. Комитета помощи больным и раненым красноармейцам, инвалидам Гражданской войны и семьям красноармейцев (далее – Компома) Ставропольской губернии. Ход событий Гражданской войны и политика военного коммунизма не позволили создать на Северном Кавказе соответствующих структур в предыдущие годы. Переход к нэпу актуализировал вопросы оказания помощи лицам, защищавшим советскую власть, но нередко находившимся в трудном положении по окончании Гражданской войны. Неслучайно в январе 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление, в котором говорилось о необходимости общественной организации, заботящейся об инвалидах Гражданской войны и их семьях [2: 79].

Источниковой основой для данного исследования стали протоколы заседаний президиума Компома за 1922 г., хранящиеся в фонде Ставропольского губернского исполкома в Государственном архиве Ставропольского края (далее – ГАСК) [1]. Это подлинные документы, первоначально рукописные,

затем – машинописные, заверенные подписями председателей и секретарей, а в ряде случаев и других членов заседаний. Оформление документов – типовое, с указанием даты и места проведения заседаний (все – в Ставрополе), участников, заслушанных вопросов и принятых решений (постановлений). Первоначально заседания президиума проходили ежемесячно. В сентябре было принято решение: «Назначить регулярные заседания президиума два раза в месяц 5 и 20 числа и Пленума Компома через три месяца один раз» [1: 13]. Однако, судя по всему, оно не соблюдалось. О невысоком уровне делопроизводства свидетельствуют и разночтения в написании названий рассматриваемой организации и других структур. В духе ранней советской эпохи в текстах широко использовались сокращения и аббревиатуры.

17 марта 1922 г. состоялось первое заседание ставропольского губернского Компома. Вел заседание член президиума губернского исполкома Ф.Т. Муравлев. В работе также приняли участие военный комиссар Ставропольской губернии Г.М. Зусманович, заведующий губернским отделом социального обеспечения (далее – собес) Гладков, представители губернского комитета РКП(б), Совпрофа, Губернского союза потребительских кооперативных организаций (далее – Губсоюз), отдела здравоохранения (далее – здравотдел), комсомольской организации. Собравшиеся постановили создать президиум Компома в составе Зусмановича, Гладкова и Муравлева под председательством последнего. Президиуму поручалось «наметить дальнейшие мероприятия и повести работу параллельно с Комиссией улучшения быта красноармейцев»; просить Всероскомпом о субсидировании ставропольского Компома, выделении обмундирования, белья и обуви; просить губисполком о слиянии Компома с указанной комиссией [1: 2].

Через месяц, 19 апреля, состоялось второе заседание президиума Компома. В протоколе отмечалось: «По справкам, наведенным в центре, Компомы слиты с комиссиями улучшения быта Красной армии, работа которых однородна». Компом постановил просить губисполком: во-первых, о создании при собесе коллегии с введением в ее состав губернского военкома, во-вторых, «ввиду однородности работы Компома с губсобесом, во избежание параллелизма» о «передаче организации Компома губсобесу под его непосредственным руководством» [1: 4].

22 мая 1922 г. губисполком принял решение о слиянии Комиссии улучшения быта Красной армии с Компомом [1: 9]. При этом слоговая аббревиатура Компом продолжала использоваться. В связи с объединением были приняты решения, направленные на организацию взаимодействия с другими структурами в вопросах улучшения быта красноармейцев: «Понудить шефов об обследовании частей, к ним прикрепленных, с целью выяснения их нуждаемости и в самом срочном порядке сообщить Комиссии о потребностях частей и о том, что именно и в какой срок выделено шефом части,

к нему прикрепленной» [1: 9]. В то же время президиум Компома отказался от создания ячеек содействия в данных учреждениях, ввиду того что они «не принесут никакой реальной пользы» [1: 9]. Однако вследствие объединения на общественную организацию стали возлагаться не свойственные ей функции. На одном из следующих заседаний в июле 1922 г. президиум Компома принял решение довести до сведения губисполкома, что «работа Компома протекает во всем согласно инструкции Всероскомпома, и за отсутствием свободных работников» такие работы, как «снабжение частей армии и учреждений Военведа дровами и проч.» выполнены быть не могли, а сам Компом не являлся «снабженческим органом строевых частей армии» [1: 9].

Процитированный фрагмент отражает специфику Компома как организации, находившейся в двойном подчинении: губисполкому и другим губернским структурам и одновременно – Всероскомпому, что приводило к необходимости выполнения решений и согласования действий со всеми указанными структурами. Так, на июльском заседании при обсуждении вопроса об отношении Всероскомпома «об изыскании средств для заарендования курортных коек для инвалидов войны» ставропольский Компом принял соответствующее решение: «Просить все госучреждения, частные предприятия, кооперативные организации о выделении средств для арендных курортных коек и отправления инвалидов войны на курорты» [1: 9]. На сентябрьском заседании обсуждался вопрос о составе Компома (согласно постановлению губисполкома от 1 сентября 1922 г.). Принятое постановление было решено сообщить губисполкому и довести до сведения Всероскомпома [1: 13 об.]. На том же заседании было принято решение о штатах Компома: «Председателю разрешается по мере надобности приглашать сотрудников» [1: 13 об.].

Еще ранее, 19 июля, президиум Компома принял назревшее решение: «Ввиду того, что членами Компома состоят лица, занятые службой на более ответственных должностях и, следовательно, не могут выполнять всех работ по Комиссии, ввести на правах члена президиума Компома секретаря Компома А.Ф. Гайдай». Поскольку Компом в тот момент не располагал средствами, его президиум просил президиум губисполкома утвердить принятое постановление с «выплатой содержания по тарифу» из собственных средств [1: 9].

Помимо решения организационных вопросов, на заседаниях президиума Компома широко обсуждался поиск средств для реализации его задач. Основными путями для этого были: 1) выделение Компому средств, продуктов и вещей через Всероскомпом, губернские органы власти, предприятия и учреждения; 2) использование сельскохозяйственных площадей, предприятий и другого имущества, приносящего доход.

На втором заседании в апреле 1922 г. отмечалось, что Всероскомпом выделил в распоряжение ставропольского Компома 200 комплектов обмундирования, белья и обуви, но не выдал «ни одного рубля денег». Всё обмундирование было «погружено в вагон и направлено с проводником в адрес губсобеса» [1: 4]. На июльском заседании сообщалось, что Компому выделено 20 тыс. пудов соли. Но президиум постановил отказаться от ее реализации «за отсутствием средств» и просил губисполком «об отпуске средств взамен соли» [1: 9].

В сентябре президиум поручил Г.М. Зусмановичу (ставшему к этому времени его председателем): 1) выяснить с кооперативными организациями и другими предприятиями «об отчислениях в пользу комиссии средств, привлекая представителей таковых в комиссию на правах членов Компома»; 2) совместно с губернским финансовым отделом разработать приказ от имени губисполкома о процентах отчислений с доходов учреждений и предприятий государственного значения в пользу Компома [1: 13]. Предлагалось также: «Сговориться с представителями культурно-просветительских кружков воинских частей гарнизона об устройстве платных спектаклей, концертов, вечеров и проч. с отчислением сборов или процента от них в пользу Компома». Для этого следовало поручить «представителю Совпрофа повести агитацию по союзам и частным предприятиям» о процентах отчисления в Компом. И поручить «возбудить вопрос в Губсоюзе о выделении последним материалов на обмундирование, белье, постельные принадлежности для больных и инвалидов войны и выделении вообще средств в пользу Компома» [1: 13–13 об.].

На протяжении рассматриваемого периода предприятиям и учреждениям рассылались письма с просьбой о выделении средств Компому. Однако они не имели большого успеха, о чем свидетельствуют следующие постановления: «Подтвердить циркулярно письмо Компома тем из учреждений и предприятий, которые до сего времени с ответом замедлили по вопросу о выделении средств Компому»; «Поручить тов. Злобину поддержать вопрос о помощи Компому в президиуме губкома»; «Просить президиум губисполкома обсудить в ближайшем заседании ГИКа вопрос о помощи Компому, ввиду того что хозорганы губернии ответили на обращение Компома отказом» [1: 15].

Более эффективным стало использование выделенных Компому сельскохозяйственных участков. В апреле президиум Компома поручил своему председателю «выяснить вопрос и войти в соглашение об аренде комитетом городской рощи с фруктовым садом» (при ней – английского парка) и «фруктового сада по Мутнянской улице бывшего духовного ведомства» [1: 4 об.]. В июле президиум Компома просил губисполком выделить 100 тыс. руб. «заимообразно для покупки 500 мешков на переброску зерна» из сел Константиновского и Старомарьевского в Ставрополь.

Он также обратился в Ставропольский уездный земельный отдел с просьбой об отводе в районе Старомарьевской волости 50 десятин для озимых посевов [1: 9]. Но и хозяйственная деятельность не всегда осуществлялась успешно. На том же заседании предлагалось: «Недостающую кукурузу разделить пополам с губсобесом и списать в расход» [1: 9 об.]. Обсудив вопрос о возврате заготовительной конторе 100 мешков, ввиду «отсутствия средств на уплату за мешки и отсутствия мешков», президиум Компома просил губернский продовольственный комитет снять с него плату за них [1: 9 об.].

На сентябрьском заседании рассматривался вопрос об уборке урожая кукурузы. Было решено: а) уборку произвести совместно с собесом, причем «урожай на площади посева Компома сдать губсобесу с веса»; б) принять расходы по сушке, рушке и хранению кукурузы, произведенные собесом, «за зерно Компома»; в) принять законную усушку и скидку; г) зерно хранить в складах собеса вместе с его зерном; д) при уборке присутствовать представителю Компома [1: 13].

Следующим стоял вопрос о посевах озимых. Президиум Компома решил: а) произвести посев 200 десятин совместно с собесом, «не создавая отдельного аппарата для посева»; б) произведенные собесом расходы по засеву «принять на себя за площадь, посеянную для Компома»; в) переброску зерна на место посева при необходимости произвести за свой счет; г) санкционировать все заключенные по посеву договоры; д) предоставить площадь земли для посевов, указанную собесом [1: 13].

В ноябре был заслушан доклад об уборке и продаже кукурузы Компома в количестве 3154 пудов, собранных с 70 десятин посевов. Проделанная работа была признана удовлетворительной, и продажа кукурузы утверждена [1: 15]. Но посев пшеницы на 115 десятин Ставропольский уездный исполком признал кабальной сделкой, воспретив выдачу пшеницы Константиновскому волисполкому. В принятом постановлении президиум Компома отмечал, что «посев пшеницы является единственным фондом Компома», и, считая недопустимым отказ органов советской власти «в выдаче указанного урожая», просил Ставропольский уездный исполком «о немедленном разрешении этого вопроса» и выдаче 1500 пудов, собранных из посевов Компома в Константиновской волости [1: 15].

В качестве еще одного источника получения прибыли Компому предлагалась аренда доходных предприятий. На ноябрьском заседании председатель президиума Зусманович доложил, что в этом качестве выделялась гильзовая фабрика. Ему же и было поручено «технически провести в жизнь» «снятие в аренду доходных фабрик или предприятий как источник доходности» [1: 15].

Другим важнейшим направлением деятельности президиума стало расходование полученных средств в соответствии с задачами Компома.

Протоколы позволяют считать первоочередной в 1922 г. помощь военным госпиталям и домам инвалидов войны. Так, на июльском заседании рассматривался вопрос «об отпуске денег военгоспиталю для больраненых красноармейцев». Было принято решение: «выяснить сумму и отпустить деньги для закупки газет» на три месяца [1: 9 об.].

На ноябрьском заседании предлагалось создать комиссию из представителей военкомата, Совпрофа и здравотдела, поручив ей обследовать лечебные заведения, обслуживавшие больных и раненых красноармейцев и дома инвалидов, и такие обследования делать ежемесячно [1: 15]. На том же заседании обсуждалась «смета местного лазарета о выдаче 500.000 руб. на ремонт и оборудование». Было принято решение выдать из фонда Компома 100 тыс. руб. Был также заслушан доклад заведующего губернским собесом Жабкина о положении 1-го дома инвалидов. В принятом решении Компом, «констатируя критическое положение инвалидов войны 1-го дома инвалидов», предложил собесу немедленно создать комиссию по его обследованию и оборудованию «и сейчас же по обследовании приступить к работе, выделив средства согласно заявления тов. Жабкина из фонда, имеющегося в зернопродукте в собесе, отложив другие работы и нужды собеса во вторую очередь». Заявление инвалидов войны 1-го дома инвалидов о выдаче 3 пудов муки, 10 фунтов сахару, 20 фунтов масла и 1 пуда мяса «на устройство семейного вечера» предлагалось удовлетворить, а средства изыскать до получения денег Компомом его председателю Зусмановичу [1: 15 об.].

Обсуждались и вопросы оказания помощи из фонда Компома отдельным лицам, которые можно разделить на три основные группы. Первую из них составляют лица, для защиты интересов которых, собственно говоря, и создавался Компом. Так, 22 ноября в повестке заседания президиума стоял вопрос «О выдаче пособия семье военкома Губвида Коношенко, погибшего от рук бандитов». Президиум принял решение: «Удовлетворение семьи Коношенко принципиально признать необходимым». Председателю президиума Компома Г.М. Зусмановичу поручалось «выяснить нуждаемость, местожительство семьи и выдать помощь деньгами при возможности» [1: 15].

Вторую группу составляли лица, выполнявшие сельскохозяйственные и иные работы для Компома. На заседании 22 ноября рассматривалось сразу несколько подобных вопросов. Одним из них была выплата суточных уполномоченному по уборке кукурузы Чувакову и утверждение суммы в 27 900 руб., «уже израсходованных на эту надобность». Президиум решил удовлетворить обращение Чувакова в полном объеме, выплатить суточные из расчета 268 руб. 75 коп. в сутки на общую сумму в 7256 руб. и утвердить расход в 27 900 руб. [1: 15]. Напротив, Калатушину, подавшему заявление о выплате денег вместо выделенных ему 10 пудов пшеницы

«как суточные по уборке пшеницы Компома», было отказано «до получения пшеницы» [1: 15 об.]. Было отказано и Сорокину, подавшему заявление о выдаче «вознаграждения за труды по посеву кукурузы Компома», поскольку ему уже были выданы при посеве 4 пуда кукурузы и «во временное пользование одна брезентовая шинель». Сорокину было предложено «немедленно возвратить взятую во временное пользование брезентовую шинель» [1: 15 об.].

В качестве отдельной группы можно выделить расходы на содержание руководящего аппарата Компома и обеспечение условий его функционирования как организации. 13 сентября было принято решение выплатить за прошедший август и в дальнейшем выплачивать ежемесячно по 1000 руб. «дополнительного содержания» рассыльному учреждения, при котором находился Компом, и выписать 500 руб. на оплату корреспонденции [1: 13 об.]. На том же заседании рассматривалась заявление секретаря Компома о выплате ему содержания за май, июнь и август в сумме 46 669 руб., ввиду того что он был в отделе управления «из госснабжения исключен, как сверхштатный». Не имевший в тот момент средств Компом просил губисполком «о выплате тов. Гайдай указанной суммы из местных средств губисполкома», а с 1 сентября предлагал «выплату жалованья секретаря принять на средства Компома» [1: 13 об.]. 22 ноября было принято решение «производить выплату содержания председателю 50 % из месячного оклада в 23.000 руб. и секретарю в месяц 20.000 рублей». На том же заседании было принято решение выдать износившемуся секретарю из фонда Компома шинель, пару ботинок, шаровары, телогрейку и две пары белья [1: 15 об.].

Таким образом, протоколы заседаний президиума ставропольского Компома представляют собой ценные источники для изучения обстоятельств его создания и деятельности в 1922 г. Они позволяют охарактеризовать особенности его организационного становления и основные направления в работе, связанные с поиском средств и возможностями их распределения, в значительной степени характерные и для других губернских отделений [2; 3]. Дальнейшее исследование проблемы связано с необходимостью обращения к другим документам ГАСК и иным историческим источникам.

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 484.

2. *Ковалев А.С.* Благотворительность «по-советски»: комитеты помощи инвалидам войны в 20-х гг. XX в. (на материалах Сибири) // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 1. С. 77–94.

3. *Морозова О.М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д., 2010.

4. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета «О комитете помощи раненым и больным красноармейцам (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1919 г. М., 1943. С. 781–782.

5. *Хмыров А.Б.* Забота Советского государства о больных и раненых красноармейцах (1920–1935) // Советское здравоохранение. 1977. № 6. С. 72–76.

З.Х. Сулумов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА ПО МОДЕРНИЗАЦИИ ГРОЗНЕНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРИОД ПЕРВОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА (1928–1932 гг.)

Модернизация грозненской нефтяной промышленности в рассматриваемый период имела всесоюзное значение. Государство уделяло пристальное внимание этому стратегическому направлению. Внедрение технологических новшеств в грозненскую нефтяную промышленность должно было послужить фактором развития всех отраслей народного хозяйства: машиностроения, деревообработки, ремонтных мастерских и других отраслей. Открытие новых технических школ и курсов позволило подготовить ведущие научно-технические и инженерные кадры, а также промышленный рабочий класс для производственных работ. Грозненская нефтяная промышленность стала фактором социально-экономического развития рассматриваемого региона.

Государственная модернизация в развитии грозненской нефтяной промышленности проходила в рамках проводимой в стране индустриализации. Необходимо было решить ряд проблем, которые касались уровня образованности рабочих, межэтнических отношений, взаимодействия между административными единицами Союза. К началу развития первого пятилетнего плана в Чечне произошло значимое событие: Грозненский округ объединился с Чеченской автономной областью и казачьим Сунженским округом. Это событие стало фактором развития межнациональных отношений, социально-экономического и культурного развития Чечни, подготовки квалифицированных национальных кадров, в первую очередь научно-технических и инженерных специалистов, а также формирования промышленного рабочего класса [2: 58]. Государство уделяло названным вопросам пристальное внимание, благодаря чему началось успешное освоение промышленных станков и машин, как зарубежных, так и отечественных. Надо отметить и то, что государственная модернизационная

политика была направлена на поддержание курса рационализаторской деятельности и внедрения технологических новшеств в нефтяную промышленность, что впоследствии привело к положительным результатам. Английские и американские специалисты, приглашенные со своими станками «Баджер», думали о том, что всё остановится после их отъезда. Однако отечественные специалисты доказали обратное. К началу первого пятилетнего плана промышленные рабочие вернули к работе законсервированную еще в 1927 г. английскую машину «Виккерс», которую сами иностранные хозяева не смогли освоить должным образом [6: 127–128].

Нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность рассматриваемого региона была стратегически важной для всей страны. Именно поэтому реализация государственной модернизационной политики в этих отраслях должна была служить фактором независимости страны. К началу первого пятилетнего плана рабочими крупнейшего завода «Красный молот» были произведены промышленные станки, в результате чего началась модернизация нефтяной промышленности региона. В ходе интенсивной рационализаторской деятельности по внедрению технологических новшеств на основе отечественного промышленного оборудования были построены нефтеперегонные заводы и предприятия, на которых впервые в нашей стране началось освоение производства керосина. В середине первого пятилетнего плана было получено около 12 тыс. т керосина. Это способствовало ограничению в импорте данного сырья [1: 64].

Систематическое внимание руководства страны и региона, формирование национальных инженерно-технических кадров и промышленного рабочего класса, занимающегося внедрением технологических новшеств, стали фактором модернизации и интенсивного развития грозненской нефтяной промышленности в период первых пятилеток. В 1927–1928 гг. нефтедобыча рабочими на промышленных предприятиях Чечни составила 3,6 млн т нефти, в 1931 г. – более 9 млн т нефти, а всего за 1928–1931 гг. рабочие грозненской нефтяной промышленности получили свыше 30 млн т минерального сырья. Национальные научно-технические кадры и промышленные рабочие грозненской нефтяной промышленности выполнили первую пятилетку за 2,5 года, по темпам роста среднемесячной добычи – за 1,5 года, по переработке светлых нефтепродуктов – за 1 год 11 месяцев [7]. К середине первого пятилетнего плана грозненская нефтяная промышленность стала крупным промышленным предприятием всесоюзного значения, на долю которого приходилась 36 % всей добычи нефти, 73,6 % бензина, 100 % парафина [8: 45].

Известный историк В.И. Филькин отмечал, что нефтяная промышленность Чечни получила высокие результаты за 2,5 года. Грозненская нефтяная промышленность посредством овладения технологическими новшествами

на промышленных предприятиях, быстрого освоения иностранной техники и оборудования, повышения производительности и улучшения всех качественных показателей работы нефтеперегонных и газолиновых заводов, введения в эксплуатацию новых, технически более совершенных заводских установок и рационализаторских мероприятий на старых заводах вышла на новый уровень в своем развитии. На долю нефтяной промышленности Чечни приходилось 4,2 % всей добычи мира. В Чечне перерабатывалась как местная, так и привозимая майкопская нефть [9: 58].

Нужно отметить и хорошую динамику роста валовой продукции 17 промышленных предприятий, где она увеличилась с 1 млн руб. в 1923 г. до 25,4 млн руб. к концу первого пятилетнего плана. Выпуск продуктов грозненской нефтяной промышленностью, которая сосредотачивала в себе огромные предприятия и имела крупные капиталовложения, увеличился с 1218 тыс. руб. 1928 г. до 8,3 млн руб. в 1932 г. Положительная динамика наблюдалась и в области подготовки квалифицированных кадров и промышленных рабочих, где количество увеличилось с 10,9 тыс. человек в 1928 г. до 15,3 тыс. человек в 1932 г. по всей Чечне, в том числе и по предприятиям грозненской нефтяной промышленности с 10,3 тыс. человек до 11,6 тыс. человек, и по прочей промышленности от 557 человек до 3670 человек [8: 69].

Полученные высокие результаты на промышленных предприятиях стали основой поддержания курса индустриализации и укрепления независимости Советского государства.

17 марта 1931 г. достигнутые грозненской нефтяной промышленностью результаты в области численности научно-технических и инженерных кадров, а также промышленного рабочего класса отметило бюро чеченского обкома ВКП(б): поставленные перед грозненской нефтяной промышленностью задачи были выполнены за 2,5 года, вместо запланированных 5979 тыс. т нефти в 1930 г. было добыто 6265 тыс. т нефти. Таким образом, план пятилетки был перевыполнен на 4,9 %, себестоимость одной тонны была снижена с 3 руб. 92 коп. до 2 руб. 37 коп. в 1931 г. Нефтеперерабатывающие заводы переработали вместо необходимых 5344 тыс. т – 5906 тыс. т нефти, превысив план на 10,5 %. Среднемесячный отбор светлых продуктов составил 250 тыс. т вместо необходимых 214 тыс. т, план был перевыполнен на 18 % в 1932 г. Все промышленные рабочие проходили техническую учебу и курсы повышения квалификации, особый акцент делался на подготовке национальных научно-технических и инженерных кадров, которые должны были стать фактором модернизации нефтяной промышленности, а также всех отраслей народного хозяйства страны [4: 378–381].

1 апреля 1931 г. за достигнутые результаты научно-технические и инженерные кадры, а также промышленные рабочие «Азнефть» и «Грознефть»

со всеми их предприятиями были отмечены высокими наградами, по решению Президиума ЦИК СССР – орденом Ленина. Среди них Хозу Ожаев – электромонтер с 25-летним стажем, организатор социалистического соревнования среди рабочих старых промыслов, Магомед Гортиков – рабочий-ключник, Х.Б. Чернокозов – председатель Союза Горняков (нефтяников), В.К. Савельев – кузнец ремонтно-механической мастерской новых промыслов и др. [5: 366].

Несмотря на хорошую динамику модернизации грозненской нефтяной промышленности, были и нерешенные вопросы. В конце первого пятилетнего плана нефтяная промышленность столкнулась с проблемами. Общий план был выполнен только на 89 %, по переработке на 65 %, план бурения выполнен на 60 %, а стоимость бурения возросла на 45 %. В области промышленных финансовых планов и других показателей наблюдалась обратная тенденция. В 1932 г. крупный завод всесоюзного значения «Красный молот» выполнил производственную программу на 71 %, консервный завод – на 60 % [3: 155–156]. Количество рабочих-чеченцев в 1932 г. сократилось, снизился их удельный вес к общему числу рабочих, занятых на промышленных предприятиях, где общее количество согласно поставленным задачам должны были довести до 5 тыс. человек. К концу пятилетнего плана около 3669 человек ушло с производственных мест из-за плохих условий. Значительная часть национальных рабочих не была обеспечена квартирами. Многие ездили на работу из близлежащих сельских поселений, расположенных на расстоянии в 9–10 км от заводов [3: 156–169].

В целом в рассматриваемый период благодаря грамотному проведению национальной политики и огромному вниманию со стороны руководства страны и республики Чечня добилась больших результатов в хозяйственном и культурном строительстве. Одновременно с основной грозненской нефтяной промышленностью все отрасли народного хозяйства получили свое развитие. Привлечение зарубежных коллег со своим крупным оборудованием в рамках поставленных государственных задач, введение технических школ по подготовке научно-технических и инженерных кадров, а также промышленного рабочего класса и внедрение социалистических соревнований позволили успешно провести модернизационные процессы в грозненской нефтяной промышленности в период первой пятилетки. Эффективная работа, проведенная партийно-государственными структурами и руководством региона в области модернизации грозненской нефтяной промышленности и ее развития в период первого пятилетнего плана, стала основой поддержания курса индустриализации и укрепления обороноспособности Советского государства.

Источники и литература

1. *Больбух А.В.* История рабочих Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1986.

2. *Бугай Н.Ф.*, *Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998.

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 45 а. Д. 81.

4. История индустриализации Северного Кавказа (1926–1932): в 2 т. Т. 1. Грозный, 1971.

5. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Ш.Б. Ахмадов. Грозный, 2008.

6. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. II. Грозный, 1972.

7. *Сулумов З.Х.* Грозненская нефть как фактор сталинской модернизации в 1920–1930-е годы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18317 (дата обращения: 17.09.2023).

8. *Сулумов З.Х.* Становление и развитие нефтяной промышленности Чечни (XIX–XX вв.). Грозный; Махачкала, 2021.

9. *Филькин В.И.* Северокавказская краевая организация ВКП(б) в период социализма (1926–1937 годы). Грозный, 1975.

А.Т. Джумагулова

ВЛИЯНИЕ ОБВОДНИТЕЛЬНО-ОРОСИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА АДМИНИСТРАТИВНОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НОГАЙЦЕВ В 1930–1940-х гг.[1]

Исследование хода мелиоративных мероприятий на территории Ногайской степи в период коллективизации народного хозяйства является важной частью изучения истории региона. Настоящая статья написана на основе данных, извлеченных из Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края.

В 1930-х гг. было положено начало важнейшему этапу в хозяйственно-экономической жизни ногайцев Северного Кавказа, связанному с мелио-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного гранта № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX вв.)», https://rscf.ru/project/22-18-00313/.

рацией Ногайской степи, расположенной в зоне рискованного земледелия. Исторически Ногайская степь имела значение главным образом как район отгонного животноводства. Земледелие играло второстепенную роль. Колхозы региона являлись в основном животноводческими хозяйствами, во многих преобладало тонкорунное овцеводство, дающее государству ценную шерсть для текстильной промышленности. Под пахотные угодья использовались наиболее удобные и плодородные почвы вдоль Терека и равнин Под и Беча (примерно 1/5 территории). Большая часть земель, преимущественно пески, солончаки и сильно солончаковые почвы, использовалась под выпас и частично под сенокос. Однако продуктивность пастбищ в естественном состоянии была крайне низка – заготовок со 100 га хватало всего на 100–150 голов овец [9: 6–7].

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) 1 апреля 1935 г. вынес постановление о том, что территорию проживания ногайцев по сложившимся хозяйственным и историческим условиям и перспективам их развития необходимо считать животноводческими районами с подсобным земледельческим хозяйством [2: 33, 44]. В соответствии с планом развития хозяйственно-экономического положения ногайцев предусматривалось поднятие культуры животноводства, создание прочной кормовой базы и широкая механизация трудоемких работ на животноводческих фермах. Однако увеличение в колхозах поголовья крупного рогатого скота, овец и птицы и дальнейшее повышение его продуктивности, рост производства кормов обязывали местные и региональные власти коренным образом пересмотреть в каждом колхозе Ногайской степи организацию кормовой базы на основе рационального использования естественных кормовых угодий и их улучшения. Также важно было осваивать новые территории для организации кормовых севооборотов и зеленых конвейеров, необходимых для выполнения плана по повышению поголовья скота и его продуктивности. Решение этих задач зависело от улучшения существующего обводнения пастбищ и организации на них участков выборочного орошения. Водоснабжение и обводнение Ногайской степи стали необходимыми для дальнейшего экономического роста региона, став делом государственного значения.

Вопрос о проведении водохозяйственных мероприятий в регионе вставал еще в XIX в. Уже в 1870-х гг. появился ряд проектов по переброске воды в Ставрополье из соседних обеспеченных водой бассейнов. В порядке их возникновения можно отметить проекты инженера Агапова (1872), инженера Данилова (1882), казака Блынского (1910), инженеров Ныркова и Веселовского (1914), инженера Давыдова (1919) и др. [7: 4]. Все эти материалы не были подкреплены изыскательно-исследовательскими работами и остались без продвижения [8: 114–116].

По ходатайству ставропольских колхозников и краевых организаций в 1934 г. правительством была командирована комиссия под председательством профессора Розенкампфа, которая должна была наметить план переброски воды на Ставрополье [7: 5]. 19 июля 1934 г. ставропольским краевым комитетом было проведено совещание по вопросам обводнения Ставрополья. Были представлены особенности 80-летних изысканий обводнения Ставрополья. Одним из таких был проект переброски воды из Кубани в Маныч. Этот проект был заброшен, так как на расстоянии 10 км необходимо было сделать глубокую трассу для преодоления перепадов рельефа, поскольку юго-восточная часть Ставропольского плато характеризовалось отметкой 300–450 м над уровнем моря, а северо-восточная часть – равнина с отметкой 150 м [4: 22–23].

Самая большая водная артерия региона – р. Калаус. Истоки его располагаются в Курсавском районе (ныне Андроповском районе Ставропольского края), затем, пересекая всё Ставрополье, река впадает в Маныч. В восточной части Ставрополья также протекает р. Егорлык, пересекающая регион с юга на север. Эти реки и составляют Ставропольский бассейн. Они характеризовались как степные, летом маловодные, нередко пересыхающие, во время паводка – многоводные [4: 24].

Артезианские воды эксплуатировались в регионе «хищнически». Многие скважины были не оборудованы или заброшены и не использовались по назначению, отчего вода, разливаясь, заболачивала территорию, создавая малярийные очаги. Такое же положение было и в отношении родников, использовавшихся в незначительном количестве [4: 25]. В 1934 г. в ногайские районы был направлен на постоянную работу врач-малариолог для обследования, лечения и профилактики малярии среди ногайцев [2: 41].

Рабочей группой по обводнению Ставрополья рассматривались проекты по использованию как внутренних истоков (по переброске воды из своих бассейнов), так и внешних – р. Кубани. Из наиболее значимых отмечался проект инженера Агапова – предполагалось забрать воду из Кубани у ст. Невинномысской, вывести в исток Егорлыка и пропустить по Егорлыку. Обводнив Егорлык на всем течении, можно было обводнить местные села, расположенные по Егорлыку. Стоимость работ определялась в 1 млн руб. [4: 25].

По проекту инженера Давыдова, подготовленному в 1919 г., предполагалось взять воду в р. Кубань, у ст. Усть-Джегутинской, и перебросить через Кубань Калаусско-Кумский раздел в исток р. Калаус.

В последующем занимались проработкой вопроса переброски воды из Кубани в Манычский бассейн. В 1930 г. по этой трассе была сделана инструментальная нивелировка. Кроме данного варианта был ряд других,

включавших обводнение и последующее орошение Ставропольского края. Так, по Невинномысскому проекту, воду предполагалось забирать у ст. Невинномысской, и затем она поступала бы в Егорлык и потом в Маныч. Третий вариант – Темижбековский [4: 26].

Первоначально большой интерес у специалистов вызвал первый вариант, поскольку вода попадала в Калаус, а Калаус занимал центральное место в районе, однако в средней части трасса проходила глубокой выемкой, поэтому от проекта отказались. Рассматривались возможности переброски воды выше р. Кубани. В связи с этим в 1932–1933 гг. были проведены изыскательские работы, которые показали, что переброска воды из Кубани связана с большими трудностями, однако можно было найти варианты использования этой трассы [4: 27].

30 июля 1934 г. на совещании при Северо-Кавказском крайкоме ВКП(б) по вопросам организации разработки проекта обводнения Ставрополья обсуждался проект водохозяйственных мероприятий при помощи трех водных артерий: западной части – через р. Егорлык, центральной части – через р. Калаус и восточной части – через р. Куму. Все эти водные артерии имели связь с разрабатываемым в эти годы Манычским путем, дававшим дополнительное питание манычскому региону [4: 67]. Прорабатывая проект морского Манычского пути с питанием из Кубани и Терека, рабочая группа пришла к проекту Терско-Кумского канала. Этот канал начинался при слиянии р. Малки с Тереком. Он шел по Моздокскому, Верхне-Александровскому, Ачикулакскому, Прикумскому районам и сбрасывал воду в тот же Калаус при Маныче. Этот проект был интересен тем, что был прост по своему строительству и не требовал больших сооружений. Также он давал возможность оросить территорию Ногайской степи в 400 тыс. га. Канал по расценкам 1933 г. требовал 75 млн руб., а обводнение Ставрополья – 170 млн руб. [4: 81–82].

Тем не менее в процессе обсуждения мнения специалистов разошлись. Терско-Кумский канал давал возможность орошать безводные районы Ногайской степи, находившиеся с ноября 1922 г. в составе Дагестанской АССР, земли Калмыцкой области и восточной части, однако его строительство «ничего не давало для Ставрополья» [4: 89]. Выступление инженера Дицмана решило судьбу проекта. Он высказал мнение, что орошение важнейшего хлопкового района – Ногайской степи – дает возможность проведения огромных оросительных мероприятий в засушливом районе, чтобы производить важнейшие культуры. Инженер отметил, что «противоставлять одно дело другому не следует не только с точки зрения местных интересов, но и с точки зрения общей народно-хозяйственной… Мы находимся сейчас в таких условиях, что дальнейшее развитие животноводства почти не представляется возможным» [4: 98].

Хозяйственно-экономическое развитие ногайских колхозов стало самостоятельной проблемой обсуждения этого совещания. Инженер Евдокимов поддержал необходимость развития Терско-Кумского канала: «Если мы думаем здесь заводить с вами новую хлопковую базу, а у нас основания к этому есть, – то, конечно, нам нужна вода, потому что только такое основное сельскохозяйственное направление этим районам можно дать: хлопково-животноводческое. Я только что в Ачикулаке был. Мы без воды этого дела не решим, воды не хватит, не хватит» [4: 98]. Так тема обводнения Ногайской степи стала вопросом, не терпящим отлагательств.

К 1936 г. Терской специализированной водохозяйственной организацией был составлен технический проект Кубань-Егорлыкского (Невинномысского) канала. Воплощение его в жизнь должно было решить вопрос подачи кубанской воды во многие степные районы Ставропольского края, Ростовской области и Калмыцкой АССР. Невинномысский канал открывал перед колхозами и совхозами северо-восточных районов края новые перспективы.

Одновременно проблема усовершенствования оросительной системы в Ногайской степи стала причиной негодования со стороны местного населения. 10 февраля 1938 г. на совещании Президиума ВЦИК председатели Кизлярского, Шелковского и Ачикулакского районов заявили, что за период нахождения указанных районов в составе Дагестанской АССР республиканские организации не принимали мер к улучшению водохозяйственных и иных условий, в частности, не выделяли строительные материалы для устройства регуляторов и головных частей оросительной системы. Главное управление дагестанского водного хозяйства оставило без внимания предложенную местными властями Шелковского райисполкома постройку Червленно-Барубачинского водного канала. Население Ачикулакского района также получило отказ на ходатайство о включении строительства плотины в плановое снабжение. Колхозникам пришлось выделить 60 тыс. руб. на постройку необходимой для нужд населения плотины [3: 52–53]. Из проектов обводнения было начато лишь строительство Сулу-Чубутлинского канала в Караногайском районе в 1937 г., на который было отпущено 17 тыс. руб. из регионального бюджета [6: 12].

Хозяйственные вопросы в регионе были тесно переплетены с административными. Невнимательное отношение властей Дагестанской АССР к населению Ногайской степи стало поводом рассмотрения вопроса на уровне центрального аппарата. Постановлением ВЦИК СССР от 22 февраля 1938 г., в целях успешного хозяйственного развития Кизлярского, Ачикулакского, Каясулинского, Караногайского и Шелковского районов, они были выделены из состава Дагестанской АССР и включены в состав Орджоникидзевского края [3: 68]. В указанных пяти районах проживало около

140 тыс. населения, входивших в состав 70 сельских советов [3: 54]. Республиканская администрация пыталась повлиять на решение центрального комитета, отмечая, что с отходом от Дагестана Ногайских степей земельная площадь Дагестанской АССР сократится на 40 %, а по своей экономической мощности они составляют не менее 50 % всего хозяйства Дагестана, соответственно, и бюджет республики недополучит около 50 %. Не менее остро стоял вопрос с зимними пастбищами, предоставляемыми безвозмездно горскому населению в Ногайской степи [3: 51]. При этом орджоникидзевские краевые организации с небольшим желанием соглашались на прием в состав края Кизлярского, Караногайского, Ачикулакского, Каясулинского и Шелковского районов, однако «тенденции Дагестанских республиканских организаций максимального выжимания доходных источников, при отсутствии их внимания к развитию хозяйства этих районов» говорили о целесообразности передачи их в Орджоникидзевский край [3: 50].

Проведенная административная реформа дала возможность включения территории Ногайской степи в оросительные и обводнительные планы Невинномысского и Терско-Кумского каналов [5: 44]. До включения ногайских районов в состав края обводнение северо-восточной части должно было идти по ранее утвержденному плану, который включал строительство Невинномысского канала с малым Сенгилеевским водохранилищем и пропуском воды по р. Егорлыку одновременно с наполнением р. Маныч и строительством оросительной системы в долине Егорлыка. По окончании работ на Невинномысском канале должно было начаться строительство Право-Егорлыкского канала, по окончании Право-Егорлыкского – строительство Кубань-Калаусского канала и за ним Калаус-Кумского канала. Параллельно с этим должно было производиться строительство Лево-Егорлыкского канала и развитие орошения в регионе [5: 4].

Схема обводнения северо-восточной части, предложенная инженерами Криченцовым и Севастьяновым, предполагала регулирование стока р. Кумы при помощи Отказненского водохранилища. Далее канал должен был выходить из водораздела Калаус – Кума и отсюда направляться в Бурлацкий, Арзгирский, Туркменский и Левокумский районы [5: 34]. С включением Ногайской степи в состав Орджоникидзевского края схема была отклонена, так как авторами не был учтен вопрос снабжения водой ногайских районов. Ногайская степь была включена в Терскую оросительно-обводнительную систему, которая решала вопрос обводнения и орошения Терско-Кумских и Калмыцких степей, а также питала бы Манычский водный путь [5: 60].

Обводнение и орошение Ставрополья охватывало 30 районов Орджоникидзевского края, западный улус Калмыцкой АССР, три района Ростовской области и частично земли Краснодарского края. Общая земельная

территория, входившая в зону водохозяйственных мероприятий, составляла 5752 тыс. га, в том числе 3145 тыс. га пашни и 2063,9 тыс. га естественных кормовых угодий. Всего на этой территории проживало 930 тыс. человек, из них 815,6 тыс., или 87,5 %, составляло сельское население. Число охватываемых колхозов – 840, совхозов – 40, МТС – 93 [5: 76].

В 1939 г. было завершено строительство канала Сулу-Чубутла в Караногайском районе. Оно производилось скоростным методом и было осуществлено за 36 дней. На его строительство, изменившее хозяйственно-экономическое положение населения Караногайского района, правительством было выделено 2350 тыс. руб. [1: 119]. К 1 января 1940 г. магистраль Сулу-Чубутла протяженностью в 125 км вступила в эксплуатацию [6: 12].

К июню 1941 г. строительство Невинномысского канала было выполнено на 64 %. С началом Великой Отечественной войны работы на строительстве канала были прекращены.

Таким образом, проблема мелиорации Ногайской степи в 1930–1940-х гг. стояла остро. Нехватка воды сковывала необходимые процессы наращивания народного хозяйства в ногайских колхозах. Нежелание региональных властей Дагестанской АССР решить проблему обводнения стало объектом недовольства на местах. Рассмотрение вопроса ВЦИКом решило дилемму путем включения ногайских районов в водохозяйственные мероприятия государственного значения и привело к передаче пяти административных районов из Дагестанской АССР в Орджоникидзевский край. С этого времени значительно улучшилось состояние и эксплуатация каналов и гидросооружений обводнительно-оросительной системы в Ногайской степи. Мелиорация региона изменила природу края и дала возможность увеличить производство зерновых, хлопка, овощей и, самое важное, позволила создать необходимую кормовую базу для развития животноводства и особенно тонкорунного овцеводства в степи.

Источники и литература

1. *Виноградов С.В.*, *Эрднеева Б.А.* Роль мелиорации в социально-экономическом развитии кочевых народов Юга России (середина 1920-х – 1930-е гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 112–121.

2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735.

3. ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп. 141. Д. 2152.

4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 37.

5. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402.

6. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482.

7. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 494.

8. *Губанов Р.С.* История развития ирригационных систем Ставропольского края // Наука, образование и культура. 2017. № 6 (21). С. 114–116.

9. *Шумилин А.О.* Организация кормовой базы для животноводства в Ногайской степи. Грозный, 1953.

Н.Ю. Кулиш

ЖЕНЩИНЫ-ВЫДВИЖЕНКИ АДЫГЕИ В 1933–1934 гг.: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ (на примере Понежукаевского района)

С приходом большевиков к власти, в частности и на территории национальных автономных областей Северного Кавказа, пристальное внимание местных органов управления стало уделяться проработке женского вопроса. В регионах Северо-Кавказского края весьма остро стояла проблема «раскрепощения горянки», или «раскрепощения восточной женщины», ввиду большого значения родственных связей и вытекающей из них социальной иерархии, наличия пережитков сословного общества, высокой степени религиозности населения.

Важную роль женщин-тружениц подчеркивал и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин. «Самые угнетенные из всех угнетенных», они, по его словам, «никогда не оставались и не могли остаться в стороне от большой дороги освободительного движения» [4: 48].

Закономерно, что в Советском Союзе стали возникать различные институции, в чьи задачи входила работа с этими самыми миллионами трудящихся женщин. Самым специализированным, «профильным», узконаправленным органом по работе с женщинами в СССР (в масштабах страны – не только с горянками) стал орган под бытовым названием – женский отдел – он же отдел ЦК РКП(б) (впоследствии ВКП(б)) по работе среди работниц и крестьянок. Он был образован на базе комиссий по пропаганде и агитации среди работниц. Активное формирование таких комиссий пришлось на конец 1918 – начало 1919 г. Они создавались на самых разных уровнях, начиная с губернских и заканчивая уездными комитетами партий. Однако уже в 1919 г. в РКП(б) произошли значимые структурные изменения: комитеты и комиссии РКП(б) с этого момента подразделялись на отделы, и на базе уже упомянутой выше комиссии был организован отдел по работе среди женщин (женотдел). Первой заведующей женотделом стала Инесса Арманд, пробывшая на посту до 1920 г., когда ее сменила Александра Коллонтай.

Женотдел ЦК РКП(б) состоял из трех подотделов: подотдела печати, агитационно-пропагандистского и организационно-инструкторского. Женотделы открывались и работали плотной сетью по всей стране. Они подчинялись партийным комитетам на местах. Помимо этого, существовала и «вертикаль власти»: когда уездные и районные женотделы подчинялись губернским, губернские, в свою очередь, республиканским женотделам и женотделу ЦК РКП(б).

На Северном Кавказе также существовала иерархическая «пирамида» женотделов: в Ростове-на-Дону располагался женотдел Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета партии, в каждой автономной области при областных исполнительных комитетах функционировали женсекторы, а при районных исполнительных комитетах работали женинструкторы.

Адыгейская автономная область, о которой пойдет речь далее, к 1934 г. была разделена на пять районов: Красногвардейский (с центром в с. Николаевском (в настоящее время – Красногвардейское)), Шовгеновский (с центром в а. Хакуринохабль), Кошехабльский, Понежукаевский, Тахтамукайский (последние три – с центрами в одноименных аулах) [1: 40–41].

Исполком Адыгейской автономной области раскритиковал районные исполкомы за недостаточное внимание к вопросу выдвижения женщин на руководящую работу, «в результате чего имеется резкое сокращение количества женщин на руководящей работе в районных а так же и в сельских аппаратах» (орфография и пунктуация оригинала сохранены). Обозначив эту ситуацию как «прямое извращение директив партии и правительства», облисполком предложил коллегам в райисполкомах немедленно приступить к подбору кандидатур на роли лучшего женского колхозного и советского актива [2: 1]. В апреле – мае 1933 г. в горсоветы и райисполкомы было разослано соответствующее информационное письмо с просьбой прислать сведения о количестве женщин, выдвинутых на должности председателей и заместителей председателей сельсоветов и райисполкомов [2: 1–2].

Уже в декабре районные и областные исполкомы вместе с горсоветами получили новое информационное письмо – о развертывании месячных курсов по переподготовке низового советского актива [3: 13]. К нему прилагалась и программа, разработанная для проведения этих курсов. В ней насчитывалось восемь тем, построенных с таким расчетом, чтобы дать слушателю максимум знаний в течение короткого срока обучения по основным вопросам хозяйственно-политической жизни СССР и Северо-Кавказского края, каждой области в целом и конкретного сельсовета в частности [3: 14]. Курсы эти планировалось запустить в декабре 1933 г. А уже в феврале 1934 г. от имени заведующей женсектором Адыгейского облисполкома Хараху были направлены рекомендации использовать при проведении женских курсов ту же литературу, что ранее разослали

для заочников, проходивших курсы по переподготовке низового советского актива.

Вероятно, этим и объясняется тот факт, что районы массово направляли разноплановые сведения о женщинах-выдвиженках именно в начале 1934 г., а не сразу после поступления письма в 1933 г. Женщины должны были пройти курсовую подготовку, организационные моменты которой удалось разрешить, как видно из писем облисполкома, только к началу 1934 г.

Так, Понежукаевский район в марте 1934 г. указал, что в шести сельсоветах района (Пчагатлукаевском, Джиджихабльском, Лакшукаевском, Яблоновском, Суповском, Афипсипском) председателями выдвинуты девушки, окончившие вышеуказанные курсы. Причем лишь в двух – Яблоновском и Суповском – посты заняли не черкешенки. Любопытно, что половина девушек – три из шести – являлись беспартийными, однако были либо ударницами (Суповский сельсовет), либо отличились в работе и были премированы (Суповский и Афипсипский сельсоветы – премированы по два раза). Средний возраст выдвинутых на руководящие должности в сельсоветах – 31 год, самой младшей девушке, занявшей пост председателя сельсовета, было 20 лет (Джиджихабльский сельсовет), самой старшей женщине – 57 лет (Лакшукаевский сельсовет) [3: 3–3 об.].

Сведения, присланные другими районами Адыгейской автономной области по аналогичной форме отчетности за этот период, к сожалению, не сохранились. Однако в Национальном архиве Республики Адыгея можно ознакомиться с планом выдвижения женщин на советскую работу, датированным как раз 1934 г. [3: 41]. Несмотря на то, что при составлении документа авторы придерживались прежнего районирования (до 1934 г. Адыгейская автономная область была разделена на три района: Псекупский, Красногвардейский и Шовгеновский), здесь мы все же можем увидеть ориентировочные показатели:

– Псекупский район – планировалось выдвинуть одного председателя сельсовета, четырех заместителей председателя сельсовета;

– Красногвардейский район – по три председателя и заместителя председателя сельсовета;

– Шовгеновский район – одного председателя сельсовета, четырех заместителей и одного инструктора районного исполнительного комитета.

Вышеупомянутый Понежукаевский район, отчитавшийся в марте 1934 г., по старому районированию представлял собой большую часть Псекупского. Сопоставив отчет Понежукаевского района с планом областного исполнительного комитета Адыгеи, увидим, что вместо одной выдвиженки по плану в сельсоветах района по факту выдвинуты председателями сразу шесть девушек. Как этот численный перевес, так и скорый и подробный отчет о девушках, выдвинутых на руководящие посты в районе, показывает

крайне высокое стремление Понежукаевского районного исполкома к исполнению директив партии. Демонстрировали ли такое же рвение другие районы, сейчас, к сожалению, проверить не представляется возможным.

Однако именно благодаря красочному отчету Понежукаевского района мы можем увидеть некий портрет выдвиженки в Адыгейской автономной области на примере сельсоветов, входивших в обозначенный район. Так, из пофамильного списка становится ясна этническая принадлежность каждой выдвинутой девушки, как и то, что черкешенкам отдавалось преимущество, однако и русские девушки, также хорошо проявившие себя в труде на благо области, хорошистки и ударницы, могли управлять сельсоветом. Помимо этого, из сведений, присланных районом, мы можем почерпнуть и то, что большинство девушек окончили курсы по подготовке низового советского актива, а по социальному положению были, в основном, беднячками и батрачками. Не менее интересна и возрастная градация избранных председателей сельсоветов.

Таким образом, Понежукаевский район дал, без преувеличения, уникальный материал для исследователей истории и политических процессов как в районе, так и в Адыгейской автономной области.

Источники и литература

1. Административно-территориальное устройство Республики Адыгея: справочник / сост. А.Н. Ахматов, Е.А. Шефер, В.Ю. Суббота. Изд. 4-е. Майкоп, 2016.

2. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 550.

3. НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 604.

4. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 7. М., 1952.

Э.М. Загирова

ЧАЙЛДФРИ КАК ТИП ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (на примере Дагестана)

В семейно-брачной сфере не только российского общества, но и других стран происходят сложные и противоречивые процессы, обусловленные спектром факторов. Например, в западном социуме получают широкое распространение такие непонятные для традиционного общества явления, как множественность гендеров, концепции небинарной личности.

Не одно десятилетие фамилисты констатируют преобразования в семейном поведении, планировании деторождения, негативное восприятие

многодетности, ориентацию на позднее создание семьи. Особое место занимает идеология добровольной бездетности, или чайлдфри. Как отмечают С.М. Вильданова и др., это «движение, набирающее популярность в западных странах с 1980-х гг. Его суть заключается в добровольном отказе от деторождения людьми, находящимися в репродуктивном возрасте. Отдельные приверженцы этой идеологии прибегают к хирургическому вмешательству, чтобы закрепить бездетность на биологическом уровне. В России движение чайлдфри появилось относительно недавно, однако закономерность и скорость его распространения достаточно симптоматичны» [3: 194]. Анализ явления «добровольная бездетность» показывает необходимость четкого выделения когорты людей, которым ближе идея отказа от детей: рассматривая институт чайлдфри, нужно отметить и такое явление, как чайлдхейт (от англ. childhate ‘ненавидящие детей’) [6: 419].

Основываясь на анализе литературы и использовании метода наблюдения, среди сторонников чайлдфри можно выделить подгруппы, которые мотивируют свои установки различными доводами: 1) карьеристы; 2) те, кто хочет «жить для себя»; 3) сознательные чайлдфри, описывающие свои убеждения фразами: «я никогда не хотел(-а) иметь детей», «я вообще не хочу иметь детей».

Люди, отказывающиеся иметь детей, часто встречаются среди тех, чья жизнь связана с творчеством (актеры, певцы, художники и т.д.), это также образованные, обеспеченные и амбициозные люди, не желающие отказываться от своего комфорта и личностного роста ради детей [1].

Причинами разделения взглядов чайлдфри сторонники этого явления обычно называют:

– отсутствие родительского инстинкта (по мнению психологов, он на самом деле не существует у 10 % женского населения, а факторами, побуждающими на отцовство мужчин, являются материальный, а также любовь к женщине, семейно-брачные традиции общества, в котором он воспитывался, желание передать свои знания, навыки, работу);

– сложности, связанные с родительским долгом перед детьми. Чайлдфри осознают, что решение стать родителями принуждает их отказываться от других благ, таких как успешная карьера, любимое увлечение;

– чайлдфри не хотят всю сознательную жизнь связывать себя обязательствами;

– философские взгляды на жизнь как бесчеловечную и безжалостную. Однако не стоит винить чайлдфри в плохой демографической ситуации в стране и в России, потому что людей, сознательно решающих не заводить детей, очень мало, но большинство супружеских пар, не ставших родителями, не имеют жесткой позиции в этом вопросе, поэтому нельзя их называть чайлдфри [4].

В работе М.М. Бичаровой находим краткий обзор состояния изученности данной темы. Исследователь указывает, что научные труды, рассматривающие сознательную бездетность, появляются в 2006 г. Начиная с этого времени фиксируется две позиции: в первом случае авторы безразлично высказываются о чайлдфри (такое брачное поведение скорее трактуется как модная тенденция среди молодых пар), а во втором – явление чайлдфри считается опасным для всего общества в целом [2: 106]. Наряду с этим, всегда существовали и будут существовать те, кто откладывает родительство ввиду определенных причин, чаще всего связанных с финансовыми обстоятельствами, неимением собственного жилья, но при этом такие пары не исключают шанс обзавестись детьми, когда данные проблемы удастся решить.

Чайлдфри – дети своего века, эпохи победившего гедонизма и навязанных потребительских стандартов. Под такой тип людей подстраивается и бизнес. Существуют специальные интернет-сайты, позволяющие выбирать отели, которые не допускают заселения с детьми [9]. Гостиниц такого типа, пользующихся большим спросом, много в Великобритании и Германии, при этом западные эксперты полагают, что у отелей для чайлдфри большое будущее, – Е.Н. Новосёлова рассказывает о проектах туристических компаний, предлагающих отдых в подобных местах [8].

В 2018 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения проводил опрос о мнении россиян по вопросу увеличения рождаемости и их планах иметь в будущем детей. Согласно данным опроса, 6 % россиян добровольно отказываются от рождения детей и считают себя чайлдфри. Однако в 2005 г. таких результатов не было [11]. Несмотря на то что процент количества чайлдфри в России невысокий и, судя по всему, маловероятно, что может как-то повлиять на демографическую обстановку в данный момент, всё же число таких людей в обществе становится больше. В дальнейшем это может нести угрозу семейно-брачному институту и его ценностям, следовательно, добровольная бездетность является социальной проблемой, с которой не нужно мириться, на которую не нужно закрывать глаза. Необходимо искать способы устранения ценностей чайлдфри из сознания молодежи и будущих родителей.

В работе С.С. Сулакшина и Л.И. Кравченко главными факторами уменьшения рождаемости были названы такие причины, как ценностный кризис; поздняя брачность (уменьшение количества людей, заключающих брачный союз в возрастном интервале от 18 до 24 лет и увеличение в диапазоне 25–34 года); высокий уровень разводов; сексуализация молодежи; внебрачная рождаемость и репродуктивность; нуклеаризация семьи; проблемы одиноких людей; большое число абортов и т.д. [10: 23].

К вопросу о причинах уменьшения рождаемости обратился и автор настоящей статьи на дагестанском материале. В 2023 г. в Дагестане

(в г. Дербенте, Кизляре, Махачкале, Хасавюрте и населенных пунктах Ботлихского, Дербентского, Левашинского, Хасавюртовского районов) автором был проведен социологический опрос по изучению демографического поведения дагестанской семьи. Методом исследования выступил массовый стандартизированный опрос, количество участников – 529. Распределение по социально-демографическим параметрам респондентов выглядит следующим образом:

– пол: мужчины 249 человек (47,1 %), женщины – 280 человек (52,9 %);

– возраст: 18–25 лет – 134 человека (25,3 %), 26–35 лет – 149 человек (28,2 %), 36–50 лет – 128 человек (24,2 %), старше 50 лет – 118 человек (22,3 %);

– семейное положение: замужем/женат – 271 человек (51,2 %); разведен(-а) – 101 человек (19,1 %); холост (не замужем) – 157 человек (29,7 %);

– образование: среднее – 192 человека (36,3 %), среднее специальное – 171 человек (32,3 %), высшее – 166 человек (31,4 %);

– отношение к религии: верующий – 458 человек (86,5 %), неверующий – 12 человек (2,3 %), колеблющийся – 59 человек (11,2%).

Результаты опроса показывают, что среди причин уменьшения рождаемости «желание жить для себя» отмечено 24,6 % опрошенного населения. Анализ по социально-демографическим параметрам показывает превалирование таковых в подмассиве женщин (25,3 %) против 22,7 % мужчин; с возрастом уменьшается доля придерживающихся данной позиции с 35,9 % в интервале 18–25 лет до 14,3 % старше 50 лет.

Аналогично выглядит картина и по семейному положению респондентов: связывающих изменение репродуктивных установок с эгоизмом человека больше в когорте не связанных брачными узами (28,6 % разведенных и 32,9 % холостых), в сравнении с находящимися в брачном союзе (22,1 %). В целом по всему массиву доминируют следующие причины снижения рождаемости: «социально-экономический кризис и снижение материального уровня жизни населения» (42,7 %), «неуверенность в завтрашнем дне» (38,9 %), «жилищные проблемы» (37,6 %), «ухудшение здоровья молодежи» (27,0 %).

Ответы на вопрос: «Как Вы думаете, что способно ухудшить демографическое состояние современного российского общества?» – показывают, что 65,8 % опрошенного дагестанского населения причинами демографического кризиса считают «однополые браки и их не осуждение в обществе». По гендерной принадлежности процентный показатель среди женщин заметно больше (68,6 %), в сравнении с мужчинами (57,0 %). Со значительным отрывом второе ранговое место занимает вариант ответа «нежелание иметь детей» (31,9 %), и придерживающихся данной позиции больше в возрастной подгруппе 36–50 лет (38,5 %). Суждение «семейные конфликты, нежелание найти общий язык с партнером» отмечено 23,1 %, на карьерное поведение указывают 17,8 % респондентов, и 14,4 % ухудшение демографического

положения в современном российском обществе усматривают в трансформации поведения женщины, то есть в появлении образа «женщина-лидер». Необходимо отметить, что все перечисленные факторы характерны для нашего общества. Осуждение однополых взаимоотношений среди носителей либеральных взглядов встречает непонимание, попытки государства запретить пропаганду ЛГБТ-сообщества в среде подрастающего поколения характеризуется как отсутствие демократии и ущемление прав человека. О заключенной в идеологии добровольной бездетности угрозе традиционной семье и демографическому положению свидетельствует внесение в Государственную думу в сентябре 2022 г. законопроекта, запрещающего распространение в молодежной среде идеи добровольной бездетности (в марте 2023 г. снят с рассмотрения) [5].

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что опрошенное дагестанское население наряду с иными причинами ухудшения демографической ситуации выделяет нежелание иметь детей и ориентацию на карьерную семью. Идеология добровольной бездетности проникла в массовое сознание россиян, но в традиционном дагестанском обществе она не нашла поддержки по объективным причинам. Исторически сформировавшаяся в семейно-брачной сфере дагестанцев установка на продолжение рода не утратила своих позиций, хотя распространение получила двухдетная семья. При этом респонденты снижение рождаемости связывают не только с социально-экономическими причинами, отсутствием качественной медицинской помощи будущей матери и ребенку, недостаточным уровнем социальных услуг и т.д., но и с кризисом традиционной семьи, утратой семейных ценностей, эрозией внутрисемейных отношений. Видимо, государственной власти необходимо предпринимать более жесткие меры в сфере поддержки семьи, чтобы повысить рождаемость, изменить демографическое поведение, ибо демографический кризис представляет угрозу национальной безопасности Российского государства [7: 99].

Источники и литература

1. *Березовская Е.* Движение «чайлдфри» – «свободные от детей» – набирает обороты в России и Европе // 1 ТВ. Новости. 2014. 28 сентября. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-09-28/34043-dvizhenie_chayldfri_svobodnye_ot_detey_nabiraet_oboroty_v_rossii_i_evrope (дата обращения: 12.09.2023).

2. *Бичарова М.М.* Проблема добровольной бездетности в современном российском обществе // Наука и бизнес: пути развития. 2016. № 12 (66). С. 106–109.

3. *Вильданова С.М.*, *Граничная А.А.*, *Мингалиева А.Р.*, *Саляхиева Л.М.* Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 192–205.

4. Добровольная бездетность, или Не хочу рожать детей. URL: https://katerinaelmar.livejournal.com/7943.html (дата обращения: 12.09.2023).

5. Законопроект № 192054-8 (в архиве) «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в части установления запрета к распространению среди детей информации о добровольном отказе от рождения детей и идеологии бездетности)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/192054-8 (дата обращения: 14.09.2023).

6. *Ломакин И.В.* Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 394–436.

7. *Новоселова Е.Н.* Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 99–110.

8. *Новоселова Е.Н.* Судьба традиционной семьи в эпоху прогрессирующего эгоизма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 2. С. 106–123.

9. *Сахарков С.* В Европе растет популярность гостиниц для взрослых // Южный федеральный. 2012. 18 мая. URL: https://u-f.ru/News/turizm/645077 (дата обращения: 12.09.2023).

10. *Сулакшин С.С.*, *Кравченко Л.И.* Демографическая ситуация в России. Труды Центра научной политической мысли и идеологии. Вып. 4. М., 2014.

11. ТОП-7 главных социальных фактов о россиянах в январе 2018 // ВЦИОМ новости. 2018. 31 января. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/top-7-glavnykh-soczialnykh-faktov-o-rossiyanakh-v-yanvare-2018 (дата обращения: 12.09.2023).

Г.Д. Гриценко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ «СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА»[1]

В течение трех последних десятилетий внимание исследователей и политиков приковано к Северному Кавказу, в том числе к Северо-Кавказскому

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100306-9.

федеральному округу (далее – СКФО). Наиболее значимыми для данного региона событиями стали: расширенное оперативное совещание с членами Совета Безопасности 9 июня 2009 г. в Махачкале, где президентом России [4] были обозначены наиболее серьезные угрозы и вызовы социально-экономической и этнополитической ситуации на Северном Кавказе; создание самостоятельного СКФО [12]; принятие «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» [5], «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года» (далее – «Стратегия») [11] и др. В основу данной публикации положен статистический анализ тех рисков в социально-экономической сфере региона, которые являются постоянными и были обозначены как вызовы региональной безопасности еще в 2009 г.

Начнем рассмотрение с уровня бедности населения и оценки его динамики в субъектах РФ, входящих в СКФО (табл. 1).

Согласно статистическим данным, реальной позитивной динамики уровня бедности не наблюдается. Только Кабардино-Балкарская Республика (далее – КБР) стала исключением, поскольку имеет значительные успехи – снижение на 7,8 %. По-прежнему доля населения в СКФО, проживающего за чертой бедности, выше, чем в среднем по России.

Однако, кроме доли бедного населения, при оценке уровня бедности учитывается также отношение медиальных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, что и определяет рейтинг региона по доходам населения (табл. 2, 3).

Таблица 1. Динамика доли населения за чертой бедности в регионах Северного Кавказа за 2020–2022 гг.

Регион	**Год / Доля населения за чертой бедности (%) [13]**		
	2020	**2021**	**2022**
Ставропольский край	13,8	13,0	11,7
Республика Северная Осетия – Алания	13,9	13,4	13,0
Республика Дагестан	14,8	14,7	14,2
Кабардино-Балкарская Республика	24,2	18,1	16,4
Чеченская Республика	20,4	19,8	19,4
Карачаево-Черкесская Республика	23,2	22,1	22,0
Республика Ингушетия	30,0	29,3	30,5
Российская Федерация	12,1	11,0	9,8

Таблица 2. Динамика уровня бедности
в регионах Северного Кавказа за 2020–2022 гг.

Регион	**Год / Отношение медиальных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг**		
	2020 [7]	**2021 [6]**	**2022 [9]**
Республика Дагестан	1,45	1,37	1,37
Республика Северная Осетия – Алания	1,32	1,31	1,31
Кабардино-Балкарская Республика	1,18	1,23	1,23
Чеченская Республика	1,22	1,20	1,20
Ставропольский край	1,16	1,16	1,16
Карачаево-Черкесская Республика	1,02	1,00	1,00
Республика Ингушетия	1,02	0,95	0,95
Российская Федерация	1,58	1,59	1,59

Полученные результаты указывают на отсутствие положительных динамических изменений. Но и здесь есть исключения, это КБР, в которой ситуация незначительно улучшилась. Отрицательные – это Дагестан, где произошло снижение показателей.

Рейтинговые данные характеризуются негативной стабильностью: практически все регионы по-прежнему расположились в нижней части таблицы. Правда, Дагестан занимает 52-е место, но по сравнению с 2020 г. регион потерял семь пунктов в рейтинге. Из этого следует, что ситуация с уровнем бедности в регионе остается риском, сдерживающим позитивные тенденции в социально-экономическом развитии СКФО.

Таблица 3. Рейтинги субъектов РФ, образующих СКФО, за 2020–2023 гг.
(доходы населения)

Субъект	**Год / Место в рейтинге**		
	2020 [6]	**2021 [6]**	**2022 [9]**
Республика Дагестан	45	52	52
Республика Северная Осетия – Алания	64	64	64
Кабардино-Балкарская Республика	76	70	70
Чеченская Республика	72	73	73
Ставропольский край	78	78	78
Карачаево-Черкесская Республика	82	81	81
Республика Ингушетия	83	84	84

Однако в «Стратегии» не делается специального акцента на проблеме бедности населения: она упоминается только однажды – в положении о снижении уровня бедности в два раза к 2030 г. (относительно 2017 г.). Возникает закономерный вопрос: почему, в условиях наличия такого рискогенного фактора, как высокий уровень бедности, в стратегическом документе, определяющем узловые проблемы и приоритетные тенденции развития региона, ему не уделяется внимания? Такой подход можно понять, если обратиться к статьям «Стратегии», рассматривающим доходы населения: в 2019 г. 37,4 % доходов населения на Северном Кавказе «приходится на “прочие денежные поступления” (среди которых… и “теневые” доходы)» при среднероссийском показателе в 12,3 %. Более того, роль теневого сектора в формировании доходов населения различается в зависимости от субъекта СКФО: например, оценивается как 16,6 % в Ставрополье и 59,2 % – в Дагестане. В «Стратегии» фиксируется: «оценочно, в общей сложности в “теневом” сегменте экономики формируется до 1–1,1 трлн рублей доходов населения» СКФО [11]. Возможно, именно поэтому на первое место среди основных направлений социально-экономического развития СКФО поставлено создание «системы мер по снижению доли “теневой” экономики в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа». Тем более такая постановка проблемы обусловлена «инициативами макрорегионального уровня, соответствующими основным направлениям социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа и разработанными на основе моделей экономического развития» [11].

Можно предположить, что обладание информацией об уровне возможных теневых доходов населения позволило полномочному представителю президента в СКФО Ю.Я. Чайке заявить на совещании по развитию Северного Кавказа, которое проводил в Пятигорске премьер-министр М.В. Мишустин в июне 2021 г., о том, что «информация по безработице и уровню жизни населения требует уточнения» [3]. Это может означать, что статистические материалы не дают точных сведений о реальных доходах населения северокавказских республик.

Логично в данном контексте рассмотреть уровень безработицы в СКФО. Согласно Росстату, в 2022 г. в большинстве субъектов округа произошло некоторое снижение доли безработных, особенно значимо снижение в Дагестане и Ингушетии (табл. 4).

Все шесть республик Северного Кавказа оказались по уровню безработицы в конце рейтинга регионов РФ. Только Ставропольский край занимает более высокое рейтинговое место, хотя в регионе ситуация по безработице характеризуется негативным трендом: край ухудшил свои позиции на восемь пунктов.

Таблица 4. Рейтинг регионов СКФО по уровню безработицы [15]

Год / Рейтинг		Регион	Год / Уровень безработицы, %	
2021	**2022**		**2021**	**2022**
56	64	Ставропольский край	4,8	4,5
78	79	Кабардино-Балкарская Республика	9,6	9,8
79	80	Карачаево-Черкесская Республика	10,1	10,2
82	82	Чеченская Республика	10,9	11,0
84	83	Республика Дагестан	13,6	11,6
83	84	Республика Северная Осетия – Алания	12,1	11,9
85	85	Республика Ингушетия	30,0	28,4
Российская Федерация			4,3	3,7

В «Стратегии» также зафиксированы отрицательные тенденции. Подчеркнуто, что на протяжении последних десятилетий в СКФО сохранялось превышение среднероссийского уровня безработицы. Но детальный анализ регионального рынка труда позволяет утверждать, что «большое число жителей Северо-Кавказского федерального округа, статистически относящихся к безработным, имеют работу в неформальном секторе экономики». Так, по оценкам Федеральной службы государственной статистики, доля занятых в неформальной экономике в субъектах Российской Федерации, входящих в состав СКФО, составляет около половины работающего населения, что вдвое больше среднего значения по Российской Федерации (43,2 % и 20,5 % соответственно). И вновь в «Стратегии» констатируется: «“теневая” занятость остается одним из главных факторов, ограничивающих экономическое развитие» Северо-Кавказского региона [11].

Именно поэтому, по утверждению Ю.Я. Чайки, «одним из самых острых вопросов является неформальная занятость населения… Вывод трудовых отношений из “тени” является весьма важной государственной задачей. На сегодняшний день базовые трудовые права таких работников, напрямую влияющие на качество их жизни, законом не защищены. Оказать всестороннюю господдержку данной категории граждан – это… и есть наша с вами основная задача» [14].

Следующий индикатор, анализируемый в настоящей статье, – качество жизни населения региона. Согласно данным агентства «РИА Рейтинг» [8], по данному показателю в 2022 г. все республики Северного Кавказа оказались в числе последних 20 регионов. Выше всех из субъектов СКФО располагается Ставропольский край, улучшивший свои позиции и занявший 25-е место.

В то же время, несмотря на низкие рейтинговые места, все северокавказские республики за последние годы улучшили свои позиции. Особенно это касается КБР, поднявшейся на 10 пунктов и разместившейся на 65-м месте, и Чеченской Республики, улучшившей положение на шесть пунктов, что соответствует 67-му месту. Карачаево-Черкесия поднялась на четыре пункта и расположилась на 80-м, только Ингушетия вернулась на предпоследнее 84-е место.

При этом у всех семи субъектов, образующих СКФО, произошел рост не только рейтинговых мест, но рейтинговых баллов, что обусловлено некоторым улучшением фактической ситуации в регионах СКФО. В «Стратегии» понятие «качество жизни» употребляется четыре раза, хотя и без выделения в качестве самостоятельной проблемы, но рядом с такими важнейшими проблемами, как экономический рост или расширение возможностей для самореализации жителей СКФО, а также как следствие решения экологических проблем в Северо-Кавказском регионе [11].

Определенные успехи в повышении качества жизни населения Северного Кавказа обусловлены теми финансовыми вливаниями, которые делает федеральный центр в социально-экономическую сферу региона. Так, в 2020 г. из федеральной казны были выделены «огромные средства – более 480 миллиардов рублей» (М.Г. Решетников) [3]. «Северный Кавказ с каждым годом становится всё более привлекательным для инвесторов. Только за 2020–2021 гг. суммарный портфель заявленных проектов частных инвестиций в субъектах округа увеличился почти в 2 раза и составил 318 миллиардов рублей» (Ю. Чайка) [3]. За 2021–2022 гг. доходы консолидированного бюджета по СКФО выросли по сравнению с 2020 г. на 23,4 %. В рамках реализации национальных проектов за 2022 г. возведено свыше 1100 социально значимых объектов. Общая сумма финансирования составила 94 млрд руб. В 2023 г. ведутся строительство, реконструкция и ремонт 131 школы, 14 детских садов, 290 объектов здравоохранения. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата выросла почти на 10 % и достигла 37 тыс. руб. В течение 2020–2023 гг. в СКФО создано более 190 тыс. рабочих мест [10].

Однако, согласно аналитической информации и заявлениям политиков, те положительные результаты, которые действительно есть, не соответствуют вложенным средствам [3]. Более того, «основные экономические показатели развития субъектов Северного Кавказа отстают от общероссийских, это касается и валового регионального продукта на душу населения, и важнейшего показателя – инвестиций в основной капитал» (М. Мишустин). Выделяемые из федеральной казны огромные средства «на опережающем развитии Северного Кавказа… не сказываются» (М. Решетников). Кроме этого, разрыв в экономике между Северным Кавказом и другими регионами

России увеличился на 3 %. Неэффективность финансово-экономической региональной политики подтверждается и низкой отдачей бюджетных средств: «На Дальнем Востоке каждый рубль бюджетных средств приносит более 30 рублей частных инвестиций, в особых экономических зонах – почти 2,5 рубля, а на Северном Кавказе – 50 копеек» (М. Мишустин) [3].

Улучшению качества жизни в Северо-Кавказском регионе во многом способствуют серьезные дотации из федерального бюджета, которые получают все регионы СКФО (табл. 5).

Таблица 5. Объем дотаций из федерального бюджета в 2023 г. в региональные бюджеты [1]

Субъект РФ	**Место в рейтинге**	**Объем дотаций, млрд руб.**
Республика Дагестан	1	85,915
Республика Саха (Якутия)	2	56,758
Камчатский край	3	44,178
Чеченская Республика	4	43,095
Алтайский край	5	32,474
Ставропольский край	6	29,296
Республика Крым	7	25,823
Республика Бурятия	8	25,145
Республика Башкортостан	9	22,102
Республика Тыва	10	20,488
Кабардино-Балкарская Республика	12	18,048
Республика Ингушетия	17	14,391
Республика Северная Осетия – Алания	22	13,504
Карачаево-Черкесская Республика	23	12,949

За последние годы все субъекты СКФО стали еще более дотационными, поднявшись на 1–4 места вверх по дотационной лестнице. Но отдача от дотационных вложений также ниже, чем в ряде других регионов. Например, около 22 тыс. руб. в виде дотаций на душу населения получают Дагестан, Чечня и Карачаево-Черкесия, 24 тыс. руб. – Ингушетия, а, например, Бурятия получает только 20 тыс. руб. на человека [16]. При этом, согласно рейтингу регионов России по качеству жизни, представленному «РИА Новости» в начале 2022 г., Республика Бурятия поднялась с 81-го места в 2020 г. на 78-е в 2021 г. А Республика Ингушетия снизила показатели, опустившись с 78-го на 82-е место; Республика Дагестан – с 56-го на 69-е;

Карачаево-Черкесия – с 83-го на 84-е. И только Чеченская Республика смогла сохранить свои позиции на 74-м месте [2].

Неблагоприятная социально-экономическая ситуация, согласно положениям «Стратегии», объясняется сохраняющимся на протяжении длительного периода низким уровнем бюджетной обеспеченности, что обусловлено доминированием теневой экономики: «Результатом распространения неформальной занятости являются недополученные собственные доходы бюджетов… С распространением “теневого” сектора связана проблема низкой собираемости платежей ресурсоснабжающими организациями. Недополучение существенного объема бюджетных средств происходит вследствие доминирования “теневой” экономики» [11]. Своеобразным подтверждением является то обстоятельство, что в «Стратегии» свыше 30 раз в разных аспектах используется термин «теневой»: «теневые» доходы, «теневая» занятость населения, «теневой» сектор экономики, «теневое» производство, «теневая» составляющая в туристской деятельности, и т.д. Различные процессы объясняются следствием высокой доли теневого компонента [11].

Проделанный статистический анализ социально-экономических показателей региональной ситуации на Северном Кавказе свидетельствует о противоречивости тенденций. Есть положительные тренды, среди них рост производства, определенный рост качества жизни населения, позитивная стабилизация уровня безработицы. Но есть и негативные явления: существенная доля теневого сектора в социально-экономической сфере, высокие уровни бедности и безработицы. Объективная потребность в снижении степени противоречивости в социально-экономической области актуализирует вопрос о создании широкой системы многоаспектных мер по уменьшению доли теневого фактора в общественной жизни северокавказского общества. Именно этот фактор приобретает такую степень рискогенности, что подрывает все сферы жизнедеятельности регионального социума, разрушает многие политико-властные отношения и снижает качество управленческих решений. Это означает, что все усилия и общества, и власти необходимо направить на решение одной из приоритетных для округа задач – легализации теневого фактора.

Источники и литература

1. *Данилов Д.* Дотационные регионы России и доноры: список в 2023 году. URL: https://top-rf.ru/places/564-dotatsionnye-regiony.html (дата обращения 21.08.2023).

2. *Данилов Д.* Рейтинг регионов России по качеству жизни 2021–2022. URL: https://web.archive.org/web/20221221164328/https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html (дата обращения 20.08.2023).

3. *Кривякина Е.* Мишустин: Миллиарды выделяем, а Кавказ и ныне там. URL: https://www.kp.ru/daily/27291/4429354/ (дата обращения 21.08.2023).

4. *Медведев Д.А.* Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета Безопасности. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4383 (дата обращения 21.08.2023).

5. О стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года: Постановление Совета Федерации Федерального собрания РФ от 29 сентября 2010 года № 415-СФ. URL: http://council.gov.ru/activity/legislation/decisions/8362/ (дата обращения 21.08.2023).

6. Рейтинг регионов по доходам населения. URL: https://ria.ru/20220620/dokhody-1796186386.html (дата обращения 20.08.2023).

7. Рейтинг регионов по доходам населения – 2021. URL: https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html (дата обращения 21.08.2023).

8. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2022. URL: https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html (дата обращения 20.08.2023).

9. Росстат оценил уровень бедности в стране в 13,1 %. URL: https://www.interfax.ru/russia/782984 (дата обращения 20.08.2023).

10. *Савельев Д.* Юрий Чайка: «Принятые на федеральном уровне решения о всестороннем развитии Северного Кавказа оказались крайне своевременными и эффективными» // Северный Кавказ. 2023. 20 июля. URL: https://severniykavkaz.ru/articles/investitsii/yuriy-chayka-prinyatye-na-federalnom-urovne-resheniya-o-vsestoronnem-razvitii-severnogo-kavkaza-okaz/ (дата обращения 21.08.2023).

11. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 30 апреля 2022 г. № 1089-р. URL: http://government.ru/docs/all/140821/ (дата обращения 20.08.2023).

12. Указ Президента Российской Федерации от 19.01.2010 г. № 82. О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти». URL: http://kremlin.ru/acts/bank/30507 (дата обращения 21.08.2023).

13. Уровень бедности в целом по России и по субъектам Российской Федерации. 2018–2022 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_52.xlsx (дата обращения 20.08.2023)

14. Чайка призвал регионы СКФО усилить работу по снижению теневой занятости в экономике. URL: https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/main/chayka-prizval-regiony-skfo-usilit-rabotu-po-snizheniyu-tenevoy-zanyatosti-v-ekonomike (дата обращения 21.08.2023).

15. Шесть регионов СКФО стали аутсайдерами рейтинга РФ по уровню безработицы. URL: https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/63fc55089a794754356a6eca (дата обращения 21.08.2023).

16. Экономисты определили особенности дотационности республик Северного Кавказа. URL: https://cherkesk.bezformata.com/listnews/dotatcionnosti-respublik-severnogo-kavkaza/99000346/ (дата обращения 20.08.2023).

Раздел 4
Социокультурные и религиозные процессы на Кавказе

Т.Е. Покотилова

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ ФАКТОР В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Становление и существование любого общества невозможно без проявления деятельного чувства сострадания к ближнему. Уже на этапе утверждения человека как существа биосоциального к его инстинктам в сфере выживания в виде удовлетворения потребности в питании, самосохранении и прочем добавляется инстинкт защиты рода. Действия человека неизбежно «выходят из круга его собственной жизни и направляются на развитие жизни той социальной группы, к которой он принадлежит» [5: 11]. Поэтому благотворительность как система «основанных на чувстве дружелюбия действий, имеющих целью оказание помощи слабым членам общества, лишенным по той или иной причине возможности собственными силами обеспечить себе минимум средств существования» [1: 293–294], постепенно становится одним из постоянных факторов жизни развивающегося социума. Культурам всех народов свойственно признавать обязанность оказания помощи слабым: сначала, на самых ранних этапах ее становления, эта обязанность коренится в самих основах рождавшегося общества, по мере развития последнего она провозглашается религией и моралью, а на достаточно продвинутом этапе его развития получает признание со стороны государства как одна из сфер курации и регулирования.

К моменту начала активного освоения Россией Кавказа традиция деятельного милосердия не только присутствовала в отечественной культуре,

но и занимала прочную нишу с многовековым опытом реализации. Русь, приняв православие, восприняла и христианскую идеологию милосердия и заботы о ближнем. Известно, что в христианской культуре фундаментом мировоззренческого обоснования благотворительности стал ряд заповедей Христа, получивших в теософской литературе название добротолюбия. Вначале формирующаяся государственность, активно опиравшаяся в своем развитии и утверждении на православную церковь, делегировала ей право руководства практикой благотворения в силу монополии последней на философию добротолюбия. Вследствие этого в X–XVI вв. церковь сосредоточила в своих руках дело благотворения через создание нравственных побуждений к благотворению проповедью учения о любви и милосердии; воспитание паствы отдельными примерами собственного, личного милосердия в среде иерархов и практическую работу по организации призрения обездоленных с помощью собственных структур за счет церкви, государства, общины и активно жертвуемой населением милостыни. Но по мере укрепления государственной власти и становления самодержавия власть церкви в области благотворения постепенно ограничивалась на фоне формирования и усиления светских тенденций в организации заботы о нуждающихся.

В период же административного и социокультурного освоения Российской империей Кавказа Русская православная церковь возвратилась к практике активного руководства продвижением традиций русской благотворительности теперь уже в регионе – прежде всего в просвещении и образовании – как эффективному рычагу вовлечения местного населения в социокультурное пространство России.

Так, функционировавшая на территории будущей Терской области Осетинская духовная комиссия открыла в Моздоке в 1765 г. первую миссионерскую школу [3: 49]. В 1826 г. подобные школы были созданы в таких поселениях осетин, как Унал, Саниба, Джинат [4: 96]. А в 1836 г. уже во Владикавказе открылось духовное училище, выпускниками которого стали будущие просветители Кавказа Г. Кантемиров, В. Цораев, А. Колиев [4: 97–98]. В 1860 г. все образовательные учреждения Комиссии перешли под патронаж учрежденного решением Александра II Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Находясь в сфере внимания монаршей семьи, общество в своей деятельности опиралось не только и не столько на поступления в виде взносов его членов (20–100 руб.), но и на периодически проводившиеся целевые сборы, поступления из казначейства и средства, выделявшиеся отдельными членами императорской семьи. Известно, что только в 1900 г. на финансирование работы патронируемых образовательных учреждений Общество восстановления православного христианства на Кавказе потратило 6979 руб. [4: 221]. При этом

общество не только развивало и патронировало работу сети начальных школ, но и (в лице ряда его членов, объединившихся в рамках особой комиссии) разрабатывало азбуки, буквари и словари для не имевших их еще горцев. Такие церковно-общественные структуры, как православные братства, создававшиеся на территории Терской области прежде всего с миссионерскими целями, за счет членских и благотворительных взносов вносили ощутимый вклад в просвещение горских народов и получение образования детьми из малообеспеченных семей. К примеру, четыре братства, действовавшие во Владикавказе, ст. Калиновской и Зольской, не только содержали церковно-приходские школы, но и создавали библиотеки и книжные склады [9: 1596].

Отметим, что подобная деятельность иноконфессиональных для большинства местного населения структур благожелательно ими воспринималась во многом не только из-за желания приобщить детей к образованию, а в силу традиционных и для мусульманской культуры представлений о богоугодности помощи ближнему, нуждающемуся в таковой. Так же, как и христиане, правоверные мусульмане точно знают: «Если мы жертвуем свои средства, свое достояние, свои способности на пути истинного служения Господу, то вовсе не потому, что Господь нуждается в каких-либо наших благодеяниях и пожертвованиях. Напротив, наши недостатки и грехи так велики, что мы нуждаемся в Его высшей милости и Его величайшем терпении – для того, чтобы добрые дела, которые мы можем совершить, были бы действительно Ему угодны и заслуживали бы Его похвалы и вознаграждения» [8: 2: 261–263].

Развитие благотворительности происходило на фоне того, как российские власти искали способы оптимизировать присоединение горских народов. Я. Абрамов, ставропольский публицист, в своей статье «Кавказские горцы» отмечал по этому поводу: «Лучшим средством для ассимиляции туземного населения с пришлым русским и прекращения враждебных отношений между этими двумя элементами народонаселения Кавказа является, после улучшения общих экономических условий жизни туземцев, распространение среди них образования. Единство экономических интересов и единство образования представляют собою такую почву, на которой смешиваются и слипаются народности с самыми различными этническими особенностями» [7: 142].

При этом в стране уже существовали многолетние и прочные традиции благотворения в образовании, воспитании и просвещении, а отсутствие ограничений по национальному или конфессиональному признаку как в части выбора объекта благотворения, так и в отношении потенциальных благотворителей составляло характерную черту государственной политики при регулировании благотворительной деятельности.

Это, конечно, серьезно способствовало активизации благотворительных усилий среди представителей казачества, военных, купечества и интеллигенции, осваивавших регион, и в итоге постепенному втягиванию коренного населения Терской области в социокультурную орбиту Российской империи.

Поскольку плотное административно-культурное освоение региона началось со второй половины XIX в., наиболее активно в изучаемой сфере проявили себя общественные благотворительные объединения, вышедшие в этот период на авансцену всего отечественного благотворительного процесса. Известно, что к 1879 г. попечением в образовании, воспитании и просвещении в Терской области в разной мере занимались такие организации общеблаготворительного характера, как Владикавказское благотворительное общество, Нальчикское благотворительное общество, Пятигорское благотворительное общество, Кизлярское благотворительное общество, Грозненское и Моздокское благотворительные общества. Действовали и специализировавшиеся только на попечении в образовании благотворительные организации: Владикавказское общество вспомоществования учащимся, Пятигорское Мефодиевское общество вспомоществования беднейшим ученикам Пятигорского 3-х классного городского училища. Общество попечения о сиротах и бедных детях Владикавказа также уделяло большую часть своей работы организации воспитания и обучения детей [2: 83].

Уникальным в своем роде стало созданное представителями горской интеллигенции благотворительное Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области. Начав свою работу в январе 1883 г. [10: 24], члены общества посвятили себя помощи населению в получении образования и пропаганде новейших технических знаний. Поскольку сбор средств на создание собственной школы был небыстрым, общество сосредоточилось в первую очередь на поддержании отдельных наиболее способных учеников и студентов из неимущих семей посредством стипендий. Среди достижений общества – и организация выставок сельхозмашин [6: 108–112]. В привлечении средств для своей попечительской работы правление общества часто обращалось к помощи областной газеты «Терские ведомости», которая публиковала приглашения к пожертвованиям и участию в деятельности организации.

Редакция «Терских ведомостей» поддерживала, как это практиковалось и региональными изданиями по всей России, все филантропические инициативы не только организованных участников благотворительного процесса. Часто по представлению властей в газете публиковались сведения о выделении состоятельными гражданами капиталов под именные стипендии. Обеспеченное казачество активно участвовало в формировании именных

капиталов на помощь в деле образования, воспитания и просвещения, эта практика популяризировалась в обществе.

Дирекция народных училищ области на постоянной основе передавала в редакцию информацию обо всех благотворительных поступках неравнодушных граждан, жертвовавших определенные суммы в пользу отдельных учащихся из бедных семей либо целых учебных заведений. Публиковались в газете и анонсы предстоящих мероприятий в виде благотворительных концертов, спектаклей, лотерей, ярмарок и пр. Постоянной стала и практика публикации сообщений о награждении властями наиболее усердных благотворителей.

Очевидно, что лишь кратко представленные нами направления и формы благотворительной активности представителей различных социальных институтов и слоев населения Терской области в образовании, воспитании и просвещении с опорой на сложившиеся уже в отечественной благотворительной практике традиции свидетельствуют о правомерности определения благотворительности как весомого объединяющего фактора в социокультурном пространстве Терской области.

Источники и литература

1. Большая энциклопедия: в 22 т. Т. 3 / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1900.

2. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1897 год. Владикавказ, 1898.

3. *Дзанагова Л.В.* Исторический анализ деятельности Осетинской духовной комиссии по распространению школы и просвещения народов Центрального Кавказа // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2010. № 1. С. 46–54.

4. *Кобахидзе Е.И.*, *Ладонина Н.А.* Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века. Владикавказ, 2017.

5. *Покотилова Т.Е.* Теоретико-методологический и историографический аспекты феномена российской благотворительности. Ставрополь, 1998.

6. *Политова А.В.* Благотворительность в отечественном образовании, воспитании и просвещении в XIX – начале XX веков (на материалах Ставрополья и Терека): дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2022.

7. «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь, 2016.

8. Священный Коран. URL: https://quran-online.ru/2/saadi (дата обращения: 14.09.2023).

9. *Хубулова С.А.*, *Койбаев Б.Г.*, *Сосранова З.В.*, *Царикаев А.Т.* «Владикавказские епархиальные ведомости» как источник по истории общественной

жизни Терской области во второй половине XIX – начале XX в. // Былые годы. 2018. Т. 50. № 4. С. 1592–1600.

10. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 82.

Д.А. Гармышев

ОБРАЗОВАНИЕ В ИМАМАТЕ ШАМИЛЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Историки нередко характеризуют имамат как развитое государственное образование. Широко известны слова М.Н. Покровского о государстве Шамиля как о «наивысшей точке, до которой поднималось когда-либо политическое творчество кавказцев» [14: 212]. Одним из важнейших показателей развития имамата можно считать существовавшие образовательные институты. Исследователи уже поднимали вопросы об образовательной системе, сложившейся на Кавказе под руководством русской администрации [15]. Можно выделить и труды, посвященные отдельным кавказским ученым и просветителям [17], а также попытки сравнения образовательных институтов имамата и Российской империи [11].

О распространении науки и образования в имамате позволяет судить широкий круг источников, что уже показывает довольно высокий уровень грамотности в государстве Шамиля. Один из главных авторов эпохи Шамиля, Абдурахман из Газикумуха, пишет о том, что «ученых в Чечне мало, так как мало кто занимается наукой». До этого он приводит внушительный список ученых из разных сел Дагестана, особенно выделяя Согратль, называя его «родником ученых» [3: 83]. О значимости дагестанских ученых в мире ислама может говорить и тот факт, что известный татарский просветитель и востоковед Риза Фахретдин высоко оценивал знания дагестанца Мухаммеда бин Мусы ал-Кадыки аш-Ширвани, называя его в качестве наставника нескольких татарских ученых. Кроме того, по сведениям Фахретдина, еще как минимум трое татарских улемов получили образование в Дагестане [13: 30].

Гаджи-Али из с. Чох, один из главных летописцев имамата, упоминает, что изучал такие науки, как законоведение, хадисы, тафсир (толкование Корана), сияр (история войн, проводимых Мухаммедом), таухид (наука о единобожии), аруз (стихосложение), нуджум (астрономия) [10]. В общей сложности 12 наук, преподаваемых на территории Дагестана, приводит Абдурахман из Газикумуха, в числе которых и теория диспута. Особое внимание уделялось изучению «законоведения для разбора людских дел, связанных с жизнью и верой» [3: 85].

Знаний, полученных еще до масштабных преобразований имама, многим горцам хватало, чтобы занимать важные должности при Шамиле. К примеру, Иманмухаммад Гигатлинский приводит сведения о том, как ученые и предводители дагестанских горных сел устроили допрос Шамилю, еще не ставшему имамом, желая проверить его знания [5: 30].

О широком распространении изучения ислама говорит и тот факт, что сам Шамиль сменил несколько учителей. Крупнейшим знатоком ислама того времени стоит считать шейха Джемал-Эддина Кази-Кумухского, впоследствии ставшего тестем Шамиля. Большое впечатление на имама произвела библиотека Джемал-Эддина. Позже сам имам пользовался ей и начал собирать свою собственную [9: 282]. Современники характеризуют Джемал-Эддина как «благочестивого человека, имевшего весьма красивый почерк, составлявшего стихи на арабском и обладавшего красноречием» [6: 134].

Примечательно и то, что сохранились воспоминания односельчанина Джемал-Эддина, Абдуллы Омар-Оглы. За свою жизнь он успел объездить Дагестан, изучить множество местных языков, а позже был одним из помощников П.К. Услара при изучении им языков народов Дагестана. В своих воспоминаниях Абдулла пишет: «…родители научили меня молитвам так, что, не будучи еще в состоянии перечесть на родном языке названия пальцев, я это знал уже по-арабски» [2: 14]. Здесь нужно оговориться, что сам отец автора воспоминаний был учеником первого имама Дагестана Гази-Магомеда. Поэтому нельзя утверждать, что абсолютно каждый ребенок в дагестанском селе обучался арабской грамоте. Кроме того, Кази-Кумух – довольно большой населенный пункт, столица ханства.

Образование на Кавказе становилось настоящим полем битвы, столкновения на котором не прекращались даже после окончания основных боевых действий. С открытием школ вставал языковой вопрос. Один из самых эффективных наместников на Кавказе М.С. Воронцов настаивал на сохранении народами Кавказа родных языков. Подобного мнения придерживался и русский просветитель, проживший значительную часть жизни на Кавказе, Петр Карлович Услар. Высоко оценивая уровень образования горцев, Услар тем не менее с горечью отмечал, что русский язык не столь популярен среди горцев, сколь арабский, объясняя это наличием возрастных ограничений в русских школах [16: 304].

Сложившиеся в имамате традиции распространения образования с трудом можно назвать системой. Формально регламентировался даже цвет чалмы, который носили люди, получающие и дающие образование. При этом наличие или отсутствие возможности получить образование зависело только от того, будет ли в данном селении грамотный житель.

Люди, обладавшие религиозными знаниями, пользовались в имамате не только уважением, но и покровительством самого Шамиля. В одном

из писем к своему наибу Умару имам пишет: «Поистине брат наш податель [сего] Халид – преданный мухаджир, набожный [человек] и благочестивый алим. Он жаловался на крайнюю нужду. Если ты окажешь ему помощь, покрыв его расходы [на проживание] и на пропитание его семьи, то это – предел моих желаний» [1: 84]. С одной стороны, в данном письме можно увидеть личную заботу Шамиля в отношении знатока ислама. С другой же стороны, видно, что довольно уважаемый в имамате человек не является зажиточным и испытывает денежные затруднения, а имаму приходится самому решать сложившуюся проблему.

Российская империя, обладая значительными ресурсами, умело играла на складывавшихся противоречиях. Довольно большая часть духовенства была привлечена на сторону русской администрации. Благодаря таким активным контактам был составлен текст проповеди, в которой «каждую пятницу поучали народ, толковали им обязанности их к богу, царю, правительству и ближним» [12: 191]. Подчеркивалось, что «вера остается неприкосновенною» и «покровительствуема силою государственных законов» [12: 191].

Сравнение образования, предлагаемого русской администрацией, с образованием, получаемым горцами в имамате, выглядело бы некорректно по нескольким причинам – первое из упомянутых носило светский характер и было ориентировано на горскую элиту. При этом многие горцы понимали важность получения светского образования, которое могла предоставить русская администрация, что находит отражение и в художественной литературе.

К примеру, герой романа А. Айдамирова «Долгие ночи» Берс, говоря своему родственнику о необходимости обучения в русской школе, приводит примеры генерала Александра Чеченского и художника Петра Захарова, чеченцев по крови, сумевших прославиться на всю Россию [4: 161–162]. Несмотря на то что данная книга была написана во второй половине XX в., по приведенному фрагменту можно судить о востребованности образования среди горцев.

Мы действительно можем обнаружить множество успешных примеров инкорпорации горцев в российское общество через получение образования. Русская администрация активно использовала сложившиеся на Кавказе традиции аманатства – обычая, ведущего свои корни от норм мусульманского права. Суть его состояла в том, что в качестве гаранта соблюдения условий договора одна из сторон предоставляла другой пленника – аманата. Сам Шамиль отдал своего сына в качестве аманата, и его судьба была типичной для кавказского юноши, служившего гарантом поддержания мира. В Петербурге Джамалутдина ждала карьера офицера, и его случай не был единичным. Аманатские учебные заведения, открывавшиеся на Кавказе,

пользовались большой популярностью. К примеру, в первую аманатскую школу, открытую в Нальчике в 1820 г., адыги в знак своей покорности России отправили на учебу 916 детей [8: 12].

Можно проследить определенную двойственность в отношении к русскому образованию со стороны горцев. Автор очерка «Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста)» Г.-М. Амиров значительную часть своей жизни провел обучаясь в русской гимназии. Отец, отправляя сына на учебу, столкнулся с «упреками родственников и друзей и злобными улыбками на лицах врагов» [7: 3]. По всей видимости, отец относился к получению сыном образования как к вынужденной мере.

Упоминается и о том, как отец отказался обнимать сына, покуда тот не снимет с себя гимназическую форму. Сам Амиров пишет, что «один только сумасшедший позволил бы себе расхаживать в русской форме по улицам в ауле». Как утверждает сам гимназист, это привело бы к «потере уважения к своей особе, даже со стороны ближайших родственников» [7: 11]. Заметно, что парень, обучавшийся в русской гимназии в Темирхан-Шуре, фактически со временем стал чужаком в родном селе.

Особый интерес представляет встреча гимназиста с местными муталимами. Они задали юноше математическую задачу, казавшуюся им очень сложной. После – еще несколько, решив, что предыдущая была известна гостю заранее. Как выяснилось, муталимы не проходили «четырех правил арифметики» и не имели представления о делении и умножении [7: 43]. Позже один из муталимов, пораженный знаниями и навыками гимназиста в геометрии и математике, даже изъявил желание учиться у русских и признал превосходство европейской науки над горской [7: 44].

Как видим по письменным источникам, система мусульманского образования, которая начала складываться задолго до установления власти Шамиля, была довольно успешной и отвечала требованиям горцев – растила грамотных писарей, кадиев, знатоков шариата. Однако предлагаемые русской администрацией карьерные перспективы, ориентированные на детей феодальной верхушки, для молодых горцев выглядели зачастую более привлекательно. Русские школы знакомили кавказцев с законами, принятыми в Российской империи, а сами юноши, в свою очередь, знакомили с этими законами своих родителей и односельчан.

По окончании основных боевых действий многие образованные подданные имама внесли значительный вклад в изучение истории, традиций и культуры народов Кавказа. Кроме того, развитые когнитивные способности, приобретенные в ходе постоянного изучения священных текстов и арабского языка, нередко помогали впоследствии справляться и с другой работой. К примеру, сыновья Джемал-Эддина Кази-Кумухского после окончания боевых действий сумели сделать весьма успешные карьеры.

По сведениям Гасана Алкадари, двое его сыновей состояли на службе в Турции, а оставшиеся трое – «на русской службе», занимая должности кадия, майора полиции и наиба [6: 134].

Сложившиеся в имамате образовательные институты были столь же самобытным явлением, коим было и само государство Шамиля.

Источники и литература

1. 100 писем Шамиля / сост. Х.А. Омаров. Махачкала, 1997.

2. *Абдулла О.* Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 13–64.

3. *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997.

4. *Айдамиров А.* Долгие ночи. М., 2020.

5. *Айтберов Т.М.*, *Дадаев Ю.У.* Хроника Иманмухаммада Гигатлинского – текст XIX века об истории имамата. Махачкала, 2010.

6. *Алкадари Г.-Э.* Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане). Махачкала, 1994.

7. *Амиров Г.-М.* Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VII. Тифлис, 1873. С. 1–77.

8. *Бекоева Т.А.*, *Кудзаева А.Г.* Правительственные школы в Северо-Кавказском регионе (конец XVIII – вторая половина XIX столетия) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 5. С. 10–15.

9. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации. М., 2004.

10. *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995.

11. *Гармышев Д.А*. Политика «мягкой силы» России на Кавказе: образование и религия // Вестник АГПУ. 2020. № 4. С. 25–30.

12. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала, 2006.

13. *Набиев Р.А.* Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002.

14. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Лондон, 1991.

15. *Урушадзе А.Т.* Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). Ростов н/Д., 2016.

16. *Услар П.К.* О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 1–30.

17. *Хапизов Ш.М.*, *Шехмагомедов М.Г.* Муртаза‘али из Урада – верховный кадий имамата. Махачкала, 2018.

А.И. Севостьянова

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ И.Д. ПОПКО И ЕГО ВКЛАД В СОЗДАНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА

Одним из активно развивающихся направлений в исторической науке является персональная история, в рамках которой изучаются биографии не только известных личностей, но и деятелей второго плана. И.Д. Попко (1819–1893), генерал Кубанского казачьего войска, кавказовед, автор многих значительных трудов о терском и кубанском казачестве, является в региональной истории известной персоной, но в общероссийском плане занимает второстепенное положение.

Историки, занимающиеся биографией И.Д. Попко, исследовали труды генерала по истории казачества, его вклад в кавказоведение, военную, административную, культурно-просветительскую деятельность в регионе [6]. Однако вопрос об участии Ивана Диомидовича в разработке проекта положения Ставропольского казачьего юнкерского училища остался в стороне и отдельно в отечественной историографии не рассматривался.

Потребность в создании учебных учреждений, которые готовили бы грамотных и хорошо знающих военное дело офицерских кадров, возникла еще в первой половине XVIII в. в связи с формированием регулярной армии Петром I. Для решения этой задачи в 1722 г. была создана Табель о рангах, согласно которой, продвижение по армейской службе происходило за счет интеллектуальных способностей, усердия в учебе, талантов и личных заслуг военных. Первые военно-учебные заведения для подготовки казачьих офицеров появились в 1820-е гг. Однако монопольное право на обучение в них принадлежало казакам из дворянской семьи, в связи с чем остальная часть казачества получала офицерское звание только по выслуге лет. После того как в Табель о рангах были включены казачьи военные чины, то военное образование для офицерского состава казачества стало обязательным. Таким образом, профессиональное казачье военное образование оформляется в России в XIX в., когда казачество становится воинским привилегированным сословием, особая миссия которого заключается в том, чтобы служить Отечеству.

Поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. выявило низкий уровень военной подготовки казачьих офицеров. Стало необходимым совершенствовать знания и умения в области военного дела [5: 223]. Система военного образования в России подверглась серьезным изменениям в ходе реформ Д.А. Милютина во второй половине XIX в. Важным нововведением

стало то, что производство в офицеры за выслугу лет отменялось, были созданы военные и юнкерские училища, которые занимались подготовкой офицерских кадров.

За необходимость создания специального казачьего учебного заведения на Северном Кавказе высказался великий князь Михаил Николаевич, который с 1860 г. являлся кавказским наместником и главнокомандующим Кавказской армией. Ставропольское казачье урядничье училище, образованное в 1870 г., а через год переименованное в юнкерское, преследовало две цели – ликвидировать недостаток офицеров в казачьих войсках и повысить их образовательный уровень.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в начале июня 1869 г. И.Д. Попко прибыл в Ставрополь и писал по этому поводу следующее: «Здесь учреждают юнкерское училище для обоих Кавказских казачьих войск Кубанского и Терского. Для начертания проекта положения об этом училище назначен великим князем главнокомандующим комитет от обоих войск, и я призван в состав этого ареопага членом от войска Кубанского; прибыл в Ставрополь 5-го сего июня и пробуду здесь, должно быть, до 10-го июля» [3: 209].

В Государственном архиве Ставропольского края, в личном фонде И.Д. Попко, обнаружен проект положения Ставропольского казачьего юнкерского училища. В документе освещены следующие вопросы: цель создания учебного заведения и правила приема, управление и состав училища, производство в офицеры. Согласно положению, училище создавалось «для доставления научного и строевого образования урядникам, служащим в казачьих войсках Кубанском и Терском» [4: 1 об.]. Первоначально ставропольское училище готовило кадры для Кубанского (70 человек) и Терского (20 человек) казачьих войск, а также для Кавказской кавалерийской дивизии (30 человек). Однако с ноября 1878 г. учебное учреждение было преобразовано исключительно в казачье, так как ликвидировался конный взвод юнкеров Кавказской кавалерийской дивизии, которых отправляли в Елисаветградское юнкерское училище.

Ставропольское училище размещалось в нескольких зданиях, которые были расположены на большом расстоянии друг от друга, что было не очень удобно. Основная часть помещений учебного заведения находилась около Александровской площади (площадь Ленина) в комплексе военных зданий – бывшем доме командующего Кавказской линией, помещении штаба Линии, а также в здании, которое ранее занимало войсковое дежурство. Училище находилось в ведении главнокомандующего Кавказской армией и подчинялось начальнику штаба Кавказского военного округа. В высшем отношении учреждение было подведомственным: по учебной части – Главному управлению военно-учебных заведений Российской империи, начальником

которого был Н.В. Исаков, а по всем прочим частям – Главному управлению иррегулярных войск. За состоянием училища следили наказные атаманы Терского и Кубанского войск [4: 20 об., 21].

Поступающие были обязаны: сдать вступительный экзамен; находиться в частях Кубанских и Терских войск на действительной службе или в учебном дивизионе Кубанского войска; получить рекомендацию от своих начальников. Первоначально поступать в училище могли дворяне, вольноопределяющиеся и урядники [4: 25 об., 26]. В 1874 г. была ликвидирована монополия дворянства на военное образование и доступ в училище получили лица из всех сословий. Поступающие также обязывались иметь обмундирование, вооружение, конскую амуницию за собственный счет [4: 28 об.]. Юнкера отправлялись из своих частей к частям войск, расположенных в местах нахождения училища [4: 36].

Обучение длилось два года. Классы подразделялись на младшие и старшие. В первых изучали общеобразовательные предметы (Закон Божий, русский язык, иностранные языки, математику, физику и химию, черчение, географию и историю), а во вторых – военные (тактику, воинские уставы, военную топографию, полевую фортификацию, военное судопроизводство, иппологию – науку о лошадях и др.) [1: 137]. И.Д. Попко считал, что главными задачами училища были не только подготовка профессионально обученных офицерских кадров, но и воспитание всесторонне развитой личности. В связи с этим особое внимание уделяли духовному и нравственному развитию юнкеров. В учебном плане были такие предметы, как музыка, танцы, пение и рисование.

По окончании курса старшего класса юнкера сдавали экзамены на право производства в офицеры. Выпускники юнкерского училища делились на два разряда. Старшинство в разряде определялось по наибольшему количеству баллов, полученных выпускником по различным показателям (поведение, строевая служба, специальные и общие науки). После успешной сдачи экзамена и получения аттестата об окончании училища юнкера переименовывались в портупей-юнкеров (позже в подхорунжих), откомандировывались от училища в распоряжение войсковых штабов, которые и распределяли уже портупей-юнкеров (подхорунжих) по полкам своего войска. Производство в офицеры совершалось уже по пожалованию войскового начальства, исходя из принадлежности выпускников к разрядам [2: 34–36].

В 1880-х гг. произошли изменения в системе военного образования. Юнкерские училища в целом удовлетворили потребность русской армии в офицерских кадрах, и теперь качество образования в подобных учебных заведениях признавалось недостаточным, поэтому с обозначенного времени происходит их ликвидация по всей стране или слияние с военными

училищами, которые считались более престижными. В 1898 г. Ставропольское казачье юнкерское училище было закрыто.

Таким образом, при участии И.Д. Попко был создан проект положения Ставропольского казачьего юнкерского училища, которое функционировало 28 лет и выпустило 1080 офицеров для казачьих войск [1: 141]. Многие выпускники впоследствии стали видными военачальниками и государственными деятелями. Свои знания, умения и навыки в военном деле выпускники училища смогли продемонстрировать в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Источники и литература

1. *Бабич А.В.* «Христианин, верноподданный, русский…» О воспитании офицерских кадров в Ставропольском юнкерском казачьем училище (1870–1898 гг.) // «Нам Богом и Царем дарованная честь...» (к 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя). Материалы VII Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2011. С. 130–144.

2. *Баратов Н.Н.* Ставропольское казачье юнкерское училище. 1870/1871–1897/1898 г.: памятка о двадцатисемилетней его жизни и деятельности. Тифлис, 1898.

3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р377. Оп. 1. Д. 7.

4. ГАСК. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 17.

5. *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952.

6. Памяти Ивана Диомидовича Попки: из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества: сборник научных статей / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2003.

Ш.М. Батчаев

ОРГАНИЗАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО КУЛЬТА В КАРАЧАЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1868–1917 гг.)

Отношения с мусульманским духовенством всегда занимали особое место в российской политике на Северном Кавказе. Их вектор регулярно менялся в зависимости от политических и идеологических целей империи на конкретном этапе. Естественно, что после окончания Кавказской войны (1864 г.) политика российских властей в отношении горского мусульманского духовенства претерпела определенные изменения.

Следует отметить, что главой мусульман горских регионов в начале XIX в. был кадий. Институт кадия был включен в структуру провинциального

уровня имперской судебной системы с первых же дней утверждения российской администрации. По устоявшейся традиции он вел шариатское судопроизводство согласно нормам исламского права (*фикха*) и одновременно выступал как глава местного духовенства («народный эфенди»). Деятельность кадия де-факто рассматривалась как форма государственной службы, поэтому, например, к карачаевцам царское командование назначило своего кадия сразу же после присоединения их к империи (1828 г.), прислав Абдул-эфенди из аула Бабуковского [13: 387]. Кадий был подведомственен приставу и распространял свои полномочия на административно-территориальную структуру, которым управлял последний (то есть на приставство).

Включение элементов организации мусульманского культа в структуру системы управления горцами, которая сложилась после реформ 1860-х гг., стало основным содержанием религиозной политики российской администрации в регионах Северного Кавказа, в том числе и в Карачае. Главным органом руководства мусульманской общиной стал Горский словесный суд, который выполнял функции не только судебного органа, но и духовного управления. В его состав входили два кадия и три депутата, а председательствующим был руководитель администрации (начальник округа, участка) [9: 303–304].

Тем самым кадии окружного Горского словесного суда Эльбрусского округа, в который входили все карачаевские селения по Кубани и ее притокам, а также два абазинских аула, помимо судебной власти, являлись и духовными лидерами горцев.

Кадии избирались на общих сходах всех селений, после чего голоса суммировались и два претендента, набравшие наибольшее число голосов, становились кадиями, а следующие за ними еще два участника – их дублерами («кандидатами»). Однако, прежде чем занять свою должность, победители выборов должны были получить от старшин селений удостоверения, свидетельствующие об отсутствии у них судимостей, их нравственных качествах, и, главное, о политической благонадежности священнослужителя и его верности монарху и российскому правительству. О личности претендентов делались также запросы в Кубанское областное жандармское управление. И только после выполнения всех этих проверок начальник участка отправлял рапорт начальнику уезда (атаману отдела), а тот – начальнику Кубанской области, который своим приказом и утверждал в должности кадиев и депутатов [8: 122–123].

Учитывая большое численное превосходство населения Карачая, кадии и два депутата выбирались из их среды, а один депутат – из жителей абазинских аулов. Так, на выборах 1870 г. кадиями были избраны Магомет Байрамуков и Исмаил-Солтан Кочкаров (кандидатами к ним – Магомет Хубиев, Али

Кубаев), депутатами – Джашарбек Байрамкулов, Салим-Герий Джанибеков (кандидатами к ним – Али Бостанов и Хаджи-Мырза Крымшамхалов) – все от Карачая, а от абазин – депутат Гельды Лафишев (кандидатом к нему Гога Гожев) [4: 92–96].

Впоследствии, с объединением горцев Верхней Кубани в составе Баталпашинского уезда (1871–1888), а затем отдела (1888–1917), один из кадиев представлял зеленчукских горцев (адыгов, абазин, ногайцев), другой – карачаевцев [7: 88]. В подчинении окружных кадиев находились сельские и квартальные эфенди, число которых зависело от размера населенного пункта.

В большинстве сел Карачая сельских эфенди выбирали на общем сходе. Как и при выборе сельских старшин, здесь также шла жесткая конкуренция между претендентами, в которой сталкивались интересы различных социальных групп горского населения. Это объясняется тем, что претендентов на должность сельского эфенди было больше, чем на должность квартальных мулл, так как она была более престижной и предполагала большую власть – в масштабе всего селения. Существовала конкуренция и при выборах квартальных эфенди, которых в больших селениях (Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук) обычно было 4–6 человек [1: 54–55 об.].

Тем не менее и те, и другие претенденты на эту должность приступали к своим обязанностям после проверки кадием их знаний исламского вероучения суннитского толка и религиозных обрядов. Если случалось так, что на одно место претендовали двое, окружной кадий утверждал того, кто более успешно выдержал экзамен.

Удачно прошедшие экзамен получали письменное свидетельство, подписанное окружным кадием и обоими депутатами Баталпашинского горского словесного суда, которые также присутствовали при испытаниях. В документе отмечалось, что претендент «выдержал испытание в знании магометанского вероучения суннитского закона, а потому имеет право на занятие обязанностей (так в документе. – *Ш. Б.*) муллы в одном из горских аулов Кубанской области» и что он соответствует избранной должности [3: 274].

Однако главным условием для занятия должности духовного лидера, как и в случае с кадиями, была не столько обширность познаний эфенди, сколько его лояльность по отношению к власти и ее представителям. Старшина селения давал отзыв о политической благонадежности баллотирующегося на должность эфенди, его нравственных качествах, отношении к нему односельчан, причем первый из критериев был определяющим. Подобную же справку должно было дать и Кубанское областное жандармское правление. В отношении священнослужителей проводились различные проверки, и только после их благополучного исхода эфенди утверждался приказом областного начальника [3: 192].

Социальная доктрина ислама с ее ориентацией на равенство мусульман независимо от их сословного и социального происхождения привлекала в ряды духовенства в Карачае бывших крепостных (азатов и вольноотпущенников). Хотя процент эфенди крестьянского происхождения в Карачае был значительно ниже, чем в соседних Кабарде и Балкарии, тем не менее он превышал их долю от общего числа населения. Достаточно высокий уровень религиозных знаний вольноотпущенников позволял им претендовать не только на должности квартальных и сельских эфенди, но и на высшие посты в местной иерархии мусульманского духовенства. Так, на первых пореформенных выборах кадия Карачая в 1870 г. эфенди Г. Токов был одним из претендентов на должность [4: 96].

Ежегодно число выходцев из крестьян в структуре духовенства возрастало, и 1 ноября 1898 г. их представитель Джагафар-эфенди Хачиров был утвержден в должности кадия Карачая руководством Кубанской области. Отметим, что Д. Хачиров набрал меньше голосов выборных депутатов, чем его конкурент – выходец из влиятельного рода узденей, однако был одобрен на пост кадия в связи с хорошим знанием русского языка, политической благонадежностью и лояльностью властям [2: 5–6].

Чтобы привлечь на свою сторону духовенство, российская администрация продолжила традицию его поощрения в числе остальной горской элиты. Главным подарком властей стали земельные участки, что было наиболее ценным для населения Карачая, испытывавшего острый недостаток свободных земель. Так, кадии Исмаил-Солтан Кочкаров и Магомед Байрамуков в 1871 г. получили каждый более чем по 200 десятин земли [6: 24]. Это было равноценно земельным участкам, полученным старшинами селений и офицерами, в основном происходившими из княжеских родов.

Большую роль духовенство играло во время войн России с другими государствами, в которых карачаевцы участвовали начиная с Крымской войны (1853–1856). Духовные лидеры вдохновляли своих земляков на создание добровольческих отрядов в помощь русской армии и участие в войне. И их деятельность не оставалась неотмеченной. Кадии и эфенди награждались медалями, чинами, денежными премиями. Так, в октябре 1878 г., приказом про Кавказскому военному округу № 619, «за усердную службу и полезные труды по формированию милиции и поддержанию в крае порядка и спокойствия» в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были награждены два представителя Карачая. Кадий Баталпашинского горского словесного суда Магомет-эфенди Байрамуков был отмечен золотой медалью с надписью «За усердие» на Аннинской ленте для ношения на шее, а депутат этого же суда Джашарбек Байрамкулов – такой же медалью для ношения в петлице [10: 340]. Во время русско-японской войны приказом по Кубанскому казачьему войску от 31 июля 1905 г. № 424 было объявлено о том, что серебряной медалью

«За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди император пожаловал кадия Баталпашинского горского словесного суда по Хумаринскому участку Джагафара-эфенди Хачирова [11: 312].

В функции сельских эфенди входило заведывание мечетями и мечетскими школами, преподавание в медресе, ведение метрических книг, составление списков мусульман, доставление кадиям сведений о мечетях, школах, новорожденных, браках и т.п. Кроме того, сельский эфенди принимал участие в заседаниях сельского, а иногда и окружного словесного суда. По пятницам в главной мечети собирались все мусульмане данного селения, им произносилась особая проповедь (*хутба*), одним из главных условий чтения которой было упоминание имени ныне правящего монарха.

Квартальный эфенди, являясь духовным наставником жителей своего квартала, во всех вопросах должен был содействовать сельскому эфенди. Квартальная (пятивременная) мечеть служила местом ежедневной коллективной пятикратной молитвы мусульман данного квартала. В случае смерти одного из жителей в его квартале он возглавлял исполнение религиозных обрядов, связанных с похоронами и поминками.

Эфенди одного квартала не имел право вмешиваться в дела жителей других кварталов. Виновный в таком нарушении эфенди мог быть подвергнут штрафу в сумме 200 руб. или удалению из общества сроком на три года. Для того чтобы понести такое наказание, было достаточно, чтобы эфенди без официального на то разрешения оформил «некях» (брак) девушке, проживающей в другом квартале [5: 140].

Для подержания жизнедеятельности мусульманского духовенства и оказания помощи малоимущим семьям с населения собирался ежегодный натуральный налог, который назывался «саджит». Согласно нормам шариата, каждый двор платил одну десятую часть урожая от каждой культуры. Кроме того, «имевшие от 30 до 40 коров платили 1 годовика, от 40 до 60 коров – 2 годовика, от 60 до 70 коров – 1 двухлетка и 1 годовика, от мелкого скота – по одной штуке с каждой сотни» [12: 103].

В пользу священнослужителей поступала также часть деура (платы за очищение покойного от грехов, совершенных им при жизни), жертвуемого родственниками умершего в пользу малосостоятельных жителей села. Помимо этого, каждый из них получал жалованье в виде вознаграждения за службу в мечети.

Таким образом, полностью контролируя действия мусульманского духовенства, российская администрация превратила этот слой горского населения в часть управленческого аппарата, который в большинстве случаев являлся верным проводником государственной политики на местах, что имело большое значение, учитывая, каким влиянием пользовались священнослужители на Северном Кавказе.

Источники и литература

1. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. 7. Оп. 1. Д. 26.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 69.
3. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701.
4. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 187.
5. *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). Нальчик, 2007.
6. *Кипкеева З.Б.* Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000.
7. *Лайпанов К.Т., Хатуев Р.Т., Шаманов И.М.* Карачай с древнейших времен до 1917 года. Черкесск, 2009.
8. *Магаяева П.И.* Реформы 60–70-х гг. XIX века в горских округах Кубанской области. Карачаевск, 2003.
9. *Невская В.П.* Карачай в XIX веке // Ас-Алан. 2002. № 1 (6). С. 130–484.
10. Приказы по Кубанской области и Кубанскому казачьему войску за 1878 г. Екатеринодар, 1879.
11. Приказы по Кубанской области и Кубанскому казачьему войску за 1905 г. Екатеринодар, 1906.
12. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2175.
13. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Т. 2. История войны казаков с закубанскими горцами: с военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы. Екатеринодар, 1913.

Д.Д. Чотчаев

ПРЕДСТАВИТЕЛИ КАРАЧАЯ – РУКОВОДИТЕЛИ СВЕТСКИХ ШКОЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В развитии народного образования в Карачае во второй половине XIX – начале XX в. важную роль сыграли выдающиеся деятели просвещения, в том числе представители самого карачаевского народа. Это выходцы из Карачая, которые окончили учебные заведения в крупных российских городах и, вернувшись на родину, обучали молодое поколение во вновь открывавшихся светских школах. Некоторые из них стали руководителями этих образовательных учреждений.

Одним из таких выдающихся педагогов был Ильяс Магомедович Байрамуков, который по праву считается первым светским учителем. Он происходил из известного в Карачае рода Байрамуковых, который принадлежал к числу «горских узденей первой степени (дворян)» [4: 18 об.]. Его дедушка Кючук Дебоевич Байрамуков (Дебо улу Кючук) в первой трети XIX в. был кадием Карачая – духовным главой мусульман и шариатским судьей. Отец Ильяса, Магомед Байрамуков (Мухаммад-эфенди), также являлся кадием Карачая, был одним из инициаторов открытия в 1878 г. первой светской школы – Учкуланского начального училища. После завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М. Байрамуков «за усердную службу и полезные труды по сформированию милиции и поддержанию в крае порядка и спокойствия во время минувшей войны» получил золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте [1: 12].

Ильяс Байрамуков обучался в Учкуланской школе, затем получал образование в Ставропольской мужской гимназии. В 1889 г. после окончания шестого класса гимназии по семейным обстоятельствам ему пришлось вернуться домой: «Около года провел молодой гимназист в родном селении, пытаясь определиться с выбором жизненного пути. Полученное образование давало ему возможность работать чиновником в имперской администрации, что влекло за собой определенные привилегии. Однако, будучи сыном и внуком одних из наиболее образованных людей своего времени, духовных лидеров Карачая – Кючук-хаджи и Мухаммада-эфенди, принял решение пойти по их стопам, избрав делом жизни просветительскую деятельность, в частности, ее светское направление» [2: 196]. После сдачи специальных экзаменов на звание «начального учителя» и вручения 13 сентября 1890 г. свидетельства № 1416 Ильяс Магомедович Байрамуков получил право заниматься педагогической деятельностью. 25 декабря 1890 г. он был назначен вторым учителем Учкуланского начального училища [3: 4].

Уже к концу XIX в. количество обучающихся в Учкулане выросло с 30 до 166 человек. При Учкуланском училище также начал функционировать пансион, куда принимали детей из других населенных пунктов Карачая [9: 9]. 12 октября 1894 г. Ильяс Магомедович Байрамуков в возрасте 26 лет был избран общекарачаевским казначеем, что продемонстрировало доверие, оказанное ему всеми десятью карачаевскими селениями. В этой должности он работал до 1 апреля 1896 г. Почти четверть века Ильяс Байрамуков пребывал в Учкуланском сельском училище, куда он был принят 1 августа 1897 г., в качестве третьего учителя. Он пользовался огромным уважением среди учеников и всего населения Учкулана, что подтверждают слова народных карачаевских песен: «Если я буду учиться прилежно и долго, то стану таким, как учитель Ильяс» [9: 10].

Следующий этап педагогической деятельности И.М. Байрамукова был связан с Верхне-Маринским одноклассным училищем. По решению руководства Кубанской области было открыто сельское нормальное (начальное одноклассное) училище в селении Верхняя Мара. Создание этого учреждения было сопряжено с рядом трудностей, связанных с его финансированием, поскольку местное население, состоявшее в основном из бывших крепостных крестьян, «не могло похвастаться большим количеством состоятельных жителей. А значит, школьное дело, которое в те годы финансировалось на основе государственно-общественного сотрудничества, должно было в нем испытывать определенные трудности. И потому, выбирая кандидатуру заведующего училища… областное руководство… остановилось на Ильясе Байрамукове. Будучи представителем самого народа, имевший опыт педагогической и общественной деятельности, он, по мнению начальства, мог поставить образование в селении на должный уровень» [2: 201]. Исходя из этих соображений, директор народных училищ Кубанской области издал распоряжение, в соответствии с которым И.М. Байрамуков с 1 сентября 1898 г. должен был приступить к исполнению обязанностей заведующего Верхне-Маринским одноклассным училищем [4:18 об.].

В течение десяти лет И.М. Байрамуков возглавлял это учебное заведение, показав себя опытным руководителем и квалифицированным преподавателем. Благодаря его организаторским и управленческим способностям Верхне-Маринское училище добилось значительных успехов. За это время его окончили более сотни горцев. Среди выпускников было много известных учителей, медиков, общественно-политических деятелей. В их воспитании и обучении огромную роль сыграл Ильяс Байрамуков.

Исследователи жизни и деятельности И.М. Байрамукова отмечают его положительные личные качества. Ко всем ученикам он относился одинаково, вне зависимости от их социального происхождения. Маринцы прониклись уважением к руководителю своей школы, оказывали ему всемерную поддержку. Маринское училище стало одним из лучших в Баталпашинском округе [2: 202]. Значительное внимание уделял Ильяс Магомедович обучению девочек. Ему приходилось преодолевать сопротивление части духовенства и населения, которые считали, что девочкам нельзя ходить в школу, получать образование в светских учебных заведениях. Важным фактором в процессе образования И.М. Байрамуков считал трудовое воспитание молодого поколения. Он организовал ремесленные мастерские для мальчиков и курсы рукоделия для девочек. Девочек обучал сам Байрамуков, который изучил рукоделие по книгам и журналам [2: 203]. На организованных им пришкольных участках детьми выращивались фрукты и овощи, разводились плодовые деревья [9: 10].

Ильяс Магомедович Байрамуков вскоре стал известен и за пределами Карачая. Этому способствовали записи путешественников, которые, побывав в регионе, познакомившись с выдающимся педагогом, оставили о нем воспоминания. Один из таких путешественников, побывавший в Карачае в 1903–1904 гг., писал: «В поселке Мара, по распоряжению Кавказского учебного округа, существует школа. Учителем там был И.М.Б., милейший карачаевец, сын кадия из Хурзука, прошедший 6 классов Ставропольского реального училища (гимназии), – простодушный добряк, душевно преданный своему великому делу обучения и развития полудикого народа» [13: 53].

1 сентября 1908 г. И.М. Байрамуков был переведен на должность заведующего Учкуланским двухклассным училищем, где проработал до 1915 г. Благодаря его усилиям здесь значительно вырос уровень образования и воспитания, а училище стало одним из лучших во всей Кубанской области.

В биографии И.М. Байрамукова следует выделить период, когда он руководил Карт-Джуртским высшим начальным училищем, которое было открыто по просьбе общественности в 1914 г. Его учащиеся получали основное общее образование и по окончании имели возможность продолжать образование в таких средних специальных учебных заведениях, как учительские семинарии, технические и военные училища и т.д.

Первым заведующим училищем в 1914–1915 гг. был А. Величко, который, по оценке инспектора 5-го (Баталпашинского) района народных училищ Кубанской области Г.С. Меденика, не справился с возложенными на него обязанностями и не добился значительных успехов. Г.С. Меденик обратился к директору народных училищ Кубанской области статскому советнику М. Поночовному с просьбой освободить А. Величко от обязанностей заведующего Карт-Джуртским высшим начальным училищем и назначить вместо него И. Байрамукова. В свою очередь М. Поночовный 9 сентября 1915 г. отправил попечителю Кавказского учебного округа Н. Рудольфу рапорт, в котором приводил доводы в пользу замены руководства образовательного учреждения. Среди них он отмечал незнание А. Величко карачаевского языка и трудности его общения с учениками и местным населением, невозможность заведения достичь каких-либо результатов и равнодушие общества к нему, нежелание населения отпускать средства на содержание училища и ряд других. М. Поночовный писал: «Если бы во главе этого училища инспектором стоял карачаевец, то школа, по мнению общества, стала бы авторитетнее и интересы ее были бы более близки жителям» [2: 209]. Свой рапорт директор народных училищ Кубанской области завершал просьбой перевести А. Величко в ст. Зеленчукскую на должность заведующего открывшегося там высшего начального

училища, куда он был командирован ранее для его организации. Исполняющим обязанности инспектора (заведующего) Карт-Джуртского училища, по мнению М. Поночовного, следовало назначить карачаевца Ильяса Байрамукова, который пользовался огромным авторитетом у карачаевцев.

12 сентября 1915 г. И.М. Байрамуков был назначен временно исполняющим обязанности заведующего училищем. 24 сентября 1915 г. попечитель Кавказского учебного округа подписал распоряжение о назначении Байрамукова исполняющим обязанности заведующего Карт-Джуртским высшим начальным училищем [4: 1]. Получив новое назначение, И.М. Байрамуков начал работу по повышению уровня среднего образования в Карачае. Как и на предыдущих должностях, здесь он проявил свои лучшие качества, преданность делу просвещения. За все время работы в системе народного образования И.М. Байрамуков ни разу не выходил в отпуск по болезни. Но в 1916 г. вследствие серьезного заболевания и по рекомендациям докторов он вынужден был взять первый за 25 лет отпуск.

Через год после назначения И.М. Байрамукова на должность исполняющего обязанности заведующего Карт-Джуртским училищем Г.С. Меденик отправил рапорт вышестоящему начальству с ходатайством об утверждении его в этой должности. Г.С. Меденик указывал на успехи, достигнутые учебным заведением в период руководства И.М Байрамукова: увеличение количественного состава обучающихся с 13 до 70 человек, рост ассигнований на содержание духовных педагогических курсов, а также поступление ассигнований на открытие ремесленного отделения при училище. Г.С. Меденик отмечал, что Байрамуков «имеет звание учителя начальных классов и более 20 лет служит учителем... Среди карачаевцев нет ни одного человека, окончившего курс учительского института или имеющего звание учителя высшего начального училища» [2: 211].

Директор народных училищ Кубанской области М. Поночовный согласился с доводами Г.С. Меденика и обратился с ходатайством к попечителю Кавказского учебного округа. Между чиновниками различного уровня завязалась многомесячная переписка, итогом которой стал отказ в утверждении И.М. Байрамукова в указанной должности. Причину этого исследователи видят в том, что действующие документы предусматривали необходимость наличия у кандидата на данную должность образования на уровне учительского института. У Ильяса Байрамукова такого образования не было: он не завершил даже курс гимназии.

События 1917 г., а также Гражданская война заставили И.М. Байрамукова отойти от просветительской работы и заняться общественно-политической деятельностью. Он активно участвовал во многих национальных и региональных форумах, был избран заместителем председателя совместного

заседания членов гражданских исполнительных комитетов аулов Хурзук, Учкулан, Карт-Джурт, эфенди и старшин. Он являлся также членом делегации Карачая на первом общегорском свободном съезде представителей аулов и селений Кубанской области и Черноморской губернии, который проходил в ауле Хакуриновский Майкопского отдела 10–17 августа 1917 г. На этом форуме его вместе с Тохтаром Биджиевым и Кази-Хаджи Лайпановым от Карачая избрали в Кубанский областной горский совет. Новый орган не без участия И.М. Байрамукова провел ряд мероприятий по развитию народного образования [2: 215].

В конце 1917 г. И.М. Байрамуков возвращается в сферу народного образования. Ему удалось сохранить Карт-Джуртское высшее начальное училище и Учкуланское двухклассное училище и возобновить их работу.

В 1919 г., когда юг страны заняли белые, инспектор школ Баталпашинского отдела Г.С. Меденик вновь обратился с ходатайством к вышестоящему руководству о назначении И.М. Байрамукова заведующим училищем. 12 июля 1919 г. Кубанское краевое правительство утвердило его инспектором Карт-Джуртского высшего начального училища [14:51]. После прихода весной 1920 г. к власти на Кубани большевиков училище в Карт-Джурте было закрыто. И.М. Байрамуков был поставлен во главе Учкуланского двухклассного училища, а также был назначен инспектором школ Большого Карачая. Именно его усилиями были восстановлены разграбленные в период Гражданской войны школы, обеспечены мебелью и необходимым инвентарем, учебной литературой и пособиями. Педагогические кадры получили возможность повышать квалификацию, шла усиленная подготовка молодых специалистов.

Активное участие просветитель принимал в общественно-политической жизни Карачая. Он горячо поддержал образование Карачаевского национального округа в составе Горской АССР. И.М. Байрамуков был делегатом I окружного съезда Советов, состоявшегося в апреле 1921 г. Не обходил он вниманием и многочисленные культурно-просветительские мероприятия.

Ильяс Магомедович Байрамуков умер в ночь на 11 декабря 1921 г. от рака желудка. Похоронен он на фамильном участке Хурзукского кладбища.

Значительную роль в развитии народного образования в Карачае сыграл Тохтар Шогаибович Биджиев, уроженец аула Учкулан, происходивший из зажиточной горской семьи. Начальное образование он получил в Учкуланском нормальном сельском училище. В 1895 г. при поддержке И.М. Байрамукова он поступил в Кубанскую учительскую семинарию, где получил знания по церковнославянскому и русскому языкам, арифметике, геометрии, землемерию, истории, географии, естествоведению, чистописанию

и черчению. Он изучил такие специальные дисциплины, как практическое преподавание, педагогика и дидактика [2: 225]. 2 июня 1900 г. Т.Ш. Биджиев получил свидетельство об окончании Кубанской учительской семинарии, что позволяло ему работать учителем «одноклассного народного училища» [15: 2], то есть учителем начальных классов.

20 августа 1900 г. Т.Ш. Биджиев был назначен заведующим открывшимся в том же году одноклассным училищем в селении Ташкепюр. За время руководства этим образовательным учреждением в 1900–1908 гг. он приложил максимум усилий для его развития, расширения материальной базы, увеличения количества обучающихся. Благодаря педагогу многие дети из бедных семей стали получать образование такого же уровня, что и выходцы из богатых родов. Уже в первые годы пребывания Т.Ш. Биджиева в должности заведующего училищем он сумел повысить уровень успеваемости обучающихся и заслужил уважение со стороны местных жителей. О нем знали и за пределами Баталпашинского отдела. Так, в письме директора народных училищ Ставропольской губернии директору училищ Кубанской области от 5 февраля 1905 г. просил направить Т.Ш. Биджиева на съезд учителей инородческих училищ в с. Медвежье для «дачи образцовых уроков» русского языка [2: 227]. Признавая заслуги горца в сфере образования, руководство посчитало необходимым, чтобы именно он проводил показательные уроки по русскому языку в рамках съезда учителей всех национальных школ региона.

Т.Ш. Биджиев также работал в школе абазинского аула Бибердовский, куда был переведен для повышения уровня образования. В 1908 г. Т.Ш. Биджиев был назначен заведующим Хурзукским двухклассным училищем (с пятилетним сроком обучения). Благодаря молодому руководителю наметились положительные тенденции в работе учреждения: уровень знаний учеников был высоким, они хорошо овладевали русским языком. В 1915 г. количество обучающихся составило 101 человек [5: 221 об.]. Всего в период заведования учебным заведением Биджиева здесь получили образование несколько сотен жителей Хурзука. Велика его роль в развитии материальной базы училища, снабжении учебно-методической литературой, развитии пришкольного садоводства.

За успехи в просветительской деятельности Т.Ш. Биджиев получил первый классный чин коллежского регистратора. Это соответствовало званию прапорщика. В 1913 г. ему была вручена медаль «300 лет Дому Романовых» [2: 229].

Молодое поколение педагогов имело возможность перенимать опыт работы Т.Ш. Биджиева. Он часто выступал на курсах учителей в а. Бибердовском, в курорте Теберда, в периодической печати, рассуждая о проблемах оптимизации системы образования горцев. Общественная деятельность

Т.Ш. Биджиева началась во время его пребывания в Хурзуке и охватывала широкий спектр вопросов. Большое значение он придавал развитию курортного дела и освоению рекреационных ресурсов Большого Карачая, принимал активное участие в разрешении земельных проблем. Наиболее активно просветитель занимался общественно-политической работой в период революций и Гражданской войны.

После установления власти Советов и создания Карачаевского национального округа в составе Горской АССР в 1920 г. Т.Ш. Биджиев назначается заведующим окружным отделом народного образования [8: 46]. В апреле 1921 г. I съезд Советов депутатов Карачаевского округа избрал Т.Ш. Биджиева членом окружного исполкома. 3 мая 1921 г. его вновь назначают заведующим окружным отделом народного образования [12: 153–154]. 26 сентября 1921 г. он становится заведующим окружным отделом образования при окружном ревкоме [2: 248]. В ноябре 1922 г. Т.Ш. Биджиев стал инспектором народного образования Мало-Карачаевского округа Карачаево-Черкесской автономной области [7: 5]. Большое внимание он уделял вовлечению в образовательный процесс горянок. Благодаря ему «в начале 1920-х гг. в Большом и Малом Карачае и на Зеленчуках было открыто около десятка школ для девочек», в которых работали также представительницы других кавказских народов [11]. В 1923 г. Т.Ш. Биджиев был назначен на должность руководителя Мало-Карачаевского окружного земельного управления, в которой он состоял до конца 1927 г., когда был освобожден от обязанностей как классово чуждый человек. Затем он работал инспектором окружного отдела образования, заведующим и учителем опорной школы Мало-Карачаевского округа. 25 июня 1928 г. он стал членом облисполкома Карачаевской автономной области. Однако, 13 декабря 1928 г. Т.Ш. Биджиев был освобожден от должностей и выведен из состава облисполкома [6: 176 об.]. Таким образом ему напомнили об участии в белогвардейском правительстве Карачая, в восстании 1920 г., о связях с кулачеством и т.д.

С конца 1920-х гг. Т.Ш. Биджиев жил и работал в Ленинграде. Именно здесь он смог спастись от жестоких репрессий, которые ждали его на родине. В Ленинграде он получил высшее педагогическое образование и был принят в один из вузов преподавателем русского языка [10: 133]. Осенью 1941 г. из блокадного Ленинграда он приехал в Кисловодск и начал преподавать в младших классах в одной из школ города [2: 255]. Успешный для Т.Ш. Биджиева 1941–1942 учебный год был прерван событиями на фронте. Весна 1942 г. ознаменовалась наступлением фашистских войск на южном направлении, что привело к оккупации в середине лета большей части Предкавказья. Линия фронта подошла непосредственно к Кисловодску, и в августе 1942 г. неприятель занял город.

Далее о жизни Тохтара Шогаибовича ничего не известно. Исследователи предполагают, что он подвергся в 1943–1944 гг. очередным репрессиям [2: 256; 10: 133].

Таким образом, карачаевский народ по праву гордится своими представителями, которые внесли значительный вклад в его культурное развитие. Среди них были выдающиеся педагоги, деятельность которых способствовала повышению уровня образования населения. Некоторые из них работали руководителями светских школ, открытых в конце XIX в. Своим неустанным трудом эти люди способствовали становлению и развитию учебных заведений, улучшению их материальной базы, давали крепкие и прочные знания молодому поколению.

Источники и литература

1. *Батчаев Ш.М.* Джатдай. Ставрополь, 2006.

2. *Батчаев Ш.М.* Первые в Карачае. Биографические очерки. Черкесск, 2023.

3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 427. Оп. 1. Д. 454.

4. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1869.

5. ГАКК. Ф.472. Оп. 1. Д. 27.

6. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее – ГАКЧР). Ф. Р.-307. Оп. 1. Д. 15.

7. ГАКЧР. Ф. Р.-320. Оп. 1. Д. 1.

8. ГАКЧР. Ф. Р.-346. Оп. 1. Д. 2.

9. *Джанибеков С.Ю.* Ильяс Байрамуков – первый карачаевский педагог и просветитель. Карачаевск, 2009.

10. Известные люди Карачаево-Черкесии. Краткий биографический словарь. Т. 1 / авт.-сост. К.С.-Б. Урусов. Черкесск, 1997.

11. *Карачайлы И.* Вести из Карачая. Женское образование // Терек. 1922. № 189.

12. Материалы органов власти Карачаевского округа // Известия Карачаевского научно-исследовательского института. Вып. IV Черкесск, 2008. С. 150–154.

13. *М.Б.* Лето на Кавказе // Русская мысль. 1904. Кн. 5. Отд. 2. С. 40–62.

14. Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства. 1917–1920. Сб. документов: в 4 т. Т. 3 / под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008.

15. *Штурба В.А.*, *Штурба Е.В.* Развитие казачьего народного образования в Кубанской области во второй половине XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5 (10). С. 59–64.

Л.П. Ермоленко, А.Е. Ашуба

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ АБХАЗИИ ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В 1917–1991 гг.

Становление системы государственных и общественных мероприятий, направленных на сохранение и защиту объектов культурного наследия в Абхазии, имеет долгую историю. На ее формирование, имевшее региональную специфику, оказали существенное влияние научная общественность, музейные сотрудники, работники культуры и краеведы.

Как отмечает Г.Т. Шамба, особенностью деятельности по сохранению памятников старины в Абхазии в 1918–1922 гг. явился ее непоследовательный и эпизодический характер. Одной из причин такого положения дел было позднее в сравнении с другими регионами установление советской власти в Республике (1921 г.). В результате применения режима строгой экономии и принципа остаточного финансирования сферы культуры, сокращения государственных учреждений и их штатов, а также отсутствия специалистов в республике до 1925 г. не было специального государственного органа охраны памятников. Вместо него действовала общественная организация – Абхазское научное общество (далее – АбНО), созданное в 1922 г. [9: 11–12; 3].

АбНО не было наделено соответствующими полномочиями и финансовой базой, но активно занималось изучением истории, культуры и природы Абхазии, принимало меры к сохранению историко-культурного и природного наследия республики. Сотрудники АбНО выступили с инициативой, разработали и представили в Абхазский центральный исполнительный комитет проект декрета (принят 24.12.1924/01.01.1925) о создании первого в республике государственного органа по сохранению памятников истории и культуры – Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы при НКП Абхазской ССР [4; 5; 6]. Председателем комиссии стал видный деятель культуры и просвещения А.М. Чочуа, а ее уполномоченные были назначены и работали в районах. Комиссия при НКП АССР постановила, что все находящиеся в Абхазии памятники, имеющие историко-художественное и научно-познавательное значение, должны быть обязательно учтены. Совместная работа научной общественности и государственных органов республики, а также специалистов из центральных научных учреждений была плодотворна, имела огромные успехи в области охраны памятников [7: 22–23].

Экономические и политические трудности, процесс формирования административно-бюрократической системы, возросшая роль государст-

венных и партийных органов в области культуры в 1929–1935 гг. привели к трагической судьбе многих памятников культуры, особенно религиозного значения. Изменение государственно-правового статуса Абхазии в составе Грузинской ССР в 1931 г. и закрепление его в Конституции Абхазии 1937 г. как автономной республики привело не только к ликвидации самостоятельности, но и к изменению структуры государственных органов власти и управления Абхазии, в том числе органов охраны памятников с наименьшим учетом местных национальных особенностей. В связи с увеличившимся объемом работы Комиссии по охране памятников искусства, старины и природы при НКП Абхазской ССР и для улучшения охраны памятников культуры, особенно в отдаленных районах, было решено усилить административно-бюрократическую структуру посредством создания уездных комиссий и введения института уполномоченных в сельской местности [9: 9–10].

Большинство научных общественных организаций на рубеже 1920–1930-х гг. в государстве было закрыто. В результате изменения политической ситуации в СССР к середине 1930-х гг. была пересобрана и структура органов охраны памятников культуры, в том числе и в Абхазии. В 1931 г. Президиум ЦИК Абхазии принял решение о слиянии Абхазского научного общества с Научно-исследовательским институтом абхазского языка и литературы, получившим новое название – Абхазский научно-исследовательский институт краеведения имени академика Н.Я. Марра (далее – АбНИИК). Однако первостепенные задачи решены не были. В деле охраны памятников стал преобладать бюрократический подход. АбНИИК требовалось время, чтобы наладить соответствующую работу. В январе 1934 г. комиссия была преобразована в Комитет по охране памятников при НКП ССР Абхазии. В феврале 1934 г. принятое постановление «Об утверждении положения о специальных средствах ведомств и учреждений, находящихся на государственном бюджете ССР Грузии» позволило изыскать дополнительные средства на производство археологических работ в Абхазии с привлечением исследователей из центральных научных учреждений Москвы и Ленинграда [9: 10–11]. Таким образом, государственный контроль в этой сфере отчасти был восстановлен. Популяризацией культурного наследия в этот период занимались Абхазский государственный музей и Общество пролетарского туризма и экскурсий при ЦИК ССР Абхазии.

В 1936 г. был создан Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР, а в союзных республиках сформированы управления по делам искусств. Появление подобного государственного органа в Абхазской АССР привело к двойному подчинению деятельности по охране памятников в республике: в рамках всесоюзной организации

(Комитета по делам искусств) и республиканской (Управления по делам искусств) – в Грузинской ССР.

Охрана памятников в Абхазии в этот период, как и во всём государстве, была недостаточной. Остаточный принцип финансирования культуры определил меру внимания к памятникам историко-культурного наследия и ответственность за них. Полный список памятников Абхазской АССР не был подготовлен, а в составленные союзной республикой списки абхазские объекты вошли отчасти. Популяризация исторического наследия осуществлялась Абхазским государственным музеем, АбНИИК и средствами туризма, а охрана памятников – в основном общественностью и проведением научных экспедиций по изучению и описанию таких объектов.

В конце 1930-х гг. интерес государства к памятникам истории и культуры усилился. На фоне этого в фокусе внимания было всё национальное, в том числе и объекты культуры. Совнарком Абхазии в 1939 г. принял два постановления: «О состоянии охраны памятников по Абхазской АССР» и «О мерах по обеспечению сохранности памятников революционного движения и материальной культуры, находящихся на территории быв. Сухумской крепости» [9: 18] – для улучшения охранной деятельности. Однако начавшаяся Великая Отечественная война отодвинула выполнение охранных мероприятий [7].

Таким образом, система государственных органов Абхазии, занимавшихся охраной памятников истории и культуры, складывалась в 1921–1941 гг. В этот период охранная деятельность со стороны государства была связана с выявлением и учетом памятников, разработкой законодательства, пропагандой историко-культурного наследия [9: 20–21]. Высокий образовательный уровень населения, пробуждение интереса общественности к охране памятников, обучение национальных профессиональных кадров помогали в сохранении объектов наследия.

Как отмечает М.А. Полякова, «в первые послевоенные годы с особой силой проявилась ведомственная разобщенность в управлении охраной памятников и музеями…. В этот период происходит перестройка органов управления культурой в целом – создается ряд комитетов при Совете Министров СССР. Непосредственная охрана памятников культуры по-прежнему возлагается на местные учреждения (советы министров союзных и автономных республик, исполкомы областных, краевых и городских советов депутатов). Контроль за памятниками и музеями в масштабе государства осуществляется комитетами по делам архитектуры и искусств» [8: 157–158]. В Абхазии до 1957 г. вопросы охраны памятников находились в ведении Управления по делам строительства и архитектуры при Совете Министров Абхазской АССР.

Важнейшим законодательным актом в области сохранения историко-культурного наследия в послевоенное время стало Постановление Совета Министров СССР № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников истории и культуры» от 14 октября 1948 г., дальнейшая нормативная проработка которого осуществлялась в рамках «Положения об охране памятников культуры». Принятие этих документов позволило организовать работу по выявлению масштабов разрушения, разработать практические рекомендации по сохранению памятников, создать их новую классификацию.

Согласно этим нормативным актам, государственной охране подлежали памятники истории, искусства, техники, археологии и архитектуры и т.д. Запрещалось изменять, переделывать, перемещать, сносить памятники, застраивать территории историко-культурных заповедников без особого разрешения, выдаваемого в установленном порядке. Упомянутые акты возложили охрану памятников культуры на республиканские, краевые и местные советские органы и предписывали советам министров союзных республик в короткий срок разработать и утвердить по согласованию с Академией наук СССР инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников.

Определенный сдвиг в рассматриваемой области культурной политики наметился в связи с реформированием государственной системы охраны памятников в 1954 г., когда были сформированы Министерство культуры СССР и министерства культуры союзных республик [7: 25–26]. В ведение Министерства культуры СССР вошли созданный еще в 1948 г. Научно-методический совет по охране памятников и Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей.

В первой половине XX в. на территории Абхазии были выявлены и обследованы сотни памятников истории и культуры, многим из которых требовались охранительные меры. Однако в первом издании списка памятников 1952 г., взятых на учет по Грузинской ССР, Абхазия была представлена лишь 19 памятниками архитектуры [7: 25]. Ситуация осложнялась и тем, что не было специального штатного работника по охране памятников истории и археологии.

Совет Министров Абхазской АССР в 1954 г. принял постановление о том, что наиболее выдающиеся архитектурные памятники республики в приморской зоне должны быть благоустроены, а места, связанные с жизнью видных деятелей региона, необходимо охранять [7: 26]. Эта работа была возложена на созданный в 1957 г. отдел охраны памятников культуры Министерства культуры Абхазской АССР, принявший участие в финансировании и исследовании Анакопии и Холодного грота и составлении в 1959 г. списка памятников культуры Грузинской ССР, взятых

под охрану государством. В него вошли 79 памятников культуры Абхазской АССР [7: 27].

Действенной работа по сохранению историко-культурного наследия в Абхазии стала с формированием специальной нормативно-правовой базы и созданием государственных органов по охране памятников. Законодательство по охране памятников истории и культуры, государственная система органов охраны, методы работы республиками перенимались у центральных органов Советского государства.

Имея самостоятельный опыт в деле сохранения памятников старины, инициативные группы в Абхазии сразу же откликнулись на создание в СССР обществ охраны памятников истории и культуры, и в 1959 г. был создан Абхазский совет Грузинского общества охраны памятников культуры (далее – АСГООПК). АСГООПК был добровольной массовой общественной организацией. Его председателем с 1959 по 1975 г. был В.П. Пачулиа, а с 1975 по 1979 г. – Ш.М. Шакая. Заместителями председателя АСГООПК в разное время были О.Г. Хагба и В.П. Кация (с 1974 г.) В составе президиума АСГООПК в разное время работали заместители председателя Совета Министров Абхазской АССР А.Т. Отырба и Ш.М. Шакая, члены-корреспонденты АН ГССР Г.А. Дзидзария и З.В. Анчабадзе, партийные работники и ученые М.Т. Бгажба, М.Ш. Хварцкия, М.М. Трапш, А.К. Кация, архитектор С.Н. Цинцабадзе, писатель А.Н. Гогуа и др. [2: 4].

Деятельность совета подробно описывают Ю.Н. Воронов и О.Х. Бгажба: в его составе были школьники, студенты, представители интеллигенции – научные работники, учителя, архитекторы, художники. На местах были созданы районные советы общества. К 1968 г. функционировало около 500 первичных организаций общества, число его членов достигло 30 тыс. человек. Общество занималось выявлением, изучением, охраной и пропагандой культурного наследия Абхазии, финансированием и организацией экспедиций по выявлению и первичному обследованию памятников археологии, архитектуры, истории, этнографии и т.д. [2: 4–5].

В ходе охранных и исследовательских работ на территории Абхазии в 1961 г. Министерством культуры Абхазской АССР и Абхазским советом Грузинского общества охраны памятников культуры был издан «Аннотированный список памятников культуры Абхазской АССР», составленный В.П. Пачулиа [7: 53–130]. В него вошли 280 отдельно расположенных памятников и ансамблей. В 1967 г. его дополнил И. Адзынба. В дальнейшем все найденные объекты вносились в так называемый список вновь выявленных памятников историко-культурного наследия Абхазии.

На средства АСГООПК было проведено свыше 40 экспедиций, выявлены сотни объектов, уточнены сведения об известных памятниках. В 1962–1968 г. была организована и много лет работала первая подводная

археологическая экспедиция (руководитель В.П. Пачулиа), изучавшая побережье Абхазии. С 1963 г. работала многолетняя экспедиция по изучению Келасурской стены (Великая Абхазская стена), в ходе которой были уточнены протяженность, структура, время бытования и назначение стены, осуществлена топосъемка, обнаружены новые разновременные памятники. В 1964–1967 гг. организована экспедиция в горные районы Абхазии по обследованию археологических и архитектурных памятников. В 1970 г. работали экспедиции в Гагрском (руководитель О.Г. Хагба), Гальском (руководитель Н.Я. Шония) и Гудаутском (руководитель С. Цушба) районах, в Дальском ущелье (руководитель Ю.Н. Воронов) и др. [2: 5–8]. В ходе экспедиций, организованных АСГООПК, сотни памятников, спасенных и вновь выявленных, были включены в республиканский список памятников культуры, взятых государством под охрану.

Общество заботилось и о популяризации знаний об истории Абхазии, тем самым археологические и архитектурные памятники региона получили мировую известность. По инициативе председателя АСГООПК В.П. Пачулиа в систему работы общества вошли музеи, располагающиеся в исторических зданиях. Включение памятников в культурную жизнь способствовало их сохранению. Для многих общество явилось ступенькой дальнейшего роста в науке. В целях популяризации историко-культурного наследия Абхазии сотрудники общества, ученые, краеведы, интеллигенция постоянно выступали по радио, читали лекции, проводили беседы, снимали документальные фильмы и публиковали интересные материалы на страницах периодической печати, в списках памятников, справочниках, путеводителях об охране и значении памятников истории и культуры [1; 2: 10–11].

В 1969 г. вышло постановление Совета Министров Абхазской АССР «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры Абхазии». Оно давало больше полномочий органам охраны памятников. Необходимо было согласовывать с ними строительство любых объектов, выделять средства на исследование памятников в зонах строительства, был упорядочен режим выдачи открытых листов.

С 1979 г. в республике действовало Абхазское отделение Главного научно-производственного управления по охране и использованию памятников истории, культуры и природы при Совете Министров Грузинской ССР, первым руководителем которого стал В.П. Пачулиа [2: 14–15]. Оно занималось вопросами благоустройства, охраны и инвентаризации памятников культуры и истории, фиксировало нарушения и принимало меры по пресечению разрушения памятников, определяло и контролировало реставрационно-консервационные работы на исторических объектах, ведало вопросами организации новых музеев, уделяло большое внимание пропаганде исторического наследия Абхазии.

В 1990 г. при Совете Министров Абхазии было создано Управление охраны историко-культурного наследия, приступившее к организации системы государственной охраны объектов историко-культурного наследия. Но все эти мероприятия были прерваны Отечественной войной 1992–1993 гг. С восстановлением мирной жизни в Республике Абхазии вопросы охраны и защиты культурного наследия вновь приобретают свою актуальность, в первую очередь в связи с огромными масштабами разрушения исторических памятников, архитектурных строений, гибелью археологических и этнографических собраний.

Источники и литература

1. *Воронов Ю.Н.* Научные труды: в 7 т. Т. 1–5. Сухум, 2009–2016.

2. *Воронов Ю.Н.*, *Бгажба О.Х.* Вианор Панджович Пачулиа (1929–1988). Краткий очерк жизни и творчества. Библиография трудов. Сухум, 1999.

3. Деятельность Абхазского Научного Общества за 1923–1924 гг. // Краеведение на Кавказе: Общекавказский научно-информационный журнал. 1924. № 1. С. 93–96.

4. *Ермоленко Л.П.*, *Зозуля И.В.*, *Колесникова М.Е.* Абхазское научное общество в 1920-е годы: история создания и деятельности // Диалог со временем. 2022. № 79. С. 74–87.

5. Известия Абхазского научного общества. Вып. 1. Сухум, 1925.

6. Известия Абхазского научного общества. Вып. 4. Сухум, 1926.

7. *Пачулиа В.П.* Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968.

8. *Полякова М.А.* Охрана культурного наследия России: учебное пособие для вузов. М., 2005.

9. *Шамба Г.Т.* Охрана памятников истории и культуры в Абхазской АССР. 1921–1941 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1990.

А.Г. Гурин

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ БОРЬБЫ С МОНАСТЫРЯМИ И МОНАШЕСТВОМ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ В 1920–1930-е гг.

Абхазия – место проповеди апостолов Симона Кананита и Андрея Первозванного. С IV в. и до начала XX в. христианские общины в регионе поступательно разрастались. По данным архимандрита Дорофея,

к 1917 г. Сухумская епархия имела 125 приходских храмов: 61 абхазский, 36 русских, 16 греческих, 4 мингрело-грузинских, 8 русско-мингрельских и русско-греческих [4: 25]; два крупных мужских монастыря: Ново-Афонский Симоно-Кананитский, основанный в 1875 г. (насчитывал до 600 насельников) [13: 635] и Успенский Драндский, основанный в 1880 г. (до 300 насельников) [5]. Епископы Сухумские в разное время были настоятелями этого монастыря, что говорит о его особом статусе [4: 24]. На территории епархии было открыто и два крупных женских монастыря: Команский Василиско-Златоустовский (основан в 1898 г., до 300 сестер) и Моквский Успенский (основан в 1902 г.) [4: 24; 3].

В начале XX в. абхазские монастыри находились в весьма благоприятных условиях. На их территориях развивалось пчеловодство и земледелие. Монахи выращивали оливковые и свои сорта плодовых деревьев, виноградники, различные овощные культуры, занимались животноводством. Симоно-Кананитский монастырь имел собственную железную дорогу, гидроэлектростанцию [6: 19], Драндский – типографию, а также множество подворий и скитов: два скита в окрестностях Дранды и подворья в Сухуме, Новороссийске, Екатеринодаре и Ейске. При монастыре была основана церковно-приходская школа для детей [5].

Богослужения в монастырях были уставные. Паломничество к этим местам было распространенным явлением не только для простых верующих, но и для представителей царской семьи [14: 22].

С наступлением революционных событий в стране, а затем – Гражданской войны начались гонения на церковь. Преследованиям подверглись и монашествующие Абхазии. Но, несмотря на это, многие насельники известных монастырей России укрывались от преследований советской власти в горах Абхазии, здесь же и были впоследствии арестованы.

Все монастыри Абхазии были закрыты один за другим в 1920-е гг., а проживавшие в них монахи и монахини репрессированы.

С 1919 г. велась грузинская оккупация края, а в марте 1921 г. в Абхазии была установлена советская власть. Уже в апреле 1921 г. началась национализация монастырских земель Ново-Афонского монастыря членами правительства Абхазской Социалистической Советской Республики (далее – АбССР). В данном вопросе ревком Абхазии опирался на директивы Кавказского бюро ЦК РКП(б), руководителем которого был В.И. Ленин, а председателем – С. Орджоникидзе [7]. Таким образом, поступавшие из центра директивные указания распространяли на территорию АбССР действие статей Конституции РСФСР 1918 г. Конституция запрещала монашествующим являться членами трудовых артелей и коммун, а также лишала их избирательного права. Под подчинение местным советам подпали и монастырские хозяйства. Несмотря на это, существование монастырей

в виде «трудовых коммун» стало возможным благодаря их удаленности от городов [1].

Так, в Симоно-Кананитском монастыре появился совхоз «Новый Афон», а братья монастыря вошли в трудовую коммуну. Разумеется, наказание «за контрреволюционную деятельность» монахам было предусмотрено – работать в совхозе по восемь часов в день [15].

В сентябре 1924 г. Ново-Афонский монастырь был закрыт. О данном решении объявил председатель Совнаркома Абхазии Нестор Лакоба, окончивший детскую школу при монастыре. Препятствовавшие действиям властей настоятель архимандрит Илларион и несколько монахов были арестованы [9: 30].

Насельники закрытых монастырей Абхазии, успевшие бежать от преследования властей, постепенно перешли на новое место жительства – в урочище Псху, где еще во времена настоятельства архимандрита Иерона было создано подворье. В Советской России именно здесь нелегально был сформирован крупнейший монашеский центр из числа как местных монахов, так и тех, кто прибыл в Абхазию из других монастырей и получил здесь убежище.

В урочище Псху и в окрестностях озера Рица, согласно материалам следственного дела № 2606 Секретного отделения Черноморского окружного отдела Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (далее – ОГПУ), в начале 1927 г. проживало около 400 монашествующих. А в период с 1928 по 1930 г. в Псху прибыло еще 214 человек, из них 188 монахов. Все они расселились в труднодоступных скитах [13: 647]. Большинство монахов признали своим правящим архиереем катакомбного епископа Майкопского Валаама (Лазаренко), служившего недалеко от Туапсе в урочище Пеус.

«Во власти попов» – под таким названием была опубликована заметка в газете «Советская Абхазия» от 12 апреля 1930 г. Здесь, вероятно, впервые было рассказано о монашеской общине в урочище Псху [11: 3]. Была организована кампания по розыску группы монахов. 20 апреля 1930 г. в урочище Псху выехала особая комиссия, а следом за ней отряд ОГПУ. Проживающие на Псху монахи были арестованы и отправлены в Сухум. Но не все были этапированы. По воспоминаниям очевидцев, в дороге было расстреляно около 150 человек. В основном убивали тех, кто не мог идти дальше, – стариков и немощных. В их числе были казнены иеросхимонах Дорофей (Резников) и монах Макарий (Благовидов) [13: 648].

После прибытия в Сухум все арестованные были разделены на две группы: одна была отправлена в Тбилиси, а другая в Новороссийск [2: 112]. Сохранились воспоминания, в которых описаны условия этапирования в Новороссийск: «Стариков и молодых, женщин и мужчин гнали через

несколько перевалов с долины Псху и других мест и поселений. У моря всех погрузили на баржи, везли в невыносимой тесноте. Монахи плыли и пели молитвы» [12: 112].

Воспоминания оставшихся в живых арестованных монахов свидетельствуют о том, что многих по причине большого перегруза баржи бросали в воду. По прибытии в Новороссийск иноки были помещены в ОГПУ. По статье 58 п. 10 и 11 УК РСФСР одни были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, другие же получили внушительный срок [9: 43–97]. В материалах следственного дела сохранились имена репрессированных монахов из Ново-Афонского монастыря. 26 октября 1930 г. были расстреляны: иеромонах Макарий (Дёмин), иеромонах Викторин (Беляев), схимонах Афанасий (Малышев), схимонах Александр (Артемьев), схимонах Феодул (Дьяченко), монах Варфоломей (Ковалевский), монах Антонин (Головко), монах Иоанн (Романский), монах Димитриан (Овсюк), монах Мефодий (Демиденко), монах Ипнатий (Аббакумов) и монах Сосфен (Алексеенко). Их тела были захоронены за кладбищем в старых каменоломнях Новороссийска.

К десяти годам лишения свободы были приговорены: монах Фалалей (Балдесов), монах Неарх (Жолобов), монах Тимон (Котенко), монах Исихий (Кечкин), монах Иуст (Михайленко), монах Иосиф (Чубченко), монах Илия (Мироненко), монах Акакий (Чиканов) и монах Иларион (Потапов). Все монахи были впоследствии реабилитированы в 1990 г., а двое из них – схимонах Александр (Артемьев) и схимонах Гедеон (Малышев) – причислены к лику святых новомучеников и исповедников Церкви Русской, а также внесены в Собор святых русских святогорцев [15].

Преследования монахов в Абхазии продолжились. В мае 1930 г. Абхазское ГПУ произвело арест еще 35 монашествующих в районе с. Георгиевского. Большая часть арестованных монахов была из ближайших Симоно-Кананитского Ново-Афонского монастыря (девять человек, из них один иеромонах) и Свято-Успенского Драндского монастыря (семь человек, из них один иеромонах), четыре человека из Свято-Вознесенского Макарьевского монастыря (из них один иеромонах, один игумен, один архимандрит), два человека из Успенского Второафонского Бештаугорского монастыря (из них один иеромонах), из монастыря Рождества Пресвятой Богородицы Глинской пустыни (два человека), Свято-Успенской Святогорской лавры (два человека). Кроме того, в Георгиевской пустыни жили выходцы из Свято-Вознесенского Нямецкого Молдовлахийского монастыря, Свято-Владимирского Севастопольского Херсонского монастыря, Свято-Благовещенской Никандровой пустыни, Петро-Павловского Глуховского монастыря, Свято-Стефано-Сурожского Кизилташского монастыря. Среди них было два монаха – выходцы из Старого

Афона. Были и монахи вне какого-либо монастыря (четыре человека). Все они этапом были направлены в Сухум. Обвинялись по статье 58, пунктам 10 и 11 УК РСФСР. Следственное дело запечатлело их имена и показания [8].

Симоно-Кананитский Ново-Афонский монастырь: иеромонах Сосипатр (Стефан Миронович Сиваш), 1874 г.р., схимонах Модест (Михаил Фомич Тарасевич), 1863 г.р., монах Тит (Терентий Иванович Величко), 1867 г.р., монах Евгений (Евгений Савельевич Ильченко), 1874 г.р., монах Николай (Николай Агафонович Никитин), 1875 г.р., монах Савва (Сергей Васильевич Крастелев), 1877 г.р., монах Михаил (Моисей Мартынович Василенко), 1878 г.р., монах Аркадий (Григорий Антонович Войтенко), 1879 г.р. (некоторое время был и монахом Свято-Успенского Драндского монастыря), послушник Сергий (Сергей Никанорович Гвоздев), 1888 г.р. (некоторое время был и послушником монастыря Святого Иоанна Златоуста в Команах).

Свято-Успенский Драндский монастырь: иеромонах Нил (Никита Петрович Дендемарченко), 1870 г.р., схимонах Иеремия (Карп Иванович Колесниченко), 1878 г.р., монах Андроник (Авраам Филиппович Капацын), 1868 г.р., монах Фалалей (Федор Андреевич Нелипа), 1871 г.р., монах Пимен (Петр Иванович Скрепцов), 1876 г.р., монах Пахомий (Павел Корнеевич Лисе(и?)нко), 1877 г.р., монах Павлин (Петр Назарович Жовтенко), 1881 г.р.

Свято-Вознесенский Макарьевский монастырь (Свияжская Макарьевская пустынь): архимандрит Феодосий (Феодор Акилович Лузгин, настоятель монастыря), 1866 г.р., игумен Иоасаф (Иван Яковлевич Козлов, также был настоятелем монастыря после Феодосия), 1877 г.р., иеромонах Прохор (Петр Иванович Кильянов), 1881 г.р., монах Исаакий (Иван Илларионович Ларионов), 1885 г.р.

Успенский Второафонский Бештаугорский монастырь: иеромонах (будущий иеросхимонах) Стефан (Дмитрий Иванович Игнатенко), 1886 г.р., монах Серафим (Дмитрий Михайлович Фетисов), 1908 г.р.

Рождества Пресвятой Богородицы Глинская пустынь: схимонах Диомид (Диодор Иудович Зибров), также был монахом на Старом Афоне, 1868 г.р., монах Севериан (Сергей Иванович Грачев-Карташев), 1885 г.р.

Свято-Успенский Святогорский монастырь (Свято-Успенская Святогорская лавра): монах Павел (Дионисий Андреевич Пирожков), 1878 г.р., монах Иоанн (Василий Гаврилович Пыжов), 1909 г.р.

Свято-Владимирский Севастопольский Херсонский монастырь: иеросхимонах Смарагд-Савва (Севастьян Никитович Григораш), 1880 г.р.

Свято-Благовещенская Никандрова пустынь: монах Василий (Владимир Александрович Добротворский), 1907 г.р.

Свято-Вознесенский Нямецкий Молдовлахийский монастырь: монах Николай (Николай Антонович Боголюбов), 1880 г.р.

Петро-Павловский Глуховский монастырь: иеромонах Пафнутий (Павел Захарович Ковалев), 1866 г.р.

Свято-Стефано-Сурожский Кизилташский монастырь: монах Климент (Кондрат Симонович Кравец), также был монахом на Старом Афоне, 1868 г.р.

Были осуждены и монахи: схимонах Геннадий (Григорий Яковлевич Корякин), 1868 г.р., монах Иона (Иван Васильевич Макаров), 1888 г.р., монах Досифей (Дмитрий Парфенович Осадчий), 1870 г.р., схимонах Алексий (Александр Иванович Зиновьев), 1881 г.р. [8: 793].

Все монашествующие были приговорены к трем годам ссылки [8: 703]. В следственном деле имеется документ, в котором после завершения срока отбывания наказания в городе Сухуме монахи просят их освободить, но уполномоченный ходатайствует о продлении срока перед прокурором [8: 695–696]. В списке тех, кто просил об амнистии, на момент 1932 г. насчитывалось 40 человек. По всей видимости, перечень монахов за несколько лет был пополнен, так как по делу 1930 г. было осуждено 35 человек. Из них, по данным постановления уполномоченного 3-го отделения СПО Грузинской ГПУ, 39 монахов-мужчин и одна женщина освобождены из-под стражи по истечении срока заключения вместе с шестью монахами [8: 699].

Известно, что некоторые монашествующие вернулись из ссылки. Так, иеросхимонах Стефан (Игнатенко) и монах Серафим (Фетисов) после ссылки продолжили служение в разных храмах на территории Кавказских Минеральных Вод [10: 202–205].

Таким образом, в 1920–1930-х гг. советская власть последовательно боролась с монашеством на территории всей страны, в том числе в АбССР. Монастыри закрывались, в них запрещалось совершение богослужений. Некоторое время их территории использовались под трудовые артели и коммуны. Монашествующие, укрывающиеся в с. Псху, Георгиевском и других скитах Абхазии, были подвергнуты репрессиям. Преследовали и тех, кто бежал в Абхазию из различных монастырей страны. Борьба с монашеством была ознаменована расстрелами и ссылками насельников.

Длительное время наблюдалось духовное обнищание, а монастырские постройки оставались в запустении, часть из них была разрушена. Однако уничтожить православную веру на территории Абхазии всё же не получилось, так как монахи возвращались из ссылок и продолжали свою деятельность, зачастую меняя место проживания.

В 1990–2000-е гг. (а где-то и немного раньше) началось возрождение храмов и монастырей в Абхазии. Возросла численность духовенства

и монашества. Сегодня Абхазия снова является центром паломничества и туризма для жителей как Российской Федерации, так и многих других стран. Здесь активно возрождается православная вера и регулярно совершаются богослужения.

Источники и литература

1. *Васильев А.*, *прот.* Попытки сохранения православных монастырей в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.). URL: https://bogoslov.ru/article/286894 (дата обращения: 30.08.2023).

2. В годы лихолетья // К Свету: церковно-исторический альманах. 1997. Вып. 16: Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С. 112–113.

3. *Дорофей (Дбар)*, *архим.* Монастырь св. Иоанна Златоуста в Команах // Абхазия: краткая энциклопедия / гл. ред. В. Авидзба. Т. 1. Сухум; СПб., 2022. С. 74–79.

4. *Дорофей (Дбар)*, *иером.* Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви. Сухум, 2005.

5. Драндский собор // Официальный сайт Священной Митрополии Абхазии. URL: https://anyha.org/drandskij-sobor/ (дата обращения: 30.08.2023).

6. Исповеднический путь монашествующих на Кавказе: 1920–1930-е годы: жизнеописания и документы / сост. Л.Е. Сикорская, ред. И.И. Осипова. М., 2017.

7. *Костаненко Л.*, *иер.* Антирелигиозная политика Советского государства на примере борьбы с монастырями и монашеством на Западном Кавказе в 20–30-х гг. XX в. // Хризостом. 2022. № 3 (3). С. 50–59.

8. Материалы Комиссии Пятигорской епархии по канонизации святых. Следственный фонд Министерства государственной безопасности Грузинской СССР. Дело № 9888. 1930 г. Копия.

9. *Меркурий (Попов)*, *монах.* Записки монаха-исповедника. М., 2001.

10. *Осинина М.*, *Гурин А.*, *иер.* Святые наших дней: жизнеописания новомучеников, исповедников и подвижников веры Кавказских Минеральных Вод. Ставрополь, 2021.

11. *Половнев И.* Страна Псху. Сухум, 1931.

12. *Пришвина В.Д.* Иеромонах Онисим (Поль) (1899–1930) // Человек. 1991. № 5. С. 110–112.

13. Русский Афон XIX–XX веков. Т. 5. История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря с 1735 до 1912 года. Афон, 2015.

14. *Сизиков М.* Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. М., 1885.

15. *Шумило С.В.* Новомученики Ново-Афонские. URL: https://afonit.info/biblioteka/russkij-afon/novomucheniki-novo-afonskie (дата обращения: 18.07.2023).

А.А. Аганов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАГАНРОГСКОГО ИНСТИТУТА НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (по материалам Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области)

В данной статье на основе анализа неопубликованных архивных материалов, хранящихся в Таганрогском филиале Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО), характеризуется деятельность Таганрогского института научной организации производства (далее – ТИНОП) на территории Северного Кавказа в 1923–1927 гг. Целью настоящей работы является описание и анализ деятельности сотрудников ТИНОПа на его северокавказских предприятиях. Поднимаемая нами проблема не освещалась историками, как и сама деятельность ТИНОПа. При этом ей уделяли внимание российские ученые-экономисты. Э.Б. Корицкий, Г.В. Нинциева и В.Х. Шетов, авторы работы «Научный менеджмент: российская история», посвятили одну из глав деятельности ТИНОПа. Они пришли к выводу о том, что работа сотрудников организации на предприятиях, переданных ему в аренду, «сильно сдерживалась объективными и субъективными факторами» [1: 129]. Это не позволило ТИНОПу реализовать все свои идеи на практике.

ТИНОП был создан 30 марта 1921 г. [3: 2] после завершения работы I Всероссийской конференции по научной организации труда. Его председателем стал горный инженер П.М. Есманский. Главной задачей института было создание рациональной системы организации производства на промышленных предприятиях, которые должны были стать «образцово-показательными» [7: 12]. В начале 1923 г. ТИНОП заключил договор с Народным комиссариатом продовольствия РСФСР (далее – Наркомпрод) на обследование хозяйственной отчетности в мукомольных предприятиях и органах мельничного отдела Наркомпрода. Во время выполнения данной работы сотрудники ТИНОПа обнаружили «необходимость опытной постановки целого ряда вопросов по отчетности, по складскому хозяйству, учету выхода продукции, контролю производства и пр.» [7: 12]. Для проведения необходимых работ мельничный отдел Наркомпрода РСФСР в июне 1923 г. на договорных началах передал ТИНОПу несколько мельничных и маслобойных предприятий, располагавшихся на территории Северного Кавказа. Предприятия передавались ТИНОПу в аренду на 10 лет. В феврале 1924 г. они вместе с таганрогскими предприятиями

ТИНОПа вошли в состав созданного институтом опытно-промышленного треста [7: 12].

Всего в числе северокавказских предприятий было семь мельниц и два маслобойных завода, располагавшихся в пределах Терской и Кубано-Черноморской областей РСФСР. Подавляющая часть предприятий находилась в «пшенично-озимой» [7: 12] полосе края (мельницы Дондуковская № 2, Георгиевская № 4, Брюховецкая № 5, Двинская № 6, Лабинские № 9 и 10, а также маслобойный завод № 15 в Майкопе). Мельница и маслобойный завод в Ейске находились в «пшенично-ячменной яровой» полосе [7: 12]. Мельницы ТИНОПа, расположенные по железнодорожным станциям Северного Кавказа, были изначально рассчитаны на обслуживание местного крестьянства, но вели и коммерческую деятельность. К моменту передачи их можно было отнести к типу небольших промышленных мельниц с неэффективным устройством управления и старым оборудованием, вследствие чего они не могли давать качественную продукцию, которую можно было экспортировать за границу. На их восстановление институт был вынужден потратить огромные средства. Новые владельцы планировали поднять на них производительность.

Дондуковская мельница № 2 была передана ТИНОПу в середине 1923 г. Кубано-Черноморским областным управлением мукомольно-крупяной промышленности «Кубчермельпродом». К этому времени она «давала 60 % своей нормальной производительности» [7: 21]. ТИНОП выполнил необходимый ремонт, что привело к повышению производительности муки в сутки с 1600 пудов до 2100 пудов [7: 21].

Георгиевская мельница № 4 была передана ТИНОПу в конце 1923 г. На ней не работали двигатели, изношенность подшипников, зубчатых передач, рассевов доходила до 70 %. После ремонта производительность выросла с 2100 до 2400 пудов в сутки [7: 22]. Похожая ситуация была на Брюховецкой мельнице № 5, Динской мельнице № 6 и Ейской мельнице № 8. Они были переданы ТИНОПу в середине 1923 г. В результате ремонта на Брюховецкой мельнице производительность выросла с 1000 до 1500 пудов в сутки при трехсменной работе [7: 23], что являлось ее максимумом. На Динской мельнице производительность выросла с 1200 до 1600 пудов в сутки [7: 23]. На Ейской мельнице № 8 производительность выросла с 1500 до 2100 пудов в сутки [7: 25] в сутки за три смены, но при этом на ней, как признавали сотрудники ТИНОПа, «всё мельничное оборудование было настолько нерациональным, что переустройство его в ближайшее время оказалось неизбежным» [7: 25].

Лабинские мельницы № 9 и 10 были переданы ТИНОПу в середине 1923 г. и расположены на р. Лабе. Из-за разрушения сооружений, которые отводили воду от реки, производство на ней часто останавливалось.

Изношенность отдельных частей оборудования на мельницах составляла от 25 до 75 % [7: 27]. После передачи институту производительность на Лабинской мельнице № 9 увеличилась с 750 до 1000 пудов в сутки [7: 13], а на мельнице № 10 – с 525 до 900 пудов в сутки [7: 13].

Майкопский маслозавод № 15 был передан ТИНОПу в мае 1924 г. в ужасном состоянии. Из-за отсутствия ремонта завод к этому времени не работал 3–4 года. После передачи его ТИНОПу там начался ремонт, который завершился к осени 1924 г. Производительность на нем составила 900 пудов семечек в сутки [7: 27]. Ейский маслозавод № 14 был передан вместе с мельницей в 1923 г. Оба предприятия составляли комбинат «Кубанмас». Маслозавод нуждался в полной реконструкции из-за неправильной технической постановки маслобойного производства. К сожалению, мы не знаем его производительности после произведенного ремонта.

Другим важным направлением деятельности ТИНОПа стала разработка собственных стандартов муки и установление точных выходов продукции. Сотрудники считали, что отсутствие определенных марок муки «сильно препятствует успеху торговли этим товаром и не дает возможности потребителю точно выразить свое требование» [7: 13]. Установление определенных марок и точная их выдержка, по мнению сотрудников ТИНОПа, было необходимым условием рациональной постановки сбыта продукции и могло привести к упрощению и усовершенствованию номенклатуры товаров. Среди преимуществ предлагаемых мероприятий называли планирование выпуска продукции на более длительный срок, введение единообразия в оборудование отдельных мельниц и способы помола, повышенное использование квалифицированных специалистов, упрощение контроля и приспособление к условиям рынка.

На северокавказских предприятиях треста после годичных испытаний были внедрены карточки-ежедневники, заполнявшиеся по истечении рабочего дня на мельнице или маслозаводе. Полученные данные отправлялись в управление треста, находившегося в Таганроге. На их основе уже создавали ежемесячные отчеты о работе каждого предприятия. Благодаря этим мерам руководство организаций и предприятий получало статистическую информацию и достоверные цифры о настоящем положении дел на мельницах и маслозаводах. На северокавказских предприятиях ТИНОПа использовалась и система наглядной отчетности, а также стал внедряться картотечный шкаф образца 1924 г., который позволял упорядочить и систематизировать хранение бухгалтерских книг и документов, контрольных карточек и папок с текущей перепиской мельниц. Это позволяло экономить рабочее время сотрудников архива, затрачиваемое на поиск документов.

В основу делопроизводственной системы северокавказских предприятий был положен принцип функциональности. Текущий архив имел

классификатор дел. Он был разделен на основные группы, отвечающие по содержанию основным отделам управления. В пределах каждой группы разделение осуществлялось также по функциональному признаку. На предприятиях ТИНОПа на Северном Кавказе использовалась карточная система регистрации входящих документов и дубликатный способ регистрации исходящих документов. Первая система применялась для контроля движения бумаг и осуществлялась при помощи специальных контрольных карточек. Она фиксировала время, данное на исполнение документа, и срок, за который работа над заданием должна быть закончена. Были введены специальные часо-штампы, которые позволяли показывать движение бумаг от предприятий к управлению. На каждой входящей и исходящей бумаге часо-штамп отмечал год, месяц, число и минуты ее поступления или отправки из ТИНОПа. Эта новация привела к тому, что на получение справки по делам текущей переписки требовалось меньше одной минуты, а делопроизводитель готовил данную справку, не отходя от рабочего места. При нормальной работе предприятия число входящих и исходящих бумаг достигало примерно 100 в день [7: 17]. Такой порядок хранения дел был изложен в особых правилах письмоводства, делопроизводства и хранения бумаг на мельницах.

Совершая поездки по Северному Кавказу, председатель ТИНОПа П.М. Есманский выступал с различными докладами перед местными партийными ячейками. Так, 27 августа 1924 г. в Георгиевске на заседании объединенной фракции районного профсоюзного бюро [3: 24] было заслушано его сообщение «О задачах и работе предприятия Института в Георгиевске». А 22 сентября 1924 г. Есманский выступал перед партийным комитетом РКП(б) Лабинского района Армавирского округа Юго-Восточного края РСФСР [3: 23]. Там же 26 сентября он сделал доклад «О практических задачах НОТ» [3: 24]. Таким образом, Есманский во время своих поездок не только проверял работу предприятий и их сотрудников, но и популяризировал ТИНОП во время своих публичных выступлений перед местными партийными органами.

Большой проблемой для ТИНОПа стало то, что некоторые назначенные организацией заведующие мельницами занимались на вверенных им предприятиях злоупотреблениями и причиняли институту большой финансовый ущерб. Так, заведующий Динской мельницей № 6 ТИНОПа И.Т. Зарубин был назначен на должность заведующего 4 декабря 1924 г. Он не соблюдал своих непосредственных обязанностей, грубил рабочим и служащим мельницы, некоторые из них отправляли жалобы в Таганрог. Из одной анонимной жалобы рабочего мельницы, составленной в январе 1925 г. [8: 31], нам становится понятно, что только в декабре 1924 г. мельница по различным причинам простаивала половину месяца. Из жалобы

рабочего мельницы М. Чаплыгина мы узнаем о том, что Зарубин купил на 600 руб. несколько лошадей, одна из которых оказалась калекой [8: 50]. Об их приобретении Зарубин не сообщал в Таганрог. После проведения ревизии на мельнице обнаружилось недостача в кассовой наличности на сумму в 1214 руб. 18 коп. [8: 140]. За причиненный ущерб администрация ТИНОПа уволила его и заставила подписать документ, по которому он обязывался выплатить долг в размере 1103 руб. из своего жалованья, выплачивая каждый месяц не ниже 25 % от своего основного оклада на новом рабочем месте [8: 153]. Но Зарубин не выплачивал долг, и ТИНОП был вынужден подать на него в суд, который признал правоту организации. Но даже несмотря на это Зарубин не выполнил своих обязательств, и к февралю 1927 г. уже новое руководство организации было вынуждено подать на него суд с требованием выплаты задолженности [3: 231]. Подобные поступки заведующих мельницами приносили ТИНОПу определенный материальный ущерб и подрывали авторитет организации в глазах рабочих и служащих.

Другой проблемой было то, что местные органы власти пытались отобрать у ТИНОПа переданные ему предприятия и таким образом мешали работе треста на Северном Кавказе. Так, из письма председателя ТИНОПа П.М. Есманского руководителю отдела рационализации А.А. Андрееву от 8 июля 1925 г. нам известно, что Высшая арбитражная комиссия принимала все меры для того, чтобы закрепить за организацией мельницу в Георгиевске, но при этом встречала «затруднения формального порядка» [5: 101]. 17 декабря 1924 г. Краевой арбитражный суд при Северо-Кавказском краевом исполнительном комитете рассматривал иск Ейского районного исполнительного комитета к ТИНОПу о расторжении договора на передачу организации предприятий в аренду. Изучив договоры, заключенные ТИНОПом с Краевым мельничным отделом, суд отказал истцу в его притязаниях, а также потребовал от Ейского исполнительного комитета вернуть мельницу и маслозавод ТИНОПу. Данные конфликты приводили к тому, что ТИНОП из-за вмешательства местных органов власти не мог вести успешную научно-исследовательскую и коммерческую деятельность и был вынужден тратить время на то, чтобы отстоять данные северокавказские предприятия своего треста.

Очень часто из-за простоев администрация треста ТИНОПа принимала тяжелые решения об увольнении рабочих и служащих мельниц. Такой случай произошел на мельнице ТИНОПа в Ейске в ноябре 1925 г. После согласования с краевым управлением руководство мельницы уволило всех ее сотрудников [6: 71]. В последние месяцы своего существования организация столкнулась с тем, что местные органы власти стали расторгать заключенные ранее договоры о передаче предприятий. Так, 7 января 1927 г.

временный директор Общества научной организации производства (так назывался ТИНОП с 1926 г.) А.Д. Чухалкин находился на заседании суда, где рассматривалось дело о расторжении договора на Динскую и Брюховецкую мельницы [4: 62].

Спустя три месяца ТИНОП был ликвидирован в соответствии с «постановлением центральных органов», о чем сообщалось в номере таганрогской газеты «Красное знамя», который вышел 7 апреля 1927 г. [2: 4].

Таким образом, деятельность ТИНОПа на северокавказских предприятиях треста была довольно противоречивой. С одной стороны, его сотрудники внедряли на мельницах и маслозаводах новые рациональные способы управления, но, с другой стороны, они не могли вести на них успешную коммерческую деятельность из-за некачественного подбора руководящих кадров, конфликтов с местными органами власти и частых простоев предприятий.

Источники и литература

1. *Корицкий Э.Б.*, *Нинциева Г.В.*, *Шетов В.Х.* Научный менеджмент: российская история. СПб, 1999.
2. Красное знамя (Таганрог). 1927. № 79 (1518). 7 апреля.
3. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 26.
4. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 53.
5. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 86.
6. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 90.
7. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 91.
8. ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 105.

М.Х. Хаджиева

ОДЕЖДА КАРАЧАЕВСКИХ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД ДЕПОРТАЦИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И КАЗАХСТАН (на материале полевых исследований автора)

Настоящая статья посвящена изучению детской одежды в период депортации карачаевского народа в Среднюю Азию и Казахстан. Костюм рассматривается сквозь призму изменений, произошедших в жизни карачаевцев-спецпереселенцев в период хрущевской «оттепели». Основой данного исследования служит этнографический материал, собранный автором во время экспедиционных поездок в населенные пункты Карачаево-Черкесии и включающий фотографии, которые использованы как самостоятельный источник при изучении одежды в период депортации. Сведения,

полученные посредством опроса, послужили ориентиром, содействующим прочтению и структурированию содержания фотоисточников.

Проводимая Н.С. Хрущевым политика десталинизации внесла послабления в повседневную жизнь спецпереселенцев. В сердцах репрессированных стала теплиться надежда на возвращение на землю предков. Всё было пропитано мечтой о Родине, хотелось скорее перенестись в горный Карачай и навсегда позабыть темно-охристую землю, простеганную арыками, пить из которых опасно, поскорее уйти от ядовитых каракуртов, змей и выбеленных зноем стен саманных домишек. Слишком долго текло время ссылки, дети по рассказам старших родственников представляли Северный Кавказ как рай земной, с «молочными реками и кисельными берегами».

В депортации развитие детской одежды происходило в русле общесоветских тенденций. Детский костюм в ссылке не являлся уменьшенной копией взрослого. Хотя ранее детская одежда была аналогична взрослой, и с рождением мальчика родители готовили полный костюм *толу кийим*, включающий каракулевую шапку *бухар бёрк*, черкеску *чепкен* с газырницами из самой лучшей шерсти, карачаевскую рубашечку *тыш кёлек* с плетеными пуговицами, нижнюю рубашку *ич кёлек*, брючки *кёнчек*, башлык из тоненькой шерстяной ткани *схарла*. Для новорожденного мальчика дагестанским отходникам заказывали мужской пояс и детский кинжал. Для девочек шили платье *чепкен*, рубашку *ич кёнчек*, рубашечки *тыш кёлек*, *ич кёлек*, брючки *кёнчек* и украшения/застежки на традиционное платье – серебряный пояс *кямар* и нагрудник *тюйме*.

В первые, самые тяжелые годы ссылки малышам одежду перешивали и подгоняли из взрослых вещей, вышедших из употребления. На базаре обменивали вязанные своими руками изделия на отрезы батиста, бязи, ситца, байки и фланели. В исследуемый же период для маленьких детей дошкольного возраста одежду старались покупать и шить из натуральных тканей (тех же ситца, сатина, батиста), которые соответствовали физиологическим особенностям ребенка. Летние платья *чепкен*, блузки *тъышырыу кёлек*, брюки *кёнчек*, юбки *этек* шили из гигроскопичных, воздухопроницаемых и легких материалов. Использовали сатин, тонкую шерсть, ситец, штапель, поплин, лен, фланель.

Несмотря на сложные для коренного кавказского населения природно-климатические, социально-экономические и политические условия жизни на чужбине, карачаевские женщины-искусницы старались разнообразить и украсить одежду детей. В основном использовали кружево, аппликации, тесьму, мережку и бейку, детские платья украшали тамбурной вышивкой, которой обучились в Средней Азии и Казахстане. Использовались такие декоративные детали, как кружевные и вязанные крючком воротнички, накладные карманы и пояски. Как отметила информант, ее

прабабушка плела кружево на сосновых коклюшках, привезенных из г. Микоян-Шахара (после депортации карачаевцев переименованного в Клухори, ныне Карачаевск). Она украшала кружевом не только постельное белье, но и детскую одежду, а также шила атласные воротнички и манжеты. На базаре она обменивала собственноручно украшенные хлопчатобумажным кружевом простыни и наволочки на продукты питания, так и выживала с тремя детьми. Ночные рубашки для детей шила из мягкой ткани – сатина, фланели, батиста и ситца, украшала бейкой. Нарядные рубашки и детские головные уборы для традиционного карачаевского обряда положения в люльку *бешикге салыу* декорировала шелковым, хлопчатобумажным или льняным кружевом, воланами, рюшами, в исследуемый период очень редко золотым шитьем [1]. Запасы золотой и серебряной нити истощились, их стали приберегать для изготовления традиционных карачаевских свадебных платьев. На приуроченное к рождению ребенка мероприятие *бешикге салыу адет* гости приходили с подарками, это могли быть отрезы ткани, ювелирные изделия, полотенца, покрывала и пища [10].

Другая собеседница рассказывала, что детям и подросткам мамы и бабушки шили стеганые безрукавки *дженгсиз*, так называемые тепляки. Ранее на Родине такую одежду шили из натурального меха, мехом внутрь, из шкур диких и домашних животных. В первые годы ссылки тепляки перешивали из взрослой одежды, а в послевоенное время – из тканей, которые удавалось купить в магазине или на базаре. Самые престижные, удобные и сохраняющие тепло безрукавки *дженгсиз* шили из бархата, вельвета, плюша, войлока и кашемира. В Средние века предки карачаевцев и балкарцев надевали под металлические доспехи – кольчугу *кюбе* – войлочные безрукавки *кюбе тюб*, то есть подкольчужник. Войлок хорошо согревает и одновременно пропускает воздух, он прочен на разрыв и истирание, к тому же не деформируется. *Дженгсиз/кюбе тюб* из воинского снаряжения вошел в быт народа, сегодня карачаевцы и балкарцы изготавливают для продажи туристам войлочные безрукавки, шляпы, бурки, шапочки-сванки, обувь.

Обувь для детей и взрослых была в большом дефиците, валенки *уюкъла*, сапоги и ботиночки *чурукъла*, туфельки башмаки сами уже не изготавливали, а покупали или же выменивали на вязаные изделия: шали и платки *джаулук*, шапки *берк* и шарфы *буунлук*, свитера *джюн кёлек*, носки *чындай*, варежки и рукавицы *колкъапла* [2].

В исследуемый период экономическая ситуация в легкой промышленности стала постепенно стабилизироваться, появилась возможность одевать детей не только в практичную и функциональную, но и эстетически привлекательную одежду. Но так как в швейной промышленности по-прежнему руководствовались усредненными соотношениями объема и роста ребенка, вещи приходилось подгонять на дому. Карачаевские женщины

великолепно шили, из небольших кусков разной фактуры ткани они могли создать нарядное платьице с кружевным лифом, сатиновым подолом и рукавами. Как отметила информант, в исследуемый период школьные платья и повседневные фартуки черного цвета в основном покупали в магазинах, а вот белые фартуки шили сами. Бабушка собеседницы рассказывала, что двум младшим дочкам она покупала обычную школьную форму, а вот старшая не соглашалась носить стандартные вещи и требовала у матери сшить ей отличную от других форму. Для фартуков использовали ситец, маркизет и батист. Для самой старшей дочери бабушка, как отдельно подчеркнула Ф.А. Богатырёва, сшила школьный фартук из белого крепдешинового платка, остатки которого пошли на «буржуазные штучки» в виде воротника и манжет, вышитых гладью для нарядного шелкового вишневого цвета платья [6]. Вдобавок простые воротнички и манжеты из ситца для старшей дочери бабушка информанта украшала вышивкой, обвязывала крючком, а также шила воротнички из маркизета, прикрепляя к вороту платья посредством пуговиц и воздушных петелек. Чуть позже съемные воротнички и манжеты, а также карманчики детской и подростковой одежды стали отделывать кружевом ришелье.

В 1955 г. в продажу в большом количестве поступали школьные платья с юбкой в складочку и достаточно эстетичные фартучки. Мальчики носили в школу курточки или пиджаки, брюки из однотонной или полосатой ткани с рубашками [2]. По рассказам информанта ее бабушка сшила своей дочери и племяннице батистовые белые платья в мелкий цветочек с защипами в области талии и воланами на подоле. Нарядные и довольные девочки пошли в школу, по дороге домой они приметили тутовое дерево, и сочные темно-фиолетовые ягодки собрали в подолы своих платьиц. Они шли в предвкушении похвалы, и встретившая девочек на пороге бабушка не стала ругать их – ее растрогало, что дети не съели ни одной ягодки, а принесли всё собранное домой [4].

Следующая собеседница приложила к своему рассказу фотографию (рис. 1), на которой ее бабушка и две девочки-одноклассницы в нарядных платьях и импровизированных коронах позировали фотографу на фоне новогодней елочки, украшенной стеклянными шарами и звездами, бумажными фигурками Деда Мороза, зайками, мишурой, а также грецкими орехами в фольге и конфетами.

Каждый Новый год бабушка надевала самое красивое платье, наряжала елку мишурой и ватой, мандаринами и конфетами, пряниками и орехами. Под елку детям клали подарочки, и обязательно к мешочку со сладостями прилагались печатные пряники. Как рассказывала бабушка, платье ей сшила мама из чрезвычайно нежной, тонко-прозрачной хлопчатобумажной материи, называемой кисея *суу-кисей*, фата была скроена из двух старых

кружевных платков *хар джаулук*. Прабабушка, хрупкая, зеленоглазая женщина, окончившая Ростовскую партийную школу, член партии, рукодельница, обшивала всю семью, профессионально кроила, вязала и вышивала [6].

Рис. 1. Девочка-карачаевка с подругами на новогодней елке. 1950-е гг.
Фото из архива Ф.А. Богатырёвой

На фотографии бросается в глаза длина рукавов новогоднего платья, покрывающих кисти рук. Вновь мы наблюдаем отголоски прежних тенгрианских мировоззренческих установок, отсылающих нас к прообразу классических карачаевских платьев с нарукавными подвесками *дженг уч*, которые встречаются в одежде типа плаща на женских фигурах, изображенных в ритуальных сценах на золотых, нашивающихся на одежду бляшках,

найденных в курганах Куль-Оба, Чертомлык, Верхний Рогачек. Такой костюм был только женским, причем не бытовым, а обрядовым, о чем свидетельствует содержание изображенных на бляшках сюжетов [9: 23]. Вероятно, поэтому на новогоднем мероприятии рукава по-прежнему прикрывают руки. Как отметил информант, «девушкам нельзя было голой рукой дотрагиваться до чужих рук или предметов, рукава использовались как перчатки европейских женщин» [8]. Магическая сила, сосредоточенная в длинных рукавах, закрывающих кисти рук, сохраняла божественную энергию *къут*, которая гарантировала изобилие, долголетие и счастье.

Бусы достались девочке от старшей сестры, корона была изготовлена из подручных материалов – вырезана из традиционной карачаевской войлочной шляпы молочного цвета, обшитой тоненьким крепдешином, и украшена семиконечной звездой *джетегейли джулдуз*, изготовленной из особого тонкого войлока, к которому прикреплены бусины *инжиле*. По воспоминаниям информанта, сизо-зеленые, охристо-золотистые, лиловато-желтые с глазками и дырочками бусины расцветили корону, эти кусочки стекла в ссылке навевали мечты о синем просторе неприступных горных вершин, о тонущих в кисейном тумане разноцветных бликах быстротечной Кубани, покрытой еле заметной прозрачной лиловой дымкой [7].

Х.А. Богатырёв, родившийся в ссылке в 1951 г., рассказывал, что его тетя Сюйдумхан сшила ему, маленькому ребенку, настоящие мужские брюки из куска полушерстяной ткани в вертикальную полоску. Тетя жила в нескольких остановках от спецпоселения своей сестры, это была последняя примерка брюк, и мама информанта посадила пятилетнего ребенка в автобус, попросив случайную попутчицу высадить ребенка на остановке и помочь с поклажей. Мальчик ехал в гости к тете не с пустыми руками, его мама собрала целую авоську ярко-красных яблок. Это была первая поездка без родителей, дорога неровная, с ямами и кочками, морозно в сине-зеленом мареве азиатского заката мелькали тоскливые мазанки, засыпанные снегом, информант и сегодня ощущает тяжелую атмосферу еле тащившегося автобуса. Доехав до места назначения, пятилетний ребенок не удержал свою поклажу, и яблоки покатились по салону. Рассказывая об этом событии, Х.А. Богатырёв удивлялся тому, что взрослые люди стали собирать и класть в свои котомки, сумки и кули чужие яблоки. Женщина-попутчица успела поймать несколько яблок, с которыми он и явился к родственникам. Информант всё еще помнит свои чувства от обновки: брюки вдруг, как по мановению волшебной палочки, из пятилетнего ребенка превратили его во взрослого мужчину. Брюки тетя сшила на вырост, аккуратно подшитые брючины на следующий год распустили. К весне мама в дополнение к брюкам купила сыночку на базаре в столице Киргизии Фрунзе (Бишкеке) черные ботинки, кепочку, рубашку и пиджак. К осени любимая тетя Сюйдумхан

сшила племяннику утепленную вельветовую курточку къурт къатапа цвета корицы [7]. Она говорила: «Не покидай селение вечером, не начинай работу ночью» (ингирликде эл ташлама, кечегиде иш башлама). Работу следовало начинать с утра, так повелось в народе [5].

Итак, к середине 1950-х гг. ткацкие фабрики и текстильные комбинаты вышли на довоенный уровень по пошиву пальто, платьев и костюмов, но ассортимент одежды, отшиваемой на устаревшем оборудовании, не гарантировал хорошую посадку по фигуре, вследствие чего практически всю одежду приходилось перешивать. Технологическое отставание отражалось как на качестве готовых изделий, так и на цветовой гамме тканей. Следует отметить и положительные стороны одежды анализируемого периода – она была добротной, практичной, функциональной и отличалась очень высоким качеством технологических швов, петель и вышивок. Как отметила собеседница, сатиновый серый, переливчатый халат вылинял и растянулся, а пуговицы остались [3].

Хрущевская «оттепель» внесла большие изменения в развитие легкой промышленности страны, стали учитывать материальные потребности населения, расширили ассортимент готовой одежды для детей разного возраста. Но несмотря на это, товарный дефицит всё еще существовал. Карачаевские женщины, оказавшиеся в ссылке в Казахстане и Средней Азии, при переделке и украшении готовой детской одежды ориентировались в том числе на традиционные образцы.

Источники и литература

1. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант (далее – инф.) А.Т. Узденова, 1927 г.р., депортирована в с. Гродеково Джамбульской области Республики Казахстан с 1943 по 1957 г., записана (далее – зап.) в с. Сары-Тюз Карачаево-Черкесской Республики (далее – КЧР) в 2011 г.

2. ПМА. Инф. З.М. Бадахова, 1953 г.р., зап. в с. Сары-Тюз КЧР в 2022 г.

3. ПМА. Инф. З.Х. Халкечева, 1951 г.р., зап. в г. Карачаевске КЧР в 2022 г.

4. ПМА. Инф. Л.Н. Халкечева, 1967 г.р., зап. в г. Черкесске КЧР в 2023 г.

5. ПМА. Инф. С.А. Гочияева, 1925 г.р., депортирована в совхоз «Джангы-Джер» Кызыл-Аскерского района Фрунзенской области Республики Казахстан с 1943 по 1957 г., зап. в с. Кумыш КЧР в 2012 г.

6. ПМА. Инф. Ф.А. Богатырёва, 1995 г.р., зап. в с. Кумыш КЧР в 2023 г.

7. ПМА. Инф. Х.А. Богатырёв. Родился в депортации в 1951 г. в совхозе «Джангы-Джер» Кызыл-Аскерского района Фрунзенской области Республики Казахстан, зап. в г. Карачаевске КЧР в 2020 г.

8. ПМА. Инф. Ю.Т. Атаев, 1957 г.р., зап. в г. Усть-Джегута КЧР в 2022 г.

9. *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в.). Ленинград, 1990.

10. *Хаджиева М.Х.* Функции пищи в детской обрядности карачаевцев // Материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти черкесского поэта, лауреата Международной Кандуровской премии, члена Союза писателей России, Заслуженного учителя КЧР Бемурзова М.Х. Хабез, 2021. С. 164–175.

Н.У. Ярычев, З.Р. Хамзатова

«СУРОВЫЙ СТИЛЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕЧЕНСКИХ ХУДОЖНИКОВ 1960–1970-х гг.

Искусство выступает аксиологической основой бытия, творчески переосмысляет жизнь, откликаясь на запросы времени. В процессе создания художественной модели реальности произведения живописи способны стать проводником новых ценностей, востребованных обществом, а художественно-психологические концепции, в свою очередь, влияют на процессы действительности в социокультурном плане.

С точки зрения философии произведение искусства – многоплановое явление. В создании художественной концепции и образа реальности произведений живописи участвуют различные элементы полотен художников:

– эстетическая организация пространства, заполняемая выбранным для целей художника «цвето-геометрическим содержанием» [6: 154];

– художественный образ как идейно-смысловое ядро содержания, первоэлемент искусства;

– различные компоненты художественной формы как системного понятия – такие как сюжет, композиция, художественный язык, цвет, объем и т. д.;

– этнохудожественные стереотипы (архетипы, символы, образы и представления), указывающие на этническую самобытность художника [3: 17].

При этом определяющим моментом, выражающим философскую мысль художника, результат его творческих поисков, является реализация смыслового единства произведения, так как оно позволяет сочетать все элементы авторского замысла, понимания и моделирования действительности, мастерства и индивидуального стиля.

В рамках отечественной научной парадигмы мало осмыслены компоненты этнокультурной традиции в произведениях чеченских художников, пластические особенности искусства, а тем более – проблема рецепции «чужого», в результате решения которой возникают новые культурные артефакты. В этой связи актуальным представляется анализ «сурового стиля»

как отдельного направления и его национальных интенций в творчестве чеченских живописцев 1960–1970-е гг. Особое внимание следует обратить на то, что проблематика национального искусства в 1960–1980-е гг. во многом подчинена идейно-художественным нормативам соцреализма, что позволяет представить ее как явление, прочно сросшееся с реалиями времени.

Длительный период депортации чеченского и ингушского народов наложил свой отпечаток на формирование национального искусства. Только с восстановлением Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – ЧИАССР), которое произошло 9 января 1957 г., появляется возможность подготовки первой волны национальных кадров, в том числе творческих. На фоне общественного и культурного подъема сложилось новое поколение национальных художников, которые, благодаря полученному профессиональному образованию, смогли пользоваться всеми эстетическими наработками русской реалистической школы. Эта дихотомия значительно углубилась в искусстве ЧИАССР с появлением в 1960е гг. «сурового стиля», ставшего органичным направлением и проявившего «образование специфически национальной иконологии художественного творчества» [5: 35].

«Суровый стиль» воплотился в художественной интерпретации первой «поколенческой группы» профессиональных чеченских живописцев – Ш.А. Шамурзаева (1932–2011), А.А. Асуханова (1939–2020), Х.Ю. Дадаева (1938 г.р.), Д.Г. Идрисова (1943 г.р.) – пионеров чеченской живописи, определивших «общий уровень ее развития в течение многих лет» [2: 39].

Несмотря на совокупность образных характеристик «сурового стиля»: композиционная лаконичность, плотный задний фон, стремление к монументальности, проявляемое в групповых портретах, графичность контуров, – ярко выраженным образно-смысловым элементом в произведениях данного направления остается региональный аспект.

Свободное проявление личности чеченских художников выражается не только в отказе от пафосности и декларированности, идеализации эпохи коммунизма, но и в стремлении к этнической ментальности. Манифестация национальных интенций в некоторых работах художников максимально скрыта, завуалирована, что во многом обусловлено духовными составляющими эпохи. Отметим, что появление проблематики, касающейся судьбы народа, в рамках «сурового стиля» в чеченской живописи стало закономерным следствием размышлений авторов полотен, их представлений о важных нравственно-философских и религиозных проблемах времени.

Одним из способов раскрытия императивов этнической культуры становится включение в композицию элементов фольклора, этнографических художественных деталей, которые являются источником дополнительного,

«зашифрованного» замысла. Можно также обнаружить и совпадающие древнейшие архетипы, и метаконцепты народной культуры: например, «небо», «земля», «гора» и др., которые расширяют инвариантное поле художественного замысла в рамках господствующего стиля.

Подтверждением намеченного подхода могут служить пейзажи Аманды Абасовича Асуханова, которые в различных вариациях присутствуют в работах художника на протяжении всего периода творческой активности. «Суровый стиль» находит отклик в его работах с конца 1960-х гг. – времени кульминации этого направления.

Говоря о творчестве выпускника Махачкалинского художественного училища, впоследствии члена Союза художников СССР и Народного художника Чеченской Республики А.А. Асуханова, необходимо учитывать, что он зарекомендовал себя, прежде всего, как художник-пейзажист, творчество которого органично включено в советское искусство. Максимальная архетипическая наполненность пространства в пейзажах Асуханова концептами «земля», «гора» и «небо» привносит в них определенную сакральную нагрузку.

В качестве примера можно привести картины «Геологи в горах Чечено-Ингушетии» (1971) и «Чабан» (1966). Образно-содержательный анализ полотна «Геологи в горах Чечено-Ингушетии» А.А. Асуханова, позволяет заметить, что в дихотомии «человек – природа» мастер ставит выше вторую, что расходится с философской концепцией суровостильцев. Если в первой работе художник отдает композиционное предпочтение метафорике Земли, то в «Чабане» – Неба. «Его пейзажи не поле деятельности современного героя, в них образ природы становится формой выражения побеждающего начала, мотивы конкретных произведений повествуют о нетронутой человеком природе» [7: 103]. Эта система отношений человека с природой / реальностью заложена в этнической традиции чеченского народа.

С конца 1960-х гг. в активе художника все чаще появляются тематические работы, близкие эстетике суровостильцев в ее новом преломлении. Аманды Асуханов создает ряд поэтических национальных образов на полотнах «Чабан» (1966), «Строители» (1966), «Продотряд. Хлеб Грозненскому пролетариату» (1969), «Первая учительница» (1970) и др. В них художник стремится избегать приукрашивания реальности.

Одной из самых значимых работ 1960-х гг. в творчестве А.А. Асуханова является хрестоматийная картина «Продотряд. Хлеб Грозненскому пролетариату» (1969, рис. 1). Ее сюжет связан с одним из эпизодов периода установления советской власти на Северном Кавказе. В психологической трактовке художественного образа живописец эстетически усиливает ощущение замкнутости, образно передает атмосферу одиночества и борьбы.

Рис. 1. А.А. Асуханов. Продотряд. Хлеб грозненскому пролетариату, 1969

Отказавшись от многофигурной композиции, художник предпочел воплотить свое отношение к человеку в образе одного красноармейца. Идейно-эстетический строй картины способствует воссозданию глубоко обобщенного образа народа, передает его горячий порыв и волевую энергию. Крупным планом представлена фигура главного героя – красноармейца, изображенного во весь рост. Его монолитный образ занимает большую часть композиции. Фигура красноармейца помещена в центр картины: мы почти не видим его лица, так как оно дано в профиль и закрыто буденовкой. Характер героя показан через его позу, фигура изображена в максимально крупном масштабе. Здесь и энергия крупного шага, и рвущийся вперед силуэт красноармейца, пробивающего себе дорогу. Живописец вторит суровостильцам, практически полностью закрывая задний фон. Для этого мастер использует скальную породу, заполняя камнями практически половину картины и таким образом ограничивая пространство. Угловатость, резкие грани, беспорядочность и хаотичность каменных глыб, максимальная насыщенность фона несут определенную символическую нагрузку, связанную с почитанием гор – местом обитания языческих божеств чеченцев [7: 102].

Несколько напряженный колорит усиливает впечатление от картины. Данную работу выделяет из ряда других полотен периода 1960-х гг. «суровый, каменистый фон, сложный по красочной фактуре» [1: 3–6], позволяющий говорить об этнических воплощениях «сурового стиля». Искусствоведы подчеркивают, что символическое значение образа создается без «прямых фольклорных цитат, без ностальгических изображений башен,

без каких-либо элементов стилизации» [1: 3–6]. Однако этнические архетипы, как и веяние времени, ощущаются подспудно. В этой и более поздних работах художник оперирует сплошными цветовыми плоскостями, что опять-таки является особенностью произведений суровостильцев.

Сплетение различных смыслов можно видеть и в произведениях, сходных своим монументальным замыслом, «Портрет девушки» (1985) и «Земля» (1985), где начала этнической традиции, переплетаясь с переживаемой реальностью, рождают оригинальную художественную интерпретацию.

Еще более ярко «суровый стиль» проявляется в творчестве Шамиля Алиевича Шамурзаева, признанного мастера, внесшего большой вклад в развитие искусства ЧИАССР. Художественная пластика живописца приближена к стилистике «сурового стиля» что наглядно демонстрируют портреты и многофигурные композиции второй половины 1960-х гг.

С 1963 г., после окончания Махачкалинского художественного училища, начинается самостоятельный путь живописца, а его участие в республиканской выставке произведений молодых художников ЧИАССР в 1966 г. придает новый виток его творчеству, обозначившему важный этап в развитии национального искусства.

В 1960-е гг. Шамиль Шамурзаев постоянно обращается к портретному жанру. Его образы, наделенные мужеством, стойкостью и героизмом, причем не только у мужчин, но и у женщин, всегда глубоко индивидуальны. Ведущими героями становятся ветераны войны и труда, хлеборобы, скотоводы, доярки – рядовые советские граждане, дорогие художнику образы народа. Портрет сохраняет доминирующее положение в его творчестве на протяжении 1960–1980-х гг.

Работы «Ковровщица» (1966), «Мюриды революции» (1969), «Хлебороб-механик (1969), «Портрет Тамары Муслиевой» (1967), «Доярка Кадырова» (1968), «Портрет скотовода» (1965), «У родника» (1969), «Горянка» (1977), «Гармонист» (1989) и др. по праву стали хрестоматийной классикой чеченской живописи XX столетия [2: 40]. Во многих произведениях Ш. Шамурзаева, отнесенных к «суровому стилю», присутствует метафорика, создавая которую, художник выражает индивидуальное видение реальности. Метафоры сопровождаются на картинах целой системой знаков: движениями рук и тела, характером позы, отношением к цвету, композиционными приемами.

Ш. Шамурзаев упорно работает с композицией, повторяя однородные методы ее построения из раза в раз, что помогает изучить и выявить характер портретируемого. Герои художника не так просты и не столь безмятежны, как может показаться на первый взгляд. В поиске решения образного содержания всего произведения участвует «цвет, утративший яркость», что помогает точнее «раскрыть психологическую характеристику героев» [8: 3–4].

Живописец не стремится к точной фиксации художественных элементов в своих портретах: первоочередной задачей является передача внутреннего характера. Поэтому автор специально привлекает и концентрирует внимание зрителя на напряженном волевом взгляде героев. Персонажи изображены всегда фронтально, линейные контуры фигур и границы прорисовываются четко, крупными мазками.

Данные черты заметны уже в ранних портретных композициях, таких как «Ковровщица» (1966), «У родника» (1969), «Портрет старого партизана Барсанукаева Ибрагима» (1967), «Мать партизана» (1968), «Мюриды революции» (1969), где чувствуется стремление автора передать трепетное отношение к своему народу, его истории. Действительно, в этих работах наиболее ярко выражена искренняя любовь к землякам, людям своего родного края, являющаяся отражением этнической ментальности. Художник ищет глубинные национальные корни, познает их через мироощущение, выражает подлинное отношение человека к своей земле.

Так, например, этнические маркеры закодированы в картине «Мать партизана», созданной в 1969 г. (рис. 2). Хрестоматийное полотно художника – символ жизнестойкости самобытной культуры чеченского народа. Живописец создает поясной портрет чеченской матери. На картине нет ничего лишнего, отвлекающего от образного восприятия. Перед зрителями предстает портрет пожилой чеченской женщины с покрытой головой, сидящей на скамье после рабочего дня. Глубоко и значительно выражение лица героини, чей крутой нрав и твердый характер подчеркнуты символично закрытым задним фоном комнаты.

Рис. 2. Ш.А. Шамурзаев. Мать партизана, 1969

Силу труженицы, матери героя демонстрирует открытый взгляд, выражающий уверенность в завтрашнем дне. Здесь нет аффектации перенесенных страданий и горя, как это было в ранней работе «Ковровщица». Величавость и горделивость матери партизана Ш. Шамурзаев подчеркивает покрывающей волосы шалью темного цвета и особой манерой ее ношения. Фоном становится помещение *ненан ц1а* – комната матери (или кухня). Об этом свидетельствует традиционные предметы быта, заполняющие задний фон: они также составляют важнейший элемент в раскрытии содержания портрета.

Мастер сознательно прибегает к несколько монохромному колористическому решению, чтобы убедительнее раскрыть характер своего персонажа. Зрелость, самодостаточность, трудолюбие портретируемой художник иллюстрирует положением умелых, натруженных рук, горделивой посадкой головы, несгибаемой позой героини. Кроме того, пластическое изображение рук создает ощущение возможных действий: мать готова защищать, охранять, оберегать то, что для нее дорого и составляет смысл ее жизни.

Можно сказать, что на полотне представлен самый почетный статус чеченской женщины (чеч. *х1усамнана*) – мать семейства, защитница своего дома, семьи, огня; хозяйка дома, жилища; хозяйка огня (чеч. *ц1ийна нана*).

Следует согласиться с мнением искусствоведа В.Н. Калинкина, который видит в живописных работах Ш. Шамурзаева «национальный характер и психологию». Также необходимо отметить, что данная работа созвучна знаменитой картине С.А. Герасимова «Мать партизана» (1943–1950 гг.). Сходство наблюдается не только в названии, но и в целостном образе матери-защитницы, которая отправила сына на войну и готова с достоинством принять боль и страдания во имя своей родины [4]. В одноименных работах воплощается национальный характер, исторический секрет его стойкости и выносливости, переданные через образ Матери.

Национальная и религиозная проблематика в духе «сурового стиля» находит проявление в картине Ш. Шамурзаева «Мюриды революции». На историческом полотне воссоздана трагическая обстановка Гражданской войны, поданная необычным образом. Метафорический смысл картины подчеркнут знаковыми деталями, а о «суровости стиля» свидетельствуют монументальность исторических персонажей, их укрупненность и подчеркнутая роль в исторических событиях.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что основная тема «сурового стиля» была активно подхвачена чеченскими художниками, которые с гордостью и трепетом воспевали своих земляков и величие природы. В творчестве живописцев обнаруживаются согласованность, приметы нового направления в искусстве, единство нравственных потрясений от пережитых трагедий. Сознательно подчеркивая суровость реальной жизни,

профессиональные художники вносят в свои полотна этнические элементы, используя национальные архетипы.

Анализ рассмотренных произведений позволяет заключить, что в творчестве чеченских живописцев «сурового стиля» обнаруживается художественный диалог; общим для них является рефлексия этнокультурных аспектов в реализации образно-смысловых концепций, стремление приобщиться (и приобщить аудиторию) к непростым страницам чеченской истории, по-новому раскрыть их суть.

В основе творчества первых профессиональных художников-шестидесятников лежит глубокое погружение не только в историю искусства, но и в философию бытия. В данном контексте национальная особенность чеченского искусства проявляется в том, что оно не оторвано от своих истоков. Этнические константы, вокруг которых кристаллизируются традиции, позволили чеченскому народу адаптироваться к сложившимся условиям, бережно сохраняя собственную картину мира. В произведениях чеченских художников, относящихся к «суровому стилю», раскрывается особый характер интерпретации реального мира, несущей элементы народной философии.

Источники и литература

1. Асуханов Аманды Абасович: живопись, графика: каталог / авт. вступ. ст. и сост. Р.А. Алероева. Грозный, 1986.

2. *Бойцова Т.И.* Изобразительное искусство Чеченской Республики. Грозный, 2018.

3. *Ковалева С.В.* Онтология искусства: идеальность, предметность, смыслообраз // Национальные приоритеты России. 2015. № 1 (15). С. 15–21.

4. Описание картины Сергея Герасимова «Мать партизана». URL: https://muzei.club/mat-partizana (дата обращения: 18.07.2023).

5. *Смирная Л.В.* Проблема национального в искусстве «сурового стиля» и украинского нонконформизма // Современные тенденции развития изобразительного, декоративно-прикладного искусств и дизайна: периодический научный журнал / Отв. ред. М.С. Соколова, М.В. Соколов. Вып. 12. М.; Магнитогорск, 2015. С. 34–42.

6. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и «времени» в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 81–258.

7. *Хамзатова З.Р.* Чеченская живопись в 1960–1980-е гг.: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. Грозный, 2023.

8. Шамиль Шамурзаев. Каталог выставки произведений / сост. В.Н. Калинкин. Грозный, 1980.

Л.Т. Агиева

ГОСТЕВОЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КАК ОДИН ИЗ САМЫХ АРХАИЧНЫХ ПО СВОЕМУ ПРОИСХОЖДЕНИЮ

Обычай гостеприимства в ингушском обществе, как и у всех народов Кавказа, зародился в древности и получил широкое распространение. В период разложения первобытнообщинного строя он «приобрел особое значение как универсально распространенный механизм преодоления племенной замкнутости и облегчения межплеменных контактов» [15: 75–76].

Многие кавказоведы в дореволюционный, советский и современный периоды писали о том, как ревностно соблюдают обычай гостеприимства народы Кавказа, в частности ингуши. Так, известный исследователь Б. Далгат сообщает: «Институт гостеприимства развит в ингушском обществе повсеместно и не меньше, чем у соседних горских народов – чеченцев, дагестанцев, осетин и др.» [4: 312].

Иностранные путешественники, дороги которых пролегали через эти земли, изучавшие культуру и историю разных народов, также упоминали гостевой институт. Однако дальше простой констатации факта его функционирования в традиционном быту того или иного этноса и описания соответствующих этикетно-ритуальных действий дело не шло [9]. Научное обоснование истории обычая, связанного с приемом гостей у кавказских народов, изложено в трудах Б.Х. Бгажнокова, В.К. Гарданова, Ю.В. Ивановой, А. Мальсагова, Р.У. Туганова, А.И. Мусукаева и др. [1: 4; 7]. Новый уровень в изучении проблемы возможен только на основе обобщения кавказского материала, выявления социальных функций обычая гостеприимства, определения его места в ционнормативной культуре традиционных обществ Северного Кавказа.

В XV – начале XVI в. итальянец Джорджио Интериано писал об ингушах: «Вообще у них в обычае гостеприимно и с величайшим радушием принимать всякого. Хозяина и гостя они называют “конак” // “кунак” // “друг”. При отъезде гостя хозяин провожает “кунака” – чужестранца до другого гостеприимного крова, охраняет его и, если потребуется, то отдает за него жизнь» [8: 50]. Примеров подобного рода множество, и иногда они почти слово в слово повторяют, что для народов Кавказа: гость – очень почитаемый человек.

Действительно, для ингушского общества гостеприимство (*хьаьша-да ларх1ар)* является неотъемлемой частью морально-этического кодекса (*эхь-эздел)*. Отечественный ученый А.Х. Танкиев писал, что ингушские

представления о гостеприимстве давно переросли в строго разработанный кодекс красивого поведения (*хоза г1улакх*), регламентирующий поступки как хозяина дома (*ц1ен-да*), так и гостя (*хьаьша*). Отступление от этой нормы считалось некрасивым, недостойным поведением [17]. Ингуши в связи с этим говорят о гостях: «Хозяин должен услужить (обслуживать) гостя, а гость не должен злоупотреблять этим». В каждом кавказском доме, в том числе ингушском, была отдельная гостевая комната, включающая отдельную еду и хорошую постель для гостей.

Кавказское и, в частности, ингушское гостеприимство (куначество) ставит всякого, кто к нему прибегает, в полную защиту от всякого рода насилия. Во-первых, хозяин защищает гостя при любых обстоятельствах своей жизнью и жизнью своих близких: «за убийство или оскорбление гостя они мстят, как за смерть кровного родственника» [14: 221]. Хозяин дома был обязан оберегать гостя от любых преследователей и опасностей, пока тот находится с ним, даже если он его кровник – право кровной мести на гостя не распространяется. Оно вступает в силу с того момента, как гость покидает дом или территорию хозяина (собственника). В прошлом благодаря этому священному институту была спасена не одна человеческая жизнь, когда человек, преследуемый за какие-либо преступления, обращался к тому или иному хозяину, чтобы быть принятым в качестве гостя. Хозяин дома, защищая своего гостя и заботясь о его благополучии, не только отвечал за его безопасность и нес моральную и юридическую ответственность за него, но тем самым еще и защищал честь и достоинство своего рода, села, племени. Он также от их имени отвечал перед тем народом, фамилией, к которым принадлежал его гость. Во-вторых, важно отметить, что гостевой закон распространяется на любого человека, независимо от национальности, пола, возраста, политических убеждений, религиозных верований.

Таковы основные принципы ингушского, как и в целом кавказского гостеприимства, без которых этот институт теряет всякий смысл. Меры наказания за нарушение названных важнейших правил в древности были очень суровыми, при этом наказывали и осуждали представители своего же рода, а не чужие. Отличаясь в деталях, обычай гостеприимства был един у всех народов Кавказа, а главной и самой архаичной его чертой было правило, согласно которому хозяин должен был предоставить кров, угощение и защиту любому человеку, в том числе и чужому (незнакомому), переступившему порог его дома. Этот социальный институт проявил замечательную стойкость в сохранении основных традиционных черт, что способствовало сохранению популярности этого обычая в традиционном обществе. На наш взгляд, навыки, правила, проверенные временем и так или иначе закрепленные в сознании и повседневной практике и проявляющиеся затем в знаниях, поступках, действиях, поведении людей, заслуживают особого внимания.

Если исходить из того, что образ жизни народа является выражением достигнутого уровня культуры, то социальные институты и культура всегда находятся в тесной диалектической взаимосвязи. Через эти институты регулировались взаимоотношения людей, вырабатывались стандарты мышления народа, проявлялся их образ жизни. Сам же обычай гостеприимства является показателем не столько уровня экономической жизни народа, сколько прежде всего его воспитания и знания этикетных установок своего этноса. Соблюдая этические нормы для гостя, люди опосредованно показывали свое отношение как человеку своей культурной среды, так и человеку другой культуры, проявляя заботу о его благополучии и безопасности. Несомненно, содержание данных общественных институтов всегда соответствовало социально-экономическим условиям общества, при которых оно функционировало.

«Гостеприимство – добродетель, свято почитаемая древними, – сохранилась до наших дней на Кавказе», – писал в 1859 г. Л.Я. Люлье [12: 33]. Привычка рассматривать торговлю пищей или продовольствием как позор обеспечивала путника или путешественника безвозмездными припасами, а приобретаемые и приносящие взаимные выгоды знакомства могли заложить основу гостеприимства, которое наконец стало добродетелью народа, и эта священная добродетель укоренилась в домашнем быту горцев.

В условиях сохранения кровного родства гость сохранял свой статус не только в доме одного конкретного человека, но и для всей семейно-родственной группы, а в случае необходимости интересы гостя защищала вся община. В тех случаях, когда хозяин дома не мог в силу материальных обстоятельств встретить гостя наилучшим образом, он обращался за помощью к родственникам, соседям и просто односельчанам. Однако последние не всегда дожидались просьбы о помощи: зная материальные возможности хозяина, они незаметно доставляли в его дом всё необходимое.

Существуют разные мнения о происхождении обычая гостеприимства. Согласно наиболее распространенным из них, причиной появления такой практики является сложность и опасность перемещения в регионе в историческом прошлом. «Слабое развитие путей сообщения, – отмечает Д.Е. Еремеев, – опасности, окружающие путника/путешественника повсюду, – всё это вырабатывало особые правила взаимопомощи и гостеприимства, которые свято соблюдаются простым народом и по сей день» [5: 99]. «Опасные тяжелые горные дороги, отсутствие общественных и частных учреждений в виде гостиниц или, по крайней мере, постоялых дворов породили молчаливый, как бы негласный договор, суть которого заключается в обязательной, внимательной заботе домохозяина о возможном удобстве и безопасности гостя, раз таковой приехал к нему» [16: 104], – читаем у В.П. Пожидаева.

Л.Я. Люлье в гостеприимстве, в этом «чудесном украшении человечества в эпоху варварства», видел главным образом реализацию права на защиту и покровительство [12]. С.М. Броневский выводил распространение обычая из образа жизни странствующих рыцарей [2: 130], существует также религиозно-магическая концепция внутренней сущности гостеприимства [10: 74].

Пожалуй, все эти и им подобные точки зрения в принципе вполне приемлемы и рациональны и, если даже несколько грешат в отношении определения времени возникновения обычая, то, безусловно, имеют право на существование при выявлении этноспецифических и стадиальных ориентиров этого института. Естественно, что такой обычай не мог не перерасти (предположительно – на самых ранних этапах бытования) в морально-этическую категорию.

Большинство исследователей, таких как Э. Тейлор, Г.Ф. Чурсин и др., считают, что, получив свое становление и дальнейшее развитие на ранних этапах общественного развития общества и обслуживая жизненные интересы этого общества [13: 34], обычай в последующие эпохи, удаленные от нас тысячелетиями, стал выражением общечеловеческих универсальных понятий о нравственных началах.

Однако надо полагать, что обычай развивался, наполнялся содержанием и обретал институциализированные черты особенно с периода становления производящего хозяйства, обособления земледелия и скотоводства, а в последующем – домашних промыслов и ремесла, художественной специализации и, как результат этих сложных процессов, развития обмена и торговли. Именно с развитием торгово-обменных операций и интенсификацией соответствующих связей обычай гостеприимства и куначества обрел ту законченную, классическую форму, которая с некоторыми изменениями и этноспецифическими чертами дошла до поколений людей Нового и Новейшего времени. «Верность долгу гостеприимства, – писал Н.Ф. Яковлев, – еще сохранялась у ингушей с тех давних времен, когда этот обычай был единственным средством укрепления и развития торговли и отношений между отдельными племенами» [18: 25].

Локальные нормы адатов основывались на специфических особенностях производственных и внепроизводственных отношений, вносили свои коррективы в дополнение стандартов коммуникативного поведения и, следовательно, имели выход на особые этикетные принципы. Например, у балхарцев человек, вольно или невольно причинивший ущерб приезжему посетителю, гостю, компенсировал утрату в троекратном размере, да еще и платил значительный штраф в казну джамаата. Человек, умышленно обидевший гостя, в течение девяти дней не допускался в пятничную мечеть, всё это время он не имел права приветствовать односельчан традиционным «ассаламу 1алайкум» [11: 232].

В определенное времена горское гостеприимство приобрело и широкий политический смысл. «Гонимые царской администрацией, угнетенные люди разных национальностей находили приют и гостеприимство у сочувствующих им горцев. Гость – для них священный человек», – писал в свое время Н.Ф. Грабовский [3: 16]. Географ Н.К. Зейдлиц сообщал о горском гостеприимстве: «Приезжего в аул русского гостя все почтенные жители приветствуют рукопожатием, отъезжающего часто провожает почтенная хозяйка, желая ему счастливого пути» [6].

По сути, единственным источником информации на Кавказе в дореволюционный период был гость. По прибытии он сообщал интересные новости об увиденном и услышанном в дороге, а также мог многое рассказать о жизни в других местах, поэтому приезд незнакомца в село в прошлом вызывал большой ажиотаж и волнение у жителей. Интерес к гостю повышался, если он был представителем другого этноса, в этом случае объем информации значительно расширялся, давая возможность познакомиться с явлениями и событиями иной культуры и образа жизни.

Таким образом, сами социально-экономические условия жизни разных народов создавали объективную необходимость для возникновения того или иного обычая или традиции. Так на протяжении веков создавались и сохранялись основные черты культуры этого народа, которые, в свою очередь, приспосабливались и адаптировались к новым историческим условиям, но многие из них сохранили свой первоначальный смысл и остаются неотъемлемой частью народной культуры, какой в данном случае является институт гостеприимства.

Источники и литература

1. *Агиева Л.Т.* Ингушское гостеприимство. Назрань, 2015.

2. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

3. *Грабовский Н.Ф.* Ингуши: их жизнь и обычаи // Сборник сведений о кавказвских горцах. Тифлис, 1876. С. 11–18.

4. *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929.

5. *Еремеев Д.Е.* На стыке Азии и Европы: очерки о Турции и турках. М., 1980.

6. *Зейдлиц Н.К.* Поездка в Чечню, к верховьям Аргуна, в Ичкерию и через Хасав-юрт вверх по Тереку до Моздока // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1873. Т. 2. № 4. С. 133–144.

7. *Иванова Ю.В.* Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа // Балканские исследования: проблемы истории и культуры / отв. ред. Г.Л. Арш. М., 1976. С. 231–238.

8. *Интериано Д.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 46–52.

9. *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1986.

10. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении: первобытная мифология. Мифический мир австралийцев и папуасов. М., 1937.

11. *Лугуев С.А.* Культура поведения и этикет дагестанцев. XIX – начало XX века. Махачкала, 2006.

12. *Люлье Л.Я.* О гостеприимстве у черкес // Кавказ. 1859. № 7. С. 33.

13. *Морган Л.Г.* Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.

14. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1974 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 215–224.

15. *Першиц А.И.* Традиции и культурно-исторический процесс // Народы Азии и Африки. 1981. № 4. С. 69–84.

16. *Пожидаев В.П.* Горцы Северного Кавказа. М.; Л., 1926.

17. *Танкиев А.Х.* Духовные башни ингушского народа: сборник статей и материалов о народной культуре. Саратов, 1997.

18. *Яковлев Н.Ф.* Ингуши. М.; Л., 1925.

О.В. Мамедова

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ АБХАЗОВ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В современном осмыслении модернизации общества актуальным является вопрос о соотношении традиции и инновации. Естественная утрата некоторых элементов народной культуры привела к тому, что возрождаются лишь основные ее компоненты, а не вся она целиком. Рост глобальных коммуникационных связей вследствие миграций, развития туризма, средств массовой информации, современных технологий превращает мир в единое социальное пространство и ведет к потере национальной исторической памяти и утрате традиций [6: 99]. Наряду с этим, в качестве противовеса различным глобализационным процессам, растет потребность человека в отнесении себя к той или иной социальной группе – таким образом индивид не просто устанавливает свое место в обществе, но и познает себя [2: 40].

С.С. Алажева указывает, что «проблема традиций является ключевой в споре о путях развития человечества, о том, что… из них нужно оставить в прошлом и что взять с собой в будущее. Посредством понятий “традиция” и “традиционное” люди издавна выражали свое критическое отношение к отвергнутому прошлому и к… его лучшим чертам, сохранившимся неприкосновенными» [1: 86].

Всякий народ, заботящийся о будущем, бережет свои традиции, стремится к использованию богатейшего опыта предыдущих поколений. С насаждением новых культурных образцов Запада сегодня кавказская традиция проходит испытание на прочность [10: 112–113]. Многое из наследия предков, например свадебной обрядности, существует только в статьях и монографиях. Назовем имена таких исследователей, как Ш.Д. Инал-ипа («Абхазы» [4], «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» [5]), Г.Ф. Чурсин («Абхазы: опыт этнологического исследования» [11]), С.Т. Званба [3], Н.С. Патейпа («Свадьба в Абхазии» [9]). Знание бытовавших в прошлом форм брака того или иного народа необходимо, в частности, для правильного понимания реалий, существующих в настоящем.

Свадьба – важный момент для каждого человека. Это ритуал, знаковое событие и праздник. Он является началом новой семейной жизни двух людей. В предлагаемой читателю статье на материале опубликованных исследований абхазской свадьбы и собственных полевых материалов, собранных автором, будут рассмотрены основные этапы этого обряда и показаны пути его трансформации.

Брачно-семейный институт абхазов сохранил до нашего времени немало черт более или менее ранних и наряду с этим переродившихся общественных форм. Как у всех кавказских горцев, у абхазов обычай и скромность не позволяют молодым людям говорить родителям и родственникам о женитьбе, самому искать невесту и объясняться с ней [3: 27].

В области брачных отношений абхазы придерживаются правил экзогамии: лица, принадлежащие к одной фамилии, не могут вступить в брак, даже находясь в отдаленных степенях родства. Проф. Ш.Д. Инал-ипа пишет о нарушителях правил экзогамии следующее: «Кровосмеситель, считавшийся самым беспечным человеком (*Амаҳагьа*), сурово наказывался. В с. Эшера на почве кровосмешения произошел следующий случай. Двое молодых, принадлежавших к одному абхазскому роду, полюбили друг друга и тайно встречались по ночам в доме девушки. Однажды, узнав об этом, родной брат девушки ранним утром подстерег любовника, пытавшегося незаметно уйти, остановил его выстрелом, убил на месте. Потом пошел к сестре и на ее вопрос: “Что за выстрел?”, он бросил ей негодующие слова: “Я убил собаку!” – и прибавил: “Умри и ты”. Раздался второй выстрел, и единственная сестра упала замертво» [5: 308–309].

Этнологическому абхазоведению известны три формы заключения брака: *амаӷарсра* – похищение, *мазала* – тайно и *аргама* – гласно. Любая из них начинается со смотрин – *аҧхәысбара*.

Мотивы похищения невест могли быть разные: экономические, психологические, социальные и др. Например, несогласие на брак родителей невесты или жениха, а также самой девушки. В настоящее время чаще всего встречается мотив сокращения свадебных издержек или, по крайней мере, их отсрочки в результате похищения или совместного сговора.

Похитив девушку, молодой человек для того, чтобы добиться примирения с ее родителями, иногда являлся с ней к влиятельному лицу, ища покровительства. Похититель обращался к нему со словами: «Сыхьзгьы сыхьмырзгьи унапы иануп» (букв.: ‘Моя слава и мой позор в твоих руках’). Тот, по долгу гостеприимства, старался уладить дело и вел переговоры с родителями девушки. Обычно всё заканчивалось миром. Но иногда родители девушки отказывались от примирения и требовали возвращения дочери. Оскорбленный молодой человек уходил в лес и мстил своим обидчикам, так возникала кровная месть [11: 208].

Как было упомянуто выше, ритуалам гласных форм брака предшествовали смотрины (*аҧхәысбара*). В одном из вариантов молодой человек со своими друзьями посещал дом девушки – предполагаемой невесты. Это происходило под вечер, поскольку, следуя законам гостеприимства, запоздалых гостей хозяева принимали, не спрашивая, кто они, откуда и куда направляются. Молодые абхазки выполняли в доме функции прислуги, и поэтому желающий жениться легко мог видеть избранную родителями невесту [3: 28]. После таких смотрин по старинному обычаю отец или другой старший родственник жениха приезжал с подарками к родителям невесты. Получив согласие родителей девушки, все поднимали бокалы за здравие и счастье будущей четы.

Перед отъездом из дома невесты представители жениха оставляли газырь с пулей и зарядом пороха и стреляли в воздух. Этот обычай, известный под названием «бросание пули» (*ахкаршра*), служил выражением состоявшегося договора. Пуля символизировала месть в случае отказа от свадьбы.

Разновидностью обрядов, относящихся к гласным способам оформления брачного союза, является «люлечное обручение» (*агарацакуара*) – соглашение родителей разных фамилий о браке своих детей. Заключалось оно иногда даже до или в сам день рождения детей. Это делалось с целью увенчать родством дружественные отношения родителей, а дети, подросши, вынуждены были соглашаться на брак, так как отказ одного из них был чреват неизбежной местью. При таком обручении в знак договоренности на ручках люлек делались надрезы, причем от имени жениха в изголовье невесты клалась пуля с порохом, которая также служила залогом исполнения договора [4: 47].

Завершающим этапом всего брачного цикла является свадьба – ачара. Вся свадебная обрядность была пронизана древними магическими действиями, направленными на предохранение жениха и невесты от враждебных сил и обеспечение благополучия новой семьи. Таковыми были стрельба из ружей при перевозке невесты, прохождение ее под скрещенными кинжалами и пр. (апотропеическая магия), осыпание ее символизирующими изобилие сладостями (магия плодородия) и монетами или сажание ей на колени ребенка (магия подобия) и т.п. Следует подчеркнуть, что приведенные выше воззрения свойственны не только абхазам. Схожие обряды, имевшие магическое значение, зафиксированы и у других народов Кавказа [12: 133–134]. В день свадьбы девушка, не говоря парню, завязывала нитку, чтобы уберечь суженого от порчи, со словами: «Будь “завязан” до тех пор, пока я сама не развяжу этот узел».

В старину гости пировали под открытым небом, если погода позволяла, или в крытом кукурузной соломой помещении. Во втором случае свадебный пир проходит под специально построенным за день-два до этого навесом, под которым на всю длину в несколько рядов тянутся столы с разнообразными блюдами и напитками. За трапезу садятся после ритуального омовения рук, определенного обычаем старшинства.

Во время свадебного застолья обязательными являются следующие тосты:

1. Молитвенный зачин.
2. Благословение невесты и жениха.
3. За принимающих гостей (хозяев).
4. За тамаду.
5. За народ.
6. За жениха и невесту.
7. За родителей невесты.
8. За родителей жениха.
9. За подружку невесты.
10. За родителей.
11. За округу (поселок).
12. За старшего из гостей.
13. За старшего из хозяев.
14. За почетных гостей.

Тосты 1, 2 и 3 в свадебном застолье объединяются в один, где стандартные обращения к Богу сочетаются с благословением молодых. Этот тост называется «тост держащего сердце и печень». Согласно ритуалу, его произносит только старейший из присутствующих. Остальные этот тост не повторяют, а одобряют возгласом «Амин». Порядок других тостов определяется тамадой, то есть строго не фиксирован.

После того как все выпьют за кого-либо из присутствующих на свадьбе (например за почетного гостя, за старшего в семье жениха и т.п.), этот человек обязан произнести благодарственный тост.

Брак у абхазов был связан с целой системой табуирования во взаимоотношениях супругов как между собой, так и с родственниками каждого из них. Из брачных запретов прежде всего следует вспомнить скрывание молодых от старших с момента обручения и до завершения всех свадебных обрядов. В числе наиболее стойких запрет, связанный с разговором и именами (*ахьзшьара*), бытующий и сегодня. Муж и жена в присутствии третьего лица никогда не должны были произносить имен друг друга, невестка не говорила имен свекра и свекрови и вообще всех старших родственников мужа, который, в свою очередь, не называл по имени своего тестя и тещу [4: 324–325].

Невестка (*атаца*) не имела права без особого разрешения говорить со старшими. Здесь старчество играет значимую роль: чем старше человек, тем больше ему почета. Абхазская невестка десятки лет могла прислуживать старшим в роду, не разговаривая с ними.

В настоящее время невестка со свекровью начинает разговаривать практически сразу после свадьбы с разрешения свекра. В отношении последнего в большинстве случаев разговорный запрет хотя бы какое-то время соблюдается (в Гудаутском районе – нередко в течение года, а порой и многие годы и десятилетия). Если деверь старше невестки на два – четыре года, невестка может начать с ним разговаривать, если тот ее попросит.

По свидетельству О.В. Маана, «невестки из Гудаутского района, даже оказавшись в более “либеральной” Абжуйской Абхазии, тем не менее не отказываются от привычных им порядков» [7: 111]. Для иллюстрации можно привести следующий пример. В с. Члоу зафиксирован случай, когда в одной семье, где было четверо братьев (с родителями оставался жить младший сын), две невестки – жены старшего и младшего – были из Абжуйской, а еще две – из Бзыбской Абхазии. Невестка старшего брата уже 13 лет не разговаривала со свекром, младшая невестка была замужем 6 месяцев и не начала разговаривать ни со свекром, ни со старшими деверями, хотя свекор уговаривал ее сделать это. Невестки же из абжуйских сел соблюдали этот обычай в течение краткого срока – от одного до трех лет [7: 111].

Современная молодежь с удивлением слушает рассказы пожилых женщин о том, что еще в 1950–1960-е гг. невестка не могла лечь спать раньше старших членов семьи. Всё время застолья она должна была стоять на ногах с кувшином вина (даже поставить его она не имела права, не говоря уже о том, чтобы самой присесть), следить за порядком тостов и подливать вино по мере необходимости. Всё это ушло в прошлое. Такие традиции, как перемена имени невестке, уже практически не встречаются, хотя об этом

хорошо помнят люди старшего поколения (невестке давали новое имя, если ее собственное совпадало с именем свекрови или другой старшей родственницы мужа и т.п.).

Таблица 1. Традиции и современность проведения свадебных обрядов у абхазов

Традиции	**Современность**
Насильственное похищение невесты	Постепенно исчезают из быта обычаи насильственного похищения девушки так же, как и «люлечное обручение», «бросание пули»
«Люлечное обручение», «бросание пули»	
Обычно свадьба проводилась во дворе дома под открытым небом, в ночное время суток	Сейчас для проведения свадьбы используются банкетные залы
Выводя невесту из дома, накрывали ее голову темным (черным) шарфом	В настоящее время невеста более активна: существует традиция разбивания невестой тарелки при входе в дом жениха. Считается, что, если взять эти осколки, это приносит счастье
В прежние времена для оповещения о предстоящей свадьбе жених с товарищем объезжал селение. Жених оставался чуть поодаль, а товарищ сообщал людям о предстоящем мероприятии	Новым элементом свадебной обрядности стали письменные, празднично оформленные приглашения
При входе невесты в брачный домик *амхара* два молодых человека держали над ее головой кинжалы, ударяя ими по притолоке двери	Ныне при входе невесты в дом так же, как и раньше, два молодых человека держат над ее головой скрещенные кинжалы
В числе наиболее стойких запрет, связанный с разговором и именами (*ахьзшьара*), бытующий и сегодня. Абхазская невестка десятки лет могла прислуживать старшим в роду, не разговаривая с ними	Запрет на общение с новыми родственниками и произнесение их имен сохраняется и сегодня. Современная молодежь с удивлением слушает рассказы пожилых женщин о том, что еще в 1950–1960-е гг. невестка не могла лечь спать раньше старших членов семьи

В настоящее время, как мы видим (табл. 1), в свадебной обрядности происходят изменения. Из нашего быта постепенно исчезает оскорбительный для достоинства девушки обычай насильственного похищения. Сегодня уже мало кто помнит о бытовании у абхазов в прошлом таких обычаев, как «люлечное обручение», «бросание пули» и т.д. Если в старину знакомство молодых до свадьбы не играло никакой роли, их судьбу решали родители,

то в современной жизни абхазов браки, заключенные по договоренности родителей молодых, крайне редки. Молодые люди от 20 до 25 лет знакомятся в различных учебных заведениях, местах культурно-массовых развлечений, по телефону и интернету, а добрачные знакомства людей в возрасте 30–35 лет и выше часто происходят в результате преднамеренных действий со стороны родных или друзей, желающих таким образом оказать помощь в выборе невесты. Современный брак у абхазов основывается преимущественно на взаимной симпатии молодых людей. Если даже родители не согласны с сыном или дочерью, считая их выбор неудачным, и делают попытку вмешаться, право решающего голоса остается за молодыми. Хотя бывают и такие случаи, когда на этой почве возникают конфликтные ситуации между родителями и детьми. Но как бы там ни было, они в конце концов смиряются с выбором детей.

Итак, основные обычаи семьи и брака у абхазов отличались необычайной сложностью и налагали традиционные обязанности на молодых, создающую малую группу общества. Однако некоторые моменты обрядности приобретают современные значения в угоду модным тенденциям, подражание западным традициям. Это можно рассмотреть на примере приведенной выше сравнительной таблицы, составленной автором данной статьи на основе сбора полевого материала [8: 51] для создания квалификационной магистерской работы.

Источники и литература

1. *Апажева С.С.* Трансформация традиций народов Северного Кавказа: от прошлого к современности // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 2 (42). С. 86–92.

2. *Ечевская О.Г.*, *Раднаева А.В.* Национальная идентичность современной бурятской молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 3. С.40–49.

3. *Званба С.Т.* Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982.

4. *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухуми, 1960.

5. *Инал-ипа Ш.Д.* Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.

6. *Кумакова Д.Б.* Трансформация концепции феномена традиции в современном искусстве // Ценности и смыслы. 2016. № 6 (46). С. 99–105.

7. *Маан О.В.* Из истории семьи и семейного быта абжуйских абхазов (XIX – начало XX вв.) // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 101–117.

8. *Мамедова О.В.* Традиционная обрядность у абхазов. Квалификационная магистерская работа. Сухум, 2020.

9. *Патейпа Н.С.* Свадьба в Абхазии // Патейпа Н.С. Избранное. Сухуми, 1978. С. 11–17.

10. *Ханаху Р.А.* Северный Кавказ в свете проблем глобализации культуры // Кавказ & глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 2. С. 110–120.
11. *Чурсин Г.Ф.* Абхазы: опыт этнологического исследования. Сухум, 2019.
12. *Чурсин Г.Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.

Н.Г. Соловьева

ТРАДИЦИОННЫЕ ТАНЦЫ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КАЗАКОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Изучение традиционных танцев и музыкальных инструментов кубанских казаков актуально в свете сохранения культурного наследия нашей страны. В настоящей статье ставится задача выявления общих и специфических черт в танцевальном и музыкальном искусстве казачества Карачаево-Черкесии как группы кубанского казачества.

По гендерному типу исполнительного искусства танцы кубанских казаков делились на мужские и женские. Мужские танцы казаков Карачаево-Черкесии подчеркивали мужественность и удаль, отвагу, были жизнеутверждающими. Некоторые из них исполнялись с использованием боевого холодного оружия – сабель и кинжалов. Резкие движения рук, выпады в сторону в полуприсядке, движение на кончиках пальцев ног по кругу и другие жесты свидетельствовали о межкультурном танцевальном диалоге – частичном заимствовании элементов горского мужского танца. Их лаконичное включение в общий рисунок широкого русского мужского танца, который являлся основой традиционного танца кубанского казака, наделял его особым колоритом, придавал ему неповторимый танцевальным почерк. Как отмечает П.З. Фролов, «у линейных кавказских казаков особой популярностью пользовался танец “Лезгинка”, “Казачок”, у черноморцев – “Огненный гопак”» [1: 20].

Сопровождение традиционных мужских танцев кубанских казаков свистом, нетипичным для горцев аккомпанементом, как в такт музыки, так и в кульминационные моменты и при завершении их, свидетельствовало о славянских корнях танцевального искусства кубанских казаков. Традиционность свистового сопровождения музыкальных произведений казаков, в том числе и песен, видно из текста общеказачьей песни «Пыль клубится по дороге»:

Они едут близ станицы,
Свищут, песенки поют,
Жены, старцы и девицы
К ним на встречу все идут [1: 29].

Традиционные женские танцы кубанских казачек отличались плавностью и широтой движений, которые входили в общий рисунок танца, эмоционально наполняли его. Многие шуточные танцы казачек отличались внутренним разнообразием. Громкая ножная дробь, выкрики в ходе песенного сопровождения танцев следующих типичных фраз: «Ой, да!», «Ох!», «Ух!» и др., с одной стороны, подчеркивали эмоциональную составляющую танца, а с другой – говорили о веселом нраве кубанской казачки и определенном напоре в отстаивании своих взглядов. Телесные проявления, в частности жестовое сопровождение, вкупе с музыкой свидетельствовали о бойком и сильном характере казачки, а также о нежности и материнской заботе. Этнокультурной особенностью женского танца казачек Карачаево-Черкесии было исполнение дроби в конце любого танца.

Традиционные танцы кубанских казаков, вне зависимости от гендерной дифференциации, были нацелены на соперничество в искусстве телесного выражения чувств. Начинаясь с показательного элемента, например, выхода вприсядку в мужском казачьем танце или круговых движений в сочетании с ножной дробью в женском казачьем танце, они постепенно, по нарастающей переходили в «танцы-соперничество» – соперничество в удали у казаков, легкости, игривости и напоре у казачек. Данная форма танцевального искусства была не только широко распространена среди кубанского казачества, но и указывала на его тип в целом, являлась этнокультурным маркером казачества Карачаево-Черкесии.

Традиционные казачьи танцы сопровождались не только музыкой, извлекаемой посредством традиционных инструментов, но и голосовым исполнением песен. Казачья танцевальная музыка в основном представляла собой пласт традиционной казачьей песни с вкраплениями маршевых мотивов и музыкальных наигрышей. Нельзя сказать, что в части исполнительского искусства все традиционные танцы кубанских казаков были однотипны. Их разнообразие обуславливалось гендерным отличием исполнения и тематикой текстового содержания музыкального сопровождения – казачьих песен, определенным рядом технических средств воплощения телесного языка, которые многие поколения кубанских казаков перенимали у своих предков: выверенными жестами и пошаговым построением рисунка танца и др.

Традиционные танцы кубанского казачества делились на две основные группы: непосредственно традиционные и заимствованные у соседних народов, проживающих в непосредственной близости от поселений казаков. Традиционные танцы кубанских казаков были основаны как на традициях славянской культуры, выражавшихся в коллективных и парных танцах, так и на широко бытующих танцах русского населения Центральной России. Формирование танцевальной культуры у кубанского казачества проходило

и через процесс частичной адаптации некоторых танцевальных фраз и мотивов горского танца, их этнокультурной обработки и лаконичного вмонтирования в общий рисунок казачьего мужского танца. В конце XIX – начале XX в. казаками были усвоены и некоторые танцы рабочих заводских артелей и других специалистов, которые формировали свои танцевальные пристрастия в местах профессиональной деятельности, куда отправлялись и некоторые казаки на заработки.

Танцы кубанских казаков также классифицировались на коллективные, парные и сольные танцы. Коллективные танцы кубанских казаков были наиболее распространены среди всех его этнокультурных групп, в том числе и казаков Карачаево-Черкесии, что объяснялось общинной формой жизни, включающей и ее общее духовное наполнение, выражавшееся, в первую очередь, в коллективном отмечании религиозных и народных праздников, значимых событий жизненного цикла кубанских казаков.

Коллективные танцы, исполнявшиеся как на значимых мероприятиях календарного и жизненного цикла, так и во время досуга и отдыха от повседневных работ, объединяли и представителей одного казачьего рода, и всех жителей станицы и их гостей. Это был массовый пляс, часто не имевший строгого танцевального рисунка, что, однако, не приводило к хаотичным движениям. Он регулировался традиционным казачьим этикетом, который во главу угла ставил гендерное разграничение ролей, не позволяющее переходить определенные рамки морально-эстетических мироощущений, религиозных норм поведения, типичных для традиционного казачьего общества. Коллективные танцы кубанских казаков часто включали и другие виды танцевального искусства – парные и сольные танцы. При этом их последовательность строго соблюдалась. Один вид не пересекался с другим, а подчеркивал его и являлся своеобразным спусковым механизмом для последующего развития эмоционально наполненного впечатления от происходящих событий, его показа во всех оттенках танцевально-музыкального искусства. Музыкальное сопровождение коллективного свадебного танца состояло из наигрышей гармониста и часто переходило к песенному жанру, который включал шуточные песни и частушки. Ритм танца поддерживался разными средствами – игрой на деревянных ложках, трещотках и погремушках, а также хлопками в ладоши всех присутствующих лиц на торжестве. Иногда использовалась и балалайка, которая была привозным и нетипичным для казаков Карачаево-Черкесии музыкальным инструментом.

Апогеем коллективного свадебного танца кубанских казаков выступал сольный танец, который мог быть как женским, так и мужским. Он исполнялся близкими родственниками новобрачной пары в центе танцующего круга. Все участники танца расступались, освобождая место для широких круговых движений солистов танца. Женские движения состояли

из кружений вокруг своей оси, исполнения продолжительной дроби ногами по периметру круга, сопровождающейся полупоклонами, разводами рук, притопами и возгласами, типичными для быстрого женского танца кубанских казачек: «Ух, ты!», «Ах!», «Ой, да!» и др. Мужские движения отличались особой экспрессивностью, что выражалось в резкости движений рук и выпадах в сторону, высоких прыжках в шпагате, глубокой присядке с отводом рук. В коллективном свадебном танце в сольной его части часто исполнялся казачий мужской танец близкий горской лезгинке. Эксклюзивным, особо показательным и эстетически высоким был элемент исполнения мужской походки на согнутых пальцах ног в сочетании с прямо вертикально вытянутыми руками, поочередно сгибаемыми в локтях в такт музыкального сопровождения. Переплетение элементов классического русского, украинского и горского танца порождало незабываемую экспрессию и колорит мужского танца кубанских казаков.

Парные танцы кубанских казаков отличались особой легкостью исполнения, некой вольностью использования подручных средств танцевального искусства – применения на усмотрение конкретного исполнителя разных традиционных вариаций движений казачьих танцев. Но все эти элементы не выходили за рамки принятых движений указанного вида танца и выражали отношение данного лица к происходящим событиям, явно имеющим театральную составляющую. В парных танцах кубанских казаков прикосновения между казаками и казачками строго регламентировались.

Традиционные казачьи танцы сопровождались музыкой, извлекаемой из разных музыкальных инструментов. К традиционным музыкальным инструментам кубанских казаков относят клавишные, струнные и ударные инструменты местного кустарного производства и самодельные духовые инструменты – разнообразные дудки и пищали. Главным и наиболее значимым из них для кубанских казаков следует признать гармонь. Отличительной чертой игры на ней была доступность женского и мужского исполнения. Хотя приоритет отводился казакам, но при большом желании казачки ей также позволялось играть на гармони, принимать участие в массовых праздниках в качестве главного музыканта, работа которого традиционно оплачивалась денежными подношениями или подарками – отрезами ткани, платками, кулинарными изделиями и домашней птицей. При этом публично на гармони, согласно казачьим традициям, в том числе и негласным этикетным нормам, могли играть исключительно замужние женщины среднего возраста, имеющие двух и более детей. Их участие в качестве гармонистов допускалось представителями рода мужа, а также самим супругом.

Значительная роль гармоники в формировании музыкально-фольклорной традиции казачества современной Карачаево-Черкесии заключалась с одной стороны в том, что она заменяла собой целый ансамбль

инструментов и по силе звучания выступала многоголосной фактурой. С другой – она более подходила к исполнению музыки, чем песни. Тем самым гармоника заняла свободную нишу в области танцевальной музыки, которая постепенно приобрела огромную популярность [3: 159].

Для свадебной обрядности кубанских казаков было типичным совмещение ролей тамады и гармониста, что, в свою очередь, позволяло оформлять обрядово-ритуальные действия в театрально-музыкальную оболочку, явно акцентируемую в данном ритуале. Словесное повествовательное ведение обрядов сопровождалось как наигрышами, так и обязательной казачьей песней простой стихотворной формы. Этот этнокультурный прием подчеркивал важность мероприятия, участие указанных лиц в нем, определял последовательность действий и эмоционально настраивал на них, выступал катализатором и являлся значимым элементом кульминационного ряда происходящих событий. «Казачья свадьба являлась не чем иным, как игрой большого количества участников по установившемуся вековому сценарию, и само название говорило об этом – “сыграть свадьбу”, там не было наблюдателей, а все являлись участниками» [1: 20]. «Сама свадьба превращалась в веселый праздник. Разукрашенные повозки с гостями, друзья и подружки молодых, выкуп невесты, подарки и прочие атрибуты свадьбы растягивались на несколько дней. Гуляла вся станица. Любой желающий мог зайти на праздник, и ему все были рады» [4: 149].

Музыкальное сопровождение казачьих танцев осуществлялось при помощи ударных инструментов: разных по размеру и звучанию барабанов, деревянных трещоток, выполненных самостоятельно казаками. Ударные – самое многочисленное семейство среди всех музыкальных инструментов. Звук из них извлекается ударом или тряской (покачиванием). При этом использовались разнообразные устройства, в частности палочки, которыми производилось воздействие на звучащее тело: металл, дерево и др. [2: 1295]. У кубанских казаков было принято извлекать звук из барабана ударами пальцев рук и ладоней. Иногда, при подбрасывании вверх и перевороте небольшого или малого по размеру барабана, исполнитель-казак мог ударять его боковую часть или само полотно локтем, что также издавало заданный музыкальным произведением звук – резкий, относительно громкий, но при этом приглушенный. Такие музыкальные кульбиты казаки-ударники производили нечасто, в основном при проявлении особой экспрессии или при исполнении ими же некоторых танцевальных па, предусматривающих одновременную игру на барабане.

Широко распространена была трещотка – народный музыкальный инструмент-идиофон, имитирующий хлопки в ладоши. Трещотки кубанских казаков представляли собой целый ряд всевозможных приспособлений. Традиционно у казаков Карачаево-Черкесии бытовал следующий вид

инструмента: несколько деревянных тонких щепочек или дощечек длиной 20–25 см, скрепленных между собой поочередно бечевой в виде своеобразного веера, прикреплялись вертикально к круглой в сечении палочке длиной 35–40 см, имеющей сверху по периметру резьбу с выемками. При верчении реечек рукой музыканта по кругу на указанном стержне они, попадая в сделанные мастером углубления, так называемые пазы, издавали треск, который и являлся шумовым сопровождением музыкального произведения кубанских казаков.

Трещотку-погремушку делали следующим образом: небольшую тыкву в виде груши сушили на солнце, предварительно извлекая из нее мякоть и семена. Затем в небольшое отверстие, расположенное у ее основания, засыпали зерно или горох. Его заделывали смолой или пчелиным воском. Такой своеобразный сосуд издавал звуки при потряхивании рукой. Наполненная горохом погремушка сопровождала музыку громким стуком, напоминающим перекат камушков в воде, а наполненная зерном – звуками, ассоциирующимися с шелестом листвы.

В конце XIX в. у казаков Карачаево-Черкесии существовало своеобразное разделение на благородные и простонародные музыкальные инструменты. К первым относили те, игра на которых требовала определенных навыков и хорошего музыкального слуха (гармонь и др.), ко вторым – инструменты, легкие в обращении, то есть требующие не музыкальных навыков, а лишь чувства ритма и знания правил вступления и выхода из музыкального произведения (трещотки и т.п.).

«Богатые казаки исполняли музыкальные произведения в основном при помощи гармони, барабана и вспомогательных ударных инструментов (трещоток и др.). Чаще всего они нанимали иногородних музыкантов для музыкального сопровождения крупных празднеств. Бедные казаки играли на самодельных музыкальных инструментах, в основном духовых (пищали, дудочки и др.), подручных предметах (сабле, пиле, бутылках и т.п.). Некоторые музыкальные инструменты вообще не использовались в казачьей среде (скрипки и др.)» [3: 159].

У кубанских казаков все мероприятия жизненного цикла с радостной праздничной составляющей, а также великие христианские праздники сопровождались игрой на традиционных музыкальных инструментах и песнями, а также танцами, оформившимися в рамках их традиционной духовной культуры. Традиционная танцевальная культура кубанских казаков являлась отражением их патриархальной, консервативной повседневности, которая, несмотря на это, не была лишена демократических начал (допуск казачек к игре на гармони, открытое проявление темперамента в момент исполнения танца). Традиционные танцы и музыкальные инструменты казаков Карачаево-Черкесии, являясь составными частями традиционной

духовной культуры кубанского казачества, характеризовали ее как славянскую культуру с вкраплениями культурных пластов других народов, с которыми казаки контактировали. Этот достаточно успешный сплав культур привел к особой этнокультурной маркировке указанной группы кубанского казачества, не выходя при этом за рамки общих тенденций развития музыкального и танцевального искусства Центральной России конца XIX в.

Источники и литература

1. Жемчужная слеза казачки / сост. П.З. Фролов. Краснодар, 2010.

2. *Риман Г.* Музыкальный словарь / пер. с нем. Б.П. Юргенсона. М.; Лейпциг, 1901–1904.

3. *Соловьева Н.Г.* Музыкальные инструменты черкесов в музыкально-фольклорной традиции казаков современной Карачаево-Черкесии // Евразийский союз ученых. 2015. № 1-3 (18). С. 158–160.

4. *Черников В.В.* Казачество в истории России. М., 2013.

Р.И. Сефербеков

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОБРЯДАХ ДАГЕСТАНСКИХ РУССКИХ[1]

Обряды жизненного цикла русских Дагестана – традиционный предмет исследования кавказоведов [3: 142–173]. В новейший период брак, семья, свадебные, родильные и похоронные обряды русских Дагестана были исследованы дагестанскими историками и этнологами [5: 548–552; 7: 84–123].

Целью нашего исследования является описание основных компонентов названных обрядов у русского населения Дагестана, их трансформации в новейшее время с выявлением традиционного пласта и новых обычаев, возникших под влиянием глобализации и социокультурных процессов конца XX – первой четверти XXI в., а также влияния христианской религии и иноэтнического воздействия дагестанцев-мусульман.

Новизна нашего исследования заключается в том, что комплексное сравнительное описание брака и семейно-бытовых обрядов русских Дагестана в новейшее время с фиксацией традиционных и новых компонентов проводится впервые. Материалы настоящей работы могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории и этнологии русских Дагестана и Северного Кавказа конца XX – первой четверти XXI в.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, https://rscf.ru/project/23-28-00208/.

Следует отметить, что «у русского населения Дагестана в свадебной обрядности утвердились черты традиционных русских обычаев» [5: 549]. Традиционная свадьба состояла из следующих этапов: сговор, сватовство, смотрины, рукобитье, неделя (шитье приданого), баня, утренние обряды венчального дня, встреча поезда, венчание, послевенечные обряды в доме жениха и обрядовые действия второго дня [7: 91–104].

Современный свадебный обряд русских Дагестана лишен некоторых указанных этапов, более упрощен и менее продолжителен.

Русские стараются выбирать брачного партнера своей национальности, хотя в Дагестане немало браков дагестанцев с русскими девушками, особенно если они принимают ислам. Юноши женятся обычно по окончании вуза и устройства на работу в возрасте 22–25 лет, а девушки выходят замуж в 20–22 года и в более поздние сроки. Считается желательным, чтобы юноша был старше девушки на несколько лет. В отличие от распространенной у горцев Дагестана эндогамии, у русских на родственницах не женятся. Церковь также не венчает юношу и девушку, если они состоят в родственных отношениях. Венчающиеся молодые люди должны быть крещеными.

Современная русская свадьба практически не отличается от такой же дагестанской свадьбы: кроме выступления в начале торжеств фольклорного коллектива в русских национальных костюмах, она по структуре, музыкальному, песенному и танцевальному сопровождению, перечню блюд и напитков практически идентична дагестанской свадьбе.

На смешение русской и горской брачных традиций еще в начале XX в. обратил внимание Г.А. Ткачёв, описывавший свадебный обряд гребенских казаков: «Между тем в остальном мешанина: то русское, то туземное; снаружи стрельба и джигитовка, как у горцев, перед аналоем жених по-русски разбивает каблуком стакан, из которого пил с невестой» [11: 181]. На то, что свадебные обряды русских и терских казаков «отличались своеобразием, в основе которых необычное сочетание русской православной или старообрядческой традиции с сильным влиянием элементов горской кавказской свадьбы» [6: 178], указывает и О.С. Мутиева.

Для Дагестана и Северного Кавказа характерно многовековое культурное взаимодействие и взаимовлияние горского, русского и казачьего населения, которое проявлялось в межнациональных браках, куначестве, аталычестве, заимствованиях в области хозяйства, материальной и духовной культуры. Процесс взаимообусловленного культурно-адаптивного взаимодействия русских и терского казачества с автохтонным населением региона являлся важным ресурсом межэтнической толерантности, культурного синтеза, формирования единого северокавказского мира [4: 80].

Анализ этнографических данных свидетельствует о том, что свадебный обряд дагестанских русских является важным семейным и общественным

мероприятием. С возрастанием роли религии для верующих стало обязательным венчание молодых в церкви. В последние десятилетия появились некоторые новые свадебные обычаи: фотосессия по пути следования в зал торжеств, пирамиды хрустальных фужеров шампанского, бросание невестой букета. Несмотря на это русская свадьба всё еще сохраняет свой неповторимый колорит, внутреннюю структуру и наполненное безудержным весельем содержание.

Хотя влияние урбанизации на народную культуру очевидно, в родильной обрядности дагестанских русских сохранились традиционные обычаи и отголоски древних верований, направленных на защиту жизни и здоровья матери и ребенка от нечистой силы, сглаза и различных болезней.

В первые 40 дней после рождения к ребенку не подпускают посторонних лиц, особенно побывавших на кладбище, а к его одежде как оберег прикалывают золотую булавку. Соблюдаются и другие общеславянские запреты: ребенка к зеркалу не подносят – «испугается» [12: 118].

Тот, кто первым увидел прорезавшийся молочный зуб у ребенка, преподносит ему какой-нибудь подарок – «на зубок», а родители дарят малышу серебряную ложку.

Во многих семьях выпавший молочный зуб ребенка завязывают в узелок и кладут ему под подушку. Утром он находит там подарок, будто бы положенный ему Зубной феей. Раньше русские клали выпавший молочный зуб ребенка в мышиную норку со словами: «На тебе, мышка, костяной зуб, а мне дай – золотой!» Некоторые мамы сейчас хранят этот зуб у себя в шкатулке вместе с прядью состриженных утробных волос и биркой с именем младенца, которую привязывают к запястью его руки в роддоме.

Сохраняется старинный запрет – пока ребенку не исполнится год, ему не стригут ногтей из-за опасения, что «он может вырасти вором» [1: 100].

Первая стрижка утробных волос ребенка происходит в годовщину его рождения (у дагестанцев-мусульман – на 40-й день после рождения) или сразу же после крещения. С середины 1990-х гг. крещение ребенка у дагестанских русских вновь является значимым религиозным и семейно-бытовым обрядом. У русских с давних пор существует обычай бросать состриженную с головы ребенка прядь волос в купель. Если она затем всплывает – «он будет жить долго» [1: 100]. Крестильные волосы заворачивают в ткань и кладут под подушку в детской кроватке как оберег от сглаза и болезней.

При первых шагах ребенка ножом или ножницами режут путы, будто бы связывающие его ноги, «чтоб красиво и уверенно шел по жизни и крепко стоял на ногах». Этот обряд повсеместно бытовал на Северном Кавказе [9: 72].

В соответствии со сложившимися у русских представлениями о смерти, к ней, как к неизбежному, готовились заранее. Старики заблаговременно

откладывали деньги на свои похороны, готовили завещание и погребальную одежду, а некоторые – гробы для себя и место на кладбище.

Со смертью у дагестанских русских связаны и некоторые приметы. Например, приметой смерти кровного родственника считался сон, в котором с кровью выпадал зуб. Такая же примета существовала у русских г. Москвы: «если зуб выпадал с кровью – к потере “кровного” родственника, если же без крови – к потере друга» [14: 163]. В случае если ночью снился покойник, то на утро, чтобы застраховать себя и своих близких от смерти, следовало раздать сладости чужим детям.

Русские Дагестана «хоронили умерших по обычаям православных христиан – в гробу, с надмогильным крестом, с панихидой и отпеванием, с оплакиванием, поминальными трапезами и др.» [5: 551].

Перед смертью к умирающему приглашают православного священника, которому он исповедуется. Умирающий прощается со своими близкими и просит у них прощения за нанесенные обиды.

В комнате, в которой умер человек, на 40 дней зажигают лампадку. На столе устанавливают фотопортрет покойного, рядом с которым устанавливают горящую свечку и стакан с водой (ее меняют каждый день) с куском хлеба (его не трогают, пока не высохнет) поверх него. Вода и хлеб для покойника остаются там в течение 40 дней, во время которых душа умершего будто бы посещает эту комнату и вкушает пищу.

К наиболее устойчивым и широко распространенным как у дагестанских русских, так и у всех славянских народов относится обычай «сразу же после кончины занавешивать зеркало, отворачивать его к стене или даже выносить из того помещения, в котором находится покойник» [12: 112].

Обмывают покойника в его доме. Те, кто это делает, не должны приходиться ему родственниками. Воду, в которой обмывали покойника, выливают в укромное место, куда не ступает нога человека. Хоронят умершего в гробу на третий (а в последние годы – на второй) день после полудня. Перед похоронами ему связывают руки и ноги и подвязывают челюсть. Если он умер с открытыми глазами, то их закрывают и на них кладут монеты. После того как гроб помещают в могилу, конечности и челюсть покойника освобождают от пут. Веревки, которыми связывали покойника, кладут ему в гроб.

После погребения на могиле устанавливают временный памятник, который через некоторое время меняют на постоянный. Желательно, чтобы на могиле был установлен деревянный крест (но устанавливают также и металлический) и гранитный или мраморный памятник.

Поминками называются совершаемые в память об умершем обряды. Главным из них является коллективная трапеза, устраиваемая непосредственно после погребения и в определенные сроки поминовения родственниками [13: 168]. Поминки устраиваются дома у покойного сразу же после его

похорон, а также на 9-й (сакральное у славян число [8: 176]) и 40-й дни и на годовщину (у мусульман Дагестана – на 3-й, 7-й, 40-й, 52-й дни и на годовщину). Родственницы умершего в знак траура по нему 40 дней (а иногда и год) носят одежду черного (символ смерти [2: 45]) цвета.

В определенные дни (на Радоницу, в Дмитровскую субботу, в субботы Великого поста) женщины посещают могилы умерших родственников. По пути на кладбище и возвращаясь с него, они раздают встречным печенье и конфеты. В память о покойном ставят свечку в церкви за упокой души умершего, а в субботу заказывают заупокойную литургию. Посещают кладбище и в другие дни, например, в день рождения умершего: носят ему на могилу цветы, заказывают в церкви панихиду и литургию.

Таким образом, анализ современного брака и семейно-бытовых обрядов русских Дагестана показал их синкретический характер: в них традиционная обрядность переплетается с элементами подвергшейся трансформации городской и сельской культуры, православием и рудиментами дохристианских представлений. Влияние христианской религии доминирует в похоронных обрядах [10: 193] и в некоторой степени присутствует в свадебных (венчание) и родильных (крещение, наречение имени) обрядах. В родильных и похоронных обрядах сохранились отголоски домонотеистических верований. Определенное влияние на семейно-бытовую обрядность русских оказало иноэтничное влияние местного населения, особенно заметное в свадебной обрядности.

Источники и литература

1. *Балов А.В.* Очерки Пошехонья: Верования // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 81–134.

2. *Вовк О.В.* Знаки и символы в истории цивилизаций. М., 2005.

3. *Газиева А.А.*, *Сефербеков Р.И.*, *Халидова О.Б.* История изучения русского населения Дагестана и терского казачества (XVIII – начало XXI в.): историко-библиографический обзор // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 1. С. 142–173.

4. *Иноземцева Е.И.* Культурное и хозяйственно-экономическое наследие терского казачества как ресурс межэтнической толерантности на Северо-Восточном Кавказе // Материалы региональной научной конференции «Фольклор в семейной и общинной жизни нижнетерского казачества». Махачкала, 2017. С. 71–82.

5. *Лугуев С.А.*, *Мансуров М.Х.* Русские // Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002. С. 540–558.

6. *Мутиева О.С.* Влияние иноэтнической среды на семейный быт и свадебную обрядность терских казаков // Терский сборник. Изд. 2-е, доп. и испр. Вып. 2. Екатеринбург, 2020. С. 176–184.

7. *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские. XIX–XX в.: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001.

8. *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М., 1987.

9. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX – XX в. М., 1983.

10. *Соколова А.Д.* Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв.: на материалах Владимирской области: дис. … канд. ист. наук. М., 2013.

11. *Ткачёв Г.А.* Станица Червлённая: исторический очерк. Владикавказ, 1912.

12. *Толстая С.М.* Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. Верования, текст, ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1994. С. 111–129.

13. *Толстая С.М.* Поминки // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5 т. Т. 4. М., 2009. С. 162–169.

14. Энциклопедия суеверий / сост. Э. и М.А. Рэдфорд, Е.В. Миненок; пер. Д. Гайдук. М., 1995.

М.С. Трофимов

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В 1990–2000-е гг.

В Южной Осетии к 1990-м гг. сложилась весьма напряженная политическая и социально-экономическая ситуация. Вооруженный осетино-грузинский конфликт поставил территорию на грань гуманитарной катастрофы. Не обошли тяжелые времена и систему образования. В полной мере негативные тенденции государственного распада коснулись территории и населения тогдашней Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР. К моменту начала событий, приведших в дальнейшем к конфликтному противостоянию, а затем – фактическому выходу Южной Осетии из состава Грузии, ситуация в сфере реализации права на образование длительное время оставалась неблагоприятной, лишь немного улучшившись в течение 1980-х гг.

Так, В.Д. Дзидзоев и К.Г. Дзугаев отмечают, что «в 1979 г. в среднем по Грузинской ССР на 1000 человек населения приходилось 774 человека с высшим и средним образованием. Самым высоким этот показатель был в г. Тбилиси (895 человек), а самым низким в Юго-Осетинской АО (698). Принятыми не без помощи Москвы мерами за последующие 10 лет уровень образования в целом по Грузинской ССР возрос на 13 %,

а в Юго-Осетинской автономной области увеличился на 19 % и составил 830 человек, подтянувшись к среднереспубликанскому» [1: 126].

В 1980-е гг. существенные улучшения были достигнуты в сфере высшего образования и науки Южной Осетии: «В Юго-Осетинском государственном педагогическом институте и в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте работали 8 докторов наук, более 70 кандидатов наук, а всего научных работников – более 170, что для автономной области с численностью менее 100 000 человек следует признать высоким показателем. Отметим, что южных осетин всегда отличала сильная тяга к образованию, и в последние десятилетия существования СССР она проявилась в полной мере» [4: 37–38].

Тем не менее предпосылки конфликта были сильны, и югоосетинские проблемы реализации права на образование на родном языке, права на изучение родного языка сыграли в событиях весьма заметную роль. Если следовать классификации А.Н. Ямскова, на основе анализа ситуации в советском Закавказье конца 1980-х гг. предложившего выделение четырех основных типов межнациональных конфликтов: социально-экономических, культурно-языковых, территориально-статусных и сепаратистских [7], то ситуация в Южной Осетии характеризовалась смешением двух типов: это территориально-статусный с элементами культурно-языкового конфликта.

Итогом горячей фазы конфликта стала потеря около 70 школ, уничтожено как минимум 36 детских учреждений дошкольного и дополнительного образования, 31 объект культуры. Существенно осложняли реализацию права на образование инфраструктурные разрушения. Так, отмечается, что в ходе боестолкновений, в результате обстрелов и уничтожения объектов инфраструктуры «выведено из строя 172 км дорог, 10 мостов, 226 км линий электропередач» [4: 36].

На значимость культурно-языкового фактора в развернувшейся ситуации указывает и внимание югоосетинской стороны к восстановлению статуса родного языка. Так, уже в сентябре 1989 г. на XI сессии Юго-Осетинского областного совета народных депутатов XX созыва было принято решение от 4 сентября 1989 г. «О государственной программе развития осетинского языка», 26 сентября того же года на чрезвычайной XII сессии Юго-Осетинского областного совета в него были внесены отдельные изменения. Государственная программа устанавливала осетинский язык в качестве государственного в Юго-Осетинской автономной области [3: 155–156].

Важным шагом на пути к восстановлению конституционных прав граждан Южной Осетии и обеспечению реализации конституционного права граждан на образование стало принятие 29 января 1992 г. Верховным советом Республики Южной Осетии постановления № 1 «О применении аналогии Законов России на территории Республики Южная Осетия»,

устанавливавшего, что до принятия и вступления в силу нормативно-правовых актов республики применению подлежат действующие в соответствующей сфере нормативно-правовые акты Российской Федерации (статья 1). Благодаря этому шагу восстановление конституционного права граждан Южной Осетии на образование в анализируемый период осуществлялось с опорой на Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании».

Переход к послевоенному государственному строительству ознаменовался принятием Конституции Южной Осетии 2 ноября 1993 г., провозгласившей права и свободы личности высшей ценностью и закрепившей право на образование в качестве конституционного (статья 28). Гарантировались «право на образование и выбор форм его получения» (часть 1 статьи 28); «общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего, среднего (полного) общего образования, среднего профессионально-технического и высшего образования в государственных образовательных учреждениях» (часть 2 статьи 28); бесплатность среднего специального образования и высшего профессионального образования в государственных учебных заведениях при условии успешного прохождения конкурсного отбора (часть 3 статьи 28). На конституционном уровне устанавливалась обязанность граждан получить основное общее образование (часть 4 статьи 28).

Усилия республиканских властей по восстановлению системы образования в разрушенной войной республике были не напрасны и способствовали реализации права на образование жителями Южной Осетии. Уже в середине 1990-х гг. в республике работали свыше 20 дошкольных учреждений (главным образом в Цхинвале), свыше 120 общеобразовательных школ (свыше 20 тыс. учащихся), в том числе около 80 осетинских, с преподаванием в старших классах на русском языке и углубленным изучением родного языка и культуры. На базе педагогического института в 1993 г. образован университет. Открылся лицей осетинского искусства. Появились негосударственные общеобразовательные школы. Среди детских досуговых учреждений – музыкальная, художественная и спортивная школы, дом детского творчества [4: 37].

Характер проблем Южной Осетии в сфере обеспечения реализации конституционных прав граждан, в том числе на образование, обуславливался двумя группами факторов. К первой группе относятся характерные в той или иной степени для всего постсоветского пространства проблемы социально-экономического, социально-демографического и экономико-инфраструктурного характера, игравшие значительную роль и в 1990-е гг., и в первое десятилетие XXI в. и даже, несмотря на значительные усилия республиканского руководства, окончательно не преодоленные до настоящего времени.

Для республиканской системы образования продолжают оставаться характерными такие проблемы, как обеспечение равной доступности

дошкольного образования независимо от места проживания; обеспечение равной доступности общего образования высокого качества с применением современных образовательных технологий; развитие кадрового потенциала системы образования, позволяющего обеспечить качество образования, отвечающет современным требованиям; недостаточность расходов на образование, снижение неэффективных расходов; обеспечение качества образования [2].

Упомянем такие проблемы, как малокомплектность многих школ, труднодоступность некоторых населенных пунктов и транспортные сложности, послевоенную нехватку кадров в связи с отъездом значительной части населения, в том числе педагогических работников в период острой фазы осетино-грузинского конфликта (имеем в виду, что такие проблемы были характерны и для ряда российских регионов; миграция же по разным причинам принимала в начале 1990-х гг. характер острой проблемы, где-то вызывая существенную нагрузку на инфраструктуру, в том числе образовательную, а где-то, напротив, вызывая нехватку кадров, в том числе педагогических) [5].

Вторая группа проблем определяется посткофликтным, мобилизационным состоянием государственных и социальных институтов в течение длительного времени. Эти факторы характерны для всего рассматриваемого периода и явились источником существенных проблем в сфере обеспечения реализации конституционного права граждан на образование, да и в целом – прав и свобод личности в республике. Все политические институты Южной Осетии до 2008 г. находились в состоянии мобилизации, непризнанности, неразрешенности конфликта.

В этих условиях значительную поддержку Южной Осетии в сфере образования оказали представители североосетинской педагогической общественности. Эти усилия и помощь извне сыграли существенную роль в преодолении проблем обеспечения реализации конституционного права граждан Южной Осетии на образование. В частности, отмечается, что «учительские кадры Южной Осетии получили принципиальную возможность для постоянного повышения профессиональной квалификации в специализированных учреждениях родственного региона, неизменно оказывавших организационную и интеллектуальную поддержку благодарным коллегам, оказавшимся в трудной ситуации» [6].

В республике возрождалось и развивалось высшее образование. По инициативе председателя Верховного совета Южной Осетии Л.А. Чибирова в октябре 1993 г. Юго-Осетинский государственный педагогический институт был преобразован в Юго-Осетинский государственный университет. Оценивая деятельность первого ректора нового университета Г.А. Джиоева, руководившего вузом в 1993–2002 гг., следует отметить, что в сложнейших экономических условиях ректор сумел обеспечить постоянное развитие

учебного процесса, существенно пополнить библиотечный фонд, сохранить имеющийся профессорско-преподавательский состав и установить партнерские отношения со многими российскими вузами. Сотрудничество Российской Федерации с Республикой Южной Осетией в 2000-х гг. характеризуется переходом от локальной, точечной помощи к программным и проектным моделям развития [6].

Новая Конституция Республики Южной Осетии была принята всенародным голосованием (референдумом) 8 апреля 2001 г. Конституция провозглашала признание и гарантирование прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с положениями самой Конституции (статья 2).

Принятие новой Конституции было только первым шагом в решении многих проблем организации управления образованием. Без конкретизации на уровне законов и иных нормативно-правовых актов ее нормы оставались формальными. Более того, в некоторых случаях соответствующие нормативно-правовые акты разрабатывались, принимались, но так и не воплощались в жизнь.

Например, несмотря на конституционное закрепление, весьма значимый для реализации права на образование институт местного самоуправления так и не был создан, несмотря на принятие Закона «О местном самоуправлении в Республике Южная Осетия» от 18 февраля 2004 г. № 44. В дальнейшем республиканский парламент наложил вето на исполнение указанного закона.

В то же время вышеупомянутый нормативно-правовой акт имел самое непосредственное отношение к организации управления образованием и обеспечению реализации конституционного права граждан на образование, так как в принятом позднее Законе Республики Южной Осетии «Об образовании» от 11 апреля 2008 г. положения указанного закона были напрямую адресованы органам местного самоуправления, наделяя их компетенцией в сфере организации и управления образованием. Однако отсутствие усилий государства по созданию полноценной системы местного самоуправления негативно повлияло и на реализацию конституционного права на образование.

Вопросу сохранения, возрождения и развития осетинского языка в течение всего рассматриваемого периода придавалось огромное значение. Среди прочих важных событий в Южной Осетии первого десятилетия XXI в. отметим работу над проектом конституционного закона о языке, который был принят в 2012 г. Закон закрепил статус государственных языков республики – осетинского и русского (статья 1). Нормативная характеристика правового положения государственного языка начинается в рассматриваемом законе с определения его как языка воспитания и обучения.

Таким образом, став на заре восстановления югоосетинской государственности одним из значимых факторов борьбы за независимость, родной язык, без обеспечения права на который невозможна полноценная реализация права на образование, получил необходимую конституционно-правовую регламентацию возрождения, сохранения и развития.

Пройдя тяжелейший период преодоления послевоенной разрухи в 1990-е гг., подвергшись новым тяжелым испытаниям в ходе агрессии Грузии в августе 2008 г., югоосетинская система образования вступила во второе десятилетие XXI в. с опорой на собственный закон об образовании, с готовящимся к принятию проектом конституционного закона о языке, с поддержкой Российской Федерации.

Безусловно, далеко не все проблемы были решены, часть их предстояло решить в следующее десятилетие, часть их ждет своего решения, однако самую насущную проблему реализации права на образование в рассмотренный период решить удалось – это проблема обеспечения безопасности участников образовательного процесса. Этого стало возможным, благодаря победе в двух развязанных против республики войнах, стойкости учеников и педагогов под обстрелами и в ситуациях разрушения инфраструктуры, благодаря отпору, который вооруженные силы под руководством республиканских властей дали противнику. Мобилизационный период уступил место периоду мирного развития с характерными для него общемировыми проблемами бюрократизма, неэффективности управления и коррупции, но с решенной проблемой безопасности личности, обеспечения права на жизнь и здоровье, права на мирную жизнь.

Источники и литература

1. *Дзидзоев В.Д.*, *Дзугаев К.Г.* Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал, 2007.

2. *Карданова А.К.* Теоретические и практические аспекты реализации права на образование гражданами Республики Южная Осетия в современных условиях // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 107 (03). С. 1006–1016.

3. Проблемы интеграции образовательных пространств Республики Южная Осетия и Российской Федерации на современном этапе развития: коллективная монография / под общ. ред. М.С. Трофимова. Ставрополь, 2021.

4. Реформирование образования в России и Южной Осетии: законодательные подходы: коллективная монография / под ред. Д.А. Смирнова, Е.А. Терещенко, М.С. Трофимова. Ставрополь, 2015.

5. *Трофимов М.С.*, *Дireганова А.В.* Правовое закрепление права на образование в Южной Осетии и технические характеристики системы общего образования в условиях масштабного реформирования // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 150–155.

6. *Шафранова О.И.*, *Ермоленко Л.П.*, *Цховребова К.А.* Роль Российской Федерации в сохранении и развитии системы образования Южной Осетии (1992–2008) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 4 (107). С. 69–73.

7. *Ямсков А.Н.* Межнациональные конфликты в Закавказье: предпосылки возникновения и тенденции развития // Полис. 1991. № 2. С. 75–85.

Н.В. Кратова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ НА УКРАИНЕ

В развернувшемся в последнее десятилетие конфликте на территории Украины, логическим продолжением которого стала специальная военная операция (далее – СВО), важное место занимает конфессиональный фактор. Последствия конфликта так или иначе затронули верующих разных конфессий.

Цель настоящей статьи – показать отношение основных религиозных организаций Карачаево-Черкесии к СВО на Украине. Источником послужили материалы полевых исследований, проведенных автором в июне – июле 2023 г. в Карачаево-Черкесской Республике (интервью с православными священниками и протестантским духовенством), публикации республиканских СМИ, интернет-ресурсы религиозных организаций.

Наиболее откровенно свое отношение к СВО высказывал председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа, муфтий Карачаево-Черкесской Республики Исмаил Бердиев. Еще в марте 2022 г., практически сразу после начала СВО, в интервью газете «День республики» Исмаил-хаджи заявил, что СВО – это необходимость. Понимая, что творилось на Украине, все российские мусульмане полностью поддерживают президента.

Оценивая позицию исламских государств, Исмаил-хаджи отметил, что во всем мире мусульмане понимают, что только Россия может противостоять американской экспансии, поэтому они уважают и поддерживают и нашу страну, и президента. Россия не окажется в изоляции. «Нам помогает Всевышний. Как поется в Гимне, мы действительно, – “хранимая Богом родная страна”» [11].

Аналогичную позицию он высказал, выступая на Всероссийской научно-практической конференции «Духовное служение и социальная миссия религиозных организаций в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности», которая проходила 15–17 марта 2022 г.

во Владикавказе. Бердиев подчеркнул общее отношение к конфликту со стороны мусульманского и христианского сообщества [4].

В течение всего времени проведения спецоперации мусульманское духовенство республики, включая самого муфтия, принимало участие в похоронах погибших в ходе СВО земляков. 2 июня 2023 г. на похоронах Героя России Канамата Боташева, погибшего во время боевых действий в Луганской Народной Республике, Исмаил-хаджи Бердиев выступил с речью, сказав: «Тот, кто умирает в этой битве, будет святым. Я надеюсь, что Канамат, пополнивший ряды храбрых героев, тоже будет в раю» [1].

Конфликт на Украине глубоко затронул Русскую православную церковь. Клирики и прихожане церквей Карачаево-Черкесии глубоко переживают и сам конфликт с братским по крови и вере народом, и церковную схизму. Трагизм усугубляется тем, что у многих на Украине проживают родные, взаимодействие с которыми затруднено либо вовсе прекратилось. Порой люди, одурманенные националистической пропагандой, прекращают общение со своими российскими родственниками. Некоторые местные священники получали образование в Киевской духовной академии, и то, что происходит сейчас в их альма-матер, в церквах и монастырях Украины, воспринимают как личную трагедию.

В таких условиях совершенно естественна ситуация, когда во всех храмах проходят молитвы за восстановление мира, о воинах, сражающихся в СВО. Священнослужители Северного и Южного благочиний Карачаево-Черкесии отметили, что во всех храмах есть списки солдат, за которых проходят молебны. Существует традиция приглашать священника на отправку призывников [8; 9].

Помимо духовного попечения, оказывается и материальная помощь для российских военных и жителей новых российских регионов. В 2022 г. было проведено два общецерковных сбора (денежные средства в этом случае передавались напрямую в Патриархию) и один епархиальный, когда собранные деньги направлялись в епархию, а там уже проводились необходимые закупки и отправка груза на Донбасс. Так, в 2022 г. для пострадавших мирных жителей из Луганской народной республики (далее – ЛНР) и Донецкой народной республики (далее – ДНР), Запорожской и Херсонской областей, а также для людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, прихожанами Северного благочиния было собрано около 700 тыс. руб. [8]. Всего Пятигорская и Черкесская епархия за 2022 г. собрала на эти цели 6 290 000 руб. [9].

Помимо общецерковных и епархиальных сборов, работа проводилась и в отдельных приходах. Так, волонтерским центром «Николин уголок» при кафедральном Николаевском соборе г. Черкесска с начала спецоперации было собрано и отправлено в зону СВО 150 т гуманитарной помощи: вода, вещи, продукты, средства гигиены. Грузы перевозятся либо через

Армавирский сборный пункт Кубанского казачьего войска, либо передаются в ЛНР через настоятеля Казанской церкви с. Маруха Зеленчукского района Карачаево-Черкесии Александра (Емельянова) [7].

Деятельность отца Александра заслуживает особого внимания. Будучи настоятелем отдаленного храма, он всегда активно занимался социальной работой, создал Общину милосердия святого праведного Иоанна Кронштадтского, проводил реабилитацию наркозависимых. С августа 2014 г. начал возить гуманитарную помощь на Донбасс, сперва ополченцам, потом в интернаты, беженцам, инвалидам. Помогал Никольскому приходу в г. Первомайске, где местный настоятель, отец Василий, открыл бесплатную столовую для нуждающихся. С 2016 г. стал проводить при своем храме детский православный лагерь «Маруха», куда приглашал на отдых детей из ДНР и ЛНР. Пандемия Covid-19 заставила приостановить выезды на Донбасс, однако отец Александр продолжал собирать средства, которые направлял в Первомайск, своему коллеге, отцу Василию, который организовал в своем приходе полноценный социальный центр. С ноября 2022 г. поездки в ЛНР возобновились. В сборе необходимых вещей помогал республиканский «Народный фронт», предприниматели из разных российских регионов, волонтерский центр Никольского собора. Так удалось передать на передовую окопные буржуйки, полиуретановые сапоги, специальные маскхалаты, теплые вязаные носки и свитера [2]. В личной беседе отец Александр признался, что старается помогать людям, которым помочь просто некому: «Военных худо-бедно снабжают, мобилизованным из региона посылки близкие присылают, руководство республики старается чем-то помочь. А тут – все местные жители, ополченцы. Им и уехать некуда, и помочь никто не помогает. Они сражаются за свою землю, держатся зубами. Привозят с передовой бойца, окровавленную одежду разорвут, снимут, а его даже одеть не во что и положить не на что. Ни простыни, ни белья. Вот и возим самое простое, но необходимое. Там всему благодарны» [7].

Связи протестантской общины с украинскими единоверцами были не менее прочными, чем у православных. Практически сразу после начала СВО местные протестанты развернули активную деятельность по оказанию помощи новым российским территориям. Прихожане протестантских церквей отправлялись работать добровольцами в пункты временного размещения в Ростовской области. Причем наибольшую активность проявили те, кто был вынужден покинуть территорию Украины. Хорошим примером является семья Виталия и Ольги Мосур из Мариуполя, откуда они уехали еще в 2014 г., когда там впервые открыто проявили себя украинские националисты. В Карачаево-Черкесии они обосновались в Карачаевске. Когда Мариуполь вернулся в состав России, супруги Мосур переехали в с. Червоное ДНР, где со временем была организована волонтерская база.

Виталий и Ольга координируют работу волонтеров-протестантов, которые приезжают в Мариуполь на ротационной основе со всего Кавказа. Здесь они помогают местной больнице, ухаживают за престарелыми и инвалидами, распределяют продукты, ремонтируют и восстанавливают дома. Работает кухня и пекарня, которые ежедневно обеспечивают питанием до 300 человек. Гуманитарную помощь (вещи, медикаменты, продукты, печи-буржуйки) собирают со всей России. Показательно, что социальную работу пятидесятники ведут вместе с баптистами [6; 10].

Что касается отношений с украинскими единоверцами, следует признать, что ситуация очень непростая. Протестантский сегмент имеет большой удельный вес в украинском социуме, как в количественном (около 30 % от общего числа зарегистрированных религиозных организаций [14]), так и в социальном. Украинские протестанты активно участвуют в общественной и политической жизни. Наглядный пример – Александр Турчак, диакон баптистской церкви «Слово жизни». В 2014–2019 гг. он возглавлял Совет национальной безопасности и обороны Украины, а в кризисное первое полугодие 2014 г. исполнял обязанности президента Украины [16]. Поэтому неудивительно, что и в этом конфессиональном сегменте военный конфликт вызвал среди верующих серьезные разногласия.

Представители Союза христианских церквей Украины «Слово жизни» выступили с обращением, в котором призвали выйти российские церкви этого движения из Российского объединенного союза христиан веры евангельской (далее – РОСХВЕ), а руководство организации заявить «ясно выраженную позицию» с осуждением действий РФ на Украине. Поводом для такого обращения стала реплика начальствующего епископа РОСХВЕ Сергея Ряховского о том, что что «ненависть побеждается любовью», которую он произнес на круглом столе «Мировые традиционные религии против идеологии нацизма и фашизма в XXI веке», прошедшем в Государственной думе 29 марта 2022 г. [12]. Эти слова были превратно истолкованы украинскими протестантами, как «призыв убивать с любовью». Руководство РОСХВЕ не стало вступать в полемику, ограничившись публичным заявлением Сергея Ряховского, в котором он отметил, что российские протестанты относятся с глубоким пониманием к украинским братьям, тоже испытывают боль, чувствуют те же страдания и продолжают за них молиться. При этом он добавил, что реагировать на такие обращения РОСХВЕ не будет, так как не собирается «подливать масла в огонь», и российские церкви движения «Слово жизни» как находились в составе РОСХВЕ в последние 25 лет, так и будут продолжать там находиться, и никакого раскола в среде протестантов не будет [15].

Таким образом, российское протестантское сообщество вслед за Русской православной церковью оказалось втянутым в политическое противостояние.

Впрочем, раскола действительно удалось избежать. Причем сохранилось единство протестантов как внутри России, так и на международном уровне. Протестантские организации не утратили свое присутствие в авторитетных международных сообществах, в том числе во Всемирном евангелическом альянсе.

В мае 2023 г. российская делегация, среди которой были представители из Карачаево-Черкесии, участвовала во Всемирной конференции «Парламент и вера». Это ежегодный форум, который проводится при поддержке ООН. В его работе принимают участие христианские политические, общественные и религиозные деятели.

Весьма показательной стала ситуация, возникшая в связи с попыткой организаторов не допустить на конференцию российскую делегацию. В поддержку россиян выступили делегаты из стран Латинской Америки, заявившие об отказе участвовать в конференции в случае недопуска своих российских коллег.

Как свидетельствует один из участников мероприятия, заместитель начальствующего епископа РОСХВЕ по Северному Кавказу Гарик Кургинян, конференция прошла очень плодотворно. Прежде всего было принято важное обращение в Организацию Объединенных Наций, в котором выражалась озабоченность отсутствием среди целей в области устойчивого развития, над которыми ООН намерена работать в период до 2030 г., такого важного положения, как защита принципа свободы совести. В принятом обращении прямо требовалось включить свободу религий в цели устойчивого развития в качестве фундаментальной части всеобщих прав человека. Аргументом является дискриминация и преследование на основе веры миллионов людей во всем мире [17].

По словам Гарика Нерсесовича, несмотря на общий трагизм ситуации в мире, перед Россией сейчас открываются удивительные возможности. На конференции российская делегация встретила не отторжение, а самое искреннее уважение. Когда во всем мире идет отказ от традиционной семьи, христианской морали, когда священник может подвергнуться преследованиям только за то, что он следует библейским принципам, в России люди спокойно живут в соответствии со своими убеждениями. Участники конференции проявили искренний интерес к российскому опыту выстраивания межэтнических и межконфессиональных отношений. Это показало необходимость более активного использования всех возможных площадок для распространения объективной информации о нашей стране и ее людях. В настоящее время Россия воспринимается многими на Западе как хранительница христианских устоев. По мнению Гарика Кургиняна, именно благодаря своей духовности Россия может стать центром притяжения для многих стран, которые хотят сохранить христианские ценности [6].

Важно отметить, что конфликт сблизил позиции православных и протестантов. Поднятый на конференции вопрос о необходимости соблюдения свободы религий напрямую связан с беспрецедентными гонениями на Русскую православную церковь не только на Украине, но и по всему миру. Консультативный совет глав протестантских церквей России поддержал озабоченность нарушением прав верующих Русской православной церкви, выраженную в заявлении Российской ассоциации защиты религиозной свободы в связи с принятым Сеймом Латвии поправками в закон о Латвийской православной церкви [5].

Во время круглого стола «Крещение Руси и его значение для формирования культуры и идентичности современной России», который прошел 28 июля 2023 г. в Общественной палате Российской Федерации, начальствующий епископ РОСХВЕ Сергей Ряховский заявил о том, что День Крещения Руси необходимо праздновать более масштабно, что этот праздник поможет разным верующим стать единой вселенской Церковью. При этом епископ отметил, что в России уже сложилась практика успешных отношений, здесь не было религиозных войн в чистом виде, в чем большая заслуга и главенствующей конфессии. Сергей Владимирович сделал вывод, что большинство понимает важность единства, выстраивания диалога и консолидации вокруг важных исторических событий [13].

В свою очередь, значительно потеплела риторика иерархов Русской православной церкви в отношении протестантизма, который стали упоминать вместе с другими традиционными для России религиями. Выступая 27 июля 2023 г. на пленарном заседании Второго саммита «Россия – Африка», святейший патриарх Кирилл подчеркнул, что в России гармонично сосуществуют представители разных религий и конфессий: православные христиане, католики, протестанты, мусульмане, иудеи, буддисты. Люди не просто веками живут бок о бок, они свободно исповедуют свою веру и сотрудничают в просветительской, гуманитарной, миротворческой, социальной и других сферах [3].

Таким образом, конфликт на Украине стал сложным многофакторным вызовом для религиозного сообщества России и серьезным испытанием для всей системы государственно-конфессиональных отношений, выстраиваемой в последнее тридцатилетие. Последователи традиционных религий России оказывают не только молитвенную, но и весомую материальную помощь всем пострадавшим от военных действий. Общая беда сблизила приверженцев различных религиозных традиций, помогла осознать необходимость объединения усилий ради общих, по-настоящему важных целей. Немаловажно и то обстоятельство, что именно религиозные организации проявили способность эффективно доносить позицию России до мирового сообщества. Значительный миротворческий потенциал традиционных

религий может и должен быть использован и сейчас, и в будущем для нивелирования последствий конфликта как внутри России, так и на международной арене.

Источники и литература

1. Александр Максимцев о герое Боташеве: выполнил воинский долг, отдав жизнь за мир в Донбассе. URL: https://runews.biz/aleksandr-maksimcev-o-geroe-botasheve-vypolnil-voinskij-dolg-otdav-zhizn-za-mir-v-donbasse/ (дата обращения: 29.07.2023).

2. *Арнаутова Р.* Для меня СВО началась в 2014 году // День республики. 2023. № 24. 9 марта.

3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании Второго саммита Россия – Африка. URL: http://www.patriarchia.ru/db/print/6045846.html (дата обращения: 29.07.2023).

4. *Гафиятуллина И.* Исмаил Бердиев: «Сила нашей страны – в ее многонациональном народе». URL: https://russia-islworld.ru/rossia/ismail-berdiev-sila-nasej-strany-v-ee-mnogonacionalnom-narode-2022-03-17-23363 (дата обращения: 29.07.2023).

5. Заявление КСГПЦР в связи с нарушением прав православных верующих в Латвии. URL: https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1673375 (дата обращения: 27.07.2023).

6. Интервью с заместителем Начальствующего епископа РОСХВЕ Г.Н. Кургиняном // Полевые материалы автора. 6 июля 2023 г.

7. Интервью со священником Русской православной церкви А.Г. // Полевые материалы автора. Беседы с православным духовенством. 10 июня 2023 г.

8. Интервью со священником Русской православной церкви А.Н. // Полевые материалы автора. Беседы с православным духовенством. 10 июня 2023 г. Запись № 3.

9. Интервью со священником Русской православной церкви Е.С. // Полевые материалы автора. Беседы с православным духовенством. 11 июня 2023 г.

10. *Кишмахова А.* Этот город снова будет самым веселым в Донбассе // День республики. 2023. № 80. 20 июля.

11. *Кратов Е.* Исламский мир вместе с Россией! // День республики. 2022. № 30. 22 марта.

12. Круглый стол в Госдуме РФ «Мировые традиционные религии против идеологии нацизма и фашизма в XXI веке», 29.03.2022. URL: http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/71233/ (дата обращения: 20.07.2023).

13. Начальствующий РОСХВЕ Сергей Ряховский знает, как сделать разных верующих единой Вселенской Церковью. URL: https://t.me/Iprotestant1/12145 (дата обращения: 13.07.2023).

14. Протестантизм на Украине. URL: https://monoreel.ru/Протестантизм_на_Украине (дата обращения: 10.07.2023).

15. Российские пятидесятники ответили на призыв протестантов с Украины осудить спецоперацию РФ, 2 июня 2022 г. URL https://tass.ru/obschestvo/14799195 (дата обращения: 14.07.2023).

16. Турчинов Александр. URL: https://lenta.ru/lib/14160432/ (дата обращения: 21.07.2023).

17. UNR Global Conference Parliament & Faith. Geneve 8–12 May 2023. URL: https://evangelicalfocus.com/upload/2023-05-15-14:24_UNRFINALDECLARATIONGENEVA2023-1.pdf (дата обращения: 27.07.2023).

М.М. Шахбанова

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ: СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОЛИРЕЛИГИОЗНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Постсоветский период ознаменовался активизацией религиозного компонента в российском обществе. В разных регионах данный процесс протекал с различной степенью интенсивности. Причины исламского возрождения, его позитивные и негативные векторы, влияние на общественные процессы, политическую и образовательную системы, семейно-брачную сферу достаточно хорошо изучены в современной отечественной науке. В рамках исследования исламского элемента в современном дагестанском обществе внимание уделено вопросу радикализации сознания, особенно молодого поколения дагестанцев [1–3]. Религиозное образование исследовано Р.О. Рамазановым [10–12]. Многоженство и его последствия для семейной сферы, а также трансформация семейно-брачных установок изучены Э.М. Загировой [7–9].

В данной статье рассматривается религиозная идентичность дагестанцев, специфика ее выражения в зависимости от гендерной принадлежности. Прежде чем перейти к эмпирической части исследования, представляется необходимым обозначить его инструментарий, раскрыть содержание понятий «идентичность» и «религиозная идентичность». По мнению исследователей, религиозная идентичность как один из типов социальной идентичности оказывается под влиянием процессов социального конструирования [13: 46]. Как значимый элемент субъективной реальности, религиозная идентичность формируется и передается благодаря присутствию в общественном и частном (приватном) пространстве религиозных категорий и классификаций («православие», «ислам», «буддизм» и др.), религиозных знаний (репрезентируемых, например, в религиозных праздниках, обрядах

и элементах культуры), религиозных ценностей (представленных в дискурсе первых лиц государства и религиозных лидеров) [5]. Она призвана облегчить человеку ориентацию в сложном социальном пространстве в условиях мировоззренческого и ценностного плюрализма и духовной свободы, обеспечивает достижение самотождественности (по Э. Эриксону [15]) в ситуации глобальных ценностных изменений и культурной трансформации. Под религиозной идентичностью И.А. Юрасов и О.А. Павлова понимают «отождествление индивида с какой-либо религиозной доктриной, системой догм, воззрений, определенной конфессией, группой верующих» [16: 25].

Автор понимает религиозную идентичность как «соединение личных религиозных порывов (вера или психологическая установка в отношении некоей “высшей силы”) с потребностью в социальной принадлежности. В случае принадлежности к монотеистической традиции она формируется как идентификация верующего человека со своей религиозной группой (как реальной, так и категориальной), разделение соответствующих идей и ценностей. Следование обычаю, участие в религиозных обрядах и ритуалах рождает чувство групповой сопричастности к единоверцам и фиксирует данную идентичность в определенных “культурных кодах” (по Дж. Александеру)» [13: 51].

Особое место в исследованиях религиозной идентичности принадлежит разработкам Г. Оллпорта, который выделил внешнюю и внутреннюю религиозные ориентации [14]. Взяв за основу концепцию Г. Оллпорта, Д. Ван Камп выделил два ключевых фактора измерения религиозной идентичности – индивидуальное и социальное – и такая позиция опирается на традицию рассмотрения индивидуальных и социальных аспектов религиозности. Причем данная функция может носить как индивидуальный характер, так и социальный [6: 157]. К. Лич с соавторами показал, что любая ингрупповая идентификация (в нашем случае с единоверцами) формируется на базе следующих компонентов:

1) самостереотипизации, связанной с представлением о том, насколько каждый член группы соответствует «усредненному», прототипному члену ингруппы, а члены группы имеют «общую судьбу»;

2) ингрупповой гомогенности, указывающей, насколько однообразными являются члены ингруппы по сравнению с членами аутгруппы;

3) сплоченности, описывающей психологическую связь индивида с группой, приверженность к группе, а также разделение членами группы общих ценностей и целей;

4) удовлетворенности членством в группе, отражающей позитивные эмоции, возникающие по отношению к ингруппе и факту принадлежности к ней;

5) выраженности ингрупповой идентичности, отражающей то место в Я-концепции, которое занимает принадлежность к определенной социальной группе [4: 144].

В 2023 г. в городах и районах Республики Дагестан автором был проведен социологический опрос по изучению религиозности и культового поведения молодого поколения дагестанцев был проведен Методом исследования является массовый стандартизированный опрос. N=510.

Ранее было отмечено, что религиозное возрождение, в данном случае исламское, заметно отразилось на повседневной жизни его последователей, что выразилось в усилении чувства сопричастности с определенным вероисповеданием, соответственно, и в вовлечении в религиозную жизнь.

Выявить религиозную идентичность человека можно через индикаторы консолидации. Эмпирический материал показывает, что ключевым фактором ассоциации со своей этнической общностью для опрошенной дагестанской молодежи является религия, отмеченная большей половиной всех опрошенных. По гендерной принадлежности встречаются почти равные доли в обеих подгруппах – 69,1 % и 70,0 %, соответственно. Национальный язык как этноопределитель востребован большей частью в мужском и женском подмассивах, при этом доля мужчин (59,0 %), в сравнении с женщинами (65,0 %), меньше. Процент подчеркнувших национальные традиции как индикатор этнической самоидентификации среди женщин заметно больше в сравнении с мужчинами – 55,7 % и 44,0 %, соответственно. С существенным отрывом четвертую позицию занимает историческое прошлое, которое выступает этнообъединяющим параметром (23,5 % по всему массиву), указавших на него больше в женском подмассиве (28,6 %), доля мужчин составляет 20,2 %. При этом 21,0 % от всех респондентов маркером консолидации со своей этнической общностью считают историческую территорию, и здесь также выделяются опрошенные женщины (25,1 %), а мужчин меньше (18,2 %). О яркой выраженности этнической самоидентификации дагестанской молодежи свидетельствует процентный показатель придерживающихся суждения «ничего не объединяет» (1,8 % – статистически незначимая доля).

Ответы на вопрос: «С кем Вы испытываете чувство общности?» показывают превалирование единства с последователями одного вероучения (32,2 %), по гендерной принадлежности мужчин больше (34,5 %) против 28,6 % женщин. На второй позиции располагается чувство общности с представителями всех дагестанских народов (29,4 % по всему массиву), среди них 30,3 % мужского и 28,1 % женского населения. При этом существенно меньшая часть респондентов ощущают свою сопричастность к своей этнической группе (13,5 % по всему массиву), мужчин чуть больше в сравнении с женщинами – 14,7 % и 11,8 %, соответственно. Логичным для молодого поколения дагестанцев является чувство общности с представителями одного с ним возраста, и доля таковых почти в три раза больше в женской подгруппе (20,2 %), чем в мужской (7,5 %). При этом у молодого

поколения на фоне иных типов социальной идентичности слабо выражена российская идентичность, что является деструктивной тенденцией по целому ряду причин. Среди таковых отметим отсутствие ответственности за будущее России, патриотического настроя, приверженности политическим ценностям. Можно было бы подробно осветить этот аспект и последствия слабости государственно-гражданской самоидентификации в общественном сознании молодежи, но он выходит за рамки тематики статьи.

В рамках исследования религиозной идентичности актуальным является получение ответа на вопрос: «Насколько важна этническая самоидентификация для молодого поколения дагестанцев?». Для этого были сопоставлены ответы на вопросы: «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?» и «С кем Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?». Полученный материал показывает, что считающие национальный язык этноопределителем чувство единства испытывают с дагестанскими народами (30,8 %) и единоверцами (29,8 %), причем разница между ними не существенная. Отметившие маркер «национальные традиции» сопричастность ощущают с дагестанцами (35,2 %) и мусульманами (33,6 %). Последовательна подгруппа, которая индикатором воспроизводства этнической идентичности считает религию, – она себя отождествляет с носителями одного вероисповедания (37,1 %), при этом с заметным отрывом ассоциируется с представителями всех дагестанских этносов. Респонденты, рассматривающие историческую территорию своего народа как маркер единства, демонстрируют республиканскую самоидентификацию (34,6 %), а 29,0 % опрошенных отмечают важность ощущать общность с единоверцами. Подмассив, указавший историческое прошлое в качестве этноопределителя, чувствует единство с дагестанскими народами (35,8 %) и последователями одной конфессии (25,0 %). Таким образом, можно констатировать существование в массовом сознании дагестанской молодежи противоречивых позиций: подчеркивая ряд параметров в качестве индикаторов воспроизводства этнической идентичности, они испытывают единство не с соплеменниками, а с представителями дагестанских народов (это – выражение республиканской идентичности) и единоверцами (религиозная идентичность).

Не менее важным является определение количества респондентов, обозначающих себя последователями определенного вероисповедания, в данном контексте – ислама. Так, эмпирика показывает, что с разницей в сотые доли мужчины и женщины ассоциируют себя с мусульманами – 93,8 % и 92,1 %, соответственно. При этом статистически незначимая часть респондентов является атеистами – 3,7 % по всему массиву, среди них 3,6 % мужчин и 3,9 % женщин.

Исследование идентификации показывает, что в массовом сознании существует установка на обозначение принадлежности представителей

определенной этнической общности через последователей вероучения, без учета отношения самого человека к религии (верующий / неверующий). Так, русский народ ассоциируется с православием, дагестанские народы – с исламским учением. Данное обстоятельство является почвой формирования этноконфессиональной идентичности, и необходимо отметить, что для дагестанских народов религиозная идентичность является мощным консолидационным ресурсом и на фоне наблюдающегося усиления влияния исламского духовенства в современном дагестанском обществе значение исламской самоидентификации будет только укрепляться.

Подтверждением данного вывода являются ответы на вопрос: «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?». По гендерной принадлежности позиция «для меня очень важна моя религиозная принадлежность» ближе 85,3 % опрошенным мужчинам, доля женщин чуть меньше (82,8 %). Суждение «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» отмечено у 7,8 % мужчин и 8,9 % женщин. Для 2,0 % мужчин и 3,4 % женщин личная конфессиональная принадлежность не имеет значения. О чем свидетельствуют эти данные? По мнению автора, ислам пустил глубокие корни во все социальные сферы современного дагестанского общества. Более того, из года в год позиции мусульманского духовенства будут только укрепляться, и сложно предсказать, какими будут последствия, хотя мы можем наблюдать не только в сельской, но и в городской местности заметные изменения, например, во внешнем облике последователей ислама. Если раньше большую востребованность и приверженность вероучению связывали с низким образовательным уровнем человека, то в настоящее время картина кардинально меняется. Так, 88,3 % мужчин подчеркивают, что религия в их жизни играет важную роль, в подгруппе женщин таковых меньше – 85,2 %; на не очень важную роль вероучения указывают 6,5 % из мужского подмассива и 7,4 % женского; далее у 2,9 % опрошенных мужчин и 2,0 % женщин религия никакой роли в жизни не выполняет. Таким образом, эмпирика еще раз показывает роль вероучения в повседневной жизни опрошенной дагестанской молодежи.

Источники и литература

1. *Абдулагатов З.М.* Дагестанец в исламском образовательном процессе. Махачкала, 2016.

2. *Абдулагатов З.М.* Семья и школа в решении проблем профилактики религиозного экстремизма и терроризма (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2021.

3. *Абдулагатов З.М.* Современный экстремизм и терроризм: состояние и проблемы противодействия (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2019.

4. *Агадуллина Е.Р.*, *Ловаков А.В.* Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157.

5. *Александрова Е.А.*, *Хухлаев О.Е.* Особенности религиозной идентичности у буддистской молодежи (на примере студенческой молодежи Республики Калмыкия) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 19. С. 156–164.

6. *Бергер П.*, *Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М., 1995.

7. *Верещагина А.В.*, *Загирова Э.М.* Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения (итоги социологического опроса) // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 117–122.

8. *Загирова Э.М.* Гендерная оценка института полигамии (на примере Дагестана) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 448–456.

9. *Загирова Э.М.* Многоженство в семейно-брачной сфере народов Дагестана: историко-социологический анализ // Caucasian Science Bridge. 2022. № 1. С. 32–40.

10. *Рамазанов Р.О.* Начальный сегмент мусульманского образования в Республике Дагестан: история, современное состояние, проблемы. Махачкала, 2022.

11. *Рамазанов Р.О.* Примечетская школа в современном дагестанском обществе: по материалам социологического исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 248–254.

12. *Рамазанов Р.О.* Теологическое образование в современном российском обществе: состояние и проблемы (на примере примечетской школы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 1. С. 52–69.

13. *Рыжова С.В.* Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 44–63.

14. *Титов Р.С.* Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 2–9.

15. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

16. *Юрасов И.А.*, *Павлова О.А.* Дискурсивное исследование религиозной идентичности // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7 (125). С. 24–29.

Раздел 5
Вооруженные конфликты и их последствия. Кавказ в системе геополитических интересов мировых и региональных держав

М.-П.Б. Абдусаламов, С.М. Багаутдинов

К ВОПРОСУ О ПРОВАЛЕ ЗАХВАТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НАДИР-ШАХА В ДАГЕСТАНЕ ПОСЛЕ АНДАЛАЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ 1741 г.

После сокрушительного разгрома в Андалальском сражении 1741 г. Надир-шах приступил к реализации новой тактики, надеясь взять реванш за предыдущее поражение. По его распоряжению были построены сторожевые посты и укрепления вдоль предгорий Дагестана [13: 116]. Главный лагерь шаха, получивший в исторической литературе красноречивое название «Иран-Хараб» («гибель», или «разорение Ирана»), был возведен к северу от Дербента на земле уцмия Кайтагского. В Иран-Хараб были перемещены шахская казна и гарем. Сюда же доставлялось из внутренних областей Персии продовольствие. Из Иран-Хараба персы проводили карательные экспедиции в Табасаран, на Акушу, Кайтаг, Аварию, лезгинские и кумыкские села [3: 183]. Ставя целью контролировать Приморский Дагестан, Надир-шах возвел опорные пункты с земляным валом и установил пикеты через каждые три фарсаха, чтобы пресечь набеги дагестанцев [4: 290].

На рубеже 1741–1742 гг. русский резидент при шахе И.П. Калушкин не раз докладывал в Петербург, что армия Надир-шаха испытывает острый недостаток, прежде всего в провианте, и «у него (шаха. – *М.-П. А.*, *С. Б.*) с дагестанцами развернулось тяжелое дело… от которого Персия стонать не перестает» [19: 227–228]. Весьма сложной была ситуация в окрестностях Дербента и в самом городе, не говоря уже о лагере шаха Иран-Харабе.

И.П. Калушкин также сообщал, что после столь тяжелого поражения при Андалале шах получал письма с оскорблениями от уцмия Ахмед-хана Кайтагского, Ахмед-хана Мехтулинского, сыновей Сурхай-хана Казикумухского, засулакских князей [18: 170]. Наибольшей ненавистью к Надир-шаху отличался Ахмед-хан Мехтулинский [11: 152].

В декабре 1741 г. большинство старшин и владетелей Дагестана дали «клятвенное обещание» вести борьбу с персами до совершенного их вытеснения из Страны гор. Одновременно в этот период участились обращения местных владетелей к Российской империи за поддержкой в противостоянии шахской агрессии [21: 106]. Не уступал в ненависти к Надир-шаху, наряду с Ахмед-ханом Мехтулинским, и уцмий Ахмед-хан – один из главных руководителей антишахской борьбы народов Дагестана. Так, в 1742 г. он побудил к сопротивлению против Надир-шаха жителей Акуша-Дарго, чтобы они, как сообщал В.Ф. Братищев, «до последней капли крови твердо стояли и отнюдь шаху не сдавались» [6: 194]. В марте 1742 г. уцмий Ахмед-хан с войском инициировал военные акции против персов. В конце марта Надир-шах со значительными силами предпринял попытку подчинить уцмия и его приверженцев своей власти, но потерпел неудачу, потеряв при этом часть своих воинов. Надир-шах, вне себя от гнева, грозился, что не возвратится в Персию, пока не сломит сопротивление уцмия Ахмед-хана [18: 175].

В мае 1742 г. Надир-шах внезапно обрушился на жителей предгорья – кумыкские села Параул, Губден, Карабудахкент, Эрпели, Казанище и др. [18: 176]. Подверглись разрушению также Каранай, Кафыр-Кумух, Ишкарты и ряд других сел. Персы многих пленили, часть населения было истреблено. Уничтожались посевы, вырубались сады, угонялся скот, разрушались жилища [1: 156]. По сути, это была карательная экспедиция. Тем самым Надир-шах стремился сломить волю к сопротивлению населения Кумыкской равнины, впрочем, как и Дагестана в целом. В августе 1742 г. после ряда понесенных неудач шах захватил Акушу. Вот что писал по этому поводу академик П.Г. Бутков: «… персияне Акушинцов преодолели, многих убили и до 200 голов принесли к шаху на копьях, за что получили денежное вознаграждение» [5: 215]. Шахская армия также укрепилась в Казанище и Кафыр-Кумухе. Однако в горах шеститысячный отряд шаха угодил в засаду и был полностью ликвидирован. Стремясь к реваншу в борьбе с горцами, в сентябре 1742 г. Надир-шах сам повел войска в горы, но вскоре на р. Койсу был атакован и вынужден ретироваться. Одновременно другой шахский отряд после трех дней штурма овладел Кала-Курейшом. Однако в целом Надир-шах, не достигнув своей стратегической цели, в октябре 1742 г. через Тарки и Башлы вернулся в свой печально известный лагерь Иран-Хараб [12: 264].

Надир-шах осенью 1742 г. направился в уцмийство и прибыл в резиденцию уцмия Башлы. Исследователь Кавказа Е.И. Козубский писал, что

экспедиция Надир-шаха в горную часть Дагестана закончилась полным провалом. Вследствие понесенных неудач Надир-шах в октябре устроил лагерь севернее Дербента, у уцмиевой столицы Башлы, куда из Дербента были доставлены драгоценности и шахский гарем. Далее Е.И. Козубский сообщал, что Надир-шах в ноябре организовал разорительную экспедицию на владения уцмия Ахмед-хана, что в верховьях р. Дарбах, однако, потеряв 2,5 тыс. воинов, отступил [9: 90].

Практически весь 1742 г. Надир-шах проводил карательные экспедиции против населения Кумыкской плоскости и Табасарана. В ответ не прекращались партизанские вылазки дагестанцев, их нападения на персов, которые в значительной степени дезорганизовали обеспечение шахской армии из внутренних областей Персии [15: 181]. Осенью 1742 г. кызылбаши двинулись на Тарки, Бойнак и на владения Северной Кумыкии. Но и этот поход оказался безрезультатным во многом благодаря превентивным мерам российского командования на Кавказе [2: 81].

Сложившуюся картину антишахских настроений среди местного населения и одновременно антироссийские планы Надир-шаха лучше всего обрисовал преемник И.П. Калушкина, переводчик В.Ф. Братищев, в 1742 г. Сообщая о враждебных планах шаха Персии против Российской империи, В.Ф. Братищев писал, что «намерения эти отменяются по советам любимца шахова мирзы Зеки и главного муллы, который внушал, что русские будут действовать против Персии сухим путем и морем, андреевцы (эндиреевцы. – *М.-П. А.*, *С. Б.*) и кабардинцы вооружатся как русские подданные; наконец Россия поднимет дагестанцев и турок, в Кизляр русский генерал с большим войском уже прибыл» [17: 243].

Следует отметить, что Надир-шах после 1742 г. уже не предпринимал столь серьезных попыток пробиться в горы. В шахских войсках царили болезни и голод. Кроме того, силы персов таяли под постоянным напором партизанской борьбы дагестанцев. Не вызывает сомнений, что престиж Надир-шаха сильно пошатнулся, особенно учитывая тот факт, что у него для достижения цели было достаточно материальных и людских ресурсов. Кампания в Дагестане была проиграна, и Надир-шах это осознавал [7: 425].

Перед уходом из Дагестана «Гроза Вселенной» в отместку за несостоявшийся военный триумф решил отыграться на подданных Российской империи – засулакских кумыках. В феврале 1743 г. с корпусом численностью в 12 тыс. человек, 15 мортирами и орудиями он совершил внезапный маневр и, перейдя р. Сулак, обрушился на Аксай, Костек и Эндирей, а потом направился к Тереку. Российские военные власти на Кавказе приняли экстренные меры для защиты северных кумыков как подданных российской короны. Надир-шаху ничего не оставалось, как спешно ретироваться в направлении к Дербенту [18: 188]. Воспользовавшись как поводом восстанием в районе

Багдада, в 1743 г. он вывел остатки своих войск из Дагестана и тут же направился на войну с османами. Очевидно, что это был благовидный предлог для прикрытия своего поражения на дагестанской земле [13: 121]. По этому поводу Дж. Перри писал следующее: «Его (Надир-шаха. – *М.-П. А.*, *С. Б.*) дагестанская кампания 1741–1742 гг. потерпела фиаско, и постоянные восстания по всей области от Дербента до Тбилиси усложняли любые планы, которые он мог претворять для сохранения в качестве вассальных территорий Ирана» (цит. по: [20: 107]). Таковыми оказались результаты пребывания Надир-шаха в Дагестане. Лишь Дербент ему удалось сохранить за собой.

Воспользовавшись ненавистью, которую испытывало население Ширвана к Надир-шаху, Османская империя для борьбы со своим заклятым врагом приняла решение отправить в Ширван некоего Сефи-мирзу, известного также, как Сам-мирза. Этот самозванец стал выдавать себя за сына покойного шаха Хусейна. По замыслу Стамбула Сефи-мирза должен был предстать перед народами Персии как легитимный представитель династии Сефевидов, стремившийся вернуть законный трон из-под власти узурпатора Надир-шаха. Сам-мирзе в Ширване в 1743 г. удалось собрать вокруг себя несколько тысяч сторонников. Самозванца поддержали также извечный враг Надир-шаха уцмий Ахмед-хан и сын Сурхай-хана I Казикумухского – Магомед-хан [23: 98]. Под своими знаменами они смогли собрать не только самих ширванцев, но и представителей народов Дагестана – табасаранцев, лезгин, кази-кумухцев, кумыков и др. Им удалось овладеть Шабраном и ликвидировать находившийся там персидский гарнизон. Затем повстанцы захватили г. Ахсу – новую Шемаху, столицу Ширвана. Восстанием был охвачен и г. Дербент. Надир-шах направил против повстанцев, фактическими руководителями которых были самозванец Сам-мирза и Магомед-хан, своего сына Неср-Али-мирзу (Насруллу), которому удалось их разбить. Сам-мирза бежал в Кахетию, а Магомед-хан – в Дагестан. Пленных повстанцев по приказу Надир-шаха казнили. Сам-мирзу также настигла рука возмездия «Грозы Вселенной». Самозванца вскоре схватили и, не церемонясь, казнили [10: 90].

Тем временем уцмий Ахмед-хан, стремясь свести счеты с Надир-шахом, в январе 1744 г. отправил своего посланника с письмом к эндиреевским князьям, являвшимся подданными российской короны, с призывом присоединиться к нему со своим войском и совместными силами выступить против персов. Однако Российская империя была связана Гянджинским договором с Ираном, и поэтому, чтобы не нарушить соглашение, императрица Елизавета Петровна предписывала засулакским правителям как своим подданным не инициировать никаких наступательных акций против персов, ибо «между нашей Всероссийской империей и Персидским государством поставленный мир и доныне продолжается» [16: 74]. Находившийся на службе у Российской империи костековский владетель и воевода Алиш

Хамзин в 1745 г. предостерегал кумыкских правителей от оказания военной помощи уцмию Ахмед-хану, так как они состояли в российском подданстве: «В противном же случае не токмо высочайшей е.и.в. милостивой протекции лишиться, но и гнев понести можете», – констатировал Алиш Хамзин [16: 78]. Тем не менее в том же 1745 г. уцмий Ахмед-хан, которого поддержали представители ряда народов Дагестана, воспользовавшись восстанием горожан, напал на Дербент. Командовавший гарнизоном Дербента Гани-хан отступил к Шабрану. В конце концов отряд Гани-хана оказался разгромленным, а его самого настигла пуля возмездия [13: 123]. Разгневанный антиперсидскими восстаниями в январе 1745 г. Надир-шах во главе 30-тысячной армии вступил в Дербент. Далее завоеватель прошелся огнем и мечом по Кумыкской равнине. В результате противостояния с персами кумыкские села Карабудахкент, Бойнак, Утемыш и Губден в течение нескольких дней были захвачены и разрушены, а часть жителей были репрессированы и убиты. Кроме того, из кумыкских сел было угнано в качестве трофея 100 тыс. голов скота, затем доставленного в шахский лагерь [19: 252]. Однако попытки повтора столь успешного разорительного рейда в Кайтаг, Табасаран и ряд других сел не удались вследствие сближения народов Дагестана, искавших защиту от агрессивных устремлений Надир-шаха, с Российской империей. Уже в 1745 г. Надир-шах, потерпев неудачу и понеся серьезные военные потери, оказался вынужден отступить в Персию [1: 157]. Однако свою навязчивую идею покорения Дагестана, превратившуюся, по сути, в паранойю, «Гроза Вселенной» не оставлял и в последующие годы. Но этим грезам завоевателя не предначертано было воплотиться в жизнь. Июньской ночью 1747 г. Надир-шах пал жертвой заговора в Фетхабаде, в местности Хабушан в своем шатре. Заговор возглавили шахские военачальники Салах-бек, Афшар-бек и Мамад-Кули-хан. С убийством Надир-шаха практически сразу распалось созданное им государство Афшаров [8: 217].

Несмотря на бесчисленные бедствия, которые принес Надир-шах народам Дагестана, стоит признать, что он был великим завоевателем, который обладал исключительными военными способностями [22: 216]. Дж. Малкольм, не скрывавший своего восхищения Надир-шахом, писал о нем следующее: «Ни один из азиатских правителей не был столь успешен в своих завоеваниях, как он» [24: 47]. Надо признать, что из всех шахов Персии, неоднократно преследовавших цель завоевать Дагестан, Надир-шах достиг наиболее серьезных успехов во время своих дагестанских походов в 1734, 1735 и 1741 гг. Однако после его сокрушительного поражения в Андалальской битве инициатива оказалась потеряна раз и навсегда. История показала, что фактически ни одному из персидских шахов так и не удалось покорить Дагестан, какими бы военными силами они не обладали. Думается,

в свете сказанного вполне уместно процитировать слова военного историка XIX столетия А.А. Неверовского: «…получившая в удел восточная часть Закавказья Персия никогда не могла обуздать Дагестан. Посылаемые в Дагестан персидские войска испытывали одни лишь поражения, и в Персии существовала пословица: «Если шах глуп, то пусть пойдет войной на лезгинов (то есть дагестанцев. – *М.-П. А., С. Б.*)» [14: 60].

Таким образом, в заключение можно констатировать тот факт, что «Гроза Вселенной», «Искендер Востока», «Завоеватель Полумира», как называли Надир-шаха, «споткнулся» именно в Дагестане. В Стране гор закатилась звезда Надир-шаха как непревзойденного полководца Востока XVIII в. Как бы ни старался, какие бы усилия ни прилагал Надир-шах, но навязать ярмо рабства на народы Дагестана ему так и не удалось. Перед нависшей иноземной угрозой дагестанцы консолидировали силы в противостоянии с Надир-шахом. Иного не могло и быть. Победа или смерть: другой альтернативы у дагестанцев попросту не было. Победы, одержанные народами Дагестана над прославленными войсками Надир-шаха в Андалальской битве и последующих сражениях, были связаны, прежде всего, с их единением. И это явилось решающим фактором разгрома иноземных агрессоров.

Источники и литература

1. *Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала, 2008.

2. *Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владетели в освободительной борьбе народов Дагестана против Надир-шаха (1734–1745 гг.) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 52. С. 79–83.

3. *Абдусаламов М.-П.Б.* Политические связи засулакских феодальных владетелей с Россией в период походов Надир-шаха в Дагестан (1734–1745 гг.) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 1. С. 182–186.

4. *Базен Л.Ф.* Намэха-йе табиб-е Надер-шах. Техран, 1380/1961 (на перс. яз.).

5. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб., 1869.

6. *Гаджиев В.Г.* Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.

7. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. Т. I.

8. *Кишмишев С.Р.* Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889.

9. *Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

10. *Левиатов В.Н.* Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948.

11. *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Кн. II. Махачкала, 1999.

12. *Мусаев М.А.* События 1741–43 гг. в Дагестане в англоязычной биографической литературе о Надир-шахе // Единение народов Дагестана в борьбе против иноземных завоевателей: материалы международной научной конференции, посвященной 270-летию разгрома войск Надир-шаха в 1741 г. в Дагестане (20 мая 2011 г., г. Махачкала). Махачкала, 2013. С. 259–268.

13. Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.

14. *Неверовский А.А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.

15. *Рамазанов Х.Х.*, *Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.

16. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сборник документов / сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов и др. М., 1988.

17. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 21. М., 1871.

18. *Сотавов Н.А.* Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.

19. *Сотавов Н.А.* Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. Махачкала, 2013.

20. *Сотавов Н.А.* Освободительная борьба народов Северного Кавказа в свете русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. (в освещении зарубежной историографии) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья: сборник научных трудов / отв. ред. Т.М. Айтберов. Махачкала, 1986. С. 94–111.

21. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в.: От Константинопольского договора 1700 г. до Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. М., 1991.

22. *Ша'бани Р.* Краткая история Ирана. СПб., 2008.

23. *Ateş A.*, *Halaçoğlu A.* Avşarlı Nadir şah ve döneminde Osmanlı-İran mücadeleleri. Isparta, 2001.

24. *Malcolm J.* The history of Persia from the early period to the present time. Vol. 2. London, 1815.

А.П. Скорик, И.М. Федина

ЦАРИЦЫНСКИЙ ТРАКТ И ПРАВЫЙ ФЛАНГ КАВКАЗСКОЙ УКРЕПЛЕННОЙ ЛИНИИ: К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДОРОЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Жизнеспособность правого фланга Кавказской укрепленной линии, а значит, и упрочение здесь позиций черноморских и линейных казаков,

водворение их в Закубанском крае во многом предопределялись состоянием путей снабжения и доставкой всего необходимого на передовые рубежи в регион Северо-Западного Кавказа. В глобальном плане от этого зависело усиление геополитического присутствия Российской империи на Кавказе.

В середине XIX в. снабжение воюющей Русской императорской армии осуществлялось несколькими способами. Наиболее известен Большой Черкасский тракт в общем направлении от Москвы до Черкасска на Дону и до Ставрополя-Кавказского. Мы же обратимся к менее известной истории возникновения Царицынского (Царицынско-Ставропольского) тракта. Его появление связано с обустройством (с 1777 г.) Азово-Моздокской оборонительной линии протяженностью 700 верст с 10 основными крепостями. На эти рубежи выдвигаются волжские казаки из упраздненного Волжского войска, и неизбежно формируется потребность прокладки наиболее короткой дороги от Царицына к новой линии. В указе императрицы Екатерины II от 6 августа 1777 г. ставится задача найти достаточно короткую и удобную дорогу. Она и получает название Царицынского (Царицынско-Ставропольского) тракта, начинавшегося в Дубовке на Волге и заканчивавшегося изначально в урочище Маджары (в районе современного г. Будённовска Ставропольского края). Новый тракт пролегал на стыке границы Земли Войска Донского и Астраханской губернии. Большинство ключевых пунктов тракта находились на расстоянии 25–30 верст друг от друга, за исключением отрезка от с. Петровского до урочища Маджары, когда в пути от одного пункта до другого требовалось преодолеть 70 верст. Расстояние 25–30 верст составляло тогда один дневной переход и позволяло преодолевать путь относительно комфортно, с отдыхом для людей и лошадей. В с. Петровском тракт получал два направления: юго-восточное – в сторону крепости Георгиевской и юго-западное – в сторону Ставропольской крепости. Протяженность «тракта, считая крайними точками города Ставрополь и Царицын, составляет около 457 верст» [4: 68 паг.].

К 1785 г. Царицынский тракт приобрел стратегическое значение как важнейший путь на Кавказ, поэтому императрица Екатерина II своим указом от 9 мая поручила светлейшему князю Г.А. Потёмкину четко обозначить на местности пролегание дороги и обеспечить должную охрану с помощью разъездных кордонов с разнарядкой по каждому кордону: один урядник и восемь конных казаков. В процесс охраны вовлекались и казаки, и калмыки, а затем и сами переселенцы. Расчет делался на рост численности постоянных поселений и увеличение в них количества жителей, в том числе с подталкиванием калмыков к оседлости. Несмотря на приложенные усилия, заселить Царицынский тракт должным образом к концу XVIII в. не получилось, успехи «были достигнуты весьма скромные, и решить эту задачу в целом не удалось» [2: 7].

Указ императора Николая I «О заселении дорог на Калмыцких землях в Астраханской губернии» от 30 декабря 1846 г. открыл новый этап в истории Царицынского тракта. Император решил: «1) По протяжению показанных на плане дорог чрез Калмыцкие земли учредить 44 станицы. 2) Поселение Калмыков произвести по добровольному их согласию, вызвав к сему желающих, под ближайшим руководством Главного Попечителя Калмыков, в улусах казенных – чрез Правителей и Улусных Попечителей, а в улусах владельческих – посредством владельцев» [6: ст. 20758].

К 1850 г. на Царицынском тракте появляются следующие 11 станиц: Тундутова (где проживало 50 семейств), Садовая (50 семейств), Обильная (30 семейств), Кисилёва (22 семейства), Заветная (6 семейств), Торговая (28 семейств), Ремонтная (31 семейство), Крестовая (50 семейств), Кормовая (18 семейств), Приютная (15 семейств), Дивная (19 семейств). Казалось бы, надо радоваться поселенческому укреплению тракта, но из 11 станиц только в трех (Тундутова, Садовая, Крестовая) поселенцы находились в «удовлетворительном состоянии», в семи станицах ситуация оценивалась как посредственная, а в ст. Заветной люди проживали «в самом незавидном» состоянии. Кроме того, контингент заселялся в станицы своеобразный, непременно с какой-то особенной жизненной историей, поскольку поголовно у всех поселенцев паспорта оказались при проверке просроченными. Тем не менее обозначенные поселения и разъездные кордоны обеспечивали функционирование Царицынского тракта. Для объяснения важности дорожной коммуникации для снабжения правого фланга Кавказской укрепленной линии обратимся к архивным материалам, обнаруженным нами в фонде 383 «Первый департамент Министерства государственных имуществ» Российского государственного исторического архива.

В письме товарища военного министра генерал-майора князя В.А. Долгорукова первому министру государственных имуществ России генералу от инфантерии графу П.Д. Киселёву от 14 мая 1849 г., зарегистрированном во втором отделении канцелярии Военного министерства под № 4744, сообщается, что «магазины правого фланга Кавказской линии снабжаются частью провиантом, заготовляемым во внутренних губерниях, который сплавляется на Подпольную (на Дону) пристань, а оттуда доставляется сухопутно в означенные магазины» [7: 1]. Поясним фрагмент переписки высоких должностных лиц.

Под магазинами подразумеваются мелкооптовые склады, откуда по государственной разнарядке или же за плату осуществлялись поставки продовольствия потребителям. Целенаправленно заготавливавшийся для снабжения правого фланга Кавказской укрепленной линии во внутренних губерниях Российской империи провиант большими партиями отправлялся водным (наиболее дешевым) путем по реке Дон до самых ее низовий.

Ключевым пунктом перегрузки провианта для Кавказской армии с водных судов на гужевой транспорт являлась Подпольная пристань (район нынешней ст. Старочеркасской Ростовской области), куда прибывали барки (плоскодонные несамоходные речные суда без палубы, нередко с большим прямым парусом) с грузами, объем которых на каждом судне мог составлять от 600 до 1200 т. По существу, речь идет о двух отдельных пристанях на одном из судоходных рукавов реки Дон (в 7 км ниже по течению от тогдашнего города Старочеркасска), находившихся на расстоянии 1 км между собой. Во времена большого половодья разгрузка происходила на Верхней Подпольной пристани, но ключевым местом считалась Нижняя Подпольная пристань, где прибывавшие грузы складировались для последующей отправки на Кавказ. Даже если разгрузка по каким-то причинам происходила на Верхней Подпольной пристани, то грузы вначале перевозились на Нижнюю Подпольную пристань. Именно из-за нарастания грузопотока была изменена логистика доставки востребованных товаров и актуализировано обустройство Царицынско-Ставропольского тракта.

Князь В.А. Долгоруков об этом предметно пишет в упомянутом выше послании графу П.Д. Киселёву: «При устройстве за[готовительного] подряда хлеба в потребность текущего года для сих магазинов дозволено подрядчикам заготовить некоторую часть продуктов в Нижневолжских губерниях и сплавить оную до Царицына, а оттуда отправить сухопутно в магазины Кавказской линии.

Этот новый способ снабжения линейных магазинов продуктами из хлеборобнейших губерний, без сомнения, доставит казне немаловажные выгоды и оживит промышленность местных жителей тех пунктов, чрез которые транспорты с хлебом будут проходить от Царицына до линейных магазинов, но для принятия на будущее время упомянутого способа снабжения сих магазинов собираются некоторые подробнейшие по этому предмету сведения» [7: 1–1 об.].

Иначе говоря, товарища военного министра князя В.А. Долгорукова не только интересовала экономическая эффективность доставки грузов военного назначения на правый фланг Кавказской укрепленной линии, но и беспокоило состояние нового логистического пути, связанного с Царицынско-Ставропольским трактом. Поэтому в очередном послании министру государственных имуществ России генералу от инфантерии графу П.Д. Киселёву от 17 февраля 1850 г., зарегистрированном в Первом отделении (стол 1) Провиантского департамента Военного министерства под № 579 (как отчет на № 240 по предмету населения Калмыцких земель), член Военного совета генерал-лейтенант князь В.А. Долгоруков, временно исполнявший обязанности военного министра, стремился зафиксировать ситуацию с разграничением путей продовольственного снабжения различных

участков правого фланга Кавказской укрепленной линии. В документе В.А. Долгоруков сообщал о том, что войска Отдельного Кавказского корпуса обеспечиваются продовольствием одним из двух способов: либо покупкой его на местах, либо «приобретением хлеба на Донских, Волжских и других пристанях с доставкой в Астрахань для магазинов левого фланга Кавказской линии и на Подпольную пристань, оттуда производится сухопутная подвозка хлеба в магазины правого фланга» [7: 3]. Далее князь указывал, что в связи с неурожаем в Воронежской и смежных с ней губерниях некоторым подрядчикам дозволялось заготавливать часть хлеба в нижневолжских губерниях и осуществлять поставки не на Подпольную пристань, а в Царицын, откуда хлеб отправлялся на правый фланг Кавказской линии [7: 3 об.].

В документе также приводится мнение князя М.С. Воронцова о перспективах совершенствования системы перевозок провианта в Калмыцких землях – оно дается в пересказе В.А. Долгорукова: «Ныне князь Воронцов уведомляет меня, что сухопутная перевозка хлеба с Подпольной пристани производилась в течение последних 5 лет… и что в магазины может быть доставляем хлеб из Царицына, за исключением Екатеринодарского, Афипского, Ольгинского, Абинского, Варениковского и Фанагорийского магазинов, куда удобнее доставлять хлеб с Подпольной пристани… что дороги от Волги через Калмыцкую степь могут принести пользу в видах собственно перевозки провианта из за-Волжских губерний на правый фланг Кавказской линии в такие только годы, когда неурожай в при-Донских губерниях вынудит произвести заготовление на Волге.

В заключение князь [М.С.] Воронцов находит, что предполагаемое сухопутное сообщение может открыться не ранее того времени, когда заселится дорога; что же касается дороги от Астрахани по берегу Каспийского моря, то местность эта, сколько известно ему, безводна» [7: 4–4 об.].

Итак, фрагмент деловой переписки князя В.А. Долгорукова и графа П.Д. Киселёва позволяет нам понять, какими путями снабжался продовольствием правый фланг Кавказской укрепленной линии. Также очевидна обеспокоенность Военного министерства состоянием Царицынско-Ставропольского тракта, причем военное ведомство нисколько не сомневалось в материально-финансовой эффективности этого пути, но надежность (безопасность) его связывалась, прежде всего, с заселением намеченных ключевых населенных пунктов. Поэтому 13 марта 1850 г. Первый департамент Министерства государственных имуществ направляет предписание № 191 главному попечителю калмыцкого народа. В документе, в частности, указывалось: «Первый Департамент [Министерства] Государственных имуществ, находя, что следует поспешить [с] заселением штрихом показанных на плане дорог, которые идут из мест при речке Волге расположенных,

именно: от Саратовской губернии к Ставропольской и от г[орода] Астрахани к [городу] Кизляру, докладывая об этом Его Сиятельству, Господину Министру, и вследствие того с утверждения Его Сиятельства предписывается Вашему Превосходительству озаботиться в особенности скорейшим устройством при этих дорогах станиц и донести Министерству о настоящем положении заселения помянутых пунктов, а равно войти в местное соображение, в какой мере за удостоверением Г[осподина] Наместника Кавказского о безводности правого берега Каспийского моря проложение там дороги представляется возможным, тем более что из установленных Вашим Превосходительством 27 сентября 1849 года № 123 сведений видно, что по этой дороге начато уже в 2-х станицах заселение» [7: 10 об.–11 об.].

Управляющий Астраханской палатой государственных имуществ (и одновременно по должности состоявший в Калмыцком управлении палаты как главный попечитель калмыцкого народа и председатель совета названной палаты в период 1848–1858 гг.) генерал-майор М.И. Тагайчинов сообщал в ответной депеше № 288 от 19 апреля 1850 г. в Первый департамент своего министерства сведения «о заселении дороги известной под названием Томской, следующей от города Царицына в Ставропольскую губернию»:

«1-е. Начиная от селения Цацы, как видно по ведомости, до реки Маныча на расстоянии 220 верст учреждено 10 станиц, но все они довольно значительно удалены от берегов реки Волги и, из них же в 9, хотя и не в полном числе (50) семейств, но есть уже водворенные русские крестьяне, и к ним в настоящем году ожидаются изъявившие желание водвориться по правилам Министерства Государственных имуществ, что заменят или вовсе не отменят их выслать на избранные ими же места.

2. От речки Маныча по той же Томской, или иначе Царицынской, дороге, до первого селения Ставропольской губернии Петровского назначено учредить 4 станицы, но в них водворенных до сего времени нет, а между тем это пространство наиболее нужно заселить для обеспечения проходящих там в большом числе транспортов, которые нередко подвергаются насилиям и грабежам от разных около тех мест кочующих инородцев и даже от переселенцев» [7: 19 об.–20].

Обратим внимание на название тракта. Главный попечитель калмыцкого народа М.И. Тагайчинов называет его Томским, а потом уточняет: Царицынская дорога. Путаница возникла из-за того, что два дорожных пути на первом отрезке до с. Цаца на протяжении 57 верст мало чем отличались. Наименование Томский исторически восходит к временам Персидского похода Петра I и к названию одного из русских полков [4: 70 паг.]. Вместе с тем С.С. Белоусов указывает название Маджарский по конечному пункту тракта перед Кавказской укрепленной линией [1: 155]. Большая Сальская дорога в начале пути также совпадает с Царицынско-Ставропольским трактом,

когда путники направлялись из крепости Ставрополь сразу до с. Петровского, а оттуда уже двигались левым берегом р. Калаус в сторону Каменного брода. Далее дорога пролегала через Маныч к Дубовской пристани, располагавшейся на р. Волге [3: 108]. Эти исторические сходства, безусловно, затрудняют поиск достоверной информации о Царицынском тракте.

К четырем учреждаемым станицам на участке тракта от р. Маныч до с. Петровского, как нам удалось установить, относились станицы (в перечислении по порядку расположения): Дивная, Дербетовская, Винодельная, Предтеча, но они существовали какое-то время только на бумаге, если верить депеше М.И. Тагайчинова. Однако ст. Дивная входила в состав 44 станиц, определенных указом императора Николая I «О заселении дорог на Калмыцких землях в Астраханской губернии» от 30 декабря 1846 г. Общепризнанной датой ее возникновения считается 1850 г., а по поводу названия существуют разночтения, поскольку устойчивым несколько десятилетий оставался топоним Га(о)рдачи, производный от местной степной речки. Такая же ситуация сложилась с изначальным периодом истории с. Дербетовка, которое при основании именовалось по балке Сладкие Копани. Начальный этап истории современного г. Ипатово связывают с с. Чемрек, образованным в 1860 г. и позже переименованным в с. Винодельное. Соответственно, станичный этап пока остается неизученным. Тот же алгоритм возникновения обнаруживается у с. Октябрьского, именовавшегося в рассматриваемый период ст. Предтеча (Предтеченская). По другим данным, к концу 1840-х гг. «было основано семь станиц: Дивная, Дербетовка, Винодельная, Предтеченская, Величавая, Урожайная и Пробитый Колодец. В каждом поселении – по 65–70 дворов (и семей соответственно). Имеются сведения, что станица Винодельная обустроилась на месте казачьей заставы Чемрек» [5: 55].

Итак, история Царицынского (Царицынско-Ставропольского) тракта таит в себе еще немало исторических загадок, в частности связанных с образованием цепи казачьих станиц, расположившихся вдоль дорожной артерии стратегического назначения. Представляет интерес история группы из четырех самых северных станиц Ставропольской губернии. Нуждается в прояснении вопрос об административно-территориальной связи этой группы станиц с «казачьим поясом» Ставропольской крепости, который нами изучен в монографии «Кубанские курени и станицы» [8: 1232–1273]. А главное, еще предстоит ответить на вопрос, почему не сложилась эта станичная история, ведь дело не только в нахлынувшей волне крестьянской колонизации после 1861 г., способствовавшей образованию сел в Ставропольской губернии. Не менее важен вопрос об объемах поставок и характере военных грузов, проходивших на правый фланг Кавказской линии и распределявшихся по отдельным магазинам.

Источники и литература

1. *Белоусов С.С.* Государственная политика заселения Царицынского и Кизлярского трактов во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 153–158.

2. *Белоусов С.С.* Из истории раннего заселения Царицынского и Кизлярского трактов (вторая половина XVIII в.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 4. С. 2–7.

3. *Герман Р.Э.* Социальное и экономическое развитие Ставрополья в контексте геополитики России на Кавказе: конец XVIII – начало 60-х гг. XIX века. Ставрополь, 2017.

4. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб., 1868.

5. *Кротенко В.Н.* Степная колыбель героев. История Ипатовского муниципального района Ставропольского края. Ставрополь, 2014.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е: в 129 т. Т. XXI. Отд. II. СПб., 1847.

7. Российский государственный исторический архив. Ф. 383. Оп. 12. Д. 12350.

8. *Скорик А.П.*, *Федина И.М.* Кубанские курени и станицы. Повседневный поселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII – первой трети XX веков. Новочеркасск, 2022.

Ю.Ю. Клычников, А.Н. Рябиков

«В НАУЩЕНИИ ЕГО КРЕСТЬЯН К ОТЫСКАНИЮ СВОБОДЫ...»: УЧАСТИЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ПРОТЕСТНОМ ДВИЖЕНИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. НА ПРИМЕРЕ С. МАСЛОВ-КУТ

В 2023 г. исполняется ровно 170 лет резонансному не только по местным меркам, но и в масштабах империи происшествию, связанному с борьбой крестьян с. Маслов-Кут, расположенного в Пятигорском уезде Ставропольской губернии, против крепостнических порядков (ныне это с. Стародубское Будённовского района Ставропольского края). Это событие не раз вызывало интерес у исследователей-кавказоведов, но до сих пор в этом вопросе остаются белые пятна, устранение которых показывает новые нюансы в затяжной и драматичной борьбе местных крестьян за свою честь и свободу.

Дата основания селения остается дискуссионной и, по одной из гипотез, это 1774 г. Первопоселенцы на земле Прикумья были казенными и частновладельческими крестьянами из числа великороссов и малороссов, а также «польскими выходцами». Под последними вполне могли подразумеваться как этнические поляки, так и представители любых других народов, проживавшие на территории Речи Посполитой. В монографии С.А. Чекменёва высказывалось предположение, что появление этих людей на Северном Кавказе связано с пугачёвским движением, к которому они, возможно, были причастны [16: 332]. Исходя из этой логики, уместно допущение, что «польская» часть переселенцев могла устремиться на юг после первого раздела их государства в 1772 г. Таким образом, здесь собрались решительные и способные на отчаянный поступок колонисты, готовые пойти на конфликт с властями в отстаивании своих интересов. Здесь они искали волю и землю, а опасности, присущие фронтиру, не пугали пассионариев, вырвавшихся из-под крепостного гнета.

Первое время они были потеряны для местной администрации, но в 1783 г. территория, на которой расположился Маслов-Кут (Привольное)[1], была передана Григорию Александровичу Потёмкину. От имени генерал-фельдмаршала этими землями управлял капитан Ковалевский, который начал привлекать сюда беглецов «из разных губерний и Царства Польского». По сведениям на 1787 г., в селении насчитывалось 394 мужчины и 284 женщины, а еще спустя два года уже 718 душ обоего пола, которых приписали к казенному ведомству [12: 8–9]. Сделано это было согласно распоряжению императрицы причислять «беглых разного звания людей, в Кавказскую губернию зашедших, к казенному ведомству сего наместничества» [11: 7]. Таким образом, все они были людьми свободными, и произошедшие в дальнейшем события вызвали у них справедливое возмущение.

Земля несколько раз меняла своего владельца, перейдя после смерти князя Потёмкина к генерал-майору Николаю Петровичу Высоцкому, а от него в 1794 г. к камер-фурьеру Захару Константиновичу Зотову. Имевший обширные связи при дворе императрицы Екатерины II чиновник сумел изменить статус маслокутцев, которые из казенных в 1795 г. превратились в частновладельческих [15: 247]. С этого момента началась длительная борьба крестьян Маслова-Кута с помещиками за право оставаться вольными.

Надежды на справедливость сельчане связывали с государем, на имя которого не раз отправляли жалобы и просьбы восстановить их права. Заканчивалось это физическим наказанием и ссылкой на каторгу наиболее активных участников протестного движения. На некоторое время страсти затихали, но потом вспыхивали с новой силой. Очередной всплеск

[1] Название селения, вероятно, закрепилось не сразу, в некоторых документах фигурируют оба варианта [15: 247].

недовольства выпал на 1825 г., когда вновь сменился владелец Маслова-Кута и селение попало в руки «кизлярского дворянина» Варлама Степановича Калантарова. Обоснованность его дворянского статуса вызывала большие сомнения, а потому он не имел права владеть крепостными [13: 35].

Попытка воспользоваться благоприятной ситуацией и выкупить себе волю закончилась безрезультатно. Не удалось местным жителям обрести свободу и записавшись в казачье сословие. Раз за разом отправлялись ходатайствовать за общество наиболее авторитетные и грамотные жители Маслова-Кута, умудряясь передавать свои просьбы в руки не только местных администраторов, но даже императору Александру I. Это стало возможным благодаря тому, что «на месте во всех инстанциях сочувствовали положению крестьян и потому, насколько можно было, помогали» в их противостоянии с помещиком [12: 11].

Но ожидаемого результата не последовало. Между тем новый владелец ужесточил поборы с крестьян, которые отныне, помимо оброка, должны были еще исполнять барщину. В ответ крестьяне вредили помещичьему хозяйству, что неуклонно приводило к разорению еще недавно цветущего селения [7: 107].

Постоянные проблемы, которые несла затянувшаяся тяжба, попытались решить, передав его в 1833 г. под опеку дворянского совета. Но и этот вариант управления не устраивал как Калантарова, так и самих маслокутцев [6: 23–24]. Дело дошло до Николая I, которому крестьяне в 1837 г. сумели донести о своих претензиях [14: 474]. В ходе проведенного расследования оказалось, что «жалобщики не предоставили достаточных доказательств к подтверждению своих изветов», тем не менее решено было в 1838 г. снять опеку [2: 14 об.].

Поток дальнейших жалоб решили пресечь Высочайшим манифестом 1839 г. Крестьянам прощали все их прошения о свободе, «что было равносильно бунту», но оставляли во власти помещика [12: 15]. Такой исход не удовлетворял местное общество, искренне убежденное, что от государя скрывают подлинные обстоятельства незаконного закабаления их предков. И когда после смерти Варлама Степановича в право собственности вступили Аким, Гавриил и Герасим Калантаровы, начался очередной виток противоборства маслокутцев с новыми владельцами. В 1842 г. они обратились к начальнику области с жалобой на жестокие притеснения помещиков, но в ответ лишь получили предупреждение не вовлекаться «в такое домогательство, которого неосновательность и вредные последствия вполне известны» [14: 474].

Уверенность в своей правоте крестьяне черпали из бесед с грамотными земляками, которые оказывали им юридическую поддержку, помогая и направляя их социальный протест в нужное русло. Среди них оказались

и представители духовенства, ратующие за свою паству. Видится важным ввести в научный оборот документ, который наглядно характеризует совместные усилия отдельных священнослужителей и мирян в борьбе за торжество справедливости.

В Кавказское областное правление 26 октября 1844 г. обратился отставной гвардии штаб-ротмистр Герасим Степанович Калантаров с прошением, в котором пояснял, что «с 1843 года так сильно и так много лиц явно начали сбивать крестьян их, объясняя им всё противозаконное, и тем производят в них волнение, почему, не приняв строгих мер, нельзя ручиться, чтобы по примеру прежних лет не произошло какого-либо буйства» [4: 1]. Причина, по которой Калантаров предрекал новые беспорядки, объяснялась опасением, будто «возмущающие успели твердо вселить мысль крестьянам, что начальство неправильно причислило их к крепостному званию» [4: 1 об.]. Среди главных возмутителей, в числе которых были представители разных сословий и должностей – купец, мещанин, писарь, старшина, первым упоминался священник приходской церкви Пётр Ржаксинский.

Если первые «возмутители крестьян» были усилиями братьев Калантаровых изгнаны из селения и «о поступках их немедленно дано знать земской полиции» [4: 2], то со священником так поступить помещики не решились. Он продолжал убеждать прихожан в справедливости их борьбы за свободу от крепостного состояния. Действия владельцев не остановили радетелей за общественное благо, и последние, находясь в близлежащих от Маслова-Кута селениях, «не перестают внушать крестьянам распоряжения правительства и права их в превратном виде, почему легко могут уговорить крестьян к поступкам противозаконным» [4: 2 об.].

В итоге решением Пятигорского земского суда было предписано сообщить в Кавказскую духовную консисторию о действиях священника Ржаксинского и добиться его удаления из Маслова-Кута. Но в консистории не стали торопиться выполнять это требование, указав, что следствие по жалобе Калантаровых еще не завершилось и оснований удовлетворять полученное предписание у духовного ведомства нет. Всё ограничилось постановлением «местному благочинному предписать, чтобы священника Ржаксинского обязал строжайшею подпискою впредь отнюдь не делать возмущения между крестьянами помещиков Калантаровых под опасением за противные тому непременного удаления его от настоящего места» [4: 4–4 об.].

Дальнейшее расследование затянулось, и, судя по сохранившимся сведениям, Церковь явно не стремилась отдавать на расправу своего служителя. Он был на хорошем счету, и по его поведению никаких нареканий не поступало. Высоко также оценивались служившие в местной Николаевской церкви диакон и причетники. Прихожане не жалели своих средств

на Божий храм, отличавшийся вместительностью и наличием необходимой утвари, что можно было сказать далеко не обо всех церквях Кавказской и Черноморской епархии [3: 12]. Подвергнутый допросу, он не сумел снять выдвигаемые в его адрес обвинения, но и оснований признать приписываемую ему вину у следствия не оказалось.

В консисторию из Кавказского областного правления в мае 1846 г. довели следующее решение: «Из дела сего видно, что помещик Герасим Калантаров, основываясь на предъявлениях своих крестьян, заподозрил вольноотпущенного (что ныне Пятигорский купец) Григория Сукачёва и священника Ржаксинского в наущении его крестьян к отысканию свободы. Оговоренные не признались в взводимых на них поступках и к изобличению их ясных доказательств не представлено. Но при соображении и событий, произшедших в имении Калантаровых, от неприятностей как себе, так помещика и сказанных крестьян его посему священника Ржаксинского за лживый поступок в деле сем объясненный опенять пятью рублями серебром в пользу вдов и сирот духовного звания… предписать с тем, чтобы вы внушили виновному Ржаксинскому, что снисхождение сие ему сделано начальством потому единственно, что из дела не видно никаких вредных последствий от разноречивого его показания и что он уже выведен из села Маслова-Кута…» [4: 16 об.–17]. Дело тянулось до марта 1857 г., но найти свидетельств вины священника так и не удалось. В итоге решили, что произошедшее «особой важности в себе не заключает», и сдали материалы в архив [4: 18].

Между тем ситуация продолжала накаляться. Калантаровы с помощью насилия пытались сломить волю маслокутцев к сопротивлению. Избиения, изнасилования и глумления над женщинами, убийства местных жителей довели ситуацию до предела [16: 335]. Не помогло даже заступничество наместника Михаила Семёновича Воронцова, сделавшего личное внушение зарвавшемуся владельцу. У Г.С. Калантарова нашлись весьма авторитетные покровители, среди которых оказались пятигорский предводитель дворянства и ставропольский гражданский губернатор, заверявшие, что все жалобы крестьян надуманы и неосновательны [12: 17]. Сам Калантаров был отмечен за свою воинскую службу наградами и, судя по поддержке местного дворянства, выбравшего его своим губернским предводителем, пользовался расположением ставропольских помещиков [5: 576].

Отношение к нему у крестьян было иным. В 1850 г. раскрыли заговор с целью убийства ненавистного крепостника. Виновников отправили в Сибирь, а те, кто поддерживал их, подверглись телесному наказанию [12: 17–18; 15: 248].

Трагедия произошла в начале 1853 г. 2 января часть жителей Маслова-Кута отправилась на службу в церковь, но, так как местный приказчик дал

распоряжение собирать на реке лед, другие вынуждены были отрабатывать барщину. Возвращаясь с Рождественской заутрени, крестьяне стали возмущаться несправедливым, по их мнению, принуждением к исполнению повинности. Возможно, случившееся явилось следствием накопившегося за последнее время раздражения барским произволом, а на проповеди они в очередной раз услышали о продолжавшемся произволе со стороны властей.

Вооружившись дубинами, маслокутцы избили сельского атамана (старосту) Павла Васильевича Лемешко и приказчика Степана Башкирова, посчитавшись с ними за жестокость и доведение до смерти своих земляков [10: 125]. На кругу выбрали самоуправление во главе с атаманом, крестьянином Кикотом, и поклялись погибнуть, но не подчиниться помещику. Они попросили своего священника окропить их святой водой, тем самым придав присяге мотивы христианского самопожертвования. Были отправлены гонцы собирать всех отсутствующих на тот момент в селении людей, чтобы всем миром стоять за правду.

Это особенно встревожило местную администрацию, которая небезосновательно опасалась, что Маслов-Кут поддержат и другие крестьянские общества. Сюда спешно прибыли чиновники из пятигорского земского суда в надежде уговорить крестьян прекратить беспорядки. Но их миссия успеха не имела [8: 79]. Тогда для восстановления закона селение посетил гражданский губернатор генерал-майор Александр Алексеевич Волоцкий. По его приказу мятежники были блокированы силами регулярных войск и казаков, усиленных артиллерией. Переговоры успехом не увенчались. Закрепившись возле своей церкви, жители готовы были отбиваться от карателей. Показательно, что не только мужчины и женщины, но даже дети взяли в руки дубины.

В данной ситуации вызывает интерес попытка с помощью вызванных из других селений священнослужителей убедить маслокутцев разойтись. Они решили организовать крестный ход, а священник Миловидов обратился к крестьянам с проповедью, цитируя Священное Писание. Но на возмущенных людей слова чужого пастыря впечатления не произвели. Более того, его обвинили в измене интересам истинных христиан и поддержке «проклятого». Столь же безрезультатным осталось увещевание благочинного Василия Попова. При всей набожности местного населения, оно готово было прислушиваться далеко не к каждому священнику, деля их на своих и чужаков [12: 19].

По приказу А.А. Волоцкого вооруженное подавление восстания крестьян произошло 12 января. Против них применили все имеющиеся у военного отряда средства, в том числе задействовав пушки. Оставшиеся в живых повстанцы укрылись на территории своего храма, откуда их предпочли

выпустить, не задерживая. Обращает на себя внимание тот факт, что количество жертв так и не смогли определить точно. По данным, предоставленным губернатором, было убито 160 и ранено 111 человек [10: 132]. Но секретарь ставропольской консистории называл другие цифры. По сведениям церковнослужителей, убито и ранено 340 человек [16: 337]. Местный причт называл еще большее количество жертв – 550 человек. Они же поведали, что в результате артиллерийского обстрела один из снарядов пробил брешь в церкви, впоследствии отремонтированной [9: 203]. То, что информация, предоставленная священниками, не согласовывалась со статистикой светских властей, вполне может быть формой осуждения произошедшей трагедии. По авторитету местных пастырей был нанесен удар, и они поневоле оказались включены в лагерь устроившей кровопролитие силы.

Между тем общественное мнение явно осудило произошедшую расправу. Среди казаков и солдат были сочувствующие крестьянам, отказавшиеся участвовать в расправе [16: 340]. Сами маслокутцы и в дальнейшем не собирались смиряться с произволом. Примечательно, что и местный дьячок Суходольский как мог поддерживал прихожан, помогая им составлять прошения к властям. Он «первый указал крестьянам на место в следованной псалтыри о “проклятых арианах”… Конечно, крестьяне сами не могли напасть на такую мысль, а познания Суходольского в сравнительном богословии не помогли ему отличить ариан от армян. Ввиду всего этого была признана наличность вины дьячка, и дело о нем поступило к епархиальному начальству» [14: 484].

Упорство крестьян в итоге дало свои плоды. В 1857 г. Александр Иванович Барятинский выступил за их выкуп у Калантаровых [1: 469–470]. Это мнение разделил и император Александр II. Получив в долг у казенной палаты деньги, жители Маслова-Кута рассчитались с владельцем, но вынуждены были покинуть родное селение, оставив помещику свои дома и хозяйственные постройки. Пусть таким способом, но они получили долгожданную свободу. Была в этом и заслуга местных священников, которые в непростых обстоятельствах вставали на сторону своих прихожан.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904.

2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 1. Д. 1718.

3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 60.

4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 568.

5. Кавказский календарь на 1852 год, изданный от канцелярии наместника Кавказского. Тифлис, 1851.

6. *Клычников Ю.Ю.* «Многолетней, всегда беспорочной и отлично усердной службе его…»: Алексей Федорович Ребров в памяти потомков // Ребров А.Ф. Научно-практическое наследие: материалы для биографии А.Ф. Реброва. Вып. 2 / сост. И.А. Лачинов. Кисловодск, 2021. С. 5–42.

7. Край наш Ставрополье: очерки истории / науч. ред. Д.В. Кочура, В.П. Невская. Ставрополь, 1999.

8. *Линков Я.И.* Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 гг. М., 1952.

9. *Михайлов Н.Т.* Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910.

10. Наш край: документы, материалы (1777–1917 гг.): к 200-летию г. Ставрополя. Ставрополь, 1977.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIII. СПб., 1830.

12. *Прозрителев Г.Н.* Дело крестьян селения Маслов-Кут, Ставропольской губернии 1853 года // Сборник сведений о Северном Кавказе (материалы: исторические и естественно-исторические). Т. III / под ред. Г.Н. Прозрителева. Ставрополь, 1909. С. 3–22.

13. Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г. / сост. Ставропольским дворянским депутатским собранием по постановлению очередного губернского собрания, состоявшегося 16 декабря 1909 года. [Б. м.], 1912.

14. *С-р И.* Из жизни малороссийских колонистов на Северном Кавказе // Киевская старина. 1884. Т. IX. С. 467–484.

15. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

16. *Чекменёв С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967.

Н.С. Степаненко

ДЕЛО ВЛАСА СТЕПАНОВА: ЭПИЗОД БОРЬБЫ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ С РАБОТОРГОВЛЕЙ НА ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ

Работорговля на Северном Кавказе имеет продолжительную историю. В указанном регионе куплей и продажей невольников занимались на протяжении столетий. Первой крупной политической силой, которая системно и целенаправленно начала бороться с этим неприглядным явлением, стала

Российская империя. В данной статье мы покажем усилия российских властей, направленные на борьбу с работорговлей на восточном берегу Чёрного моря в середине XIX в., на примере уголовного дела чиновника Власа Степанова. Оно выявлено в Государственном архиве Краснодарского края [2].

На проблему работорговли в регионе обращали внимание уже дореволюционные исследователи. Р.А. Фадеев в очерке «Шестьдесят лет Кавказской войны» констатировал, что к началу XIX в. весь Кавказ был обращен в один невольничий рынок, откуда рабы продавались в Турцию и Персию [7: 44]. Кубанский историк Ф.А. Щербина рассказывал о тяжелой судьбе российских пленников. Он писал, что женщин, здоровых мужчин, мальчиков и девочек горцы охотно продавали в Турцию, Аравию, Египет и другие страны. На такой товар всегда были хорошие цены [9: 616].

Ученые советского периода основное внимание уделяли классовой борьбе внутри горских обществ. М.В. Покровский при анализе социально-политической ситуации в Закубанье отмечал, что богатые тфокотли не меньше, чем дворяне, были заинтересованы в эксплуатации зависимого труда, а также в торговле рабами с Турцией [5: 159]. А.Ю. Чирг по сути подтверждает эту точку зрения. По его мнению, адыгские феодалы являлись основными партнерами турецких торговцев невольниками [8: 64].

Проблема работорговли на восточном побережье Чёрного моря привлекла внимание и современных исследователей. К.В. Таран утверждает, что фактически Кавказ торговал Кавказом. Ликвидация пагубного торга невольниками в обмен на контрабандные грузы являлась для России актуальной задачей [11: 74]. Е.А. Иноземцева обратила внимание на высокую прибыльность работорговли на Чёрном море. Если на Кавказе за женщину или девушку просили от 200 до 800 руб. серебром, то в Анатолии цена могла подняться и до 1,5 тыс. руб. серебром [3: 193]. Ю.Ю. Клычников справедливо заметил, что пресечь масштабный промысел «людокрадства» смогло только Российское государство, присоединившее Кавказ к своей территории. Вызывает интерес следующая высказанная исследователем идея: ожесточенное сопротивление горцев было вызвано среди прочего и тем, что Россия долго не могла предложить эффективную альтернативу пленопродавству [10: 11].

Несмотря на создание в 1830-е гг. Черноморской береговой линии и организацию патрулирования побережья военными кораблями, полностью перекрыть каналы контрабандной торговли, в том числе невольниками, в середине XIX в. не удалось. Зимой 1851 г. представители покорных горских племен жаловались в штаб Правого фланга Кавказской линии на то, что «немирные» горцы похищали их соотечественников, передавали их убыхам и другим приморским жителям. Те, в свою очередь, продавали невольников турецким купцам. «Принимая во внимание убедительные

просьбы почетных лиц, прошу преследовать по возможности подобную торговлю сверх тех мер, которые по этому предмету уже приняты», – отмечалось в отношении Канцелярии по делам мирных горцев командующему Черноморской береговой линией А.И. Будбергу [1: 6]. В декабре 1850 г. генерал-майор Н.И. Евдокимов в своем рапорте А.И. Будбергу изложил жалобу бесленеевского князя Адиль-Гирея Конокова. В ней говорилось, что непокорные абадзехи при нападении на аул прапорщика Султана Магомет Гирея захватили в плен около 60 «подвластных ему крестьян». Их продали турецким купцам, прибывшим в горы по билетам, выданным российским правительством. Коноков просил не допустить, чтобы эти крестьяне и узденi были вывезены турками за границу [1: 1].

Чтобы воспрепятствовать незаконной торговле, власти приняли решение направлять на суда чиновников, которые должны были следить за действиями экипажей. В данном контексте вызывает интерес судное дело служащего карантинно-таможенной службы порта Сухум-Кале Власа Степанова, изложенное в рапорте вице-адмирала Л.М. Серебрякова 1854 г. [2: 12]. Оно показывает методы, которые использовали контрабандисты для вывоза невольников с восточного побережья Чёрного моря.

21 сентября 1852 г. Степанов был назначен гвардионом (должность карантинного служащего, в обязанности которого входило наблюдение за точным исполнением карантинного устава) на турецкий баркас, шкипером которого был некий Али Мустафа. Судно направлялось из порта Сухум-Кале в укрепления Черноморской береговой линии. Степанову выдали инструкции. Он должен был следить за тем, чтобы баркас не приставал к берегу, не находившемуся под российским контролем. В случае бури, если необходимо было пристать к такому побережью ради спасения экипажа, гвардиону предписывалось следить за тем, чтобы люди на судне не общались с местными жителями и не осуществляли торговлю. Степанов не должен был позволять шкиперу баркаса брать какой-либо груз, пассажиров, менять матросов без ведома властей и делать отметки в судовом паспорте. В случае если капитан корабля во время плавания перестал бы подчиняться, гвардиону необходимо было сообщить об этом начальнику первого порта, в который прибыло судно [2: 12].

18 октября 1852 г. упомянутый баркас отправился из форта Головинского в укрепление Бомборы. 28 октября того же года лазутчики дали знать командиру форта, что судно пристало к неприятельскому берегу между фортами Головинским и Навагинским. Шкипер погрузил там 50 девушек для продажи в Турции. Гвардиона баркаса, по их сведениям, отдали в плен к горцам.

Новые сведения были сообщены горцами 5 ноября 1852 г. исполняющему обязанности воинского начальника форта Навагинского. По их данным,

баркас (который именовали кочермой) под командованием капитана Али Мустафы пристал в урочище Вардане. Так как на тот момент еще не были собраны пассажиры для отправки в Турцию, то судно отплыло в укрепление Святого Духа. Оттуда оно возвратилось в урочище Вардане уже в ночь на 5 ноября. Начальник команды азовских казаков подполковник Баранович дополнительно сообщил, что один из лазутчиков (из числа местных жителей) видел гвардиона Степанова в доме одного почетного горца, который принял его и угощал, как лучшего гостя [2: 13].

Между тем спустя некоторое время баркас прибыл к турецким берегам и высадил пассажиров в г. Батум. В этом же городе вышел и гвардион Степанов. Явившись к российскому вице-консулу, он заявил, что судно оказалось в османских пределах по причине плохой погоды. На баркасе другого турецкого шкипера его отправили в Редут-Кале, а оттуда в Сухум.

На допросе в присутствии таможенного правления Сухум-Кале Степанов сообщил, что со времени своего отплытия из сухумского порта до 4 ноября он «не замечал решений шкипера пристать к берегу». После выхода 4 ноября из укрепления Святого Духа, на половине пути между фортами Навагинским и Головинским, капитан увидел на берегу огонь. Он переменил парус и направился к берегу. Баркас втащили в речку, и более 20 дней все находились в горах, выжидая удобного случая отправиться за границу. Влас Степанов заявил, что его передали какому-то горцу, проживавшему в пяти верстах от берега. Обратно вернули к баркасу тогда, когда 40 душ обоего пола были уже на судне. Не имея возможности сопротивляться поступкам шкипера, Степанов начал упрекать его в незаконных действиях. Али Мустафа предложил ему 80 руб., а когда чиновник (по его словам) отказался, турок стал ему угрожать лишением жизни. После этого Степанова посадили на баркас, и через три дня плавания они подошли к турецким берегам. Пассажиров высадили в г. Нризо (возможно, г. Ризе), а его отправили в город Батум, дав ему при этом 21 руб. серебром. Степанов, по его словам, первоначально не хотел брать эти деньги. Однако потом принял решение взять, так как находился в другой стране без собственных средств. В городе он явился к российскому консулу и пересказал ему вымышленную шкипером историю о том, что он оказался в Турции по причине плохой погоды. В дальнейшем Степанов вспомнил, что судно приставало к берегу до 4 ноября. Он объяснял остановки баркаса Али Мустафы желанием набрать дров. Торговлю невольниками Степанов отрицал [2: 13].

Российские власти сурово наказали чиновника за соучастие в работорговле на черноморском побережье. Суд признал Степанова виновным в предоставлении шкиперу турецкого баркаса, на котором он был гвардионом, возможности приставать к берегу в нарушение инструкции. Обвинили

чиновника и в том, что он позволил капитану судна вывезти в пределы Турции более 40 горцев обоего пола с восточного побережья Чёрного моря, и в получении от шкипера 21 руб. серебром. Его приговорили к наказанию шпицрутенами сквозь строй в 500 человек три раза на основании ст. 432 книги 1 части V Свода военных постановлений и 1861 и 2132 статей Уложения об уголовных наказаниях. Степанова лишили воинского звания и всех прав состояния. Суд предписал сослать подсудимого на каторжную работу в крепостях на шесть лет.

Законодательная основа приговора в уголовном деле Власа Степанова представляет интерес. Во втором отделении девятого раздела Уложения о наказаниях уголовных и исправительных под названием «О продаже в рабство и участии в торге неграми» находится две статьи. Статья 1860 гласит: «Кто продаст в рабство или под другим предлогом передаст азиатцам или другим иноплеменным какое-либо состоящее в подданстве России или под покровительством Российских законов лицо, тот за это подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в крепостях на срок от восьми до десяти лет» [6: 716–717]. При этом осудили Власа Степанова по необычной для российских реалий того времени статье 1861. В ней содержались следующие положения: «Кто будет изобличен в запрещенном законами торге африканскими неграми или же в каком-либо непосредственном или ином участии в таковом торге, тот за это приговаривается: к наказаниям, содержащимся в статье 2132 данного Уложения, определенным за разбой на морях. Суда, использованные для данного противозаконного торга, конфискуются» [6: 617]. Конечно же, обвинение российского чиновника в торге африканскими неграми на восточном побережье Чёрного моря в 1850-е гг. не в лучшем свете показывает судебную систему империи того периода. Ведь в качестве рабов турецкие контрабандисты вывозили представителей разных народов Северного Кавказа. Многие из этих людей являлись российскими подданными. В судебном процессе вполне можно было инкриминировать подсудимому статью 1860 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Однако мы можем предположить, что за кажущейся неуклюжестью российской бюрократической системы скрывалось последовательное продолжение противодействия турецкой работорговле, соучастником которой стал Влас Степанов. Преимущество обвинения по статье 1861 заключалось в том, что по своему наказанию она приравнивалась к статье 2132, устанавливающей наказания за разбой, в том числе и на морях [6: 843–844]. Команду Али Мустафы, в случае его захода в российский порт, можно было бы объявить разбойниками, основываясь на материалах уголовного дела их неудачливого гвардиона. Более того, 1861 статья предусматривала возможность конфискации судна.

Дальнейшая судьба Власа Степанова изложена в рапорте начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майора П.И. Миронова начальнику Черноморской береговой линии вице-адмиралу Л.М. Серебрякову. Конфирмация дела командующим Отдельным Кавказским корпусом состоялась 1 августа 1854 г. У Власа Степанова были сняты нашивки за 10 лет беспорочной службы. Его наказали шпицрутенами через 500 человек один раз и сослали в Сибирь на каторжную работу [2: 29]. Вероятно, причиной смягчения телесного наказания стало врачебное заключение. В середине XIX в. такие случаи бывали.

Сложность борьбы с торгом невольниками на восточном берегу Чёрного моря обуславливалась тем, что данная деятельность приносила контрабандистам невероятную прибыль. Они были готовы идти на риск и придумывать различные схемы вывоза рабов. Турецкие купцы утверждали, что если из 10 судов, нагруженных «живым товаром», они потеряют 9, то оставшееся одно окупит всю потерю [3: 193]. По данным В.В. Лапина, одна кочерма стоила около 700 руб. серебром, а стоимость ее уничтожения артиллерией варьировалась от 900 до 1500 руб. серебром [4: 215].

Борьба с работорговлей на Чёрном море для России была связана со значительными издержками. Тем не менее она приносила свои плоды. Вывоз невольников был значительно затруднен. После начала Крымской войны гарнизоны Черноморской береговой линии вывели, а крейсирование прекратили. Вследствие этого произошел новый подъем работорговли с Турцией. В этот период многие адыгские рабы и крепостные бежали на правобережье Кубани, спасаясь от тяжелой участи. Часть из них поступала на службу в российскую армию [5: 159]. После заключения Парижского мирного договора турецкие шкиперы вновь получили возможность легально находиться в российских водах и продолжили использовать испытанную довоенную схему. В Трабзоне или Батуме они оформляли у русского консула документы до Анапы и спокойно шли вдоль всего побережья к пункту своего назначения, не опасаясь обвинения в контрабанде. Обман открывался только при обнаружении кочермы, которая находилась в незаконном месте [4: 215].

Дело Власа Степанова показывает методы, которые использовали турецкие купцы, чтобы вывозить невольников с кавказского побережья в условиях противодействия этому со стороны России. Турки получали официальные разрешения на плавание вдоль побережья с правом захода в порты и укрепления. В нарушение этих инструкций капитаны турецких баркасов направлялись в не контролируемые российскими властями устья рек, где их ждали сообщники. Там происходили торговые сделки. После этого невольников грузили на суда и вместе с ними выходили в море и брали курс на османские порты. Ради пресечения данного метода

работорговли на турецкие суда начали направлять карантинных чиновников, как это произошло с Власом Степановым. Они должны были наблюдать за тем, чтобы суда не приставали к берегу в неположенных местах, а экипаж не осуществлял контрабандную торговлю. Исходя из материалов уголовного дела и других данных, можно сделать вывод, что выгода от коммерческих операций с невольниками была очень большой. Поэтому капитан турецкого баркаса деньгами и угрозами убедил Власа Степанова не рассказывать властям о незаконной торговле. Тем не менее лазутчики сообщили о противоправных делах чиновника. После возвращения из Османской империи его взяли под стражу. Власа Степанова осудили по статьям Уложения об уголовных наказаниях, регламентирующим наказания за торговлю неграми и морской разбой. Его приговорили к телесному наказанию и ссылке в Сибирь. По нашему мнению, необычное в российских реалиях обвинение являлось продолжением борьбы с работорговлей в юридической плоскости. Оно позволяло конфисковать судно турецкого купца при заходе в российский порт и привлечь его к ответственности как участника морского разбоя.

Источники и литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1013.

2. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1364.

3. *Иноземцева Е.И.* Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала, 2014.

4. *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.

5. *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

7. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.

8. *Чирг А.Ю.* Борьба России против контрабанды и работорговли на Северо-Западном Кавказе (1829–1864 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1987.

9. *Щербина Ф.А.* История Кубанского Казачьего войска: в 2 т. Т. 2. Краснодар, 2007.

10. *Klychnikov Yu.Yu.* North Caucasian “Hotbed” of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // Slavery: Theory and Practice. 2020. No. 5 (1). P. 4–18.

11. *Taran K.V.* The Fight against the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the First Half of the XIX century // Slavery: Theory and Practice. 2020. No. 5 (1). P. 74–86.

И.В. Крючков

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. И РОССИЯ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ[1]

Политика России в армянском вопросе не была последовательной и зачастую носила противоречивый характер. Во время армянских погромов в конце XIX – начала XX в. она отличалась пассивностью и высказыванием ничего не значащих сожалений. Министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский являлся принципиальным сторонником таких действий России. Российская общественность выражала больше сочувствия жертвам погромов в Западной Армении, чем официальные власти, для которых славяне Балкан и христиане Османской империи являлись инструментом реализации целей России на Балканах и Кавказе. Балканское направление с середины XIX в. являлось важнейшим во внешней политике Российской империи, а Кавказ был средством отвлечения внимания Османской империи от Балкан и распыления ее вооруженных сил в случае войны.

Факторы, определявшие политику России в отношении армянского вопроса в конце XIX – начала XX в., объясняются несколькими моментами. Во-первых, в мае 1897 г. Россия подписала соглашение о сохранении статус-кво на Балканах. Геополитические интересы Санкт-Петербурга сместились на Дальний Восток, где новый император Николай II и его окружение мечтали о прочном утверждении империи на берегах Тихого океана, в Корее и Китае. Для этого требовалась стабильность на европейских границах. Поэтому Россия взяла курс на сохранение территориальной целостности Османской империи [4: 102]. Новые катаклизмы на Балканах и Кавказе не входили в ее планы вплоть до решения всех геополитических задач на Дальнем Востоке. Такой политики в отношении Османской империи Россия придерживалась вплоть до 1908 г. В начале XX в. Санкт-Петербург больше волновала проблема расширения автономии Македонии, в решении которой Россия и ее союзница Австро-Венгрия не добились крупных успехов.

Новый министр иностранных дел А.П. Извольский попытался отойти от данного курса, но его политика потерпела крах в виду недальновидных переговоров в Бухлау с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталем, приведших Россию к «дипломатической Цусиме» [3: 177]. Поражение России в войне с Японией перечеркнуло внешнеполитическую стратегию Николая II на Дальнем Востоке, и Россия пережила новое «возвращение»

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_а.

в Европу. Инициатива А.П. Извольского продемонстрировала нежелание России строго ориентироваться на курс по сохранению территориальной целостности Османской империи, что открывало новые перспективы для армян Западной Армении.

Во-вторых, официальная Россия не доверяла армянскому национально-освободительному движению по ряду причин. Создание независимого армянского государства или широкой автономии под протекторатом великих держав у кавказских границ империи стимулировали бы сепаратистские настроения среди армян России, и прежде всего проживавших в Закавказье. Это могло привести к беспорядкам в регионе и, самое страшное для империи, потере части территории в пользу независимой Армении. Любые акции армян Тифлиса, Баку и других регионов, направленные на поддержку армян Османской империи или армянского национально-освободительного движения, вызывали болезненную реакцию жандармского управления и властных структур. Распространение среди ряда общественно-политических организаций армян социалистических идей также не способствовало поддержанию их позитивного имиджа в глазах российских консерваторов и императорского двора. Более того, в России полагали, что за национальным движением армян стоит Великобритания, стремившаяся таким образом укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, в том числе в Западной Армении. Неслучайно в Санкт-Петербурге нервно смотрели на расширение дипломатических представительств Великобритании в Османской империи, включая Западную Армению. Проявлением данных настроений становится политика правительства по отношению армян России. Наибольшую известность в этой связи приобрели действия Санкт-Петербурга, направленные против армянской церкви, проводимые с июня 1903 г., еще больше накалившие взаимоотношения армян и правительства. В итоге среди армян России и зарубежья наблюдается рост антироссийских настроений и ожидание помощи со стороны европейских стран в деле улучшения положения христиан в Западной Армении. Антиармянский курс России вызывал резкую критику со стороны российских либералов, видевших в нем серьезные угрозы как для внешней, так и внутренней политики империи. Они не скрывали своих симпатий к армянам Западной Армении [5: 365–366].

В-третьих, не стоит сбрасывать со счетов «имперский колониальный дискурс», впитавший различные этнологические и антропологические заблуждения. Российская правящая элита своеобразно относилась к армянам – как к «неправильным христианам», отличающимся от других христианских церквей Востока. По мнению части представителей власти и военных, армяне мало чем в быту и в культуре отличались от соседних турок и курдов, многие их них находили семитские корни армян и тем самым видели сходство между армянами и евреями [2: 33]. В целом народы Ближнего Востока

в глазах многих деятелей правящего класса России и других европейских государств являлись людьми «второго сорта». Главноначальствующий Кавказа Г.С. Голицын, отражая данные настроения, как-то заявил, что результатом его политики на Кавказе станет то, что единственным армянином в Тифлисе будет чучело армянина в местном музее [1: 52].

Князь Г.С. Голицын занял данную должность в 1896 г. Его первые месяцы пребывания в ней ознаменовались антиармянскими акциями, включая увольнение чиновников армянского происхождения. Как полагали представители министерства внутренних дел, армянская григорианская церковь поддерживала армянское национальное движение, в том числе социалистов. Поэтому было принято решение о нанесении удара по экономической самостоятельности церкви, в том числе ее способности финансово поддерживать армянские национальные организации. 25 июня 1903 г. император утвердил положение «О сосредоточении управления имуществами Армяно-Григорианской церкви в России в ведении правительственных учреждений и о подлежащих к передаче в ведение Министерства народного просвещения средствах и имуществах означенной церкви, коими обеспечивалось существование армяно-григорианских церковных училищ» [6]. В результате земли Армянской церкви переходили под управление Министерства государственных имуществ, денежные средства – Министерства внутренних дел, хотя формально она оставалась собственником имущества и денежных средств. Всего собственность армянской церкви оценивалась в 113 млн руб. Армянские церковные общины отказались добровольно передавать документы и денежные средства представителям властей, в результате на территории Закавказья произошли массовые стычки протестующих прихожан с армией и полицией. По распоряжению наместника закрывалось 500 армянских школ, а вместо них открывалось 30 с преподаванием на русском языке; прекращался выпуск четырех из семи армянских газет, оставшиеся находились под жестким контролем цензуры; были закрыты все армянские книжные издательства и ряд благотворительных организаций. Армянская община обращалась с различными петициями к властям, но все было бесполезно: действия Г.С. Голицына поддерживались на самом верху управленческого аппарата России и императорским двором. Идеологом этой политики был главный редактор газеты «Кавказ» в 1897–1899 гг., один из вождей черносотенного движения В.Л. Величко. Он в своих армянофобских рассуждениях дошел до того, что армян обвинял в резне курдов и турок в Западной Армении, отрицая преследование в регионе армянского населения [2: 49].

В результате власти получили абсолютно противоположный эффект. Вместо ослабления армянского национального движения они столкнулись с ростом антиправительственных настроений среди армян Закавказья.

Ситуация в регионе обострилась в условиях начавшей Первой русской революции. 14 января 1905 г. проводник антиармянской политики князь Г.С. Голицын был отправлен в отставку. Позже министр иностранных дел России С.Д. Сазонов признавал ошибочность такой политики по отношению к армянам России, в том числе с внешнеполитической точки зрения [8: 167].

После 1908 г. изменилась внешнеполитическая ситуация, а с ней и позиция России по армянскому вопросу. Поражение в войне с Японией, Первая русская революция, младотурецкая революция, начавшееся сближение России и Великобритании, активные действия Германии на Ближнем Востоке внесли серьезные корректировки во внешнюю и внутреннюю политику России. Стратегия по сохранению территориальной целостности Османской империи и стабильности на Балканах начала отходить на второй план. Отметим, что российская политика напоминала принцип «сообщающихся сосудов». Любая активизация империи на Балканах непременно вела к решительным действиям на Кавказе.

Санкт-Петербург постепенно меняет отношение к армянам внутри империи. Это не могло не сказаться на политике России в армянском вопросе на международной арене. Большую роль в этом сыграл наместник на Кавказе (наместничество восстановлено в 1905 г.) И.И. Воронцов-Дашков. Ему удалось убедить императорский двор и правительство, что армяне Закавказья сохраняют полную лояльность России либо занимают нейтральную позицию, но в любом случае не поддерживают сепаратистские настроения. Назначение И.И. Воронцова-Дашкова наместником на Кавказе в 1905 г. происходило в сложных условиях. Уже случились столкновения между армянами и татарами в Баку и в других регионах, партия Дашнакцутюн применила тактику проведения террористических акций, одна из них была направлена против самого И.И. Воронцова-Дашкова, многие армянские политические деятели поддержали революционное движение. Тем не менее именно он добился возвращения собственности Армянской григорианской церкви, переданной в 1903 г. в ведение министерств народного просвещения и внутренних дел. Этот шаг был закреплен указом сената от 14 августа 1905 г.

Необходимость изменения армянской политики России, как внутренней, так и внешней, И.И. Воронцов-Дашков видел и в сложной ситуации на границах империи на Кавказе. В Персии вспыхнула революция, и страна погрузилась в пучину анархии. Турецкая армия вошла в приграничные районы Персии. Разумеется, Турция не имела ресурсов для войны с Россией, но беспорядки в Закавказье могли затруднить наведение порядка в Персии. Наместник также опасался, что армянофобская политика России ослабит ее позиции в Османской империи в пользу конкурентов и прежде всего Великобритании, Австро-Венгрии и Германии.

Свое отношение к армянскому вопросу И.И. Воронцов-Дашков выразил в письме императору от 17 августа 1909 г. Весь тон письма свидетельствовал, что Россия допустила грубые ошибки в проведении собственной армянской политики, как внутри страны, так и на международной арене. В результате, по мнению князя, Россия вместо лояльного населения получила распространение среди армянского населения антироссийских настроений. Поэтому И.И. Воронцов-Дашков призывал изменить политику в отношении армян кардинальным образом. Нужно было заручиться поддержкой армян как внутри России, так и за ее пределами. Для этого следовало решительно осудить армянские погромы в Османской империи, прежде всего в Западной Армении. В случае новой войны с Османской империей лояльность армян Западной Армении могла стать важным условием победы российской армии. Россия должна была апеллировать к 61-й статье Берлинского трактата для реализации плана создания армянской автономии [7: 118]. Такие действия способствовали бы росту позитивных настроений по отношению к монархии и внутри России.

Следовательно, в ближайшей перспективе наместник на Кавказе допускал сохранение Западной Армении в составе Османской империи при условии гарантии прав христианского населения. С одной стороны, действия России в этом направлении непременно привели бы к резкой реакции великих держав и, возможно, к новой войне, к чему Россия еще не была готова. С другой – включение Западной Армении несло новые заботы империи, поскольку население региона было поликонфессиональным: наряду с армянами-христианами, там проживали турки и главным образом курды. «Дикие курды» могли принести России много неприятностей [7: 120].

С конца 1911 г. наблюдаются первые признаки изменения внешней политики России по вопросу армянского национально-освободительного движения. Здесь свою роль сыграли неудачные закулисные переговоры между Россией и Османской империей в сентябре 1911 г. после начала итало-турецкой войны. Посол России в Стамбуле Н.В. Чарыков по заданию Министерства иностранных дел начал переговоры с великим визирем с целью изменения статуса черноморских проливов и получения концессий на строительство железных дорог. 15 декабря 1911 г. переговоры сворачиваются. Это было связано с утечкой информации и негативной реакцией европейских государств. Кроме того, в Санкт-Петербурге осознали нежелание Порты идти на какие-либо уступки России [4: 277]. В случае достижения договоренностей Россия, скорее всего, не стала бы акцентировать внимание на решении армянского вопроса, в то время ее больше интересовал статус черноморских проливов.

Весной 1912 г. в Санкт-Петербурге побывал эчмиадзинский католикос Геворг V после избрания на эту должность. Во время его встреч с высшими

должностными лицами империи ему дали понять, что Россия намерена занять более активную позицию в деле защиты интересов армянского населения в Османской империи [9: 23]. Осенью 1912 г. посол России в Стамбуле М.Н. Гирс принял в своей резиденции армянского константинопольского патриарха, выслушав его доводы о необходимости улучшения положения армян в Османской империи. Посол дал благоразумный совет патриарху обратиться со специальным посланием в Министерство иностранных дел России. Свою активность не снижал и эчмиадзинский патриарх. В октябре 1912 г. Геворг V просил Николая II принять срочные меры по защите интересов армян в Османской империи. Следует отметить, что любое обращение к императору России, как правило, согласовывалось с соответствующими структурами империи. Поэтому сам факт их появления демонстрировал серьезные подвижки во внешней политике России по армянскому вопросу.

Одновременно при поддержке России идет создание Балканского союза, имевшего явную антитурецкую направленность. Итогом становится объявление 17 октября 1912 г. его участниками войны Османской империи, так начинается Первая балканская война. В этот же день представитель эмиадзинского каталикоса встретился с С.Д. Сазоновым, а 25 октября 1912 г. – с председателем совета министров В.Н. Коковцовым. Оба политика выразили сочувствие армянам Османской империи и подтвердили желание России и лично императора Николая II предпринять меры по улучшению их положения [9: 35].

В данных условиях Россия решила активизировать армянский вопрос. Причины такой политики сформулированы министром иностранных дел С.Д. Сазоновым. Во-первых, это симпатии и сочувствие общественности и правящей элиты России к армянам Османской империи. В то время даже консервативные и националистические круги заявляли о поддержке армян. Во-вторых, вооруженное восстание армян в приграничных с Россией вилайетах могло дестабилизировать ситуацию и в российском Закавказье, так как армяне, проживавшие там, не смогли бы наблюдать спокойно за тем, как турецкие войска подавляют восстание. В результате Россия могла оказаться в состоянии войны с Османской империей, а это пока не входило в ее планы [8: 169]. В-третьих, о чем министр умалчивал, Россия стремилась упрочить свои позиции в Западной Армении на фоне, нарастающей экспансии Германии в Малой Азии. Западная Армения имела важное стратегическое значение для России. Она прикрывала подходы к Закавказью и к Северной Персии – зонам особых интересов России, подтвержденных соглашением с Великобританией в 1907 г. В-четвертых, в России, как и в других европейских государствах, после младотурецкой революции существовала надежда на разрешение армянского вопроса младотурками на демократической основе, но к 1912 г. эти иллюзии исчезли.

С.Д. Сазонов проанализировал положение армян в Османской империи. В лучшей ситуации оказались армяне, проживавшие в Стамбуле и в других крупных городах, занимавшиеся торговлей и другими видами деятельности. Некоторые преимущества получили армяне-униаты, они могли рассчитывать на защиту иностранных дипломатических представительств. В незавидном положении оказались крестьяне, жившие в Западной Армении, их жизнь со временем не только не улучшилась, но, наоборот, ухудшилась. Они подвергались двойному гнету: со стороны турецкой бюрократии и курдских помещиков, у которых они были вынуждены арендовать землю [8: 167–168]. Поэтому армяне не могли дальше терпеть преследования по этническому, религиозному и социальному принципам.

В конце ноября 1912 г. С.Д. Сазонов на встрече с послом Османской империи в Санкт-Петербурге заявил, что Россия осуждает резню армянского населения в Османской империи, тем более в районах, примыкающих к ее границам, и настаивает на предоставлении армянам широкой автономии. 24 декабря 1912 г. российский посол в Стамбуле М.Н. Гирс направил ноту в Министерство иностранных дел Османской империи. В ней говорилось, что Россия не допустит новых «эксцессов» в Западной Армении. С.Д. Сазонов понимал, что оптимальным вариантом было включение Западной Армении, по крайней мере ее большей части, в состав России, что было нереально в сложившихся международных обстоятельствах.

В Санкт-Петербурге понимали, что Россия не сможет действовать в одностороннем порядке, ей следовало заручиться поддержкой ведущих держав. Поэтому она обращается к европейским партнерам. Россия довольно быстро получила согласия Франции и Великобритании по поводу необходимости обсуждения плана широких реформ в Западной Армении. Отчасти эта инициатива была спровоцирована самой Портой, которая в условиях поражения от Балканского союза решила себя обезопасить на Востоке, предложив ряд реформ, не дававших армянскому населению реальной автономии. К тому же после начала Первой балканской войны армянские мужчины из Западной Армении призывались в действующую армию, что стало поводом для новой волны погромов армянских селений курдами. Весной 1913 г. Германия и Австро-Венгрия дали согласие на обсуждение проекта будущей реформы в Западной Армении, после чего с мая 1913 г. начались сложные переговоры, завершившиеся подписанием соглашения 8 февраля 1914 г.

Источники и литература

1. *Амфитеаторов А.В.* Армянский вопрос. СПб., 1906.

2. *Величко В.Л.* Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы. Баку, 1990.

3. *Ермаков В.Д.* «Ужасно несуразный случай на Балканах»: к столетию начала Первой мировой войны (1914–1918) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры. 2014. № 3. С. 177–181.

4. История внешней политики России, Конец XIX – начало XX вв. (от русско-французского союза до Октябрьской революции) / Отв. ред. А.В. Игнатьев. М., 1997.

5. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.

6. О сосредоточении управления имуществами Армяно-Григорианской церкви в России в ведении правительственных учреждений и о подлежащих к передаче в ведение Министерства народного просвещения средствах и имуществах означенной церкви, коими обеспечивалось существование армяно-григорианских церковных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е, отделение 1-е. Т. 23. СПб., 1905. С. 778–779.

7. Письмо И.И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову // Красный архив. 1928. № 1. С.118–120.

8. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.

9. *Симонян Г.* Армянский вопрос и российская дипломатия накануне Первой мировой войны. Ростов н/Д., 2018.

С.А. Хубулова, А.С. Бизикова

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЕННО-ПРИКЛАДНОЙ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[1]

В настоящее время проблема формирования патриотизма и гражданского долга является актуальной. С одной стороны, патриотическое воспитание молодежи представляет большой интерес с научно-педагогической точки зрения, требует своего развития, концептуального решения и выработки системообразующих принципов формирования любви к родине. С другой стороны, необходимо выявлять те лучшие традиции из прошлого нашей страны, которые воздействовали на молодежь с целью формирования готовности к защите Отечества. Многое из того, что было сделано в советское время, в 1990-е гг. было сознательно предано забвению, само понятие «патриот» нередко использовалось в негативной коннотации. На современном этапе, когда Российской Федерации брошен грозный вызов, и ее хотят вернуть в аморфное состояние конца XX в., превратить в сырьевой придаток мировых держав, встал вопрос о необходимости практического

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00326).

применения патриотизма – с оружием в руках отражать хорошо организованные и поддерживаемые европейскими и американскими политиками военные операции по уничтожению РФ.

Специальная военная операция показала, что военная подготовка мобилизованных в ряды российской армии требует серьезной корректировки. В этой связи большим подспорьем стало бы изучение советского опыта военно-спортивной и военно-патриотической подготовки молодежи. В отечественной историографии этому вопросу уделяется большое внимание [1; 11; 13; 16; 23].

Цель статьи – изучение опыта организации военно-патриотического воспитания молодежи Северной Осетии накануне и в годы Великой Отечественной войны. Отдельные аспекты данной проблемы нашли отражение в работах региональных исследователей [7–10], что еще раз подтверждает актуальность и значимость постановки вопроса.

Уже в первые десятилетия советского периода правительство обратило внимание на военно-оборонную работу среди молодежи. Во многом такое внимание было связано с неспокойной международной обстановкой, когда новому государству приходилось отстаивать свое существование во враждебном окружении. Не имея возможности содержать многочисленную армию, страна пошла по пути подготовки военнообязанных резервов через систему военно-спортивных организаций: Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП), Общество друзей химической обороны и химической промышленности (далее – Доброхим), Общество друзей воздушного флота (далее – ОДВФ) и др.

24 сентября 1926 г. в Северной Осетии начало действовать Общество друзей воздушного флота [20: 7]. До конца года количество членов организации, располагавшей капиталом в размере свыше 200 руб., составило около 1,5 тыс. человек [14: 327]. Среди задач, определенных в уставе, указывалось распространение курсов и школ с целью привлечь внимание общественности к проблемам воздушного флота [18: 39]. Интерес населения Осетии к планерному спорту оказался таким серьезным, что в 1934 г. в столице республики был открыт аэроклуб, который на хорошем уровне готовил летчиков, парашютистов и техников. Занятия проводились на самолетах У-2. Члены общества часто выезжали в трудовые коллективы, учебные заведения и проводили наглядную агитацию; в кинотеатрах сеансы предварялись документальными фильмами о помощи авиации народному хозяйству и пр.

Не менее деятельно проявили себя и представители другого военно-спортивного общества – Автодора, которому надлежало решать задачи не только подготовки граждан к самообороне, но и увеличения экономической мощи страны. Как указывалось в уставе, в этом деле самое активное участие должны принять труженики всей страны; военная работа

становилась приоритетной [21: 16]. Накануне Великой Отечественной войны 65 ячеек насчитывали более 5 тыс. членов. Не только подготовка кадров, но и дорожное строительство было одной из задач Автодора: в начале 1930-х гг. было собрано 230 тыс. руб., во второй половине этого десятилетия – 540 тыс. руб. [5: 91].

Но самой многочисленной и организованной структурой в системе добровольных обществ являлся Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (далее – Осоавиахим). Его образование связано с объединением в марте 1925 г. ОДВФ и Доброхима [15: 251]. Несмотря на уставные задачи, Осоавиахим принимал участие не только во внедрении химической грамотности в народные массы, но также участвовал в культурном строительстве, в крупных народнохозяйственных проектах.

В конце 1920-х гг. перед Осоавиахимом встала задача активизации деятельности по военизации населения, внедрению норм ГТО. Для улучшения работы во все первичные ячейки общества входили кадровые офицеры [17: 18]. Партийно-советские органы также были привлечены к руководству и помощи региональным отделениям. Так, Северо-Осетинский областной комитет ВКП(б) обратился к районным комитетам с предложением содействия обществу [2: 3]. В работе Осоавиахима должны были участвовать и общественные организации: профсоюзы, ВЛКСМ. Государство формировало систему допризывной подготовки молодежи, не вкладывая больших денег в процесс обучения.

В 1930 г. в рядах Северо-Осетинского отделения общества было 5,7 тыс. членов, в 1940 г. – 28 тыс. [10: 42]. Осоавиахимовские кружки военных знаний были самыми многочисленными и активными формами оборонной работы среди населения. Через систему Осоавиахима проходили допризывную подготовку практически все лица, подлежавшие призыву в армию. Формы занятий были разнообразными: от аудиторных теоретических до военных походов с полным погружением в обстановку. Патриотический дух поддерживался также проведением антифашистских дней, массовых физкультурных праздников и др.

Членство в Осоавиахиме давало ряд преференций со стороны государства. Например, чтобы быть призванным в ряды военно-воздушных сил страны, требовалось обязательное прохождение учебы в системе Осоавиахима. Обязательной стала сдача норм ГТО, которая принимала массовый характер. Например, только весной 1937 г. более 45 тыс. человек приняли участие в сдаче ГТО. Среди отличников были и те, кто в годы войны снискал славу героя.

Большой популярностью среди молодежи пользовались кружки «ворошиловских стрелков» и «ворошиловских конников / кавалеристов». Только в первой половине 1930-х гг. в Осетии было создано 20 кружков куспов (комсомольские учебно-строевые подразделения кавалерии) [19: 6]. В эти

же годы началось строительство тиров; стрельба стала любимым занятием в секциях Осоавиахима.

Начавшаяся Великая Отечественная война потребовала более активной работы от всех структур Общества: обучение велось по 60 специальностям, кроме этого, шла подготовка бойцов народных формирований, истребительных батальонов, самообороны. Последних насчитывалось более 12 тыс. человек [12]. В этот же период в РККА были направлены из республики: 3521 ворошиловский стрелок, 7217 значкистов противохимической обороны (ПВХО) 1-й ступени, 14 пилотов, 27 парашютистов, 321 санитарная дружинница, 14 минеров, 26 станковых пулеметчиков и т.д. [3: 3].

Накануне Великой Отечественной войны региональный Осоавиахим смог организовать дело таким образом, что каждый второй призывник проходил обязательное обучение в первичной организации. В первые же дни войны правительство обязало все партийно-советские органы содействовать тому, чтобы все граждане страны прошли военную подготовку без отрыва от производства и учебы [7: 607].

Местными партийными органами четко отслеживалась система вовлечения в военное обучение молодежи: «Установить, что обязательное военное обучение должно осуществляться вневойсковым порядком без отрыва от работы на предприятиях и в учреждениях; при прохождении военного обучения особое внимание обратить на строевую подготовку, владение винтовкой, пулеметом, минометом и ручной гранатой, на противохимическую защиту, рытье окопов, а также на тактическую подготовку одиночного бойца и отделения» [22: 25].

По итогам военно-тактических игр 1939 г. аэроклуб Владикавказа занял первое место среди клубов Северного Кавказа, летчики на самолетах У-2 продемонстрировали отличное владение приемами бомбометания [10: 43]. Особо отличились Беглецов, Дзалаев, Линьков, которые в годы войны служили в авиационных частях.

Немало внимания было уделено военной подготовке учащихся школ. В школах организованы учебные пункты, с 10 января 1942 г. подобран начальствующий состав, командирская учеба проводилась регулярно один раз в неделю [8: 47]. К всеобщему военному обучению привлекались учащиеся 8–10 классов и младших классов в возрасте до 16 лет [6: 88].

Система подготовки сочетала военное обучение и политическое воспитание. Это способствовало тому, что каждый обучающийся должен был понимать патриотические ценности, которые предстояло защищать. Ежедневно занятия начинались с изучения политинформации и стенных газет.

Экзамены по истечении 110-часовой программы принимались строго, так как все понимали, что от уровня подготовки зависит жизнь бойца. Кроме теоретических знаний, проверялась физическая форма курсанта:

10-километровый марш-бросок в противогазе, умение водить машину, стрелять по движущейся мишени и др. [4: 18]. Так, весной 1943 г. после прохождения курса обучения в Мизуре была проведена военная игра, которая показала степень подготовленности курсантов: им предстояло в полной амуниции перейти перевал Кибе-Ша в Закавказье.

Серьезной проверке подверглись ячейки Осоавиахима в условиях продвижения противника на территорию Осетии. В начале осени 1942 г. население республики было организовано на защиту г. Орджоникидзе. В этой связи часть обученных курсантов вошла в состав истребительных батальонов, другая – народного ополчения. Все имевшееся в ячейках военное оборудование передано в партизанские отряды [2].

В 1943 г. в районе было создано 36 первичных организаций Осоавиахима, членами которых были 2565 человек. За 1943 г. было подготовлено по линии Осоавиахима: 665 ворошиловских стрелков, 30 автоматчиков, 85 минометчиков, 95 инструкторов по ПВХО. Был организован клуб «Ворошиловских всадников». Благодаря хорошей работе, несмотря на ряд трудностей после оккупации части республики, Северо-Осетинский Осоавиахим занял первое место в регионе.

В первой половине 1944 г. свыше 13 тыс. трудящихся вступили в общество, всего членов Осоавиахима на 1 июля 1944 г. насчитывалось 41 тыс. человек, что составляло 23 % от общего числа граждан республики, которые имели такую возможность. В течение первого полугодия 1944 г. по ПВХО обучено 13 319 человек, прошло переподготовку по шестичасовой программе 70 700 человек, подготовлено 354 инструктора ПВХО.

В результате, в годы Великой Отечественной войны в Северной Осетии военное обучение прошли более 30 тыс. человек, то есть каждый третий фронтовик. Такие результаты стали возможны благодаря четкому взаимодействию партийно-советских органов и общественных структур, которые на протяжении всего межвоенного периода и в годы войны смогли организовать получение обязательной военной подготовки гражданами Северо-Осетинской АССР.

Источники и литература

1. *Артамонова Н.Я.* Физическое воспитание и спортивная подготовка студенческой молодежи Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 3 (49). С. 75–81.

2. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 1. Оп. 1. Д. 423.

3. ГАНИ РСО-А. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1.

4. ГАНИ РСО-А. Ф. 827. Оп. 1. Д. 2.

5. ГАНИ РСО-А. Ф. 827. Оп. 1. Д. 37.

6. *Кайтуков Г.Б.* Допризывная подготовка учащихся средних школ Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 2. С. 87–98.

7. *Кайтуков Г.Б.* Организаторская работа военных отделов партийных комитетов ВКП(б) Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны (к постановке проблемы) // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 3. С. 606–621.

8. *Кайтуков Г.Б.* Участие школ Северной Осетии во Всевобуче в годы Великой Отечественной войны // Казачество. 2021. № 52 (2). С. 45–49.

9. *Камболова И.Т.* Добровольные общества Северной Осетии в советской общественно-политической системе 1920–1930-х гг.: дис. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2011.

10. *Камболова И.Т.* Роль оборонных обществ и спортивных организаций в подготовке резервов для Вооруженных Сил СССР (1939–1945 гг.) // Клио. Сборник статей / под ред. С.А. Хубуловой. Владикавказ, 2011. С. 41–49.

11. *Кузнецов А.В.*, *Малахов Д.Н.*, *Ржевский А.П.* Теоретические основы физической подготовки в рамках военно-патриотического воспитания молодежи // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2022. № 1 (16). С. 67–72.

12. *Малиев Н.Д.*, *Хубулова С.А.*, *Камболова И.Т.* Добровольные общества Северной Осетии в 1920–1930-е гг. Владикавказ, 2011.

13. *Омаров М.М.* Военно-патриотическое воспитание и подготовка студенческой молодежи к военной службе в вузе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2019. Т. 13. № 4. С. 66–71.

14. *Попов Т.Т.*, *Субботин Д.Т.* Деятельность Коммунистической партии по подготовке трудящихся к защите СССР. 1929–1941 гг.: на материалах Украины. Киев, 1979.

15. *Попов Т.Т.*, *Субботин Д.Т.* К истории советских общественных организаций (Сборник архивных документов): учеб. пособие. М., 1970.

16. *Рындина О.Г.* Условия формирования психологической готовности к воинской службе // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2007. № 3. С. 74–88.

17. *Теплухин В.В.* Оборонно-массовая работа партийно-советских органов и общественных организаций с населением Иркутской области (1920–1941 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2011.

18. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 7.

19. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 14.

20. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 13. Т. 3.

21. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 13. Т. 2.
22. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 44.
23. *Шлычков А.Г.* Состояние физической подготовленности и физического развития допризывной молодежи // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 12 (178). С. 359–365.

П.И. Абайханова (Магаяева)

БИТВА ЗА КАВКАЗ 80 ЛЕТ СПУСТЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Не претендуя на комплексное рассмотрение проблемы, автор статьи предпринимает попытку анализа того, какое отражение основные этапы Битвы за Кавказ нашли в современных диссертационных исследованиях и ряде работ, посвященных отдельным сражениям Великой Отечественной войны, в частности боевым действиям на горных перевалах Кавказа в 1942–1943 гг.

Проблематика Второй мировой войны, в том числе Битвы за Кавказ, многогранна и многоаспектна. Настоящая статья посвящена выявлению степени изученности названного события за последние 20 лет развития исторической науки, определению ключевых вопросов в исследовании Великой Отечественной войны, роли и места Битвы за Кавказ в контексте наиболее значимых для современности концепций.

В условиях демократизации российского общества и государства историческая наука претерпела существенные трансформации: сменились на противоположные идеологические установки в результате рассекречивания ранее недоступных архивных документов, произошло небывалое вовлечение в научный оборот источников, расширились связи и усилилось взаимообогащение отечественной и зарубежной исторической науки.

Новыми оценками и подходами в этом направлении отличаются диссертационные работы Т.И. Юриной «Левый фланг советско-германского фронта: Новороссийское противостояние 1942–1943 гг.» [12], С.В. Гребенюка «Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция 1942 года: опыт и уроки» [4], С.В. Януша «Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций: 1942–1943 гг.» [13], А.В. Агеева «Добровольческие казачьи кавалерийские корпуса Красной армии: формирование и участие в обороне Северного Кавказа: июнь 1941 года – декабрь 1942 года» [2], Е.Е. Лютова «Ход и характер боевых действий в предгорьях на новороссийском направлении в 1942–1943 гг.» [10], И.В. Карташева «Состояние здравоохранения на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. (на материалах Кубани и Ставрополья)» [6], С.И. Линца «Северный Кавказ

накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.)» [9] и др.

В диссертационных исследованиях заметно некоторое расширение проблематики: особое место занимает попытка противостояния фальсификации истории, использование новых оценок и подходов, позволяющих переосмыслить роль и место конкретных сражений в истории Великой Отечественной войны. Остановимся подробнее на характеристике диссертации С.И. Линца [9]. В своей работе автор детально изучил специфику оккупационного «нового порядка», установленного нацистами на Северном Кавказе. Выбранный ракурс, по мнению С.И. Линца, способствовал «преодолению сложившегося ранее в советской историографии упрощенного подхода к определению сути оккупационного режима… сущность оккупационной политики и ее конкретные проявления на территории Северного Кавказа в 1942–1943 гг. были более глубокими и масштабными и не вписывались в рамки, очерченные в предыдущие десятилетия советскими историками» [9: 4].

Диссертационное исследование С.В. Януша характеризуется исследовательским поиском и стремлением к инновациям в определении объективной оценки военных операций на Кавказе. Автор отвечает на следующие вопросы: как и почему наши войска не смогли противостоять натиску гитлеровцев на южном фланге советско-германского фронта летом 1942 г., в каких условиях происходила оборона горных перевалов Главного Кавказского хребта и т.д. [13: 3].

Среди приоритетных направлений исторической науки в настоящее время находится интерес к локальной истории. К числу работ данной группы можно отнести диссертационное исследование Е.Е. Лютова [10], проанализировавшего ход и характер боевых действий «частей и соединений на уровне дивизия – полк – батальон» в предгорьях на новороссийском направлении с 18 августа 1942 г. по 20 сентября 1943 г. [10: 5].

В исследовании Е.Ф. Кринко прослежена периодизация советской и российской историографии, посвященной Битве за Кавказ. По мнению автора, общим недостатком работ советского периода стала их крайняя заидеологизированность, отмечено, что после «распада СССР в отечественной историографии наступил кризис, являвшийся отражением общего социально-экономического и политического кризиса на территории постсоветского пространства, и лишь во второй половине 1990-х гг. после некоторого перерыва возрождается интерес к изучению проблематики битвы за Кавказ» [7: 7].

Попытка создать новую концепцию исследования Битвы за Кавказ продиктована актуальными оценками и подходами, содержащимися в современной российской историографии. Е.Ф. Кринко и А.Ю. Безугольный в своей статье «Битва за Кавказ и ее значение в истории Великой Отечественной войны» [8] детально рассмотрели основные этапы, итоги и роль

этого сражения в ходе войны. В статье отмечается, что битва за Кавказ – одно из важнейших сражений Великой Отечественной войны, во многом предопределившее ее общий исход, что этому посвящены отечественные и зарубежные исторические исследования, значительная часть которых отличается высоким уровнем анализа событий и широким привлечением архивного материала. В то же время в количественном отношении они значительно уступают историографии таких сражений, как Московская, Сталинградская или Курская битвы [8: 5–13].

Из имеющихся работ в этом направлении наибольшую ценность для нас представляет монография А.А. Аникеева, С.И. Линца и С.В. Януша «Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах», в которой выбранная проблема прослежена на широкой документальной основе, выполнен анализ архивных источников, охарактеризованы работы советских и российских исследователей [3]. Наряду с этим авторы показали и малоизвестные страницы Битвы за Кавказ, большое внимание уделено созданию национальных формирований, борьбе с бандитизмом, действиям партизанских отрядов, подготовке операции «Сталинград-2». Авторам данной монографии свойственна глубокая осведомленность в проблеме организации быта советских войск, снабжения и потребления, положения детей и подростков во время войны.

В последние годы изучение Битвы за Кавказ переживает качественно новый этап, связанный с преодолением односторонности в оценке военно-стратегического значения данного сражения. В этом плане актуальны диссертации С.В. Гребенюка [4], Ю.Л. Евтушенко [5], И.В. Ребровой [11], Е.П. Абрамова [1], в которых значительное место отведено историографическим обзорам, посвященным отдельным вопросам военных действий на Северном Кавказе в рамках общей концепции Великой Отечественной войны или Битвы за Кавказ. Такой подход в исследованиях объясняется стремлением объективно рассмотреть все аспекты рассматриваемой темы.

Таким образом, степень изученности проблемы в диссертационных исследованиях последних лет дает нам основание утверждать, что она более сложна и многогранна, чем то представление, которое сложилось о ней в историографии. Отсутствие монографических историографических исследований – одна из причин недостаточного изучения истории боевых действий на Кавказе. Поэтому перед учеными стоит задача перейти от изучения отдельных историографических аспектов к детальному исследованию боевых действий на Кавказе в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Абрамов Е.П.* Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2007.

2. *Агеев А.В.* Добровольческие казачьи кавалерийские корпуса Красной армии: формирование и участие в обороне Северного Кавказа: июнь 1941 года – декабрь 1942 года: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2013.

3. *Аникеев А.А.*, *Линец С.И.*, *Януш С.В.* Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах. Пятигорск, 2015.

4. *Гребенюк С.В.* Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция 1942 года: опыт и уроки: дис. … канд. ист. наук. М., 2004.

5. *Евтушенко Ю.Л.* Партизанское движение на Кубани в период Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. Армавир, 2005.

6. *Карташев И.В.* Состояние здравоохранения на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. (на материалах Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2020.

7. *Кринко Е.Ф.* Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения: дис. … д-ра ист. наук. М., 2004.

8. *Кринко Е.Ф.*, *Безугольный А.Ю.* Битва за Кавказ и ее значение в истории Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1 (81). С. 5–13.

9. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003.

10. *Лютов Е.Е.* Ход и характер боевых действий в предгорьях на новороссийском направлении в 1942–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2018.

11. *Реброва И.В.* Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект: на материалах Краснодарского края: дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2005.

12. *Юрина Т.И.* Левый фланг советско-германского фронта: новороссийское противостояние 1942–1943 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2001.

13. *Януш С.В.* Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций: 1942–1943 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006.

Н.Д. Судавцов

ПОДВИГ НАРОДОВ СССР В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ

Восемьдесят лет назад завершилось одно из самых продолжительных сражений Второй мировой войны – Битва за Кавказ. Она проходила одновременно со сражениями за Ленинград, Сталинград, на Курской дуге, став

одной из важнейших вех коренного перелома, предопределившего исход Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Битве за Кавказ посвящено немало различных исследований и публикаций [2–4; 7; 9–11 и др.]. Однако подвиг народов СССР в этом сражении обуславливает целесообразность обращения к данной теме, введения в научный оборот новых источников, поиска новых материалов, подходов в их осмыслении. Она в полной мере заслуживает создания фундаментального энциклопедического труда, который бы обобщил результаты работ многих исследователей.

Кавказ – многонациональный регион. Здесь накануне войны проживало более 30 наций и народностей Советского Союза. На Кавказе располагались три союзные и четыре автономные республики, четыре автономные области. В том числе на Северном Кавказе, входившем в состав РСФСР, располагались четыре автономные республики и три автономные области, а также Ставропольский и Краснодарский края.

Судьбу покоренных на Востоке народов нацисты предопределили генеральным планом «Ост», разработанным в связи с нападением на СССР. В замечаниях и предложениях по этому плану, составленных в германском Министерстве по делам оккупированных восточных областей, указывалось: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы, разгромив русских как народ, разобщить их» [5: 36–37]. Под русскими нацисты подразумевали все население СССР.

Решение Гитлера о наступлении на Кавказ в 1942 г. было принято после тяжелого поражения советских войск в районе Харькова. Диктатор считал, что для этого сложились благоприятные условия. Начиная поход на Кавказ одновременно с Битвой за Сталинград, Гитлер на совещании высшего командного состава группы армий «Юг» в Полтаве 1 июня 1942 г. заявил: «Моя основная мысль – занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы… Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну» [7: 374].

В директиве о продолжении операции «Брауншвейг» были определены конкретные задачи для группы «А», действовавшей на Кавказе (операции было дано кодовое название «Эдельвейс»). Прежде всего говорилось о необходимости окружить и уничтожить противника, ушедшего за Дон, южнее и юго-восточнее Ростова, крупными силами танковых и моторизованных войск, форсировав реку. Далее следовало оседлать железную дорогу Тихорецк – Сталинград. После уничтожения советской группировки южнее Дона важнейшей задачей являлось овладение восточным побережьем Чёрного моря. В результате советские войска лишались бы черноморских

портов и Черноморского флота. Для этого соединения 11-й армии вермахта через Керченский пролив из Крыма переправлялись на Кавказ, чтобы нанести удар вдоль дороги, проходящей по Черноморскому побережью на юго-восток.

Другая группировка должна была форсировать р. Кубань, захватить местность в районе Майкопа и Армавира и, продвигаясь на Кавказ через его западную часть, используя перевалы, во взаимодействии с войсками 11-й армии захватить Черноморское побережье. Группировка, имевшая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения, должна была захватить район Грозного и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги по возможности на перевалах, а затем ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку.

Группа армий «Б» должна была нанести удар по Сталинграду и разгромить там советскую группировку, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке. Затем танковые и моторизованные войска должны были нанести удар вдоль Волги, выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги [5: 326].

В Битве за Кавказ Гитлер особые надежды возлагал на многонациональный состав населения региона. Он надеялся на то, что при вступлении немецких войск на Кавказ проживавшие там народы выступят против советской власти, между ними начнутся столкновения. Нацисты рассчитывали на всех недовольных большевиками, в первую очередь на казачество, а также крестьян, пострадавших от коллективизации. На территорию национальных автономий забрасывались диверсионные группы с задачами создания повстанческих отрядов из местного населения. Абвер вербовал агентов для засылки в тыл Красной армии из числа эмигрантов, а также военнопленных, в первую очередь из представителей кавказских народов. Попытки взорвать Кавказ изнутри, развернув широкомасштабную разведывательно-диверсионную работу в глубоком советском тылу, имели целью захват немцами нефтяных промыслов, продовольственных и сырьевых районов, прерывание поставок в СССР по Каспийскому морю товаров по ленд-лизу и принуждение Турции и Ирана к вступлению в войну на стороне Германии.

В августе – сентябре 1942 г. (после вторжения войск противника на Кавказ 25 июля) во всех республиках, краях и областях прошли митинги с призывами подняться на борьбу с врагом. Так, 23 августа 1942 г. в столице Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики г. Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ) у братской могилы бойцов, погибших в борьбе за советскую власть в годы Гражданской войны, собрались представители всех народов Северного Кавказа. Единодушно

осуждая германский фашизм, участники митинга обратились к кавказским народам с призывом подняться на защиту родного края, встать стойко на пути врага, уничтожать его неустанно на фронте и в тылу. «Не отдадим наш край на поругание и разграбление гитлеровским людоедам! – говорилось в обращении участников митинга. – У нас есть все возможности, чтобы вместе, рука об руку с Красной Армией, разбить немцев на Северном Кавказе, чтобы вместе со всеми народами Советского Союза очистить священную советскую землю от гитлеровских псов. В наших рядах не должно быть места паникерам и трусам. Больше организованности и стойкости, дисциплины и бдительности! Пусть священным огнем запылает наша ненависть к лютому врагу – проклятым немецким захватчикам. Все на борьбу против фашистских разбойников!» [6: 124].

Большое воздействие на население Кавказа, особенно на молодежь, производили обращения представителей старшего поколения. В сентябре 1942 г. старейшины Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии обратились ко всем народам Кавказа: «Братья и сестры временно оккупированных районов Кавказа! Поднимайтесь на злодея Гитлера и его бандитов, вступайте в партизанские отряды, не давайте фашистской сволочи ни воды, ни хлеба, разрушайте дороги и мосты, громите штабы немецких армий, убивайте их офицеров и солдат, будьте подлинно народными мстителями. Верьте, что победа будет за нами, и скоро мы снова станем вместе жить счастливо и вольно. Мы, народы Северного Кавказа, знаем, что наша сила в неразрывной дружбе между собой, в братской помощи нам со стороны великого русского народа. Так поднимемся же все, как один, без различия возраста и национальности, на священную войну с гитлеровскими убийцами и насильниками. Добудем желанную победу в смертельной схватке с ненавистным врагом!» [7: 400–401].

Большое внимание выступавшие на митингах уделяли единству фронта и тыла в борьбе с врагом. Тогда популярным был лозунг: «Гвардеец на фронте и гвардеец в тылу – вместе куют победу». Нефтяник из Баку С. Оруджев на митинге в Тбилиси, обращаясь к фронтовикам, сказал: «Слушайте клятву нефтяников Азербайджана. Мы дадим вам нефти, вооружения и боеприпасов столько, сколько нужно для окончательного разгрома врага. Мы будем зорки и бдительны, как бойцы на фронте; каждый промысел и завод превратим в неприступную крепость обороны. Мы уничтожим каждого фашистского лазутчика, которого немцы попытаются заслать в наш родной город» [1: 62–63].

Труженики тыла, среди которых в основном были женщины и подростки, работая на колхозных и совхозных полях, предприятиях с первого дня войны под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!», проводили колоссальную работу по обеспечению фронта всем необходимым:

вооружением, продовольствием. Они участвовали в строительстве аэродромов, оборонительных сооружений, в лечении раненых воинов, вносили значительные средства из личных сбережений, заработанные на субботниках, воскресниках, в фонд обороны, на строительство вооружений, создавали фонды здоровья, для семей военнослужащих и т.д.

Победа в Битве за Кавказ стала результатом боевого содружества всех народов СССР, вставших на защиту своего Отечества. За Кавказ сражались более 10 национальных дивизий. Прославилась 89-я армянская стрелковая дивизия, которая с боями прошла от Кавказа до Берлина и была удостоена почетного звания Таманская, награждена орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Кутузова 2-й степени.

Воины многих национальностей проявили массовый героизм в битве за Кавказ. История бережно хранит примеры беспредельной стойкости защитников Кавказа. Можно вспомнить 225-дневные бои за плацдарм под Новороссийском, где на каждого защитника приходилось по 1250 кг вражеских снарядов и бомб. Более 160 защитников Кавказа разных народов стали Героями Советского Союза. Русские летчики А.В. Алелюхин и А.И. Покрышкин, украинец Д.Б. Глинка за героизм и мужество, проявленные в боях во время Битвы за Кавказ, были дважды удостоены звания Героя Советского Союза. Младший сержант эстонец И. Лаар из с. Подгорного (ныне – Андроповского района Ставропольского края) во время боя за х. Ленинский на Кубани 7 августа 1943 г. повторил подвиг А. Матросова и посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза [10: 471, 476–483].

Во время оккупации германскими войсками на территории Северного Кавказа была развернута широкая партизанская война. Всего было создано 185 партизанских отрядов общей численностью почти 10 тыс. человек разных национальностей, которые уничтожили и ранили почти 25 тыс. солдат и офицеров противника. Газета «Ставропольская правда», подводя итоги деятельности партизан, писала: «…вместе с русскими благородное дело партизан делали черкесы, карачаевцы, ногайцы, абазины и представители всех других народностей нашего края... Нигде не могли укрыться незваные чужеземцы от беспощадной мести партизан. Смерть ждала их повсеместно: и в горных аулах Карачая, и в песчаной равнине Кизлярского округа... Слава партизанам Ставрополья, Терека, Карачая и Черкесии!» [8].

Победой в Битве за Кавказ, по существу, завершился коренной перелом в Великой Отечественной войне, четко обозначился полный разгром фашистского блока. После этого германские войска больше не вели крупных наступательных действий на Востоке. Завершение битвы за Кавказ убедительно показало участникам антигитлеровской коалиции, что СССР в состоянии и без их участия разгромить Германию вместе с ее сателлитами. При этом Япония и Турция пришли к окончательному выводу не вступать

в войну с СССР на стороне Германии. Немаловажную роль в этом сыграла историческая память. Как известно, Турция в годы Первой мировой войны вступила в войну на стороне Германии в октябре 1914 г. Но когда Германия потерпела поражение, то Турция потеряла значительную часть своей территории. Так что ее руководству было над чем подумать во время Второй мировой войны.

После победы на Кавказе существенно изменилась позиция руководства стран антигитлеровской коалиции, которые стали настойчиво предлагать провести конференцию глав правительств коалиции для обсуждения вопросов, связанных с завершением войны с Германией. Но теперь советское руководство решало вопрос о времени и месте проведения конференции, избрав для этого столицу Ирана Тегеран, расположенную в советской зоне оккупации. И на конференции руководители стран антигитлеровской коалиции стали более покладистыми при решении вопросов об открытии в 1944 г. второго фронта, послевоенном мироустройстве и т.п. Вторая мировая война пошла по пути победоносного завершения.

Битва за Кавказ нашла свое отражение в различных формах исторической памяти. Новороссийск был удостоен звания города-героя. Важнейшие госпитальные базы – города Кисловодск и Сочи – были награждены орденом Отечественной войны 1-й степени. Города Анапа, Владикавказ, Грозный, Малгобек, Нальчик, Туапсе уже в XXI в. удостоены почетного звания городов воинской славы. И всё же Битва за Кавказ продолжительное время оставалась в тени других битв. По инициативе ученых и Думы Ставропольского края, поддержанной законодательными собраниями Северного Кавказа, Государственная дума и Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации приняли закон, подписанный 31 июля 2020 г. президентом России В.В. Путиным – об учреждении Дня воинской славы 9 октября. Это день разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Битве за Кавказ в 1943 г. В одной из песен военных лет есть слова:

День придет, решительным ударом,
В бой пойдет народ в последний раз,
И тогда мы скажем, что не даром
Здесь стояли насмерть за Кавказ.

Совместные усилия народов СССР позволили одержать победу в Битве за Кавказ, сыгравшей важную роль в победоносном завершении Второй мировой войны.

Источники и литература

1. Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). В 2 т. Т. 2. Сборник документов и материалов. Баку, 1977.

2. Битва за Кавказ (1942–1943 гг.). М., 2002.

3. Битва за Кавказ в документах и материалах. Ставрополь, 2003.

4. *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. 2-е изд. М., 1971.

5. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941–1945 гг. М., 1973.

6. *Мурадян В.А.* Братство, скрепленное кровью. М., 1989.

7. Народный подвиг в битве за Кавказ. Сборник статей. М., 1981. С. 374.

8. Ставропольская правда. 1943. 27 февраля.

9. *Тике В.* Марш на Кавказ: битва за нефть 1942–1943 гг. М., 2005.

10. *Цкитишвили К.* 442 огненных дня (Битва за Кавказ: краткая хроника и материалы). Батуми, 1986.

11. *Януш С.В.* Войсковые операции Советской Армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь, 2005.

Н.И. Медвенский

ОТДЕЛЬНЫЕ ГОРНОСТРЕЛКОВЫЕ ОТРЯДЫ В БОЯХ ЗА ПЕРЕВАЛЫ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА

В ходе оборонительного этапа битвы за Кавказ 1942–1943 гг. в районе Главного Кавказского хребта и его боковых отрогов действовали отдельные горнострелковые отряды (далее – ОГСО) – специальные советские альпинистские формирования, входившие в состав 46-й армии Закавказского фронта. В противостоянии немецким егерям 49-го горного корпуса личный состав ОГСО имел высокий уровень подготовки, обеспечивался специальным вооружением, снаряжением, обмундированием и усиленным рационом. Советские военные альпинисты были задействованы на Эльбрусском, Клухорском, Марухском, Санчарском и Умпырско-Белореченском операционных направлениях, успешно выполняя поставленные перед ними боевые задачи.

Вместе с тем в общественном сознании с подачи ряда исследователей и публицистов сложились две диаметрально противоположные точки зрения относительно роли советских горных стрелков в боях за перевалы Главного Кавказского хребта. С одной стороны, постулируется их решающая роль в победе Красной армии в битве за Кавказ. Например, ветеран Великой Отечественной войны М.М. Бобров, проходивший службу в качестве старшего инструктора военного альпинизма 5-го ОГСО, писал: «Тогда, в далеком 1943-м, битва за Кавказ, по сути, была выиграна именно воссозданными горнострелковыми отрядами, и прежде всего – благодаря военным альпинистам-инструкторам, которые совершили почти невозможное:

в кратчайшие сроки, невзирая на все трудности военного положения, они создали “высокогорный щит” стране и сами встали во главе обучаемых подразделений. Это решило исход дела» [1: 186]. Данную точку зрения разделяют, среди прочих, И.Б. Мощанский и А.В. Каращук, утверждающие, что «противоборство советских и германских военных альпинистов на перевалах Главного Кавказского хребта... стало катализатором появления особых горнострелковых отрядов Красной Армии и войск НКВД, которые переломили ситуацию на высокогорье в нашу пользу» [7: 2]. С другой стороны, с подачи некоторых отечественных публицистов наметилась тенденция практически полного отрицания участия бойцов советских ОГСО в боевых действиях в горах Кавказа. В частности, А.Р. Мирзонов утверждает: «Созданные в составе 46-й армии горнострелковые отряды не принимали активного участия в боях на высокогорном фронте, понятно, что по независящих от них обстоятельствам» [6: 426]. В связи с обозначившимся противоречием возникает закономерный вопрос: какой же вклад действительно внесли советские горные стрелки в битву за Кавказ?

К началу Великой Отечественной войны в Красной армии *de jure* имелись 4 горнокавалерийские и 19 горнострелковых дивизий. К сожалению, системной подготовки личного состава для ведения войны на высокогорье в них не проводилось, а специализированное снаряжение и обмундирование либо было дефицитным, либо отсутствовало. Как результат, советские бойцы и командиры элементами горной подготовки владели слабо. Артиллерийское, минометное и особенно ружейно-пулеметное вооружение, использовавшееся в горных частях и соединениях Красной армии, в основном соответствовало системам, применявшимся в стрелковых частях, и не имело специфических конструктивных особенностей для ведения войны на высокогорье [3: 9–10]. *De facto*, горнострелковые части и соединения Красной армии мало чем отличались от стрелковых и по мере ухудшения обстановки на советско-германском фронте все чаще использовались командованием в качестве линейной пехоты. Например, 9, 47-я и 63-я горнострелковые дивизии Закавказского военного округа в конце 1941 г. были направлены в Крым и на Крымский фронт, где приняли активное участие в боевых действиях [4: 175].

В конце июля 1942 г., после начала битвы за Кавказ, 49-й горный корпус вермахта под командованием генерала Р. Конрада двинулся к перевалам Главного Кавказского хребта с целью осуществить прорыв в Закавказье. Уже 17 августа немецкими горными егерями был взят перевал Клухор, 18 августа – Нахар, 23 августа – Адзапш, 25 августа – Санчаро и Аллаштраху. Противник вышел на южные склоны Главного Кавказского хребта и устремился к побережью Черного моря. Командование Закавказского фронта и 46-й армии начало принимать меры (во многом запоздалые) по предотвращению дальнейшего

продвижения немцев на юг. В числе прочих мер было и формирование отдельных горнострелковых отрядов на основе частей Закавказского фронта, подразделений войск НКВД, курсантов ряда военных училищ. Из тыла и из действующей армии на Кавказ начали отзывать альпинистов для оказания помощи находящимся в горах войскам и для ведения инструкторской работы с личным составом создаваемых ОГСО.

Первое документальное упоминание о создании отдельных горнострелковых отрядов содержится в оперативной директиве № 0210 от 28 августа 1942 г., адресованной Военному совету 46-й армии за подписью наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии и командующего Закавказским фронтом, генерала армии И.В. Тюленева. Следует подчеркнуть, что к моменту выхода указанного документа бои шли уже на южных склонах Главного Кавказского хребта, а обстановка характеризовалась как критическая. Неудивительно, что директивой предусматривался целый комплекс оперативных мер по выходу из сложившейся ситуации и исправлению положения в горах. В частности, от командования 46-й армией Закавказского фронта был отстранен генерал-майор В.Ф. Сергацков, а на его место назначен генерал-майор К.Н. Леселидзе. Пункт 15 директивы гласил: «Используя опыт противника, немедленно приступить к формированию отрядов бойцов-альпинистов в районах Сухуми, Гудауты, Зугдиди, Кутаиси и Они, для чего отобрать наиболее здоровых и обученных бойцов и командиров и инструкторский состав из числа членов общества альпинистов Грузии. Учесть, что органам НКВД даны указания помочь в организации и подготовке отрядов альпинистов. Во всех частях армии развернуть боевую подготовку с задачами сколотить взвода и роты, научить бойцов владению оружием и поднять воинскую дисциплину» [9: 256]. Некоторые исследователи приписывают идею создания ОГСО лично И.В. Сталину, ссылаясь на некий приказ Верховного Главнокомандующего, изданный в августе 1942 г., текст которого, впрочем, нигде не приводится. Учитывая процитированную выше формулировку пункта 15 оперативной директивы от 28 августа 1942 г., можно предположить, что инициатива формирования ОГСО могла исходить от Л.П. Берии либо как минимум осуществляться при его согласии. В любом случае представляется маловероятным, чтобы данный шаг был предпринят без ведома Л.П. Берии, который с 22 августа 1942 г. находился в Закавказье и принимал самое активное участие в мероприятиях по организации обороны кавказских перевалов.

После выхода в свет оперативной директивы от 28 августа 1942 г. из документов штаба Закавказского фронта на определенный период выпали упоминания об отдельных горнострелковых отрядах. Очевидно, работа по их формированию велась уже на других уровнях. Следующее упоминание об ОГСО содержится в сообщении Л.П. Берии от 3 сентября 1942 г. председателю комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной

армии А.И. Микояну: «Войсковые части Закфронта, обороняющие перевалы через Кавказский хребет, испытывают затруднения в выполнении боевых заданий ввиду громоздкости продовольственных пайков. Между тем, войска пр[отивни]ка снабжены концентратами, способствующими их маневренности. Для создаваемых нами альпийских частей (имеются в виду ОГСО. – *Н. М.*), предназначенных для боевых действий в горных условиях, прошу Вас распорядиться о занарядке штабу ЗКФ 90 тонн шоколада и 90 тонн сгущенного молока» [10: 11]. Как следует из документа, обеспечению личного состава ОГСО продовольствием уделялось немаловажное значение.

12 сентября 1942 г. директивой командующего Закавказским фронтом, генерала армии И.В. Тюленева сформированные 12 отдельных горнострелковых отрядов были включены в состав 46-й армии. Для практического прохождения специальной подготовки и боевого использования были определены места дислокации отрядов: на Мамисонском направлении – два ОГСО с подчинением командиру 351-й стрелковой дивизии, на Сванетском направлении – два ОГСО с подчинением командиру 242-й стрелковой дивизии, на Клухорском и Марухском направлениях – по два ОГСО с подчинением командиру 394-й стрелковой дивизии, на Санчарском направлении – два ОГСО с подчинением помощнику командующего 46-й армией, полковнику И.И. Пияшеву, в резерве фронта – два ОГСО на Умпырско-Белореченском направлении (дислокация – Красная Поляна) с подчинением в административно-хозяйственном отношении командиру 20-й горнострелковой дивизии. После прибытия в места дислокации отрядам предписывалось незамедлительно приступить к практическому прохождению специальной подготовки, по окончании которой командирам дивизий вменялось в обязанность использовать личный состав находящихся в их подчинении ОГСО для ведения боевых действий на перевалах [10: 35]. Таким образом, тренировочные занятия отрядов проходили в непосредственной близости к линии боевого соприкосновения. По-видимому, в условиях острой нехватки людских ресурсов советское командование рассматривало данные подразделения в качестве резерва на случай возникновения непредвиденных обстоятельств.

Суммарная численность всех 12 ОГСО достигала примерно 5 тыс. человек. Каждый отряд состоял из двух рот стрелков-автоматчиков по 100 человек, пулеметно-минометной роты, саперного взвода, взвода противотанковых ружей, штаба и командования – всего от 350 до 400 человек. Инструкторский состав насчитывал от 3 до 12 человек (как правило, 5 или 6 человек) в каждом ОГСО [2: 371]. Снаряжение и обмундирование ОГСО, безусловно, по целому ряду параметров превосходило обычные стрелковые части Красной армии. Поскольку предполагалось, что личному составу предстоит нести службу в зоне высокогорья с крайне неблагоприятными условиями

для жизни и ведения боевых действий, упор делался не только на средства выживания и самостраховки (ледорубы, кошки, крючья, подвесные системы и т.д.), но и прежде всего на специальную утепленную форму, а также на усиленный высококалорийный рацион. Дальнейшее развитие событий показало, что данные меры были вполне обоснованными.

Прибытие советских горных стрелков на фронт не осталось незамеченным противником. Так, сообщение разведывательного отдела штаба 4-й горной дивизии Enzian («Горечавка») содержало следующую информацию: «В первой половине дня 24.09 южнее Марухского перевала [появилась] одна группа в составе 50 человек в серо-зеленых брюках-гольф, светло-серых гетрах, светло-коричневых блузах и светлых кепи без шинелей, тяжело нагруженные с серыми рюкзаками, с бросающимся в глаза другим поведением, чем у русских» [12]. Это были бойцы ОГСО № 12, очевидно, отрабатывавшие тренировочный выход части отряда вне зоны досягаемости ружейно-пулеметного огня противника.

Подробное описание боевого применения советских ОГСО в районе перевалов Главного Кавказского хребта выходит за рамки настоящей статьи. Тем не менее, следует отметить, что отряды действовали совместно со стрелковыми частями Красной армии и далеко не всегда выполняли исключительно функции разведки, возложенные на них командованием. Так, ОГСО № 5 занимал оборону на перевале Домбай-Ульген с 22 октября по 1 декабря 1942 г., после чего был передислоцирован на перевал Псеашхо, где находился с 22 декабря 1942 г. по 11 января 1943 г., ведя пулеметно-минометные перестрелки с противником. ОГСО № 11 с начала октября 1942 г. по конец февраля 1943 г. нес службу на перевале Наур, а затем на перевале Кизгич (он же Нарзан). Действуя совместно с 3-м стрелковым батальоном 810-го стрелкового полка, отряд неоднократно срывал попытки немецких горных егерей овладеть данным перевалом, а затем был передислоцирован на Санчарское направление [5: 59]. В свою очередь, ОГСО № 12 с конца сентября 1942 г. по середину января 1943 г. находился на южных подступах к перевалу Марух. Действуя совместно с другими подразделениями группы войск Марухского направления, он сыграл важную роль в овладении так называемыми «воротами» перевала Марух 25 октября 1942 г. Боевой путь остальных ОГСО выглядел приблизительно так же. Советские военные альпинисты сражались на перевалах Кавказа, переносили трудности горной войны, несли потери от огня противника, а с наступлением зимы – от схода лавин и полученных обморожений.

Высокогорный фронт стабилизировался после обильных снегопадов и метелей, прошедших 17–20 октября 1942 г. Советское командование, учитывая неизбежное ослабление боевой деятельности в горах, проводило активную перегруппировку войск на ряде направлений с целью

высвобождения сил и средств и передислокации их на другие участки Закавказского фронта. Именно тогда и сослужили добрую службу отдельные горнострелковые отряды, перед которыми была поставлена задача удерживать линию фронта в горах. Учитывая уровень их подготовки и приобретенный боевой опыт, ОГСО должны были прикрывать наиболее ответственные участки и реагировать на возможные враждебные действия со стороны противника.

21 октября 1942 г. командующий 46-й армией Закавказского фронта, генерал-лейтенант К.Г. Леселидзе определил конкретные места дислокации ОГСО относительно планов обороны в зимних условиях. Для каждого направления было издано отдельное распоряжение. На Клухорском направлении должны были действовать ОГСО № 1 и 9, на Марухском – ОГСО № 11 и 12, на Санчарском – ОГСО № 2 и 10, на Малолабинском (Умпырско-Белореченском) – ОГСО № 7 и 8, на Эльбрусском – ОГСО № 5 и 6. Каждое из распоряжений содержало отдельный пункт, определяющий задачи отрядов: «Горно-стрелковые отряды использовать для ведения разведки, занятия обороны особо трудных районов, для выставления отдельных сторожевых застав, для прикрытия флангов и особо важных подступов и проходов» [8: 16–19 об.]. Ввиду ухудшавшихся погодных условий стороны ограничивались периодическими разведывательными рейдами небольших групп, взаимными артиллерийскими и минометными обстрелами. Фронт окончательно встал, придавленный снегами и морозами. Высокогорное противостояние продолжалось до середины января 1943 г., когда немецкие войска из-за изменившейся оперативной обстановки в поспешном порядке были отведены с перевалов Главного Кавказского хребта.

В январе 1943 г. по постановлению Военного совета Закавказского фронта была сформирована отдельная горнострелковая бригада особого назначения, в состав которой вошли все 12 ОГСО, ранее подчинявшиеся командованию 46-й армии. Бригада находилась в подчинении штаба Закавказского фронта в Пятигорске и была предназначена для охраны и обороны стратегически важных объектов на Главном Кавказском хребте – перевалов, высот, тоннелей, транспортных коммуникаций и т.д. После начала отступления немецких войск с Кавказа в 1943 г. были созданы еще четыре ОГСО. Позднее большинство ОГСО были преобразованы в отдельные батальоны автоматчиков, вошедшие в состав Закавказского фронта [2: 370]. Весной и летом 1943 г. некоторые ОГСО вместе с саперными подразделениями принимали участие в разминировании троп, сборе оружия и боеприпасов, поиске и захоронении останков погибших на местах недавних боев в горах. Однако летом 1943 г. и эти отряды были расформированы.

Можно резюмировать, что созданные в составе 46-й армии Закавказского фронта отдельные горнострелковые отряды приступили к тренировочным

занятиям, а затем и непосредственно к боевой работе уже после того, как наступление 49-го горного корпуса вермахта через перевалы Главного Кавказского хребта было остановлено стрелковыми частями Красной армии. Основной удар немецких горных егерей приняли на себя необученные и не имевшие боевого опыта стрелковые части Закавказского фронта, без соответствующего обмундирования и снаряжения. Именно на их плечи со второй половины августа по вторую половину октября 1942 г. легла вся тяжесть войны в горах, и именно они, по выражению И.Б. Мощанского и А.В. Каращука, «переломили ситуацию на высокогорье в нашу пользу» [7: 2]. К моменту прибытия на передовую бойцов ОГСО опасность прорыва немцев в Закавказье была ликвидирована, а фронт стабилизирован. Поэтому тезис об исключительной роли ОГСО, при всем уважении к бойцам и командирам этих отрядов, в победе Советского Союза в Битве за Кавказ представляется неверным. Однако не менее, если не более ошибочными являются попытки полного отрицания участия ОГСО в боях за перевалы Главного Кавказского хребта и вклада, который внес личный состав этих отрядов в победу над противником. Это принижает или вовсе нивелирует совершенно реальные боевые заслуги советских горных стрелков. Вызывает сожаление тот факт, что зачастую взвешенный анализ источников уступает место произвольным интерпретациям, нередко носящим политизированный характер. Поэтому данная тема требует дальнейшего исследования с привлечением всего комплекса доступных документов и материалов, как с советской, так и с немецкой стороны.

Источники и литература

1. *Бобров М.М.* Записки военного альпиниста. От ленинградских шпилей до вершин Кавказа. 1941–1945. М., 2015.

2. *Захаров П.П.*, *Мартынов А.И.*, *Жемчужников Ю.А.* Альпинизм. Энциклопедический словарь. М., 2006.

3. *Иванов А.И.* Артиллерия СССР во Второй Мировой войне. СПб., 2003.

4. Краснознаменный Туркестанский. М., 1976.

5. *Кузнецов П.В.* Горные стрелки в битве за Кавказ. 11-й отдельный горнострелковый отряд. Таганрог, 1990.

6. *Мирзонов А.Р.* Битва за перевалы. Другой взгляд. Коломна, 2018.

7. *Мощанский И.Б.*, *Каращук А.В.* В горах Кавказа. Военные альпинисты СССР и Германии. Июль 1942 – февраль 1943 года. М., 2007.

8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 47. Оп. 1063. Д. 70.

9. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 192.

10. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 195.

11. National Archives and Records Administration (USA). T. 315. Roll 239. F. 495.

А.А. Татаров

ОККУПАЦИОННАЯ ТАКТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1942–1943 гг.: ОСОБЕННОСТИ, РЕАЛИЗАЦИЯ, КРАХ[1]

Оккупационный режим нацистской Германии на советских территориях имел катастрофические последствия для населения, народного хозяйства и инфраструктуры. Попытки оспорить данное положение представляют собой серьезный вызов сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Это положение применимо и к оккупации Северного Кавказа. Уже представители советской историографии обращали внимание на ряд буржуазных, как тогда было принято говорить, фальсификаций. Так, А.Г. Иванов в специальном обзоре западной историографии отмечает распространение спорных положений об «упущенных» возможностях нацистской политики в контексте Кавказа [4: 352, 355–357].

С одной стороны, это обусловлено фактором холодной войны, который влиял на антисоветский дискурс в зарубежных исследованиях по советско-германскому фронту и в то же время на игнорирование его значения во Второй мировой войне. Кроме того, информационно-идеологическое воздействие на западных историков оказывало доминирование немецких документов среди источников. В качестве ориентира выступали, в частности, мемуары немецких участников войны. Так, ветеран абвера Э. Херварт фон Биттенфельд вспоминал, что оккупационная политика на Северном Кавказе носила мягкий характер, а военная администрация добилась порядка, при котором немецкие солдаты обращались с населением «правильно», будучи словно на маневрах в своей стране. Одним из итогов такой политики фон Биттенфельд считал отсутствие партизанского движения [16: 66].

Во многом под влиянием этих факторов в зарубежной исторической науке сформировалось восприятие германской оккупационной политики на Северном Кавказе как мягкой и в целом успешной в контексте достижения целей. В подобном ключе обосновывается массовый коллаборационизм горских народов в условиях кратковременной оккупации.

В теории Кавказ должен был стать площадкой для обновленной оккупационной тактики Германии, учитывающей этноконфессиональные параметры и историческое наследие. На первом месте, по мнению одного

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00326 «Великая Отечественная война: боевые действия, тыл, власть, социум. Региональный аспект: на материалах Северного Кавказа».

из главных теоретиков общекавказской политики А. Розенберга, стоял принцип политического обеспечения неизбежной экономической эксплуатации богатого ресурсами края. Предполагалось, что с началом продвижения оккупационных войск население будет чрезвычайно впечатлено встречей с национальными формированиями вермахта, которые комплектовались бывшими военнопленными. Помимо того, что приход этих частей обладал политическим значением, они должны были осуществлять карательные акции против местного населения, причем не только в случае необходимости, но и для разжигания межнациональной розни [2: 163–164, 200].

Как минимум две реформы оккупантов должны были побудить население Кавказа закрыть глаза на немецкое господство и связанные с ним экономические издержки – аграрная и восстановление религиозной свободы. Советская модернизация в довоенный период сопровождалась политическими репрессиями, насильственной коллективизацией и антирелигиозной кампанией, что открывало для немцев возможность спекулировать свободой собственности и религии для антисоветской пропаганды.

К началу осени 1942 г. наступление немецких войск захлебнулось в предгорьях Северного Кавказа. Были сорваны не только нефтяные планы А. Гитлера, но и проект создания гражданского управления в форме рейхскомиссариата «Кавказ». Уже в октябре 1942 г. Гитлер разочаровался в попытках овладеть грозненскими месторождениями, санкционировав бомбардировку Грозного – столицы Чечено-Ингушской АССР [13: 790].

На фоне затягивания перехода от военного управления к гражданскому были определены положения текущей оккупационной тактики. Приказом А. Гитлера от 8 сентября 1942 г. вводилась условная должность «главнокомандующего Кавказа», на которую назначался генерал-фельдмаршал В. Лист, командующий группой армий «А». Главной и ближайшей целью для военной администрации определялось «проведение всех необходимых мероприятий, служащих умиротворению и освоению Кавказа». Также подчеркивалась важность развития политики идентичности. Создание самостоятельных правительств, по мнению А. Гитлера, следовало отложить, подчинив все цели продолжению военной операции [18: 499–500].

В зоне действия военного управления осенью 1942 г. оказались территории Дона, Кубани, Ставрополья и ряд горских областей (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, часть Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). В начальный период оккупанты стремились действовать осторожно. В сентябре 1942 г. О. Бройтигам, недавно назначенный на должность уполномоченного Министерства восточных оккупированных территорий при группе армий «А», предупреждал о важности

предупреждения недовольства населения и партизанского движения [2: 265]. В войсках группы армий «А» распространялся приказ о принципах и особенностях политики Германии на Северном Кавказе: дружественное отношение к населению со стороны воинских частей, ускоренная ликвидация колхозов, поощрение возрождения религии и следования обрядам и традициям, оплата реквизированных товаров и уважение права собственности [18: 496]. Позднее Э. фон Клейст, сменивший В. Листа в должности командующего группой армий «А», отмечал важность привлечения русскоязычного населения, которое, по его мнению, принципиально не отличалось от коренного [14: 234].

На практике главенствующее положение приобрела тактика локального заигрывания. Методы привлечения этнических и социальных групп корректировались в зависимости от религиозного и национального состава населения, демографического фактора и т.д. Формировалась видимость политической автономии среди горских народов и казаков при помощи марионеточных правительств, возрождения духа дореволюционной старины среди русскоязычного населения.

Местные жители мало интересовались этими изменениями, как и стремлением оккупационных властей сделать немецкий язык обязательным. В сентябре 1942 г. политический эксперт М.-Д. фон Штакельберг отмечал, что в кабардинских, осетинских и ингушских селениях «интерес к политическим вопросам невелик» [7: 466].

Срыв плана по завоеванию всего Кавказа не снимал с повестки дня политическое обеспечение господства на захваченной территории. Экономика Третьего рейха получила доступ к плодородным землям Кубани и Ставрополья, к Майкопскому и Малгобекскому нефтяным участкам. Для успешной эксплуатации ресурсов Северного Кавказа, на пополнение источников которых Берлин рассчитывал вплоть до конца 1942 г., требовалось «умиротворение» всего оккупированного населения.

Однако на практике природа нацистского оккупационного режима на советских территориях всегда и везде носила завоевательный и деструктивный характер. «Новый порядок» на Северном Кавказе, как и в других областях, порождал убийства и насилие над местным населением, вне зависимости от его этнической или религиозной принадлежности.

Противоречия между теорией и практикой политики Третьего рейха в горских областях объяснялись отчасти тем, что Северный Кавказ находился под управлением военной администрации. Расположение на южном краю немецкого наступления обусловило высокую плотность войск. К примеру, в Майкопе в ноябре 1942 г. располагался штаб 44-го армейского корпуса, а численность оккупационных войск составляла 20 тыс. человек, треть довоенного населения города [1: 270]. В декабре 1942 г. в Нальчике,

где с ноября располагался штаб 1-й танковой армии, насчитывалось около 13 тыс. немцев и румын, более четверти довоенного числа жителей столицы Кабардино-Балкарии [11: 137]. В горских селениях также располагались оккупационные гарнизоны, исчислявшиеся сотнями человек.

Обеспечение этих контингентов продовольствием, фуражом, лошадьми и предметами быта тяжелым бременем ложилось на немногочисленное население автономий и зачастую сопровождалось насильственными акциями. Несмотря на инструкцию о необходимости оплаты реквизиций на Северном Кавказе достижение высоких запросов экономики Германии осуществлялось за счет жестокого грабежа населения.

19 сентября 1942 г. вечернее сообщение Совинформбюро оповестило страну о совершенных в ходе мародерств убийствах более 50 мирных жителей в небольшом кабардинском селении Кызбырун за считанные дни оккупации [9: 187].

В сентябре 1942 г. генерал-квартирмейстер германского Генерального штаба сухопутных войск Э. Вагнер отмечал, что в оккупированных горских областях «грабежи продолжаются, несмотря на строгие меры» [18: 497]. В этом же месяце о бесчинствах оккупационных войск в нескольких горских селениях на Тереке и его притоках сообщал М.-Д. фон Штакельберг [7: 467]. К концу оккупации (зимой 1943 г.) количество жертв нового режима среди мирного населения исчислялось десятками тысяч человек. В качестве своеобразной компенсации этих издержек захватчики стремились использовать аграрную реформу и восстановление религиозной свободы. В сентябре 1942 г. Э. Вагнер в письме А. Гитлеру отмечал, что в период боевых действий на Кавказе «немедленное проведение аграрной реформы станет одной из наиболее эффективных пропагандистских мер» [18: 498]. Население оповещалось о возрождении частного землевладения. Так, в обращении к крестьянам пригорода Ростова-на-Дону 17 августа 1942 г. говорилось: «У вас не было самого главного – собственности. Ваш двор и Ваши приусадебные участки уже являются Вашей собственностью» [6: 233].

Начало боевых действий на Северном Кавказе в июле – августе 1942 г. совпало со сбором урожая на полях. Поэтому в целях максимальной эксплуатации и обеспечения стабильности продовольственных поставок проект ускоренной отмены колхозов на Северном Кавказе не был осуществлен.

Лишь в декабре 1942 г. началась отмена колхозной системы, сопровождавшаяся проведением торжественных мероприятий. В Майкопе праздник, посвященный «ликвидации колхозов», состоялся в кинотеатре «Пантеон». В своей приветственной речи комендант города майор Лангефельд заверил присутствующих в том, что крестьяне отныне приобщаются

к «европейской культуре» [1: 293–294]. За завесой праздничной атмосферы крылось растущее недовольство местных жителей. В частности, затягивание решения земельного вопроса возмутило казаков Кубани, что вынудило оккупантов привлечь генерала П. Краснова (участника Гражданской войны) для обращения к населению с призывами к успокоению [6: 235].

Если ликвидация колхозов на Северном Кавказе была отложена до зимы 1942 г., то религиозная политика проводилась весьма оживленно с первых дней оккупации. Нацисты руководствовались заветом А. Розенберга о важности внешней, символической стороны жизни на Кавказе [2: 271]. Восстановление свободы религии, а также ее обрядовой части были объявлены частью «освободительной миссии». В интересах немцев была активизация религиозного сознания населения Северного Кавказа. Этой цели служило проведение мусульманских праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам в октябре и декабре 1942 г. при участии больших гостей – Э. Кестринга, О. Бройтигама, О. Шиллера и др.

Однако к концу 1942 г. политические меры больше не были способны прикрыть деструктивную сущность «нового порядка». Всего за несколько месяцев оккупации в результате беспощадной эксплуатации сельского хозяйства только на Дону, Кубани и Ставрополье гитлеровцы использовали на свои нужды и вывезли 1486 тыс. т хлеба (подсчитано по работам А.И. Залесского [3: 183], С.Г. Степаненко [10: 17]; В.А. Штеркеля [12: 23]). Это составило 20 % от поставок зерновых ресурсов со всех оккупированных вермахтом территорий в 1939–1944 гг. [5: 457]. Накануне отступления из региона захватчики перешли на тактику «выжженной земли», что окончательно нивелировало все отличия между оккупационным режимом на Северном Кавказе и в других местах.

В результате многие районы Северного Кавказа испытывали острый продовольственный кризис. В Майкопе оккупационные власти рассматривали каждого второго жителя как способного обеспечивать себя самостоятельно. Паек для работавших составлял 300 г хлеба в сутки. Власти сообщали в Берлин об успехах вербовки рабочих в Германию на добровольных началах, но на самом деле люди были вынуждены уезжать, чтобы спастись от голода [15: 56].

Казачество и северокавказские народы, которые по нацистским замыслам должны были составить пятую колонну СССР, сыграли ключевые роли в обороне Кавказа. Это получило историческое признание после войны. Новороссийск был удостоен звания города-героя, а Анапа, Владикавказ, Грозный, Малгобек, Нальчик, Ростов-на-Дону, Таганрог и Туапсе – звания городов воинской славы.

Население в зоне оккупации воспринимало проводимую завоевателями политику без ожидаемого в Берлине энтузиазма. Показательно, что это

признала и военная администрация Северного Кавказа: по сообщениям ее представителей, население оказалось «инертным», что обусловило насильственные методы привлечения жителей на работы в колхозах [15: 56].

Отсутствие партизанского движения на Северном Кавказе, о чем упоминал фон Биттенфельд, является мифом. О. Бройтигам уже в конце октября с тревогой отмечал рост недовольства оккупированного советского населения и партизанского движения на фоне жестокости немецкой политики [17: 340].

За короткий период народное сопротивление на Северном Кавказе нанесло оккупантам значительные потери (табл. 1).

Таблица 1. Партизанское движение на Северном Кавказе (составлено по: [8: 68, 100])

Края и автономные республики	**Партизанских отрядов**	**Партизан**	**Всего партизан**	**Уничтожено оккупантов и пособников**
Краснодарский край	75	5742	9199	20 148
Орджоникидзевский край	40	2007		
Кабардино-Балкария	14	700		
Северная Осетия	11	750		

Оккупация Северного Кавказа в теории была связана с одной из обновленных концепций Третьего рейха, решавших задачу политического обеспечения управления захваченной территорией. В рамках военного управления и в условиях Битвы за Кавказ реализация этой тактики потерпела крах. Продовольственное обеспечение оккупационных войск осуществлялось за счет населения и сопровождались насильственными акциями и убийствами мирных граждан, в связи с чем «новый порядок» не смог предотвратить рост движения сопротивления в регионе. Колхозная система была сохранена и использовалась в интересах экономики рейха. Эти факты продемонстрировали отсутствие принципиальных отличий практической стороны оккупационного режима на Северном Кавказе и на других советских территориях.

Источники и литература

1. *Безугольный А.Ю.*, *Бугай Н.Ф.*, *Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне, 1941–1945: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99.

3. *Залесский А.И.* В партизанских краях и зонах: патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врагу (1941–1944 гг.). М., 1962.

4. *Иванов А.Г.* Некоторые проблемы битвы за Кавказ в буржуазной историографии // Народный подвиг в битве за Кавказ / отв. ред. Г.А. Куманев. М., 1981. С. 352–360.

5. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных / К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан и др. М., 1998.

6. *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным: крестовый поход против большевизма. М., 2005.

7. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / сост. К.М. Александров. СПб., 2011.

8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 625.

9. Сообщения Советского Информбюро. Т. 3 (июль – декабрь 1942 года). М., 1944.

10. *Степаненко С.Г.* Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края: автореф. дис. … канд. ист. наук. Майкоп, 2010.

11. Управление центра документации новейшей истории архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7.

12. *Штеркель В.А.* Степные районы Ставрополья накануне и во время Великой Отечественной войны: 1939–1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2010.

13. *Hayward J.* Too Little, Too Late: An Analysis of Hitler's Failure in August 1942 to Damage Soviet Oil Production // The Journal of Military History. 2000. Vol. 64. No. 3. P. 769–794.

14. *Müller R.-D.* An der Seite der Wehrmacht: Hitlers ausländische Helfer beim "Kreuzzug gegen den Bolschewismus". 1941–1945. Berlin, 2007.

15. *Pohl D*. Deutche Millitarverwaltung die bessere Besatzung? Das Beispiel Kaukasus 1942/43 // Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen / Herausgebern: H. Möller und A. Tschubarjan. München, 2005. B. 2. S. 52–61.

16. *Roberts P.* Voices of World War II: Contemporary Accounts of Daily Life. Santa Barbara, 2012.

17. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. 14 November 1945 – 1 October 1946: 42 vol. Vol. 25. Nürnberg, 1947.

18. *Zeidler M.* Das "Kaukasische Experiment" // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2005. Heft 3. S. 475–500.

Т.Х. Матиев

СРЫВ ПЛАНОВ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ОТНОШЕНИИ ГОРСКИХ НАРОДОВ НА ОБОРОНИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Как показывает история войн, моральное состояние войск и мирных жителей оказывает прямое влияние на ход и результат вооруженной борьбы. От того, как и насколько успешно каждая из противоборствующих сторон организует пропагандистскую обработку войск и населения противника, во многом зависело и зависит состояние морального духа воюющей страны и в итоге ее способность к оказанию сопротивления. Еще К. Клаузевиц писал: «Моральные величины не могут быть исключены из теории войны» [6: 76].

В контексте бурного развития средств массовой информации, почти поголовной грамотности населения и армий, объективного роста образовательного уровня среднего человека в целом, к середине XX в. воздействие различных форм и приемов пропаганды становится особенно велико.

В условиях тотальной войны (каковой являлась Вторая мировая война), к тому же протекавшей в технологический век, пропагандистская работа играла особенно важную роль по сравнению с предшествующими военными конфликтами мировой истории. Одной из важнейших страниц минувшей войны справедливо считается Битва за Кавказ, длившаяся более года – с 17 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г. [5: 234]. Вопросы пропаганды и контрпропаганды в ходе Битвы за Кавказ, как и в целом в период Великой Отечественной войны, занимали, как представляется, не менее значимое место, чем проблема организации и ведения вооруженной борьбы.

В планах нацистского руководства как до, так и во время войны пропагандистской обработке населения уделялось огромное внимание. Большие надежды возлагались на использование многонационального и многоконфессионального характера СССР для расшатывания страны изнутри. Идеологи нацистского режима А. Розенберг, И. Геббельс и др. в своих речах и выступлениях открыто предлагали использовать протестный потенциал народов СССР как инструмент разрушения Советского государства [1: 19; 10: 7].

Не исключено, что на вооружение был взят опыт Первой мировой войны, когда, по сути, впервые Германия и ее союзники использовали многонациональный характер Российской империи и ее проблемы во взаимоотношениях с «инородцами» в военных целях. В частности, в 1916 г. была

создана Лига нерусских народов России, которая фактически должна была провоцировать и использовать в интересах Германии внутреннее неблагополучие России в национальном вопросе [3: 419]. Тем не менее опыт деятельности лиги не внушал оснований для оптимизма. Она так и не смогла выполнить те амбициозные цели, которые перед ней ставились. Но в условиях новой мировой войны ее инициаторы, очевидно, с присущей нацистскому режиму самоуверенностью рассчитывали избежать ошибок своих предшественников.

В частности, нацистское политическое и военное руководство отводило значительную роль перетягиванию на свою сторону горских народов Северного Кавказа. Помня о сложностях исторических взаимоотношений центра и окраин еще в Российской империи, а также недовольстве значительной части населения различными кампаниями сталинских лет (коллективизацией, борьбой с врагами народа, гонениями на духовенство и др.), противник ожидал найти на Кавказе благодатную почву для антисоветской пропаганды. С учетом далекоидущих целей кампании 1942 г. в войска спускались соответствующие директивы по соблюдению норм дисциплины в горских регионах, особо осторожному отношению к женщинам, старейшинам и т.д. «Нарушение этих приказов чревато большим количеством могущей пролиться немецкой крови», – предупреждал командующий 1-й танковой армией Э. Клейст [16: 774–775].

Пропаганда противника велась в основном по двум направлениям. Прежде всего, нацисты стремились к провоцированию этнической неприязни между самими горскими народами и между ними и русскими как титульной нацией, персонифицировавшей, согласно пропагандистским установкам, нацию-колонизатора. Делались отсылки не только к современности сталинского федеративного по букве и унитарного по сути государства, но и к имперскому наследию. Вторым же важнейшим направлением была эксплуатация просчетов и преступлений режима в 1920–1930-е гг., включая коллективизацию, массовые репрессии, воинствующий атеизм и проч. Последнее, впрочем, не являлось спецификой пропагандисткой обработки населения Северного Кавказа и было универсальным содержанием нацистской агитации на всех временно оккупированных территориях СССР [2: 17].

Однако развитие ситуации на фронтах в значительной мере скорректировало радужные ожидания берлинских стратегов и идеологов. Бои в горских областях Кавказа разгорались, а местное население в массе своей не спешило под знамена «победоносного вермахта», напротив, оказывая всяческую помощь Красной армии – от рытья окопов до формирования партизанских групп и ополчения [4: 92].

Важную роль в этом, безусловно, сыграла своевременная и гибкая реакция советских органов власти и управления в центре и на местах, борьба

с такого рода угрозами. Армейские структуры, органы НКВД, советские и партийно-хозяйственные учреждения работали на разоблачение пропаганды врага и противодействие ей на всех уровнях [14: 340]. Немалую роль играла советская контрпропаганда. Советская печать к лету 1942 г. была переполнена материалами о зверствах нацистов на оккупированных территориях. Статьи подкреплялись свидетельствами самих горцев, ставших очевидцами этих злодеяний. Последнее обстоятельство имело особое значение. Совершенно верно посчитав, что никакие агитационные материалы не могут сравниться с личным свидетельством, советская сторона активно привлекала к ведению контрпропаганды самих выходцев из горской среды, включая представителей таких уважаемых и влиятельных на тот момент в кавказских обществах институтов, как старейшины. Летом 1942 г. советское военно-политическое руководство предприняло грамотный шаг, организовав вывоз на фронт в только что освобожденные населенные пункты Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии группы старейшин разных горских народов, которые сами могли ознакомиться со следами зверств и опустошений, произведенных гитлеровской армией [7].

Нельзя сбрасывать со счетов и влияния образования, полученного значительной частью местных жителей за годы советской власти. Они не поддавались теперь на такие незатейливые уловки, как апеллирование к традициям национально-освободительной борьбы против русских колонизаторов, особенно если они звучали из уст нацистов, развязавших войну с целью достижения мирового господства, да еще и практикующих при этом истребление этнических и социальных групп. Поголовное избиение евреев и цыган, к тому времени ставшее уже достоянием общественности, не могло не натолкнуть те же горские народы на сравнения далеко не в пользу претендентов на роль новых хозяев Кавказа. Тем более с учетом того, что царская Россия и наследовавшая ей советская власть никогда не ставили во главу угла преследования по национальному принципу. От организаторов же «нового порядка», уже замеченных в геноциде, вполне можно было ожидать повторения чего-либо подобного, в том числе и в отношении этнических групп, которые пока в тактических целях записывались нацистскими идеологами в разряд «арийцев». Это подсказывала горским народам уже не советская пропаганда, а элементарный житейский здравый смысл.

Советская идеологическая доктрина с ее принципом пролетарского интернационализма служила неоспоримым и чрезвычайно весомым аргументом в агитационном противостоянии. К счастью для советской системы, она еще не стала к тому времени практиковать депортации народов (если не считать высланных в Казахстан еще в 1941 г. поволжских немцев), ставшие трагической приметой завершающего этапа Великой Отечественной войны, когда судьба военного противостояния была уже предрешена. Трудно даже

представить, какое влияние на судьбу обороны Кавказа могло оказать принятие такого решения в отношении тех же народов, которые впоследствии подверглись-таки депортации в 1943–1944 гг., скажем, в 1941 или 1942 г.

Весомый вклад в контрпропаганду вносили советские деятели культуры и искусства, особенно литераторы, к которым в то время – в условиях скудости средств массовой информации – вполне могло быть применимо сталинское определение инженеров человеческих душ. Среди них было немало участников Революции и Гражданской войны, участвовавших в этих событиях, неоднократно и подолгу бывавших на Северном Кавказе, хорошо знавших горские народы, их вклад в победу Революции, их культуру и традиции. Так, 12 сентября 1942 г., в разгар оборонительных сражений под Малгобеком, Н. Тихонов писал в своем обращении к ингушам, названном «Слава Кавказа»: «Дорогие братья-ингуши! Хороши теснины Ассинского ущелья, и если подлый немец задумает в них проникнуть, в ледяной пене Ассы он найдет свою смерть, как находили ее все, кто пробовал покорить ингушей. Стоят еще боевые башни, есть еще порох в пороховницах, и никакие танки не смутят бесстрашного ингуша» [11].

Наряду с довольно оригинальными, продиктованными местной спецификой приемами контрпропаганды, наподобие привлечения старейшин и мулл, широко применялись и традиционные для советского образа публичных действий формы – прежде всего, митингово-массовые. Одним из таких пропагандистских мероприятий накануне начала Битвы за Кавказ явился первый антифашистский митинг молодежи Северного Кавказа в Грозном 12 июля 1942 г. [12: 25].

В разгар этой битвы, когда враг уже овладел Краснодаром и Майкопом и рвался к Новороссийску и Моздоку, 13 августа 1942 г. массовый митинг народов Северного Кавказа состоялся и в Орджоникидзе. В нем участвовали 3 тыс. представителей «осетин, чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев, черкесов, народов Дагестана, Калмыкии, донских, кубанских, терских и сунженских казаков» [13: 34].

Для мобилизации горского населения на противостояние с надвигающимся врагом советский богоборческий режим привлекал даже религиозных деятелей, чей вес и влияние в горской среде, как и старейшин, всё еще был очень высок. Апогеем этого религиозно-властного альянса в ходе Битвы за Кавказ явилось объявление мусульманским духовенством «газавата» – священной войны нацистам. Характерно, что религиозное в сути своей событие получило широкое освещение на страницах партийной печати, в частности в пропагандистской статье П. Павленко – одного из самых авторитетных и пользующихся расположением властей советских писателей – в газете «Грозненский рабочий». В материале приводился ряд любопытных фактов – к примеру, что об объявлении газавата сообщил не кто

иной, как близкий друг Орджоникидзе и одновременно видный религиозный авторитет Кази-мулла, получивший множество ранений на фронтах Гражданской войны [9]. Большая часть религиозных деятелей была в то же время и людьми преклонного возраста, а значит – носителями и хранителями горских адатов. Их позиция была в тот момент весьма важна для воздействия не только на настроения, но и на поведение населения.

Так или иначе, уже к середине октября 1942 г., когда Германия была вынуждена перейти к стратегической обороне на всём советско-германском фронте, кроме района Сталинграда, стало очевидным, что ставка на антисоветское восстание или даже сколь-нибудь массовое сотрудничество горских народов с захватчиками потерпела крах. В свете этого линия на максимальное вовлечение горцев в совместную борьбу против советского режима начинает сменяться призывом к войскам о настороженном нейтралитете по отношению к местному населению. Теперь основной задачей для гитлеровцев становится скорее не привлечение горцев на свою сторону, а предупреждение их массового выступления в тылу собственных оккупационных войск. Гораздо более осторожным стал и подход к использованию горцев для вспомогательной деятельности в войсках и ближнем тылу. Так, в октябре 1942 г. приказ по 1-й танковой армии уже запрещал привлекать представителей местного населения к тем работам, которые могли предполагать их появление в местах хранения секретных документов [15: 1067].

Провал попытки нацистов привлечь на свою сторону симпатии кавказских народов отмечали даже самые жесткие критики советского режима, такие как А.М. Некрич, писавший, что народам СССР, особенно кавказским, «были ненавистны любые завоеватели, что бы они ни сулили; расовая теория, возвеличивающая немцев как народ господ, а главное, расовая практика на оккупированных территориях СССР с ее массовыми убийствами, уничтожением сотен тысяч людей, причисленных к “расово неполноценным”, истребление военнопленных, попавших в гитлеровские лагеря… Зверски античеловеческий характер идеологии, политики и практики третьего рейха абсолютно исключал сколько-нибудь длительное сотрудничество с ним больших групп населения, не говоря уже о целых народах» [8: 122].

Таким образом, в ходе Битвы за Кавказ пропагандистская обработка населения обеими сторонами ставилась на особое место как в плане важности данного вида деятельности в военных условиях в целом, так и в силу той значимости, которую имел исход кампании 1942 г. для обеих сторон. При этом нацисты рассчитывали в своих планах воспользоваться опытом противостояния горцев царскому режиму и традициями идентификации Москвы с имперским центром, угнетающим окраинные народы, и привлечь их на свою сторону путем пробуждения исторических обид и претензий.

Однако реальные шаги, сделанные в годы советской власти, особенно на начальном этапе, когда доминировал ленинский вариант национальной политики, дававший широкие права национальным меньшинствам, серьезно сузили для гитлеровских пропагандистов окно возможностей в данном вопросе. Не меньше значения в нацистской агитационной политике уделялось акцентированию внимания на негативных для крестьянского в массе своей и религиозного горского населения шагах советской власти в проведении коллективизации и утверждении атеизма. Однако сама политика оккупантов, ставившая вне закона и обрекающая на истребление целые этнические группы, послужила лучшим примером того, что может ждать малые народы Кавказа в случае утверждения «нового порядка».

Немалую роль сыграла и советская контрпропаганда, в которой использовались как традиционные для советской эпохи коллективно-массовые формы (митинги, кампании и пр.), так и обусловленные местной спецификой (обращения старейшин, призывы к газавату). В какой-то мере альянс советской власти с духовенством в Отечественной войне, получивший законченные очертания в 1943 г., впервые приобрел свои контуры уже в 1942 г. в политике на Северном Кавказе. Все эти меры в совокупности позволили сорвать планы врага по дестабилизации ситуации на Северном Кавказе и сыграли важную роль в достижении победы в ходе Битвы за Кавказ.

Источники и литература

1. *Абрамян Э.А.* Кавказцы в Абвере. М., 2006.

2. *Гашенко В.А.* Идеологическое противоборство СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2022. Т. 5. С. 15–22.

3. *Греков Б.И.* Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 419–431.

4. *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М., 1969.

5. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 тт. Т. 7. М., 1976.

6. *Клаузевиц К. фон.* О войне. М., 2007.

7. «Лучше быть вдовой героя, чем женой труса» // Грозненский рабочий. 1942. 1 октября.

8. *Некрич А.М.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.

9. *Павленко П.А.* Газават // Грозненский рабочий. 1942. 12 декабря.

10. *Сорокина О.Л.* Фашистская пропаганда в войне против СССР // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. Т. 2. № 2. С. 77–109.

11. *Тихонов Н.С.* Слава Кавказа // Красная звезда. 1942. № 215. 12 сентября.

12. *Филькин В.И.* Славный путь борьбы и труда. Из истории комсомола Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1968.

13. *Филькин В.И.* Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Грозный, 1960.

14. *Януш С.В.* Красная армия в сражениях за Кавказ (1942–1943 гг.). М., 2020.

15. National Archives and Records Administration (далее – NARA). T-314. R. 1290.

16. NARA. T-315. R. 1267.

Д.Н. Санин

ПОДВИГИ БОЙЦОВ 248-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В БОЯХ ЗА С. ДИВНОЕ В ЯНВАРЕ 1943 г.

Настоящая статья ставит своей целью осветить подвиги солдат 248-й стрелковой дивизии 28-й армии Южного фронта в Северо-Кавказской наступательной операции. Бои проходили на р. Маныч с 4 января по 17 января 1943 г. Маныч являлся стратегическим рубежом: он разделял Сталинградский и Северо-Кавказский фронты. Прикрываясь рекой, противник пытался обеспечить себе свободу действий на Закавказском фронте [17: 3–4]. На рубеже Маныча (в районе с. Дивное Орджоникидзевского (с 12 января – Ставропольского) края) противник создал круговую оборону. Косы и острова между рукавами были превращены им в мощные форты. Хорошо были укреплены правый и левый берега реки. В этой полосе 248-й стрелковой дивизии противник «силами 60-го моторизованного полка, одного батальона 156-го моторизованного полка, 16-й моторизованной дивизии и до батальона 46-го охранного полка оборонял район Дивное, имея передний край обороны по южному берегу оз. Маныч» [16 21]. Также он сосредоточил здесь танковые соединения и артиллерию. Кроме того, немецкие части прикрывала авиация.

План командования Южного фронта заключался в том, чтобы решительными действиями частей 899-го, 902-го и 905-го стрелковых полков при поддержке 771-го артиллерийского полка пробиться к Манычу и прижать врага к водному рубежу, после этого, уничтожив его основные силы, с ходу форсировать реку. Овладев плацдармом на другом берегу, советские части должны были развивать наступление таким образом, чтобы закрыть пути отхода противника с Северного Кавказа к Ростову-на-Дону. Удар по с. Дивное носил вспомогательный характер для Южного фронта: основное наступление советских войск было сосредоточено в направлении г. Сальска.

К 6 января части 248-й стрелковой дивизии, сосредоточившись у р. Маныч, приготовились к наступлению [17: 3–4]. 7 января 1943 г. с раннего утра

части дивизии начали штурм реки. Полки пошли в атаку, но были встречены пулеметно-минометным огнем. При поддержке шести танков и одного самолета Ю-88 противник отбросил наступающие части дивизии [16: 21]. Было решено укрепляться. Бойцы дивизии оборудовали огневые позиции, подтягивалась артиллерия для подавления огневых точек противника. При этом солдаты дивизии, продолжая укрепляться, пытались идти в бой, чтобы, форсировав Маныч, выбить врага с его позиций. Однако в этих упорных и тяжелых боях бойцам 248-й стрелковой дивизии с ходу форсировать Маныч так и не удалось [15: 32].

Несмотря на создавшиеся тяжелые условия боевых действий, военнослужащие дивизии проявляли отвагу и смекалку для уничтожения врага. В первые дни наступления, 7 и 8 января, в боях за освобождение села Дивное очень важно было поддерживать связь между подразделениями. Бесперебойную связь командного пункта с отделениями обеспечивал начальник связи 902-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии Михаил Петрович Васильев. За обеспечение своевременной связью Васильев был награжден медалью «За боевые заслуги» [7].

Для успешного продвижения советской пехоты активно применялась артиллерия. Командир взвода 45-миллиметровой батареи 899-го стрелкового полка, лейтенант Михаил Иванович Бойко 8 января 1943 г. под с. Дивное, «не сходя с поля боя, истребил со своим взводом живую силу и технику противника; использовал при том захваченную им в том бою немецкую пушку, подбил два танка противника, разрушил два ДЗОТ, подавил огонь трех фланговых пулеметов при выходе из строя одного из расчетов, оставался один у орудия, будучи контужен; организовал бойцов из стрелковых подразделений и вывез пушку и боеприпасы с поля боя». За проявленный подвиг 10 февраля 1943 г. лейтенант Бойко был награжден медалью «За боевые заслуги» [6].

Другой артиллерист – командир 3-й батареи 771-го артиллерийского полка, старший лейтенант Леонид Петрович Хаткевич с 9 января по 17 января 1943 г. своей батареей сжег два танка противника, уничтожил шесть блиндажей и разбил минометную батарею [14].

Командир взвода управления 6-й батареи 771-го артиллерийского полка, лейтенант Георгий Александрович Безруких 16 января 1943 г., будучи на передовой наблюдательного пункта, своей корректировкой огня обеспечил уничтожение одного орудия противника и подавление двух минометных батарей [5].

Пехота 248-й стрелковой дивизии продолжала вести упорные бои. 12 января 1943 г. командир стрелкового взвода 902-го стрелкового полка, старший сержант Никифор Алексеевич Орлов «в боях за город Дивное своим личным примером для бойцов уничтожил пять немецких солдат и одного взял в плен» [13].

13 января 1943 г. 899-й стрелковый полк вел наступление на ферму № 1, которая являлась опорным пунктом врага на подступах к с. Дивное [18: 26]. Командир взвода носильщиков санитарной роты 899-го стрелкового полка, военфельдшер Леонид Михайлович Лизогубов в этом сражении под артиллерийским и минометным огнем врага вынес с поля боя 34 раненых красноармейца. За этот подвиг Лизогубов был награжден орденом Красной Звезды [12].

Медали «За отвагу» был удостоен командир стрелкового взвода 902-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии Сергей Артемович Гульванский. Под с. Дивное «при выполнении боевой задачи в атаке ночью 12 января 1943 г. со взводом ворвался в окоп и уничтожил пять немецких солдат и одного взял в плен» [9].

В этих боях проявил мужество командир взвода минометной роты 899го стрелкового полка Дмитрий Андреевич Дубчак: 13 января 1943 г. в боях за Дивное его минометный расчет разбил два немецких блиндажа и взвода вражеской пехоты. За выполнение поставленной задачи лейтенант Дубчак был удостоен медали «За боевые заслуги» [10].

Другой командир 76-миллиметровой артиллерийской батареи 899-го стрелкового полка, старший лейтенант Алексей Ермолаевич Безродный с 8 по 13 января 1943 г. уничтожил под с. Дивное пять дотов, три автомашины, один танк и одну бронемашину. За свои совершенные подвиги он был награжден орденом Красного Знамени [4].

Красноармеец Иван Михайлович Бабкин при наступлении на с. Дивное в бою в районе озера Подманки метким огнем уничтожил девять гитлеровцев [2].

Старший сержант Василий Яковлевич Баранов из 905-го стрелкового полка 24-й стрелковой дивизии, уроженец Морозовского района Ростовской области, находился на фронте с 1941 г. Командуя отдельным взводом противотанковых ружей 3-го стрелкового батальона, показывал себя бесстрашным и мужественным командиром. В боях за с. Дивное со своим отделением он содействовал продвижению пехоты, отразив четыре атаки танков противника. Награжден медалью «За отвагу» [3].

17 января 1943 г. дивизия во взаимодействии со 159-й отдельной стрелковой бригадой перешла в наступление [16: 21]. Военнослужащие в этих тяжелых сражениях приобретали свой боевой опыт и закалку. Потом бойцы скажут: «Наконец мы форсировали Маныч. Мосты фашисты уничтожили. Шли вброд, вода до груди. Первым в реку бросился командир батальона, старший лейтенант Воробьев. За Воробьевым с обрывистого берега спрыгнули солдаты» [11: 45]. Бойцы двигались сначала по колено в воде, потом по пояс. Люди бежали на вражеский берег. Противник встречал их огнем. И хотя не был отмечен наградой солдат роты противотанковых ружей

Фёдор Горбатенко, но именно он из своего ружья заставил замолчать вражеский пулемет. Этим пулеметным огнем враг пытался остановить наступающих солдат Красной армии. Меткий выстрел Горбатенко дал возможность продвигаться вперед [11: 45–46]. По электронной базе «Память народа» награждение бойца 248-й стрелковой дивизии Горбатенко не удалось установить.

Несмотря на трудности продвижения, солдаты шли только вперед, чтобы освободить быстрее село от врага. «Старшина Гульванский и сержант Орлов вели свои взвода в полный рост. Впереди бежал коммунист Фёдор Попов. Он сбросил валенки и бежал по снегу босиком, пулей и штыком настигал немцев. Попов первым ворвался в село Дивное, и жители его подняли на руки, как знамя геройства и отваги. Стрелковый взвод старшего сержанта Нестерюка бросился через Маныч: с ходу с высот южного берега атаковал врага. Два часа вели огневой бой промокшие в воде бойцы. Своим геройством и мужеством они сделали, казалось, невозможное [17: 3–4].

При освобождении с. Дивное медалью «За боевые заслуги» были награждены военнослужащие 899-го стрелкового полка: наводчик минометной роты, сержант Николай Яковлевич Васильев; наводчик 45миллиметровой пушки, красноармеец Анатолий Михайлович Гуру; наводчик 45-миллиметровой пушки, красноармеец Константин Иванович Живодеров; наводчик 45-миллиметровой пушки, красноармеец Федор Гаврилович Жмурко; врио командира стрелкового взвода, старший сержант Григорий Васильевич Мануилов; пулеметчик 9-й стрелковой роты, старший сержант Валерий Николаевич Петров; наводчик 45-миллиметровой пушки, красноармеец Фёдор Захарович Редченко [8]. Орденом Красной Звезды награжден старшина взвода конной разведки 905-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии Алатан Анноамонов [1]. В этом наступлении дивизии только одной артиллерией и пехотным оружием 905-го стрелкового полка было подбито два танка, четыре автомашины, уничтожено несколько дзотов и истреблено до роты немецкой пехоты [19: 6].

В боях за Дивное солдаты, сержанты и офицеры проявили образцы исключительного мужества, героизма и выносливости, «форсирование Маныча в брод при 30 градусном морозе вошло в историю Великой Отечественной войны, как одна из славных страниц войны» [19: 6].

Это лишь часть тех подвигов, которые совершили воины дивизии. Некоторые из них были удостоены боевых наград по итогам сражения за с. Дивное. Другие так и не получили ни орденов, ни медалей. Но все они вместе выполнили свой долг с честью, освободив небольшое село на Северном Кавказе. Подвиги солдат, защищавших нашу великую Родину, навсегда останутся в памяти народа.

Источники и литература

1. Анноамонов Алатан // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie17034370/ (дата обращения: 09.08.2023).

2. Бабкин Иван Михайлович. Документы // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16610779 (дата обращения: 09.08.2023).

3. Баранов Василий Яковлевич // Подвиг народа. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=18841155&tab=navDetailDocument (дата обращения: 09.08.2023).

4. Безродный Алексей Ермолаевич // Подвиг народа. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=19764750&tab=navDetailManAward (дата обращения: 09.08.2023).

5. Безруких Георгий Александрович // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16463989 (дата обращения: 09.08.2023).

6. Бойко Михаил Иванович // Подвиг народа. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=16143040&tab=navDetailManAward (дата обращения: 07.08.2023).

7. Васильев Михаил Петрович // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16143041 (дата обращения: 11.08.2023).

8. Васильев Николай Яковлевич // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16610797 (дата обращения: 07.08.2023).

9. Гульванский Сергей Артемович // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16143031 (дата обращения: 07.08.2023).

10. Дубчак Дмитрий Андреевич // Подвиг народа. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=16143042&tab=navDetailManAward (дата обращения: 07.08.2023).

11. *Ленев Г.М.* Путь к Рейхстагу. Ростов н/Д., 1969.

12. Лизогубов Леонид Михайлович // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16143022 (дата обращения: 09.08.2023).

13. Орлов Никифор Алексеевич // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16143023 (дата обращения: 09.08.2023).

14. Хаткевич Леонид Петрович // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie16143044 (дата обращения: 09.08.2023).

15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 28. Оп. 8465. Д. 23.

16. ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 221.
17. ЦАМО РФ. Ф. 1533. Оп. 1. Д. 2.
18. ЦАМО РФ. Ф. 7555. Оп. 24249. Д. 1.
19. ЦАМО РФ. Ф. 7561. Оп. 692537. Д. 2.

С.Б. Манышев

ГЕНЕЗИС КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА: ОТРАЖЕНИЕ ПОЗИЦИЙ СТОРОН В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

События в Нагорном Карабахе, начало которых относится к позднесоветскому времени, на протяжении последних 35 лет не прекращают привлекать к себе внимание, переживая периоды спада и активизации. Еще несколько лет назад карабахский конфликт относился к числу замороженных. Однако события осени 2020 г. существенно изменили расстановку сил в регионе [12: 128–138].

В генезисе конфликта большую роль сыграло обращение обеих сторон к историческому прошлому: и Армения, и Азербайджан ссылались на партийные решения первых лет советской власти. Но, как справедливо отмечает современный исследователь С.М. Маркедонов, «сами эти итоги возникли не вдруг, они коренились в истории распада Российской империи и появления на ее месте первых наций-государств» [11: 124].

Когда исследователям доступно ограниченное число документов, существенное место в их работе занимают материалы периодической печати, на страницах которой нашли отражение те или иные сюжеты, связанные с трагическими событиями, развернувшимися на излете советской эпохи, демонстрирующие развитие карабахского конфликта [13–16; 20].

Чтобы попытаться разобраться в позициях сторон конфликта, можно обратиться к выступлениям представителей Азербайджанской ССР и Армянской ССР, которые они озвучивали в ходе обсуждения партийных документов и на Съездах народных депутатов. Обе стороны констатировали тот факт, что ситуация вокруг Нагорно-Карабахской автономной области была связана с накапливавшимися в течение десятилетий проблемами, к которым относили «извращения в кадровой политике, которой были присущи клановость, землячество, угодничество, процветали приписки, злоупотребление служебным положением» [4: 7]. «Дружбой народов» подменяли все проблемы, а их обострение относили лишь к проискам экстремистов и коррупционеров [8: 2]. И одна, и другая стороны отмечали, что большая часть вины лежит на бывшем руководстве Азербайджанской ССР и автономии, которое ущемляло

жителей последней в правах [4: 7]. Кроме того, существовало реальное несовершенство в руководстве межнациональными отношениями. На этом точки соприкосновения в общем-то заканчивались.

Позиция азербайджанской стороны сводилась к следующему. Процесс перестройки вскрыл большинство проблем, существовавших в стране, к ним относились и вопросы межнационального взаимодействия, а в многотысячных митингах участвовали «не только те, кто хочет услышать ответ на наболевшие вопросы, но и те, за кем стоят влиятельные, антиперестроечные силы» [4: 7]. Был сделан вывод о том, что невозможно решение вопросов в сфере межнациональных отношений путем давления и забастовок, призванных нарушить суверенные права республик [1: 3]. Именно с выступлениями подобного рода связывалось затягивание в разрешении конфликта [5: 4].

Постановление Верховного Совета Армянской ССР о присоединении Нагорно-Карабахской автономной области и ряда населенных пунктов Азербайджанской ССР к Армянской ССР усугубило и без того взрывоопасную обстановку в регионе. Это политическое решение стало одним из главных аргументов, приведших в результате к обстрелам азербайджанских сел, находившихся на границе с Арменией. Это в свою очередь вынудило правительство Азербайджана обратиться к МВД СССР для выделения дополнительного военного контингента для размещения в приграничных районах [5: 3–4].

Большое внимание уделялось миграционным процессам в регионе, вызванным напряженностью: десятки тысяч людей оказались без работы и жилья. По оценке депутата П.А. Азизбековой, 165 тыс. азербайджанцев из Армении и 50 тыс. армян из Азербайджана были вынуждены покинуть места своего жительства [7: 2].

Первоначально руководство Азербайджанской ССР положительно оценивало действия центральных властей по введению особой формы управления в автономной области, подчинявшейся непосредственно Москве [7: 2]. Но развитие конфликта дало основание первому секретарю Компартии Азербайджана А.Н. Муталибову в 1990 г. прямо заявить, что позиция центра была непоследовательной: когда Е.К. Лигачев в Баку говорил о недопустимости изменения границ, А.Н. Яковлев в Ереване отмечал право народа на самоопределение. «Функционеры из центра, – заявлял Муталибов, – по сути дела превратили Азербайджан в полигон для обкатки непродуманных решений». Здесь же он называл военные формирования Армении «террористическими» [9: 4].

Правда, бывшее руководство Азербайджана в лице Г.А. Алиева отрицало какие бы то ни было претензии в свой адрес в период его руководства ЦК Компартии Азербайджана, указывая на отсутствие какой-либо межнациональной

напряженности и на высокий уровень социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области, которая опережала среднереспубликанские показатели и Армении, и Азербайджана [2: 4].

Несколько иная риторика была характерна для представителей Армянской ССР и Нагорно-Карабахской автономной области. По мнению депутата из Нагорного Карабаха, автономная область «была превращена в сырьевой придаток Азербайджана» [17: 2]. Представители Армении искали свою правду в историческом прошлом. Истоки сложившегося положения они видели в практике периода культа личности и застоя, когда любые проявления национализма и межнациональной розни систематически замалчивались [3: 3]. Отмечалось, что притеснения армянского населения Нагорного Карабаха длились десятилетиями, а сам он «был изъят незаконным образом из состава Армении» [18: 2]. Депутат от Степанакертского территориального избирательного округа Б.В. Дадамян прямо заявлял, что Нагорный Карабах – это «часть древнего армянского края Арцах», который по воле И.В. Сталина был передан Азербайджану [17: 2]. «В Армении проблема Нагорного Карабаха стала общенациональной идеей», – отмечал первый секретарь Компартии Армении С.Г. Арутюнян [8: 2].

Тогда же возник и ряд других давно назревших проблем. В частности, была обозначена ситуация с положением «древнего армянского края» Нахичевани, которая также входила в состав Азербайджанской ССР. Армянские политические функционеры отмечали, что в школах Нагорного Карабаха не преподавалась история Армении, а памятники истории и культуры подвергались сознательному уничтожению [17: 2]. В этот период впервые на общегосударственный уровень вынесли дискуссию о признании геноцида армян в 1915 г., что было связано с решением Верховного Совета Армянской ССР и обращением последнего в Президиум Верховного Совета СССР [8: 2; 18: 2].

Указывалось на недостаточные усилия, приложенные предыдущим руководством Армении к налаживанию диалога между республиками. Государственные органы попросту закрывали глаза на усиливавшееся межнациональное противостояние [3: 3]. Десятилетиями, по мнению партийного руководства республики, в автономии ущемлялись права армянского населения [8: 2]. Армения сталкивалась с противодействием при любой попытке налаживания отношений с Нагорным Карабахом: ни руководство Армянской ССР, ни интеллигенция не могли беспрепятственно посещать автономную область [18: 2].

Армянской стороне казалось упрощением видеть в событиях вокруг Нагорного Карабаха действия лишь вышедших из-под контроля экстремистских групп [3: 3]. Они рассматривали проходившие митинги и демонстрации как недемократические формы стремления к демократии [8: 2].

На заседании бюро ЦК Компартии Армении отмечалось, что многие органы власти не проявили своей принципиальной позиции, в результате чего начались межнациональные столкновения, которые повлекли за собой перестановки в республиканских органах: 13 руководителей были исключены из партии, другие – сняты со своих постов с выговорами [19: 3].

Используя лозунги перестройки, первый секретарь ЦК Компартии Армении С.Г. Арутюнян пытался обосновать позицию армян Нагорного Карабаха как волеизъявление населения, а не «как посягательство Армянской ССР на территорию соседней республики», говоря о том, что суть спора не в территории, а в самоопределении [6: 4]. И именно этот вопрос стал наиболее острым в разрешении конфликта.

Иначе, нежели азербайджанские политики, в Армении оценивали деятельность Комитета особого управления Нагорно-Карабахской автономной области. По мнению С.Г. Арутюняна, данный орган унаследовал все несовершенства, существовавшие и до этого, он не смог донести до центра чаяний армянского населения, поэтому у людей появилось недоверие к этой структуре, что снова привело к обострению обстановки [8: 2]. Первый секретарь ЦК Компартии Армении В.М. Мовсесян возлагал вину за неэффективность принимавшихся мер на Центр, которым в основу решения проблемы «была положена ошибочная политика паритета, одинаковой вины». Однако, не вдаваясь в подробности, он признавал и ошибки республиканской власти [10: 4].

Как показали дальнейшие события, никакие «декоративные» мероприятия и заявления об интернационализме и дружбе народов не могли остановить развитие межнациональной напряженности. Последовавший развал Советского Союза привел к окончательному слому любых сдерживающих факторов, что вылилось в Первую карабахскую войну. Этот военный конфликт, окончившийся подписанием трехстороннего Соглашения о бессрочном прекращении огня, закрепил status quo за территорией бывшей Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. Более четверти века непризнанная Нагорно-Карабахская Республика (Республика Арцах) оставалась спорной территорией: Азербайджан настаивал на сохранении своей территориальной целостности в советских границах, Армения же считала достигнутое в 1994 г. соглашение достаточным, откладывая окончательное решение «карабахского вопроса». Но расстановку сил на Южном Кавказе существенно изменили события 44-дневной войны 2020 г. Результатом этого военного конфликта стал пересмотр достигнутых в начале 1990-х гг. соглашений: фактически две третьих территории непризнанной республики были заняты азербайджанской армией, а армянское население вынуждено покинуть этот регион.

Источники и литература

1. Выступление депутата А.Н. Муталибова // Правда. 1989. № 152 (25870). С. 3.

2. Выступление товарища Алиева Г.А. // Правда. 1989. № 117 (25835). С. 4.

3. Выступление товарища Арутюняна С.Г. // Правда. 1988. № 183 (25535). С. 3.

4. Выступление товарища Везирова А.Х. // Правда. 1988. № 182 (25534). С. 7.

5. Выступления на Втором Съезде народных депутатов СССР. А.Н. Муталибов // Правда. 1989. № 349 (26067). С. 3–4.

6. Выступления на Пленуме ЦК КПСС. С.Г. Арутюнян // Правда. 1990. № 39 (26122). С 4.

7. Выступления на Съезде народных депутатов СССР. П.А. Азизбекова // Правда. 1989. № 155 (25873). С. 2.

8. Выступления на Съезде народных депутатов СССР. С.Г. Арутюнян // Правда. 1989. № 153 (25871). С. 2.

9. Выступления на XXVIII съезде КПСС. А.Н. Муталибов // Правда. 1990. № 188 (26271). С. 4.

10. Выступления на XXVIII съезде КПСС. В.М. Мовсесян // Правда. 1990. № 189 (26272). С. 4.

11. *Маркедонов С.М.* Трансформация армяно-азербайджанского конфликта: исторический опыт и современное состояние // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 12. С. 120–130.

12. *Муханов В.М.*, *Скаков А.Ю.* Нагорный Карабах – 2020: последствия войны и перспективы поствоенного урегулирования // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 6. С. 128–138.

13. Нагорно-Карабахская республика (август 1991 г. – январь 1992 г). Документы / сост. Г. Абрамян. Ереван, 2011.

14. Нагорный Карабах и вокруг него… Глазами независимых наблюдателей (Сборник материалов) / сост. С.Т. Золян, Г.К. Мирзоян. Ереван, 1991.

15. Нагорный Карабах: разум победит. Документы и материалы. Баку, 1989.

16. События в Нагорном Карабахе и вокруг него. По страницам газет / сост. Р. Мамедов. Баку, 1988.

17. Съезд народных депутатов СССР. Б.В. Дадамян // Правда. 1989. № 158 (25876). С. 2.

18. Съезд народных депутатов СССР. В.А. Амбарцумян // Правда. 1989. № 156 (25874). С. 2.

19. *Чахмахчан Л.* Ответственность за безответственность // Правда. 1989. № 17 (25735). С. 3.

20. Black Garden Aflame. The Nagorno-Karabakh Conflict in the Soviet and Russian Press / ed. by A. Tonoyan. Minneapolis, 2021.

С.А. Орешин

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИЧКЕРИИ. 1997–1999 гг.

Одной из основных задач, которые предстояло решить Чеченской Республике по окончании в 1996 г. боевых действий и вывода федеральных войск, было формирование дееспособных органов государственной власти, способных преодолеть острейший социально-экономический и политический кризис и стабилизировать ситуацию в регионе. В январе 1997 г. на президентских выборах победу одержал А.А. Масхадов, однако вскоре он оказался втянут в ожесточенный конфликт с оппозицией, который продолжался на протяжении всего его президентства. Это противостояние поставило Чечню на грань гражданской войны и краха государственности.

В этой связи представляется важным проанализировать ход государственного строительства в Чеченской Республике в 1997–1999 гг., охарактеризовать политический курс, проводимый Масхадовым, понять, что собой представляла оппозиция и на какие силы в регионе она опиралась, выявить причины разногласий между официальной властью и оппозиционными структурами, осветить основные этапы внутричеченского противостояния в данный период и его итоги.

После ухода федеральных войск из Чечни публичная власть как таковая в регионе фактически отсутствовала. Республика была поделена между вооруженными группировками, возглавляемыми полевыми командирами, на сферы влияния [15: 55]. При этом власть чеченских лидеров осуществлялась не столько через государственные институты, сколько напрямую, через подконтрольные им вооруженные формирования. Возглавив Чечню, Масхадов провозгласил своей целью создание независимого демократического светского чеченского государства. Следуя избранному курсу на поддержание взаимного согласия, он назначил своих соперников по президентской гонке Ш. Басаева и М. Удугова первыми вице-премьерами, а А. Закаева – вице-премьером правительства Чеченской Республики [17: 247].

Одновременно с президентскими состоялись и парламентские выборы. Большинство мест получили кандидаты от поддерживавшей Масхадова умеренной Партии национальной независимости, однако и оппозиция (Партия свободы Чеченской Республики Ичкерии, партия «Исламский порядок» и др.) также смогла получить часть кресел в законодательном органе [12: 10]. Председателем парламента 17 марта был избран один из видных полевых командиров Р.Ш. Алихаджиев. Большинство депутатов нового парламента составляли полевые командиры и политические активисты,

выдвинувшиеся в период вооруженного противостояния с федеральным центром в 1994–1996 гг. [1: 97], однако совершенно не имевшие опыта политической деятельности и тем более законотворческой работы.

Политический курс президента поддерживали партии и общественно-политические движения, которые ранее были сторонниками умеренно оппозиционных взглядов или же пророссийского Правительства национального возрождения («Даймохк», Партия национальной независимости, движения «Патриоты Чечни», «Вежарий», «Иман», «Чеченское исламское государство») [18: 80]. Они выступали за светскую демократическую президентско-парламентскую республику и налаживание конструктивных отношений с властями Российской Федерации при условии оказания последними реальной финансовой помощи Грозному и признания Чеченской Республики субъектом международного права. В оппозиции к Масхадову находились сторонники убитого в 1996 г. президента Д.М. Дудаева, оттесненные от власти (национально-патриотическое движение «Свобода», Ассамблея партий и комитетов Чеченской Республики Ичкерия, движение «Путь Джохара»). Они выступали за усиление роли ислама в политической жизни республики, обвиняли Масхадова в связях с Москвой и требовали, чтобы Россия однозначно признала независимость Чечни. Более радикальные позиции занимали М. Удугов и Ш. Басаев, возглавлявшие союз политических сил «Исламский порядок» и партию «Маршонан тоба», соответственно. Они склонялись к поддержке антироссийских сепаратистских движений на Северном Кавказе и были противниками каких-либо компромиссов с Москвой. Наиболее радикальные позиции занимали ваххабиты, выступавшие за введение в Чечне шариатского правления, упразднение многих элементов парламентаризма и фактическую ликвидацию республиканского строя как такового. Они проявляли себя непримиримыми противниками России, мечтали вытеснить ее с территории Северного Кавказа и создать в регионе обширное мусульманское теократическое государство от Черного моря до Каспийского [5: 219].

Очень скоро стало ясно, что Масхадов вынужден был при принятии решений учитывать мнение полевых командиров, располагавших собственными вооруженными формированиями. Был сформирован Высший Президентский Совет, в который вошли видные чеченские военные и политические лидеры. Он утверждал предложенные президентом кандидатуры министров, после чего они принимались парламентом [14: 197]. В июне 1997 г. съезд полевых командиров потребовал удалить из правительства «коллаборационистов», ввести в действие закон о люстрации и прекратить уступки российским властям. Масхадов отказался принять эти требования, более того, он демонстративно вывел из состава правительства Ш. Басаева и снял с поста первого вице-премьера М. Удугова, назначив его

министром иностранных дел [17: 265]. Осенью президент сформировал новый Кабинет министров, ведущую роль в котором стали играть технократы во главе с первым вице-премьером М. Дошукаевым [14: 197]. В ответ оппозиция 3 ноября 1997 г. сформировала Совет полевых командиров, который возглавил Ш. Басаев. В распоряжении каждого полевого командира были довольно крупные вооруженные формирования и совокупно по боевой мощи они превосходили силовые структуры официального Грозного. Неформальным идеологом этого Совета был М. Удугов, негласную поддержку ему оказывал вице-президент В. Арсанов [13: 37].

Понимая слабость своих позиций, Масхадов вынужден был в январе 1998 г. вновь ввести Ш. Басаева в состав правительства, назначив его первым вице-премьером, а вскоре – исполняющим обязанности председателя Кабинета министров. В состав нового правительства вошли как сторонники Масхадова, так и представители оппозиции [7: 59]. 5 марта члены правительства Басаева впервые в истории Чечни принесли присягу не на Конституции, а на Коране [8: 765]. Слабая власть официального Грозного привела к фактической независимости полевых командиров, вступивших в междоусобную борьбу за раздел сфер влияния. В республике усиливалось противостояние между различными вооруженными группировками [9: 441].

16 марта 1998 г. подразделения республиканского Антитеррористического центра попытались взять под контроль Урус-Мартан и разгромить ваххабитский «джамаат», но, натолкнувшись на организованное сопротивление, отступили. Провал этой силовой акции еще больше ослабил позиции Масхадова [16: 88]. Противостояние между президентом и ваххабитами усиливалось. Весной 1998 г. было задержано несколько десятков боевиков радикальных группировок. Целый ряд иностранных граждан, проповедовавших религиозный экстремизм и нетерпимость, был выслан из Чечни. Эти действия вызвали резкую реакцию радикальной оппозиции, однако Масхадов проигнорировал ее требования и угрозы. 21 июня 1998 г. группа боевиков, принадлежавших к формированиям С. Радуева, под руководством полковника В. Джафарова захватила здание Государственного комитета по телевидению и радиовещанию, однако в ходе перестрелки и последовавшего штурма они были выбиты. 22 июня, получив от парламента особые полномочия, Масхадов ввел в республике режим чрезвычайного положения [17: 275]. 3 июля был отправлен в отставку Ш. Басаев, обвиненный в полном развале всех отраслей народного хозяйства республики и интригах против президента [15: 91].

Ваххабиты нанесли ответный удар, попытавшись 13 июля захватить второй по величине город Чечни Гудермес, однако натолкнулись на упорное сопротивление со стороны военизированных отрядов братьев Ямадаевых, пользовавшихся большим авторитетом в этом районе. В результате

радикалы были разгромлены [2: 103]. Июльский конфликт показал, что большинство чеченцев готово поддержать решительные действия президента по разоружению и подавлению экстремистов и наиболее одиозных полевых командиров. Однако Масхадов так и не решился начать серьезную борьбу с радикалами. Осенью оппозиция, оправившись от понесенного поражения, попыталась вновь перейти в наступление. 23 сентября Ш. Басаев и С. Радуев потребовали отставки Масхадова, обвинив его в узурпации власти, нарушении Конституции и шариата, а также в пророссийском внешнеполитическом курсе. В ответ 1 октября Масхадов вывел сторонников оппозиции из правительства [17: 277].

8 октября в Грозном Масхадов провел съезд чеченского народа, который наделил президента дополнительными полномочиями. Однако оппозиция 10 октября провела альтернативный съезд, назвав его Общенациональным конгрессом чеченского народа. Этот конгресс возложил на президента всю ответственность за ухудшение криминогенной обстановки в Чечне и подтвердил решимость добиваться отставки Масхадова с поста президента республики. Оппозицию поддержали вице-президент В. Арсанов, экс-президент З. Яндарбиев, бывший вице-президент С.-Х. Абумуслимов и некоторые другие видные чеченские политики. Воодушевленные этой поддержкой, противники Масхадова образовали Центр общественно-политических партий и движений, в составе которого было представлено 35 различных политических объединений. Во главе оппозиционного блока встали Конгресс народов Чечни и Дагестана (Ш. Басаев, М. Удугов), партия «Путь Джохара» (С. Радуев), Организация исламского единства Кавказа, движение «Кавказская конфедерация» (З. Яндарбиев) [18: 83]. Если летом Масхадов мог диктовать свою волю противникам, то осенью он уже не имел для этого необходимых сил. 8 ноября президент провел переговоры с представителями оппозиции, которых возглавлял Басаев, и согласился пойти на уступки. При президенте создавался Консультативный совет, в состав которого вошли ведущие полевые командиры и политические деятели, а также специальный Суд чести, который должен был провести люстрацию всех чиновников и отстранить от должности «недостойных» лиц [16: 89].

В начале 1999 г. оппозиция вновь обвинила Масхадова в нарушении Конституции Чечни, несоблюдении шариата и чрезмерных уступках России [2: 106]. Между тем ваххабиты создали свое политическое объединение – Высший совет исламских джамаатов. Они отказались признавать власть Масхадова, потребовали от него немедленно сложить свои полномочия, а на подконтрольных им территориях создавали параллельные органы управления и судопроизводства [6: 113]. Пытаясь перехватить у исламистов политическую инициативу, 3 февраля Масхадов издал указ о введении в Чечне шариатского правления. Все сферы государственного устройства

республики должны были быть приведены в соответствие шариату [1: 100]. Выполняя постановление Шариатского суда, Масхадов объявил о создании Государственного совета – Кхеташо (Шуры) из 20 человек, в состав которого он пригласил войти ведущих полевых командиров, в том числе разделявших оппозиционные взгляды [3: 3]. Однако радикальная оппозиция усиливала давление на президента. 7 февраля оппозиционные полевые командиры начали формирование параллельной Шуры (совета) во главе с Ш. Басаевым. Басаев обвинил Масхадова в «репрессиях против участников войны и сторонников независимости Чечни» и в том, что «вместо объединения нации президент разделил народ по религиозному принципу» [10: 33]. 6 февраля парламент признал указ президента о введении полного шариатского правления не имеющим юридической силы и пригрозил ему отставкой за попытку изменения государственного строя республики [10: 35].

При этом четкого представления о том, в каком направлении должна развиваться чеченская государственность, не было ни у сторонников президента, ни у оппозиции. Выдвигались идеи преобразовать Чечню в парламентскую республику или, наоборот, президентскую, или же теократическую. Предлагалось даже взять за основу вариант корпоративного государства, наподобие того, что создал в Италии Б. Муссолини. К середине 1999 г. общественно-политическая жизнь в Чечне была полностью дезорганизована. Масхадов фактически утратил реальную власть в республике. Однако и оппозиция не была достаточно сильна для того, чтобы овладеть ею. Кроме того, среди ее лидеров не было единства. Многие полевые командиры не доверяли друг другу и даже враждовали. Значительная часть из них настороженно относилась к ваххабитам, с подозрением наблюдая за усилением их позиций. Другие, наоборот, пытались заключить с ваххабитскими амирами ситуативные союзы. Вследствие слабости органов власти невиданного размаха достиг бандитизм, буквально захлестнувший Чечню.

12 июня в Грозном ваххабиты попытались штурмом взять здание Министерства государственной безопасности. Попытка не удалась, но показала в очередной раз чрезвычайную слабость позиций чеченского президента. Вскоре в Грозном оппозиционная Шура провела свой съезд, участие в котором принял и Масхадов. Он был вынужден издать указ о создании Совета из «военно-политических лидеров», вместе с которыми обязался отныне обсуждать все важные решения [4: 59]. 12 июля 1999 г. Масхадов заявил о том, что в связи с угрозой дестабилизации внутриполитической ситуации временно вся полнота государственной власти передается Совету национальной безопасности, который возглавил лично президент и в состав которого он был готов включить самых влиятельных полевых командиров, в том числе сторонников оппозиции. Однако многие политологи расценили этот шаг как фактическую капитуляцию Масхадова перед оппозицией [11: 55].

Подводя итоги, следует отметить, что политическая жизнь Чеченской Республики в 1997–1999 гг. характеризовалась слабостью официальных органов власти и постоянным противоборством между ними и оппозицией. Формально вся полнота власти в Чечне принадлежала избранному президенту А. Масхадову, но его положение было весьма шатким. Сама оппозиция никогда не отличалась единством. Наиболее сплоченной силой показали себя ваххабиты, стремительно набиравшие политический вес. Они выступали за ликвидацию республиканского устройства и замену его теократическим мусульманским государством, которое должно было стать плацдармом для возобновления боевых действий против России и создания исламской теократии на территории всего Северного Кавказа. Обладая большими финансовыми и материальными ресурсами, они, тем не менее вследствие своего радикализма не смогли заручиться поддержкой большинства чеченского общества, которое сохранило приверженность традиционному исламу.

Попытки Масхадова упрочить свою власть успехом не увенчались. Чеченский президент постоянно проявлял колебания, то пытаясь подавить силовым путем оппозицию, то вступая с ней в переговоры и идя на уступки, то стараясь перехватить ее политические лозунги. К осени 1999 г. Чечня фактически оказалась в состоянии безвластия и острейшего политического кризиса. Масхадов утратил реальную власть и превратился в декоративную фигуру. Его указы и постановления никем фактически не исполнялись. Однако и оппозиция, погрязшая в бесконечных внутренних дрязгах, так и не смогла выработать привлекательную для большинства жителей республики политическую программу и не пользовалась популярностью в обществе. Оппозиционеры понимали, что они могут свергнуть Масхадова, но удержать власть им будет проблематично, тем более что в этом случае между полевыми командирами, скорее всего, начались бы вооруженные столкновения из-за дележа власти. В какой-то степени их устраивало нахождение на формальном посту президента такой слабой фигуры, как Масхадов. Радикальные исламисты, понимая, что большинство чеченцев их не поддерживает, встали на путь откровенных провокаций, организовав в августе 1999 г. нападение на Дагестан. Эта акция привела к вводу федеральных войск в Чечню и краху самопровозглашенной Ичкерии.

Источники и литература

1. *Абдурахманов Д.Б.* Чеченский парламент. История и современность. Грозный, 2014.

2. *Акаев В.Х.* Религиозно-политический конфликт в Чеченской Республике Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4 (5). С. 101–108.

3. *Барахова А.* Масхадов сдался шариату // Коммерсант. 1999. 5 февраля. № 14 (1658). С. 3.

4. *Батуев В.*, *Суховерхов В.*, *Новиков В.*, *Годаев А.* Чечня – имамат XXI века? // Россия и мусульманский мир. 1999. № 10 (88). С. 59–66.

5. *Гакаев Ж.Ж.* Очерки политической истории Чечни (XX век). М., 1997.

6. *Гакаев Ж.Ж.* Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы (Политический аспект). М., 1999.

7. *Дубнов В.* Чечня: взгляд в будущее (Из интервью с президентом Чеченской Республики А. Масхадовым) // Россия и мусульманский мир. 1998. № 6. С. 59–60.

8. История Чечни с древнейших времен до наши дней. В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков / отв. ред. М.М. Ибрагимов. Грозный, 2008.

9. *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой: тайна Кавказских войн. Информация, анализ, выводы. М., 2006.

10. *Максаков И.* Исламские преобразования в Чечне // Россия и мусульманский мир. 1999. № 4. С. 32–37.

11. *Максаков И.* Тихий государственный переворот в Чечне? // Россия и мусульманский мир. 1999. № 9. С. 54–56.

12. *Максимов Ф.* Как выбирает Чечня // Коммерсантъ-Власть. 2003. 10 марта. № 9. С. 10–11.

13. *Мухин А.А.* Чеченская Республика и ее вооруженные силы. М., 1999.

14. *Осмаев А.Д.* Общественно-политическая ситуация в Чеченской Республике в 1996–1999 гг. // Известия Алтайского государственного университета. Серия История, Политология. 2008. № 4/3. С. 195–202.

15. *Осмаев А.Д.* Чеченская Республика в 1996–2005 гг.: трудный путь к миру. Грозный, 2014.

16. Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений. 1994–1996. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. О.П. Орлов, А.В. Черкасов. М., 2010.

17. *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. В 5 т. Т. III. М., 2002.

18. *Эльбуздукаева Т.У.*, *Изрипова Е.А.* Национально-государственное строительство в Чеченской Республике в конце XX – первом десятилетии XXI в. М., 2018.

С.И. Мусаева

ЕДИНСТВО НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В ПЕРИОД ВТОРЖЕНИЯ БАНДФОРМИРОВАНИЙ (АВГУСТ – СЕНТЯБРЬ 1999 г.)

После развала Советского Союза Дагестан стал южным форпостом России. Российский Кавказ представляет собой особый регион, стратегически важный хаб, связывающий Европу и Центральную Азию, имеющий

выход к трем морям – Каспийскому, Чёрному и Азовскому, а через Азовско-Черноморский бассейн – к Средиземноморью, Гибралтарскому проливу и Суэцкому каналу. Эти обстоятельства усиливают геостратегическую значимость Кавказа, в частности Дагестана. Протяженность береговой линии Каспийского моря по территории Дагестана составляет 540 км, по морю он имеет общую границу с Казахстаном, Туркменией и Ираном, а по суше граничит с Азербайджаном и Грузией. Дагестан играл и играет важную роль в развитии политико-экономических, культурных взаимосвязей России со странами Закавказья, Среднего и Ближнего Востока. Поэтому располагавшиеся в республике геостратегически важные коммуникационные и транспортные узлы пытались взять под свой контроль или разрушить зарубежные спонсоры и организаторы вооруженного мятежа бандформирований.

С начала 1990-х гг. силы, заинтересованные в нагнетании обстановки в регионе, предпринимали неоднократные попытки дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в Дагестане и тем самым вытеснить Россию из Кавказского региона. При этом ставка делалась на национальный сепаратизм, политический и религиозный экстремизм, звучали угрозы взорвать мир на всем Северном Кавказе. Механизм был запущен, возникла большая вероятность прямой угрозы территориальной целостности Российской Федерации и безопасности ее южных рубежей. Это стало очевидным, когда из отдельных вновь образовавшихся закавказских государств стали раздаваться голоса о расширении военного сотрудничества со странами Североатлантического блока (НАТО), о готовности разместить их военные базы на своей территории, вблизи южных границ России.

Одновременно подогревались сепаратистские настроения руководителей самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии, которые в результате заявили о полном переходе к исламским порядкам правления. Более того, окопавшиеся на ее территории бандитские формирования и религиозные экстремисты в лице последователей ваххабитского движения приступили к реализации плана создания единого государственного пространства во всем Северо-Кавказском регионе с так называемой шариатской формой правления, что, естественно, влекло за собой вытеснение России с Кавказа вообще. Для осуществления этих задач и проведения военной операции в Дагестане, как пишет Р.Г. Гаджиев, ряд международных террористических и религиозных организаций выделил Ш. Басаеву 25 млн долларов [3: 108]. Бандформирования готовились основательно, планировали захватить территорию Дагестана в течение двух-трех месяцев и выйти к Каспийскому морю и его районам нефтедобычи, установить шариатские порядки, создать исламское государство.

Там, где не работали законы Российского государства, на виду у всех создавались и укреплялись неконтролируемые религиозно-экстремистские

вооруженные формирования, которым была определена роль реализатора глобальных интересов их зарубежных покровителей и спонсоров. Так, за сравнительно короткий срок идеологи международного терроризма и религиозного экстремизма превратили Чеченскую Республику Ичкерию в территорию со средневековыми порядками и моралью, где не действовали ни власть, ни закон, и поделили ее на сферы влияния полевых командиров и руководителей бандформирований. Такая же участь была уготована и другим республикам Кавказа.

Дагестанцы понимали, что в силу своей многонациональности, исторической роли и географического расположения несут большую ответственность за сохранение территориальной целостности России и Дагестана, за судьбу северокавказских народов, и, полагаясь на собственный потенциал и поддержку всей страны, надеялись на мирный исход. К сожалению, сколачивание международных бандформирований на территории Чечни и распространение религиозного экстремизма в регионе не миновало Дагестан и дагестанцев. Причиной этого в значительной степени стала и правовая неурегулированность взаимоотношений между Москвой и Грозным после военных событий 1994–1996 гг.

С приходом к власти в Чечне бывшего советского генерала Джохара Дудаева и его окружения Дагестан пострадал не меньше, чем сама Чеченская Республика Ичкерия, прежде всего в экономической сфере. Для совершения военной авантюры западными и натовскими идеологами «Большой Кавказской войны» Дагестан был выбран целенаправленно и расчетливо. Они понимали, что до тех пор, пока обстановка в Дагестане будет сохраняться стабильной, их цели и замыслы не могут быть реализованы. Поэтому главной задачей явилось дестабилизировать Дагестан.

Хасавюртовские соглашения, подписанные 31 августа 1996 г. [12], не сняли возникших проблем во взаимоотношениях Чечни и центра. Наоборот, придали им перманентный характер, проявляющийся ежедневными провокациями и организованной преступностью на административной границе Дагестана и Чеченской Республики Ичкерии. Тысячи россиян, в том числе и дагестанцы, находились на территории Чечни в плену у бандформирований, террористов и уголовников, которые требовали за них баснословные суммы выкупа.

С учетом складывающейся обстановки вопрос борьбы с религиозным экстремизмом и организованной преступностью постоянно находился в поле зрения органов власти и управления Республики Дагестан, принимались некоторые меры, но они оказались недостаточными.

В ночь на 1 августа 1999 г. вооруженные отряды бандформирований со стороны Чечни, нарушив границы между Чечней и Дагестаном, вошли в пограничные дагестанские горные села Цумада, Ансалта, Годобери, Тондо и др.

Бандформирования расположили свои штабы в с. Ансалта и Рахата, а осуществляли руководство вооруженными отрядами известные религиозные террористы-экстремисты Ш. Басаев и Э. Хаттаб.

2 августа, в 15 ч 30 мин, на перевале с. Гигатль Цумадинского района на подступах к контрольному пропускному пункту Цумадинского районного отдела внутренних дел (далее – РОВД) произошло вооруженное столкновение сотрудников Министерства внутренних дел (далее – МВД) республики с боевиками бандформирований, проникших из ближайших сел Кенхи и Хилди Чеченской Республики Ичкерии. Для оказания помощи и огневой поддержки в район боестолкновения были дополнительно направлены сотрудники специальных подразделений МВД Дагестана [2: 9–10]. В бою личный состав МВД Дагестана понес первые потери. Героически погиб капитан милиции З.К. Султанов, получили ранения различной степени тяжести сотрудники ОМОН МВД Республики Дагестан Г.Р. Амиралиев и Б.З. Багандов и др.

В 4 ч утра 7 августа вооруженные отряды бандформирований численностью более 400 человек перешли административную границу и вторглись на территорию Ботлихского района. Ими были заняты Ансалта, Рахата, Шодрода, Годобери и другие крупные населенные пункты. За ними последовали другие отряды боевиков, которыми были оккупированы села Ботлихского и Цумадинского районов Дагестана [2]. Распоряжением правительства республики для решения возникающих вопросов был образован оперативный штаб под руководством первого заместителя председателя Правительства Республики Дагестан Н. Магомедова [7].

Так начались настоящие бои с бандформированиями. Достаточно раскритикованные за все эти годы ценности – патриотизм, интернационализм и дружба народов – вновь стали актуальны для Дагестана и России. С первого же дня вторжения бандформирований в Дагестан местное население начало давать им отпор. Из сел уходили женщины и дети, оставив дома и имущество, а мужчины начали создавать отряды ополченцев, чтобы защитить Отчизну от незваных бандитов.

В первые же дни августа были созданы отряды ополченцев в городах и районах Дагестана, начиная от Махачкалы (С. Амиров), Хасавюрта (С. Умаханов), Казбековского, Гумбетовского и других районов, где объединялись представители всех национальностей, независимо от религиозной принадлежности. Фактически в Дагестане эта агрессия была воспринята как отечественная война за Республику Дагестан, за Россию. Дагестанцы проявили полное презрение к бандитам. В отрядах по защите Ботлиха и Цумады уже через день-два были представители всех национальностей Дагестана, хотя российские воины взяли на себя основную боевую нагрузку. Мужество, единство, сплоченность – таков лозунг дагестанцев [1: 20; 5].

4 августа 102-я бригада внутренних войск МВД России, размещенная в Махачкале, была перебазирована к новому месту дислокации, в Цумадинский район. В задачу военнослужащих входило прикрытие административной границы с Чечней [11: 323], чтобы исключить поступления новых отрядов бандформирований.

Хотя боевики надеялись на поддержку дагестанцев, но те, наоборот, выступили против них. Во многих горных районных центрах состоялись сходы жителей, которые принимали обращения к главе Республики Дагестан М.М. Магомедову с просьбой о наведении конституционного порядка в районах [4].

Начались настоящие боевые операции в горах, а в ночь с 5 на 6 августа 1999 г. из лесного массива неизвестные лица со стороны Чечни обстреляли из миномета контрольно-пропускной пункт «Краснооктябрьское», расположенный вблизи Кизляра [11: 316–317]. Председатель Государственного совета Республики Дагестан М.М. Магомедов обратился к руководству Российской Федерации с просьбой принять неотложные меры по обеспечению безопасности республики.

Для изучения чрезвычайной ситуации 8 августа 1999 г. в Дагестан прилетел премьер-министр России С.В. Степашин, и на месте были приняты важнейшие решения по отпору агрессии [11: 323]. Однако после его возвращения из Дагестана 9 августа 1999 г. указом президента Б.Н. Ельцина С.В. Степашин был отправлен в отставку, а новым исполняющим обязанности премьер-министра России был назначен В.В. Путин.

В горах Дагестана шли тяжелые боевые действия. Правительственные органы приняли решение создать формирования самообороны при военных комиссариатах для защиты конституционного строя в Дагестане. Военному комиссариату было поручено мобилизовать офицеров запаса и воинов-интернационалистов, выполнявших воинский долг в Афганистане, и снабдить их оружием. Интернациональный отряд самообороны, сформированный при администрации Махачкалы в количестве 700 человек, был отправлен 11 августа в Ботлихский район, а отряд ополченцев в количестве 200 человек – в Гумбетовский район, куда ожидалась передислокация бандформирований [14].

10 августа по каналам российского телевидения были продемонстрированы кадры входа отрядов бандформирований в полной амуниции с боекомплектами в горные села Ботлихского района во главе с членом Совета безопасности Ичкерии Ш. Басаевым. На высоте, стратегически важной точке в местности Ослиное Ухо, где проходили тяжелые бои, располагался штаб бандитов и склады оружия. В с. Ансалта и Шодрода после уничтожения бандитов были обнаружены два склада боеприпасов, брошенных при отступлении. Там в большом количестве находились гранаты, патроны,

гранатометы, крупнокалиберные пулеметы, 120-мм и 82-мм противотанковые мины, 122-мм снаряды, медикаменты, три мини-завода по производству спиртных напитков, а также противотанковые управляемые ракеты и т.д.

В республиканском МВД было проведено совещание оперативного штаба временной объединенной группировки федеральных сил в Республике Дагестан с участием начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ А.В. Квашнина и командующего внутренними войсками МВД РФ В.В. Овчинникова, где рассматривались вопросы взаимодействия всех подразделений федеральных войск и республиканских органов правопорядка в зоне военных действий бандформирований.

10 августа 1999 г. по указанию президента России Б.Н. Ельцина был создан оперативный штаб во главе с командующим объединенной группировкой Министерства обороны (далее – МО) РФ в Республике Дагестан генерал-полковником В.Г. Казанцевым по урегулированию ситуации. В тот же день прибыл командированный в Дагестан первый заместитель министра МВД РФ В.И. Колесников, который возглавил оперативно-следственную группу МВД РФ.

11–15 августа в Ботлихском районе шли тяжелые бои за с. Годобери и Тандо, Ансалта и Шодрода. В результате обстрела были уничтожены два вертолета федеральных сил, погибли летчики вертолетов, Герой Российской Федерации Ю. Наумов, несколько генералов получили легкие ранения.

С поступлением очередной партии вооружения и сил с 16 августа началась операция по уничтожению и вытеснению из горных сел отрядов басаевских бандформирований. К 19 ч 23 августа федеральные войска в ходе тяжелых боев с применением авиации и артиллерии уничтожили и выбили отряды бандформирований из с. Годобери, Тандо, Рахата, Ашино, Шодрода. Потери боевиков составили более 600 человек. К концу дня 24 августа практически все сёла Ботлихского района уже были под контролем федеральных сил, а подразделения внутренних войск и ополченцы приступили к зачистке горных сел.

На заседании Правительства РФ 26 августа председатель Правительства В.В. Путин доложил о завершении первого этапа военной операции в Дагестане. 27 августа 1999 г. он прилетел в Дагестан в сопровождении министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям РФ С.К. Шойгу, министра внутренних дел В.Б. Рушайло, директора Федеральной службы безопасности РФ Н.П. Патрушева, начальника Генштаба Вооруженных сил РФ А.В. Квашнина и других официальных лиц. В.В. Путин в сопровождении руководства республики вылетел в Ботлих, встретился с жителями села, обсудил наболевшие вопросы. В своем выступлении В.В. Путин, обращаясь к ботлихцам, сказал: «Вы проявили настоящий кавказский характер: мужество, самообладание, волю, показали настоящую силу. Россия никогда

не забудет то, что вы сделали сегодня, а вы должны знать, что Дагестан есть, был и будет составной частью РФ. Это значит, что Россия всегда придет к вам на помощь, как пришла сегодня, придет и в будущем. Эта помощь будет выражаться не только в виде военной силы, но также в экономической поддержке. Вчера правительство РФ приняло решение о поддержке Дагестана – мы выделили 300 млн рублей на текущие расходы и 100 млн – специально на восстановительные работы. И это только первый шаг» [14].

В ночь с 28 на 29 августа силами внутренних войск МВД РФ и милиции Республики Дагестан были начаты режимно-профилактические мероприятия в населенных пунктах Карамахи, Чабанмахи и Кадар Буйнакского района, там, где образовался крупный анклав сторонников ваххабитов и бандформирований.

К 18 ч 30 мин 14 сентября Карамахинская зона была полностью взята под контроль и передана внутренним войскам и милиции, которые продолжали мероприятия по ее зачистке. В ходе боевых действий в этом районе были уничтожены три узла сопротивления, три долговременные огневые точки, командный пункт, ретранслятор. Было захвачено девять складов с оружием и боеприпасами, склад с медицинским и вещевым имуществом.

После завершения специальной операции в Карамахинской зоне на Новолакское направление были переброшены подразделения МО РФ, так как уже 5 сентября боевики с территории Чечни пересекли границу Новолакского района и в течение суток захватили с. Гамиях, Шушия, Чапаево, Тухчар, Ахар. В районе с. Новолакского и Дучи органы МВД РФ и Республики Дагестан, подразделения внутренних войск оказывали противнику упорное сопротивление. Из занятых экстремистами населенных пунктов Новолакского района начался отток беженцев [6].

В результате внезапного вторжения отрядов бандформирований с территории Чечни в Новолакский район в кольце окружения в здании Новолакского районного отдела внутренних дел (далее – РОВД) оказались более 50 человек, в том числе сотрудников РОВД, на территории сельской средней школы – 20 сотрудников милиции и 25 липецких омоновцев, военнослужащие внутренних войск с двумя боевыми машинами пехоты. Благодаря умелым, своевременным действиям, сотрудники Новолакского РОВД, проявившие смелость и беспримерную отвагу, во главе с начальником майором милиции Муслимом Даххаевым прорвали кольцо окружения в десять раз превосходящих по численности бандформирований.

В ходе тяжелых боев 15–16 сентября в Новолакском районе федеральные силы установили полный контроль над господствующими стратегически важными высотами 573,0; 715,3; 744,7; 761,3. К 20 сентября были освобождены также с. Новолакское, Чапаево, Гамиях, Дучи, Тухчар. Не дожидаясь ввода войск, боевики покинули ранее занятые ими с. Ахар и Шушия [8].

Личный состав РОВД, ополченцы при поддержке внутренних войск МВД приступили к зачистке.

По данным временного пресс-центра МВД России в Республике Дагестан, с начала боевых действий со 2 августа по 20 сентября в Дагестане потери сил правопорядка составили 157 человек убитыми и 645 ранеными, 20 человек пропали без вести [13]. Общие потери подразделений и частей МО РФ с начала боевых действий в Республике Дагестан составили 104 погибших, в том числе 24 офицера, и 265 раненых, среди которых было 74 офицера [10].

Таким образом, спустя 45 дней после вторжения бандформирований со стороны Чечни в результате совместных действий подразделений МО и внутренних войск МВД РФ, сил милиции, других правоохранительных органов Республики Дагестан и ополченцев было сломлено вооруженное сопротивление бандформирований и они были отброшены за пределы республики [9].

Проникновение международных террористов и отрядов бандформирований в августе – сентябре 1999 г. в Дагестан со стороны Чечни мировой общественностью было воспринято неоднозначно. Так, Англия, Германия, Египет, Пакистан, Турция, Саудовская Аравия, Япония, Азербайджан и др. восприняли происходившие события в Дагестане без осуждения, посчитали внутренним делом России. А такие страны, как Израиль, Индия, Швейцария, осудили боевиков [3].

В эти тяжелые дни войны, несмотря ни на что, многонациональное дагестанское сообщество и армия были вместе, выручили и подняли дух друг друга. Завоевали победу вместе. И эта победа нам досталась непростой ценой. Именно в народе истоки нашего мужества, чести и достоинства. В этом убеждают нас поведение и поступки подполковника А. Алидибирова, который потерял обе ноги и глаз в битве у Ботлиха, Д. Иванова из Новосибирска, оставшегося без обеих ног, или А. Нурмагомедова, ополченца из Ботлиха, отдавшего свой дом под штаб федеральных войск. Таких примеров очень много.

Источники и литература

1. *Абдулатипов Р.Г.* Дагестан в час испытания: уроки агрессии и подвига. Махачкала, 2000.

2. *Гаджиев Р.Г.* Война в Дагестане (хроника событий) // Народы Дагестана. 1999. № 4. С. 9–12.

3. *Гаджиев Р.Г.* Час испытания: хроника военных действий в Дагестане (август – сентябрь 1999 г.). Махачкала, 2000.

4. Дагестанская правда. 1999. 4 августа.

5. Дагестанская правда. 1999. 5 августа.

6. Дагестанская правда. 1999. 6 сентября.
7. Дагестанская правда. 1999. 8 августа.
8. Дагестанская правда. 1999. 16 сентября.
9. Дагестанская правда. 2000. 17 сентября.
10. Дагестанская правда. 1999. 18 сентября.
11. *Мусаева С.И.* Межнациональные отношения в Дагестане: история и современность. Махачкала, 2001.
12. Независимая газета. 1996. № 163. 3 сентября.
13. Операция по «зачистке» селений Карамахи и Чабанмахи в Кадарской зоне Дагестана закончится в воскресенье // 1ТВ. 1999. 12 сентября. URL: https://www.1tv.ru/news/1999-09-12/292852-operatsiya_po_zachistke_seleniy_karamahi_i_chabanmahi_v_kadarskoy_zone_dagestana_zakonchitsya_v_voskresenie (дата обращения: 17.09.2023).
14. Хроника военных событий в Дагестане, август – сентябрь 1999 г. // Дагестанская правда. 2000. 11 августа.

М.А. Магомедова

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ КАК СЕРЬЕЗНАЯ УГРОЗА СТАБИЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ОБЩЕСТВА

Вот уже несколько десятилетий мировое сообщество сталкивается с угрозами проявления экстремистской и террористической деятельности, попытками захватить, переподчинить ту или иную территорию. И несмотря на определенные успехи отдельных государств в борьбе с этим асоциальным явлением, оно продолжает набирать обороты, сеять панику и смерть.

Россия оказалась в числе первых, кто столкнулся с агрессивными проявлениями терроризма на своей территории. Северный Кавказ стал центром распространения религиозного экстремизма и терроризма в стране. Поэтому научный анализ идеологической радикализации религиозных групп, раскрытие специфики политической практики религиозного экстремизма на Северном Кавказе и опыт противодействия приобретают первостепенное значение.

В научной литературе различается множество видов и форм экстремизма – религиозный, этнический, политический экстремизм и т.д. Поскольку современные формы экстремизма обычно не укладываются в простые определения, то исследователи прибегают чаще всего к использованию сложносоставных терминов – религиозно-политический экстремизм, этнополитический экстремизм, этноконфессиональный экстремизм и т.п.

Автору близка позиция Н.В. Володиной, которая утверждает, что религиозный отличается от других видов экстремизма тем, что направлен на насильственное изменение государственного строя и захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, использует религиозное учение и символы как важный фактор привлечения людей, мобилизуя их на бескомпромиссную борьбу [4].

Опасность религиозного экстремизма состоит в том, что он рождает фанатизм, на основе которого развивается и процветает терроризм, появляются шахиды, жертвующие своей жизнью, сатанисты, избравшие кровавую стезю противостояния официальной церкви и всему тому, что не совпадает с их понятиями. Побочным результатом этого стал крах идеи и практики либерализма и неолиберализма, которые в условиях ложно понятых ценностей жертвуют всем, что составляет национальную, религиозную, профессиональную и прочие гражданские идентичности [12: 125].

В современных условиях противодействие терроризму связано в первую очередь с противодействием его идеологии, за счет распространения которой и происходит постоянное пополнение бандподполья и его пособнической базы. Молодые люди встречают информацию экстремистского содержания в соответствующей литературе, но всё же основным источником сведений сегодня выступает Интернет. Исходя из этого, особую актуальность в республиках Северного Кавказа приобретает защита пользователей интернет-ресурсов от воздействия экстремистских сайтов, в том числе влияния информации, распространяемой через социальные сети, форумы, чаты, тематические сайты. Пропаганда экстремизма через Интернет особенно опасна – здесь нет ни социальных, ни возрастных, ни географических ограничений, что позволяет группировкам беспрепятственно обмениваться информацией, осуществлять теоретическую подготовку своих сторонников. Ежегодно закрываются тысячи сайтов экстремистского содержания. В этом плане достаточно эффективно работают спецслужбы. Но, несмотря на все принимаемые меры противодействия, угроза распространения идеологии религиозного экстремизма и терроризма как в России в целом, так и в ее субъектах остается высокой. Названная проблема исследуется в работах М.Ю. Зеленкова [8], А.Р. Атласкирова [3], Д.А. Гусеновой и др. [6].

На территории Северного Кавказа сохраняются проблемы, которые способствуют радикализации молодежи. В первую очередь это коррупция, социальное неравенство, расслоение общества, безработица, распространение идеологии религиозного и религиозно-политического экстремизма и терроризма. Малоземелье, высокие темпы роста населения и миграционное давление на равнинные районы со стороны горцев создают предпосылки земельных конфликтов. Но на практике именно злоупотребления местной власти, устойчивые коррупционные схемы распродажи общественных

угодий являются непосредственными причинами дестабилизации. Вышеуказанные проблемы нашли отражение в работах таких исследователей, как В.Х. Акаев [2], Т.И. Муругова, Э.В. Дубинина [11], в коллективной монографии о вызовах религиозного экстремизма в глобализирующемся мире [5] и многих других.

В республиках Северного Кавказа за последнее время накоплен большой опыт в противодействии идеологии религиозного экстремизма и терроризма. Способы повышения эффективности такой деятельности рассматриваются в работах И.П. Добаева и А.И. Добаева [7], А.Е. Игнатовича [9], З.М. Абдулагатова [1], М.А. Магомедовой [10].

Органам государственной власти и местного самоуправления удалось сократить число акций террористического характера. Большое влияние на общественно-политические процессы в республиках Северного Кавказа оказало также мусульманское духовенство. Руководство духовных управлений мусульман России, традиционное мусульманское духовенство, рядовые верующие вот уже более 20 лет ведут борьбу против распространения радикальной религиозной идеологии, искажающей основу ислама.

В отчетах Национального антитеррористического комитета Российской Федерации, руководителей правоохранительных органов и антитеррористических комиссий в республиках Северо-Кавказского федерального округа РФ в последние годы фиксируется снижение количества террористических преступлений и постепенная нормализация общественно-политической ситуации. Благодаря этому в регионе начал активно развиваться туризм. Однако всё же в регионе периодически проводятся контртеррористические операции.

Противодействовать различным проявлениям экстремизма возможно только при использовании комплексного подхода, включающего в себя деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества.

Основополагающим документом для федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, который определяет цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму, формирования в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей является «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Программы по противодействию идеологии религиозного экстремизма и терроризма разрабатываются также на региональном уровне.

Победить экстремизм и терроризм можно лишь при условии наличия четкой государственной антиэкстремистской и антитеррористической идеологии – идеологию можно победить только идеологией. Исследования

показывают, что на региональном уровне ведущую роль в информационном воздействии играют федеральные электронные СМИ и интернет-ресурсы (сайты, блоги, социальные сети). Необходимо выработать вытесняющий антитеррористический информационный контент, использование которого в СМИ и Интернете способствовало бы разоблачению идеологии экстремизма и терроризма, формированию ее неприятия и в итоге дерадикализации молодежи. Эта долгая и кропотливая работа.

На основе вышеизложенного считаем необходимым:

1) основным направлением работы муниципальных органов в борьбе с религиозным экстремизмом определить совершенствование информационно-аналитической деятельности;

2) повысить уровень идеологического противодействия религиозному экстремизму, привлекая представителей местного самоуправления, духовенства, СМИ;

3) считать приоритетной задачей идеологического противодействия экстремизму создание в обществе целостной системы духовной безопасности, обеспечивающей невосприимчивость к идеологии экстремизма;

4) выработать антитеррористический информационный контент, использование которого в СМИ и Интернете способствовало бы образованию населения, разоблачению идеологии терроризма, формированию ее неприятия и в итоге дерадикализации молодежи.

Источники и литература

1. *Абдулагатов З.М.* Семья и школа в решении проблем профилактики религиозного экстремизма и терроризма (на примере Республики Дагестан): монография. Махачкала, 2021.

2. *Акаев В.Х.* Социально-экономические факторы дерадикализации ислама на Северном Кавказе (анализ воззрений Е.М. Примакова) // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 1. С. 37–44.

3. *Атласкиров А.Р.* Трансформация религиозных ценностей молодежи Кабардино-Балкарской Республики в условиях глобализации // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 151–159.

4. *Володина Н.В.* Актуальные проблемы современного экстремизма и терроризма на религиозной основе // Российское объединение исследователей религии. URL: https://rusoir.ru/03print/03print-04/03print-04-10/ (дата обращения: 07.07.2023).

5. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография / науч. ред. Р.Ф. Патеев, В.Т. Сакаев. Казань, 2017.

6. *Гусенова Д.А.*, *Саркарова Н.А.*, *Агаева Ш.А.* О религиозной ситуации в Республике Дагестан: по материалам социологических опросов обучающейся молодежи г. Махачкалы // Исламоведение. 2020. Т. 11. № 3. С. 34–47.

7. *Добаев И.П.*, *Добаев А.И.* Идеологические предпосылки террористических атак радикальных исламистов на объекты в США (11.09.2001 г.) // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 1. С. 5–15.

8. *Зеленков М.Ю.* Комплекс факторов, способствующих современному религиозному терроризму // Вопросы безопасности. 2020. № 5. С. 46–70.

9. *Игнатович А.Е.* Профилактика радикализации мусульман: понятие, практика, перспективы // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4. С. 5–17.

10. *Магомедова М.А.* Религиозный экстремизм и терроризм на Северном Кавказе в контексте проблем информационной безопасности. Махачкала, 2021.

11. *Муругова Т.И.*, *Дубинина Э.В.* Молодежь и религия в контексте национальной безопасности России // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 300–304.

12. *Тощенко Ж.Т.* Теократия: фантом или реальность? М., 2007.

Раздел 6
Прошлое и настоящее Кавказа в различных формах исторической памяти и общественном сознании

Д.М. Эдиев

КАРАЧАЕВСКИЕ ЧЕРКАСЫ И КАРБАТАЙ НА КАРТАХ XVI–XVII вв.

В настоящее время стали доступны оригинальные исторические источники, анализ которых позволяет выявить новые аспекты истории Кавказа. Нас, в частности, будет интересовать освещение карачаево-балкарского присутствия в верховьях Кубани на картах XVI–XVII вв.

Как известно, недоступность основных селений карачаевцев для исследователей привела к довольно позднему их упоминанию под современным названием. Только в картах второй половины XVII в., видимо, в результате поездки А. Ламберти в Мингрелию [11], карачаевцы фиксируются у Эльбруса как *карачиоли* и, вероятно, *аланы*, в составе «вольных народов Кавказа», наряду со сванами (см. также работу Д. Олферта, который во многом повторяет Ламберти, на карте указывает *аланов*, *карачиоли* и *скуанов*, а по карачаевцам упоминает, как и Ламберти, что их зовут *karaquirquez*, то есть черными черкесами [15: 729]). Чуть ранее, в 1639 г., Федот Елчин посещает *карачаеву Кабарду*, а в 1643 г. воевода М.И. Волынский упоминает *карачаевских черкас* [6: 5–6], но наша задача в данной работе – введение в оборот и анализ нового картографического материала.

Археологические сведения указывают на присутствие предков карачаево-балкарцев в бассейне Кубани и Пятигорье с древнейших времен [2; 3; 5], на что также указывает тюркская топонимика карты аль-Идриси [9], совпадение сюжетов графики Кяфарского аланского мавзолея и карачаево-балкарского нартского эпоса [8], равно как и мнение самих сказителей XIX в. [7].

Поэтому следовало бы ожидать свидетельств их присутствия в верховьях Кубани и в источниках более раннего времени.

С целью выявления таких свидетельств нами проанализирован обширный картографический (в основном европейский) материал XVI–XVII вв., доступный в коллекции исторических карт Дэвида Рамсея [12]. Из 17 832 материалов коллекции за XVI–XVII вв. нами выявлено около 150 карт и несколько описаний, проливающих свет на политическую географию Северного Кавказа. Большинство этих источников вводятся в российский научный оборот впервые, что делает их ценным материалом для кавказоведения вообще. Но, учитывая наш специальный интерес, нами будет проанализировано, в первую очередь, освещение верховьев Кубани и нескольких топонимов, тесно с этим регионом связанных. С учетом обширности материала и для упрощения работы с ним ссылки будут даваться по первому автору и году, без подробного библиографического описания, чего, как правило, достаточно для поиска нужного материала в упомянутой коллекции, находящейся на момент написания работы в открытом доступе [12].

Карты неравномерно распределены по времени, и к XVI в. относится только 17 из них. Впрочем, датировка карт в коллекции иногда ведется не по индивидуальным картам, а по коллекциям-источникам, в связи с чем незначительная часть карт относится к XVIII в. и, наоборот, работа по более поздним коллекциям-источникам может выявить новые карты XVII в. и более ранние. Также следует заметить, что, хотя использованная нами коллекция – одна из самых представительных и профессиональных, она не охватывает все известные исторические карты.

Наиболее ранняя из выявленных – карта известного османского адмирала Пири Райса (Piri Reis, 1525), который, хотя и не предоставляет подробностей на карте Кавказа и оставляет Карачай за пределами изображения, упоминает Кубань в составе фразы «вилаят / область Къобан», в точности передающей оригинальное карачаево-балкарское звучание. Это контрастирует с гидронимами для обозначения Кубани на европейских картах, искаженно передающих ее название или использующих альтернативные наименования (Lacupa – 1561 г., Circasi – 1587 г., Vardanus – 1599 г., Copa – 1623 г., Cumuhia – 1631 г., Copan – 1650 г.), вплоть до Н. Сансона (1652), который впервые дает оригинальное Coban (у населенного пункта) только через 127 лет после Пири Райса. Но и эти карты полны искаженных и альтернативных версий (Copa, Cubba, Sil, Kuban). Это указывает на хорошую осведомленность турок о географии Кавказа и указывает на перспективность разработки османских источников по истории Кавказа (в частности, перевода работы Пири Райса). Попутно заметим, что Пири Райс отмечает южнее Кубани мамлюкат (царство) Черкесов, а еще южнее, видимо, в Закавказье – мамлюкат Абааз.

Из других карт XVI в. можно отметить переработку карты Птолемея от 1561 г., где в верховьях Кубани указаны Алуати (аланы?); карту А. Ортелия (1570) с Chipiche в верховьях Кубани («Кипчаки», то есть тюрки? – это название населенного пункта далее часто будет появляться на картах, но на востоке Кавказа, по-видимому, как отражение присутствия кумыков); карту 1580 г., но из более поздней работы Ханзадиян, с населенным пунктом Карбатри (Carbatri, см. ниже о важности этого топонима) на хребте севернее Мингрелии.

На картах XVII в. в подавляющем большинстве в верховьях Кубани изображены населенные пункты Черкас / Торкас (Tzercas, Thorcas, Czercas; карты Mercator 1607 г. (2 – здесь и далее в скобках – количество карт), 1623, Speed 1626, Bleau 1630 (2), Mercator 1631 (3), Janssonius 1636 (2), Lochom 1646 (2), Mariette 1646, Bleau 1648, Sanson 1648, Nicolosi 1660, Du Val 1664, Bleau 1665 (2), Berey 1668, Wit 1682 (3), Vischer 1690 (3), Sanson 1697) или Карбатай / Карбатей (Carbataï, Carbatei, Carbathei, Carbatey, Carbater; карты Rossi 1679, 1684, 1687, 1692, Coronelli 1688, 1693, Jaillot 1695 (2), 1700, 1706, Nolin 1696 (2), Vischer 1700). Причем Карбатай появляется и доминирует в верховьях Кубани с более позднего времени (с Rossi 1679), что, видимо, связано со сведениями Ламберти или иных поздних информаторов, которые обновили данные о Карачае и указали на Карбатай в составе территории Карчиоли (Rossi 1679) или в составе Алан (Rossi 1684), что, кстати, может быть принято как признак идентичности или родственности этих двух этнонимов в источниках.

Характерно, что на картах, где в верховьях Кубани помещается Черкас, Карбатай также часто появляется на карте (Sanson 1652, 1697, Du Val 1664, Wit 1682 (3), Vischer 1690), но в других местах, причем чаще на Кавказском хребте или в Мингрелии и рядом с населенным пунктом Vati, который исчезает с карты, как только Карбатай «перемещается» в Карачай. По всей видимости, под Vati ранних карт надо понимать Сванетию, информация о которой была обновлена картографами одновременно с информацией о Карачае (что указывает на поездку А. Ламберти как на источник информации). К тому же нет ни одной карты, где, наоборот, в верховьях Кубани указан Карбатай, а Черкас – где-либо еще. Это подтверждает выдвигаемую ниже гипотезу о том, что карачаевский Черкас был частью представлений европейских источников о происхождении тюрков в древности, а Карбатай – фактически зафиксированным топонимом.

Вообще, Черкас и Карбатай – одни из наиболее часто фигурирующих на картах населенные пункты бассейна Кубани (34 и 29 карт соответственно). Также распространены, но ниже по Кубани, названия Cagia (Cogia, 38 карт), Vasianar (Vasinar, Vasianor, 21 карта) и Zingis (17 карт). Возникает вопрос: не стоит ли за первым топонимом Ая (или в османском варианте Hagia ‘святая’) Нижне-Архызское городище, хоть и покинутое, но известное

своими храмами, а за вторым (от некоего османского варианта греческого *басилиос* ‘царский’) – покинутая древняя столица Алан на Кяфари?

На связи Черкас и Карбатая с Карачаем остановимся подробнее, ведь источники дают необходимую для этого информацию. Сразу отметим, данные ойконимы нельзя путать, как иногда делалось в отечественной литературе, в том числе с грубой подменой исходного написания, с хоронимами Черкесия и Кабарда (о первой – см. далее; Кабарда присутствует почти так же часто, как и Карбатай, но – до самого начала XVIII в. – на Дону, обычно южнее его).

Объяснение того, почему ранние европейские источники помещали в верховья Кубани Черкас, можно найти в описаниях Кумании, которые дают С. Мюнстер, Н. Сансон, а также и Р. Морден и Т. Кокерил.

С. Мюнстер (1572): «Прокопий и Агафий сходятся во мнении, что потомки Гуннов, известные теперь как Венгры, произошли из этой земли. Еще значительная часть этой земли в наше время называется Кумания, и это часть Тартарии. В прошлом здесь обитали амазонки, правившие территорией вдоль реки Ра (Волга. – *Д. Э.*)» [14].

Н. Сансон старший (1652, рис. 1): «Над Грузией находится Коммания… Народы здесь известны общим названием Черкесы (Circasses), которых поляки называют Pient Zeorstki, пятигорцы. Они свободны, имеют некоторых вождей или правителей, живут примерно так же, как швейцарцы в Европе, и они служат то у турок, которые окружают их у Черного моря, то у татар или московитов за Морем Забаче и рекой Дон, а также иногда на службе у персов, которые окружают их у Каспийского моря. <…> Однако народы этих районов были гораздо более знамениты прежде под именем Амазонок: потому что здесь их истинное и родное местопребывание, откуда они выходили и совершали походы в различные части Европы и Азии» [17].

Рис. 1. Коммания на карте Н. Сансона (1652)

Р. Морден и Т. Кокерил (1680): «О Комании или Циркасии. Это страна, полная разнообразия, отличная для земледелия и изобилующая пастбищами и лугами, где есть равнины, а также большие леса, холмы и горы. Она когда-то была заселена амазонками, а затем мамелюками, которые завоевали Египет. Говорят также, что турки вышли из одной из ее провинций, называемой Цуркия (Tzurkia), что означает "Пастух" (Shepheard)» [13].

Это перекликается с описанием А. Ламберти, который ссылается на византийского историка Кедрина: «Карачоли (карачаи) живут также на севере Кавказа. Иные называют их Карачиркез (Caraquirquez), т. е. Черные Черкесы; но лицо у них очень белое, а название это получили, вероятно, потому, что в их стране погода всегда пасмурная, и небо покрыто облаками. Говорят они по-турецки, но так скоро, что трудно их расслышать. Я думал не раз о том, как сохранили они, среди столь многих различных народов, чистоту турецкого языка. Но найдя впоследствии у Кедрина, что Гунны, от которых происходят Турки, вышли из самой северной части Кавказа, я извлек у него указание на то, что этот народ ведет свое происхождение от Гуннов» [11]. Заметим попутно, что анализ карты аль-Идриси, топонимики Кавказа и карачаево-балкарского эпоса [9] показывает, что черным цветом (*къара*) карачаево-балкарцы, как и другие древние тюрки [4: 161–170], обозначали северный, то есть теневой, темный склон горы (не отголосок ли этого мы находим у Ламберти?). Это слово был вытеснено осетинским *чегет* (до сих пор бытующим в значении 'теневая сторона горы'), а оно – арабским *шымал*. То есть «черные черкесы» – это черкесы северного склона (Эльбруса или Кавказа), что, видимо, связано с топонимом Кара-ян ('чёрная сторона') аль-Идриси.

Таким образом, топонимом Черкас / Торкас ранние европейские источники, по-видимому, помечали «черных черкесов» – карачаевцев, находившихся, по их представлениям, в месте происхождения тюрков. Причем уже на самых ранних картах отразилось мнение о том, что речь идет о верховьях Кубани. Интересно, что на многих картах исток Кубани раздвоен, что говорит о хорошей осведомленности о гидрографии Карачая, а Черкас стоит у слияния истоков.

С получением обновленной информации о Карачае в период А. Ламберти Черкас уступает место Карбатаю, который и раньше появляется на картах, но то на Кавказском хребте севернее Мингрелии, то в самой Мингрелии возле Вати (Сванетия, см. выше). Пусть и грубо, расположение Карбатая охарактеризовано в описании черкесов в известном труде «Описание татар, перекопитов и ногаев, черкесов, мингрел и грузин» Жана де Люка [16] (известный сборник В.К. Гарданова содержит грубые ошибки в этом документе [1: 68–72], поэтому приведем расширенную цитату): «…самое большое расстояние их земли – от Тамани до Темир-къапы, или иначе говоря,

Дербента – города, расположенного на берегу Каспийского моря, эта земля занимает около 26 дней пути. <…> Я упомяну о главных князьях и о расстоянии до мест, которые под их властью. От Томеручи до Карбатея [Carbatei] – 18 дней пути; страна очень населена и находится под властью Шабана Оголи [Schaban Ogoli]; еще два дня пути от Томеручи до Гианы и столько же от Гианы до Кодикой; от Гианы до Болеттекой – еще четыре дня, князь Джианкособей [Giancosobey] управляет этой землей; оттуда до Бесинады – восемь дней пути, от Бесинады до Карбатая [Carbataï] – еще восемь дней, и оттуда до Дербента – десять дней пути. Князья Сэнче[,] Темиркас [Scaence Temircas], родственники хана Татар, правят этой землей. Князья Къасибей и Санкаскобей [Casibei & Sancascobei], братья, управляют всеми деревнями, которые находятся вдоль моря; <…> священник читает определенные слова, которые он знает наизусть, над телом умершего, курит благовония и кладет на могилу “pasta” (еду) и “bozza” (питье). <…> У них есть две значительные реки: одна из них называется Psi и впадает в “mer Calcane” (На картах, где фигурирует эта река, она впадает в Дон; на карте Jailot 1695, составленной по описанию де Люка (рис. 2), река Пси показана впадающей в Дон, но не подписана. – *Д. Э.*), а другая называется Sil и проходит близ Кабарты» [16].

Иллюстрацией к описанию де Люка служит карта А.Ю. Жайо и Н. Сансона (1695), вобравшая топологию текста де Люка (рис. 2).

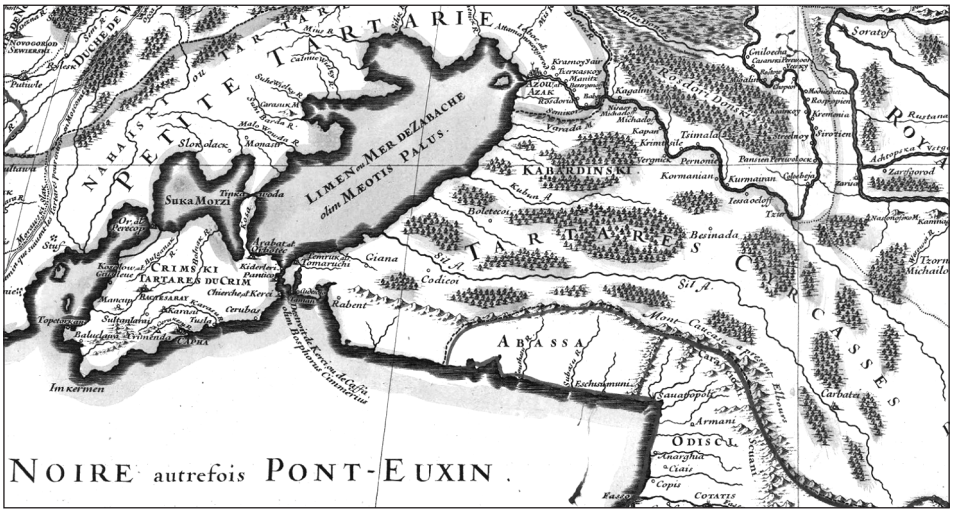


Рис. 2. Кабардинцы на карте А.Ю. Жайо и Н. Сансона (1695)

Карта указывает кабардинцев (Kabardinski) южнее Дона у Азовского моря, близ которых и проходит Кубань (Sil), впадая в Азовское море, а Карбатей – в верховьях Кубани. Карта проясняет смысл фразы де Люка о том, что Кубань «проходит близ Кабарды» – имеется в виду, что она впадает

в Азовское море. Карачаевцы (Caracioli) на карте указаны на самом хребте (как и сваны), в районе Карбатея.

Используем расстояния, указанные де Люком, для перепроверки локализации Карбатая. Опираясь на длину возможного маршрута от Тамани до Дербента (1048 км – при движении вдоль правого берега Кубани, а далее на юго-восток), можно грубо положить день пути в 40,3 км, но эта величина, очевидно, должна была зависеть от рельефа местности, характера остановок и пр. Сравнение длин маршрутов Темрюк–Дербент (993 км) и Темрюк–Карбатай–Дербент (18 + 10 = 28 дней, то есть 1129 км) показывает, что Карбатай должен был находиться в стороне от основного маршрута, где-то от его срединной части (и не мог быть в районе нынешней Кабарды или Пятигорья, отмеченного де Люком на карте как «Бесинада»), с удлинением пути примерно на 135 км, что вполне соответствует Карачаю, заход куда (вдоль Кубани, а с выходом на Дербент через Кисловодскую котловину) должен был как раз добавить около 140 км пути.

Если суммировать вышесказанное, представляется надежным отождествление Карбатая с Карачаем в верховьях Кубани. Отклонение его от указанного места на более ранних картах, содержащих упоминания Черкас / Торкас, видимо, связано с приведенными выше представлениями источников о Куманах и происхождении тюрков и, соответственно, занятостью верховьев Кубани топонимом Черкас. Интересную иллюстрацию к привязке Карбатая к Большому Карачаю, то есть к подножью Эльбруса, дает его вероятная этимология от *къар* ‘снег’ и *бат* ‘тонуть, вязнуть’. Это эквивалентно более архаичному Мал-къар в том же значении [10: 20–23], которое в виде Маргъар фиксирует аль-Идриси как название горы (Эльбрус), с которой берет начало Кубань («Руз»-река) [8: 9]. Этот топоним, возможно, и послужил источником этнонимов Малкъар (балкарцы), Маргъар / Маргал (мингрелы на карачаево-балкарском) и ряда топонимов у Эльбруса (например, р. Малка, нагорье Балк-баши). Хотя карачаево-балкарский язык утратил архаичную форму *мал-* ‘погружать, топить, вязнуть, вонзать и пр.’, по-видимому, из-за прихода арабского *мал* ‘собственность, богатство, скот’, следы его древнего использования прослеживаются в словах *балчыкъ* ‘слякоть’, *балта* ‘топор’, *малтаргъа* ‘рубить, топтать’ и, быть может, *мальтин* ‘хромой’, а также в топониме Мал-Хушту ара нартского эпоса (вероятно, ‘центр / столица на глиняных топях’; по нашему мнению – Кяфарское городище, Аланская столица Магас / Музашан, Малаша у аль-Идриси [8]).

Таким образом, можно заключить, что уже на самых ранних картах присутствие карачаево-балкарцев в верховьях Кубани отражено в топонимах Чипиче, Черкас / Торкас и Карбатай и гидрониме Къобан в оригинальном карачаево-балкарском варианте на карте Пири Райса 1525 г. Интересно, что большинство изученных нами карт носит следы русских информаторов.

Это проявляется в славянских формах топонима *пятигорцы* и таких славянизмах, как Kabardinski, Cirkaski. На русских информаторов указывает и упоминание на некоторых картах о том, что «Московия отобрала у татар земли» на северо-востоке Кавказа уже в… 1494 г. Соответственно, весьма актуальна работа по оцифровке отечественных материалов по древнему Кавказу.

Выявленные многочисленные старые карты Кавказа могут стать хорошим новым подспорьем в кавказоведении. Для затравки заметим, например, что источники сообщают о втором Кавказе… в Индии или к концу XVII в. помечают целые районы Центрального и Восточного Кавказа как Desert – «опустошенные» и, быть может, содержат отголоски ныне забытых древних форм названия Эльбруса (например, г. Албори – Monti Albori).

Источники и литература

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974.

2. *Алексеева Е.П.* Карачаевцы и балкарцы древний народ Кавказа. М.; Кисловодск, 1993.

3. *Алексеева Е.П.* Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии. Нальчик, 1960.

4. *Кононов А.Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 159–179.

5. *Мизиев И.М.* История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура. Нальчик, 1996.

6. *Семенов И.К.* Известия дореволюционных авторов как источник изучения социально-экономического развития карачаевцев и балкарцев в пореформенный период: дис. … канд. ист. наук. Карачаевск, 2000.

7. *Урусбиев С.* Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 1. Отд. 2. Тифлис, 1881. С. 1–42.

8. *Эдиев Д.М.* Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмека карачаево-балкарского нартского эпоса – аланского царя Оросмика // Тюркологические исследования. 2023. № 2 (6). С. 7–28.

9. *Эдиев Д.М.* О привязке некоторых поселений Северо-Западного Кавказа и Предкавказья на карте Идриси // X Неделя археологии: сборник материалов. Ставрополь, 2023. С. 81–88.

10. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 7. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л, М, Н, П, С / отв. ред. А.В. Дыбо. М., 2003.

11. *Юрченко П.* Арканджело Ламберти. Описание Колхиды или Мингрелии. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XVII/1640-1660/Lamberti/text.php (дата обращения: 22.07.2023).

12. Cartographic Associates David Rumsey Historical Map Collection. URL: https://www.davidrumsey.com/ (дата обращения: 22.07.2023).

13. *Morden R.*, *Cockerill T.* Of Georgia (1) // Geographi of the world. London, 1680. P. 264–265. URL: https://archive.org/details/dr_text-page-to-of-georgia-2-14323123 (дата обращения: 19.06.2023).

14. *Munster S.* Sarmatia Asiatica. Basle, 1572. URL: https://archive.org/details/dr_sarmatia-asiatica-15058220 (дата обращения: 20.06.2023).

15. *Olfert D.* Asia, of Naukeurige beschryving van het rijk des Grooten Mogols, en een groote gedeelte van Indiën ... beneffens een volkome beschryving van geheel Persie, Georgie, Mengrelie en andere gebuur-gewesten. Amsterdam, 1672. URL: https://archive.org/details/AsiaOlfertDapper (дата обращения: 20.06.2023).

16. Relation des Tartares per Copites et Nogaies, des Circassiens, Mangreliens et Georgiens, par Iean de Lvca, Religievs de L'ordre // Relations de divers voyages curieux, qui n'ont point esté publiees; ou qui ont esté traduites d'Hacluyt; de Purchas, & d'autres voyageurs Anglois, Hollandois, Portugais, Allemands, Espagnols; et de quelques Persans, Arabes, et autres Auteurs Orientaux. Enrichies de figures de plantes non décrites, d'animaux inconnus à l'Europe, & de cartes geographiques de pays dont on n'a point encore donné de cartes (1664). URL: https://archive.org/details/relationsdediver00thve/page/n65/mode/2up (дата обращения: 15.06.2023).

17. *Sanson N.* Turcomanie Georgie Commanie Par N. Sanson d'Abbeville Geo ord du Roy, Avec Priv Po Vingt Ans. Paris, 1653. P. 17–24. URL: https://www.raremaps.com/gallery/detail/73916/turcomanie-georgie-comannie-sanson (дата обращения: 23.07.2023).

И.В. Лиджиева

СТЕПНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XX в.[1]

Российское государство, исторически развиваясь как полиэтничное и поликонфессиональное, строило взаимоотношения между народами на принципах единства, опираясь на общее героическое прошлое, проявляя уважение к героям военных кампаний, не забывая их потомков, навечно закрепляя их имена в коллективной памяти. В рамках данной статьи рассмотрена историческая политика, проводимая имперскими властями на инородческой территории степного Предкавказья в начале XX в., на примере

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100347-2.

общегосударственного празднования столетия победы России в Отечественной войне 1812 г. Административно-территориальные рамки исследования охватывают границы Ачикулакского и Трухменского приставств и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Понятие «историческая политика» трактуется, по формулировке российского политолога О.Ю. Малиновой, как «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – и законодательного регулирования» [4: 9]. В то же время мы используем трактовки советского и российского историка А.И. Миллера в части «совокупности методов с использованием государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти» [5: 19]. Отдельные аспекты предлагаемой проблематики рассматривались нами ранее [3: 156–164].

Празднование столетнего юбилея победы в войне над наполеоновской Францией носило общегосударственный характер. Подготовка к торжествам началась задолго до 1912 г. и имела различные формы, так как ответственными за их проведение выступали органы власти всех уровней, прежде всего, два министерства, внутренних дел и народного просвещения, а также различные общественные организации. Например, одним из приоритетных направлений Императорского русского военно-исторического общества стало создание нарративов о военных событиях. В рамках подготовки к юбилею победы был объявлен конкурс на составление двух брошюр по Отечественной войне 1812 г. в популярной форме, доступной пониманию среднего читателя [6: 311]. Печатное слово в рассматриваемый период выступало главным оружием, где «историческое сознание с его образами исторического прошлого является основным полем битвы» [1: 46].

Распоряжение о праздновании столетия победы в Отечественной войне с Наполеоном от 31 мая 1912 г. за подписью министра, сенатора А.А. Макарова было разослано департаментом общих дел Министерства внутренних дел циркулярно по всем губерниям. Документ основывался на высочайшем распоряжении императора Николая II от 24 октября 1911 г. и включал основные пункты, регулировавшие организацию празднования по стране:

– предстоящий юбилей имел характер общенародного торжества с привлечением к участию в праздновании широких слоев населения империи;

– начало торжественных мероприятий назначалось на 26 августа – день Бородинской битвы;

– Москва определялась как место проведения основных мероприятий, в том числе и военного парада;

– в Санкт-Петербурге и других городах празднование предстояло организовать в виде торжественных богослужений и церковных шествий, «при

широком ознакомлении путем бесед и популярных чтений подрастающего поколения и народа со значением празднуемого события для России» [2: 47].

Авторы распоряжения сделали акценты, во-первых, на массовости мероприятий, привлекая к участию в юбилейных торжествах сельское население губерний и областей, во-вторых, на доступном разъяснении хода военных действий, отмечая выдающиеся эпизоды Отечественной войны и подчеркивая причины победы России, в особенности общенародный подъем духа и высокопатриотические чувства войск и населения. Настоятельно рекомендовалось организаторам не обойти вниманием и потомков участников войны, которые должны были быть обеспечены почетными местами в ходе торжественного празднования. На территории же районов, где непосредственно шли военные действия, рекомендовалось проведение экскурсий с указанием памятников и мест братских могил.

Подрастающее поколение – основная категория населения империи, которую следовало максимально задействовать в праздновании. Особо подчеркивалось привлечение их, в частности из числа воспитанников учебных заведений, для участия в военных парадах и церковных шествиях. Ознакомление учащихся с историей Отечественной войны 1812 г. предполагалось путем организации членами археологических обществ и ученых архивных комиссий лекций с применением туманных картинок и волшебного фонаря (аппарата для проекции изображений). Важная роль отводилась и книгоиздательскому делу, при этом отмечалась необходимость печатания изданий, «не умаляющих значение великой эпохи 1812 года и роли русского народа в этом величайшем событии» [2: 47 об.].

Следует отметить, что директор народных училищ А. Одоев в циркуляре устроителям празднеств предлагал помнить, что «величие нашей победы измеряется мощью нашего противника, который велик был и в своем поражении. Поэтому в празднествах не должно быть допускаемо что-либо унижающее французскую нацию и великих сыновей ея в 19 веке» [2: 17]. Так проявлялось тактичное и вежливое отношение к памяти павших во время военных действий не только российских воинов, но и французских, пришедших на чужие земли в силу принесенной ими присяги.

В свою очередь, канцелярия губернатора, действительного статского советника Б.М. Янушевича направила Главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии указание о необходимости организации праздничных мероприятий на территории, подведомственной ему. Проект программы празднеств на Летней Туркменской ставке и в аулах приставства по случаю столетия победы в Отечественной войне 1812 г. предусматривал проведение торжественных богослужений как в православном храме, так и в мечетях. В подготовленном проекте пристав Туркменского приставства, коллежский регистратор А.Л. Добрыня выдвинул предложение

о перенесении даты празднования на 11 октября. По его мнению, организация масштабного празднества в аулах «возможна лишь при наличности местного учительского персонала». Кроме того, указанная дата обозначалась дирекцией народных училищ [2: 53].

В августе 1812 г. председатель Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителев направил Главному приставу кочующих народов, коллежскому советнику А.А. Польскому сведения об участии ставропольских трухмен в военных действиях против Наполеона, утверждая, что «сей факт не подлежит сомнению». Так, по данным ученого-краеведа, трухменская пятисотенная команда приняла участие в ополчении 1806 г. и еще три роты под собственными знаменами, были включены в состав Ставропольского калмыцкого полка и «совершили, как надо полагать, весь поход» [2: 58].

Проект программы, подготовленный приставом Ачикулакского приставства, коллежским асессором И.И. Серебряниковым, отличался детализацией и разнообразием мероприятий и предусматривал, наряду с торжественными мероприятиями и богослужениями, народные гуляния. Так, начало официальной части планировалось с построения у административного корпуса на ставке Ачикулак всех должностных лиц, как чиновников, так и выборных от всех ногайских аулов, штатных стражников, вольнонаемных казаков. К участию в торжественном мероприятии обязательно привлекались ученики местных двухклассного училища и одноклассной школы для русских детей, а также Махмуд-Мектебского, Ильяс-Кишлавского и Камыш-Бурунского ногайских училищ с национальными флагами. Обязательной частью программы было богослужение, проведенное православным и мусульманским духовенством, по завершении которого православный священник и один из кадиев трех ногайских народов должны были разъяснить на русском и татарском языках историческое значение Отечественной войны для России.

Следующим пунктом программы являлось возложение учениками всех училищ венков из живых цветов к портретам императора Александра I. На этом завершалась официальная часть, и все участники празднования переходили от ставки приставства в ачикулакскую двухклассную школу для просмотра концерта, подготовленного силами учеников. В концертную программу были включены стихотворения А.С. Пушкина «Наполеон», «Ко гробу Кутузова», «Клеветникам России»; М.Ю. Лермонтова «Бородино»; Н.А. Некрасова «Русь» и песни в исполнении хора «Светил месяц» и «Грянул внезапно гром над Москвой». Указанный перечень стихотворений и музыкальных композиций рекомендовался Министерством народного просвещения. Затем следовало угощение и народные гулянья в ауле Шалаш. Заключительной частью праздника должен был стать просмотр световых картин с комментированным чтением.

Попечитель Большедербетовского улуса, надворный советник К.А. Игнациус в своем рапорте от 4 августа 1812 г. на имя Главного пристава кочующих народов докладывал о результатах обсуждения юбилейного празднования. Так же, как и в двух других инородческих районах, в улусной ставке предполагалось организовать праздничные мероприятия на базе Башантинского двухклассного училища и во всех родовых школах улуса. В церкви Князе-Михайловского поселка и во всех калмыцких хурулах должны были пройти поминальные богослужения по всем воинам, павших в боях [2: 54]. Разъяснительные лекции, подготовленные учительством улуса, с демонстрацией туманных картинок о значении победы в Отечественной войне 1812 г. с наполеоновской Францией планировалось провести для широкой аудитории с приглашением всех желающих.

Таким образом, в начале XX в. одним из основных инструментов формирования коллективной памяти выступало героическое прошлое российского народа, в данном случае столетний юбилей победы. Включая в число своих подданных инородческое население, процесс интеграции которых в общероссийское пространство еще был далек от завершения, имперские власти стремились проявить уважение к памяти погибших участников военных кампаний, уделить внимание их потомкам, показать подрастающему поколению значимость победы, добытой, в том числе, при участии их соплеменников. С целью донести до каждого историю войны применялись различные коммеморативные практики с использованием административного ресурса, а также местной интеллигенции.

Источники и литература

1. *Бельский В.Ю.* Политика памяти в истории российской цивилизации // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 44–49.

2. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2162.

3. *Лиджиева И.В.*, *Бадмаева Е.Н.* Конструирование исторической памяти на имперском пространстве XIX в. (на примере Калмыцкой степи) // Вопросы истории. 2020. № 4. С. 156–164.

4. *Малинова О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22.

5. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. Сб. статей / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012. С. 7–32.

6. *Шестопалова А.С.* Политика памяти в Российской империи на примере деятельности Императорского русского военно-исторического общества // Омские социально-гуманитарные чтения-2022. Материалы XV Международной научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 309–313.

И.Е. Татаринов

БИТВА ЗА КАВКАЗ В ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ: ОСОБЕННОСТИ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК

В начале XXI в. в связи с обострением геополитического противостояния открылось новое поле для сражений – ментальное пространство. На первый план выступила сфера исторической памяти, на фронтах которой сегодня развернулись довольно масштабные баталии. Мы видим систематическое искажение исторической правды, прежде всего, о Великой Отечественной войне, активное насаждение различных мифов и фальсификаций, имеющих цель переписать мировую историю, скрыть решающую роль нашей Родины в победе над нацизмом и внедрить в сознание молодого поколения ложные образы и символы.

Важную роль в укреплении исторической памяти и правды о событиях прошлого играют различные формы их визуализации. На наш взгляд, одной из актуальных коммеморативных практик является производство филателистической продукции, которая фиксирует в виде изображений на почтовых марках или конвертах памятные сюжеты, портреты, скульптуры, победные сражения, мемориальные места, связанные с каким-либо важным событием. Важно отметить, что в дело сохранения и закрепления исторической правды о Великой Отечественной войне, о ее важнейших и решающих сражениях почтовая марка также внесла свой бесценный вклад. В то же время анализ показал, что не все события этой войны получили достойную фиксацию. В частности, грандиозная Битва за Кавказ, длившаяся 442 дня и завершившаяся победой советского народа, в филателистической продукции на сегодняшний день представлена весьма фрагментарно.

Для исследователей феномен коммеморации особенно интересен в практической плоскости своей массовостью, публичностью, символичностью, ритуальностью и ориентированностью на прошлое. В структуре филателистической коммеморации Битвы за Кавказ выделяется ядро – оно включает совокупность событий, которые привели в конечном итоге к победе в сражении. Однако более значимым элементом выступает символ, в нашем случае это образы победы в Битве за Кавказ. Он создает вокруг ядра адресуемое социуму некое образно-ценностное пространство. Это могут быть героические сюжеты, подвиги воинов, локальные победы и т.п. Завершает структуру коммеморации Битвы за Кавказ элемент функции, ставящей задачу идентификации, интеграции, социализации адресата.

Своей продукцией филателия фиксирует символически выраженные представления о прошлом, моделируя актуальные установки. Известный французский социолог и философ Э. Дюркгейм обращал внимание на эмоциональную вовлеченность участников коммеморации в мемориальное действие [3]. В этом контексте почтовые марки и конверты совершенно определенно обращаются к эмоционально-чувственному началу человека.

Чем же представлена на сегодняшний день посвященная Битве за Кавказ филателистическая продукция? Отметим комплекс почтовых марок советского периода. Обратимся к авторитетному каталогу, составленному известным исследователем филателии В.Б. Загорским. Он проанализировал тиражи отечественных марок с 1857 по 1991 г. [4], указал каталожные номера объектов, описал наиболее известные разновидности почтовых марок за указанный период, привел среднюю стоимость филателистического материала.

Нас прежде всего интересуют тиражи стандартных и художественных марок, выпущенных «Почтой СССР». В советских коммеморативных марках победная Битва за Кавказ представлена чрезвычайно бедно. В 1946 г. «Почта СССР» осуществила 1-й выпуск серии марок «Медали СССР на ленте», состоящей из восьми марок, где среди прочих была изображена медаль «За оборону Кавказа», которой, как известно, награждались военнослужащие Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, а также лица из гражданского населения, принимавшие непосредственное участие в обороне Кавказа. Тираж данной марки составил 5 млн экземпляров, номинал 60 коп., цвет зеленый, печать типографская, бумага с цветным сетчатым фоном, перфорация гребенчатая, зубцовка 12 1/2. Дизайн марки создал художник А. Мандрусов. В каталоге В.Б. Загорского марке присвоен № 969 [4: 87].

В том же 1946 г. вышел 2-й выпуск серии марок «Медали СССР на ленте», также из восьми марок, одной из наград вновь была изображена медаль «За оборону Кавказа», в каталоге В.Б. Загорского марка идет под № 978 [4: 88]. Тираж коммеморативной марки составил 1 млн экземпляров, номинал 1 руб., цвет серо-коричневый, печать – металлография, бумага плотная, перфорация гребенчатая, зубцовка 12 1/2. Дизайн марки создала художница И. Михеева. В каталоге В.Б. Загорского указаны разновидности марки по перфорации: горизонтальная пара с пропуском перфорации между марками и горизонтальная сцепка из трех марок с пропуском перфорации между марками.

Казалось бы, славные страницы памяти о Битве за Кавказ получат продолжение в дальнейшем в виде выпуска новых коммеморативных марок. Однако специальной серии марок так и не появилось. Но 23 февраля 1963 г. вышла небольшая серия «Герои Советского Союза», состоявшая из двух почтовых марок. На них были представлены Александр Матросов (№ 2732) и Унан Аветисян (№ 2733) – герои, в бою закрывшие своим телом амбразуры

вражеских дзотов. Как отмечают в своей работе Е.Ф. Кринко и А.Ю. Безугольный, звание Героя Советского Союза в боях за Кавказ получили 138 человек. Для сравнения – в битве под Сталинградом этого звания удостоились 118 бойцов [5: 11]. Унан Мкртичович Аветисян был как раз среди 138 награжденных этим званием. Тираж коммеморативной марки «Унан Аветисян» составил 2,5 млн экземпляров, номинал 4 коп., печать многоцветная, глубокая, перфорация гребенчатая, зубцовка 12 1/2 : 12. Дизайн и оформление марки художника А. Завьялова [4: 206].

Помощник командира взвода 1-й роты 390-го стрелкового полка 89й стрелковой дивизии 18-й армии Северо-Кавказского фронта старший сержант У.М. Аветисян 16 сентября 1943 г. совершил подвиг в бою за высоту 448,7 (г. Долгая), закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1944 г. У.М. Аветисяну было присвоено звание Героя Советского Союза (орден Ленина и медаль «Золотая Звезда») посмертно. В его наградном документе сказано, что «при взятии горы Долгая… проявил исключительную храбрость и повлек за собой остальных бойцов для взятия крепко укрепленного опорного пункта немцев. Он подполз к первому дзоту противника и лично бросил несколько гранат в ход сообщения дзота и своим взводом ворвался в дзот» [8: 80].

Тем временем бой продолжался, и противник пулеметным огнем из второго дзота осложнял советским бойцам выполнение задачи. Старший сержант Аветисян «приказал своему взводу блокировать дзот и сам подполз к амбразуре, чтобы забросать и этот дзот гранатами… подполз к амбразуре и у самого дзота был ранен… Аветисян дотянул до амбразуры и, истекая кровью, прикрыл своим телом по примеру Героя Советского Союза Александра Матросова амбразуру дзота… дал возможность захватить и второй дзот. В этот день взвод Аветисяна захватил 3 дзота и уничтожил в них всю живую силу противника. Тов. Аветисян достоин присвоения звания Героя Советского Союза» [8: 80]. Наградной документ с описанием подвига старшего сержанта У.М. Аветисяна был подписан 20 октября 1943 г. (в наградном документе указан 1944 г., что, очевидно, описка) командиром 89-й стрелковой дивизии полковником Сафаряном, а 31 октября 1943 г. появилась резолюция «достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Командующий войсками Северо-Кавказского фронта генерал армии И.Е. Петров. Член Военного совета Северо-Кавказского фронта генерал-майор В.А. Баюков» [8: 80 об.].

Подвиг помощника командира взвода 1-й роты 390-го стрелкового полка 89-й стрелковой дивизии 18-й армии Северо-Кавказского фронта старшего сержанта У.М. Аветисяна был также увековечен 15 августа 2014 г. почтой Армении. В этот день в обращение были введены почтовые марка и конверт, посвященные Герою Советского Союза. Издан малый лист из 10 марок

с оформлением полей тиражом 40 тыс. экземпляров. Печать марки офсетная, размер 40,0 × 30,0 мм, отпечатана типографией Lowe Martin Group, Канада. Дизайнером коммеморативной марки стал Давид Довлатян [10].

Донецкая народная республика (далее – ДНР) также уделила довольно большое внимание выпуску тематических почтовых марок, блоков марок и конвертов. В частности, ГУП ДНР «Почта Донбасса» выпустила 18 декабря 2020 г. малый лист коллекционных марок № 38 «Леонид Ильич Брежнев» тиражом 3 тыс. штук. Номинал малого листа – 312 руб. Состав: 8 марок + 6 купонов, размер 134 × 208 мм, бумага самоклеящаяся, муфлон, печать офсетная. Дизайн разработан ГУП ДНР «Почта Донбасса» [2]. В контексте темы статьи интересен верхний левый угол малого листа, где представлен купон с репродукцией картины Д. Налбандяна «На переднем крае», изображающей Л.И. Брежнева на Малой Земле. Тогда же ГУП ДНР «Почта Донбасса» выпустила конверт первого дня, художественный маркированный конверт со спецгашением и открытку, посвященные Л.И. Брежневу.

Как известно, в Битве за Кавказ будущий глава Советского государства Л.И. Брежнев принимал непосредственное участие в качестве заместителя начальника политуправления Северо-Кавказского фронта, заместителя начальника политуправления Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта, начальника политотдела 18-й армии. Брежнев неоднократно бывал на передовой, выполняя различные задания. За время Битвы за Кавказ он получил два ордена: Красной Звезды и Отечественной войны I степени. Первым орденом он был награжден за «образцовое выполнении заданий командования… Особо большую работу провел в 47 армии в подготовке к наступательным действиям и в период самого наступления в районе Новороссийска… Достоин правительственной награды ордена Красная Звезда» [9: 182].

В описании подвига из наградного документа к ордену Отечественной войны I степени говорится, что Л.И. Брежнев «много раз бывал в частях и подразделениях, находящихся на Мысхако, а также под Новороссийском в составе 318 сд… лично участвуя в боях, умело руководил и оказывал практическую помощь политорганам… в обеспечении выполнения боевых приказов командования… В подготовке и проведении операции по освобождению города Новороссийска принимал самое непосредственное участие в разработке планов операции… В период высадки десанта и его боевых действий часто выезжал в боевые порядки частей и отрядов, ведущих ожесточенные бои на улицах города… Достоин правительственной награды ордена Отечественная война I степени» [7: 132].

Весьма красочным и достаточно информативным оказался малый лист марок Приднестровской Молдавской Республики (далее – ПМР) «Битва за Кавказ», имеющий, однако, статус неофициального выпуска и напечатанный

в 2017 г. Заметим, что они не относятся к официальным знакам почтовой оплаты и не входят в официальный каталог ГУП «Издательство “Марка Приднестровья”» [6]. Неизвестно, по какой причине данный выпуск коммеморативных марок оказался отнесенным к неофициальным почтовым маркам. Можно предположить, что они были напечатаны в частном порядке.

Отличие данного выпуска от официального мы видим в атрибуции, где вместо традиционной для республики маркировки филателистической продукции принтом «Почта ПМР», на указанном листе идет полное название – «Приднестровская Молдавская Республика». Возможно, выпуск не состоялся по причине демонстрации нацистских символов на двух из пятнадцати марок, где изображены немецкие военачальники Эберхард фон Макензен и Рихард Руофф под флагом Третьего рейха со свастикой. Сам лист содержит репродукции наиболее известных фотографий, связанных с Битвой за Кавказ, однако цели дизайнера марки непонятны. Нейтральность подбора изображений, дизайн и подача могут ввести в заблуждение об истинном победителе на Кавказе и нивелирует сам патриотический смысл коммеморативной марки.

Аналогичный статус неофициального выпуска имеет весьма красочный малый лист почтовых марок Центральноафриканской Республики (далее – ЦАР), выпущенный в 2011 г. Он также посвящен Битве за Кавказ и также вызывает ряд вопросов о настоящем победителе этого сражения. Африканские дизайнеры изобразили на малом листе четырех военачальников: Родиона Малиновского, Семёна Будённого, Эвальда фон Клейста и Вильгельма Листа, а также различные сюжеты из боев. Как известно, В. Лист командовал успешным наступлением немецких войск группы армий «А» на Северном Кавказе, которая 21 августа 1942 г. водрузила нацистский флаг над Эльбрусом. После отстранения Листа от командования дальнейшим наступлением на Кавказе руководил фон Клейст. Вермахту противостояли советские войска во главе с командующим Северо-Кавказским фронтом С.М. Будённым. После ряда неудач Красной армии на Северном Кавказе Будённый был отстранен от командования фронтом. В то же время Р.Я. Малиновский попал на данный малый лист марок, очевидно, вследствие незнания дизайнерами ЦАР истории. Как известно, Малиновский в период Битвы за Кавказ воевал на Воронежском и Южном фронтах, став 2 февраля 1943 г. командующим последнего. Как видим, почтовые марки Центральноафриканской Республики содержат ложные ценностно-символические посылы относительно исхода Битвы за Кавказ и ее победителя.

«Почта России» в 2011 г. выпустила серию почтовых марок «Города воинской славы» (№ 1469–1474), где под № 1471 вышла почтовая марка «Туапсе». На ней изображен картуш, посвященный боевым подвигам советских войск под г. Туапсе, истребитель Як-1, горная пушка 76,2 мм образца

1938 г., а также крейсер «Красный Кавказ». Данная коммеморативная многоцветная марка вышла на мелованной бумаге тиражом 75 тыс. экземпляров, номиналом 12 руб. Печать офсетная с частичной лакировкой и золотой фольгой, перфорация гребенчатая, 11 1/2 : 11, формат 37 × 37 мм. Дизайн марки разработан В. Бельтюковым. К выпуску марки был изготовлен специальный штемпель гашения первого дня «Город воинской славы Туапсе» [1].

Лишь в 2014 г. «Почта России» обратилась непосредственно к Битве за Кавказ. 8 августа вышла серия почтовых марок «Медали за оборонительные бои 1941–1942 гг.», где под № 1850 значилась марка «Медаль “За оборону Кавказа”». Данная коммеморативная многокрасочная марка вышла на мелованной бумаге тиражом 280 тыс. экземпляров, номиналом 25 руб. Печать офсетная с частичной лакировкой и конгревным тиснением, перфорация гребенчатая, 12 : 12, формат 32,5 × 65 мм. Дизайн марки разработан А. Московцом. К 70-летию победы в Великой Отечественной войне был также выпущен художественный маркированный конверт с указанной маркой [1].

К 75-летию победы в Великой Отечественной войне «Почтой России» была выпущена серия из 22 малых листов и 1 блока марок «Путь к Победе», где отображались советские победы на фронтах Великой Отечественной войны. 8 мая 2018 г. в рамках этой серии под № 2344 вышла марка «Битва за Кавказ». На почтовой марке изображен барельеф с группой советских солдат, сражавшихся на Кавказе в годы войны. Данная коммеморативная многокрасочная марка вышла на мелованной бумаге тиражом 161 тыс. экземпляров, номиналом 41 руб. Печать офсетная с бронзовой пастой, конгревным тиснением и защитным комплексом, перфорация рамочная, 11 3/4, формат 65 × 32,5 мм. Дизайн марки разработан С. Ульяновским [1]. К выпуску почтовой марки изготовлены тематический конверт и специальные штемпели гашения первого дня «Москва» и «Нальчик», а также маркированные данной продукцией почтовые открытки (картмаксимумы) с изображением советских войск в сражении за Кавказ.

Таким образом, изучение коммеморативных практик дает возможность не только выявить основные направления политики памяти, ее специфику и формы, но и выяснить возможности для моделирования актуальных установок и ценностных приоритетов. Мы считаем, что исследуемые в настоящей статье формы коммеморации в виде выпуска посвященной Битве за Кавказ филателистической продукции, вне всякого сомнения, целенаправленно и положительно воздействуют на коммеморанта. Это важный элемент трансляции верных, основанных на исторической правде знаний, ценностей и поведенческих установок, особенно у подрастающего поколения, что приобретает особую важность в свете стоящих сегодня задач по формированию у молодежи основанной на патриотизме и любви к Родине ценностной мировоззренческой системы.

Источники и литература

1. Акционерное общество «Марка». URL: https://rusmarka.ru/ (дата обращения: 15.07.2023).

2. ГУП ДНР «Почта Донбасса». URL: https://shop.postdonbass.com/malyj-list-38-leonid-ilich-brezhnev (дата обращения: 15.07.2023).

3. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: антология. М., 1998. С. 174–231.

4. Каталог почтовых марок 1857–1991. Россия, РСФСР, СССР. Издание 3-е / под общ. ред. В.Б. Загорского. СПб., 2009.

5. *Кринко Е.Ф.*, *Безугольный А.Ю.* Битва за Кавказ и ее значение в истории Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2015. №1 (81). С. 5–13.

6. Почтовые марки Приднестровской Молдавской Республики 1992–2019 гг. Каталог. URL: https://catalogue.markapmr.ru/ (дата обращения: 15.07.2023).

7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682525. Д. 47.

8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 42.

9. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1781.

10. HayPost – национальный почтовый оператор Республики Армения. URL: https://www.haypost.am/ru/Philatelia/Stamps-by-years/2014 (дата обращения: 15.07.2023).

А.Н. Еремеева

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ НА ДОНУ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: ВЕКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ[1]

Интерес к архитектурному наследию советской эпохи в последнюю четверть века стабильно проявляют ученые (историки архитектуры, культурологи), создатели контента средств массовой информации, специалисты в области туризма. Определенный запрос на его актуализацию имеется в обществе в целом, подверженном ностальгии по советскому периоду. В Москве, Санкт-Петербурге, промышленных городах Центральной России, Поволжья,

[1] Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева» по теме «Архитектурно-градостроительное наследие советской эпохи: историко-культурная ценность, актуализация и сохранение».

Сибири и Урала накоплен опыт музейно-выставочной репрезентации советской архитектуры. Наряду с научными и научно-популярными трудами, издаются справочники-путеводители, являющиеся важным ресурсом формирования туристических маршрутов, развития «красного туризма».

В рамках данной статьи рассматриваются имеющиеся практики и перспективы актуализации советской архитектуры Юга России на примере Дона и Северо-Западного Кавказа.

История советской архитектуры как важный и специфический этап формирования пространственной среды Юга России представлена в обобщающих трудах по истории региональной архитектуры и градостроительства В.Г. Есаулова [6], в том числе в соавторстве с В.А. Черницыной [7], В.П. Казачинского и В.В. Бондаря [12]. Исследователи рассмотрели основные этапы складывания архитектурного ландшафта в контексте государственной политики, актуальных вызовов времени. Работа заинтересованной аудитории с этими ценными изданиями затруднена отсутствием текстов в открытом доступе.

Особого внимания на Юге, как и в целом в стране, удостаивается авангардная архитектура 1920-х – начала 1930-х гг. Социологи объясняют данный феномен ее «особым эмоциональным эффектом» не только как эксперимента, но и как символа мечты о новой жизни, устремленности в будущее. В соприкосновении с архитектурой «эту мечту можно разделить, ощутить и пережить» [10: 231].

Архитектура авангарда до сих пор является градообразующей во многих местах, однако охранный статус зданий нередко ставится под сомнение. Значительному числу сооружений грозит разрушение.

Одним из внешних толчков в исследовании авангардной архитектуры явились восемь экспедиций английского фотографа и знатока мировой архитектуры Ричарда Пэра (Richard Pare) в Россию и страны ближнего зарубежья в 1993 – начале 2000 гг. Их результатом стали изображения конструктивистских построек (порой практически разрушенных или перестроенных) на 10 тыс. негативах. Они впервые экспонировались в 2001 г. в Московском доме фотографии в рамках выставки «Русский конструктивизм: провинция», а в 2007 г. – в нью-йоркском Музее современного искусства на выставке «Потерянный авангард: советская модернистская архитектура, 1922–1932 гг.» (The Lost Vanguard: Russian Modernist Architecture 1922–1932). Южнороссийский сегмент коллекции Р. Пэра был представлен сочинскими санаториями 1920-х – начала 1930-х гг., построенными по проектам братьев Весниных, М. Мержанова, А. Щусева, и спроектированной неизвестным архитектором автобусной остановкой рядом с сочинским дендрарием.

Международный проект 2008–2010 гг. «Жизнь в памятниках модернизма», сфокусированный на городах, где наследие конструктивизма представлено в наибольшей степени, сохранились «соцгорода», сопровождался

выставками, лекциями, экскурсиями, презентациями книг. Проект обошел стороной Юг России, однако дал полезные примеры того, как наследие конструктивизма используется в различных репрезентационных практиках, в брендировании города, включении эпохи нэпа и индустриализации в представление региона [24].

Многочисленные выставки, посвященные зданиям периода конструктивизма и их создателям, в Музее архитектуры имени А.В. Щусева и на других площадках Москвы и Санкт-Петербурга, как правило, не включали региональные, в том числе южнороссийские сюжеты.

Значительная роль в выявлении, описании и систематизации архитектурных объектов Юга России 1920–1930-х гг. принадлежит ростовскому историку архитектуры А.Г. Токареву. В 2016–2018 гг. в Ростове-на-Дону был опубликован его двухтомник «Архитектура Юга России эпохи авангарда» [25; 26], а в 2021 г. в Берлине – книга «Юг России. Архитектурный путеводитель: архитектура эпохи советского авангарда: 1922–1936» (в соавторстве с И.А. Бычковым, на русском и английском языках) [28]. Основываясь на результатах пяти экспедиций по территории Южного и Северо-Кавказского федерального округов, Крыма, документах южнороссийских архивов и музеев, Музея архитектуры имени А.В. Щусева, А.Г. Токарев представил конструктивистскую карту региона (подробную, но далеко не исчерпывающую). Наряду с такими известными постройками, как Ростовский драматический театр по проекту А.В. Щуко и В.Г. Гельфрейха, Круглый дом в Таганроге (архитектор – И.Г. Таранов-Белозеров), в книгах фигурируют малоизвестные и утраченные сооружения.

Например, среди описанных А.Г. Токаревым объектов Краснодарского края – жилой дом по проекту М.Н. Ишунина на углу улиц Красной и Пашковской и водонапорная башня Шухова (в краевом центре), больница в пос. Нефтегорске Апшеронского района, фабрика-кухня паровозоремонтного завода в Тихорецке, спальный корпус дома отдыха «Фальшивый Геленджик» в с. Дивноморском, клуб совхоза «Кубань» в одноименном поселке Гулькевичского района, клуб железнодорожников в Белореченске, гостиница имени Первой пятилетки в Анапе, районная электростанция, отделение госбанка, общественно-жилой комплекс НКВД, ясли цементного завода в Новороссийске, арка в честь миллионной бочки цемента в этом же городе, городок нефтяников в Туапсе, несколько сочинских санаториев. Список несохранившихся объектов включает электростанцию в Армавире, универмаг № 6 в туапсинском городке нефтяников и др. Не ограничиваясь научными публикациями, А.Г. Токарев регулярно выступает в СМИ по вопросам сохранения архитектурного наследия, а также проводит тематические экскурсии.

Наибольшего внимания среди конструктивистских построек Ростовской области традиционно удостаивается драматический театр имени М. Горького

в Ростове-на-Дону. Еще на этапе строительства о нем регулярно писали ведущие архитектурные издания СССР. В 1935 г. в Ростове-на-Дону вышел сборник статей «Ростовский драматический театр имени Максима Горького», включивший материалы по истории возведения здания и интервью со строителями [20]. «Театром-трактором» восторгались известные архитекторы, ныне же он является признанным символом города и остается объектом исследования [22; 27].

Наиболее ярким и одновременно наиболее изученным конструктивистским сооружением Краснодара является башня Шухова (одна из двенадцати, сохранившихся на территории России, Украины и Белоруссии), имеющая статус объекта культурного наследия федерального значения. Историки архитектуры В.В. Бондарь и О.Н. Маркова на основе архивных материалов и периодической печати восстановили практически с нуля историю строительства башни в контексте потребностей пространственного и хозяйственного развития города, в условиях увеличения численности населения и неудовлетворительного состояния старой системы водоснабжения. Рассмотрены также роль и место Шуховской башни в городском ландшафте Краснодара [2]. Книга «Краснодарский гиперболоид инженера Шухова: очерк истории памятника инженерного искусства – водонапорной башни системы академика В.Г. Шухова», а также активная позиция ее авторов спасли памятник от сноса. Разработанная ими научно-просветительская программа, посвященная юбилею Шуховской башни в Краснодаре в 2015 г., включавшая открытые лекции, круглый стол, общегородской пленэр у подножия башни и выставку работ молодых художников Краснодара, имела значительный общественный резонанс [5].

В настоящее время башня Шухова – один из популярных объектов туристического показа и различных художественных репрезентаций (в виде сувенирной продукции, инсталляций и пр.). В ее верхней части появилось необычное выставочное пространство – галерея «Вершина Культуры». Имя Шухова отразилось в названиях учреждений, возникших в последние годы вблизи башни.

Градостроительные подходы и образцы архитектуры периода господства советской неоклассики (так называемого сталинского ампира) описывались еще их создателями. Например, генеральный план реконструкции Сочи-Мацестинского курорта в 1936 г. отражен в статье Н.З. Несиса [16], курировавшего реализацию данного плана и вскоре репрессированного, а затем в брошюре архитектора Н.Б. Соколова [23]. Современные исследователи рассматривают пространственно-планировочную структуру курорта как памятник всесоюзного масштаба, «материальное свидетельство развития архитектурной мысли» [4]. Изучаются и отдельные объекты [13; 14].

Главный архитектор Ростова-на-Дону Я.А. Ребайн в 1950 г. описал послевоенное состояние города в контексте плана восстановления и реконструкции, разработанного академиком В.Н. Семёновым [19]. В наши дни эта тема получила дальнейшее развитие [15].

Советский архитектурный модернизм (к нему относят здания и сооружения последнего советского тридцатилетия), несмотря на наличие множества архитектурных шедевров, долгое время оставался в тени других проектов; сам термин еще 20 лет назад отсутствовал [11].

Упомянутый выше Я.А. Ребайн в 1960-е гг. на примере Ростова-на-Дону рассмотрел первые итоги пришедшего на смену неоклассике этапа в истории архитектуры [17; 18]. В 1970–1980-е гг. новейшие южнороссийские постройки были представлены в альбомах «Стройиздата» «Лучшие произведения советских зодчих», брошюрах серии «Лучшее в архитектуре» всесоюзного общества «Знание», серии книг «Архитектурное творчество СССР», статьях журнала «Архитектура СССР», обобщающих трудах по истории архитектуры СССР и отдельных советских республик, издававшихся в преддверии юбилеев Октября, воспроизводились на открытках (в том числе наборах с видами городов) и почтовых конвертах. Наиболее тиражируемым сооружением региона стал построенный в 1967 г. по проекту архитектора Е.А. Сердюкова краснодарский кинотеатр «Аврора» (ныне этот признанный символ города находится в законсервированном состоянии).

Всплеск интереса к архитектуре советского модернизма произошел в начале нынешнего века. Его рассматривали в контексте нового вектора архитектурной политики СССР (знаменитое постановление 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»), переосмысления творческого наследия авангардистов и новейших достижений зарубежных архитекторов.

Многочисленные реализованные проекты были нацелены на осознание общих черт и локальных различий в модернистской архитектуре СССР. Выведению ее из слепой зоны способствовали выставки в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Вене, Стамбуле, Венеции, в столицах бывших советских среднеазиатских и закавказских республик, издание аннотированных фотоальбомов. Опубликованы путеводители по модернистской архитектуре Москвы и Ленинграда. В столице имеется опыт реализации экскурсионных программ (например, по микрорайону Чертаново). «Лаборатория дворoведения» Музея Москвы проводит встречи, в том числе посвященные эпохе 1950–1980-х гг. На Юге России модернистская архитектура пока является в основном объектом исследований специалистов [1; 3; 8; 9; 13; 21].

В целом советская архитектура недостаточно представлена в музейно-выставочном пространстве региона. В архитектурном сегменте туристической

практики за редкими исключениями преобладает дореволюционный контент. Из музейных проектов последних лет выделим выставку «Антология курортной архитектуры. Сочи – Мацеста. XX век» (Сочинский художественный музей имени Д. Жилинского, 2023 г.). Сам музей расположен в построенном в 1936 г. архитектором И.В. Жолтовским здании неоклассического стиля, ныне являющемся объектом культурного наследия федерального значения. Экспонаты визуализировали смену архитектурных стилей от авангарда к неоклассицизму и модернизму.

Представляется важным широкое использование ресурса советской архитектуры в музейной и экскурсионной практике с учетом накопленного опыта. Необходимы дальнейшие исследования архитектуры региона, трансляция их результатов, составление путеводителей в качестве информационного обеспечения имеющихся и новых туристических маршрутов.

Источники и литература

1. *Бондарь В.В.* Краснодарский Дом книги – памятник архитектуры структурализма в культурном ландшафте исторического города (к 40-летию со дня открытия) // Наследие веков. 2017. № 3. С. 47–64.

2. *Бондарь В.В.*, *Маркова О.Н.* Краснодарский гиперболоид инженера Шухова: очерк истории памятника инженерного искусства – водонапорной башни системы академика В.Г. Шухова: монография. Краснодар, 2014.

3. *Бондарь В.В.*, *Маркова О.Н.* Памятник архитектуры регионального историзма «Здание магазина “Янтарь”» в Геленджике: история обретения и утраты // Наследие веков. 2016. № 1. С. 105–113.

4. *Бондарь В.В.*, *Рысин Ю.В.* Планировочная структура Сочи-Мацестинского курорта периода довоенной реконструкции – выдающийся памятник советского градостроительства (к предмету охраны исторического поселения) // Academia. Архитектура и строительство. 2022. № 4. С. 99–107.

5. *Горлова И.И.*, *Коваленко Т.В.* Южный филиал Института Наследия: страницы истории // Культурологический журнал. 2022. № 3 (49). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/592.html&j_id=53 (дата обращения: 02.09.2023).

6. *Есаулов Г.В.* Архитектура Юга России: от истории к современности: очерки. М., 2016.

7. *Есаулов Г.В.*, *Черницына В.А.* Архитектурная летопись Ростова-на-Дону. Ростов н/Д., 2002.

8. *Иванова-Ильичева А.М.* Принципы модернизма в архитектуре торговых комплексов 1960–1980-х гг. в городах Юга России // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2021. № 10. С. 58–67.

9. *Иванова-Ильичева А.М.*, *Орехов Н.В.* Ростовский театр кукол: «старое» и «новое» в архитектуре советского модернизма // Вестник Белгородского

государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2021. № 1. С. 58–65.

10. *Ильченко М.* Архитектура модернизма как метафора эпохи. Новые нарративы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 2. С. 215–239.

11. *Казакова О.В.* Советский модернизм: второе пришествие // Проект Байкал. 2014. № 11 (39–40). С. 60–63.

12. *Казачинский В.П.*, *Бондарь В.В.* Архитектура и градостроительство Кубани XIX–XX вв. Ч. 1: Архитектура Екатеринодара до 1917 г. Краснодар, 2001.

13. *Маркова О.Н.* Архитектурно-парковый ансамбль Кубанского сельскохозяйственного института как локальный ландшафт в пространстве города // Наследие веков. 2017. № 3. С. 65–72.

14. *Маркова О.Н.* Монументальные «морские ворота» курорта Сочи: история создания // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 579–584.

15. *Москаленко И.А.* Пространственно-композиционное решение центрального ансамбля Ростова-на-Дону периода послевоенного восстановления // Архитектон: известия вузов. 2021. № 1 (73). С. 2.

16. *Несис Н.З.* Курорт Сочи – Мацеста // Архитектура СССР. 1936. № 11. С. 2–14.

17. *Ребайн Я.А.* Завтра нашего города: Ростов в семилетии 1959–1965. Ростов н/Д., 1960.

18. *Ребайн Я.А.* Ростов шагает в будущее. Ростов н/Д., 1968.

19. *Ребайн Я.А.* Ростов-на-Дону. М., 1950.

20. Ростовский драматический театр имени Максима Горького: сборник статей. Ростов н/Д., 1935.

21. *Санникова Т.О.* Архитектор Сочи В.И. Очинский. Сочи, 2017.

22. *Силина М.М.* Изображает, организует, символизирует? Архитектура драматического театра в Ростове-на-Дону // Произведение искусства как документ эпохи: время, язык, образ: материалы международной научно-практической конференции: сборник статей: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Т.Г. Малинина. М., 2014. С. 202–219.

23. *Соколов Н.Б.* Сочи – Мацеста (очерк архитектуры). М., 1950.

24. *Тимофеев М.* От «красного Манчестера» к «красному Диснейленду»: конструктивистская архитектура и стратегии позиционирования города Иваново // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 3. С. 72–92.

25. *Токарев А.Г.* Архитектура Юга России эпохи авангарда. Ч. 1. Ростов н/Д., 2016.

26. *Токарев А.Г.* Архитектура Юга России эпохи авангарда. Ч. 2. Ростов н/Д., 2018.

27. *Токарев А.Г.* Драматический театр им. М. Горького в Ростове-на-Дону: к вопросу об особенностях формально-образной системы и градостроительного решения // Архитектон: известия вузов. 2013. № 3 (43). С. 13.

28. *Токарев А.Г.*, *Бычков И.А.* Юг России. Архитектурный путеводитель: архитектура эпохи советского авангарда: 1922–1936. Берлин, 2021.

Н.С. Матвеева

«ТЕРСКИЙ КАЗАК»: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Региональная печать, являясь неотъемлемой частью российской периодики, занимает, в силу присущих ей отличительных черт, особое место в системе средств массовой информации [5].

Социально-экономические, политические процессы в России в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привели к появлению и бурному развитию региональной периодики. «Издательская жизнь, начавшаяся в России после обретения свободы печати и отмены цензуры, явила феномен независимой общественно-политической печати» [7: 107]. Не остались в стороне от издательской практики и возрождаемые казачьи войска, которые стали выпускать периодические издания. Так, Терское казачье войско в 1990 г. после 70-летнего перерыва начало издавать ежемесячную газету «Терский казак» под девизом «За возрождение Терского казачества». Первоначально газета выходила как печатный орган Владикавказского округа Терского казачьего войска, а затем стала войсковой газетой.

У газеты «Терский казак», бесспорно, интересная и непростая история, которую можно разделить на следующие этапы, связанные с ее изданием: 1918–1920 гг.; 1990–1995 гг.; с 2004 г. – по настоящее время. Необходимо отметить, что в период 1936–1939 гг. Терской канцелярией войска издавался в Белграде (Югославия) журнал «Терский казак» как «ежемесячная информация» [22; 23].

В 1918 г. на одном из войсковых кругов Терского казачьего войска принимается решение выпускать газету «Терский казак». Видный государственный и общественный деятель Григорий Абрамович Вертепов (1862–1919) становится ее редактором. По масштабам своей деятельности и авторитету среди терцев Г.А. Вертепов уступал лишь Михаилу Александровичу Караулову (1878–1917) – первому избранному атаману Терского казачьего войска.

Всю свою жизнь Г.А. Вертепов отдал Терскому войску, но его хорошо знали и за пределами Кавказа. Он был не только известный ученый-краевед

(историк, этнограф, географ и статистик), но и видный общественный деятель и журналист [4: 127–131]. Казак ст. Прохладной, сын войскового старшины Г.А. Вертепов окончил ставропольскую гимназию и поступил в Харьковский университет, «но, захваченный войной освободительного движения, ушел оттуда и отдался работе в войске» [8: 9]. Он был в разные годы редактором «Терских ведомостей» – официального периодического издания Терской области, им было в 1912 г. было основано Терское общество любителей казачьей старины, регулярно издававшее «Записки Терского общества любителей казачьей старины» с историко-этнографическими статьями. Умер Г.А. Вертепов в Новороссийске от сыпного тифа – торопился на войсковой круг. Как говорили о нем современники, «в лице Григория Абрамовича войско потеряло большого работника и мудрейшего казака» [8: 10].

Первый номер газеты «Терский казак» увидел свет в мае 1918 г. Он вышел под девизом: «Да здравствует Российская демократическая федеративная республика! Да здравствуют поместные вольности и права!» В числе постоянных авторов газеты были И.В. Баев, Г. Бесолов, Р. Битиев, В.М. Гарисов, Н. Грабовский, П.А. Караулов, Н.А. Караулов, И. Касперович, В.Ф. Крючков, М.Ф. Кузовлев, М. Лембич, А.А. Митников, И.А. Митников, М.И. Подберезский, Г.А. Ткачев, Л.А. Федосеев, Н.И. Чаплыгин и др. Редакция располагалась в доме Ходякова (ныне Национальный музей Северной Осетии) на Александровском проспекте во Владикавказе [9]. Выпуск газеты «Терский казак» продолжался до августовских событий 1918 г., когда терские казачьи части потерпели поражение и были вынуждены оставить свою столицу.

С сентября 1918 г. по январь 1919 г. газету издавали большевики под новым названием «Терский трудовой казак», желая привлечь на свою сторону казаков [9].

Газета «Терский казак» вновь появилась в марте 1919 г., когда большевики покинули Терскую область. Ее редактором стал Л.А. Федосеев, а с июля 1919 г. – В.Ф. Крючков [9]. Выпуск газеты продолжался вплоть до занятия г. Владикавказа частями Красной армии. Последний номер вышел 8 марта 1920 г.

В апреле 1936 г. в Белграде (Югославия) по инициативе терского атамана, генерал-лейтенанта Герасима Андреевича Вдовенко (1867–1945) начал издаваться ежемесячный журнал «Терский казак», который продолжил традиции одноименной газеты. В первом выпуске журнала подчеркивалось: «Мы ставим себе задачей освещать все вопросы, которые могут занимать и интересовать казаков: вести с Родины, письма из станиц, жизнь в эмиграции, условия труда, международная обстановка, сведения из славного прошлого Родного Войска и казачества, воспоминания, стихотворения, литературные произведения, некрологи и т.д.» [22: 1]. Далее в номере сообщалось, что «исторические воспоминания особенно ценны и имеют огромное воспитательное значение. Они оздоровляюще и укрепляюще действуют

на опустошенную событиями последних лет душу казака и хоть на время окружат ее благоуханием прошлого. Для подрастающего поколения воспоминания славного прошлого послужат лучшей школой» [22: 5].

Бессменным редактором-издателем журнала был терский казак Л.В. Гавриленков [24], наиболее часто публикуемым автором – Евгений Александрович Букановский (1892–1943) – последний председатель Терского правительства (в эмиграции), который подготовил к печати такие рукописи, как «История Терского Войска», «Казачество веками стояло живою изгородью на рубежах Российского государства» [3]. Фрагменты текстов рукописей Е.А. Букановского были опубликованы в журнале «Терский казак» 1936–1939 гг. Факт издания рукописей как самостоятельных произведений не подтвержден и является предметом дальнейших исследований научного сообщества.

Журнал терцам рассылался бесплатно. Редакция принимала не только статьи от терцев, но и фотографии с условием получения «50 дин. на изготовление клише» [23: 16]. Всего за период существования журнала «Терский казак» (май 1936 – октябрь 1939 гг.) было издано 42 номера.

С апреля 1990 г. Терское казачье войско возобновляет издание газеты «Терский казак» в России. С 1990 по 1995 г. было издано около 40 номеров [9]. Первые номера газеты редактировал член правления Терского казачьего войска Ю.К. Запоев, затем редакторами были Н. Сахно, В. Симакин, Н. Машуков [9]. В газете закрепились рубрики: «Советы атаманов»; «Из нашего наследия»; «История в письмах»; «Беседы о духовном»; «Возвращаясь к напечатанному»; «Вести с мест»; «Месяцеслов – непрерывный календарь русской природы»; «Народные приметы и обычаи»; «Секреты казачьей медицины»; «Нам пишут»; «История Терского казачьего войска»; «По страницам казачьих газет»; «Вести с мест»; «Из истории станиц»; «Хроника, документы, мемуары, свидетельства» и др.

В третьем номере газеты за 1990 г. был напечатан гимн терского казачества:

Между серыми камнями
По ущельям, среди скал
Серебристыми волнами
Бурный Терек пробегал.
Начинаясь у Казбека,
Наверху, среди снегов,
Он четыре с лишним века
Поит терских казаков.
И, вспоенный ледяною
Чистой терскою водой,
Казак сердцем и душою

Любит Терек свой родной.
Заповедовали деды
Сберегать Отчизны честь,
Ради славы и победы
Своей жизни не жалеть [15: 1].

В пятом номере 1990 г. «Терский казак» объявил фотоконкурс работ, повествующих «об истории и сегодняшнем дне Терского казачества, красоте горного края» [13: 2]. Все присланные на конкурс работы были опубликованы в последующих номерах издания. В ноябре 1990 г. газета «Терский казак» объявила творческий конкурс на участие в работе литературного объединения при газете [16: 4].

С 1991 г. газета распространялась по подписке. В частности, годовая подписка в 1992 г. стоила 18 руб. (с учетом пересылки по почте), стоимость на полгода составляла 9 руб., на 3 месяца – 4 руб. 35 коп., на месяц – 1 руб. 45 коп. [17: 3].

«Издание газеты “Терский казак” сыграло решающую роль коллективного организатора на Тереке», – подчеркнул в рубрике «Передовая номера» атаман терского казачества, Герой Советского Союза Василий Дмитриевич Коняхин (1923–2000) [13: 1]. «Настало время и организации собственного издательского дела, деятельность которого будет направлена на публикацию исторических казачьих книг, брошюр и материалов, освещающих как историю казачества, так и правду о геноциде и расказачивании», – отмечал он в одном из следующих номеров [14: 1].

За 1990–1995 гг. газета «Терский казак» печаталась в городах Орджоникидзе / Владикавказе, Минеральных Водах в издательствах Северо-Осетинского обкома КПСС (1990 г.), ООО Частная охранная организация «ЮК» (1991–1994 гг.), «Кавказская здравница» (1995 г.) тиражом до 15 тыс. экземпляров. Многие статьи авторов в газете этого периода выходили под псевдонимами. После 1995 г. газета «Терский казак» перестала выходить по причине разделения Терского казачьего войска на реестровое и общественное и невозможности решить вопрос о едином печатном органе [9].

В декабре 2004 г., после девятилетнего перерыва, газета «Терский казак» в очередной раз возродилась во Владикавказе. С 2004 г. редактором газеты является Феликс Сергеевич Киреев – кандидат исторических наук, член Союза журналистов России. Ф.С. Киреев пишет статьи и публикует фотоматериалы по краеведческой тематике как в местных, так и в российских газетах и интернет-изданиях, книгах, энциклопедиях, является исследователем военной истории Терского казачьего войска. Автор многих публикаций и телепередач по истории терского казачества, Владикавказа и Осетии, член экспертного совета Управления по охране и использованию объектов культурного наследия Министерства культуры РСО – Алания [12].

С 2011 г. у газеты появляется дополнительный девиз-четверостишие, который был размещен на первой странице издания до смены учредителя в 2017 г.:

Быть казаком – великое везенье.
Пред Тереком в пожизненном долгу.
Земной поклон ему на вдохновенье,
Что сыном Терека назвать себя могу [18: 1].

Учредителем газеты с января 2017 г. является ООО «Медиагруппа “Терские ведомости”» (ранее, с 1990 г., учредителем было Терское казачье войско). Газета продолжила быть печатным органом общественной организации «Терское казачье войско» и освещает деятельность всех терских казаков и события на Северном Кавказе. На страницах газеты неизменно уделяется внимание традициям и культуре терских казаков, истории боевого прошлого и мирного существования. Постоянными являются рубрики: «Тема номера»; «Выборы и стратегия»; «Интервью»; «Штрихи»; «События»; «Коротко о главном»; «В единстве»; «Чтобы помнили»; «Казачья поэзия» и др.

Газета периодически пишет о новых изданиях по истории и культуре терского казачества. Так, в мае 2019 г. «Терский казак» презентовал книгу «М.А. Караулов: сборник материалов и документов» (автор-составитель Ф.С. Киреев), выпущенную в свет издательским домом «Терские ведомости» в серии библиотеки «Терский казак» при финансовой поддержке Министерства Северной Осетии по вопросам национальных отношений [6; 19: 1].

В 2020 г. газета написала об уникальном двухтомнике Э.В. Бурда «Терские казаки в Революции и Гражданской войне» [2; 20: 1]. Ограниченный тираж вышедшего в твердом ламинированном переплете издания общим объемом 1356 страниц практически сразу сделал двухтомник раритетным.

В 2022 г. газета писала о новой книге для детей «Сказки терских казаков», которая является самым полным изданием терских сказок на сегодня. Примечательно, что книгу бесплатно передали в библиотеки Ставропольского края, а в свободной продаже издания не было [11; 21: 8]. Нельзя не отметить, что первый сборник с таким названием вышел в 1914 г., он включал 12 историй [1] и в течение ста лет был единственным изданием терских казачьих сказок. И только в 2014 г. при поддержке Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества вышла книга «Сказки седого Терека», в которой были опубликованы сказки терских казаков тиражом 1000 экземпляров [10]. Книга разошлась по библиотекам Ставропольского края. В 2022 г. Благотворительный фонд «Хопёрцы» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив напечатал еще 700 экземпляров.

В 2023 г. вышел последний на момент написания данной статьи номер газеты «Терский казак» № 1 (32, июнь – июль) тиражом 1500 экземпляров.

Газета «Терский казак» сегодня – это пространство диалога, которое не только решает задачу сохранения, развития и популяризации истории и культуры терского казачества, но и содействует объединению казаков Северного Кавказа, консолидации российского казачества в целом.

Бесспорно, научное осмысление опыта и истории региональной периодики как сегмента отечественного рынка средств массовой информации казачьих обществ и иных объединений казаков представляет большой интерес не только в теоретическом, но и в практическом плане.

Источники и литература

1. *Баранов Е.З.* Сказки терских казаков. М., 1914.

2. *Бурда Э.В.* Терские казаки в Революции и Гражданской войне: в 2 т. Нальчик, 2020.

3. Виртуальный музей казачьего зарубежья. URL: https://museum.passion-don.org/ (дата обращения: 29.07.2023).

4. *Головлев А.А.* Братья-казаки Вертеповы как краеведы и географы Терской области // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2013. Т. 22. № 2. С. 126–134.

5. *Капитан Т.Ф.* История печати Дона и Северного Кавказа XX века: учебно-методическое пособие. Ростов н/Д., 2008. URL: https://pandia.ru/text/77/28/96238.php?ysclid=lm2hfcpu5m78511716 (дата обращения 01.07.2023).

6. М.А. Караулов: сборник материалов и документов / сост. Ф.С. Киреев. Владикавказ, 2016.

7. *Матвеева Н.С.* Издательская деятельность леворадикальных политических организаций России (последнее десятилетие XX в. – первое десятилетие XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 107–109.

8. Памяти годовщины восстания терского казачества, 23 июня 1918 г. – 23 июня 1919 г. Пятигорск, 1919.

9. Полевые материалы автора. Интервью с Феликсом Сергеевичем Киреевым, редактором газеты «Терский казак». Июль 2023 г.

10. Сказки седого Терека: сборник казачьих сказок, записанных в станицах Терека и Кубани / сост. и ред. И.Ю. Щербакова. Ставрополь, 2014.

11. Сказки терских казаков / сост. и ред. И.Ю. Щербакова. Ставрополь. 2022.

12. Терские ведомости. URL: https://terskievedomosti.ru/kireev-f-s?ysclid=lmd7brggfj370237765 (дата обращения 01.07.2023).

13. Терский казак. 1990. Август. № 5.

14. Терский казак. 1990. Декабрь. № 9.

15. Терский казак. 1990. Июнь. № 3.

16. Терский казак. 1990. Ноябрь. № 8.

17. Терский казак. 1992. Март. № 3 (24).
18. Терский казак. 2011. Ноябрь. № 2 (31).
19. Терский казак. 2019. Апрель – май. № 2 (18).
20. Терский казак. 2020. Июль – август. № 2 (23).
21. Терский казак. 2022. Июль – сентябрь. № 2 (31).
22. Терский казак: ежемесячная информация Терской канцелярии (Белград). 1936. Апрель. № 1.
23. Терский казак: ежемесячная информация Терской канцелярии (Белград). 1936. Сентябрь. № 6.
24. Эмигрантика: периодика русского зарубежья. URL: http://www.emigrantica.ru/item/terskii-kazak-1936-1939 (дата обращения: 29.07.2023).

Т.А. Булыгина

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЧНИ 1990-х гг.

Историческая память имеет множество толкований, простейшее из которых – память-знание о собственной национальной истории как часть личностного и социального самосознания. По мнению Н. Мысливца, историческая память служит основанием национальной идентичности. Наиболее общая характеристика исторической памяти – конструирование совокупности этих знаний, эмоций, мифов как образа единого прошлого для жителей определенной страны, этносов и социальных групп в соответствии с социальными или политическими интересами: «В самом общем виде историческую память можно определить как устойчивую совокупность бытующих в общественном сознании и передающихся от поколения к поколению сведений о прошлом, знаний, представлений, пережитых, глубоко осмысленных, прочувствованных. Это особая система координат, в границах которой определяются и формируются контуры настоящего и будущего, которые подтверждают коллективную идентичность членов данного общества, указывают на их единство во времени и пространстве» [5: 57–58].

В гуманитаристике одним из дискутируемых вопросов является проблема источников и механизмов формирования исторической памяти [10: 11]. Несомненно, что в современных условиях традиционные механизмы ее трансляции – образование, семья, искусство – постепенно уступают место СМИ и Интернету. В то же время такой значительный сегмент исторической памяти, как места памяти, превращается в поле боя не только в переносном, но и в прямом смысле. Под местами памяти мы понимаем места как физические, так и духовные, порождающие коллективные воспоминания как

способ сохранения важного для общества прошлого. Однако их смысл при изменении контекстов может корректироваться. Пример – ожесточенная борьба с советскими памятниками в Восточной Европе, чтобы стереть из коллективной памяти великий освободительный подвиг советских воинов.

Острым полемическим пространством сегодня является и соотношение профессионального исторического знания и исторической памяти. Субъективность историка как члена общества через его идейные, политические, этические, наконец, эстетические предпочтения так или иначе проявляется в исторической памяти. Так что категорически противопоставлять историческую науку и историческую память, несмотря на коренные отличия этих феноменов, едва ли правильно.

При рассмотрении процесса конструирования исторической памяти надо обратить также внимание на то, что в современном мире она становится наиболее уязвимой, объектом манипулирования в руках разных сил, стремящихся подчинить массовое сознание своим политическим интересам и сделать его носителей послушными и легко управляемыми марионетками. Действие такого манипулирования ослабевает, если в обществе главенствует научное историческое знание и воспитывается уважение к прошлому.

В локальном сообществе прошлое также проблематизируется в контексте каких-либо общезначимых современных событий на основе исторического дискурса именно этого локуса, одновременно служащего легитимации или утверждению о неправомерности данных событий. Как отмечает В.А. Шнирельман, малые народы проявляют наибольший интерес к своей истории, так как зачастую испытывают чувство фактической или психологической дискриминации и, пытаясь преодолеть порожденный этим дискомфорт, обращаются к далекому прошлому. Ученый обратил внимание, что предел памяти народов Кавказа гораздо глубже, чем в США или Западной Европе [14: 16, 17].

Говоря о структурировании исторической памяти в федеративном государстве, следует учитывать, что субъект конструирования и сохранения памяти – не только центр, но и регионы, к которым можно отнести, в частности, автономии. Наряду с исторической памятью всего общества, можно говорить о региональной и этнической памяти, которым соответствуют свои места памяти: праздники, юбилеи, локусы.

На рубеже 1990-х гг. отказ от единой советской идеологии породил новые версии локальных историй и актуализировал далекое прошлое и фольклорные образы. Об их роли в становлении современных государств Кавказа на постсоветском пространстве свидетельствует политическая символика. В полной мере это замечание относится и к северокавказским автономиям. Мы останавливаемся на недавней истории Чеченской Республики в первую очередь потому, что в 1992 г. была предпринята попытка построить Чечню,

независимую от России, а для этого использовать историю как материал для реализации политических интересов.

Напомним, что по инициативе I Общенационального съезда чеченского народа (23–25 ноября 1990 г.) и под его давлением Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР 27 ноября 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушетии, что послужило основанием для дальнейшего самопровозглашения Чеченской Республики, которая в июле 1991 г. была объявлена независимым государством. 27 октября этого года Д. Дудаев абсолютным большинством жителей Чечни был избран его президентом. В дальнейшем Чечня и Россия в целом пережили трагедию двух чеченских войн. Призывы к национально-освободительным революциям, восстановлению исторической справедливости, невозможности совместного проживания с Россией как штампы и мифы исторической памяти имеют истоки не только в политике Российского государства, но и в деструктивных действиях части общественных деятелей, интеллигенции и политиков Северного Кавказа, включая формирование определенного типа исторической памяти.

Как отмечала один из исследователей современной истории Чечни С. Дрюэ, в период перестройки, распада СССР и создания Российской Федерации чеченское общество прошло три периода: мобилизацию местного сообщества, радикальную национализацию и вооруженный конфликт [4]. На каждом из этих этапов история республики и историческая память активно задействовались как средство борьбы местных элит за власть. Можно говорить о том, что исторический контекст, начиная от происхождения народа и заканчивая советской историей Чечено-Ингушской АССР, использовался местной интеллигенцией как средство радикализации общественных движений в Чечне в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Исследователь А.В. Фелькер рассматривала историческое наследие как политический ресурс «для достижения политических целей, интересов и амбиций» [12: 34].

Именно целеполагание модели исторической памяти значительно упрощает исторические образы, сглаживая сложность и противоречия реальности, отражаемой исторической наукой, заменяя их экзальтированными эмоциями. О практическом использовании истории откровенно говорил один из лидеров чеченского общественно-политического движения «Даймохк», который считал, что память народа не сводится к воспоминаниям о прошлом: «Смысл исторической памяти – в извлечении уроков из пережитого, в искоренении зла» [2: 248]. Об этом свидетельствуют подготовительные материалы к чеченскому общенациональному съезду. Из 13 тезисов о целях съезда, определенных оргкомитетом, один гласил: «Освещение истории формирования чеченского этноса и территории его расселения» [2: 32].

Кроме того, в гербе Чеченской Республики – Ичкерии использовался широко распространенный на Северном Кавказе мифологический тотем – волк (борз).

Д. Дудаев и его окружение активно разыгрывали историческую карту для разжигания антирусских настроений, манипулируя массовым сознанием жителей Чечни. В его интервью и выступлениях главным историческим образом была Кавказская война как символ борьбы вайнахов против России. Так, в новогоднем обращении к чеченскому народу в канун 1992 г. он заявил: «Около 300 лет чеченцы сражаются против России» [13]. Это и стало лейтмотивом его политики. Кавказская война использовалась как аргумент во взаимоотношениях с Москвой. Например, чеченский политический деятель Ю. Сосламбеков на одной из пресс-конференций в Москве в конце 1994 г. предложил политикам и силовикам Кремля лучше изучать историю Кавказской войны [6: 38].

В числе инструментов создания новой модели исторической памяти выступили переименования и наименования различных культурных учреждений и элементов городского пространства. В Чечне в тот момент не только были выдвинуты кадры управленцев коренного этноса, что напоминало неудавшийся план коренизации начала 1930-х гг., но и в наименованиях городской инфраструктуры начали встречаться имена чеченских общественных, политических и культурных деятелей. К примеру, 4 октября 1992 г. вышел указ «О преобразовании и наименовании государственного музея» [9: 27]. С этого момента Чеченский государственный объединенный музей стал носить имя человека, его основавшего в 1925 г., литератора, организатора просвещения в республике Халида Ошаева, борца за справедливость и национальное достоинство чеченцев, дух которого не сломили лагеря и ссылки. Так, он провел поиск чеченцев, участвовавших в обороне Брестской крепости, и в 1968 г. опубликовал документальную повесть «Брест – орешек огненный», переизданную в 1990 г. [7].

Попытка возродить идеи прошлого для политического использования просматривается как в заявлениях лидеров Чечни 1990-х гг., так и в организационных действиях. Именно тогда стала популярной история Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, возникшего в 1917 г., и провозглашенной в 1918 г. Горской республики. В разных интервью Дудаев утверждал, что создает фундамент свободного и единого Кавказа, единого кавказского дома [13]. Об исторической преемственности этой идеи свидетельствуют материалы Конфедерации горских народов Кавказа. На II съезде горцев Кавказа в Нальчике в 1990 г. конфедерация была прямо названа правопреемницей Горской республики [1: 1].

Следует отметить, что формирование национальной модели исторической памяти не обошлось без преемственности с советскими традициями.

В одном из указов президента Чеченской Республики Д. Дудаева 5 августа 1992 г., посвященном социальной защите некоторых категорий граждан, в духе советской риторики указывались «ветераны войны и труда, воины-интернационалисты» [9: 9], которым передавалось в безвозмездную собственность жилье, предоставлялись льготы на оплату коммунальных услуг и бесплатное ритуальное обслуживание. Вместе с тем в указе ни разу не упоминается полное название Великой Отечественной войны. С первых дней провозглашения независимой Чечни формировался негативный образ России, включая советский период, а с другой стороны, сказывалась и личная психология президента как советского офицера, и социальные традиции советской власти, и приоритеты советского массового сознания.

Как известно, на формирование исторической памяти влияет травма, пережитая тем или иным локальным обществом. Глубокая травма из прошлого отражается на образах позднейшего времени, так как тяжелые воспоминания в массовом сознании с большим трудом отступают в тень давних лет, порождают особенно яркие эмоции, которые с уходом поколений не бледнеют. Эти эмоции и вектор могут быть использованы в контексте общественного сознания всей нации. Так случилось в Чеченской Республике. Как справедливо заметил Дж. Рахаев, депортация – «процесс, который продолжает оказывать существенное воздействие на отношение репрессированных народов к своему прошлому, восприятию своего настоящего и будущего» [8: 132].

В 1990-е гг. депортация чеченского народа как недавняя историческая травма стала поводом для утверждения, что вся история Чечни – это 200-летний геноцид. Эта концептуальная идея, используемая в интересах современной политической борьбы, была высказана еще А. Авторхановым. Неслучайно его книга, вышедшая в Мюнхене в 1952 г., «Убийство чечено-ингушского народа», была издана в России лишь в 1991 г. [11]. Преодолеть эту травму пытались через ряд политических решений как центр, так и руководство республики. 26 апреля 1991 г. Верховным Советом РСФСР был принят закон № 1107-I «О реабилитации репрессированных народов», а 16 сентября 1995 г. Б.Н. Ельцин подписал указ № 948 «О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов».

В статье 10 Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушетии историческая трагедия распространяется на современную Чечню: «Осуждая проявленный в прошлом акт геноцида в отношении чеченцев и ингушей и других народов СССР, Чечено-Ингушская Республика оставляет за собой право на возмещение морального и материального ущерба, причиненного республике и ее народу в 1944–1957 годах» [3].

Таким образом, как свидетельствует социальная и политическая практика, историческая память определяется целями формирования

национальной, гражданской, этнической идентичности. Для мобилизации локального сообщества, особенно в рамках национальных сообществ в многонациональном государстве, могут широко использоваться исторические травмы. В случае с Россией конца XX–XXI в. суверенитет народов, входивших в состав СССР, строился на новой модели исторической памяти, когда активно использовался фольклор этносов, в эмоциональном отношении делался акцент на социокультурной русификации в эпоху Советского Союза, затемнялись вопросы социально-экономического и культурного развития советских республик, доказывалась правомерность сравнения исторической памяти с прожектором, высвечивающим лишь некоторые картины исторического прошлого, отвечающие запросам общества или отдельных социальных групп.

Источники и литература

1. Барт (газета). 1991. № 13.

2. В поисках пути. Чечня 1990–1996 гг.: сборник материалов общественно-политического движения «Даймохк». М., 1996.

3. Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушетии. URL: https://ed-glezin.livejournal.com/874670.html (дата обращения: 02.08.2023).

4. *Дрюэ С.* Роль исторической памяти в общественно-политических процессах Чечни (1986–1994) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 10 (108). URL: https://history.jes.su/S207987840017206-5-1 (дата обращения: 02.08.2023).

5. *Мысливец Н.* Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения // Беларуская думка. 2022. № 2. С. 56–62.

6. Одинокий волк на тропе независимости. М., 1996.

7. *Ошаев Х.Д.* Брест – орешек огненный: художественно-документальная повесть. Грозный, 1990.

8. *Рахаев Дж.* Осознавая травму: реабилитация депортированных народов Северного Кавказа в общественно-политических дискуссиях конца XX – начала XXI века // Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики и идентичности: сборник статей / сост. Г.Ч. Гусейнов. М., 2014. С. 131–159.

9. Сборник указов Президента Чеченской Республики. Грозный, 1993.

10. *Тишков В.А.* Междисциплинарный взгляд на историческую память и идентичность // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 5–11.

11. *Уралов А.* (*Авторханов А.*). Убийство чечено-ингушского народа: народоубийство в СССР. М., 1991.

12. *Фелькер А.В.* Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов // Политическая наука. 2018. № 3. С. 28–44.

13. Чеченское государство (Путь Ахмат-Хаджи). URL: https://chechenlaw.ru/?p=433 (дата обращения: 06.08.2023).

14. *Шнирельман В.А.* Социальная память – вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 12–34.

А.Д. Осмаев, Е.М. Горюшина

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ[1]

Изучение коммеморативных практик, распространенных в Чеченской Республике (далее – ЧР) в постконфликтный период, представляет собой важную, но малоразработанную тему в области memory studies.

Первичный анализ, проведенный авторами статьи с помощью методов сбора полевого материала, ревизии различного рода источников (включая медиаресурсы и республиканские реестры объектов культурного наследия, переименований населенных пунктов, улиц и др.), записи и обработки полуструктурированных экспертных интервью, взятых на территории Чеченской Республики в 2023 г., показывает, что коммеморативные практики направлены на стабилизацию чеченского общества, пережившего в XX в. трагедии Великой Отечественной войны, депортации 1944 г., вооруженных действий 1994–1996 гг., межвоенного времени, контртеррористической операции (далее – КТО) 1999–2009 гг. Они призваны закрепить гегемонистскую форму памяти и обеспечить единство и сплоченность чеченского социума на основе самоидентичности и мобилизации национальной истории (используемые нарративы «чеченцы как народ», «Чеченская Республика как субъект Российской Федерации» в постсоветский период) и (ре-)трансляции культурной памяти.

В практически мононациональной республике (чеченцы составляют 98 % населения) с абсолютным большинством адептов ислама суннитского толка (шафиитский мазхаб) существуют особенности коммеморативных практик, связанные как с травматическим историческим прошлым, так и с политикой, осуществляемой официальными институтами власти.

Авторы данной статьи исходят из следующего понимания коммеморативных практик – сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого; совокупность публичных актов их «вспоминания» и (пере)осмысления в современном контексте [14: 237].

[1] Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01643).

К отдельному сегменту коммеморативных практик следует отнести действия ритуального характера, связанные с исламом, и особенно поминальные дни. Они предполагают посещение кладбищ в соответствии с мусульманской традицией каждую пятницу, религиозные обряды – мовлид, зикр, раздача садаки (милостыни). Чаще всего эта практика связана с сохранением коллективной памяти на первом уровне – о членах семьи, родственниках. В Чеченской Республике, в соответствии с традициями, на подобные мероприятия собираются близкие и дальние родственники по отцовской и материнской линиям, бракам сыновей и дочерей, чаще всего, заранее оповещаемые. Поминальные дни как коммеморативная практика большей частью приурочены к очередной годовщине смерти близкого человека. Новым элементом, приобретенным в постконфликтный период, является совершение религиозных обрядов по всей республике в память об Ахмат-Хаджи Кадырове – первом президенте Чеченской Республики, погибшем в результате террористического акта 9 мая 2004 г. Эти обряды обладают символизмом на уровне власти, санкционируются официальным Грозным и проводятся каждый год в день рождения А.А. Кадырова (23 августа) и 10 мая – в День памяти и скорби народов Чеченской Республики.

Сама же практика получила свое начало в 1996–1999 гг., когда такие поминальные мероприятия проводились в память о Д. Дудаеве, погибшем в апреле 1995 г. До этого времени ритуальные действия подобного типа на уровне республики (по крайней мере с 1957 г.) не осуществлялись. Эта практика была прервана в связи с началом активной фазы КТО.

Наименование мечетей не только как инструмент изменения городского и сельского ландшафта, но и как способ формирования нового религиозного поля республики получило развитие в последние несколько лет. На территории ЧР к марту 2023 г. действовало 1379 мечетей, из которых 344 соборных (джумуа) и 1035 джамаа (квартальных) мечетей [13]. Наиболее известные из функционирующих – «Сердце Чечни» имени А.А. Кадырова (г. Грозный, 2008 г.), «Сердце матери» имени А.Н. Кадыровой (г. Аргун, 2014 г.), «Гордость мусульман» имени пророка Мухаммеда (г. Шали, 2018 г.). Имя А.А. Кадырова носят в республике 9 мечетей, а его отца – 1.

Значительное количество мечетей названо именами сподвижников пророка Мухаммеда: Абубакара Сиддика – 28, Хамзата – 4, Усмана ибн Аффана – 7, Умара ибн Аль-Хаттаба – 7, Халида ибн Валида – 3, Али ибн Талиба – 7. Именем Кунта-Хаджи Кишиева названы 8 мечетей, его матери Хеды – 1, сестры Хапты – 2 только в одном селе Марзой-Мохк Веденского района, брата Мовсура – 1.

В Шейх-Мансуровском (бывшем Заводском) районе Грозного еще в 1993 г. была построена мечеть имени шейха Мансура – руководителя национально-освободительного движения на Северном Кавказе в конце

XVIII в. В 2019 г. по поручению главы ЧР Р.А. Кадырова началась ее реконструкция, и 23 августа 2021 г., в день рождения А.А. Кадырова, она была вновь торжественно открыта [2]. В этом же районе возведена мечеть имени шейха Дени Арсанова – богослова, шейха накшбандийского тариката, известного религиозного и общественного деятеля, погибшего в Грозном в декабре 1917 г. [7]. В Байсангуровском районе мечети носят имя богословов Изнаура Несерхоева, Сайд-Али Гайсултанова (скончавшегося в феврале 2013 г. кадия с. Зоны Шатойского района) [16], Узун-Хаджи, эмира Северо-Кавказского эмирата, шейха накшбандийского тариката, члена парламента Горской республики вплоть до смерти в 1920 г.

Мечети называются именами не только известных богословов и религиозных деятелей, но и людей из окружения главы республики, политиков, бизнесменов либо их родственников. Так, в с. Серноводском открыта мечеть имени Элим-Солты Байсултанова (дяди матери Р. Кадырова) [5], в пос. Джалка – мечеть имени Султана Делимханова – отца братьев Делимхановых [9]. В Урус-Мартане построена мечеть имени Вахи Джамалханова – отца сыновей, служащих делу «укрепления мира и налаживания стабильности» [10], в с. Гехи – мечеть имени И. Беноевского (прадед Р. Кадырова, сподвижник Кунта-Хаджи Кишиева, умер в ссылке), в других селах района – имени Абу Агаева (отца бизнесмена, депутата Госдумы РФ В. Агаева), Х. Алаудинова (отца генерал-майора А. Алаудинова). В январе 2020 г. в центре Грозного на улице К. Кишиева открыта мечеть имени Шайхи Хазуева [4], а в Шатойском районе – имени Х. Исаева (политика, председателя Госсовета ЧР), в Шаройском – имени имама Шамиля, Шелковском – имени Абдулхамида Кадырова, С.М. Кадырова, Х. Кунташова (дяди Аймани Кадыровой – матери Р. Кадырова). В Ачхой-Мартановском – имени Б.А. Белхароева, в Итум-Калинском, Наурском районах по одной мечети имени А.А. Кадырова. Его же именем названа мечеть, открывшаяся 9 июля 2023 г. на территории отдела Министерства внутренних дел Итум-Калинского района, построенная за счет Регионального общественного фонда имени А.А. Кадырова [12]. В Ножай-Юртовском районе отсутствуют мечети, названные чьим-либо именем.

Также отмечается тенденция к наименованию культовых сооружений в честь простых мусульман. В частности, 10 июня 2023 г. в с. Алхан-Кала открыта мечеть на 150 человек в честь уважаемого жителя этого населенного пункта Башира Темирова, при ней мужское медресе и женское имени Напси, супруги Башира [3], в г. Урус-Мартане – мечеть имени Ш. Гужаева (одного из активных добровольцев благотворительного фонда «Хайра», умер в 2016 г.).

В ходе полевых исследований было выявлено (пояснение дано сотрудником Духовного управления мусульман ЧР), что процесс наименования мечети решается с кадием населенного пункта, а регламентирующие эту процедуру нормативные документы отсутствуют.

Другой особенностью современных коммеморативных практик в Чеченской Республике выступает то, что до недавних пор переименование не затрагивало ойконимы. Впрочем, в конце декабря 2020 г. были переименованы все четыре района Грозного: Ленинский стал Ахматовским, Заводской – Шейх-Мансуровским, Октябрьский – Байсангуровским, Старопромысловский – Висаитовским [17].

В последние годы было положено начало практике переименования сел. В 2019 г. с. Центарой (родное село Р.А. Кадырова) по решению схода жителей было переименовано в с. Ахмат-юрт в честь А.А. Кадырова.

Волна переименований затронула внутригородские поселки Грозного. В конце декабря 2020 г. пос. Гикало был переименован в пос. имени Д. Элиханова (был главой поселения и погиб от рук ваххабитов в 2001 г.), Пригородное – в пос. имени шейха И. Несерхоева, пос. Родина – в пос. имени Х. Исаева (соратник А.А. Кадырова, погибший вместе с ним в 2004 г.), пос. 3-й совхоз получил название в честь Дени-Шейха Арсанова, пос. Мичурина превратился в пос. имени шейха Дауда-Хаджи Хаджимусаева, пос. Солёная Балка – в пос. Дарбан-Хи (чеч. ‘целебная вода’), 30-й участок – в пос. Суьйр-Корт (чеч. ‘гора, где стоит войско, или войсковая вершина’), городок Иванова – в пос. имени Дадин Айбики (дочь основателя аула Дады-юрт, вдохновлявшая его защитников и погибшая при разгроме села в 1819 г.). Помимо этого поселки, носившие ранее неофициальные названия Бароновка и Башировка, объединены в пос. имени Кишиевых имени шейха Кунта-Хаджи Кишиева.

В постконфликтной Чеченской Республике широко распространена практика наименования и переименования улиц в честь героев войн, деятелей науки, культуры и др. Отдельное внимание уделяется участникам Великой Отечественной войны. В частности, в чеченской столице таких улиц около сотни.

К реконструктивной практике коммеморации можно отнести восстановление и строительство на месте разрушенных тайповых боевых и жилых башен. Особенно активно этот процесс идет после отмены режима КТО в 2009 г.: в постконфликтный период активно происходило восстановление населенных пунктов (с. Хой, с. Шарой), строительство этнографических деревень (Шира-котар (чеч. ‘Старый хутор’ на окраине с. Герменчук, 2014 г.).

Республиканские власти используют номинативно-организационную практику коммеморации, присваивая имена людей организациям и учреждениям, а также основывая различные учреждения в честь кого-либо. Наиболее распространено в республике присвоение имени А.А. Кадырова. Его именем названы Чеченский государственный университет, международный аэропорт Грозного, республиканская футбольная команда, десятки других учреждений, скверов, парков. Имя А.А. Кадырова носят центральные улицы практически всех чеченских городов и сел. Парки

и мечети, названные в его честь, есть не только в Чеченской Республике, но и в Турции и Иордании. Еще в 2016 г. в Санкт-Петербурге топонимическая комиссия выступила за присвоение безымянному мосту через Дудергофский канал имени Ахмата Кадырова. Против этого решения выступила часть горожан, но оно не было пересмотрено [8].

Чаще всего имена отдельных людей присваиваются общеобразовательным учреждениям в Чеченской Республике, которых на 1 сентября 2022 г. насчитывалось 511 [21]. Из них 105 школ названы именами государственных и религиозных деятелей, ученых, бывших директоров и т.д. Имя А.А. Кадырова в разных районах республики присвоено 12 школам, его старшего сына Зелимхана Кадырова – 1, и школа в с. Илсхан-юрт названа именем А.Н. Кадыровой – жены А.А. Кадырова, президента Регионального общественного фонда имени А.А. Кадырова.

В муниципальном округе г. Аргун пять школ носят имена известных людей, в том числе участника Великой Отечественной войны, Героя России К. Абдурахманова и А.А. Кадырова. В Веденском районе именем Героя России А.А. Загаева, бывшего учителя, главы администрации района, расстрелянного в 1996 г. боевиками Ш. Басаева, названа школа в с. Дышни-Ведено, еще четыре школы носят имена выходцев из районных сел. В Ачхой-Мартановском районе 11 школ названы именами государственных, общественных деятелей республиканского уровня. В частности, средняя школа № 4 г. Ачхой-Мартана носит имя кавалера ордена Ленина С. Хачукаева, погибшего в Афганистане, а на территории школы установлен бюст в его честь. Школа в с. Шаами-юрт названа именем С. Лорсанова, Героя России, погибшего в 2007 г. при задержании боевика [18]. В Грозненском районе две школы (с. Центора-юрт и с. Садовое) названы именем А.А. Кадырова, имя ученого-филолога Я.У. Эсхаджиева носит школа в с. Толстой-юрт. В чеченской столице девять школ носят имена А.А. Кадырова, ученых Ю.А. Дешериева, А.М. Цебиева, Х.И. Ибрагимова, пожарного Х. Кааева, Героя России М.С. Ташухаджиева, подростка, защищавшего свою семью и погибшего в бою с террористами. Многие школы носят имена своих бывших директоров и учителей (в с. Старые Атаги таких школ две), ученых-уроженцев этих населенных пунктов. Именем бывшего председателя Парламента ЧР Д.А. Абдурахманова названа школа в его родном с. Джалка, а именем нынешнего спикера, Героя России М.Х. Даудова, – в с. Гелдыген. Любопытно, что именем иорданского генерала Ахмада Рамзи, чеченца по происхождению, названа школа в с. Алхан Ножай-Юртовского муниципального района, откуда родом его предки.

Именами ученых и писателей, согласно порайонным спискам, размещенным на сайте Министерства образования и науки ЧР [21], названы 12 школ, Героев России, ветеранов войны, участников КТО – 11 (например, 1 июля 2023 г. в с. Хамби-ирзе открыта школа на 720 мест, названная именем

А. Цацаева – кавалера ордена Мужества, погибшего 7 июля 2009 г.), политических деятелей – 5, врачей, погибших в ходе борьбе с COVID-19, – 1. Только в высокогорном Шаройском районе ни одна из четырех школ пока не названа чьим-либо именем.

Из 66 учреждений республики, подведомственных Министерству здравоохранения ЧР, шесть названы именами врачей. Республиканский центр медицины катастроф носит имя А.А. Кадырова, а Республиканский клинический центр охраны здоровья матери и ребенка – имя А.Н. Кадыровой.

Художественная коммеморативная практика как способ запоминания не менее распространена в Чеченской Республике. Например, в 2005 г. на месте располагавшегося ранее президентского дворца в Грозном был открыт памятник А.А. Кадырову работы Зураба Церетели. Высота бронзового монумента вместе с основанием составила 13,5 м, а сама фигура Ахмада Кадырова была в папахе, в правой руке он держал четки. В сентябре 2009 г. памятник был демонтирован по решению его сына и семьи Кадыровых [1].

Другой разновидностью художественной коммеморативной практики выступают театральные постановки. В частности, спектакли «Время героев», и «Турпалхочун беркат» («Благодать героя») были посвящены 65-летию со Дня Победы и Дню памяти Ахмата-Хаджи Кадырова [6]. В августе 2011 г. состоялась премьера музыкально-драматического спектакля «Серлонан б1аьхо» («Воин света») [15]. Спустя два года был поставлен спектакль «Нийсонан, бакьонан тхьамда» («Воин справедливости и правды»), в августе 2014 г. – «Машаран геланча» («Вестник свободы»). Премьера пьесы «Слово мужчины» состоялась 23 февраля 2015 г. в республиканском драматическом театре имени Х. Нурадилова, в августе того же года состоялась премьера современной драмы «Сан некъ» («Мой путь»). Исходя из названий, в художественной коммеморации закрепляется положительная коннотация постконфликтной повседневности чеченцев.

Художниками Чеченской Республики, регионов РФ пишутся портреты А.А. Кадырова и его сына, нынешнего главы республики Р.А. Кадырова. С 2005 г. стала традиционной августовская выставка, посвященная памяти А.А. Кадырова: в чеченской столице проходят вернисажи чеченских художников. Так, в 2009 г. московская галерея «Триумф» привезла в Грозный выставку А. Беляева-Гинтовта «Хадж Ахмат-хаджи», которая в Москве не проводилась [11].

Образ А.А. Кадырова закрепляется в памяти жителей республики также посредством коммеморативных практик, приуроченных ко дню его рождения. Так, 19 августа 2021 г. в Мемориальном комплексе Славы имени А.А. Кадырова состоялась выставка работ Чеченского регионального отделения Союза художников России, художников ЧР, студентов вузов и учащихся детских художественных школ [20]. Художники из Азербайджана

Асиф Теймурханов и Рашад Алакбаров создали теневую инсталляцию Ахмат-Хаджи Кадырова [19].

Как церемониальную коммеморативную практику можно трактовать акции «Вахта памяти», «Бессмертный полк», «Свеча памяти», «Георгиевская ленточка», акты захоронения останков советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, праздничный салют в День Победы. Помимо церемоний федерального уровня в республике практикуется возложение цветов к барельефу А.А. Кадырова в Мемориальном комплексе Славы имени А.А. Кадырова, которое стало неотъемлемой частью большинства протокольных мероприятий.

Из рассмотрения нескольких видов коммеморативных практик, актуальных сегодня для Чеченской Республики, следует, что наибольшее внимание в регионе уделяется сохранению и трансляции памяти о первом президенте республики в составе РФ А.А. Кадырове; участии жителей республики в Великой Отечественной войне; сотрудниках Министерства внутренних дел и Министерства обороны РФ – участниках КТО; религиозных деятелях, богословах. Перечисленные коммеморативные практики закрепляют статус нынешнего главы региона в социокультурном и мемориальном пространстве Чеченской Республики через систему политически и религиозно значимых маркеров.

Источники и литература

1. В Грозном демонтирован памятник А. Кадырову. URL: https://www.rbc.ru/society/10/09/2009/5703d6389a7947733180af26 (дата обращения: 02.09.2023).

2. В дни празднования дня рождения Ахмата-Хаджи Кадырова откроется мечеть имени Шейха Мансура в поселке Алды. URL: https://zori-islama.com/2021/07/v-dni-prazdnovaniya-dnya-rozhdeniya-ahmata-hadzhi-kadyrova-otkroetsya-mechet-imeni-shejha-mansura-v-poselke-aldy/ (дата обращения: 02.09.2023).

3. В селе Алхан-Кала открыли новую мечеть на 150 человек. URL: https://www.grozny-inform.ru/news/society/151641/ (дата обращения: 02.09.2023).

4. В столице Чеченской Республики открыли мечеть имени Шайхи Хазуева. URL: https://www.grozny-inform.ru/news/society/116012/ (дата обращения: 02.09.2023).

5. В чеченском селении Серноводское открылась мечеть имени Элим-Солты Байсултанова. URL: https://grozny.tv/news/society/9506 (дата обращения: 02.09.2023).

6. «Время героев» на сцене Государственного молодежного театра «Серло». URL: https://www.grozny-inform.ru/news/culture/18573/ (дата обращения: 02.09.2023).

7. *Духаев А.* Шейх Дени Арсанов. URL: https://arhiv-chr.ru/deyatelnost/publikatsii/6-shejkh-deni-arsanov (дата обращения: 07.07.2023).

8. Кремль прокомментировал присвоение мосту в Петербурге имени Кадырова. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/576282089a794725def1c1fe (дата обращения: 02.09.2023).

9. Мечеть имени Султана Делимханова открылась в с. Джалка. URL: https://chechnyatoday.com/content/view/16006 (дата обращения: 07.07.2023).

10. Мечеть Урус-Мартана имени Вахи Джамалханова. URL: https://etowns.ru/urus-martan/about/special/mechet-urus-martana-imeni-vahi-dzhamalhanova (дата обращения: 02.09.2023).

11. *Мурадов М.* Кадыров-старший рукой художника. Проект Алексея Беляева-Гинтовта показан в Грозном. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1200174 (дата обращения: 02.09.2023).

12. На территории итум-калинского ОМВД открыли мечеть имени А.А. Кадырова. URL: https://grozny-inform.ru/news/society/152425/ (дата обращения: 02.09.2023).

13. *Нунаева А.* В Чеченской Республике функционируют 1379 мечетей. URL: https://vesti095.ru/2023/03/v-chechenskoj-respublike-funktsioniruyut-1-379 mechetej/ (дата обращения: 02.09.2023).

14. *Огоновская И.С.* Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28–29 мая 2021 г.: сборник статей. Оренбург, 2021. С. 237–241.

15. «Пока есть чеченский народ, Ахмат-Хаджи Кадыров живет в наших сердцах, он навсегда останется в памяти народной». URL: https://www.chechnyatoday.com/news/293989 (дата обращения: 02.09.2023).

16. Рамзан Кадыров принял участие в открытии мечети на 12-м участке Грозного. URL: https://vesti095.ru/2013/04/570956056767/ (дата обращения: 02.09.2023).

17. Решение Грозненской городской думы от 29 декабря 2020 года № 71 «О переименовании районов и внутригородских посёлков города Грозного». URL: https://docs.cntd.ru/document/574604007 (дата обращения: 02.09.2023).

18. Сайпуддин Лорсанов – Герой России (посмертно). URL: https://www.grozny-inform.ru/news/society/134101/ (дата обращения: 02.09.2023).

19. Художники из Азербайджана создали теневую инсталляцию Ахмат-Хаджи Кадырова. URL: https://rutube.ru/video/4a5950828ea1c27f3ea2522623f51f26/ (дата обращения: 02.09.2023).

20. *Чабаева К.* В Грозном состоялась выставка работ чеченских художников к 70-летию Ахмата-Хаджи Кадырова. URL: https://vesti095.ru/2021/08/

v-groznom-sostoyalas-vystavka-rabot-chechenskih-hudozhnikov-k-70-letiyu-ahmata-hadzhi-kadyrova/ (дата обращения: 02.09.2023).

21. Школы. URL: https://mon95.ru/shkoly (дата обращения: 02.09.2023).

М.М. Шульга

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАВМЫ И КОНСОЛИДИРУЮЩИЕ ТРЕНДЫ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНА[1]

Одним из актуальных направлений в современном социогуманитарном знании является историческая память (memory studies) – изучение того, как общество помнит свою историю. В рамках данной проблематики память определяется как «способ конструирования людьми своего прошлого», который может изучаться как «память-свидетельство людей, переживших некий опыт» и, напротив, как «репрезентации прошлого и его конструирования через медиа памяти – книги, фильмы, монументы, церемонии и т.д.» [9: 27]. Современные исследования памяти уходят корнями в социологию, в частности в работы М. Хальбвакса, который выделял два вида памяти – автобиографическую и историческую. Историческая (коллективная, социальная) память способна сохранять только те представления о прошлом, которые для чего-то нужны группе, она не выходит за пределы этой группы [12]. Следовательно, историческая память относится к способам, с помощью которых группы, коллективы и нации конструируют и отождествляют себя с конкретными повествованиями об исторических периодах или событиях. Благодаря тому, что историческая память помогает запечатлеть и упорядочить прошлое, она выполняет, прежде всего, функцию консолидации социума, особенно в условиях стремительных изменений в обществе, политике, экономике и культуре.

Историческая память не обязательно отражает исторические реалии, но, напротив, включает в себя определенную степень субъективности, поскольку выбор способа воспоминания о прошлом неизбежно связан с ценностными суждениями. Соответственно, историческая память потенциально может играть функциональную роль, что подвергает ее воздействию не только политики памяти, но и опасности превращения в инструмент преднамеренного искажения или фальсификации. Сама по себе коллективная память не является ни хорошей, ни плохой, это неотъемлемая часть жизни общества. Проблема возникает, когда коллективной памятью манипулируют или иным

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № госрегистрации проекта 122020100306-9.

образом используют для осуждения или контроля действия определенных групп людей. Данный феномен получил название мнемоистории – области исследований, которая занимается не прошлым как таковым, а только тем, что о нем помнят. Она исследует сюжетные линии традиции, сети интертекстуальности, диахронические непрерывности и прерывистости прочтения прошлого. Мнемоисторию интересует не столько фактичность, сколько актуальность прошлого – не само по себе прошлое, а его последующее воздействие и восприятие. Мнемоистория – это теория рецепции в применении к истории. Прошлое не просто «принимается» настоящим. Настоящее «преследуется» прошлым, а прошлое моделируется, изобретается, переосмысливается и реконструируется настоящим [13].

Традиционно историческая память развивается в связи с процессами государственного или национального строительства. Соответственно:

1) существует в основном положительная корреляция между исторической памятью и государственным строительством, когда определенные моменты прошлого нации воспринимаются как позитивные или, реже, когда негативный или даже травматический опыт прошлого служит контрастом или оправданием настоящего;

2) историческая память ориентирована на конкретные события прошлого, а не на историю как таковую, что позволяет сделать исторические события более доступными для широкой публики, но при этом упрощает сложную национальную историю;

3) историческая память имеет тенденцию к возвышению национальной истории и созданию мифов о ней, превращая тем самым прошлое нации в сакральный объект.

Однако даже на государственном уровне формирование исторической памяти не является простой задачей, учитывая сохраняющееся многообразие культурных, социальных и образовательных различий в рамках одного социума. В наднациональном контексте восприятие прошлого оказывается еще более неоднородным, а проблемы с коллективной памятью или даже с определением общих исторических ориентиров многократно возрастают.

Конструирование наций, образ чужого, воображаемое прошлое – являются понятиями, широко используемыми в memory studies. В их основе – идея о том, что представления о прошлом, национальной истории, окружающем мире созданы в тех или иных целях, зависят от ментальности конкретной социальной группы, идеалов будущего, исходя из которых конструируется прошлое. Таким образом, для memory studies центральные проблемы – проблемы региональной и национальной идентичности, формирования мифов национальной памяти.

В этой связи важным является понятие объекта исторической памяти, которое позволяет рассмотреть представления о прошлом через призму

конкретных источников формирования исторической памяти. Объект исторической памяти – любой исторический феномен (событие, герой, явление), оценочная/смысловая характеристика которого содержится в источнике формирования исторической памяти (устная традиция, письменные источники, коммеморации, медиаконтент, аудиовизуальные источники и т.п.).

В 2021–2022 гг. в рамках государственного задания ЮНЦ РАН был осуществлен исследовательский проект «Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе». Одним из видов работ в рамках проекта стал дискурс-анализ научных публикаций представителей субъектов РФ на территории Северного Кавказа соответствующей тематики с целью определения специфики исторической памяти на Северном Кавказе и ее потенциала для формирования общероссийского исторического дискурса и общероссийской идентичности.

Для проведения дискурс-анализа исторических травм и консолидирующих трендов субъектов РФ на территории Северного Кавказа были выбраны публикации соответствующей тематики во всех субъектах РФ, расположенных в Северо-Кавказском федеральном округе, находящиеся в свободном доступе в национальной библиографической базе данных научного цитирования (РИНЦ) и изданные с 2015 по 2022 г. Общая база отобранных научных публикаций составила 262 статьи. Они анализировались с точки зрения наличия в них сюжетов, связанных с историческими травмами либо экспликацией консолидирующих трендов.

В данной работе представлены результаты дискурс-анализа научных публикаций представителей Республики Дагестан. Всего было проанализировано 48 статей. В соответствии с результатами, представленными в таблице 1, в контексте исторической памяти республиканских авторов больше всего интересуют проблемы политической истории Северного Кавказа (28 статей) и Кавказской войны (15 статей).

Таблица 1. Распределение статей ученых Республики Дагестан по рубрикам исторической памяти

Рубрика	**Количество статей**			
	Исторические травмы	**Консолидирующие тренды**	**Статьи смешанного содержания**	**Всего**
Политическая история	9	16	3	28
Кавказская война	11	4	–	15
Культурная революция	–	1	–	1
Политика советской власти на Северном Кавказе	–	3	–	3
Великая Отечественная война	–	–	1	1
Всего	20	24	4	48

Из всех проанализированных документов к категории публикаций, в которых манифестируются исторические травмы, отнесены 20 статей; к категории публикаций, в которых репрезентируются консолидационные тренды, способствующие формированию общероссийской идентичности, – 24 статьи; 4 статьи отнесены к категории публикаций, в которых одни и те же события оцениваются и как «исторические травмы», и как «консолидирующие тренды» или содержание которых по данному критерию оценить не представляется возможным. Например, по проблеме Великой Отечественной войны в выборку попала только одна публикация, в которой позитивно оценивается то, что «существенное изменение правового положения религиозных объединений нашей страны в годы Великой Отечественной войны не только повлекло за собой возможность расширить культовую деятельность, но и создавало благоприятные условия для реализации права на свободу совести для верующих» [11: 61]. Вызывает сомнения, что такой аспект представления истории Великой Отечественной войны способствует формированию общероссийской идентичности.

Дискурс-анализ исторических травм и консолидирующих трендов в научных публикациях представителей Дагестана позволяет сделать вывод о незначительном, но преобладании исследований, направленных на артикуляцию и описание консолидирующих трендов в политических отношениях России и Северного Кавказа в разные периоды истории. Консолидирующие тренды представлены в оценках Кавказской войны как совместной борьбы русских и горцев против Османской империи и Ирана, в позитивных оценках взаимодействия и взаимовлияния русской и кавказской культур, результатов культурного развития, обусловленных приобщением северокавказских народов к русской культуре.

Отступая от непосредственной проблемы нашего исследования, хотелось бы отметить, что описание особенностей внешнеполитической ситуации периода Кавказской войны является крайне интересным в контексте современной ситуации Россия – Украина: «Западные государства, наряду с проведением политики “восточного барьера” в Европе, разжигали противоборство Ирана и Турции с Российской империей на Кавказе, чтобы помешать продвижению Петербурга к Каспийскому и Черному морям, выходу России на Ближний и Средний Восток. С этой целью европейские державы стремились использовать опорные базы османского султана и крымского хана, созданные на подступах к Северному Кавказу еще в XVI–XVII вв. Противоречия между Британией и Францией по европейским делам, с одной стороны, и между Ираном и Турцией – с другой, не исключали возможности временных компромиссов между соперничавшими государствами, чему также способствовала и явная антироссийская направленность их политики на Кавказе» [6: 53].

Консолидирующие тренды представлены в позитивных оценках результатов присоединения Кавказа к России (развитие торговли, образования, культуры), роли казачества на Кавказе, экономических и культурных преобразований в период Кавказской войны и после ее завершения. К этой же категории отнесены публикации теоретического содержания, в которых предлагаются новые подходы к оценке Кавказской войны (концепция фронтира, российскости, символизма Кавказской войны). Весьма интересной в аспекте потенциала консолидирующих трендов является публикация о показательных судебных процессах 1937 г. над «вредителями» сельского хозяйства в регионах Северного Кавказа [5]. Описывая жесткую и не всегда справедливую политику борьбы с «вредителями» сельского хозяйства, автор подчеркивает, что «кулацкая операция» в Дагестане была проявлением общероссийских процессов – аналогичные показательные процессы проходили по всей стране: «В числе 26 регионов СССР, по которым велось расследование 170 уголовных дел, рассматриваемых судами о деятельности пунктов “Заготзерно”, в которых было обнаружено зерно, зараженное клещом, находились 3 уголовных дела по Дагестанской АССР» [5: 96]. Такая репрезентация исторических событий способствует формированию общего пространства исторической памяти, где, безусловно, есть общие «исторические травмы» и «консолидирующие тренды».

Большая часть работ, которые манифестируют «исторические травмы», посвящена различным аспектам Кавказской войны, в ходе которой представители официальной власти России «считали необходимым порабощение горцев силой оружия» [3: 7]. Описание ситуации ведется преимущественно в риторике советской историографии: «национально-освободительная борьба горцев», «имперская политика России», «антифеодальная и антиколониальная борьба горцев», «порабощение горцев», «агрессивная и жестокая политика России на Кавказе», «экспансионистская политика царской России, проводимая на Кавказе» и т.п. Само по себе преобладание такой риторики, создание пантеона национальных героев периода Кавказской войны является закономерным и с точки зрения сложившихся историографических подходов, и с точки зрения подъема национального самосознания. Однако потенциально рискогенными в контексте формирования общероссийского исторического дискурса и общероссийской идентичности представляются:

1) категорическое неприятие каких-либо инноваций в оценке событий Кавказской войны (концепций фронтира, российскости, символизма Кавказской войны), которые подвергаются в публикациях жесткой критике;

2) недобросовестное воспроизводство существующих оценок (большинство даже исторических публикаций построено не на архивных материалах или другом фактическом материале, а на ссылках на ранее опубликованные работы); несоответствие оценок приводимым фактам;

3) ссылка на мнение зарубежных ученых для подтверждения своей негативной оценки событий.

В одной из публикаций преобладание негативных оценок места и роли России в Кавказской войне объясняется тем, что «при исследовании данной проблемы довлели и довлеют зачастую не научные мотивы, а политические и идеологические интересы, а отчасти и национальные моменты» [4: 51].

В публикациях на тему политической истории как исторические травмы рассматриваются многочисленные события, связанные с присоединением Кавказа к России: административная реформа после Кавказской войны, судебная реформа, реформа делопроизводства, поддержка Россией политики феодальных владетелей на Северном Кавказе, отходничество, мухаджирство, переселенческая политика, столыпинская реформа на Кавказе, отмена крепостного права, отношение к джадидизму и панисламизму и др. Эти реформы способствовали созданию единого управления, которое «полностью обеспечивало колониальные интересы царизма. Ничего народного в управлении Дагестаном не было. Главным плюсом реформ считалась возможность подавления любого народного недовольства» [8]. К категории публикаций, в которых манифестируются исторические травмы, отнесена статья, посвященная попыткам царской администрации подчинить себе духовенство, повлиять на религиозное образование на Северном Кавказе после его вхождения в состав России: «Российская администрация рассматривала идеи модернизации ислама (панисламизм), все более распространявшиеся на мусульманских окраинах империи, как попытку государственного переворота. Подъем мусульманского движения начала XX в. был воспринят главой российского правительства и министром внутренних дел П.А. Столыпиным как серьезная угроза “историческим задачам русской государственности”» [10: 86].

Как исторические травмы манифестируются события истории советского периода, связанные с неудачными проектами создания самостоятельных государств на Кавказе (Горской республики, федерации горских народов). С территориальными реформами советского периода связывают историческую травму «разделенных народов» (ногайцев). Как, на наш взгляд, справедливо отмечается в одной из публикаций, подобная «интерпретация исторических событий может привести к конфликтам на почве этнической, конфессиональной и культурной нетерпимости» [2: 102].

К категории публикаций со смешанным содержанием по данной тематике отнесена статья о взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце первой трети XVIII в., когда «территория Дагестана превратилась в арену острой борьбы между Россией и Османской империей, с одной стороной, переросшей в российско-османскую войну 1735–1739 гг., и между шахским Ираном и султанской Турцией – с другой» [7: 52]. В данной статье представлено хронологическое описание событий этого периода, которое невозможно

маркировать ни как публикацию, манифестирующую исторические травмы, ни как публикацию, репрезентирующую консолидирующие тренды взаимоотношений Россия – Северный Кавказ. К этой же категории отнесена статья о социально-экономическом развитии и типах политических организаций Дагестана к моменту окончания Кавказской войны [1], в которой, с одной стороны, артикулирован консолидирующий тренд, заключающийся в том, что присоединение Кавказа к Российской империи «имело в целом объективно прогрессивное значение: избавило его народы от порабощения отсталыми восточными деспотиями (Османской империи и Ирана), способствовало их социально-экономическому, политическому и культурному развитию». С другой стороны, реформы этого периода на Кавказе рассматриваются в ракурсе «целенаправленной политики утверждения своей власти», создания «своей колониальной системы на Кавказе», «колониального гнета» [1: 31, 34].

Таким образом, в научном пространстве Республики Дагестан историческая память остается противоречивым направлением исследований, в котором в равной мере актуализированы как «исторические травмы», так и «консолидирующие тренды» многовековой истории взаимодействия России и Кавказа.

Источники и литература

1. *Гасанов М.М.* Социально-экономическое развитие и типы политических организаций Дагестана к моменту окончания Кавказской войны // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 3 (32). С. 29–37.

2. *Гасанов М.М.*, *Газиева А.А.* Место Кизляра в развитии светского образования на Северном Кавказе в контексте культурно-просветительской политики России в городах региона в XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. 2016. Т. 21. Вып. 3-4. С. 101–109.

3. *Гасанов М.Р.*, *Магомедова Э.М.* Антиколониальная борьба народов Северного Кавказа в 20–50-е годы XIX в. и русское общество // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (32). С. 6–9.

4. *Гашимов Р.Р.*, *Гашимов Р.Р.* Научные дискуссии в современном отечественном кавказоведении о причинах Кавказской войны и проблема преподавания истории России XIX века // Вестник социально-педагогического института. 2015. №4 (16). С. 50–57.

5. *Какагасанов Г.И.* Показательные судебные процессы 1937 года над «вредителями» сельского хозяйства в регионах Северного Кавказа // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 1. С. 94–101.

6. *Кидирниязов Д.С.* Народы Северного Кавказа во внешней политике России в 40–50-е гг. XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1 (66). С. 50–59.

7. *Кидирниязов Д.С.* Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце первой трети XVIII в. // Вестник Дагестанского научного центра. 2017. № 64. С. 45–53.

8. *Мусаева А.Г.* Особенности общественного развития Дагестана в XIX – начале XX веков // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (ч. 1). С. 1637.

9. *Сафронова Ю.А.* Историческая память. СПб., 2020.

10. *Халидова О.Б.* Мусульманское население Кавказа в имперскую эпоху: к вопросу о религиозной политике России в крае // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 84–87.

11. *Халидова О.Б.* Религия, духовенство и государство в годы Великой Отечественной войны в Северо-кавказском регионе // Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 3. С. 58–65.

12. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.

13. *Assmann J.* Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism. Cambridge, London, 1997.

С.М. Воробьев, Е.А. Авдеев

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ[1]

Северный Кавказ отличается высоким уровнем значимости для полиэтничного населения региона конфессиональных, этнических и групповых идентичностей, что создает риски конфликтности межэтнических отношений. В целом после конфликтов 1990-х гг., сопровождавшихся вооруженными столкновениями, всплеском насилия и террористическими актами, межэтнические отношения стабилизировались. При этом негативные изменения в социально-экономических и политических процессах могут привести к очаговым всплескам конфликтности, триггером которой могут выступить этнические и конфессиональные различия. Прежние обиды, этноисторические травмы живут в социальной памяти народов Северного Кавказа. Молодежь может быть одним из активных акторов негативных социально-политических процессов, несмотря на то что социализация молодых людей происходила в период затухания насилия и дерадикализации

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

национального самосознания. Социальная энергия, недостаток знаний и опыта превращает их в объект деструктивных манипуляций и облегчает конфликтную мобилизацию.

Наряду с сохранением у молодых людей этнического и конфессионального самосознания, возрастает роль индивидуалистических ценностей и ориентиров. Молодежь, в отличие от предыдущих поколений, ищет основы своего мировоззрения не только в рамках традиционной культуры и религии, но и в глобальных информационных потоках, где можно найти ценности как современного западного общества, так и крайние формы национального радикализма и религиозного фундаментализма. Приобретают важное значение вопросы совместимости различных ценностных и социокультурных основ мировоззрения молодежи, значимости объединяющих народы региона традиционных российских духовно-нравственных ценностей и общероссийской гражданской идентичности, формирующих многонациональный российский народ. Целью настоящей статьи является определение конфликтогенного потенциала межэтнических отношений на Северном Кавказе путем замера оценок и представлений полиэтничной молодежи, определения этнических и конфессиональных различий, степени значимости основных макрогрупповых идентичностей.

Соотнесение себя с этнической общностью в российском социуме постепенно теряет свое значение, но по-прежнему важно для таких регионов, как Северный Кавказ, характеризующихся значимой ролью этничности в социальных взаимодействиях, а также высокой степенью ее политизации, которая во многом стала результатом советской национальной политики [3: 5]. Для определения рисков конфликтности межэтнических отношений большое значение имеют дискурсивные самоописательные характеристики: «Важно выявить, как сами участники определяют себя в конфликтном взаимодействии. В случае если они определяют себя и / или противоположную сторону в этнических категориях, этот конфликт можно считать этническим» [2: 103].

Возможным источником конфликтности межэтнических отношений является дальнейшая модернизация Северного Кавказа, в которую включается молодежь, являющаяся наиболее активной частью трудоспособного населения. Стремление включиться в конкуренцию за социальные статусы и экономические ресурсы может привести к межэтнической напряженности, так как зачастую молодые люди не имеют твердых морально-этических норм и способны к конфликтной мобилизации, апеллирующей к этничности [8: 100]. Значительное социально-экономическое неравенство также может быть источником конфликтности в связи с тем, что оно воспринимается молодежью как несправедливое, а молодые люди в силу возраста обладают обостренным чувством справедливости и максимализмом [7: 94]. Конфликтность может усиливать имеющееся неравенство, носящее в том

числе и этнический характер. Этнизация социально-экономических процессов может привести к межэтническому противостоянию, особенно в регионах Северного Кавказа, имеющих низкие темпы социально-экономического развития и характеризующиеся этноклановостью и непотизмом.

Этнические антрепренеры в качестве инструмента раздувания конфликтности и перевода социально-экономических проблем в этнокультурные конфликты апеллируют к необходимости защиты этнокультурных ценностей и идентичностей [10]. Такие конфликты характеризуются иррациональностью и повышенной эмоциональной мотивацией участвующих сторон. Их разрешение крайне затруднительно. В современной этнополитологии существует мнение, что «этнополитические конфликты являются не только и не столько конфликтами интересов, сколько конфликтами идентичностей» [4: 50]. По мнению ряда ученых, «истинным источником конфликта являются не некие материальные ресурсы, а идентификационные ценности» [5: 14]. В.В. Лапкин и В.И. Пантин отмечают, что современные этнополитические конфликты являются в большей степени конфликтами противоположных по содержанию и смыслам ценностей, чем экономических и политических интересов сторон [6: 92]. По словам Д. Горовица, «этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряженности… что приводит к интенсификации этнической нетерпимости, конкуренции и, в конечном счете, к насильственному этническому конфликту» [9: 127].

Важную роль в эмоциональной сфере, сопровождающей конфликты, играют сформированные и укрепившиеся социокультурные стереотипы, историческая память, хранящая образ исторических травм, а также мифологизированность представлений о других народах. В данном исследовании рассмотрены риски конфликтности, носящие этнополитический, социально-экономический, ценностно-мировоззренческий и эмоционально-психологический характер. Задачами работы были: определение конфликтогенного потенциала межэтнических отношений на Северном Кавказе в представлениях молодежи и причин межнациональной напряженности, выявление сформированности основных макрогрупповых идентичностей, анализ этнических и конфессиональных различий. Был проведен замер представлений о наличии проблемы в общении, взаимодействии представителей разных этносов. Риски конфликтности межнациональных отношений в молодежной среде определялись на основе того, сталкивались ли опрошенные с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями по национальному признаку. Значимым индикатором конфликтогенности стал замер готовности респондентов принять личное участие в конфликте в интересах людей своей этнической и конфессиональной общности. В связи с тем, что социокультурные причины межэтнической конфликтности все больше уходят своими корнями в конфликт идентичностей, была определена значимость

основных референтных макрогруппп, с которыми респонденты себя идентифицируют. Эмпирические данные, ставшие основой исследования, были получены методом опроса-анкетирования, проводившегося в феврале – марте 2023 г. Анкетирование проходили молодые люди, обучающиеся в ведущих вузах Северного Кавказа. Выборочную совокупность составили 1400 респондентов, из них: 45 % русских, 45 % – относящих себя к народам Северного Кавказа, 10 % составили респонденты, которые определили свою принадлежность к другим народам; 43 % – православные, 33 % – мусульмане и 20 % – не относящие себя ни к какому вероисповеданию.

Важным фактором при оценке состояния межэтнических отношений в регионе является представление респондентов о степени значимости проблемы в общении и взаимодействии людей разных национальностей в их регионе (республике). Абсолютное большинство (77,3 %) не считают, что эта проблема является существенной (ответы: «этой проблемы не существует» – 30,8 % и «это незначительная проблема» – 46,5 %). Лишь 11,9 % указали, что это серьезная проблема. Нет значительных различий в ответах по этнической и конфессиональной принадлежности респондентов (рис. 1).

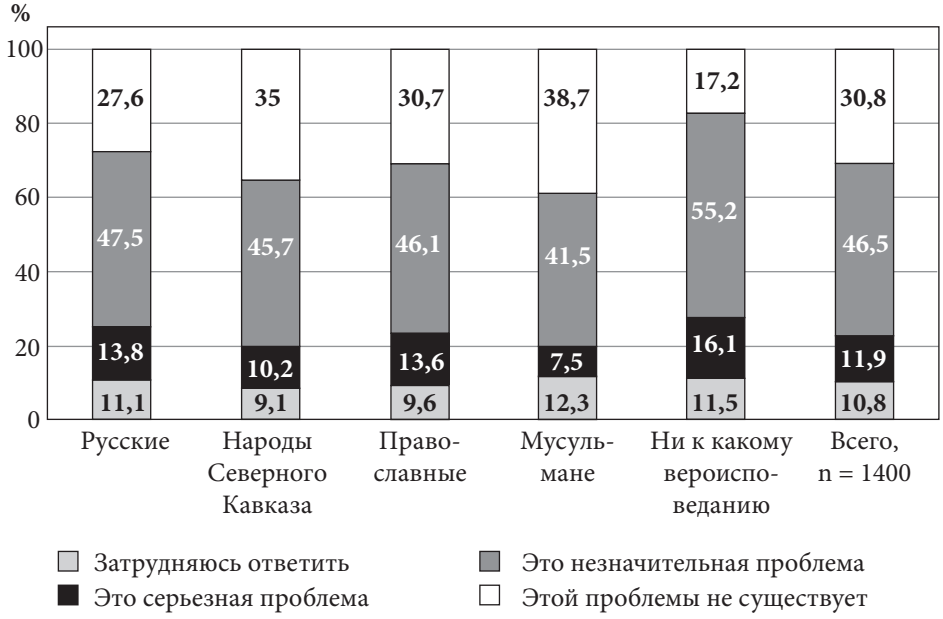


Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, существует ли в Вашем регионе (республике) проблема в общении, взаимодействии людей разных национальностей?»

Для более детальной оценки конфликтогенности межэтнических отношений на Северном Кавказе респондентам было предложено оценить

состояние межнациональной напряженности: 1 балл – напряженность практически отсутствует, 2 балла – низкий уровень напряженности, 3 балла – средний, 4 балла – высокий, 5 баллов – очень высокий уровень напряженности. Оценка 2,16 балла свидетельствует о низком уровне межнациональной напряженности в регионе. Различия в оценках между русскими и народами Северного Кавказа, православными и мусульманами незначительны. Нерелигиозные молодые люди считают, что межнациональная напряженность выше (2,38 балла) (см. рис. 2).

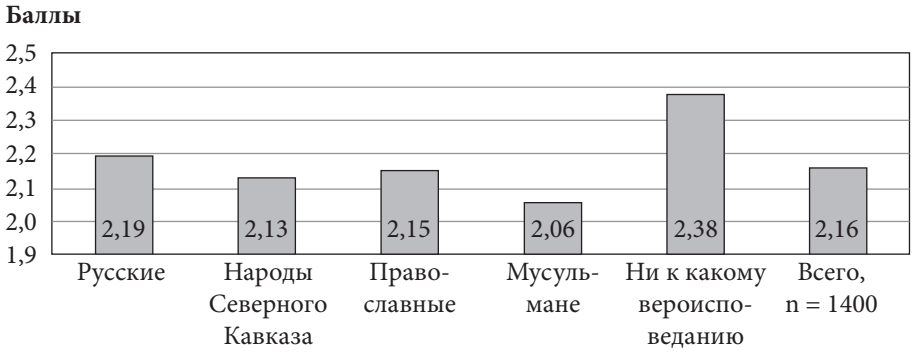


Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оцените состояние межнациональной напряженности на Северном Кавказе»

Особое внимание уделялось определению причин межнациональной напряженности в регионе. Респондентам было предложено ответить на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, являются основными причинами межнациональной напряженности на Северном Кавказе?» – и выбрать не более трех причин из предложенных. Большинство опрошенных выделяли социокультурные причины: неприятие культуры и ценностей других народов (51,2 %) и враждебность и предубеждение к другим народам (50,3 %). Меньшее значение было уделено этнополитическим причинам: радикальный национализм (29 %), территориальные конфликты и земельные споры (26,8 %), социальное и экономическое неравенство, носящее этнический характер (21,6 %), последствия нестабильности и вооруженных конфликтов постсоветского периода (18,6 %) и советской национальной политики на Северном Кавказе (17,3 %). Большее значение социокультурных причин (неприятие культуры и ценностей других народов, враждебность и предубеждение к другим народам) было отмечено нерелигиозными молодыми людьми, русскими и православными. Территориальные конфликты и земельные споры в качестве причины напряженности выделяют респонденты из числа народов Северного Кавказа (32,7 %). Для русских это менее значимая причина (21,9 %). Это косвенно свидетельствует о важности

для северокавказских народов «родной земли». На сегодняшний день территориальные претензии, несмотря на внешнюю стабилизацию, сохраняют конфликтогенный потенциал. Нет больших различий между группами респондентов в оценках значимости таких причин, как социальное и экономическое неравенство, носящее этнический характер, последствия нестабильности и вооруженных конфликтов постсоветского периода и советской национальной политики на Северном Кавказе (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, являются основными причинами межнациональной напряженности на Северном Кавказе?»

Что, на Ваш взгляд, является основными причинами межнациональной напряженности на Северном Кавказе?	**Национальность**		**Вероисповедание**			**Всего, n = 1400**
	Русские	**Народы Северного Кавказа**	**Православие**	**Ислам**	**Ни к какому вероисповеданию**	
Неприятие культуры и ценностей других народов	54,1	49,8	52,2	46,9	58,4	51,2
Враждебность и предубеждение к другим народам	54,8	46,2	52,6	43,2	56,6	50,3
Радикальный национализм	30,2	27,6	29	24,7	34,3	29
Территориальные конфликты и земельные споры	21,9	32,7	25,5	30,5	23,1	26,8
Социальное и экономическое неравенство, носящее этнический характер	22,1	21,3	25,5	16,1	21,3	21,6
Последствия нестабильности и вооруженных конфликтов постсоветского периода	19,8	16	19,1	16,1	18,9	18,4
Последствия советской национальной политики на Северном Кавказе	15,7	18,4	15,9	18,3	17,5	17,3

Можно утверждать, если в 1990-е – начале 2000-х гг. основными причинами межнациональной напряженности были социально-политические и этнополитические, то на сегодняшний день формируется тенденция к движению поля конфликтности из этнополитической в социокультурную сферу. Эмоционально-психологические и ценностно-культурные причины для молодежи имеют большую значимость, чем социально-экономические и этнополитические. Это подтверждается и результатами предыдущих исследований авторов [1: 19].

Значимым для определения состояния межэтнических отношений является и личный опыт участия респондентов в конфликтах. Для этого молодым людям было предложено ответить на вопрос: «Сталкивались ли Вы с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была Ваша национальность?» На него 65 % респондентов ответили «нет» и лишь 21,9 % – «да». С подобными конфликтными ситуациями больше сталкивались молодые люди, относящие себя к северокавказским народам (25,7 %), чем русские (17,3 %) (см. рис. 3). Можно предположить, это связано с тем, что опрос проводился в Ставропольском крае, где большинство населения этнические русские. В целом отсутствие опыта участия абсолютного большинства респондентов, независимо от национальности, в таких конфликтах говорит о стабилизации межэтнических отношений и низком уровне конфликтности в полиэтничной молодежной среде.

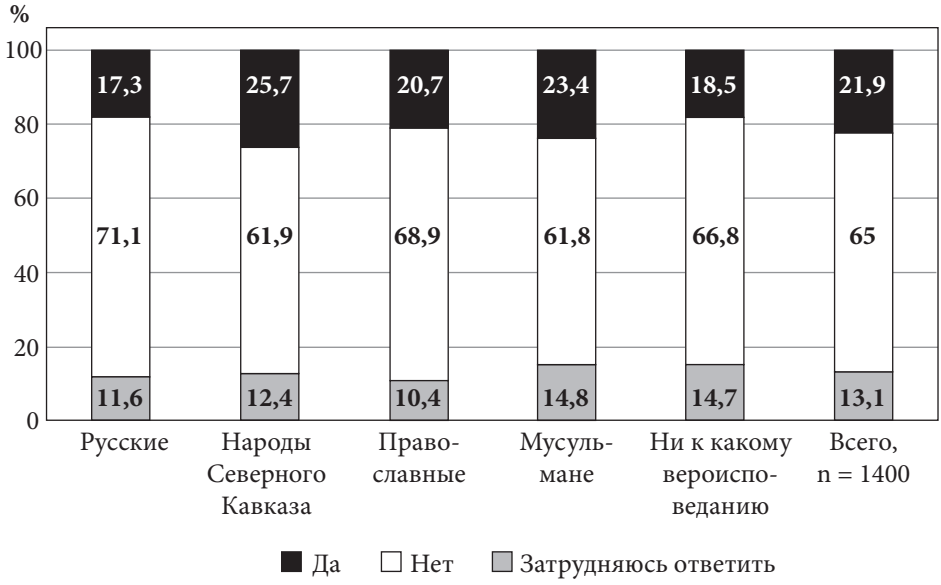


Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Сталкивались ли Вы с конфликтной ситуацией, оскорблениями и унижениями, причиной которых была Ваша национальность?»

Для уточнения потенциальной конфликтности межэтнических отношений среди молодежи и мобилизационного потенциала этничности респондентам был задан вопрос: «Считаете ли Вы возможным для себя принять личное участие в конфликте в интересах людей своей национальности?» При ответах две трети опрошенных указали, что не готовы принять личное участие – 64,9 % (ответы «нет», «скорее нет» и «затрудняюсь ответить»), треть опрошенных (35,1 %) считает возможным принять личное участие

в таких конфликтах. Более готовы принять участие в конфликтах респонденты из числа народов Северного Кавказа (45,2 %) и мусульмане (44,5 %), чем русские (24,9 %) и православные (31,8 %) (см. рис. 4). Потенциальная конфликтность и мобилизационный потенциал этничности значительны, сохраняется их зависимость от национальной принадлежности молодых людей. Это говорит о существовании рисков конфликтности межэтнических отношений в полиэтничной молодежной среде.

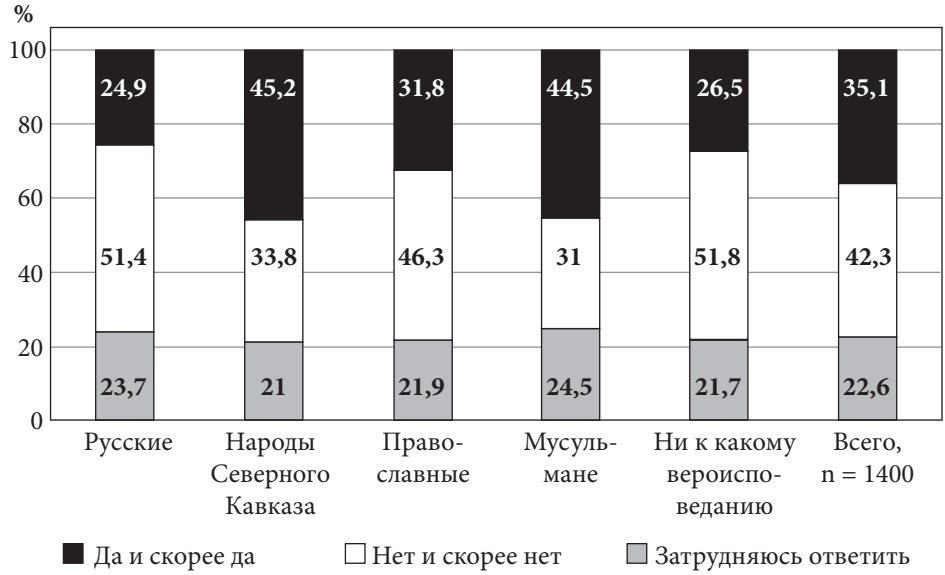


Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы возможным для себя принять личное участие в конфликте в интересах людей своей национальности?»

Результаты исследования показали, что уровень межнациональной напряженности на Северном Кавказе в представлениях респондентов оценивается как низкий. При этом потенциальная конфликтность существует, сохраняется ее зависимость от национальной принадлежности молодых людей. Это говорит о наличии рисков конфликтности межэтнических отношений в полиэтничной молодежной среде. Так, треть опрошенных считает возможным принять личное участие в конфликтах в интересах своей национальной общности. Большую готовность принять участие в таких конфликтах отмечают респонденты из числа народов Северного Кавказа и мусульман. Можно говорить, что в настоящее время формируется тенденция перехода «поля конфликтности» из этнополитической в социокультурную сферу. В представлениях респондентов преобладают эмоционально-психологические и ценностно-культурные причины конфликтности.

Источники и литература

1. *Авдеев Е.А.*, *Воробьев С.М.* Социокультурные основания идентичности студенческой молодежи Северного Кавказа: риски конфликтности межэтнических отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 1. С. 4–21.

2. *Авксентьев В.А.* Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы // Вестник Российской нации. 2013. № 5. С. 88–103.

3. *Авксентьев В.А.* Политизация / деполитизация этничности на Северном Кавказе: тенденции начала третьего десятилетия XXI века // Политическое пространство и социальное время: Власть символов и память поколений: Сборник научных трудов XXXVIII международного харарского форума. Симферополь, 2022. С. 3–8.

4. *Ачкасов В.А.* Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 2. С. 41–61.

5. *Калинина Е.Ю.*, *Мухудадаев М.О.*, *Сморгунова В.Ю.* Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей: кризис современного правосознания // Правозащитник. 2017. № 4. С. 14.

6. *Лапкин В.В.*, *Пантин В.И.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 12. С. 92–103.

7. Социальные факторы межэтнической напряженности в России / М.Ф. Черныш и др.; отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М., 2017.

8. *Стародубровская И.В.*, *Казенин К.И.*, *Ситкевич Д.А.* Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 3. С. 112–137.

9. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985.

10. *Maksić A.* Ethnic mobilization, violence, and the politics of affect. Palgrave Macmillan, 2017.

З.Х. Гучетль, О.И. Кускарова

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕИ СОСТОЯНИЯ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ (на материале социологического исследования)

Борьба с терроризмом и экстремизмом, защита населения от террористических угроз в настоящее время входят в список приоритетных задач

в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Для современного общества эта проблема чрезвычайно актуальна. Не менее важной задачей является профилактика терроризма и экстремизма.

В октябре 2022 г. было выполнено социологическое исследование по выявлению оценки населением Республики Адыгеи состояния защищенности от террористических угроз. Исследование провели сотрудники отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. Основным методом реализации проекта стало анкетирование. Выборка исследования включала в себя респондентов в возрасте от 18 лет и старше. Всего было опрошено 300 жителей Республики Адыгеи, постоянно проживающих на территории региона. При опросе фиксировались пол, возраст, национальность, сфера занятости и образование респондентов.

Предметом исследования являлось мнение жителей о степени защищенности населения от террористических угроз в Республике Адыгее, а также об основных направлениях политики противодействия террористической деятельности в регионе. Цель работы заключалась в выявлении массового субъективного мнения жителей региона об уровне напряженности в сфере общественно-политической безопасности в случае возникновения угрозы террористического акта в регионе.

Исследование началось с вопросов, призванных дать общую картину происходящего. Абсолютное большинство жителей республики (78 %) слышали или хорошо знают о терроризме. Еще четверть респондентов (20 %) слышали о существовании такого явления, но считают свои знания недостаточными и нуждаются в получении дополнительной информации. Причем более высокий уровень информированности о терроризме наблюдается среди зрелых людей в возрасте от 30 лет и старше.

Для оценки мнения о вероятности проведения террористических актов в регионе респондентам был задан вопрос: «Как Вы оцениваете вероятность проведения террористических актов на месте Вашего проживания в настоящее время?» 40 % респондентов считает, что она низкая. В то же время достаточно много респондентов оценивают эту вероятность как среднюю – 23 %, и еще 10 % ответили, что вероятность проведения террористических актов в регионе высокая. Затруднились ответить на поставленный вопрос 27 %. Хотя большинство респондентов оценивает вероятность проведения террористических актов в регионе как низкую, тревожно, что есть те, кто в этом сомневается. Из ответов видно, что определенная доля респондентов обеспокоена угрозой террористических актов в республике. Вероятно, такая оценка связана с последними тревожными событиями, происходящими в стране и за ее пределами, она может возникать и на фоне проведения специальной военной операции. У относительного большинства

населения ситуация в стране, переживающей в настоящий момент нелегкие времена, вызывает чувство беспокойства и напряжения.

Следующий вопрос был сформулирован так: «На Ваш взгляд, как изменилась за последний год ситуация в сфере борьбы с терроризмом?» 29 % респондентов отметили, что за последний год ситуация в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом в регионе «несколько улучшилась» и «существенно улучшилась» (22 %). Больше трети респондентов затруднились ответить – 36 %. Еще 10 % считают, что ситуация несколько ухудшилась.

На вопрос: «Достаточно ли проводимых мероприятий в городе для защиты населения от террористических угроз?» 32 % респондентов ответили, что недостаточно, 29 % опрошенных довольны объемом проводимых мероприятий. И еще 35 %, вероятно, вообще не знают о проведении таковых, так как затруднились ответить на данный вопрос.

Отвечая на вопрос об эффективности деятельности государственных органов власти, направленной на защиту населения от террористических угроз за последние 2–3 года, большинство опрошенных дали положительные оценки. 36 % респондентов считает их деятельность «скорее эффективной» и еще 8 % «очень эффективной». Однако есть и такие, которые не удовлетворены мерами, предпринимаемыми органами власти в целях обеспечения защиты населения от террористов. В целом это 23 % респондентов. 33 % затруднились ответить.

Среди основных методов борьбы с терроризмом респонденты отмечали такие, как ужесточение наказаний за террористическую деятельность – 56 %, усиление контроля на границах – 42 %, выявление каналов финансирования терроризма – 41 %. В то же время ключевыми действиями по снижению террористических угроз в обществе респонденты считают объединение усилий всех ветвей власти (36 %), повышение информированности населения (32 %) и ведение разъяснительной работы с населением (24 %).

В ходе исследования производился также замер личного уровня знания граждан о мерах безопасности в случае террористической угрозы. Ответы распределились следующим образом: «хорошо знаю» ответили 40 % респондентов, «очень хорошо знаю» – 18 %, «скорее плохо знаю» – 19 %, «ничего не знаю об этом» – 7 %.

Знание о терроризме как наиболее опасном преступном явлении сегодняшнего дня, умение его предупредить, правильно вести себя при его угрозе дают возможность защитить себя и окружающих от последствий теракта. Любой человек должен точно представлять свое поведение и действия в экстремальных ситуациях, психологически быть готовым к самозащите, необходимо, чтобы каждый гражданин умел правильно ориентироваться и действовать в экстремальных и чрезвычайных ситуациях, а также обеспечить создание условий, способствующих расследованию преступлений.

С общими рекомендациями гражданам по действиям при угрозе террористического акта можно ознакомиться, например, на официальном сайте Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [1].

Опрос проводился на фоне проведения специальной военной операции и активных действий России по защите Донбасса. Поэтому нам хотелось выяснить, как респонденты оценивают опасность террористических угроз для Республики Адыгеи. 36 % респондентов считают, что «угроза низкая», еще 11 % – что она вообще отсутствует. В то же время 6 % опрошенных ответили, что угроза «скорее высокая», и еще 3 % говорят о высокой опасности. Мы видим, что значительная часть населения республики рассматривает степень опасности распространения террористических угроз как невысокую. Но нельзя забывать, что это мнение лишь небольшой части населения, которая может быть плохо проинформирована в текущем вопросе.

По мнению опрошенных респондентов, самыми привлекательными объектами для террористов являются рынки (62 %), вокзалы (59 %), общественный транспорт (53 %), жилой сектор (35 %), учебные заведения и детские сады (35 %).

В ходе опроса выяснялся собственный уровень опасения и беспокойства респондентов за себя и своих близких. Так, 40 % респондентов ответили, что «немного обеспокоены», еще 29 % – «скорее всего, обеспокоены», а 6 % «сильно обеспокоены». Еще 14 % опрошенных ответили, что их эта проблема вообще не беспокоит. Вероятно, эта часть населения не считает проблему терроризма актуальной для нашего региона и не связывает ее с личной безопасностью.

Абсолютное большинство респондентов (87 %) не готовы и не хотят поддерживать всякого рода экстремистские идеи и проявления. Менее 1 % респондентов имеет противоположную точку зрения. 8 % респондентов ответили, что скорее не готовы и еще около 5 % затруднились ответить на поставленный вопрос. Как видим, некоторые опрошенные не совсем уверены в своих убеждениях и не испытывают категорического неприятия в отношении терроризма и экстремизма, они могут легко попасть под влияние террористических лидеров. Поэтому большое значение в противодействии экстремизму и терроризму имеют профилактическая и информационно-пропагандистская деятельность.

Подводя итог, отметим, что проблема террористических проявлений в настоящее время очень актуальна. Важную роль в эффективной деятельности правоохранительных органов по защите населения от террористических угроз играет активная позиция самих граждан и населения региона в целом. Высокая бдительность всех жителей республики, их активное участие и взаимодействие с органами государственной и муниципальной

власти, а также с представителями общественных объединений и религиозных организаций в борьбе с терроризмом – залог успешной работы по предотвращению террористических актов и распространения экстремистских идей.

Источники и литература

1. Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. URL: https://mchs.gov.ru/ministerstvo (дата обращения: 31.08.2023).

Р.О. Рамазанов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ ДАГЕСТАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (по результатам социологического опроса)

Вопрос политической толерантности актуален на фоне сложных социально-экономических, религиозных, идеологических, политических, духовно-нравственных преобразований современного российского общества. Разумеется, на политическую толерантность огромное влияние оказывает накопленный исторический опыт, развитость политических институтов, концепций, идей, которые, как правило, призваны определить вектор государственного развития.

Прежде чем перейти к анализу дефиниции политической толерантности, необходимо раскрыть содержание понятия «толерантность». М. Уолцер усматривает «смысл толерантности не в том, чтобы устранить “нас” и “их” (и, уж, конечно, не в том, чтобы устранить “меня”), а в том, чтобы обеспечить долговременное мирное сосуществование и взаимодействие» [6: 22]. Далее им дается типология установок (мотивов) толерантности: 1) «уходящая своими корнями в практику, религиозная терпимость XVI–XVII веков… как отстранено-смиренное отношение к различиям во имя сохранения мира. Так, на протяжении веков люди продолжают убивать друг друга, затем наступает спасительная стадия изнеможения: ее то мы и называем терпимостью»; 2) «позиция расслабленности, милостивого безразличия к различиям: “Пусть расцветают все цветы”»; 3) «моральный стоицизм – принципиальное признание того, что и “другие” обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь»; 4) «открытость в отношении других, любопытство, возможно, даже уважение, желание прислушиваться и учиться»; 5) «восторженное одобрение различий, одобрение эстетическое, при котором различия воспринимаются как

культурная ипостась огромности и многообразия творений Божьих, либо природы» [6: 25].

Толерантность рассматривается как «определенная мировоззренческая и нравственно-психологическая установка личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать различные, прежде всего чуждые идеи, обычаи, культуру, нормы поведения и т.д. Основная ее суть – терпимость к “чуждому”, “иному”. Это качество может быть присуще не только отдельной личности, но и конкретному коллективу, той или иной социальной группе, обществу в целом» [5: 54].

Понимание толерантности в политическом ракурсе заключается в готовности «власти допускать инакомыслие в обществе и даже в своих рядах, разрешать в рамках Конституции деятельность оппозиции, способность достойно признать свое поражение в политической борьбе, принимать политический плюрализм как проявление разнообразия в государстве» [1].

С точки зрения С.А. Хамутовской, «в современных информационных обществах большое внимание уделяется развитию плюрализма идей, мнений, взглядов в различных областях жизнедеятельности, в том числе в политической. Возникающие контакты между людьми способствуют распространению и обмену политическими сведениями, знаниями, опытом как в рамках конкретной политической системы, так и в глобальном масштабе. При этом наличие подобного многообразия потенциально может приводить к нарастанию социальной и политической напряженности и даже конфликтности в отношениях между отдельными индивидами, малыми и большими социальными группами, общностями, имеющими противоположные либо не одинаковые политические предпочтения и интересы» [7: 223]. Е.Б. Шестопал под политической толерантностью понимает «терпимость к политическим оппонентам и политической оппозиции вообще» (цит. по: [3: 45]). М.С. Мацковский определяет политическую толерантность как «отношение к деятельности различных партий и объединений, высказываниям их членов и т.д., где крайними формами проявления политической интолерантности являются: фашизм и свойственная тоталитарным режимам политика политических репрессий» [4]. Г.М. Денисовский и П.М. Козырева характеризуют политическую толерантность как «промежуточное звено между “несогласием” и “согласием”, как средство предупреждения крайних форм разрешения конфликта» [2: 46].

Тема политической толерантности дагестанского населения является важной в рамках изучения политических ценностей. Социологический опрос, посвященный политическим ценностям дагестанцев, был проведен в 2023 г. сотрудниками отдела социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. В городах и районах Республики Дагестан было опрошено 603 человека.

Респондентами стали представители разных групп населения – молодежь, люди среднего возраста и пенсионеры, среди опрошенных – люди со средним, средним специальным и высшим образованием.

Ответы на вопрос: «Чем для Вас является государство?» – показывают, что 26,4 % респондентов рассматривают государство как организацию, способную обеспечить единство общества и нации. Анализ по социально-демографическим параметрам опрошенных демонстрирует прямую корреляцию доли респондентов, подчеркивающих консолидационную функцию государства, с увеличением их возраста и уровня образования: с 18,2 % в интервале 15–19 лет до 30,2 % пенсионеров по возрасту, с 20,0 % имеющих среднее образование до 28,8 % с высшим образованием. На второй позиции располагается вариант ответа: «государство интересует меня лишь в той мере, в какой служит моим интересам» (22,9 %), то есть в общественном сознании имеет место рассмотрение государства как образования, исключительно призванного удовлетворить социально-экономические, духовные, идеологические, образовательные и иные потребности. Обращает внимание, что отметивших данное суждение, в сравнении с другими подмассивами, больше в возрастном разрезе 15–19 лет (35,2 %) и среди респондентов со средним образованием (43,8 %). По мнению автора, такая точка зрения говорит о выраженности потребительского отношения к государству, как к источнику получения необходимых услуг. Как следует из материалов опроса, превалирование в массовом сознании молодого поколения точки зрения «мне государство должно» в условиях низкого уровня социально-экономического развития в республике обуславливает низкий уровень патриотизма среди молодых дагестанцев. Остается открытым вопрос, каким должно быть отношение к самому государству, в котором проживает человек и которое обеспечивает его конституционные права. На возможность государства поддерживать социальную справедливость в обществе указывают 13,6 % опрошенных, среди них выделяются возрастные подгруппы 20–35 лет (16,2 %) и пенсионеров (15,1 %). Вместе с тем 13,1 % всех респондентов придерживаются точки зрения, что государство «не гарантирует соблюдение демократических норм и принципов». Доля разделяющих это мнение увеличивается с возрастом и уровнем образования: с 8,0 % в интервале 15–19 лет до 17,0 % среди пенсионеров, с 10,0 % имеющих среднее образование до 15,4 % опрошенных с высшим образованием.

В политической науке активно обсуждается вопрос согласия власти с гражданами и наоборот. Утверждение «государство позволяет согласовывать мои интересы с интересами других людей, избегать конфликтов» поддерживают 11,2 % опрошенных. Можно заметить внутригрупповую дифференциацию согласных с такой позицией по возрасту: 15,9 % в разрезе 15–19 лет, 10,7 % от 36 лет и до пенсионного возраста, 17,1 % пенсионеров,

в когорте 20–35 лет таковых статистически незначимая часть (4,8 %). Суждения «государство является источником конфликтов и дезорганизации в обществе» и «государство обеспечивает соблюдение демократических норм и принципов» отмечены у 2,7 % и 7,1 % респондентов, соответственно.

Индикаторами измерения политической толерантности являются политические взгляды и предпочтения гражданина. Так, ответы на вопрос: «Как бы Вы определили свои политические взгляды?» – показывают доминирование тех, кто не испытывает симпатию вообще ни к каким политическим идеям (35,1 %). Почти в два раза меньше опрошенных указали важность демократических принципов (18,8 %). Практически столько же подчеркнули значимость патриотического настроя – 18,2 %. Предпочтительность социально-политических воззрений, в частности, социалистических, коммунистических, либеральных, социал-демократических, консервативных, националистических отмечено меньшей частью опрошенного дагестанского населения – 7,9; 7,1; 5,7; 5,6; 3,5 и 1,2 % соответственно. Не менее важным является отношение к политическим партиям и их программам. Данные исследования показывают, что респонденты симпатизируют «Единой России» (31,3 %), с небольшой разницей второе место занимает аполитичная позиция («ни одна политическая партия») – 30,6 %. 11,2 % респондентов ближе программа партии «Справедливая Россия – за Правду» и 8,2 % разделяют идеологию КПРФ. Как правило, коммунистические идеи ближе взрослому поколению, что и подтверждается результатами исследования: 22,6 % поддерживающих КПРФ – пенсионеры. При этом статистически незначимая часть опрошенных разделяет программу партий «Новые люди», «Патриоты России», «Яблоко», «Демократическая партия России», «Российская партия свободы и справедливости», «Российская экологическая партия “Зеленые”», «Коммунисты России», «Российская партия пенсионеров», «Гражданская платформа», «Партия дела», «Родина», «Зеленая альтернатива», «Партия прямой демократии». Ответы на вопросы: «Как бы Вы определили свои политические взгляды?» и «Деятельность какой партии вызывает у Вас симпатию и поддержку?» – показывают, что опрошенное дагестанское население не ориентировано на активную политическую жизнь, пассивно относится к политической сфере, но при этом демонстрирует политическую толерантность в отношении чуждых политических взглядов и программ. Таким образом, политическая толерантность сопровождается деполитизацией населения, общественной пассивностью, нежеланием принимать участие в государственной жизни.

Каково отношение дагестанского населения к защите своих воззрений? Ответы на вопрос: «Что Вы готовы предпринять для защиты своих политических интересов?» – подтверждают вывод о пассивной позиции опрошенного дагестанского населения. Так, одна треть не готова предпринимать

какие-либо действия по отстаиванию своих политических интересов, таковых заметно больше в группах 20–35 лет (35,2 %) и от 36 лет до пенсионного возраста (32,0 %), в прослойке со средним (30,0 %) и средним специальным образованием (32,9 %). Обозначенное нежелание отстаивать свои права в общественном сознании 22,9 % опрошенных объяснили неверием в возможность защиты («в нынешних условиях невозможно отстаивать свои интересы»). Анализ по социально-демографическим признакам показывает увеличение числа скептиков с повышением возраста и уровня образования: с 11,4 % в разрезе 15–19 лет до 28,3 % пенсионеров, с 18,8 % имеющих среднее образование до 25,5 % с высшим образованием. При этом 18,8 % респондентов уверены в том, что государство в достаточно полной мере защищает их политические предпочтения. Участие в выборах одним из методов выражения личных политических ориентиров считают 18,3 %, а активность электорального поведения более характерна для людей пенсионного возраста (30,2 %) и имеющих высокий уровень образования (19,7 %). Готовы обратиться к власти 13,6 % опрошенных, и здесь можно выделить возрастную подгруппу 20–35 лет (16,2 %) и респондентов с высшим образованием (18,3 %). Суждения, демонстрирующие открытое противостояние власти и публичное выражение своей позиции («если надо, возьму оружие и буду отстаивать свои интересы»), намерение участвовать в «деятельности партии власти», «митинге, демонстрации», «забастовках», «деятельности оппозиционной партии» отмечены статистически незначимой долей опрошенного дагестанского населения – 2,6; 2,5; 2,2; 1,4 и 0,3 % соответственно.

Подытоживая анализ эмпирического материала, можно сделать вывод, что опрошенные демонстрируют политическую толерантность, которая, видимо, обусловлена деполитизацией дагестанского населения, его политической пассивностью. Ее причины заключаются в отсутствии уверенности в возможности влиять на политический процесс в современном дагестанском обществе, а также личных амбиций сделать политическую карьеру.

Источники и литература

1. *Асмолов А.Г.*, *Солдатова Г.У.*, *Шайгерова Л.А.* О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности. 2001. № 1–2. URL: https://asmolovpsy.ru/wp-content/uploads/2022/11/o-smyslah-ponyatiya-tolerantnost.pdf (дата обращения: 29.07.2023).

2. *Денисовский Г.М.*, *Козырева П.М.* Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М., 2002.

3. *Елисеев С.М.*, *Устинова И.В.* Особенности политической толерантности студенчества // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 45–51.

4. *Мацковский М.С.* Толерантность как объект социологического исследования // Век толерантности. 2001. № 3–4. URL: https://asmolovpsy.ru/wp-

content/uploads/2022/11/o-smyslah-ponyatiya-tolerantnost.pdf (дата обращения: 29.07.2023).

5. *Соколов В.М.* Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 54–63.

6. *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000.

7. *Хамутовская С.А.* Политическая толерантность: концептуализация понятия // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 223–229.

Е.А. Авдеев, А.М. Ерохин

РИСКИ КОНФЛИКТНОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА[1]

Проблема конфликтности ценностных оснований общероссийской идентичности приобрела особую актуальность и значимость на современном этапе развития российской государственности. В сознании молодежи наглядно проявляются противоречия между традиционными и современными ценностями. Снижение значимости традиционных оснований идентичности может привести к размыванию российского самосознания у молодых людей. Дальнейшие модернизационные процессы предполагают расширение степени значимости современных ценностей в идентичности российской молодежи. Необходимы адекватные политические и управленческие решения государственной власти и общества по сохранению традиционных ценностных основ общероссийской идентичности в молодежной среде, раскрытию их смыслового содержания. В современной России «столкнулись прошлое с будущим, система общинно-коллективистских ценностей с индивидуалистической моралью» [1: 407]. Важно конвертировать традиционные ценностные основы в ресурс социокультурного и экономического развития, что предполагает возрастание значимости надэтнических социокультурных начал, солидарность и укрепление общероссийского самосознания многонационального народа.

Северный Кавказ отличается ярко выраженной полиэтничностью и поликонфессиональностью. Сложившиеся в нем этнокультурные нормы и ценности, высокая значимость традиционных социальных институтов и практик определяют специфику формирования общероссийской идентичности у жителей региона. Ценностное содержание идентичности

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

характеризуется большим консерватизмом и традиционализмом, современные ценности не так ярко выражены. При этом для молодежи, во многом существующей в глобальной инфокоммуникационной среде, современные ценности приобретают всё большее значение. В полиэтничной молодежной среде Северного Кавказа происходит взаимодействие традиционных и современных ценностей, характеризующееся взаимовлиянием традиционалистских и модернистских ценностных установок, возможной социокультурной конфликтностью. Значимость традиционных и современных ценностей по-прежнему зависит от принадлежности к определенным этноконфессиональным группам. В целом для молодежи снижается значимость традиционных ценностей и жизненных стратегий предыдущих поколений. Трансформация традиционного социального уклада, активные миграционные процессы, разнонаправленная глобализация определяет остроту социокультурных противоречий на Северном Кавказе, носящих межпоколенческий характер [3: 99].

В настоящей статье рассматривается степень значимости для студенческой молодежи Северного Кавказа основных традиционных ценностных основ общероссийской идентичности, таких как патриотизм, российская государственность, русский язык, российская культура и история, традиционная семья, религиозные традиции, коллективизм и социальная иерархия, эмоциональная связь и чувство общности с Россией. Оценки и представления студентов выступают значимым индикатором общественных настроений в молодежной среде региона.

Основной задачей исследования стало определение сформированности традиционных ценностных основ у молодежи русского и северокавказских народов, выявление общих представлений о традиционных ценностях, имеющих надэтнический характер, определение этнокультурных различий в восприятии молодыми людьми традиционных ценностей. Решение этой задачи позволит определить интегративную роль общероссийской идентичности, степень значимости традиционных основ, сформированность и устойчивость названного типа идентичности в зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности. Традиционная ценностная матрица выступает «генетическим кодом» России, образуя его информационно-коммуникативную структуру и сохраняя накопленное ядро культурного капитала в форме ценностей, традиций, обычаев и социальных практик, цементирующих российское общество [2].

Эмпирические данные, которые легли в основу исследования, были получены методом опроса-анкетирования, проводившегося в феврале – марте 2023 г. среди студентов ведущих вузов Северного Кавказа: Северо-Кавказского федерального университета, Ставропольского государственного аграрного университета, Ставропольского государственного медицинского

университета и Пятигорского государственного университета. Выбор студентов в качестве объекта наблюдений обусловлен значительной долей этой группы в когорте молодежи 18–24 лет и социальной активностью учащихся вузов. Выборочную совокупность составили 1400 респондентов в возрасте 18–24 лет, 52 % из которых – девушки, 48 % – юноши. Важным индикатором выборки в соответствии с задачами исследования был этнический и конфессиональный состав респондентов. Студенты сами определяли свою этническую и религиозную принадлежность. По результатам обработки данных опроса, были выделены следующие группы: 45 % русских респондентов; 45 % относящих себя к народам Северного Кавказа; 10 % составили респонденты, которые определили свою принадлежность к другим народам. 43 % – православные, 33 % – мусульмане и 20 % – не относящие себя ни к какому вероисповеданию. Для оценки значимости базовых традиционных ценностей, сформированности общероссийской идентичности была использована пятичастная шкала Ликерта. Ответы были переведены в баллы. Максимальная оценка (5 баллов) свидетельствует о наибольшем значении для респондентов ценностно-символических, гражданско-политических и эмоционально-чувственных компонентов общероссийской идентичности. Был проведен однофакторный дисперсионный анализ для сравнения влияния этнической принадлежности и отношения к религии на ответы респондентов. На его основе была определена статистически значимая разница в ответах сравниваемых групп респондентов. Для выявления различий в средних значениях ответов групп респондентов был проведен тест Шеффе.

Степень значимости традиционных ценностных основ общероссийской идентичности определялась путем оценки респондентами ряда базовых традиционных ценностей (табл. 1). Наибольшей значимостью обладает любовь к Родине (4,51 балла). Следующей по значимости ценностной основой являются родственные отношения и коллективизм (4,48 балла). Не менее значимы также послушание и уважение к старшим (4,33 балла), традиционные семейные ценности (4,31 балла). Послушание и уважение к старшим являются более важными для респондентов из числа народов Северного Кавказа, нежели для русских. Значима для молодых людей и роль сильного суверенного государства (4,22 балла). Менее значима для респондентов ценность религиозных традиций (3,89 балла), сильной и авторитетной власти (3,8 балла). При этом для мусульман власть имеет меньшее значение, чем для православных. Выявлены различия между русскими и представителями народов Северного Кавказа в оценках важности религиозных традиций. Наибольшую роль они играют в жизни мусульманской молодежи. В целом различия в оценках по национальному признаку незначительны. Наименьшее значение традиционные ценности имеют для молодых людей,

не относящих себя ни к какому вероисповеданию. Ценностно-мировоззренческие различия между молодыми людьми в большей степени определяются религиозным, а не этническим фактором.

Однофакторный дисперсионный анализ показал существование различий в ответах сравниваемых групп респондентов. *F*-статистика (2,97) превышает критическое значение *F* (2,47), *p*-значение (0,02) меньше выбранного альфа-уровня (0,05), что подтверждает наличие статистически значимой разницы между средними значениями ответов сравниваемых групп респондентов. *F*-статистика попарного сравнения православных и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (11,03) превышает критическое значение Шеффе (4,95). Попарные сравнения народов Северного Кавказа и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (9,26), мусульман и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (9,17), русских и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (5,99) также указывает на наличие значимых различий между этими группами. F-статистика попарного сравнения православных и мусульман (0,08), русских и народов Северного Кавказа (0,35) указывает, что между ними нет статистических значимых различий. Значимые различия в средних оценках традиционных ценностных основ общероссийской идентичности зависят от отношения респондентов к религии.

Таблица 1. Средние значения ответов респондентов на вопрос: «Разделяете ли Вы такие традиционные ценности, как…?» (СКФО, февраль – март 2023 г., N = 1400, ответы: «полностью разделяю» (5 баллов), «скорее разделяю» (4 балла), «затрудняюсь ответить» (3 балла), «скорее не разделяю» (2 балла), «полностью не разделяю» (1 балл), среднее значение)

Разделяете ли Вы такие традиционные ценности, как…?	**Национальность**		**Вероисповедание**			**Всего, n=1400**
	Русские	**Народы Северного Кавказа**	**Православие**	**Ислам**	**Ни к какому вероисповеданию**	
Любовь к Родине	4,53	4,59	4,61	4,51	4,29	4,51
Родственные отношения и коллективизм	4,51	4,56	4,59	4,47	4,32	4,48
Послушание и уважение к старшим	4,24	4,51	4,44	4,52	3,88	4,33
Традиционные семейные ценности	4,32	4,4	4,51	4,42	3,77	4,31
Сильное суверенное государство	4,29	4,23	4,34	4,17	4,03	4,22
Религиозные традиции	3,75	4,14	4,12	4,32	2,72	3,89
Сильная и авторитетная власть	3,86	3,82	3,99	3,82	3,41	3,8

Были исследованы оценки основных традиционных символов-интеграторов общероссийского самосознания (табл. 2). Наибольшую интегрирующую роль, независимо от национальности и вероисповедания респондентов, имеет русский язык (4,51 балла). Не меньшим объединяющим значением обладает и общее государство (4,5 балла). Есть различия в интегрирующей роли российской культуры и общего исторического прошлого. Большее объединяющее значение они имеют для православных и русских, меньшее для мусульман и народов Северного Кавказа – для данных групп значимы свои национальные языки, культура и история; кроме того, историческая память северокавказских народов сохраняет наряду с интегрирующими и потенциально конфликтные нарративы. Чувство ответственности за судьбу России снижается для нерелигиозных молодых людей. Если в целом ответственность за судьбу России респонденты оценивают в 4,23 балла, то из них респонденты, не относящие себя ни к какому вероисповеданию, – в 3,83 балла.

Таблица 2. Средние значения ответов респондентов на вопрос: «Объединяет ли Вас с гражданами России…?» (СКФО, февраль – март 2023 г., N=1400, ответы: «объединяет» (5 баллов), «скорее объединяет» (4 балла), «затрудняюсь ответить» (3 балла), «скорее не объединяет» (2 балла), «не объединяет» (1 балл), средний балл)

Объединяет ли Вас с гражданами России…?	**Национальность**		**Вероисповедание**			**Всего, n=1400**
	Русские	**Народы Северного Кавказа**	**Православие**	**Ислам**	**Ни к какому вероисповеданию**	
Русский язык	4,67	4,37	4,67	4,28	4,52	4,51
Общее государство	4,55	4,55	4,6	4,49	4,32	4,5
Российская культура	4,58	4,16	4,64	4,01	4,23	4,34
Общее историческое прошлое	4,45	4,15	4,49	4,12	4,05	4,26
Ответственность за судьбу России	4,25	4,34	4,41	4,26	3,83	4,23

Выявлено существование различий в сравниваемых группах респондентов. *F*-статистика (3,5) превышает критическое значение *F* (2,62), *p*-значение (0,01) меньше (0,05). *F*-статистика попарного сравнения православных и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (11,25) больше критического значения Шеффе (5,24), что подтверждает существование различий между двумя сравниваемыми группами. Отмечена разница и между православными и мусульманами (8,85), русскими и не относящими себя

ни к какому вероисповеданию (7,81). *F*-статистика попарного сравнения русских и народов Северного Кавказа (2,81), народов Северного Кавказа и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (1,25), мусульман и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (0,14) не выявила значимых различий в сравниваемых группах. Различия при оценке основных традиционных символов-интеграторов общероссийского самосознания также определяются отношением респондентов к религии.

При рассмотрении субъективного восприятия респондентами образа «Мы» (табл. 3) выявлено определяющее значение референтных групп в иерархии идентичностей: «люди, проживающие там, где я родился и прошло мое детство» (4,44 балла); «граждане России» (4,39 балла); «люди, придерживающиеся таких же ценностей, представлений о жизни» (4,35 балла); «люди, придерживающиеся таких же обычаев и традиций» (4,25 балла); «люди, говорящие на русском языке и относящие себя к российской культуре» (4,14 балла). Различия в оценках по национальности и вероисповеданию в целом незначительные, при этом идентификационное значение обычаев и традиций, русского языка и российской культуры ниже для респондентов, не относящих себя ни к какому вероисповеданию.

Таблица 3. Средние значения ответов респондентов на вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: “это мы”?» (СКФО, февраль – март 2023 г., N=1400, ответы: «да, могу» (5 баллов), «скорее могу» (4 балла), «затрудняюсь ответить» (3 балла), «скорее не могу» (2 балла), «не могу» (1 балл), средний балл)

О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: «это мы»?	**Национальность**		**Вероисповедание**			**Всего, n = 1400**
	Русские	**Народы Северного Кавказа**	**Православие**	**Ислам**	**Ни к какому вероисповеданию**	
Люди, проживающие там, где я родился (-лась) и прошло мое детство	4,45	4,5	4,53	4,46	4,23	4,44
Граждане России	4,52	4,42	4,59	4,25	4,18	4,39
Люди, придерживающиеся таких же ценностей, представлений о жизни	4,18	4,39	4,39	4,39	4,22	4,35
Люди, придерживающиеся таких же обычаев и традиций	4,21	4,35	4,32	4,41	3,81	4,25
Люди, говорящие на русском языке и относящие себя к российской культуре	4,27	4,1	4,34	4,01	3,9	4,14

Однофакторный дисперсионный анализ подтверждает наличие различий в сравниваемых группах респондентов. *F*-статистика (3,08) превышает критическое значение *F* (2,62), *p*-значение (0,02) меньше (0,05). F-статистика попарного сравнения средних ответов православных и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (13,71) больше критического значения Шеффе (5,24) – различия между ними наибольшие. Попарное сравнение народов Северного Кавказа и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (8,25), русских и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (6,81), мусульман и не относящих себя ни к какому вероисповеданию (5,7) также указывает на различия между этими группами. F-статистика попарного сравнения православных и мусульман (1,73), русских и народов Северного Кавказа (0,06) свидетельствует об отсутствии значимых различий между этими группами. Отношение респондентов к религии определяет различия в средних значениях оценок основных идентификационных групп.

В иерархии идентичностей наиболее значимой для респондентов является локальная идентичность – ощущение близости с малой Родиной. Следующими по значимости являются общероссийская гражданская, ценностно-мировоззренческая и этнокультурная идентичности, а также принадлежность к «русскому миру».

Результаты исследования свидетельствуют о значимой интегративной роли для студенческой молодежи Северного Кавказа надэтнических традиционных ценностных основ общероссийского самосознания, таких как патриотизм, российская государственность, русский язык, российская культура и история, традиционная семья, религиозные основы, коллективизм и социальная иерархия, эмоциональная связь и чувство общности с Россией. Отсутствие значимых различий в оценках респондентов из числа русского и северокавказских народов, православных и мусульман свидетельствуют о высоком уровне общенациональной консолидации, единстве молодежи из числа народов, обладающих различными этнокультурными кодами. Важность для респондентов ощущения своей причастности к российской истории, культуре, базовым традиционным ценностям свидетельствует о значимой роли традиционных ценностей общероссийской идентичности в сознании молодых людей.

Маркером ценностно-мировоззренческих различий между традиционалистами-коллективистами и модернистами-индивидуалистами является отношение к религии. Для молодых людей, не относящих себя ни к какому вероисповеданию, роль базовых традиционных ценностей и референтных групп, формирующих общероссийскую идентичность, ниже средних значений. Были выявлены значимые различия в ответах между группой нерелигиозных молодых людей, с одной стороны, и этническими и конфессиональными группами – с другой. Отсутствие значительных различий между

православными и мусульманами, русскими и народами Северного Кавказа косвенно свидетельствует о трансформации в сторону преобладания общероссийских надэтнических социокультурных основ идентичности, снижении рисков этнополитической конфликтности.

Источники и литература

1. *Горшков М.К.*, *Комиссаров С.Н.*, *Карпухин О.И.* На переломе веков: социодинамика российской культуры: монография. М., 2022.

2. *Деметрадзе М.Р.* Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 120–127.

3. *Стародубровская И.В.* Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 92–113.

Т.Ф. Маслова

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ: НА ПУТИ К ДИАЛОГУ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ (модель социологического сопровождения)

Межкультурное взаимодействие – один из важнейших пластов культуры личности и общества, включающий способность его членов понимать и принимать другого как представителя иного социума или этноса. Эти качества формируются, развиваются, преобразовываются на протяжении всего периода социализации личности. В образовании как специально организованной среде воспитания данное направление приобретает всё большую актуальность. Это связано с тем, что, как пишет Э. Фромм, «уважение и культивирование уникальности личности есть самое ценное достижение культуры, и именно это достижение подвергается опасности в настоящее время» [3: 253].

Сегодня отмечается тенденция, что «молодые люди, будучи восприимчивыми к радикальным взглядам и моделям поведения как способу решения своих проблем, могут стать объектами воздействия со стороны националистических и религиозных экстремистов, стремящихся сформировать негативное отношение к представителям других этнических групп. В то же время опыт проведения межрегиональных и всероссийских мероприятий показывает стремление молодежи Северного Кавказа к интеграции в жизнь страны, межрегиональному и межкультурному взаимодействию и сотрудничеству» [1].

Можно предположить, что в этом большая заслуга образовательной политики и межкультурной компетенции педагогического сообщества. Согласимся с В.А. Сухомлинским: роль педагога здесь трудно переоценить, так основой, на которой строится педагогическое мастерство, является отношение ребенка к знаниям и учителю: «Это – желание учиться, вдохновение, готовность к преодолению трудностей» [2: 102]. Следовательно, одна из задач подготовки современного педагога связана с освоением способов предупреждения и преодоления барьеров в восприятии другого, адаптации к инокультурному партнеру, коммуникативных умений в общении.

Среди технологий профессиональной социализации учителя на стадии получения образования мы выделяем модель социологического сопровождения управления гармонизацией отношений студентов – будущих педагогов в поликультурной образовательной среде как условия практического развития их поликультурной компетентности.

Вариант такой модели состоит из трех компонентов: теоретико-методологического, программно-прикладного и проектного. Первый компонент включает анализ социального контекста и методологической ситуации исследования взаимодействия субъектов отношений – студентов, представляющих различающиеся культуры (национальные, этнические, сельские, урбанистические) и стремящихся к обретению чувства собственного достоинства, безопасности и эмоциональной гармонии. Второй включает программу и инструментарий исследования социального взаимодействия в ходе адаптации и интеграции студентов к условиям поликультурной образовательной среды. Формирование эмпирической базы осуществляется с помощью комплекса методов. Это опрос экспертов методом структурированного интервью; опрос студентов методом фокус-группы; точечный (анкетный) опрос и массовое анкетирование студентов. Проектный содержит обоснование направлений и форм работы по предупреждению конфликтных отношений обучающихся в поликультурном сообществе, рекомендации для практического использования результатов исследований.

Реализация данной модели нашла воплощение в научном проекте № 15-03-18041 «Социологическое сопровождение предупреждения конфликтных отношений студентов-мигрантов в поликультурном сообществе Северо-Кавказского региона», поддержанном Российским гуманитарным научным фондом в 2015 г., а также в инициативном исследовательском проекте Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений» (2022 г.), проведение которого было приурочено к году культурного наследия народов России. Опыт реализации данной модели в Ставропольском государственном педагогическом институте позволил получить представление о состоянии и характере взаимодействия будущих педагогов в поликультурной образовательной среде.

Оценка социального контекста и методологической ситуации исследования отражает комплекс направлений. Это анализ отношений между студентами; специфика управления их взаимодействием в целях снижения конфликтогенности и стимулирования позитивного социального самочувствия. Оценивание проводилось с применением ряда подходов, среди них: структурно-функциональный, исходящий из понимания человека как активного субъекта действия; системный, учитывающий функции социальной системы, влияющей на ход адаптации и интеграции субъектов; гуманистический и антропологический, учитывающие человеческое измерение результатов взаимодействия.

В настоящей статье представлены результаты опроса экспертов, в качестве которых выступили административные работники города, вуза, представители диаспор, общественных организаций (24 человека), и анкетирования студентов – 200 человек в 2015 г. и 893 – в 2023 г.

Приведем далее некоторые исследовательские выводы, используя фрагменты высказываний опрошенных в качестве иллюстрации авторских положений. Эксперты оказались единодушными в том, что стабильность отношений в студенческой среде – это один из факторов устойчивости общества в настоящем и будущем, так как «современное студенчество – будущая политическая, научная, бизнес-элита региона. Умение найти оптимальные способы взаимодействия в студенческой среде, формирование социальных связей между представителями социальных групп в будущем обеспечит возможность совместной деятельности, а следовательно, устойчивость и эффективное развитие как регионального сообщества, так и всего российского общества».

Предполагается, что в студенческой среде действуют механизмы и конкуренции, и кооперативного взаимодействия, нивелирующие риски конфликтов в ходе мероприятий, затрагивающих общие интересы студентов разных категорий (культур, национальностей, этносов).

Например, в 2015 г., отвечая на вопрос о том, «что имеет значение в выборе “своего круга” в вузе», студенты выделили следующие обстоятельства:

1) увлечение на досуге (55 %);

2) общественная активность (38 %);

3) серьезное отношение к учебе (37 %);

4) землячество (15 %);

5) национальность, религия (13 %);

6) материальное положение, статус семьи; физические, внешние данные; авторитет, лидерские качества (по 10 %);

7) связи (7 %).

Данные показатели практически не расходятся с мнением различных групп студентов, в том числе выходцев из республик СКФО и территорий

Ставропольского края, и не связываются напрямую с факторами землячества, национальности, религии.

Устойчивость приведенной тенденции подтверждается результатами опроса 2023 г. 93 % участников опроса отметили, что среди друзей есть представители разных национальностей. При ответе на вопрос: «С кем вы предпочитаете общаться?» – вариант: «С людьми моей национальности» выбрало лишь 5,3 % респондентов. При этом выделяются позиции: «С людьми, разделяющими мои взгляды на жизнь» и «С людьми, проводящими досуг так же, как я» – 44,3 %.

Однако на этом фоне важно высветить факты конфликтных отношений. Участники опроса 2015 г., исходя из собственных наблюдений, высказались по поводу того, что чаще является (или может стать) причиной столкновений среди молодежи в нашем регионе:

1) неприязнь по национальному признаку (64 %). Учитывая, что в ответах на вопрос об отношениях в образовательной среде национальность не имеет ярко выраженных негативных оценок, осознание студентами факта неприязни по отношению к иным национальностям отражает либо скрытый, либо потенциальный фактор конфликтных отношений, который влияет на их взаимодействие за счет внешних факторов. В ответах на вопрос: «Какие проблемы наиболее актуальны для нашего Северо-Кавказского региона?» – по количеству выборов на первом месте находятся межнациональные конфликты (47 %);

2) негативные стереотипы в социуме (47 %).

Можно предположить, что национальная неприязнь, на которую как на причину конфликтов в молодежной среде указало свыше 60 % опрошенных, объясняется именно данным фактом. К числу стереотипов национального характера прибавляется неприязнь по признаку городской и сельской культур, на что указали в числе факторов конфликта 11 % участников опроса.

Несмотря на то что на вопрос: «Испытываете ли вы неприязнь к людям другой национальности?» – 74,3 % ответили отрицательно, около трети респондентов 2023 г. выбрали варианты «да» и «иногда». Еще одно наблюдение. С точкой зрения: «Только тот народ создает сильное государство, который считает свою нацию лучшей в мире», – не согласны 48,7 %, однако почти треть выразили свое согласие, что говорит о признаках ксенофобии.

Среди рисков столкновений в молодежной среде, которые надо учитывать в управлении процессами взаимодействия, выделяются следующие: давление стереотипов, домашние комплексы, связанные с отношениями групп населения внутри республик, невоспитанность, ощущение подавления индивидуальности (важного свойства молодежной субкультуры), невключенность в социально значимые действия, неэффективность мер воздействия вузов и молодежной политики региона и др.

Исходя из анализа полученных результатов, можно сформировать содержание работы по предупреждению конфликтных отношений студентов и воспитанию культуры межкультурного взаимодействия (проектный компонент модели), выделив следующие направления:

1) культурно-коммуникативное, реализуемое через приобщение студентов к общегражданским нормам и ценностям включение в социально значимую совместную деятельность (поисковую, волонтерскую, проектную); поддержку их инициативы в проведении мероприятий по укреплению межэтнических отношений, решение общих проблем конкретного социума, формирование позитивной этнической идентичности, толерантного сознания и гражданственности; содействие развитию студенческой субкультуры на принципах культурного релятивизма и солидарности;

2) идеологическое и организационное направления, нацеленные на развитие приоритета гражданской идентичности при сохранении этноконфессиональной самобытности. Это реализация совместных проектов и инициатив молодежи, (в том числе Северо-Кавказского молодежного форума «Машук»); деятельность вузов и ссузов как единых молодежных объединений и сети студенческих объединений (на примере «Наш дом – СКФУ»); содействие прозрачности молодежной политики на основе равенства, уважения к культуре, традициям; активизация воспитательной составляющей всех институтов, осуществляющих молодежную политику через образование, просвещение молодежи о религиозных и политических процессах на Кавказе и в мире;

3) социально-психологическое, связанное с оказанием соответствующей помощи и поддержки студентам в процессе их адаптации к условиям поликультурной среды; мониторинг социально-психологического самочувствия, тренинги, объединяющие мероприятия (ср. форум «Машук»), социально-психологический портрет академической группы и др.; проведение мониторинга общественного мнения студентов по вопросам межнационального, межконфессионального взаимодействия, отношений в учебных группах в целях выявления факторов и предупреждения возможных конфликтов; использование диалоговых форм взаимодействия в организации внеучебной деятельности со студентами и др.

Источники и литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 506-р от 17.04.2012 «Об утверждении Концепции государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/902342792 (дата обращения: 11.09.2023).

2. *Сухомлинский В.А.* Избранные произведения: в 5 т. Т. 5. Киев, 1980.

3. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 2020.

Сведения об авторах

Абайханова (Магаяева) Патия Исмаиловна – кандидат исторических наук (Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Карачаевск)

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – доктор исторических наук, доцент (Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала)

Аверьянов Антон Викторович – доктор исторических наук, доцент (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Авдеев Евгений Александрович – кандидат философских наук (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Аганов Андрей Анатольевич (Исторический парк «Россия – моя история», Ростов-на-Дону)

Агиева Лемка Тугановна – кандидат философских наук (Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, Магас)

Адиев Асланбек Залимханович – кандидат политических наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Акопян Завен Викторович (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Аманжолова Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, профессор (Институт российской истории Российской академии наук, Москва)

Амирханова Аида Киясбековна – кандидат исторических наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Афанесян Карина Кареновна (Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорск)

Ашуба Арда Енверович – кандидат филологических наук, доцент (Абхазский институт гуманитарных исследований Академии наук Абхазии, Сухум)

Багаутдинов Сапиюлла Магомедович – независимый исследователь (Махачкала)

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Батчаев Шамиль Мухтарович – кандидат исторических наук (Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)

Бегуев Сулейман Ахятьевич (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова; Академия наук Чеченской Республики, Грозный)

Бизикова Алина Станиславовна (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ)

Бобровников Владимир Олегович – кандидат исторических наук, профессор (Институт востоковедения Российской академии наук; Санкт-Петербургский государственный университет; Институт классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Санкт-Петербург)

Боголюбов Александр Александрович – доктор гуманитарных наук в области новейшей истории, независимый исследователь (Пятигорск)

Бугаев Абдулла Махмудович – кандидат исторических наук (Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный)

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Васкул Игорь Орестович – кандидат исторических наук, доцент (Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Воробьев Сергей Михайлович – кандидат политических наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Гапуров Шахрудин Айдиевич – доктор исторических наук, профессор (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Гармышев Денис Александрович – независимый исследователь (Батайск)

Гассиева Мадина Александровна – кандидат философских наук, доцент (Юго-Осетинский научно-исследовательский институт имени З.Н. Ванеева, Цхинвал)

Гелиева Мата Нурулаевна (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Горюшина Евгения Михайловна – кандидат политических наук (Центр комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Гурин Александр Георгиевич – магистр истории (Русская православная церковь (Московский патриархат), Пятигорская и Черкесская епархия, Архиерейское подворье, собор Святителя Николая Чудотворца, Черкесск)

Гуртуев Расул Салихович (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)

Гучетль Зухра Хачмафовна – кандидат социологических наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, Майкоп)

Джумагулова Айгуль Темерхановна – кандидат исторических наук (Пятигорский государственный университет; Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Пятигорск, Элиста)

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор (Русское географическое общество, Армавир)

Еремеева Анна Натановна – доктор исторических наук, профессор (Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Краснодар)

Ермоленко Людмила Павловна – кандидат исторических наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Ерохин Алексей Михайлович – доктор социологических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук (Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Загирова Эльвира Махачевна – кандидат социологических наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Иванова Светлана Юрьевна – доктор философских наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Идрисов Юсуп Магомедович – кандидат исторических наук (Исторический парк «Россия – моя история», Махачкала)

Карданова Ася Хусиновна – кандидат исторических наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович – доктор исторических наук, профессор (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор (Пятигорский государственный университет, Пятигорск)

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Колосовская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Красовицкая Тамара Юсуфовна – доктор исторических наук, профессор (Институт российской истории Российской академии наук, Москва)

Кратова Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук (ЮНЦ РАН, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)

Кулиш Наталия Юрьевна (Государственный архив Ростовской области, Ростов-на-Дону)

Курмансеитова Аминат Хасановна – кандидат исторических наук (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)

Кускарова Ольга Ивановна – кандидат социологических наук (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева, Майкоп)

Лиджиева Ирина Владимировна – доктор исторических наук (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Магарамов Шарафутдин Арифович – кандидат исторических наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Магомедова Муслимат Алхилаевна – кандидат философских наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Мадаев Магомед Хасанович (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Мамедова Ольга Валерьевна – магистр истории (Абхазский государственный университет, Сухум)

Манышев Сергей Борисович – кандидат исторических наук (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва)

Марыхуба Игорь Ражденович (Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Маслова Татьяна Федоровна – доктор социологических наук, доцент (Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь)

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Матвеева Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент (Центр истории и культуры казачества Российской государственной библиотеки, Москва)

Матиев Тимур Хусенович – кандидат исторических наук, доцент (Ингушский государственный университет, Магас)

Матишов Геннадий Григорьевич – академик РАН (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону), заместитель президента РАН (Российская академия наук, Москва)

Медвенский Николай Игоревич (Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии; Республиканская общественная организация по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Абхазпоиск», Сухум)

Моисеенко Алина Юрьевна (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Мусаева Салихат Ибрагимовна – доктор исторических наук, профессор, (Дагестанский государственный университет, Махачкала)

Озова Фатима Анатольевна – доктор исторических наук (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)

Орешин Сергей Александрович – кандидат исторических наук (Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва)

Осмаев Аббаз Догиевич – доктор исторических наук, доцент (Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный)

Петров Владимир Николаевич – доктор социологических наук, профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Покотилова Татьяна Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Рамазанов Рашид Омариевич – кандидат политических наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Рябиков Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент (Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани)

Сайгафаров Раис Галимьянович (Филиал средней образовательной школы № 1, Сим)

Салакая Сослан Шотаевич – кандидат исторических наук, доцент (Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия», Сухум)

Санин Дмитрий Николаевич (Егорлыкский историко-краеведческий музей, Егорлыкская)

Севостьянова Анастасия Игоревна (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Сефербеков Руслан Ибрагимович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск)

Соловьева Наталья Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)

Состин Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент (Филиал МИРЭА – Российского технологического университета в г. Ставрополе; Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Степаненко Никита Сергеевич – кандидат исторических наук (Краснодарское президентское кадетское училище, Краснодар)

Судавцов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Сулаберидзе Юрий Семенович – кандидат исторических наук, доцент (Тбилисский государственный университет имени И. Джавахишвили, Тбилиси)

Султанбеков Рабадан Магомедович – кандидат исторических наук, доцент (Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала)

Сулумов Зелимхан Хасамбекович – кандидат исторических наук (Чеченский государственный педагогический университет, Грозный)

Сундукова Карина Асланбековна (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)

Татаринов Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент (Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск)

Татаров Азамат Амурович – кандидат исторических наук (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)

Татаршаов Азрет Хаджибекирович – кандидат исторических наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)

Тахушева Инна Сарабиевна – магистр истории (Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик)

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Торопицын Илья Васильевич – кандидат исторических наук (Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева; Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Астрахань)

Трофимов Максим Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Туфанов Евгений Васильевич – доктор исторических наук, доцент (Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь)

Фаузер Виктор Вильгельмович – доктор экономических наук, профессор (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Фаузер Галина Николаевна (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук», Сыктывкар)

Федина Ирина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Хаджиева Мадина Хамитовна – кандидат исторических наук, доцент (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск)

Хамзатова Зарема Рахмановна (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Ханмурзаев Исмаил Ибрагимович (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Хубулова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, Пятигорск)

Чотчаев Дахир Джансохович (Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Карачаевск)

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук (Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала)

Шпагин Сергей Алексеевич – независимый исследователь (Санкт-Петебург)

Шульга Марина Михайловна – доктор социологических наук, профессор (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Эдиев Далхат Мурадинович – доктор физико-математических наук, доцент (Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск)

Эльбуздукаева Тамара Умаровна – доктор исторических наук, доцент (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Академия наук Чеченской Республики, Грозный)

Ярычев Насруди Увайсович – доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный)

Содержание

Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф. Вместо предисловия: форумы историков-кавказоведов в пространстве современной науки (краткие итоги 2013–2022 гг.) 5

Раздел 1. Актуальные проблемы кавказоведения: подходы, оценки, источники

Колесникова М.Е. Археологические исследования на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в.: из истории Императорской археологической комиссии 15

Кидирниязов Д.С. Русские и европейские авторы XV – начала XX в. об особенностях социально-экономической жизни ногайцев 23

Бобровников В.О. Кавказский адат в российской науке и политике XVIII–XXI вв.: источники, практики, подходы 29

Колосовская Т.А. Российское имперское кавказоведение в ракурсе концепции ориентализма: к постановке проблемы 37

Ткаченко Д.С. Ориенталистский дискурс российских обозревателей первой половины XIX в. (по материалам записок М.А. Коцебу) 44

Моисеенко А.Ю. Этнография Кавказа глазами российских путешественников XIX в. 51

Сулаберидзе Ю.С. Из истории становления грузинского кавказоведения. М.А. Полиевктов и Я.З. Цинцадзе: учитель и ученик 57

Красовицкая Т.Ю. Советская культурная политика на Кавказе в колониальном дискурсе евразийцев: 1920–1930-е гг. 64

Салакая С.Ш. Новая и новейшая история Абхазии в современной абхазской науке 72

Султанбеков Р.М. Некоторые аспекты российско-горского взаимодействия в трудах современных кавказоведов 75

Дударев С.Л. О новых исследованиях процесса интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства 83

Магарамов Ш.А. Периодизация российского фронтира на Северном Кавказе 89

Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. Хамзаев или Хасаев? К истории основания г. Хасавюрта 97

Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С., Тахушева И.С., Сундукова К.А. Изыскания и производство «белого угля» на Северном Кавказе в истории науки 101

Шпагин С.А. Центры кавказоведения в современной Турции 108

Раздел 2. Этнополитические процессы и национально-государственные преобразования на Кавказе

Гапуров Ш.А., Бугаев А.М. Кавказ: сила языка дипломатии и мира (из опыта российско-горских взаимоотношений в XVI–XIX вв.) 115

Курмансеитова А.Х. А.П. Ермолов и реформа государственно-административного управления ногайцами Северного Кавказа в 1820-х гг. (по материалам «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией») 122

Петров В.Н. Конструирование и деконструкция форм этнотерриториального пространства на Северном Кавказе....128

Состин Д.И. Государственное и общественное управление на Кавказе в феврале – октябре 1917 г.: организация, особенности, последствия 131

Бегуев С.А., Гелиева М.Н. Некоторые аспекты национально-государственного строительства в Чечне и на Северном Кавказе в 1917–1918 гг. 137

Туфанов Е.В. Национальный вопрос в 1920-е гг. (на материалах партийных съездов, конференций, пленумов) 142

Аманжолова Д.А. РСФСР в 1920-е гг.: проблемы управления разнообразием....149

Гассиева М.А. Национальный вопрос и интеграция Закавказья в советский период: основные аспекты и противоречия....156

Аверьянов А.В. К вопросу об административно-территориальном устройстве Юго-Востока России в 1920-е гг.: планы, перспективы и реализация....161

Эльбуздукаева Т.У., Мадаев М.Х. Политика коренизации партийно-государственного аппарата Чеченской автономной области в 1920–1930-е гг....169

Баранов А.В. Сопротивление украинизации в Северо-Кавказском крае (1924–1932 гг.) 174

Акопян З.В., Акопян В.З. К вопросу о генеральном проекте развития Пятигорска как центра Северного Кавказа.....181

Марыхуба И.Р. «Абхазские письма» как документальные свидетельства национальной борьбы абхазского народа за свои права.....188

Татаршаов А.Х. Установление межпарламентских связей республиками Северного Кавказа: неудавшийся эксперимент.....194

Адиев А.З. Будут ли коренные малочисленные народы Дагестана включены в федеральный список? 201

Иванова С.Ю. Позитивные социокультурные практики организации межэтнического взаимодействия в Северо-Кавказском федеральном округе.....206

Раздел 3. Социально-экономические и демографические процессы на Кавказе в XIX–XX вв.

Торопицын И.В. Солтанаульцы на Северном Кавказе в начале 1740-х гг. 213

Ханмурзаев И.И. Сала-уздени: к вопросу о генеалогическом древе 220

Озова Ф.А. Институт бейголей в Черкесии: социальная природа, структура, функции.....224

Амирханова А.К. Роль русских переселенцев в развитии промышленности и торговли Дагестана в XIX – начале XX в. 231

Боголюбов А.А. Вклад этнических поляков в политическое и социально-экономическое развитие Кавказа в XVIII–XIX вв. 238

Сайгафаров Р.Г. Экономические меры Военного министерства в отношении горцев Северного Кавказа на примере записки М.Б. Барклая-де-Толли.....242

Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Васкул И.О., Фаузер Г.Н. Роль народов Кавказа в колонизации и освоении Республики Коми.....246

Матвеев В.А. «Карспереселенцы»: обстоятельства исхода с Кавказа в начале 1920-х гг. 254

Карданова А.Х. Экономические преобразования в Баталпашинском отделе в начале 1920-х гг.....262

Афанесян К.К. Создание Комитета помощи больным и раненым красноармейцам, инвалидам Гражданской войны и семьям красноармейцев Ставропольской губернии и его деятельность в 1922 г. 268

Сулумов З.Х. Деятельность государства по модернизации грозненской нефтяной промышленности в период первого пятилетнего плана (1928–1932 гг.).....276

Джумагулова А.Т. Влияние обводнительно-оросительных мероприятий на административное и социально-экономическое положение ногайцев в 1930–1940-х гг. 280

Кулиш Н.Ю. Женщины-выдвиженки Адыгеи в 1933–1934 гг.: несколько штрихов к портрету (на примере Понежукаевского района).....287

Загирова Э.М. Чайлдфри как тип демографического поведения (на примере Дагестана) 290

Гриценко Г.Д. Социально-экономическая ситуация на Северном Кавказе в контексте «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года» 295

Раздел 4. Социокультурные и религиозные процессы на Кавказе

Покотилова Т.Е. Благотворительность как объединяющий фактор в социокультурном пространстве Терской области 305

Гармышев Д.А. Образование в имамате Шамиля: эффективность и перспективы.....310

Севостьянова А.И. Генерал-лейтенант И.Д. Попко и его вклад в создание Ставропольского казачьего юнкерского училища 315

Батчаев Ш.М. Организация мусульманского культа в Карачае в пореформенный период (1868–1917 гг.) 318

Чотчаев Д.Д. Представители Карачая – руководители светских школ во второй половине XIX – начале XX в. 323

Ермоленко Л.П., Ашуба А.Е. Формирование и функционирование системы государственных органов Абхазии по охране культурного наследия в 1917–1991 гг. 332

Гурин А.Г. Антирелигиозная политика Советского государства на примере борьбы с монастырями и монашеством на территории современной Абхазии в 1920–1930-е гг. 338

Аганов А.А. Деятельность Таганрогского института научной организации производства на территории Северного Кавказа (по материалам Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области) ...345

Хаджиева М.Х. Одежда карачаевских детей в период депортации в Среднюю Азию и Казахстан (на материале полевых исследований автора) 350

Ярычев Н.У., *Хамзатова З.Р.* «Суровый стиль» в творчестве чеченских художников 1960–1970-х гг. 357

Агиева Л.Т. Гостевой социальный институт как один из самых архаичных по своему происхождению.....365

Мамедова О.В. Свадебные обряды и обычаи абхазов: традиции и современность 370

Соловьева Н.Г. Традиционные танцы и музыкальные инструменты казаков Карачаево-Черкесии.....377

Сефербеков Р.И. Традиционное и новое в современных семейно-бытовых обрядах дагестанских русских.....383

Трофимов М.С. Особенности реализации права на образование в Южной Осетии в 1990–2000-е гг. 388

Кратова Н.В. Религиозные организации Карачаево-Черкесии и специальная военная операция на Украине 394

Шахбанова М.М. Конфессиональная идентификация молодого поколения дагестанцев: специфика проявления в полирелигиозном пространстве 401

Раздел 5. Вооруженные конфликты и их последствия. Кавказ в системе геополитических интересов мировых и региональных держав

Абдусаламов М.-П.Б., Багаутдинов С.М. К вопросу о провале захватнической политики Надир-шаха в Дагестане после Андалальской катастрофы 1741 г. 407

Скорик А.П., Федина И.М. Царицынский тракт и правый фланг Кавказской укрепленной линии: к истории возникновения дорожной коммуникации 413

Клычников Ю.Ю., Рябиков А.Н. «В наущении его крестьян к отысканию свободы…»: участие священнослужителей в протестном движении на Северном Кавказе в первой половине XIX в. на примере с. Маслов-Кут.....420

Степаненко Н.С. Дело Власа Степанова: эпизод борьбы российских властей с работорговлей на Черноморской береговой линии 427

Крючков И.В. Армянский вопрос на рубеже XIX–XX вв. и Россия: внешнеполитические и внутриполитические аспекты.....434

Хубулова С.А., Бизикова А.С. Опыт использования военно-прикладной подготовки молодежи Северной Осетии накануне и в годы Великой Отечественной войны 441

Абайханова (Магаяева) П.И. Битва за Кавказ 80 лет спустя: историографический аспект 447

Судавцов Н.Д. Подвиг народов СССР в Битве за Кавказ 450

Медвенский Н.И. Отдельные горнострелковые отряды в боях за перевалы Главного Кавказского хребта 456

Татаров А.А. Оккупационная тактика нацистской Германии на Северном Кавказе в 1942–1943 гг.: особенности, реализация, крах.....463

Матиев Т.Х. Срыв планов нацистской пропаганды в отношении горских народов на оборонительном этапе Битвы за Кавказ: современный взгляд 470

Санин Д.Н. Подвиги бойцов 248-й стрелковой дивизии в боях за с. Дивное в январе 1943 г. 476

Манышев С.Б. Генезис карабахского конфликта: отражение позиций сторон в советской периодической печати.....481

Орешин С.А. Власть и оппозиция в Чеченской Республике Ичкерии. 1997–1999 гг. 486

Мусаева С.И. Единство народов Дагестана в период вторжения бандформирований (август – сентябрь 1999 г.) 492

Магомедова М.А. Религиозный экстремизм и терроризм как серьезная угроза стабильному развитию северокавказского общества.....500

Раздел 6. Прошлое и настоящее Кавказа в различных формах исторической памяти и общественном сознании

Эдиев Д.М. Карачаевские Черкасы и Карбатай на картах XVI–XVII вв. 505

Лиджиева И.В. Степное Предкавказье в контексте реализации исторической политики Российского государства в начале XX в. 513

Татаринов И.Е. Битва за Кавказ в филателистической продукции: особенности коммеморативных практик 518

Еремеева А.Н. Архитектурное наследие советской эпохи на Дону и Северо-Западном Кавказе: векторы актуализации 524

Матвеева Н.С. «Терский казак»: прошлое и настоящее 531

Булыгина Т.А. Механизм формирования исторической памяти: на материалах Чечни 1990-х гг. 537

Осмаев А.Д., Горюшина Е.М. Коммеморативные практики в современной Чеченской Республике 543

Шульга М.М. Исторические травмы и консолидирующие тренды в научном дискурсе современного Дагестана 551

Воробьев С.М., Авдеев Е.А. Конфликтогенный потенциал межэтнических отношений на Северном Кавказе: представления студенческой молодежи 558

Гучетль З.Х., Кускарова О.И. Оценка населением Республики Адыгеи состояния защищенности от террористических угроз (на материале социологического исследования) 566

Рамазанов Р.О. Политическая толерантность дагестанского населения (по результатам социологического опроса).....570

Авдеев Е.А., Ерохин А.М. Риски конфликтности ценностных оснований общероссийской идентичности в молодежной среде Северного Кавказа 575

Маслова Т.Ф. Межкультурное взаимодействие будущих педагогов: на пути к диалогу в Северокавказском регионе (модель социологического сопровождения) 582

Сведения об авторах.....587

Table of Contents

Matishov, G.G. and E.F. Krinko. Instead of a preface: forums of historians – specialists in the Caucasian studies in the space of modern science (brief results of 2013–2022) 5

Chapter 1. Relevant issues of the Caucasian studies: approaches, assessments, and sources

Kolesnikova, M.E. Archaeological research in the Northern Caucasus in the second half of the 19th – early 20th centuries: from the history of the Imperial Archaeological Commission (the Russian Empire) 15

Kidirniyazov, D.S. Russian and European authors of the 15th – early 20th centuries about the specific features of the socio-economic life of the Nogais 23

Bobrovnikov, V.O. Caucasian adat in the Russian science and politics of the 18th–21st centuries: sources, practices, and approaches 29

Kolosovskaya, T.A. Russian imperial Caucasian studies from the perspective of the concept of Orientalism: stating the problem 37

Tkachenko, D.S. Orientalist discourse of the Russian observers of the first half of the 19th century (based on the notes of M.A. Kotzebue) 44

Moiseenko, A.Yu. Ethnography of the Caucasus through the eyes of the Russian travellers of the 19th century 51

Sulaberidze, Yu.S. From the history of the Georgian Caucasian studies formation. Polievktov, M.A. and Ya.Z. Tsintsadze: a teacher and a student 57

Krasovitskaya, T.Yu. Soviet cultural policy in the Caucasus in the colonial discourse of the Eurasians: the 1920–1930s 64

Salakaya, S.Sh. Modern and recent history of Abkhazia in contemporary Abkhaz science 72

Sultanbekov, R.M. Some aspects of the Russian-Caucasian interaction in the works of modern researchers within the Caucasian studies 75

Dudarev, S.L. On new research of the process of integration of the Northern Caucasus into the Russian state....83

Magaramov, Sh.A. Periodization of the Russian frontier in the Northern Caucasus....89

Idrisov, Yu.M. and I.I. Khanmurzaev. Khamzaev or Khasaev? To the history of the founding of Khasavyurt....97

Kuzminov, P.A., Gurtuev, R.S., Takhusheva, I.S. and K.A. Sundukova. Surveys and production of 'white coal' in the Northern Caucasus in the history of science....101

Shpagin, S.A. Centres for the Caucasian studies in modern Turkey....108

Chapter 2. Ethno-political processes and ethno-state transformations in the Caucasus

Gapurov, Sh.A. and A.M. Bugaev. Caucasus: the power of the language of diplomacy and peace (from the experience and practices of the Russian-Caucasian relations in the 16th–19th centuries)....115

Kurmanseitova, A.Kh. A.P. Yermolov and the reform of state administrative management of the Nogais of the Northern Caucasus in the 1820s (based on the materials of The Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission)....122

Petrov, V.N. Construction and deconstruction of forms of the ethno-territorial space in the Northern Caucasus....128

Sostin, D.I. State and public administration in the Caucasus in February – October 1917: organization, specific features, and consequences....131

Beguev, S.A. and M.N. Gelieva. Some aspects of the ethno-state building in Chechnya and the Northern Caucasus in 1917–1918....137

Tufanov, E.V. Ethnic issue in the 1920s (based on the materials of the party congresses, conferences, and plenums)....142

Amanzholova, D.A. RSFSR in the 1920s: problems of diversity management...149

Gassieva, M.A. Ethnic issue and integration of Transcaucasia during the Soviet period: main aspects and contradictions....156

Averyanov, A.V. On the issue of the administrative and territorial structure of the Russian South-East in the 1920s: plans, prospects, and implementation....161

Elbuzdukaeva T.U. and M.Kh. Madaev. Indigenization policy of the party-state apparatus of the Chechen Autonomous Region in the 1920–1930s....169

Baranov, A.V. Resistance to Ukrainization in the North Caucasus Krai (1924–1932) 174

Akopyan, Z.V. and V.Z. Akopyan. On the issue of designing the general city development plan for Pyatigorsk as the centre of the Northern Caucasus Region 181

Marykhuba, I.R. 'Abkhaz Letters' as documentary evidence of the national struggle of the Abkhaz people for their rights 188

Tatarshaov, A.Kh. Establishment of inter-parliamentary relations by the republics of the Northern Caucasus: a failed experiment 194

Adiev, A.Z. Will the indigenous peoples of Dagestan be included in the federal list? 201

Ivanova, S.Yu. Positive socio-cultural practices of organizing the ethnic interaction in the North Caucasus Federal District 206

Chapter 3. Socio-economic and demographic processes in the Caucasus in the 19th–20th centuries

Toropitsyn, I.V. Soltanaul people in the Northern Caucasus in the early 1740s 213

Khanmurzaev, I.I. Sala-Uzdeni: on the issue of the family tree 220

Ozova, F.A. Institution of the beigols in Circassia: social origin, structure, and functions 224

Amirkhanova, A.K. Role of the Russian settlers in the development of industry and trade in Dagestan in the 19th – early 20th centuries 231

Bogolyubov, A.A. Contribution of the ethnic Poles to the political and socio-economic development of the Caucasus in the 18th–19th centuries 238

Saigafarov, R.G. Economic measures of the Ministry of War of the Russian Empire in relation to the highlanders of the Northern Caucasus following the example of a note by M. Barclay de Tolly 242

Fauzer, V.V., Zherebtsov, I.L., Vaskul, I.O. and G.N. Fauzer. Role of the peoples of the Caucasus in the colonization and development of the Komi Republic 246

Matveev, V.A. Migrants from Kars: the circumstances of the exodus from the Caucasus in the early 1920s 254

Kardanova, A.Kh. Economic transformations in the Batalpashinsky Otdel (District) in the early 1920s 262

Afanesyan, K.K. Establishment of the Committee for Assistance to Sick and Wounded Red Army Soldiers, Disabled Civil War Soldiers, and Families of Red Army Soldiers in the Stavropol Governorate (Province) and its activities in 1922 268

Sulumov, Z.Kh. State activities to modernize the Grozny oil industry during the first five-year plan (1928–1932)....276

Dzhumagulova, A.T. Influence of watering and irrigation measures on the administrative and socio-economic conditions of the Nogais in the 1930–1940s....280

Kulish, N.Yu. Promoted women of Adygea in 1933–1934: a few touches to the portrait (the case of Ponezhukaevsky District)....287

Zagirova, E.M. Childfree as a type of demographic behaviour (the case of Dagestan)....290

Gritsenko, G.D. Socio-economic situation in the Northern Caucasus in the context of the "Strategy for the Socio-economic Development of the North Caucasus Federal District for the Period until 2030"....295

Chapter 4. Socio-cultural and religious processes in the Caucasus

Pokotilova, T.E. Charity as a unifying factor in the socio-cultural space of the Terek Oblast (Region)....305

Garmyshev, D.A. Education in the Shamil Imamate: effectiveness and prospects....310

Sevostyanova, A.I. Lieutenant General I.D. Popko and his contribution to the establishment of Stavropol Cossack Cadet School....315

Batchaev, Sh.M. Organization of the Muslim worship in Karachay in the post-reform period (1868–1917)....318

Chotchaev, D.D. Representatives of Karachay as the leaders of secular schools in the second half of the 19th – early 20th centuries....323

Ermolenko L.P. and A.E. Ashuba. Formation and functioning of the system of state bodies of Abkhazia for the protection of cultural heritage in 1917–1991....332

Gurin, A.G. Anti-religious policy of the Soviet state: the case of the struggle against monasteries and monasticism on the territory of modern Abkhazia in the 1920–1930s....338

Aganov, A.A. Activities of Taganrog Institute for Scientific Organization of Production in the Northern Caucasus (based on the materials kept at Taganrog Branch of the State Archive of Rostov Region)....345

Khadzhieva, M.Kh. Clothing of the Karachay children during the period of deportation to Central Asia and Kazakhstan (based on the author's field research data and materials).....350

Yarychev, N.U. and Z.R. Khamzatova. Soviet Severe Style in the works of Chechen artists of the 1960–1970s.....357

Agieva, L.T. Guest social institution as one of the most archaic in origin 365

Mamedova, O.V. Wedding rites and customs of the Abkhazians: traditions and modernity.....370

Solovyova, N.G. Traditional dances and musical instruments of the Cossacks of Karachay-Cherkessia 377

Seferbekov, R.I. Traditional and new in the modern family rites and rituals of the Dagestan Russians 383

Trofimov, M.S. Specific features of the implementation of the right to education in South Ossetia in the 1990–2000s 388

Kratova, N.V. Religious organizations of Karachay-Cherkessia and a special military operation in Ukraine.....394

Shakhbanova, M.M. Confessional identification of the younger generation of the Dagestanis: specific manifestations in a multi-religious space.....401

Chapter 5. Armed conflicts and their consequences. The Caucasus in the system of geopolitical interests of the global and regional powers

Abdusalamov, M.P.-B. and S.M. Bagautdinov. On the issue of the failure of Nadir Shah's aggressive policy in Dagestan after the Andalal disaster of 1741 407

Skorik, A.P. and I.M. Fedina. Tsaritsyn Tract and the right flank of the Caucasian Fortified Line: to the history of the laying of road communications.....413

Klychnikov, Yu.Yu. and A.N. Ryabikov. "In inciting his peasants to find freedom...": the participation of clergy in the protest movement in the Northern Caucasus in the first half of the 19th century (the case of the village of Maslov-Kut).....420

Stepanenko, N.S. Case of Vlas Stepanov: an episode of the struggle of the Russian authorities against the slave trade on the Black Sea coastline.....427

Kryuchkov, I.V. Armenian issue at the turn of the 20th century and Russia: foreign and domestic policy aspects.....434

Khubulova, S.A. and A.S. Bizikova. Experience and practices of military-applied training implementation for the youth of North Ossetia on the eve and during the Great Patriotic War 441

Abaykhanova (Magayaeva), P.I. Battle for the Caucasus 80 years later: a historiographical aspect 447

Sudavtsov, N.D. Feat of the peoples of the USSR in the Battle for the Caucasus.....450

Medvensky, N.I. Separate mountain rifle detachments in battles for the mountain passes of the Main Caucasus Range 456

Tatarov, A.A. Occupation tactics of Nazi Germany in the Northern Caucasus in 1942–1943: specifics, implementation, and collapse 463

Matiev, T.Kh. Failure of the Nazi propaganda plans regarding the mountain peoples at the defensive stage of the Battle for the Caucasus: a modern view.....470

Sanin, D.N. Feats of the soldiers of the 248th Infantry Division in the battles for the village of Divnoe in January 1943.....476

Manyshev, S.B. Genesis of the Karabakh conflict: reflection of the positions of the parties in the Soviet periodicals.....481

Oreshin, S.A. Power and opposition in the Chechen Republic of Ichkeria. 1997–1999.....486

Musaeva, S.I. Unity of the peoples of Dagestan during the period of invasion by military gangs (August – September 1999).....492

Magomedova, M.A. Religious extremism and terrorism as a serious threat to the stable development of the Northern Caucasian society 500

Chapter 6. Past and present of the Caucasus in various forms of historical memory and public consciousness

Ediev, D.M. Karachay Cherkassy and Karbatai on the maps of the 16th–17th centuries.....505

Lidzhieva, I.V. Steppe Ciscaucasia in the context of the implementation of the Russian state historical policy in the early 20th century.....513

Tatarinov, I.E. Battle for the Caucasus in philatelic products: specific features of commemorative practices.....518

Eremeeva, A.N. Architectural heritage of the Soviet era in the Don and North-West Caucasus regions: vectors of actualization.....524

Matveeva, N.S. Terek Cossack: past and present 531

Bulygina, T.A. Mechanism of historical memory formation:
based on the materials from Chechnya of the 1990s 537

Osmaev, A.D. and E.M. Goryushina. Commemorative practices
in the modern Chechen Republic.....543

Shulga, M.M. Historical traumas and consolidating trends
in the scientific discourse of modern Dagestan.....551

Vorobyov, S.M. and E.A. Avdeev. Conflict-generating potential
of interethnic relations in the Northern Caucasus: ideas of student youth.....558

Guchetl, Z.Kh. and O.I. Kuskarova. State of protection from terrorist threats
as assessed by the population of the Republic of Adygea
(based on a sociological study) 566

Ramazanov, R.O. Political tolerance of the Dagestan population
(based on the results of a sociological survey).....570

Avdeev, E.A. and A.M. Erokhin. Risks of conflict between
the value foundations of the all-Russian identity among
the youth of the Northern Caucasus 575

Maslova, T.F. Cultural interaction of future teachers:
on the path to a dialogue in the Northern Caucasus Region
(a model of sociological support) 582

Information about the authors 587

Научное издание

НАРОДЫ КАВКАЗА в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура

Материалы
X Международного форума историков-кавказоведов
(г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.)

Корректура *Н.А. Власкина*, *Т.Е. Гревцова*
Оригинал-макет *Н.А. Власкина*
Перевод *Р.Г. Михалюк*
Обложка *Л.В. Безбородова*

Подписано в печать 29.09.2023
Формат 70 × 100/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 44,85. Тираж 150 экз.
Заказ № 708

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано в типографии
ООО «Альтаир»
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55
Тел. (863) 219-84-25
E-mail: oooaltair_office@mail.ru